

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 3

**Ростов-на-Дону
2024**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-71827
от 08 декабря 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т. В. , Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т. П. , доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); *Атанесян А. В.*, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); *Султонов З. С.*, канд. экон. наук, доц., Таджикский государственный университет коммерции (Таджикистан), *Кадол Н. Ф.*, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); *Ушаков Д. С.*, докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; *Дзахова Л. Х.*, докт. полит. наук, проф.; *Дробышевская Л. Н.*, докт. экон. наук, проф.; *Змияк С. С.*, докт. экон. наук, доц.; *Золочевская Е. Ю.*, докт. экон. наук, проф.; *Кислицын С. А.*, докт. ист. наук, проф.; *Козлюк Н. В.*; докт. экон. наук, доц.; *Колядин А. П.*, докт. экон. наук, проф.; *Крюкова Е. М.*, докт. экон. наук, проф.; *Миляева Л. Г.*, докт. экон. наук, проф.; *Овчаренко Р. К.*, докт. социол. наук, доц.; *Понеделков А. В.*, Заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; *Попова Е. А.*, докт. полит. наук, доц.; *Скворцов Н. Г.*, докт. социол. наук, проф.; *Сологуб В. А.*, докт. социол. наук, проф.; *Чернова О. А.*, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-279-41-62,

e-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 3

**Rostov-on-Don
2024**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief **Tatyana V. Ignatova,**
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief **Tatyana P. Cherkasova,**
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; **Arthur V. Atanesyan**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; **Natalia F. Kadol**, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); **Zoirsho S. Sultonov**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Tajik State University of Commerce (Tajikistan); **Denis S. Ushakov**, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); **Valeria A. Arsenieva**, Doctor of Economic Science, Docent; **Larisa Kh. Dzakhova**, Doctor of Political Science, Professor; **Larisa N. Drobyshevskaya**, Doctor of Economic Science, Professor; **Sergey S. Zmiyak**, Doctor of Economic Science, Docent; **Elena Yu. Zolochevskaja**, Doctor of Economic Science, Professor; **Sergey A. Kislitsyn**, Doctor of Historic Science, Professor; **Natalya V. Kozlyuk**, Doctor of Economic Science, Docent; **Alexander P. Kolyadin A**, Doctor of Economic Science, Professor; **Elena M. Kryukova**, Doctor of Economic Science, Professor; **Larisa G. Milyaeva**, Doctor of Economic Science, Professor; **Roman K. Ovcharenko**, Doctor of Sociology, Docent; **Alexander V. Ponedelkov**, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; **Ekaterina A. Popova**, Doctor of Political Science, Docent; **Nikolay G. Skvortsov**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Vladimir A. Sologub**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Olga A. Chernova**, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.

Tel: 8-863-279-41-62.

E-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	9
<i>Ю. В. Гаврилова.</i> Адаптивное стимулирование как элемент эффективной системы управления человеческими ресурсами вуза	9
<i>Т. В. Игнатова, Д. Е. Иванова, В. Е. Иванов, А. А. Сибилева.</i> Инновационные технологии в государственном управлении: цифровизация процессов и их эффективность	18
<i>А. В. Кокин, Л. Н. Тимейчук.</i> К стратегии управления экологической безопасностью РФ и её регионов в современных условиях.....	25
<i>А. А. Лысоченко.</i> Экологизация жизнедеятельности как системный элемент экологического управления.....	32
<i>И. А. Маньковский.</i> Государственное управление национальной экономикой в условиях геополитической нестабильности.....	38
<i>Р. К. Овчаренко, П. А. Степанищева.</i> Территориальное общественное самоуправление: новый взгляд на возможности и перспективы влияния на создание городской среды.....	46
<i>Н. В. Токмачева, Ю. И. Бородина, Е. А. Пушкарь.</i> Концепция электронного правительства: подходы, критерии оценки, перспективы.....	52
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	61
<i>К. П. Еременко.</i> Использование сценарных условий международного взаимодействия национальных хозяйств в антикризисном управлении.....	61
<i>Инань Дун.</i> Эколого-экономическая оценка качества окружающей среды как природного базиса устойчивого развития территорий: концептуально-категориальный анализ	70
<i>Лю Лэй, Е. И. Лазарева.</i> Финансовые инструменты стимулирования «зеленой» трансформации региональной экономики	78
<i>М. В. Ненько, А. Ю. Анисимов.</i> Стратегирование развития малого бизнеса в Российской Федерации.....	86
<i>О. В. Пивоварова.</i> Оценка эффективности организации общественной собственности: проблемы реализации и направления совершенствования	94
<i>Е. В. Попов, И. П. Челак, М. М. Скворцов.</i> Картографирование сегментов экономической экосистемы территории.....	101
<i>М. В. Чараева, Л. С. Эксузьян.</i> Формирование национального бренда России в контексте соответствия его структурных элементов социально-экономической стратегии развития страны.....	111
<i>Т. П. Черкасова, Г. Н. Героев.</i> Угрозы продовольственной безопасности России и инструментарий импортозамещения.....	117
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	125
<i>И. В. Белова.</i> Политический процесс и формирование государственности в Донецкой Народной Республике.....	125
<i>А. В. Бритвин.</i> Религиозный фактор в деструктивных социальных процессах (на примере исламизма).....	133
<i>И. Ф. Денисенко.</i> Политические партии в процессе осуществления политической модернизации России.....	142
<i>А. А. Ковалев.</i> Методы противодействия информационно-психологическим диверсиям и «вестернизации» культуры как один из аспектов обеспечения ментальной безопасности...	148

О. В. Котлярова. Политическое восприятие в историко-философской концепции.....	158
Н. С. Котова, С. С. Дусян, Г. С. Котов, Н. В. Зайцева. Русский язык и государственная языковая политика в становлении современной российской цивилизации	165
К. А. Лустин. Обеспечение антитеррористической защищенности как мера противодействия терроризму	172
А. В. Поляков, Г. Г. Уварова. Цифровой политический маркетинг: использование социальных сетей и Big Data для управления политическими предпочтениями	177
А. М. Старостин, Е. Н. Тованчова. Транспарентность и политические риски: вызовы и перспективы для российской государственной системы.....	184
К. В. Степанов. Концепты «политическая элита» и «политическое лидерство» в контексте проблемы девиации элитного уровня власти.....	190
Е. В. Филоненко. Информационная составляющая повышения электоральной активности российской молодежи.....	197
А. В. Шкураков, Е. А. Попова. Особенности применения методов оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения	208
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	218
Я. В. Артамонова, С. А. Дюжиков, А. Э. Пилипенко. Образовательный процесс в оценках студентов с разным уровнем успеваемости (на основании материала эмпирического исследования)	218
А. В. Баранов. Социальные сети как инструмент формирования доверия к власти в клиентоцентричной модели государства.....	226
В. Н. Гурба, В. Г. Громакова. Институциональные трансформации гражданского общества в России в период специальной военной операции.....	236
А. М. Гуревич. Корпоративная социальная ответственность предприятий нефтеперерабатывающего комплекса	246
З. А. Жаде. Макрорегиональная идентичность в системе нематериальных ресурсов развития территорий.....	252
А. А. Кашина. Волонтерство как механизм формирования патриотического сознания: социально-политический анализ.....	259
Р. К. Овчаренко, Е. В. Халамбалян. К вопросу о возможностях социологической диагностики кризисных явлений в экономических системах.....	265
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	274
А. Б. Баранова. Технологии медиакоммуникаций в политической сфере в контексте современной геополитической ситуации.....	274
А. О. Зубреев. Модели сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником о реализации проекта.....	282
М. С. Кодзоев. Инфраструктура поддержки субъектов предпринимательства в условиях политики локализации производств	290
А. М. Логинов. Политический проективизм в партийном строительстве.....	298
Лю Пэн. Институциональная трансформация политики занятости Китая в условиях рыночных преобразований: ретроспективный анализ	304
М. В. Фандюшин. Разработка комплексного показателя оценки состояния городского электротранспорта для органов исполнительной власти Российской Федерации	310
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	317

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	9
<i>Julia V. Gavrilova.</i> Adaptive stimulation as an element of higher education institution effective human resource management system.....	9
<i>Tatyana V. Ignatov, Daria E. Ivanova, Vyacheslav E. Ivanov, Arina A. Sibileva</i> Innovative technologies in public administration: digitalization of processes and their effectiveness.....	18
<i>Alexander V. Kokin, Lyudmila N. Timeichuk.</i> To the strategy of managing environmental safety of the Russian Federation and its regions in modern conditions	25
<i>Alla A. Lysochenko.</i> Ecologization of vital activity as a leading function of systemic environmental management.....	32
<i>Igor A. Mankovsky.</i> State management of the national economy in conditions of geopolitical instability.....	38
<i>Roman K. Ovcharenko, Polina A. Stepanishcheva.</i> Territorial public self-government: a new look at the possibilities and prospects of influencing the creation of an urban environment ..	46
<i>Nadezhda V. Tokmacheva, Yulia I. Borodina, Evgeny A. Pushkar.</i> The concept of e-government: approaches, evaluation criteria, prospects.....	52
PROBLEMS OF ECONOMICS	61
<i>Konstantin P. Eremenko.</i> Use of scenario conditions of international interaction of national economy in anti-crisis management.....	61
<i>Yinan Dong.</i> Ecological-economic assessment of environmental quality as a natural basis for territorial sustainable development: conceptual-categorical analysis.....	70
<i>Liu Lei, Elena I. Lazareva.</i> Financial incentive instruments of regional economy' «green» transformation.....	78
<i>Matvey V. Nenko, Alexander Yu. Anisimov.</i> The essence of small business development strategy....	86
<i>Olga V. Pivovarova.</i> Assessment of the effectiveness of public property organization: problems of implementation and directions for improvement.....	94
<i>Evgeny V. Popov, Igor P. Chelak, Maksim M. Skvortsov.</i> Mapping of segments of the economic ecosystem of the territory	102
<i>Marina V. Charaeva, Laura S. Eksuzian.</i> Formation of the national brand of Russia in the context of compliance of its structural elements with the socio-economic development strategy of the country.....	112
<i>Tatiana P. Cherkasova, Grigory N. Geroev.</i> Threats to food security in Russia and import substitution tools	117
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	125
<i>Irina V. Belova.</i> Political process and statehood formation in the Donetsk People's Republic.....	125
<i>Aleksey V. Britvin.</i> The religious factor in destructive social processes (on the example of Islamism).....	133
<i>Ivan F. Denisenko.</i> Political parties in the process of implementing political modernization in Russia.....	142
<i>Andrey A. Kovalev.</i> Methods of countering information and psychological diversions and the «westernization» of culture as one of the aspects of ensuring mental security.....	148
<i>Olga V. Kotlyarova.</i> Political perception in the historical and philosophical concept.....	158
<i>Nina S. Kotova, Sofya S. Dukyan, Grigory S. Kotov, Natalia V. Zaytseva.</i> The Russian language and state language policy in the formation of modern Russian civilization	165
<i>Kirill A. Lustin.</i> Ensuring anti-terrorism security as a measure to counter terrorism	172
<i>Alexey V. Polyakov, Galina G. Uvarova.</i> Digital political marketing: using social media and Big Data to manage political preferences.....	177

Alexander M. Starostin, Elena N. Tovanchova. Transparency and political risks: challenges and prospects for the Russian state system.....	184
Konstantin V. Stepanov. The concepts of "political elite" and "political leadership" in the context of the problem of deviation of the elite level of power.....	190
Elena V. Filonenko Involving the younger generation in elections: how does informing shape electoral activity.....	197
Alexander V. Shkurakov, Ekaterina A. Popova. Features of the application of methods for assessing the influence of political culture on electoral preferences.....	208
SOCIOLOGY PROBLEMS	218
Yana V. Artamonova, Sergey A. Dyuzhikov, Anastasia E. Pilipenko. The educational process in the assessments of students with different levels of academic performance (based on the materials of an empirical study).....	219
Alexey V. Baranov. Social networks as a tool for building trust in government in a client-centered model of the state.....	226
Vladimir N. Gurba, Victoria G. Gromakova. Institutional transformations of civil society in Russia during the special military operation	236
Andrey M. Gurevich. Corporate social responsibility of the enterprises of the oil refining complex.....	246
Zuriet A. Zhade. Macroregional identity in the system of intangible resources for territorial development.....	252
Anastasia A. Kashina. Volunteering as a mechanism for the formation of patriotic consciousness: socio-political analysis	259
Roman K. Ovcharenko, Ervand V. Khalambashyan. On the question of the possibilities of sociological diagnosis of crisis phenomena in economic systems.....	265
YOUNG SCIENTISTS	274
Alexandra B. Baranova. Media communication technologies in the political sphere in the context of the current geopolitical situation.....	274
Andrey O. Zubreev. Models of network adaptive interaction of organizations in conditions of decision making by the dominant owner about implementation of the project	282
Mikhail S. Kodzoev. Infrastructure for supporting business entities in the context of the policy of localization of production	290
Alexey M. Loginov. Political projectivism in party building.....	299
Liu Peng. Institutional changes in China's employment: retrospective analysis.....	304
Maksim V. Fandyushin. Development of a comprehensive indicator for assessing the state of urban electric transport for the executive authorities of the Russian Federation	310
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	317

Адаптивное стимулирование как элемент эффективной системы управления человеческими ресурсами вуза

Юлия Викторовна Гаврилова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
yugavrilova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-576X>

Аннотация. В статье исследована возрастающе актуальная в современных условиях проблема адаптивного стимулирования как значимого элемента эффективной системы управления человеческими ресурсами вуза. *Цель* исследования – методологический анализ ключевых аспектов использования в HRM стимулов командной адаптации и обоснование комплекса мероприятий, направленных на достижение стратегических целей в сфере управления человеческими ресурсами образовательной организации. *Методология* исследования базируется на концептуальных положениях теории менеджмента и HRM, выявляющих альтернативные подходы к разрешению отдельных проблемных составляющих управления человеческими ресурсами в образовательных организациях. Продемонстрировано, что в условиях конкуренции талантов фокусом системы адаптационных стимулов к меняющимся параметрическим характеристикам конкурентной социально-экономической динамики, применяемых в HRM вуза, выступает командная адаптация, обеспечивающая повышение эффективности менеджмента в достижении стратегических целей. *Значимость результатов* исследования заключается в предложении и обосновании адаптивных мероприятий, стимулирующих командную работу сотрудников образовательной организации путем развития лидерства и управленческих навыков, наращивания системы обратных связей и коммуникаций, создания благоприятной образовательной среды и т.п. Реализация предложенных мероприятий будет способствовать повышению качества HRM, наращиванию компетенций и мотивации к совместной деятельности.

Ключевые слова: адаптивное стимулирование, управление человеческими ресурсами, конкуренция талантов, командная адаптация, командное познание

Благодарности: исследование выполнено в Южном федеральном университете в рамках проекта РНФ № 24-28-01624.

Для цитирования: Гаврилова Ю. В. Адаптивное стимулирование как элемент эффективной системы управления человеческими ресурсами вуза // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 9–17. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-9-17>. EDN AVVNUM

Problems of Management

Original article

Adaptive stimulation as an element of higher education institution effective human resource management system

Julia V. Gavrilova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
yugavrilova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-576X>

Abstract. The article researches the problem of adaptive incentives as a significant element of an effective human resource management system of a higher education institution. The *purpose* of the study is to provide a methodological analysis of key aspects of team adaptation incentives using in HRM and justification of a set

of measures aimed at achieving strategic goals in the field of human resource management of an educational organization. The *research methodology* is based on the conceptual provisions of management theory and HRM, identifying alternative approaches to resolving individual problematic components of human resource management in educational organizations. It is demonstrated that in the conditions of talent competition the focus of the system of adaptation incentives to the changing parametric characteristics of competitive socio-economic dynamics applied in HRM of higher education institution is team adaptation, which ensures the improvement of management efficiency in achieving strategic goals. The significance of the research *results* lies in the proposal and justification of adaptive measures that stimulate teamwork of employees of an educational organization by developing leadership and management skills, building up the system of feedback and communication, creating a favorable educational environment, etc. The implementation of the proposed activities will contribute to the improvement of HRM quality, to building competencies and motivation for teamwork.

Keywords: adaptive stimulation, human resource management, talent competition, team adaptation, team learning

Acknowledgments: The research was carried out at the Southern Federal University with the support of RNF project No. 24-28-01624.

For citation: Gavrilova Ju. V. Adaptive stimulation as an element of higher education institution effective human resource management system. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):9-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-9-17>. EDN AVWNUM

Введение

В современных условиях спрос на знания и интеллектуальный капитал в обществе сильнее, чем в любую предыдущую эпоху, что приводит к обострению дефицита талантов [1, 2]. В некотором смысле экономический рост, главным образом, зависит от качества рабочей силы. Поэтому человеческие ресурсы все более становятся стратегическими факторами инновационно-ориентированного экономического и социального развития стран, регионов и организаций [3, 4].

Конкуренция между странами и организациями все чаще проявляется как конкуренция талантов и систем образования. Поскольку качество преподавания в вузе напрямую определяет уровень знаний и личностные свойства талантов, общество стало уделять больше внимания управлению научно-педагогическими сотрудниками образовательных организаций [5].

Однако традиционный режим управления все чаще обнаруживает множество недостатков. Преподаватели как ядро человеко-ресурсного потенциала являются непосредственными исполнителями научно-образовательной деятельности вузов. Количество, качество и структура педагогического ресурса напрямую определяют качество образования и эффективность работы образовательных организаций, влияют на характеристики национального человеческого капитала, дефинируют уровень социально-экономического развития страны [6, 7].

Цель управления человеческими ресурсами в вузах состоит в том, чтобы в максимальной степени мобилизовать энтузиазм и творческий потенциал каждого преподавателя и внести большой вклад в развитие образовательных организаций.

Методология командного адаптивного стимулирования в эффективном HRM вуза

Успешные организации должны быть способны адаптироваться к меняющимся параметрическим характеристикам конкурентной социально-экономической динамики. Конкуренция, глобализация и технологические изменения создали необходимость более гибких мер реагирования. Последние 20 лет исследования в области управления человеческими ресурсами вузов в большинстве фокусировались на командной адаптации: корректировках, которые команды вносят, когда сталкиваются с возникающими контекстуальными изменениями и результатами таких корректировок [8, 9].

Мейнард, Кеннеди и Соммер [10] полагают, что необходимо более детальное понимание командной адаптации. Существующая литература охватывает широкий спектр адаптивных стимулов, включая внутренние нарушения (сбои в общении), структурные изменения (потеря члена команды) [11] и внешние проблемы (новая среда) [12]. Каждое из этих исследований позволило сделать важные выводы об адаптации команды в конкретных контекстах.

В теоретических работах, которые качественно рассматривают процесс и предикторы успешной командной адаптации [8–10] разработана модель процесса адаптации, представлена полезная таксономия индивидуальной и командной адаптации, учитывающая различные точки зрения на адаптацию и на то, была ли она задумана как процесс, как индивидуальные различия или как результат.

Эти теоретические работы позволили сделать важные выводы. Однако количественный анализ адаптивного процесса является необходимым следующим шагом в расширении теории и определении направлений дальнейшего концептуального развития.

В модели командной адаптации Burke et al. [13] адаптивность определяется относительно стабильными характеристиками команды, которые влияют на начало адаптивного цикла; аналогично, Maunard et al. [10] рассматривают адаптивность команды как входной фактор. Вклады в адаптацию основаны на индивидуальных адаптивных способностях, но являются «способностями, которые являются критически важными долгосрочными характеристиками эффективности команды» [14].

Командные процессы и возникающие состояния (т. е. адаптивные механизмы) возникают в результате адаптируемых входных данных и командных взаимодействий и рекурсивно дополняют друг друга, позволяя команде оценить адаптивную ситуацию, узнать, что необходимо для реагирования на требования, а также разработать стратегии и ответы на них, что характеризуется как успешная адаптация [10, 13]. Командные процессы — это «взаимозависимые действия членов, которые преобразуют входные данные в результаты посредством когнитивной, вербальной и поведенческой деятельности, направленной на организацию задач для достижения коллективных целей» [15]. Эмерджентные состояния – это «свойства команды, которые обычно носят динамичный характер и изменяются в зависимости от командного контекста, вкладов, процессов и результатов» [15].

Командные процессы и возникающие состояния могут способствовать успешной адаптивной работе команды. Командные процессы умеренно или сильно связаны с адаптивной производительностью команды как совокупности человеческих ресурсов образовательной организации. Исследования, изучающие возникающие состояния, обычно фокусируются на командном познании [6; 16]. Командное познание «возникает в результате взаимодействия индивидуального познания каждого члена команды и поведения в командных процессах» [17], влияя на производительность через общее понимание участниками задач, ролей и ситуаций и улучшение неявной координации задач.

Командное познание – это фактор более высокого порядка, представленный командными ментальными моделями и трансактивной памятью [17]. Ментальные модели команды – это «структуры знаний, которыми обладают члены команды, которые позволяют им формировать точные объяснения и ожидания относительно задачи и, в свою очередь, координировать свои действия и адаптировать свое поведение к требованиям задачи и других членов команды» [18]. Командное познание умеренно или сильно связано с адаптивной производительностью команды.

Внутри организаций и в разных исследовательских контекстах команды могут сталкиваться со многими различными типами адаптивных стимулов. Эти стимулы могут потребовать изменений в ситуации, окружающей среде, ресурсах, структуре, требуя от команд изменения своих действий и взаимодействий для достижения результатов. Хотя каждая ситуация требует от команд адаптации для успешной работы, форма и эффективность этой адаптивной реакции могут значительно различаться.

Происхождение адаптивного стимула смягчает взаимосвязь между командными процессами и адаптивными показателями команды, так что взаимосвязь сильнее для внешних стимулов по сравнению с внутренними стимулами для определенных процессов (рис. 1).

Как в литературе по командной адаптации [13, 14], так и в более обширной литературе по командам [19] время рассматривается как решающий фактор в понимании командных действий. Адаптация происходит с течением времени, а степень и масштаб адаптации, а также эффективность реакции команды зависят от продолжительности изменений.

Burke et al. предполагают, что «временная» проблема требует только одной ситуационной оценки, простого плана или изменения в ответ, тогда как более постоянные изменения требуют большего осмысления, коммуникации, циклов планирования и обновленных знаний. Столкнувшись с изменениями, команды должны «переконфигурировать свои рабочие процессы и изменить свою производительность, чтобы удовлетворить краткосрочные и долгосрочные потребности в изменениях» [13].

Продолжительность изменений также рассматривается в теории командного распорядка [19]. Утверждается, что более устойчивые факторы, такие как реконфигурация команды или изменение групповой задачи, скорее всего, приведут к существенным изменениям в распорядке дня, в то время как краткосрочные изменения, ограниченные текущими эпизодами производительности, не приводят к значительным изменениям.

Команда, скорее всего, добьется наибольшего успеха, если расширит возможности взаимодействия ее членов, чтобы найти способы эффективного «обходного решения» проблемы до тех пор, пока ситуация не нормализуется, и команда не сможет возобновить обычное функционирование.

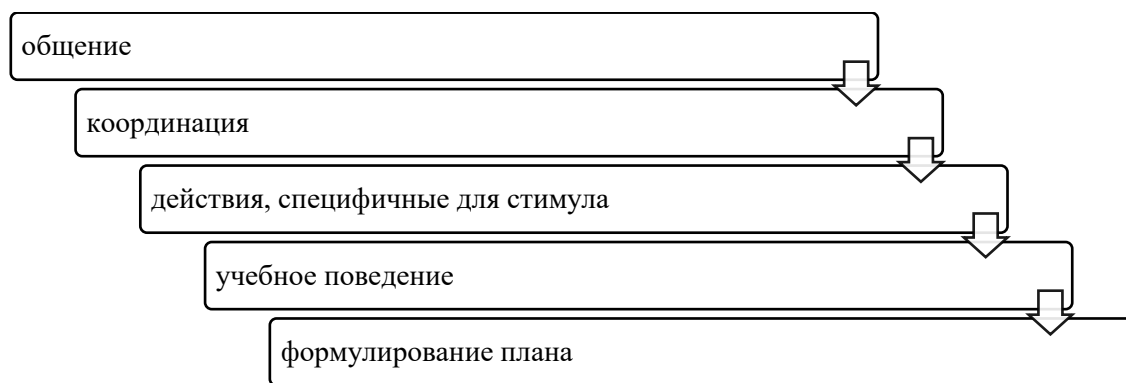

Рис. 1. Процессы в образовательной организации при адапционном стимулировании трансформаций человеческих ресурсов¹

Fig. 1. Processes in an educational organization under adaptive stimulation of human resource transformations

Результаты теоретико-концептуального анализа командной адаптации как элемента HRM вуза

Человеческие ресурсы являются ключевым элементом образовательной организации. Повышение эффективности управления человеческими ресурсами в инновационно-ориентированной образовательной организации является доминирующим аспектом для ее успеха и развития. На рис. 2 приведены основные направления и мероприятия адаптивного стимулирования, способствующие корректному развитию данного процесса.

Эффективное управление человеческими ресурсами в инновационно-ориентированной образовательной организации требует комплексного подхода и постоянного внимания к потребностям персонала, изменениям в образовательной среде и инновационным трендам (рис. 2).

Рис. 2. Основные направления и мероприятия адаптивного стимулирования в HRM вуза²

Fig. 2. Main directions and measures of adaptive incentives in HRM of higher education institution

¹ Составлен автором.

² Составлен автором.

Планирование человеческих ресурсов отражает способность организации эффективно управлять HR-спросом и предложением для достижения стратегических целей (рис. 3). В частности, на первой позиции целей следует отметить правомерное продвижение молодых кадров, которые, в соответствии со своими достижениями могут занимать высокие должности и опережать более зрелых коллег с меньшим перечнем научных статей, участием в грантах, наличием наград (рис. 3).

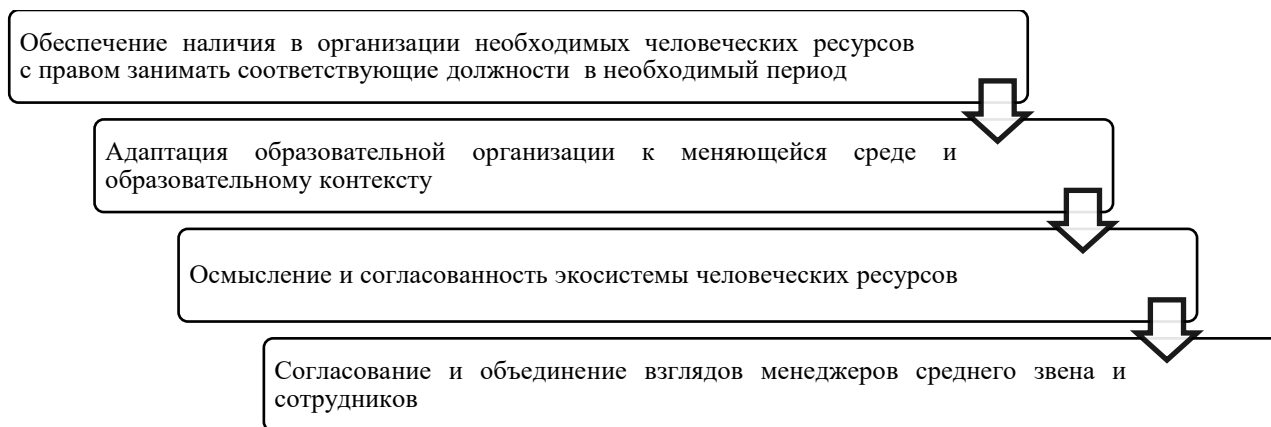

Рис. 3. Цели HRM в образовательной организации¹
Fig. 3. HRM-goals in an educational organization

Доказана значимость участия человеческих ресурсов образовательной организации в освоении стратегий, разработанных для достижения поставленных целей, однако важно также разработать некоторые элементы стратегии, повышающие ценность действий сотрудников (рис. 4).

Для достижения высокого качества предоставляемых услуг и эффективного функционирования внутренней системы управления качеством, организация должна стимулировать коллективную работу, повышая у своих сотрудников компетенции и мотивацию к совместной деятельности в данной сфере. Это предполагает активное участие, интеграцию и кооперацию каждого члена коллектива в процессах управления качеством. Существенно, что наибольшие выгоды в плане качества часто приходятся на оборудование; однако, не менее важным является вклад коллективов специалистов, которые, объединяя свои таланты и накопленный опыт, работают на различных этапах производственного процесса.

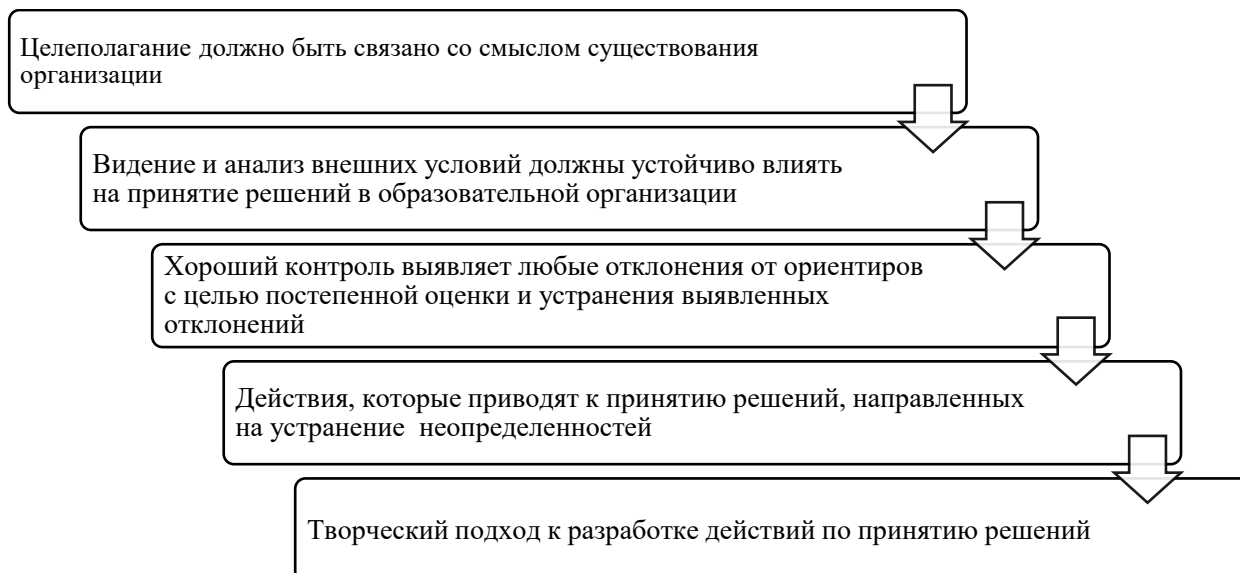

Рис. 4. Необходимые элементы для полноценной реализации HR-стратегии вуза²
Fig. 4. Necessary elements for full realization of HR-strategy of the university

¹ Составлен автором.

² Составлен автором.

Командная работа человеческих ресурсов в образовательной организации стимулируется рядом определенных мероприятий (рис. 5). Работа в команде составляет основу для того, чтобы организация отвечала всем стратегическим целям. Необходимо признать, что во многих образовательных учреждениях до сих пор преобладает индивидуалистический подход к труду; каждый участник вносит вклад, отдавая предпочтение личным амбициям и стремлению к успеху.

Рис. 5. Мероприятия, направленные на командное адаптивное стимулирование человеческих ресурсов в образовательной организации¹

Fig. 5. Activities aimed at team adaptive stimulation of human resources in an educational organization

Отсутствие готовности к коллективной работе и подчинению индивидуальных интересов общим целям является заметным, однако, когда люди начинают осознавать преимущества синергетического взаимодействия, позволяющего результатам работы превышать сумму индивидуальных вкладов, они становятся более открытыми к сотрудничеству. В современных вузах сотрудникам необходимо предоставить мотивацию и полномочия для совместной работы в целях укрепления системы качества [20].

В каждом подразделении необходимо формировать команды как высокоорганизованные социальные структуры, которые способны определять общие задачи и достигать их через принятие и обмен ролями с точки зрения взаимоуважения и доверия. Командная работа внутри образовательных учреждений должна способствовать созданию взаимодействующих и сотрудничающих отношений между членами, что приводит к совместной ответственности за действия и решения.

Современные вузы должны реализовывать образовательные программы, направленные на развитие командных навыков сотрудников, таких как коммуникация, сотрудничество, взаимопонимание,

¹ Составлен автором.

командная работа. На всех уровнях организации необходимо строить отношения, основанные на доверии и взаимоподдержке, открытом общении, понимании и согласовании с корпоративными целями.

Для активизации участия сотрудников в процессах управления качеством следует продвигать обучающие программы, направленные на развитие ключевых командных навыков, включая умения решений проблем, принятия решений и межличностного общения. Эти навыки позволяют команде эффективно выявлять проблемы и возможности, оценивать альтернативы и принимать обоснованные решения. Развитие межличностных коммуникативных навыков включает в себя умение эффективно общаться, конструктивно обсуждать, принимать риски, воспринимать критику, быть объективным, уметь слушать, поддерживать других, признавать интересы и достижения коллег.

Заключение

Адаптивное стимулирование является важным элементом эффективной системы управления человеческими ресурсами современного вуза. Сильные командные процессы позволяют вносить корректировки, повышая краткосрочную эффективность принимаемых HR-решений. Кроме того, командное познание особенно эффективно, так как помогает командам реагировать на временные адаптивные стимулы. Командное познание обеспечивает глубокое понимание ролей участников, хранилищ знаний и моделей общения и, следовательно, должно быть невероятно полезным, когда командам необходимо быстро и скоординировано реагировать.

Список источников

1. Bai, Y. Innovative Mode of Human Resource Management of University Teachers Based on Intelligent Big Data Analysis. *Computational Intelligence and Neuroscience*. 2022; 1: 7345547.
2. Taiwo T. Lasisi, Elena I. Lazareva; Gor A. Abramyan; Yulia V. Gavrilova, Anton D. Murzin. Intellectual Capital and Technology as Factors of Career Success: Role of Income Inequality. *Economies*. 2023; 11: 63.
3. De Cieri, H., Sanders, K., Lin, C. International and comparative human resource management: an Asia-Pacific perspective. *Asia Pacific Journal of Human Resources*. 2022; 60(1):116-145.
4. Lazareva, E., Anopchenko, T., Murzin, A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018*. Cham, 2020. С. 269-277.
5. Matsuzaki, T., Shigeno, H., Ueki, Y., Tsuji, M. Innovation upgrading of local small and medium-sized enterprises and regional innovation policy: an empirical study. *Industrial Marketing Management*. 2021; 94:128-136.
6. Shen, J., Benson, J., Huang, B. High-performance work systems and teachers' work performance: the mediating role of quality of working life. *Human Resource Management*. 2014; 53(5): 817-833.
7. Лазарева Е.И., Гаврилова Ю.В. Идентификация социально-экономических факторов развития человеческого капитала в HR-менеджменте организации. *Российский журнал менеджмента*. 2023; 21 (1): 89-114.
8. Baard, S.K., Rench, T.A., Kozlowski, S.W.J. Performance adaptation: A theoretical integration and review. *Journal of Management*. 2014; 40(1): 48-99.
9. Burke, C. S., Stagl, K.C., Klein, C. et al. What type of leadership behaviors are functional in teams? A meta-analysis. *The Leadership Quarterly*. 2006; 3: 288-307.
10. Maynard, M. T., Kennedy, D. M., & Sommer, S. A. Team adaptation: A fifteen-year synthesis (1998-2013) and framework for how this literature needs to "adapt" going forward. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2015; 24(5): 652-677.
11. DeRue, D. S., Hollenbeck, J. R., Johnson, M. D. et al. How different team downsizing approaches influence team-level adaptation and performance. *Academy of Management Journal*. 2008; 51(1): 182-196.
12. Marks, M. A., Zaccaro, S. J., & Mathieu, J. E. Performance implications of leader briefings and team-interaction training for team adaptation to novel environments. *Journal of Applied Psychology*. 2000; 85(6): 971-986.
13. Burke, E.K., Petrovic, S., Qu, R. Case based heuristic selection for timetabling problems. *Journal of Scheduling*. 2006; 9: 115-132

14. Kozlowski, S. W. J., Gully, S. M., Nason, E. R., Smith, E. M. (1999). Developing adaptive teams: A theory of compilation and performance across levels and time. *The changing nature of work performance: Implications for staffing, personnel actions, and development*. San Francisco, CA: Jossey-Bass. 1999: 240-292.
15. Marks, Michelle A., John E. Mathieu, and Stephen J. Zaccaro. A Temporally Based Framework and Taxonomy of Team Processes. *The Academy of Management Review*. 2001; 3: 356-76.
16. Chen, Guoquan & Liu, Chunhong & Tjosvold, Dean. Conflict Management for Effective Top Management Teams and Innovation in China. *Journal of Management Studies*. 2005; 42: 277-300.
17. Zajac, S., Gregory, M. E., Bedwell, W. L. et al. The cognitive underpinnings of adaptive team performance in ill-defined task situations: A closer look at team cognition. *Organizational Psychology Review*. 2014; 4(1), 49-73.
18. Cannon-Bowers, J., Salas E., Converse S. Shared mental models in expert team decision making. *Current issues in individual and group decision making*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1993: 221-246.
19. Gersick, C. J., & Hackman, J. R. Habitual routines in task-performing groups. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1990; 47(1), 65-97.
20. Лазарева Е.И., Карпова С.В. Мотивация персонала как источник повышения эффективности менеджмента организации: адаптация зарубежных моделей. *Инновационные тренды в международном бизнесе и устойчивом менеджменте: материалы II Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 17-19 ноября 2022 г.)*. Новокузнецк, ЗНАНИЕ-М, 2023: 172-178.

References

1. Bai, Y. Innovative Mode of Human Resource Management of University Teachers Based on Intelligent Big Data Analysis. *Computational Intelligence and Neuroscience*. 2022; 1: 7345547.
2. Taiwo T. Lasisi, Elena I. Lazareva; Gor A. Abramyan; Yulia V. Gavrilova, Anton D. Murzin. Intellectual Capital and Technology as Factors of Career Success: Role of Income Inequality. *Economies*. 2023; 11: 63.
3. De Cieri, H., Sanders, K., Lin, C. International and comparative human resource management: an Asia-Pacific perspective. *Asia Pacific Journal of Human Resources*. 2022; 60(1):116-145.
4. Lazareva, E., Anopchenko, T., Murzin, A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018*. Cham, 2020. C. 269-277.
5. Matsuzaki, T., Shigeno, H., Ueki, Y., Tsuji, M. Innovation upgrading of local small and medium-sized enterprises and regional innovation policy: an empirical study. *Industrial Marketing Management*. 2021; 94:128-136.
6. Shen, J., Benson, J., Huang, B. High-performance work systems and teachers' work performance: the mediating role of quality of working life. *Human Resource Management*. 2014; 53(5): 817-833.
7. Lazareva E.I., Gavrilova Yu.V. Identification of socio-economic factors of human capital development in HR management of an organization. *Russian Journal of Management*. 2023; 21 (1): 89-114. (In Russ.)
8. Baard, S.K., Rench, T.A., Kozlowski, S.W.J. Performance adaptation: A theoretical integration and review. *Journal of Management*. 2014; 40(1): 48-99.
9. Burke, C. S., Stagl, K.C., Klein, C. et al. What type of leadership behaviors are functional in teams? A meta-analysis. *The Leadership Quarterly*. 2006; 3: 288-307.
10. Maynard, M. T., Kennedy, D. M., & Sommer, S. A. Team adaptation: A fifteen-year synthesis (1998-2013) and framework for how this literature needs to "adapt" going forward. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2015; 24(5): 652-677.
11. DeRue, D. S., Hollenbeck, J. R., Johnson, M. D. et al. How different team downsizing approaches influence team-level adaptation and performance. *Academy of Management Journal*. 2008; 51(1): 182-196.
12. Marks, M. A., Zaccaro, S. J., & Mathieu, J. E. Performance implications of leader briefings and team-interaction training for team adaptation to novel environments. *Journal of Applied Psychology*. 2000; 85(6): 971-986.
13. Burke, E.K., Petrovic, S., Qu, R. Case based heuristic selection for timetabling problems. *Journal of Scheduling*. 2006; 9: 115-132.
14. Kozlowski, S. W. J., Gully, S. M., Nason, E. R., Smith, E. M. (1999). Developing adaptive teams: A theory of compilation and performance across levels and time. *The changing nature of work performance: Implications for staffing, personnel actions, and development*. San Francisco, CA: Jossey-Bass. 1999: 240-292.

15. Marks, Michelle A., John E. Mathieu, and Stephen J. Zaccaro. A Temporally Based Framework and Taxonomy of Team Processes. *The Academy of Management Review*. 2001; 3: 356-76.
16. Chen, Guoquan & Liu, Chunhong & Tjosvold, Dean. Conflict Management for Effective Top Management Teams and Innovation in China. *Journal of Management Studies*. 2005; 42: 277-300.
17. Zajac, S., Gregory, M. E., Bedwell, W. L. et al. The cognitive underpinnings of adaptive team performance in ill-defined task situations: A closer look at team cognition. *Organizational Psychology Review*. 2014; 4(1), 49-73.
18. Cannon-Bowers, J., Salas E., Converse S. Shared mental models in expert team decision making. *Current issues in individual and group decision making*. Hillside, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1993: 221-246.
19. Gersick, C. J., & Hackman, J. R. Habitual routines in task-performing groups. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1990; 47(1): 65-97.
20. Lazareva E.I., Karpova S.V. Personnel motivation as a source of increasing the effectiveness of organizational management: adaptation of foreign models. *Innovative trends in international business and sustainable management: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, November 17-19, 2022)*. Novokuznetsk, ZNANIE-M, 2023: 172-178. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. В. Гаврилова – аспирант кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Information about the author

J. V. Gavrilova – PhD student, Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Научная статья

УДК 330.47

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-18-24>

EDN CHFJZR

Инновационные технологии в государственном управлении: цифровизация процессов и их эффективность

**Татьяна Владимировна Игнатова¹, Дарья Евгеньевна Иванова²,
Вячеслав Евгеньевич Иванов³, Арина Александровна Сибилева⁴**

^{1, 2, 4}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия

¹tignatova@aanet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1772-4788>

²ivanova-de@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8373-9035>

³v.ivanovrussia@bk.ru

⁴arina.sibileva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются нововведения и тренды в рамках цифровой трансформации с точки зрения экономической, политической, управленческой и социальной сфер. Авторы рассматривают тенденции перевода оффлайн-услуг в онлайн-формат, а также программное и аппаратное сопровождение необходимое для данного перехода. Изучены аспекты оптимизации рабочих процессов во всех указанных областях при использовании информационных и цифровых технологий. Сделаны выводы о необходимости развития и широкой трансформации оффлайн-услуг в цифровой формат.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, дата-центры, облачные технологии, открытые данные, кибербезопасность, цифровые платформы, цифровой прогресс

Для цитирования: Игнатова Т. В., Иванова Д. Е., Иванов В. Е., Сибилева А. А. Инновационные технологии в государственном управлении: цифровизация процессов и их эффективность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 18–24. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-18-24>. EDN CHFJZR

Problems of Management

Original article

Innovative technologies in public administration: digitalization of processes and their effectiveness

**Tatyana V. Ignatova¹, Daria E. Ivanova²,
Vyacheslav E. Ivanov³, Arina A. Sibileva⁴**

^{1, 2, 4}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of Russian Ministry of Internal Affairs, Volgodonsk, Russia

¹tignatova@aanet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1772-4788>

²ivanova-de@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8373-9035>

³v.ivanovrussia@bk.ru

Abstract. The article analyzes innovations and trends in the framework of digital transformation from the point of view of economic, political, managerial and social spheres. The authors consider the trends of converting offline services to an online format, as well as the software and hardware support necessary for this transition. The aspects of optimizing work processes in all these areas when using information and digital technologies are studied. Conclusions are drawn about the need for the development and widespread transformation of offline services into a digital format.

Keywords: digitalization, information technology, data centers, cloud technologies, open data, cybersecurity, digital platforms, digital progress

For citation: Ignatova T. V., Ivanova D. E., Ivanov V. E., Sibileva A. A. Innovative technologies in public administration: digitalization of processes and their effectiveness. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):18-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-18-24>. EDN CHFJZR

Введение

Цифровизация государственного управления – это комплексный процесс трансформации государственных институтов и процессов с использованием цифровых технологий. Соответственно данный процесс аккумулирует в себе следующие компоненты: внедрение информационных систем, автоматизацию процессов, оптимизацию взаимодействия с гражданами и бизнесом, повышение прозрачности и эффективности государственного управления [1, с. 309]. Получаем, что цифровое развитие подразумевает под собой оптимизацию процессов, происходящих в государстве в управленческой, экономической, политической и социальной сферах, а также на границах данных областей. Актуальность исследования данной темы заключается в возникновении необходимости реализации ряда преобразований в рамках нового национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». К 2030 году предполагается возможность решения социально-экономических и политико-управленческих вопросов посредством цифровых платформ [2, с. 712].

Оптимизация политико-управленческих процессов

Обратимся к рис. 1 и отметим, что процент предоставления услуг населению в онлайн-формате начал активно расти с 2020 года, и на 2023–2024 гг. происходит полное дублирование (и замещение в некоторых сферах) оффлайн-формата электронными площадками.

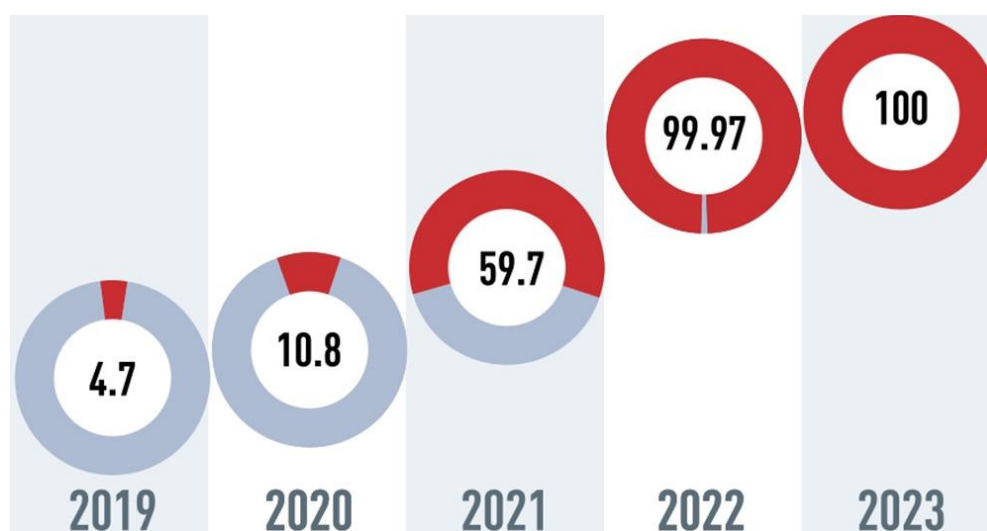

Рис. 1. Доля массовых социально-значимых услуг онлайн в России в % (по данным Правительства РФ)

Fig. 1. Share of mass social services online in Russia as % (according to the Government of the RF)

С точки зрения оптимизации в политико-управленческих процессах в 2024 г. был утверждён регламент Единой облачной платформы «Гособлако» (или ГЕОП – государственная единая облачная платформа), и уже с января 2025 г. предполагается её полное функционирование. Данная площадка предоставляет следующие возможности:

- 1) пользование вычислительными ресурсами, хранение информации;
- 2) баланс нагрузок в цифровой инфраструктуре, оптимизация и поддержка виртуальных машин;
- 3) пользование объектной системой хранения данных (что позволяет управлять данными как отдельными объектами);
- 4) управление созданием резервных копий данных;
- 5) инфраструктура витрин данных [3, с. 277];

б) использование отечественного системного ПО, соответствующего требованиям импортозамещения;

7) коммуникацию по определённым каналам связи;

8) использование публичных IPv4-адресов [4, с. 178];

9) безопасность и сохранность данных;

10) оснащение аппаратным оборудованием.

На данный момент инфраструктурой платформы «Гособлако»¹ пользуются следующие государственные структуры: министерства природы, сельского хозяйства, по развитию Дальнего Востока и Арктики, транспорта, энергетики, здравоохранения; Федеральная служба исполнения наказаний; Федеральное медико-биологическое агентство; Ростехнадзор, Росреестр и т.д.

Стандарты цифровой инфраструктуры «Ростелеком-ЦОД»

Сервисы всех обозначенных органов власти действуют на цифровой инфраструктуре «Ростелеком-ЦОД»². Платформа Ростелеком является оптимизирующим фактором не только для государственных структур, но и для бизнеса. Data-центры соответствуют следующим требованиям и стандартам, которые мы рассмотрим ниже.

Во-первых, инженерная инфраструктура функционирует с надёжностью Tier III³. Что это значит? Предполагается возможность ремонта (полной замены частей, удаления или добавления составляющих, проверки) или восстановления оборудования без перерыва в рабочем процессе. Это реализуется благодаря наличию канала резервирования, потому что программно-аппаратный комплекс достаточно сложный и для работы на высоких мощностях используется система жидкого охлаждения chiller fan coil (совокупность трубопроводов).

Во-вторых, возможность получения помощи от технической поддержки в любое время суток – она действует круглосуточно. Не менее важным фактором является система коммуникации в дата-центрах «Ростелеком-ЦОД». Центры имеют точки присутствия на ММТС-9⁴, ММТС-10, а также узлы точки обмена трафиком MSK IX⁵. Что обозначают данные характеристики? Технологические площадки ММТС подразумевают наличие единой диспетчерской, где проводится анализ всей поступающей информации (касательно электроснабжения, охлаждения, пожарной безопасности, информационной безопасности, процессов управления доступом, кондиционирования) и последующее предотвращение/ исправление ошибок или сбоев. Мультисервисная платформа MSK IX позволяет сократить издержки на трафик для ряда компаний, улучшить скорость связи и доступа к облачным сервисам, повысить уровень безопасности коммуникации (защита от DDoS атак), получить краткий маршрут к DNS-серверам (доменов верхнего уровня .РФ и .RU)⁶.

В-четвертых, используется распределенный тип системы (наличие совокупности связанных узлов), а не единый развертываемый модуль (см. рис. 2). Это более эффективно, поскольку появляется возможность параллельной обработки информации несколькими аппаратами, несколькими способами обработки (с помощью оборудования, программ или данных). Более того, расширение и масштабирование могут быть легко произведены и не приведут к отказам и сбоям в системе. Таким образом, упрощается процесс идентификации ошибок благодаря обращению к различным узлам, а не к одному центральному узлу. При выходе из строя любого узла возможно заменить его другими без ущерба для рабочего процесса.

¹ Гособлако [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://www.tadviser.ru/a/253979>

² Ростелеком-ЦОД [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://dcnetwork.ru/>

³ Стандарт Tier III [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://reenter.ru/articles/klassifikaciya-cod-tier/>

⁴ ММТС-9 [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://mmts9.ru/about/>

⁵ MSK IX [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://www.msk-ix.ru/>

⁶ Распределенная система [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://www.atlassian.com/ru/microservices/microservices-architecture/distributed-architecture#:~:text=%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%20%E2%80%94%D1%8D%D1%82%D0%BE%20%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%80%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85,%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BA%20%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%20%D0%B2%20%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B5.>

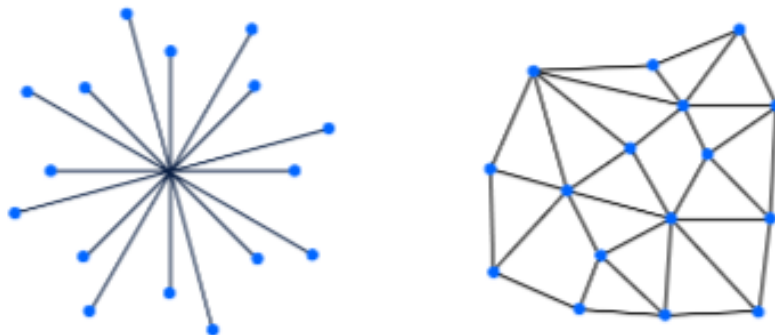

Рис. 2. Графическое отличие централизованной системы (слева) и распределенной системы (справа)
 Fig. 2. Graphical difference between the centralized system (left) and the distributed system (right)

В-пятых, мы считаем немаловажным возможность круглосуточной замены оборудования. Ошибка может произойти в любое время дня и ночи, и «Ростелеком-ЦОД» позволяет максимально эффективно справиться с возможными ситуациями благодаря графику получения и сдачи аппаратов.

Таким образом, платформа «Ростелеком-ЦОД» позволяет государственным и бизнес-структурам осуществлять переход в цифровой формат и функционирование в нем продуктивно и без ощутимых потерь для рабочих процессов.

Цифровые инновации в социальной сфере

Российскими разработчиками на китайской выставке высоких технологий China Hi-Tech Fair (СНТФ) 2024 г. были представлены следующие цифровые продукты, уже используемые на практике:

1. «ДатаМед» – площадка для мониторинга и контроля ведения записи на прием, проведения диспансеризации, предоставление медицинской документации.

2. BI-платформа Analytic Workspace, в функционал которой входит анализ информации, проверка гипотез на основании полученных данных, составление прогнозов, визуализация решений, сопровождение в процессе реализации итогового решения.

В социальной сфере видим использование следующих цифровых продуктов:

- Единая платформа в социальной сфере,
- Единый контакт-центр взаимодействия с гражданами,
- Цифровой социальный помощник,
- Цифровой рынок труда.

Контакт-центр предполагает наличие возможности функционирования обратной связи с точки зрения предоставления и получения государственной или муниципальной социальной поддержки. Цифровой помощник был создан для консультирования граждан РФ круглосуточно. Цифровой рынок должен оптимизировать процессы поиска работы через инструменты платформы «Работа в России»: защита трудовых прав, предоставление информации органам власти для анализа и обработки данных по спросу и предложению на рынке труда.

В 2025 г. предполагается запуск цифровой платформы в области комплексной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов. В функционал данной площадки будет входить: создание мобильного и веб-приложений для налаживания коммуникации с медицинскими и социальными работниками, сотрудниками организаций по изготовлению средств реабилитации.

Цифровизация позволяет сделать основные процессы госуправления открытыми, прозрачными и эффективными, благодаря оптимизации сокращаются издержки и повышается производительность [5]. Развитие электронных сервисов для взаимодействия с гражданами и бизнес-сообществом позволяет оперативно получать нужные госуслуги. Открытые данные позволяют гражданам получать доступ к данным, что способствует развитию аналитических и инновационно-исследовательских проектов на основе этих данных [6].

Цифровизация региональной экономической системы

Согласно стратегии социально-экономического развития регионов (например, Ростовской области¹), информационные и интернет-технологии являются приоритетной сферой совершенствования, способствующей росту следующих экономических индикаторов:

- инновационный потенциал,
- информационная зрелость,
- уровень социально-экономического развития,
- конкурентоспособность региона,
- доступность населения и организаций к электронным услугам.

Рассматриваемые нами технологии позволяют оптимизировать управление регионом посредством систематизации сбора, хранения и обработки данных касательно данной территории [7].

Интернет-технологии с точки зрения региональной экономической системы позволяют [8, с. 349]:

- повысить экономическую эффективность: удалённая работа не подразумевает наличие издержек на электроэнергию, водоснабжение, техническое обеспечение;
- увеличить производительность труда и снизить показатели инфляции [9, с. 122];
- оптимизировать процесс обмена информацией между различными организациями, структурами и населением;
- уменьшить количество и значимость препятствий для начинающих предпринимателей;
- компаниям использовать более низкие цены на производимый товар;
- сохранить показатели эффективности благодаря продажам через онлайн-сервисы в случае невозможности работы оффлайн-центров.

Ещё одним положительным итогом внедрения информационных технологий является совершенствование предоставления государственных услуг населению:

- исключение издержек на межведомственное взаимодействие, ускорение процесса обработки документов [10, с. 79];
- ускорение экономической деятельности посредством сокращения времени предоставления услуги (т.е. требующейся документации или данных) благодаря онлайн-платформе;
- повышение уровня доверия населения государственным структурам, чему способствует прозрачность онлайн-платформ.

Заключение

Завершая исследование, отметим, что информационные технологии в рамках формирования экономической системы региона:

- повышают уровень интереса для инвесторов, представляя проекты, способные значительно увеличить эффективность и результативность;
- сохраняют большую часть энергетических ресурсов;
- способствуют созданию ряда рабочих мест при открытии исследовательских центров, новых направлений в вузах;
- улучшают качество предоставляемых как государственных, так и коммерческих услуг;
- позволяют получить постоянный доступ к любой информации через электронные платформы.
- упрощают жизнь населения посредством реализации следующих проектов: «Умный город», «Безопасный город», «Умный дом», «Умный домофон», «Умное видеонаблюдение», «Умное освещение».

Согласно стратегии социально-экономического развития, наиболее привлекательными для инвестирования и отвечающими современным требованиям являются проекты, положительно влияющие на экологическую обстановку, позволяющие сохранить природные ресурсы. Для удобства финансирования нововведений создаются платформы и инвестиционные карты области. Развивать региональную экономику позволяет и электронная коммерция, подразумевающая создание цифрового реестра объектов потребительского рынка, формирование цифровых платформ для осуществления покупки и продажи товаров и услуг, обеспечение необходимой информацией.

¹ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года, утверждена Постановлением Правительства Ростовской области от 26.12.2018 № 864.

Для обеспечения безопасности и высокого уровня жизни граждан информационные технологии применяются в контрольно-надзорной деятельности властных структурах, для защиты персональных данных в киберфизических системах (всей совокупности «умных» программ). Происходит создание цифровых платформ для учреждений культуры, для общественных объединений, что предоставляет возможность вовлекать молодёжь в процессы решения вопросов региона.

Несомненно, в Ростовской области существует ряд проблемных областей при использовании современных технологий: недостаток бюджетных средств, невысокая инвестиционная привлекательность ряда проектов и сфер, высокая стоимость информационных проектов. Тем не менее, положительный эффект от информатизации и цифровизации, а также перспективы внедрения технологий преобладают над негативными сторонами: развитие транспортной сферы, сферы государственного и муниципального управления, социально-экономической сферы, повышение уровня информационной безопасности, увеличение уровня конкурентоспособности отечественных информационных продуктов.

В развитии региональной экономики меняется не только механизм взаимодействия между различными структурами, но и сам способ управления территорией. На данный момент региональный менеджмент подразумевает применение ряда различных технологий управления, сочетающих в себе как комплекс государственных методов, так и механизмы, позаимствованные из сферы бизнеса.

Список источников

1. Иванова Д. Е., Сибилева А. А. Цифровизация как основной вектор инновационного развития АПК // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 309-313. – DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-4-309-313.
2. Бодров А. К. Развитие институтов цифровизации в России и их роль во взаимодействии центра и регионов // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 2(90). С. 712-724. – DOI 10.35775/PSI.2023.90.2.025.
3. Иванова Д. Е., Еременко Ю. Н., Кневец Е. В. Тенденции развития в IT-сфере России // Мобилизационная экономика: исторический опыт и современные тренды : Сборник докладов участников I региональной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 14 декабря 2022 года / Под ред. Т.В. Игнатовой. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 277-281.
4. Иванова Д. Е., Матыцына Т. В. Цифровизация как элемент современной международной экономической трансформации // Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики: сборник научных трудов IV международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону ; Таганрог, 18–19 апреля 2019 года. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. С. 177-181.
5. Иванов Д. Ю., Волков В. А. Формирование механизмов и технологий взаимодействия органов власти и общества в условиях цифровизации государственного управления // Управленческое консультирование. 2023. № 9(177). С. 107-117. – DOI 10.22394/1726-1139-2023-9-107-117.
6. Чепелюк С. Г. Практики формирования цифрового правительства: зарубежный и отечественный опыт // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 4(97). С. 1580-1587. – DOI 10.35775/PSI.2023.97.4.029.
7. Волков И. С., Реут Д. В. Цифровизация в муниципальном и государственном управлении // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Т. 11. № 1. С. 99–103.
8. Красюкова Н. Л. Эффекты от цифровизации государственного управления на региональном уровне // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 1-1. С. 341-351. – DOI 10.34670/AR.2024.63.74.041.
9. Косоруков А. А. Цифровизация государственного управления : Учебное пособие / А. А. Косоруков. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023. 242 с. – ISBN 978-5-4497-1785-6.
10. Логиновский О. В., Ляковская Е. А., Габдулин Р. Р. Проблемы цифровой трансформации субъектов Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2023. Т. 23. № 3. С. 76-92. – DOI 10.14529/ctcr230307.

References

1. Ivanova D. E., Sibieva A. A. Digitalization as the main vector of innovative development of the APK. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(4):309–313. (In Russ.). DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-4-309-313.
2. Bodrov A. K. Development of digitalization institutions in Russia and their role in the interaction of price-trends and regions. *Political science issues*. 2023;13(2(90)):712–724. (In Russ.). DOI 10.35775/PSI.2023.90.2.025.
3. Ivanova D. E., Yeremenko Y. N. V. Knevets E. V. Trends in the development of IT-sector in Russia. In: *Mobile economy: historical experience and modern trends: Collection of reports of participants of the I regional scientific-practical conference*, Rostov-on-Don, 14 December 2022. T.V. Ignatova (ed.). Rostov-on-Don; 2022: 277–281. (In Russ.).
4. Ivanova D. E., Matytsyna T. V. Digitalization as an element of modern international economic transformation. In: *Competitiveness of national economies and regions in the context of global challenges of world economy: a collection of scientific works IV international scientific Practical conference*, Rostov-on-Don; Taganrog, 18-19 April 2019. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing house of the Southern Federal University, 2019: 177–181. (In Russ.).
5. Ivanov D. Yu., Volkov V. A. Formation of mechanisms and technologies of interaction between authorities and society in the digital environment of state administration. *Management consulting*. 2023;9(177):107–117. (In Russ.). DOI 10.22394/1726-1139-2023-9-107-117.
6. Chepelyuk S. G. Digital government formation practices: foreign and national experiences. *Issues of national and federal relations*. 2023;13(4(97)):1580–1587. (In Russ.). DOI 10.35775/PSI.2023.97.4.029.
7. Volkov I. S., Reut D. V. Digitalization in municipal and state administration. *International Journal of Open Information Technologies*. 2023;11(1):99–103. (In Russ.).
8. Krasnyukova N. L. Effects of digitalization of state administration at the regional level. *Issues of Russian and international law*. 2024;14(1-1):341–351. (In Russ.). DOI 10.34670/AR.2024.63.74.041.
9. Kosorukov A. A. *Digitalization of public administration*. Moscow: Ai Pi Ar Media, 2023. 242 c. ISBN 978-5-4497-1785-6. (In Russ.).
10. Loginovsky O. V., Lyaskovskaya E. A., Habdulin R. R. Problems of digital transformation of the subjects of the Russian Federation. *Bulletin of the South-Ural State University. Series: Computer technologies, control, radio electronics*. 2023;23(3):76–92. (In Russ.). DOI 10.14529/ctcr230307.

Информация об авторах

Т. В. Игнатова – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Д. Е. Иванова – старший преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

В. Е. Иванов – преподаватель кафедры огневой и физической подготовки, майор полиции, Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России.

А. А. Сибилева – магистрант 3 курса факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Ignatova – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

D. E. Ivanova – Senior Lecturer of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

V. E. Ivanov – Teacher of the Department of Fire and Physical Training, Police Major, Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of Russian Ministry of Internal Affairs.

A. A. Sibileva – 3rd year undergraduate student of the Faculty of Political Science, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 27.08.2024.

К стратегии управления экологической безопасностью РФ и её регионов в современных условиях

Александр Васильевич Кокин¹, Людмила Николаевна Тимейчук²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия.

Автор, ответственный за переписку: Александр Васильевич Кокин, alex@avkokin.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3667-590X>

Аннотация. В связи с предстоящим подведением итогов Стратегии экологической безопасности РФ до 2025 г. предусматривается необходимость внесения изменений и дополнений в неё в новых социально-экономических и политических условиях. На глобальном уровне: в связи с точно не установленными причинами (естественными или антропогенными) влияющими на глобальное изменение климата, РФ необходимо отказаться от участия в Парижском соглашении по климату в связи с принципиально не верными оценками вклада стран-эмитентов CO₂ относительно площади их территорий. Поскольку доля выбросов CO₂ на единицу площади в РФ по сравнению с другими странами в разы меньше при весьма низкой плотности населения и рассредоточенности по территории производства и инфраструктуры. В рамках обменных процессов на территории РФ, до 46,5% покрытой лесами, растительность способна не только связывать антропогенный CO₂, но и производить значительные объёмы кислорода в атмосферу Земли по сравнению с другими странами. Поэтому при инвестициях капитала в экономику России странами с большим вкладом антропогенного CO₂ на единицу площади необходимо платить экологическую ренту. На региональном уровне в новом направлении Стратегии РФ по обеспечению экологической безопасности регионов необходимо постепенно переходить: к оценке территорий не по уровню антропогенной нагрузки на окружающую среду, а по величине их ассимиляционного потенциала, как показателя способности самой природы восстанавливать качество среды в природно-хозяйственных комплексах; к адаптивной системе природопользования, соотносясь с необходимостью не бороться с чрезвычайными ситуациями (далее – ЧС), связанными с изменениями климата (ландшафтные пожары, сели, наводнения и проч.), а приспосабливаться к изменению среды с помощью планомерного переноса инфраструктуры и производства на участки в меньшей степени подверженные воздействию ЧС.

Ключевые слова: стратегия экологической безопасности, изменение климата, приспособительность к изменению окружающей среды, экологическая рента, ассимиляционный потенциал

Для цитирования: Кокин А. В., Тимейчук Л. Н. К стратегии управления экологической безопасностью РФ и её регионов в современных условиях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 25–31. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-25-31>. EDN ASVDXW

Problems of Management

Original article

To the strategy of managing environmental safety of the Russian Federation and its regions in modern conditions

Alexander V. Kokin¹, Lyudmila N. Timeichuk²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Alexander V. Kokin, alex@avkokin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3667-590X>

Abstract. In connection with the upcoming review of the Strategy for Environmental Safety until 2025, it is foreseen that changes and additions to it will be necessary in new socio-economic and political conditions. At the global level: due to the unidentified causes (natural or anthropogenic) affecting global climate change,

the RF should withdraw from the Paris Agreement on Climate due to fundamentally incorrect estimates of contribution of countries CO₂ issuers in relation to the area of their territories. Because the share of CO₂ emissions per unit area in the Russian Federation is much lower than in other countries, with very low population density and dispersion over production and infrastructure. In the exchange processes on the territory of the Russian Federation, up to 46,5% covered by forests, vegetation is able not only to bind anthropogenic CO₂, but also to produce significant amounts of oxygen in the Earth's atmosphere compared to other countries. Therefore, when investing capital in the Russian economy, countries with a large contribution of anthropogenic CO₂ per unit of area must pay an environmental rent. At the regional level, the new direction of the Strategy for ensuring environmental safety of regions should be gradually moved to the assessment of territories not by the level of anthropogenic loads on the environment, but by the amount of their assimilation potential, as an indicator of the ability of nature itself to restore the quality of the environment in natural and economic complexes; to an adaptive system of natural resources management, according to the need not to fight against emergencies, related to climate change (landscape fires, mudslides, floods and so on), and adapt to environmental changes through the systematic relocation of infrastructure and production to less affected areas.

Keywords: environmental safety strategy, climate change, adaptation to environmental change, environmental rent, assimilation potential

For citation: Kokin A. V., Timeichuk L. N. To the strategy of managing environmental safety of the Russian Federation and its regions in modern conditions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):25–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-25-31>. EDN ASVDXW

Введение

В рамках Указа Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»¹ к концу этого года уже нужно будет подводить итоги о достигнутых целях и решённых её задачах (далее Стратегии). Дальнейшее движение в направлении реализации экологических программ в регионах России несомненно продолжатся, но уже сегодня возникает необходимость ставить новые цели и задачи Стратегии в новых социально-экономических и политических условиях. В том числе в связи с жёсткой санкционной политикой со стороны Запада, которая охватывает практически всю сферу производственных, торговых, финансовых отношений и логистических связей между государствами.

Если предыдущая Стратегия была сосредоточена в основном на том, чтобы уменьшить давление на окружающую среду при сохранении темпов экономического роста и сбалансированном использовании природных ресурсов. То в новых социально-экономических, технологических и политических условиях национальная политика в достижении целей экологической безопасности в РФ должна по-прежнему учитывать как глобальные, так и региональные тенденции.

Стратегия РФ в глобальной экологической политике

Глобализация действительно тревожный сигнал [1–3] для мировой политической элиты. Из глобальных экологических факторов наибольшее влияние на экосферу мирового сообщества, в том числе РФ, оказывает потепление климата, сокращение биоразнообразия, трансграничное загрязнение окружающей среды. Все остальные факторы, которые часто относят к глобальным – от лукавого, поскольку такие, как: деградация земель, энерго-ресурсный и продовольственный фактор, загрязнение окружающей среды, управление отходами и прочее необходимо относить к региональным. Проблемы дефицита природных ресурсов в целом будут касаться РФ в меньшей степени не только из-за обеспеченности ею в долгосрочной перспективе на десятки и сотни лет, но и потому, что по многим минеральным ресурсам она является крупнейшим их поставщиком на мировой рынок.

В связи с тем, что проблема глобального потепления климата не имеет однозначного решения [4] в части причин, которые приводят к повышению средней температуры поверхности Земли (естественные, антропогенные или оба фактора без достоверной оценки влияния каждого из них), то глобальная Стратегия РФ в этом направлении должна реализоваться с большой осторожностью.

Во-первых, потому что существуют длинно- и короткопериодические процессы, влияющие на изменения климата. И современная наука до сих пор не может определиться, какие из них являются доминирующими в настоящую эпоху естественные или антропогенные [5].

Во-вторых, вне зависимости от причин глобального потепления возникает необходимость оценки странами-эмитентами количества выбросов CO₂ на единицу площади их территорий.

¹ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

Эта осторожность должна исходить из следующего. В первую очередь Правительство РФ должно учитывать относительную долю влияния на окружающую среду следующих показателей. Оценки средней плотности населения по сравнению с развитыми странами. Сопоставимости их ВВП, производства продукции и отходов на душу населения. Вовлечения количества собственных и импортируемых природных ресурсов на производство единицы продукции. Оценки доли запасов природных ресурсов относительно мировых и т. д. В конце концов все эти факторы можно связать с расчётным значением ассимиляционного потенциала [6] природы регионов, который способен естественным путём восстанавливать качество окружающей среды и возобновляемые ресурсы в зависимости от антропогенной нагрузки.

При этом хорошо известно, что РФ является одной из крупнейших территорий с низкой плотностью населения (около 8,5 чел/км²) при развитой экономике. Обладает большими запасами минерального сырья, лесных, водных ресурсов. Рассредоточенная инфраструктура на громадной и мало освоенной территории способствует быстрому рассеянию и ассимиляции антропогенных загрязнений, кроме локальных зон европейской части страны, Урала, Западной Сибири и Юга РФ с высокой плотностью населения, большого удельного давления производства и инфраструктуры на единицу площади.

Россия обладает одним из крупнейших лесных биомов занимающим около 46,5% своей территории. В условиях потепления климата, который связывается с выбросами CO₂, главным потребителем углекислого газа всё-таки является лесная растительность, увеличивающая свою биомассу с одновременным пополнением атмосферы Земли кислородом. Так что именно территория РФ является тем регионом, который изымает из атмосферы больше остальных стран мира CO₂ и непроизвольно решает проблему так называемой «декарбонизации». Поэтому на каждый рубль инвестиций в экономику РФ иностранные инвесторы должны бы платить ей экологическую ренту [7–8] пропорционально разнице ассимиляционного потенциала [5] территорий, отличающихся большей распаханностью, большей нагрузки производства и инфраструктуры на единицу площади, чем в РФ.

Поскольку признаётся, что цикл углерода в наземных экосистемах определяется балансом между поглощением CO₂ наземной растительностью (идущим на производство биомассы) и выделением углекислого газа при дыхании почв, то важнейшим показателем дополнительной нагрузки на экосистемы может служить коэффициент антропогенного влияния (*K_{ав}*) углекислого газа, выраженный отношением количества произведённого CO₂ в млн т к площади государств (табл. 1).

Таблица 1– Сравнительные данные ведущих экономик мира по величине коэффициента антропогенного влияния по выбросам CO₂ в 2021 гг.

Table 1 – Comparative data of the world's leading economies on the impact of the anthropogenic impact coefficient on CO₂ emissions in 2021

Выбросы CO ₂ в мегатоннах ¹			Площадь территории, км ²	Коэффициент антропогенного влияния (<i>K_{ав}</i>) CO ₂ на территории государств	Относительное превышение антропогенного CO ₂ регионов по отношению к РФ, раз
Место среди регионов мира	Регион	Млн т.			
1	Китай	10523,0	9 598 962	0,00101	11,22
2	США	4701,1	9 833 517	0,00048	5,33
3	ЕС	2735,49	4233000	0,00064	7,11
4	Индия	2552,8	3287000	0,00078	8,67
5	Россия	1581,3	17125191	0,00009	1,0
6	Япония	1053,7	377973	0,00279	31,0
Мир в целом (суша)		37857,0	148939063	0.00025	2,78
Земля в целом с учётом судоходства и авиации		38946,89	510072000	0,00008	0,85

¹ Statistical Review of World Energy 2022 (англ.). ВР (28 июня 2022).

Дата обращения: 1 июля 2022 г. Архивировано 9 июля 2022 г.

Kav показывает, на какую относительную величину антропогенной доли CO₂ отличаются государства относительно существующего баланса углерода. С учётом того, что на всех территориях государств обменные процессы по связыванию антропогенной доли углерода подчиняются единому биогеохимическому закону.

Таким образом, из таблицы следует, что с учётом площади государств, на которых развивается экономика и инфраструктура, антропогенный вклад CO₂ РФ меньше всех остальных в разы (действует механизм рассеяния: чем больше по площади территория, тем быстрее и эффективнее происходит связывание CO₂). Отсюда, если антропогенный вклад CO₂ действительно влияет на потепление климата, то ответственными плательщиками за выбросы должны быть страны с большим энергопотреблением при формировании своей экономики и инфраструктуры по сравнению с РФ. А в рамках трансграничного загрязнения они влияют на территории соседних государств. Поэтому введение налога на углерод оправдано только отчасти, поскольку мы до сих пор не представляли роль *Kav*, который отражает действительный вклад CO₂ антропогенной природы, влияющий на состояние экосистем.

Если величину *Kav* РФ приравнять к 1,0, то оказывается, что её антропогенная доля CO₂ в разы меньше сравниваемых государств. При этом *Kav* всей суши поверхности Земли выше его для РФ в 2,78 раза. Это явно означает, что в целом мировой вклад антропогенного CO₂ не превышает *Kav* РФ. И только с учётом всей поверхности Земли и влияния загрязнением CO₂ авиацией и морским транспортом величина *Kav* превышает российский в 0,85 раз.

Выводы напрашиваются сами.

1. В глобальном плане РФ не должна участвовать ни в каких мировых соглашениях по климату, поскольку относительная доля выбросов ею антропогенного CO₂ ничтожна, чтобы участвовать наравне с другими странами в создании так называемого парникового эффекта.

2. Относительная величина влияния антропогенной нагрузки CO₂ на всю поверхность суши Земли мировой экономикой также ничтожна. И проблема антропогенного CO₂, как парникового газа, влияющего на изменения климата, противоречит обменным процессам в биосфере подтверждающим наличие существующего баланса углерода в наземных экосистемах. К тому же обменные процессы газов в биосфере протекают быстрее, чем разложение и изъятие того, что мировая экономика производит в иных формах.

3. Механизм рейтингования государств исключительно по доле выбросов CO₂ (таблица) является не корректным, поскольку он не учитывает площади государств-эмитентов CO₂, на территории которых происходят обменные процессы по его связыванию.

4. В рамках положений 1-3 проблема потепления климата при участии антропогенной доли парникового газа CO₂ является по большей части надуманной. К тому же, как известно, не он является основным парниковым газом планеты, а пары воды в купе с остальными газами, влияющими на повышение температуры Земли.

5. Решение глобальных экологических проблем должно быть связано с чёткими представлениями о причинах доказанного изменения состояния качества окружающей под влиянием естественных и антропогенных процессов специалистами в области естественно-научного знания, а не идти в кильватере политизации актуальных экологических проблем современности. Основное направление деятельности управленческой элиты должно быть направлено в область энерго- и ресурсосбережения, управление отходами производства и их переработки. А поскольку природа обладает большей инерционностью в их ассимиляции, то увеличение темпов производства мировой экономикой отходов всех классов постоянно приводит к их накоплению и влияет на качество жизни населения.

К новому направлению развития современной региональной стратегии управления экологической безопасностью РФ

Основные направления существующей Стратегии экологической безопасности РФ и её регионов должны сохраниться за исключением некоторых положений, которые на современном этапе развития экономики и социальной сферы могут быть внесены в разработку и дополнение к новой Стратегии. В первую очередь это понимание того, что хозяйственная деятельность человека не изолирована от влияния естественных обменных процессов в природе и окружающей человека среде. Биоэнергетический потенциал обменных процессов складывался в течение миллиардов лет эволюции живого, что привело к образованию биосферы. Хозяйственная же деятельность человека насчитывает не более 10000 лет от эпохи неолита. Если возникновение жизни сегодня относят ко времени

3,9 млрд лет назад, то временное отношение хозяйственной деятельности биосферы к возрасту биосферы определится числом 0,000002564.

Физический смысл этого отношения сводится к тому, что если принять во внимание равенство биоэнергетических возможностей хозяйственной деятельности человека одинаково влиять на состояние биосферы, то его биоэнергетический потенциал должен быть сравнимым с ней, накопленный за 3,9 млрд лет. Но он оказывается меньше в 2,564 млн. раз. Т.е. современный биоэнергетический потенциал в биосфере не нарушен, что было доказано почти 20 лет назад [6]. Стало быть воспринимаемые нами изменения состояния природы и окружающей среды есть ни что иное как следствие инерционности природы медленнее ассимилировать всё то, что привносит в неё хозяйственная деятельность человека и медленнее воспроизводит природные ресурсы. Как однажды говорил поэт: «Всё пройдёт. Исчезнут города и реки обмелеют. И золотом в цене окажется вода для тех, кто не поймёт причин, не разумеет... Природа — всё! А человек в ней миг. Пожалуй оттого не надо нам срываться в крик. А просто жить в сознании того, как нам сберечь естественный природы лик».

Для этого мы должны понимать ассимиляционную сущность потенциала природы и пытаться сбалансировать систему потребления и воспроизводства природных ресурсов, перерабатывая те отходы своей деятельности, которые не успевают ассимилировать среда в природохозяйственных комплексах территорий государства. И хоть взгляды на представление об ассимиляционной функции разнятся [9–10] смысл её не меняется. Поэтому настало время приступить, наконец, к районированию территорий РФ по состоянию ассимиляционного потенциала с тем, чтобы направлять средства и усилия в те регионы, которые по той или иной причине имеют низкое его значение. В противном случае природе понадобится больше времени для восстановления своего качества в регионах.

Введённый в РФ известный коэффициент экологической ситуации¹ в систему платежей за загрязнение окружающей среды не отражает саму сущность обменных процессов, происходящих в среде регионов и должен быть постепенно заменён ассимиляционным потенциалом территорий природохозяйственных комплексов. А экологические платежи связывать с величиной превышающей ассимиляционный потенциал территории РФ, который близок к значению $A=0,9$ [6].

Для районирования территорий по величине ассимиляционного потенциала (A) рекомендуется принять следующие значения его величины. Для ненарушенной природы территории $A=1,0$, для трансформированной (полностью превращённой человеком природы) $A=0$, для остальных $A>0$. В зависимости от вида нагрузки на экосистемы возможны ниже приведённые варианты (1, 2, 3, 4) расчёта величины A .

$$A = \frac{s_1 \cdot a_1 + \dots + s_n \cdot a_n}{S} \quad (1)$$

$$A = \frac{(s_1 \cdot a_1 + \dots + s_n \cdot a_n) - \left(\frac{1}{k_1} \cdot \frac{1}{k_n}\right)}{S} \quad (2)$$

$$A = \frac{(s_1 \cdot a_1 + \dots + s_n \cdot a_n) - \left(\frac{1}{k_1} \cdot \frac{1}{k_n}\right)}{S} \quad (3)$$

$$A = 1 - \frac{s_1 \cdot a_1 + \dots + s_n \cdot a_n}{S} \quad (4)$$

Формулы расчёта величины ассимиляционного потенциала в зависимости от целей и задач оценки территорий

(Formulas for calculating the value of assimilation potential depending on the goals and objectives of assessing territories),

где: A – ассимиляционный потенциал территории с площадью S (км²);
сумма частных площадей $s_1 + \dots + s_n$ в контуре общей площади S с нарушенной величиной ассимиляционного потенциала $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$;
 $k_1 \dots k_n$ – превышения значений ингредиентов, поллютантов, нормативов, уровней относительно ПДК, ПДН, ПДВ, ПДУ и проч.

В отличие от существующего коэффициента экологической ситуации, практически определяющего только уровень давления на окружающую среду, ассимиляционный потенциал будет отражать категорию количественного соответствия баланса между антропогенной и естественной нагрузками на неё.

Другим направлением развития Стратегии должна быть разработана программа РФ по адаптации регионов к естественным изменениям климата. Это не означает, что мировая экономика должна

¹ Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2014 г. N 1471. Вступило в действие с 1 января 2015 г.

развиваться за счёт неконтролируемого использования природных ресурсов и увеличения давления на окружающую среду посредством производства отходов, не нормативных выбросов и стоков. Адаптация или приспособительность [11] заключается в необходимости понимать, что естественные периодические процессы потепления и похолодания не зависят от воли человека. Их нельзя перестроить или отменить. Хороший пример приспособительности к естественным условиям возможного развития критических ситуаций показала Дания и некоторые другие европейские государства. Они с незапамятных времён, когда ещё не знали даже о парниковом шовинизме, ведут строительство дамб против наступления моря на сушу. Ведут сознательную борьбу за сохранение собственных территорий, за своё существование.

Заключение

Таким образом, при переходе к новой региональной стратегии управления экологической безопасностью необходимо не бороться с ЧС, вызванными изменениями климата, а приспособиться к нему. Приспособительность должна ориентироваться на поиски новых управленческих решений в мировом и региональном хозяйствах, а именно:

1. Не пытаться следовать международным организациям по борьбе против естественных процессов, происходящих в природе. Не устанавливать мифические налоги на компании под предлогом борьбы с изменением климата. Вместо этого бизнес должен нести ответственность за нарушение местного, регионального, международного законодательства, запрещающего строительство хозяйственных и социокультурных объектов в зонах возможного развития техногенных и природных ЧС.

2. Картографировать историческую динамику территорий подвергающихся подтоплению, сходу селей, лавин и т. д.

3. Не строить народнохозяйственные объекты, не развивать инфраструктуру на этих участках.

4. Постепенно выводить жилые, хозяйственные и социокультурные объекты с территорий хотя бы однажды подвергшихся подтоплению. В случае невозможности достижения таких условий, не дожидаясь новых ЧС, строить водозащитные, селезащитные сооружения с учётом исторически максимальных уровней подтопления по опыту европейских государств. Помнить, что борьба с последствиями ЧС обходится дороже, чем выполнение превентивных мер по их предупреждению.

6. Ландшафтные и лесные пожары по мировой статистике связаны с человеческим фактором. Сохранение лесов – проблема управления состоянием пожарной безопасности регионов. С увеличением частоты естественных возгораний лесов в складывающихся условиях потепления климата в рамках всеобщей готовности населения к развитию ЧС властям любых уровней управления необходимо создавать команды, готовые в любой момент приступить к их ликвидации.

Список источников

1. Стиглиц Дж. Глобализация: Тревожные тенденции. М., 2003.
2. Яковец В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: ЗАО Изд-во "Экономика", 2003. 441 с.
3. Huntington S.A. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
4. Кокин А. В. Потепление климата: непонятая реальность // Материалы к публичной лекции «Экологические мифы современных экологических утопий на XXII научно-практической конференции «Неделя науки». Ростов-на-Дону: Изд-во РТА, 2008. 23 с.
5. Кокин А. В., Садовникова Ю. Ю. Экологические заблуждения и ассимиляционный потенциал природы. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2013. 88 с.
6. Кокин А. В. Ассимиляционный потенциал биосферы. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2006. 180 с.
7. Веклич О. О. Экологическая рента: сущность, разновидности, формы // Вопросы экономики. 2006. № 11. С. 104–110.
8. Филимонова Е. Г. Рента природная, экологическая, экономическая – проблемы определения // Записки Горного института. Санкт-Петербург. 2014. Т. 208. С. 75–80.
9. Безгубов В. А., Часовников С. Н. К вопросу об экологической емкости территории и способам ее оценки // Фундаментальные исследования. 2015. № 12–4. С. 751–754.
10. Гусев А. А. Ассимиляционный потенциал окружающей среды и система прав собственности на природные ресурсы // Экономика и математические методы (ЭММ). М.: Центральный Экономико-Математический Институт (ЦЭМИ). 1997. Vol. 33(3). Июль.

11. Кокин А.В. Вызовы глокализации. Управлять или приспосабливаться? И есть ли необходимость ратифицировать РФ парижское соглашение по климату? // Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Кол. моногр. Научн. ред.: А. У. Альбеков, Г. Г. Матишов, А. М. Старостин. Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2017. С. 321–327.

References

1. Stiglitz J. *Globalization: Disturbing trends*. Moscow; 2003. (In Russ.)
2. Yakovets V. *Globalization and interaction of civilizations*. Moscow: ZAO Edition "Economy"; 2003. 441 p. (In Russ.)
3. Huntington S. A. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster; 1996.
4. Kokin A. V. Warming of the climate: ununderstood reality. In: *Materials for public lecture «Ecological myths of modern ecological utopias at the XXII scientific-practical conference «Science week»*. Rostov-on-Don: From the PTA; 2008. 23 p. (In Russ.)
5. Kokin A. V., Sadovnikova Y. Y. *Ecological misconceptions and assimilation potential of nature*. Rostov-on-Don; 2013. 88 p. (In Russ.)
6. Kokin A. V. The Biosphere's Assimilation Potential. Rostov-on-Don; 2006. 180 p. (In Russ.)
7. Bill O. O. Ecological rent: essence, variety, form. *Economics issues*. 2006;(11):104–110. (In Russ.)
8. Philinova E. G. Rent natural, ecological, economic - problems of definition. *Notes of the Mining Institute*. 2014;(208):75–80. (In Russ.)
9. Bezlipov V. A., Часовников S. N. К question about ecological capacity of territory and ways to evaluate it. *Fundamental research*. 2015;(12-4):751–754. (In Russ.)
10. Gusev A. A. The assimilation potential of the environment and the system of ownership of natural resources. *Economics and mathematical methods (EMM)*. 1997;33(3), July. (In Russ.)
11. Kokin A. Challenges of glocalization. To manage or adapt? And is it possible to ratify the Paris agreement on climate? In: *Alternative models of globalization and the problems of modern global dynamics*. Col. Monograph. A. W. Albekov, G. H. Matishov, A. M. Starostin (eds). Rostov-on-Don; 2017:321–327. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Кокин – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХ и ГС.

Л. Н. Тимейчук – старший преподаватель кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХ и ГС.

Information about the authors

A. V. Kokin – Dr. Sci. (Geological and Mineralogical), Professor at the Department of Economics, Finance and Environmental Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

L. N. Timeychuk – Senior Lecturer at the Department of Economics, Finance and Environmental Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.07.2024; одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 13.07.2024; approved after reviewing 07.08.2024; accepted for publication 08.08.2024.

Научная статья

УДК 388

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-32-37>

EDN GKHPXB

Экологизация жизнедеятельности как системный элемент экологического управления

Алла Алексеевна Лысоченко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
aalysochenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9173-6667>

Аннотация. Экологизация жизнедеятельности – современный этап социально-экономического и общественного развития общества. Устойчивое развитие экономики, технологий и техники отрицательно влияют на экологию и приводят к постепенному истощению природных ресурсов. Развитие экологических идей среди населения страны, восстановление природных объектов, сохранение окружающей природной среды, ведение хозяйственной деятельности человека с учетом бережного отношения к природе – всё это экологизация жизнедеятельности, а экологическое управление направлено на экологическую переориентацию бизнес-процессов и социальное воспитания человека. В статье представлены теоретические и практические стороны экологизации жизнедеятельности в современной экономике, проведена региональная оценка системы экологического управления, даны практические рекомендации в рамках разработки нового национального проекта «Экологическое благополучие».

Ключевые слова: экологизация жизнедеятельности, менеджмент, управление, экология, охрана окружающей среды, экосистема, природопользование, ESG, экологическое благополучие

Для цитирования: Лысоченко А. А. Экологизация жизнедеятельности как системный элемент экологического управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 32–37. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-32-37>. EDN GKHPXB

Problems of Management

Original article

Ecologization of vital activity as a leading function of systemic environmental management

Alla A. Lysochenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
aalysochenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9173-6667>

Abstract. The greening of life is a modern stage of socio-economic and social development of society. The sustainable development of the economy, technology and technology have a negative impact on the environment and lead to the gradual depletion of natural resources. The development of environmental ideas among the population of the country, the restoration of natural objects, the preservation of the natural environment, the conduct of human economic activity taking into account respect for nature – all this is the greening of life, and environmental management is aimed at the ecological reorientation of business processes and social education of a person. The article presents the theoretical and practical aspects of the greening of life in the modern economy, a regional assessment of the environmental management system is carried out, practical recommendations are given within the framework of the development of a new national project "Environmental well-being".

Keywords: ecologization of life, management, ecology, environmental protection, ecosystem, environmental management, ESG, environmental well-being

For citation: Lysochenko A. A. Ecologization of vital activity as a leading function of systemic environmental management. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):32–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-32-37>. EDN GKHPXB

Введение

Популярное слово в современной экономике «экологизация» означает внедрение экологических принципов и подходов во все сферы жизни людей и бизнес. Экологические аспекты сегодня затрагиваются во всех системах жизнедеятельности и управления. Экологизация системы управления прежде всего направлена на сохранение и восстановление экологических экосистем, а также на развитие экопросвещения и создания экологически ориентированного бизнеса [1].

Экологическое управление является более сложным по сравнению с производственным и бизнес-управлением, так как затрагивает процессы жизнедеятельности и гармонии человека с природой.

Объектами экологического управления являются природные объекты, экологические экосистемы, общественные и производственные системы.

Задача экологического управления состоит в экологической переориентации процессов производства и социального развития страны. Системообразующими принципами экологического управления являются:

принцип предотвращения нагрузки на окружающую среду;

принцип информационного кооперирования между индивидом и общественными интересами;

принцип виновника, который платит за загрязнение окружающей среды¹.

Экологизация жизнедеятельности

При экологическом управлении необходимо учитывать динамику изменения среды обитания человека, государства и общества. Неслучайно на современном этапе развития появляется термин EGS. ESG – это метод или стратегия ведения бизнеса, которая включает в себя бережное и ответственное отношение к природе, обществу и работникам. Внедрение ESG стоит на уровне государственного развития, и бизнесы ориентируются на различного рода стратегии сохранения природы, например: создание биоразлагаемой упаковки; продажа товара из переработанного сырья; перечисление средств на благотворительные фонды; обмен старых вещей на скидку при покупке новых. Показателем того, что Россия стала на путь внедрения ESG-стратегии является то, что уже около 135 предприятий 24 отраслей попадают в рейтинги европейских аналитических агентств. ESG строится на: бережном отношении к окружающей среде, поддержание экологии и минимизация вреда для природы; высокая социальная ответственность; высокое качество корпоративного управления². ESG-рейтинг имеет значимое место, поскольку все данные анализов агентств остаются в открытом доступе, и каждый при наличии желания, может делать собственные выводы, и строить собственный рейтинг. ESG-рейтинг также играет важнейшую роль в дальнейшей судьбе организации. Многие инвесторы начинают пристально следить за ESG-рейтингом, и чем этот рейтинг больше, тем больше шанс инвестиций.

Такие организации, как «Сбер» при выдаче кредитов учитывает эко-рейтинг организации, холдинг «Российские железные дороги» разработал «Стратегию природоохранных мероприятий до 2030 года» по таким направлениям как охрана водных ресурсов и атмосферного воздуха, защиту от шума, техническое перевооружение и обращение с отходами, компания ПАО «Газпром» использует систему экологического менеджмента по международным стандартам ISO 14001 [2].

В России реализуются такие популярные экологические проекты:

Новая культура помощи природе – «С удовольствием!» (проведение арт-субботников, волонтерских экомарафонов с целью очищения природных территорий, формирования экологичного образа жизни и новой культуры);

Развитие экологических практик Атомэнергосбыта в регионах ответственности (формирование современной культуры энерго- и ресурсопотребления у населения);

Цифровая экология (внедрение цифровых технологий в систему с обращением с отходами. Сокращение тарифа для населения и создание удобных механизмов для работы бизнеса);

Зеленая стратегия (формирование культуры экологического поведения и экологически ответственного образа жизни на территории жилых комплексов Группы «Самолет» и в регионах России

¹ Экологическое управление //

https://studbooks.net/12570/ekologiya/normativnaya_metodologiya_sistemnogo_ekologicheskogo_upravleniya?ysclid=lyo2j6qiik101501513

² Что такое ESG и почему это полезно для бизнеса // https://secrets.tinkoff.ru/razvitie/strategiya-esg/?ysclid=lyrb4dn4dn189634510&internal_source=copypaste

в целом. Установка фандоматов для приема пластика и алюминия, бывшей в употреблении одежды, батареек и бытовой техники);

Проект «Сохраним лес вместе!» (Сбер-программа: восстановление лесов на всей территории Российской Федерации. Одно дерево увеличивает объем кислорода в атмосфере на 90 л в сутки);

Акция «Сад Памяти» (высаживание деревьев во всех регионах России и в зарубежных странах в память о погибших в годы Великой Отечественной войны и в поддержку участников специальной военной операции).

Кроме того многие компании применяют «зеленые» технологии и «зеленые» решения, такие как рациональное использование отходов; снижение уровня выброса углерода в атмосферу; переход на поставку экологически чистых продуктов [3].

Для экологизации жизнедеятельности необходимо постоянное и системное применение методов в менеджменте по переходу на ресурсосберегающую, экологически эффективную и социальную бизнес-модель в организациях и экологического мышления человека.

Положительные тенденции в развитии эко-логистических технологий: сокращение или отказ от бумажного документооборота; вторичная переработка тары; снижение электропотребления; открытие элетрозаправочных станций; размещение логистического сервиса с учетом альтернативных источников энергии.

Результаты и предложения

Увеличение экономического эффекта от внедрения ресурсосберегающих технологий и экологической безопасности – это современный этап экологического управления в экономике [4].

Экологически чистое производство, производство экологически чистых продуктов и совершенствование природоохранных мероприятий являются основными задачами Российской экономики с целью сохранения национальной конкурентоспособности [5].

Для этого необходимо:

создать нормативно-правовые инструменты и уменьшить налоги (сборы) для организаций принимающих участие в экологическом благополучии страны и регионов;

стимулировать инвестиции в научно-технические открытия, направленные на развитие «бережливого» производства, а также на профессиональную подготовку квалифицированных кадров в сфере развития «зеленых» технологий» [6];

для организаций наносящих вред окружающей среде отменить субсидии и налоговые льготы;

разработать стимулирующий механизм для организаций производящих продукцию с минимальным воздействием на экологию.

Оценка системы экологического управления на примере Ростовской области

В Ростовской области за последние 10 лет в лесном хозяйстве: посажено 16 тыс. гектаров лесного фонда, а в рамках регионального проекта «Сохранение лесов» – 10 тыс. гектаров лесных культур, выращено более 50 млн штук посадочного материала хвойных и лиственных пород и куплено 265 единиц техники; увеличено количество ежегодных патрулирований лесного фонда (с 3000 до 7100).

В 2024 г. на сумму 6 млн рублей будут приобретены 4 беспилотных авиационных систем для борьбы с лесными пожарами.

Система видеонаблюдения (86 камер) за лесными и ландшафтными пожарами функционирует в круглогодичном режиме. Ежегодно в течение пожароопасного сезона обеспечено функционирование 21 лесопожарной станции.

Ежегодно в Ростовской области проводятся Дни древонасаждений. За 10 лет высажено более 3,4 миллиона штук деревьев и кустарников при участии 7,8 тыс. человек.

В целом за 10 лет на развитие лесного хозяйства направлено более 3 млрд рублей.

В период с 2014 по 2024 гг. на территории Ростовской области в сфере водохозяйственного комплекса расчищено 13 участков русел рек протяженностью 130,93 км, а в рамках проекта «Сохранение уникальных водных объектов» национального проекта «Экология» – 4 участка русел рек (72,5 км). Объем финансирования на развитие водохозяйственного комплекса за 10 лет составил 1,9 млрд руб.

В 2021 г. утвержден план мероприятий («дорожная карта») по оздоровлению и развитию водохозяйственного комплекса реки Дон в рамках которого на территории Ростовской области

реализуются 15 мероприятий¹. В июле 2024 г. утвердили программу создания в Ростовской области карбонового полигона для мониторинга внутренних водных ресурсов Цимлянского водохранилища. Полигон позволит изучить баланс углерода в антропогенно-измененных экосистемах, а также даст возможность разработать эффективные технологии контроля и управления процессами, регулирующими этот баланс [7].

В 2024 г. разработаны «Стратегия устойчивого развития Приазовья до 2040 года» и План мероприятий, в который включены мероприятия: строительство, реконструкция и модернизация очистных сооружений; разработка проектов на реконструкцию водоотливных комплексов и очистных сооружений шахтных вод; разработка на федеральном уровне единой программы по берегоукреплению Азовского моря.

Осуществляется переброска воды населению Донбасса, которая осуществляется в пределах возможного изъятия водных ресурсов и не ущемляет потребности региона.

За 10 лет проведено 11267 контрольно-надзорных мероприятия, пресечено более 6 тысяч фактов нарушения. Мониторинг атмосферного воздуха осуществляется в 12 городах Ростовской области посредством 18 стационарных постов и маршрутных наблюдений. В области в соответствии с региональным планом адаптации к изменениям климата реализуется 38 приоритетных мероприятий.

Ростовская область по своему биологическому разнообразию является уникальным регионом России. В Красную книгу Ростовской области включены: 254 вида животных, 220 видов растений, 41 вид грибов [8]. В 2024 г. будет третье издание книги в двух томах («Растения и грибы» и «Животные»).

Ежегодно увеличивается количество животных, выпускаемых в естественную среду обитания. За 10 лет этот показатель вырос с 3,6 тыс. до 15 тыс. особей. Благодаря проведению широкого комплекса биотехнических мероприятий численность копытных животных за 10 лет увеличилась на 79 %.

Развитие экопросвещения становится популярным в Ростовской области. Так, доля населения, вовлеченного в мероприятия по экологическому просвещению увеличилась до 18,1 % (более 750 тыс. человек принимает участие) [9].

Ежегодно вовлекается свыше 500 тыс. человек в мероприятия по экологическому просвещению. В регионе проводятся: акции – «Дни защиты от экологической опасности», «Вода России»; фестивали – «Праздник эколят и молодых защитников природы», «Воспетая степь»; в образовании – «Областной слет юных экологов», экологические уроки и экскурсии.

Начиная с 2021 года за каждым регионом страны закреплены 20 целевых значений показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. В области экологии это показатель «Качество окружающей среды», которое включает 4 коэффициента по отходам, загрязнению атмосферного воздуха и водным объектам, а также сохранению леса. В регионе значение показателя превышает плановое и за 2023 г. составило 108,55 % (план 104,17 %).

Результаты и предложения

Экологическое развитие и экологическое управление на примере Ростовской области за последние 10 лет показывает положительную динамику восстановления природопользования и снижения антропогенного воздействия. Системное экологическое управление осуществляется в рамках государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональной природопользование»² и национального проекта «Экология». Для развития экологической жизнедеятельности на региональном уровне также необходимо сформировать региональную политику в сфере экологического воспитания населения через взаимодействие с детскими и молодежными общественными объединениями Ростовской области и принять активное участие в наполнении нового национального проекта «Экологическое благополучие» мероприятиями, реализуемыми на территории Ростовской области.

¹ Для Цимлянского водохранилища создадут карбоновый полигон // <https://don24.ru/rubric/ekonomika/dlya-cimlyanskogo-vodohranilischa-sozhdadut-karbonovyy-poligon.html>

² Постановление Правительства Ростовской области «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование» // Официальный портал Правительства Ростовской области: сайт. URL: <https://www.donland.ru/documents/9704/?ysclid=lvakhil02d18609833>

Заклучение и перспективы исследования

Одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 определено «Экологическое благополучие». Это говорит о высочайшем значении для государства сокращения вредного влияния на окружающую среду и повышения экологической ответственности¹.

Для достижения национальной цели «Экологическое благополучие» установлено: снижение в два раза выбросов опасных загрязняющих веществ и объема неочищенных сточных вод; сохранение лесов и биологического разнообразия, устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий и создание условий для экологического туризма; формирование экономики замкнутого цикла; ликвидация опасных объектов накопленного вреда окружающей среде.

В целом национальная цель «Экологическое благополучие» создаст здоровую и безопасную среду для жизни, обеспечит экономический рост и новые возможности, и в целом повысит качество жизни граждан.

Экологическое управление – это прежде всего реализация мероприятий в рамках программно-целевого планирования госпрограмм и национальных проектов Российской Федерации.

Новый национальный проект «Экологическое благополучие» будет состоять из 9 федеральных проектов: «Чистый воздух», «Комплексная система мониторинга качества окружающей среды», «Вода России», «Генеральная уборка», «Инфраструктура для обращения с отходами 1-2 класса опасности», «Экономика замкнутого цикла», «Сохранение биологического разнообразия», «Сохранение лесов», «Сохранение уникальной экосистемы озера Байкал».

Сегодня для экологизации жизнедеятельности на уровне системного экологического управления необходимо:

- проводить «экологическое» обучение в организациях;
- использовать экологические виды транспорта;
- проводить просветительскую работу среди потребителей товаров и услуг по вопросу использования знаков маркировки упаковки для получения информации о производителе, срока годности и качества товаров;
- стимулировать инвестирования в экологические проекты организаций»;
- проводить мероприятия по энергопотребительскому сокращению;
- проводить мероприятия по замене ограниченных ресурсов перерабатываемыми или биоразлагаемыми ресурсам;
- продлевать жизненный цикл товара путем регулярного обслуживания и ремонта, правильного использования и ухода, а также модернизации;
- развивать новые виды бизнесов, новые услуги за счет развития новых технологий и IT-платформ;
- развитие идеи совместного использования товаров для разгрузки жизненного пространства человека и экономии природных ресурсов.

Список источников

1. Овчинников В. Н. Институциональные и рыночно-экономические инструменты встраивания природно-ресурсных активов в стоимостную цепочку механизма управления функционированием экосистемы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Экономика». 2022. Вып. 4 (310). С. 82–88. DOI: 10.535.98/2410-3683-2022-4-310-82-88.
2. Кулиева Э., Ильясов И. Становление экологии экономики и ее главные аспекты // Интернаука. 2022. № 14-4 (237). С. 28–29.
3. Современные аспекты развития «зеленой экономики» в Российской Федерации: монография / С. Г. Тяглов, Н. Н. Киселева, В. А. Тимченко. Ростов-на-Дону : Содействие-XXI век, 2017. 103 с.
4. Экологическая безопасность и эффективность природопользования / Астахов А. С., Диколенко Е. Я. Вологда: Инфра-Инженерия, 2018. 323 с.
5. Байрамова Г., Гараева Н. Г., Бекиева А. Устойчивое развитие общества и экология: возможности и перспективы взаимодействия // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 10 (67). С. 547–550.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=lye57p82cx13167290>

6. Тяглов С. Г., Богданова Р. М., Парада Е. В. Развитие зеленой экономики в рамках реализации национального проекта «Экология» // Финансовые исследования. 2019. № 2 (63).
7. Лысоченко А. А. Экологическая экосистема региона: стратегическое управление и развитие. Монография. Ростов н/Д: Содействие – XX век, 2021. 140с.
8. Стратегическое планирование и управление в сфере экологии и природопользования: региональный аспект. Монография / А. А. Лысоченко. Ростов н/Д: Содействие – XX век, 2022. 138 с.
9. Овчинников В. Н., Кетова Н. П., Лысоченко А. А. Стратегические приоритеты в менеджменте экологической экосистемы региона // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2024. № 1 (69). С. 144–150.

References

1. Ovchinnikov V. N. Institutional and market-economic instruments of integration of natural resource assets in the value chain of mechanism of functioning of ecosystem management. *Bulletin of Adygea State University. Series «Economy»*. 2022;4(310):82–88. (In Russ.). DOI: 10.535.98/2410-3683-2022-4-310-82-88.
2. Kulieva E., Ilyazov I. The development of ecology of economy and its main aspects. *Interscience*. 2022;14-4(237):28–29. (In Russ.)
3. *Modern aspects of development of «green economy» in the Russian Federation: monograph*. S. G. Tiaglov, N. H. Kiselev, V. A. Timchenko. Rostov-on-Don; 2017. 103 p. (In Russ.)
4. Environmental safety and efficiency of natural resources management. Astakhov A. S., Dikolenko E. J. Vologda: Infra-Engineering; 2018. 323 p. (In Russ.)
5. Bayramova G., Garaeva N. H. Bekiyeva A. Sustainable development of society and ecology: possibilities and prospects of interaction. *The Journal of Science*. 2023;(3):10(67):547–550. (In Russ.)
6. Tyaglov S. G., Bogdanova R. M., Parade E. V. Development of green economy within the framework of implementation of the national project «Ecology». *Financial research*. 2019;2(63). (In Russ.)
7. Lysochenko A. A. Ecological ecosystem of the region: strategic management and development. Monograph. Rostov-on-Don; 2021. 140 p. (In Russ.)
8. Lysochenko A. A. Strategic planning and management in the field of ecology and natural resources: regional aspect. Monograph. Rostov-on-Don; 2022. 138 p. (In Russ.)
9. Ovchinnikov V. N., Ketova N. P., Lysochenko A. A. Strategic priorities in the management of the ecological ecosystem of the region. *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of Economy and Management of Folk Economy)*. *Economics*. 2024;1(69):144–150. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Лысоченко – доктор экономических наук, профессор кафедры «Теории и технологии в менеджменте» факультета управления ЮФУ.

Information about the author

A. A. Lysochenko – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department «Theory and Technology in the Management» of the Faculty of Management, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 28.08.2024.

The article was submitted 19.07.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 28.08.2024.

Научная статья

УДК 330.34

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-38-45>

EDN CJQLSK

Государственное управление национальной экономикой в условиях геополитической нестабильности

Игорь Александрович Маньковский

Минский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
Минск, Беларусь, Mankovskiy.IA@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3953-9575>

Аннотация. Рассматривается экономическая система, состоящая из двух секторов: государственного (включая муниципальный) и частного. Показано, что в структуре экономической системы государственный сектор занимает большую часть экономического пространства. Установлено, что государственный сектор является, как правило, менее эффективным, чем частный, но способным, в отличие от частного, стабильно обеспечивать российское государство продукцией, необходимой для поддержания национальной безопасности. На основании статистических данных эффективности экономики в 2023 году, объемов бюджетного финансирования оборонно-промышленного комплекса России в 2022–2024 годах сделан вывод о том, что в Российской Федерации реализуется экономическая модель «военного Кейнсианства». Определены деструктивные эндогенные факторы, включая дефект институциональной структуры, снижающие эффективность реализуемой экономической модели и отдельные проблемные аспекты функционирования смешанной экономики. Внесены некоторые предложения по трансформации национальной экономики в посткризисный период.

Ключевые слова: экономическая система, государственное управление, государственный сектор, частный сектор, экономическая политика, экономическая эффективность, геополитическая нестабильность, модель экономики, посткризисная модернизация, смешанная экономика, баланс интересов, трансформация экономики

Для цитирования: Маньковский И. А. Государственное управление национальной экономикой в условиях геополитической нестабильности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 38–45. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-38-45>. EDN CJQLSK

Problems of Management

Original article

State management of the national economy in conditions of geopolitical instability

Igor A. Mankovsky

Minsk branch of Plekhanov Russian University of Economics, Minsk, Belarus,
Mankovskiy.IA@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3953-9575>

Abstract. We consider an economic system consisting of two sectors: public (including municipal) and private. It is shown that in the structure of the economic system the public sector occupies most of the economic space. It has been established that the public sector is, as a rule, less efficient than the private sector, but is capable, unlike the private sector, of stably providing the Russian state with the products necessary to maintain national security. Based on statistical data on economic efficiency in 2023 and the volume of budget financing of the Russian military-industrial complex in 2022–2024, it was concluded that the economic model of “military Keynesianism” is being implemented in the Russian Federation. Destructive endogenous factors have been identified, including a defect in the institutional structure that reduces the effectiveness of the implemented economic model and certain problematic aspects of the functioning of a mixed economy. Some proposals have been made for the transformation of the national economy in the post-crisis period.

Keywords: economic system, public administration, public sector, private sector, economic policy, economic efficiency, geopolitical instability, economic model, post-crisis modernization, mixed economy, balance of interests, economic transformation

For citation: Mankovsky I. A. State management of the national economy in conditions of geopolitical instability. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):38-45. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-38-45>. EDN CJQLSK

Введение

Российское общество и российское государство функционируют в условиях открытого противостояния с государствами «Западной коалиции», развивающимися русофобскими настроениями и борьбой Северной Америки за сохранение мирового господства. Введенные экономические санкции и технологическая зависимость промышленного сектора российской экономики от экономик недружественных государств требуют новых подходов к организации государственного управления экономикой, основанных на институциональном анализе экономической системы, учитывающем социальные факторы, прямо или косвенно влияющие на экономическую эффективность. Применение институционального анализа в качестве теоретической основы государственного управления особенно актуально в свете того, что «в последние десятилетия Российская Федерация столкнулась с рядом вызовов, связанных с образованием новых субъектов федерации ...» [1, с. 42]. Экономическая система, как объект государственного управления, является смешанной и состоит из двух основных секторов: государственного и частного, что присуще экономикам большинства государств [2], является абсолютно оправданным, способствует нормальному развитию государства, общества и экономической системы.

Оптимальное сочетание государственного и частного секторов позволяет в процессе государственного управления создать экономическую модель, основанную на принципе комплементарности, объединяющем лучшие качества государственной (плановой) и рыночной (конкурентной) экономики, в том числе посредством включения в хозяйственную деятельность экономических агентов, основанных на смешанной форме собственности, что обеспечивает устойчивость развития социально-экономической системы. Оба сектора функционируют в условиях, определенных государственной экономической политикой, формализованной в нормативных правовых актах, составляющих институциональную среду национальной экономики [3], объективно взаимодействуют друг с другом, но в силу разных целей функционирования, подходов к выбору видов осуществляемой деятельности, подбору кадров, менеджменту, показателям эффективности их взаимодействие нельзя назвать беспроблемным. Разные способы, цели создания и функционирования субъектов хозяйствования государственного и частного секторов обуславливают специфику государственного управления национальной экономикой, требуют учета как государственных, так и частных экономических интересов. Системообразующим, безусловно, является государственный сектор. Это обусловлено тем, что наличие частного сектора в структуре экономической системы допускается, но не предписывается российским законодательством, что ставит факт развития и функционирования частного сектора в зависимость от созданных государством благоприятных институциональных условий и воли российских граждан. В условиях институциональной нестабильности частный сектор либо не сформируется в необходимом объеме, либо может сменить страну осуществления хозяйственной деятельности, вследствие чего создается угроза национальной безопасности России. В отличие от частного государственный сектор экономики независимо от сложившихся геополитических условий способен стабильно обеспечивать государство и общество необходимыми материальными ресурсами. Следовательно, для устойчивого развития экономики смешанного типа имеет значение разумный баланс государственного и частного сектора, а также степень его государственного регулирования, т. е. степень экономической свободы субъектов частной формы собственности.

В соответствии с концепцией «золотого сечения» («золотой пропорции») государственный сектор национальной экономики должен находиться в пределах от 38 % (либерально-капиталистическая экономика) до 62 % (социально-ориентированная экономика) экономической системы [4]. Решение вопроса о том, какая экономика нужна российскому обществу в конкретный исторический период: либерально-капиталистическая или социально-ориентированная, либо нужен какой-то промежуточный подход к организации экономической системы лежит в плоскости определения необходимого баланса частных и публичных интересов, что возможно в условиях гармонизации трех подсистем институциональной матрицы [5].

Соотношение и роль государственного и частного секторов в национальной экономике

Объем государственного и частного секторов экономической системы определяется, в том числе, количеством экономических агентов, функционирующих на базе государственной, частной и смешанной форм собственности. Так, по состоянию на 1 января 2024 г. в России «... функционировало 3264192 коммерческих и некоммерческих организаций государственной, смешанной и частной формы собственности. Из них: коммерческих корпоративных организаций 2583338, некоммерческих корпоративных организаций 288789, коммерческих унитарных организаций 9734, некоммерческих унитарных организаций 304408, учреждений 209122 (в том числе частных 11152) ...»¹.

Несмотря на то, что «... доля акционерных обществ с государственным участием и количество унитарных предприятий permanently снижается (количество АО с 2016 по 2020 гг. сократилось в 1,57 раза ...» [6, с. 185], многие эксперты сходятся во мнении, что доля государственного сектора в российской экономике избыточна. При этом, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, «... государственные организации (с долей государства) в 2021 г. заработали 4,692 триллиона рублей, а в 2022 – 2,136 триллиона рублей ...»², что указывает на снижение эффективности осуществляемой ими экономической деятельности. В этой связи следует обратить внимание на два факта: во-первых, логичным является то, что в периоды неблагоприятной геополитической ситуации, доля государственного сектора в экономике возрастает; во-вторых, государственный сектор является более сложно управляемым и как следствие менее эффективным, в том числе по причине его значительного объема [7].

К недостаткам функционирования государственного сектора, очевидно влияющим на его управляемость и эффективность, следует отнести факты непродуктивного использования государственных ресурсов, недостаточный контроль за деятельностью организаций государственного сектора, отдельные противоречия в сфере управления государственными организациями между их менеджментом и органами государственной власти и ряд других факторов, включая возможное оппортунистическое поведение представителей государства в органах власти и органах управления субъектов хозяйствования. Однако исходя из того, что с февраля 2022 года, с момента начала СВО и, предположительно, как минимум до ее окончания, российская экономика будет функционировать в сложных геополитических условиях баланс государственного и частного секторов национальной экономики следует устанавливать с учетом необходимости обеспечения национальной безопасности и, следовательно, в пользу государственного сектора.

Несмотря на тот факт, что эффективность государственных субъектов, как правило, ниже эффективности частных, непосредственно государственный сектор способен обеспечить государство продукцией, необходимой в периоды нестабильности и, соответственно, национальную безопасность России. В частности, в третьем квартале 2023 г. организации оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) России обеспечили до 50 % роста производства и примерно 1/3 роста валового внутреннего продукта³.

Реализуемая модель экономической системы и отдельные проблемы ее эффективности

В силу активного развития ОПК можно предположить, что экономика России, начиная с 2022 г., функционирует по модели «военного кейнсианства», предполагающей развитие экономической системы посредством повышения военных расходов, влекущих за собой рост доходов работников ОПК, соответственно, увеличение поступающих в бюджет налогов [8]. Так, в 2022 г. расходы на развитие ОПК были запланированы в размере 4,679 трлн руб.⁴, в 2023 г. на функционирование ОПК было выделено 6,4 трлн руб., в 2024 – более 10,77 трлн руб. (в 2021 г. указанные расходы составляли 3,57 трлн руб.)⁵.

¹ <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения: 14.02.2024).

² <https://www.rbc.ru/economics/11/05/2023/645b94f89a794700cb727aa5> (дата обращения: 15.03.2024).

³ <https://www.kommersant.ru/doc/6397842> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ <https://www.forbes.ru/finansy/477887-rashody-budzeta-rossii-po-stat-e-nacional-naa-oborona-v-2022-godu-vyrosli-na-tret> (дата обращения: 22.04.2024).

⁵ <https://www.forbes.ru/finansy/497441-minfin-zaplaniroval-uvelichenie-rashodov-na-oboronu-v-2024-godu-rosti-na-70> (дата обращения: 22.04.2024).

В рамках реализуемой модели экономики инвестирование бюджетных средств в развитие ОПК должно обеспечить экономический рост посредством повышения спроса ОПК на сопутствующие товары и услуги, роста доходов населения за счет повышения заработных плат работников ОПК, как следствие увеличения их спроса на потребительские товары, чем должен быть вызван мультипликаторный эффект (эффект мультипликатора Кейнса).

Фактически реализуемая экономическая политика привела к существенному (3,6 %) росту ВВП России в 2023 г., росту промышленного производства по отношению к 2022 г. на 3,5 %, росту реальной заработной платы на 8,5 % и повышению средней заработной платы в 2023 г. по отношению к 2022 г. на 14 %¹. При этом в 2023 г. в России рекордно снизился уровень безработицы², а Росстатом зафиксирован рост инвестиций в основной капитал: в 2022 г. – 6,7 %, в 2023 – 9,8 %³.

Приведенные данные при первом рассмотрении свидетельствуют о том, что развитие ОПК в рамках реализуемой экономической политики принесло свои результаты, мультипликатор заработка и в дальнейшем можно ожидать рост всех отраслей национальной экономики. Однако для того, чтобы «мультипликатор Кейнса» работал, необходимо выполнение как минимум следующих условий: наличие свободных производственных мощностей и работников; возможность получения промышленным сектором экономики дешевых кредитных ресурсов; повышенные заработные платы работников ОПК должны быть направлены на приобретение товаров гражданского сектора экономики, а инвестирование должно обеспечить расширенное воспроизводство и далее устойчивое экономическое развитие. Вместе с тем, в конце 2023 года по оценкам экспертов российский ОПК работал на пределе своих возможностей, что подтверждается исторически низким уровнем безработицы, свидетельствующим об отсутствии незанятых рабочих рук⁴, необходимых для увеличения объемов производства. «Дефицит кадров ... составил 4,8 млн человек»⁵. При этом банковский сектор в конце 2023 года зафиксировал «... рекордный прирост средств клиентов – физических лиц на срочных вкладах»⁶, что указывает на факт направления населением свободных денежных средств во вклады и обусловлено действиями Центрального банка России (далее – ЦБ), увеличившего ключевую ставку начиная с лета 2023 до 16 % годовых⁷. Увеличение ключевой ставки, с одной стороны, повысило интерес граждан к накоплению, а, с другой, стало причиной повышения стоимости кредитных ресурсов. Таким образом можно наблюдать факт несогласованности действий федеральных органов государственного управления или дефект институциональной структуры [9, с. 62]. В этой связи возникает вопрос – сработает ли эффект мультипликатора в экономике России от развития ОПК при указанных выше негативных тенденциях? Вместе с тем, сложившиеся с 2022 года геополитические условия не будут продолжаться бесконечно и необходимо планировать экономическое развитие в посткризисный период, когда значение государственного сектора в вопросе обеспечения национальной безопасности существенно снизится. В ходе трансформации экономики и разработки стратегии социально-экономического развития применительно к взаимодействию государственного и частного секторов, встает вопрос об их разумном соотношении в посткризисный период.

При определении соотношения государственного и частного секторов в экономике необходимо учитывать, что первый, обладая меньшей эффективностью является более стабильным и подконтрольным государственному управлению, а второй – более эффективным и мобильным, способным быстро адаптироваться к изменяющимся геополитическим условиям функционирования и интенсивно развивающимся технологиям. При этом, по нашему мнению, государственное управление экономической системой должно осуществляться на основе «... гармоничного ... сочетания в экономике различных форм собственности ...» [10, с. 144] в объемах, необходимых для эффективного экономического развития применительно к задачам, стоящим перед государством в конкретный исторический период развития.

¹ [https://m.realnoevremya.ru/news/303948-srednyaya-zarplata-v-rossii-po-itogam-2023-goda-sostavila-737-tysyachi-rublej#:~:text=\(дата обращения: 02.05.2024\).](https://m.realnoevremya.ru/news/303948-srednyaya-zarplata-v-rossii-po-itogam-2023-goda-sostavila-737-tysyachi-rublej#:~:text=(дата обращения: 02.05.2024).)

² <https://www.rbc.ru/economics/03/03/2023/6400712f9a79474d18f79446> (дата обращения: 02.05.2024).

³ <https://www.interfax.ru/business/949829> (дата обращения: 15.05.2024).

⁴ <https://ru.euronews.com/business/2023/09/18/enst-russian-economy> (дата обращения: 16.05.2024).

⁵ <https://www.forbes.ru/biznes/503229-ekonomisty-ran-ocenili-deficit-kadrov-v-rossii-pocti-v-5-mln-celovek> (дата обращения: 25.05.2024).

⁶ <https://www.rbc.ru/finances/05/12/2023/656ddf649a79477301cb8ce9> (дата обращения: 08.06.2024).

⁷ <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/12/15/1011246-bank-rossii-povisil-klyuchevuyu-stavku> (дата обращения: 10.06.2024).

Эффективность, управляемость и мобильность экономической системы возможна при наличии институциональной структуры, свободной от некомпетентности и оппортунистического поведения государственных служащих и, как следствие эффективной институциональной среды, включающей правовой механизм защиты как государственных, так и частных экономических интересов.

Однако государственный сектор, как правило, не может считаться высокоэффективным, частный – легко управляемым. Институциональную структуру российского общества нельзя признать полностью свободной от недостаточной компетентности и оппортунистического поведения должностных лиц, а институциональную среду – высокоэффективной, чем обусловлена необходимость развития смешанной экономической системы, в которой государственный и частный сектор выполняют разные задачи, но, при этом, обладают и разными возможностями. При наличии видимых преимуществ функционирования (имущественная база, доступ к государственной власти, предоставляемым льготам и т. п.) прибыльность организаций с государственным участием в 2022 году по отношению к 2021 году упала более чем в 2 раза при том, что в целом по экономике прибыль упала на 12,6 %¹. При этом, в 2023 году, вероятно в силу развития ОПК (И.М.), предприятия Российской Федерации получили на 35,2 % прибыли больше чем в 2022².

Невысокая, по общему правилу, эффективность государственного сектора наряду с проблемами государственного управления [11] обусловлена разными задачами, возложенными на субъекты государственной и частной формы собственности. Так, в задачи государственного сектора входит материальное обеспечение государства, поддержание национальной безопасности, функционирование необходимых обществу отраслей с невысокой рентабельностью. Хозяйственная деятельность субъектов частной формы собственности в первую очередь направлена на удовлетворение интересов их учредителей в максимизации прибыли с наименьшими материальными вложениями. К причинам не высокой эффективности государственного сектора также можно отнести недостаточную компетентность высшего менеджмента организаций, подконтрольных государству, бесхозяйственное отношение к государственному имуществу, нерациональное использование трудовых и природных ресурсов, высокую степень бюрократизации, проволочки в принятии решений по управлению субъектом хозяйствования и малоэффективную кадровую политику, в основе которой лежит подбор кадров исходя из личной преданности (родства, землячества) руководителю, что, в свою очередь, влияет на уровень компетентности сотрудников. Кроме того, немаловажную роль в эффективности функционирования субъекта хозяйственной деятельности играет личная материальная заинтересованность менеджмента высшего уровня в ее результатах, что присуще субъектам частного сектора и, как правило, отсутствует применительно к субъектам государственного сектора экономики.

Приведенные факты, сводимые к такому показателю, как эффективность управления государственным сектором экономики выступают в качестве одной из причин, сдерживающих структурную трансформацию экономической системы, что было предметом рассмотрения «На прошедшем в июне 2023 года Санкт-Петербургском международном экономическом форуме ...» [12, с. 60].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Нормальное функционирование экономической системы применительно к современному уровню культурного, политического и экономического развития российского общества может быть обеспечено посредством включения в структуру национальной экономики как государственного, так и частного сектора, взаимодополняющих друг друга. При этом, «... одним из важнейших аспектов формирования новой структурной политики должно быть воздействие государства на соотношение государственного и частного секторов ...» [13, с. 20] с целью повышения эффективности их взаимодействия.

Исходя из того, что основания возникновения, порядок создания, задачи, функции, цели деятельности, система менеджмента и подбора кадров, направления использования полученной прибыли и иные аспекты деятельности у субъектов государственного и частного сектора экономической системы отличаются, но при этом они вынуждены взаимодействовать друг с другом в рамках смешанной экономики, в процессе их взаимодействия возникают отдельные проблемы институционального свойства, преодоление которых является необходимым для повышения эффективности экономики в целом.

¹ <https://www.rbc.ru/economics/10/05/2023/64525cc39a794734f6f7044d> (дата обращения: 11.06.2024).

² <https://www.interfax.ru/business/949314> (дата обращения: 11.06.2024).

В качестве проблемных аспектов в первую очередь следует назвать соотношение в экономической системе объемов государственного и частного секторов. Безусловно, конституирующей основой экономической системы, «локомотивом» ее развития является государственный сектор границы которого должны определяться, в первую очередь, задачами обеспечения национальной безопасности российского государства и, во-вторую, поддержания, конкурентной среды и, соответственно, приемлемого уровня цен. Следовательно, в периоды стабильной для России геополитической ситуации, при условии отсутствия внешних и внутренних факторов, способных дестабилизировать социально-экономическое развитие, объем государственного сектора должен быть минимальным и, при этом, достаточным для решения указанных выше задач. Минимизация государственного сектора позволит сократить бюрократические институты, обслуживающие государственный сектор экономики, соответственно, бюрократические издержки управления национальной экономикой и освободить экономическое пространство для функционирования более эффективного частного сектора.

В периоды возрастающей геополитической нестабильности, в которой Россия функционирует начиная с 2014 года, объем государственного сектора должен увеличиваться до размеров, достаточных для нивелирования внешних и внутренних угроз национальной безопасности, что фактически произошло с российской экономикой и может быть признано оправданным. Однако трансформация государственного сектора в зависимости от наличия или отсутствия деструктивных экзогенных и (или) эндогенных факторов и создание условий для эффективного функционирования частного сектора требуют модернизации институциональной структуры и институциональной среды.

Процедура сокращения государственного сектора находится под полным контролем государства и в случае принятия соответствующего решения может быть проведена, например, с применением института приватизации. Однако минимизировав государственный сектор экономики, государство, во-первых, не может директивно увеличить частный и, во-вторых, должно иметь правовой механизм, позволяющий в случае возникновения угрозы причинения вреда интересам российского государства и общества трансформировать частный сектор экономики (в необходимых государству отраслях и пределах) в государственный без ущемления права частной собственности на средства производства. Следовательно, необходимы институциональные изменения, направленные на стимулирование частной предпринимательской инициативы, гарантирующие неприкосновенность частной собственности и позволяющие государству в периоды возникновения внешних или внутренних угроз мобилизовать требуемые производственные мощности, находящиеся в частной собственности для выполнения государственных задач.

Изменения институциональной структуры необходимо проводить на уровне политической системы в направлении фактической реализации принципов представительной демократии и предотвращения процесса «... приватизации государственной власти ...» [14, с. 185]. Процесс изменения институциональной структуры предполагает, в том числе, принципиальное изменение подходов к организации конкурсов на замещение вакантных должностей государственных служащих всех уровней власти. В данном случае необходимо неукоснительное соблюдение принципа меритократии, исключая возможность подбора кадров для государственной службы на основе личной преданности, землячества, родства и, как следствие, бюрократический произвол и бюрократический сервизм, являющийся «одним из дисфункциональных проявлений угроз национальной безопасности ...» [15, с. 259]. Изменения институциональной структуры невозможны без изменения институциональной среды, трансформация которой необходима в направлении законодательного закрепления зависимости принимаемых политических решений от установленных правил, организации общественного контроля за их соблюдением и, таким образом, установления равновесия Нэша, при котором должностные лица государства, экономические агенты и граждане будут экономически и административно (в рамках возможных мер юридической ответственности) заинтересованы в неукоснительном соблюдении установленных правил социального взаимодействия.

В качестве механизма, позволяющего государству в случае возникновения внешних и (или) внутренних угроз национальной безопасности увеличивать объем государственного сектора экономики посредством перевода субъектов хозяйствования частной формы собственности в государственное управление, можно применить статью 242 Гражданского кодекса Российской Федерации (части первой) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024)¹ «Реквизиция» дополнив ее пунктом,

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.06.2024).

аналогичным пункту 21 Федерального закона от 05 февраля 2007 № 13-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об особенностях управления и распоряжения имуществом и акциями организаций, осуществляющих деятельность в области использования атомной энергии, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)¹, изложив его в соответствующей редакции.

В целом модернизированная институциональная среда должна исключать возможность функционирования в экономике механизмов, прикрытых рыночными формами и позволяющих отдельным группам использовать государственные ресурсы с целью получения личного экономического эффекта; экспансию государства в частные экономические отношения и вращение государства в хозяйственную жизнь общества.

Список источников

1. Денисенко И.Ф. Проблемы совершенствования федерализма и системы публичной власти в процессе образования новых субъектов Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 41–46. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-41-46>
2. Ромащенко Т.Д., Герсонская И.В. Институциональная структура государственного сектора экономики на современном этапе развития // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2021.2/3462>
3. Хэ Мяомяо, Демина В.В., Заякина И.А. Влияние государственной политики на отраслевую структура экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 2-1. С. 115–122.
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. История цивилизаций в контексте соотношения государственного и частного секторов экономики // Общество и экономика. 2006. № 4. С. 179–191.
5. Маньковский И.А. Институциональная матрица как системообразующая основа социально-экономического развития // Вестник государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2024. № 1. С. 6–17. DOI: [10.18384/2949-5024-2024-1-6-17](https://doi.org/10.18384/2949-5024-2024-1-6-17)
6. Химченко А.Н., Плаксина А.М. Государственная составляющая корпоративного сектора экономики России: структура, параметры оценки, характеристика // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2021. № 3. С. 181–191. DOI: [10.29025/1994-7720-2021-3-181-191](https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-3-181-191)
7. Пенькова И.В. Разрешение внутрисистемных противоречий развития государственного сектора экономики как фактор обеспечения социально-экономической безопасности государства // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2022. № 2. С. 193–202.
8. Черемисинов Г.А., Пугачев И.О. Военное кейнсианство в концепциях долгосрочных экономических циклов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 176–191. DOI: [10.21685/2072-3016-2016-3-17](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-3-17)
9. Маньковский И.А. Потенциал применения институционализма в качестве теоретической основы государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 59–66. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-59-66>
10. Чернопяттов А.М., Ахметов Л.А., Джураев Д.М. Государственный сектор в экономике Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2018. № 4. С. 138–145.
11. Адуков Р.Х. Государственное управление экономикой: состояние, проблемы, пути развития // Вестник Национального института бизнеса. 2022. Вып. 1 (45). С. 57–63.
12. Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д. Методологические подходы к измерению и оценке качества управления в российских публичных компаниях // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 3. С. 60–81. DOI: [10.24412/2071-6435-2023-3-60-81](https://doi.org/10.24412/2071-6435-2023-3-60-81)
13. Осокина Н.В., Слесаренко Е.В. Проблема эффективного взаимодействия государственного и частного секторов в национальной экономике // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 26 (425). С. 13–23.
14. Тимофеева И.Ю., Лаврова Е.В., Комиссарова Е.А. и др. Коррупция как следствие приватизации государственной власти // Социология. 2021. № 1. С. 181–190.
15. Филимонов А.В. Проблема сервиллизма в бюрократических организациях как угроза национальной безопасности России // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 258–261.

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65891/ (дата обращения: 12.06.2024).

References

1. Denisenko I.F. Problems of improvement of federalism and public power system in the process of formation of new subjects of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):41–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-41-46>
2. Romashchenko T. V. Gersonskaya I. V. The institutional structure of the public sector economy at the current stage of development. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2021;(2):5–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2021.2/3462>
3. He Мяomio, Demina V.V. Zayikin I.A. Influence of state policy on the sectoral structure of economy. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024;(2-1):115–122. (In Russ.).
4. Balatsky E.V., Yekimova N.A. History of civilizations in the context of relations between public and private sectors of economy. *Society and economy*. 2006;(4):179–191. (In Russ.).
5. Mankovsky I.A. Institutional matrix as a system-forming basis of socio-economic development. *Bulletin of the State University of Education. Series: Economy*. 2024;(1):6–17. (In Russ.). DOI: 10.18384/2949-5024-2024-1-6-17
6. Himchenko A.N., Plaxina A.M. State component of the corporate sector of Russian economics: structure, evaluation parameters, characteristics. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 2021;(3):181–191. (In Russ.). DOI: 10.29025/1994-7720-2021-3-181-191
7. Penkova I.V. Resolution of insystemic contradictions of development of the public sector economy as a factor of ensuring social and economic security of the state. *Bulletin of the Donetsk National University. Series B. Economics and law*. 2022;(2):193–202. (In Russ.).
8. Cheremysinov G.A., Pugachev I.O. Military Keynesianism in the concepts of long-term economic cycles. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2016;3(39):176–191. (In Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-17
9. Mankovsky I. A. The potential of applying institutionalism as a theoretical framework for public administration. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):59-66. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-59-66>. EDN CLAMGQ
- 10 Chernertatsov A.M., Akhmetov L.A., Djurayev D.M. The public sector in the economy of the Russian Federation. *Fundamental research*. 2018;(4):138–145. (In Russ.).
11. Adokov R.H. State management of the economy: status, problems, development paths. *Bulletin of the National Institute of Business*. 2022;1(45):57–63. (In Russ.).
12. Viktskaya I.I., Frolova N.D. Methodological approaches to measurement and assessment of quality of management in Russian public companies. *STAGE: economic theory, analysis, practice*. 2023;(3):60–81. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-6435-2023-3-60-81
13. Osokina N.V. Slazerenko E.V. Problem of effective interaction of the public and private sectors in national economy. *Economic analysis: theory and practice*. 2015;26(425):13–23. (In Russ.).
14. Timofeeva I.U., Lavrova E.V., Commissova E.A. and others Corruption as a consequence of privatization of state power. *Sociology*. 2021;(1):181–190. (In Russ.).
15. Filimonov A.V. The problem of servilism in bureaucratic organizations as a threat to national security of Russia. *Academic thought*. 2022;4(21):258–261. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Маньковский – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Information about the author

I. A. Mankovsky – Cand. Sci. (Jurisprudence), Assistant Professor, Deputy Director of the Minsk branch of Plekhanov Russian University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 13.08.2024.

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 13.08.2024.

Научная статья

УДК 321.7

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-46-51>

EDN CTSAOX

Территориальное общественное самоуправление: новый взгляд на возможности и перспективы влияния на создание городской среды

Роман Константинович Овчаренко¹, Полина Алексеевна Степанищева²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия

¹ovcharenko-rk@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4974-4962>

²ssstepanishcheva@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен институт территориального общественного самоуправления как форма непосредственного осуществления населением местного самоуправления в административно-территориальных рамках Ростовской области в целом и муниципальных образований, входящих в нее, в частности. Территориальное общественное самоуправление на данный момент имеет задатки к новому витку активного развития, как в меняющейся системе российского местного самоуправления в качестве одного из иерархических уровней его организации, так и в сфере городской среды, в которой выступает важным актором изменений, а также инструментом в консолидации и реализации этих изменений.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, самоорганизация, местное сообщество, городская среда, благоустройство.

Для цитирования: Овчаренко Р. К., Степанищева П. А. Территориальное общественное самоуправление: новый взгляд на возможности и перспективы влияния на создание городской среды // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 46–51. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-46-51>. EDN CTSAOX

Problems of Management

Original article

Territorial public self-government: a new look at the possibilities and prospects of influencing the creation of an urban environment

Roman K. Ovcharenko¹, Polina A. Stepanishcheva²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Volgograd Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

¹ovcharenko-rk@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4974-4962>

²ssstepanishcheva@mail.ru

Abstract. The article considers the institution of territorial public self-government as a form of direct implementation by the population of local self-government in the administrative-territorial framework of the Rostov region as a whole and the municipalities included in it, in particular. Territorial public self-government currently has the makings for a new round of active development, both in the changing system of Russian local self-government as one of the hierarchical levels of its organization, and in the field of the urban environment, in which it acts as an important actor of change, as well as a tool in consolidating and implementing these changes.

Keywords: local self-government, territorial public self-government, self-organization, local community, urban environment, landscaping

For citation: Ovcharenko R. K., Stepanishcheva P. A. Territorial public self-government: a new look at the possibilities and prospects of influencing the creation of an urban environment. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):46-51. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-46-51>. EDN CTSAOX

Введение

Территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС) развивается в новейшей истории нашей страны с 1990-х годов. Закон СССР от 09.04.1990 г. №1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» фактически отождествлял собирательное понимание всех существующих на тот момент форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления с территориальным общественным самоуправлением. Согласно статье 2 названного Закона система местного самоуправления включала в себя местные Советы народных депутатов, а также органы территориального общественного самоуправления. Но уже с возникновением Российской Федерации ТОС приобрело более привычное нам значение: в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ ТОС – это уже не вся прямая демократия, а лишь ее часть, форма, однако, справедливо будет отметить, этой форме уделена особенная роль. В настоящий момент согласно законодательству ТОС – это самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования, для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. Но по сути это форма непосредственного осуществления населением местного самоуправления, на наш взгляд, наиболее соответствующая самоуправленческим, демократическим принципам, вероятно потому, что включает в себя иные формы прямой демократии, приобретая всеобъемлющий характер. ТОС имеет перспективы к более активному развитию в условиях тенденции российского законодательства о местном самоуправлении к коренным изменениям – включению его в систему единой публичной власти, что уже закреплено в Конституции Российской Федерации, положения которой далее развиваются в предлагаемом проекте закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», и Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» № 414-ФЗ¹.

Сегодня российская политическая система встраивает местное самоуправление в иерархию публичного управления (можно усилить это положение, рассматривая местное самоуправление фактически в качестве одного из уровней государственного управления, и подобная практика исторически имеет свое место – вспомним государственную теорию местного самоуправления, а также советскую модель организации местного самоуправления) качественно отличающегося от первого. Данный процесс закономерен, что дает необходимость научному сообществу искать пути развития и рабочие инструменты под каждый из них. Сложившаяся за более чем 30 лет практика реализации ТОС показывает, что одно из популярных направлений деятельности института – создание городской среды и благоустройство, поэтому в данной работе нами поставлена цель определить перспективы и инструменты развития данного института в контексте создания городской среды; в свою очередь, эмпирическая часть данного исследования задает административно-территориальные рамки, эмпирический объект – реализацию ТОС в Ростовской области.

Основные понятия и теоретические противоречия

Территориальное общественное самоуправление существует в системе местного самоуправления Российской Федерации. Считаю закономерным рассмотреть дефиницию данного института, закрепленную законом, а также разобраться в теоретических основаниях его реализации. В ходе дальнейших рассуждений будем осуществлять поиск настоящего положения ТОС в системе политико-теоретических координат «самоорганизация – управление – самоуправление».

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. М., 1999; Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21.12.2021 года № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52. Ч. I. Ст. 8973; Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : законопроект № 40361-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>.

Рассматривая ТОС как инструментальную единицу реализации местного самоуправления, интерпретируя последнее не как процесс, а как элемент бюрократической системы российской публичной власти, целесообразно рассмотреть соотношение термина, закрепленного законодательством, и определения смыслового, истолковываемого с учетом теоретико-методологического взгляда.

Как уже отмечено выше, Федеральный закон от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет ТОС как «самоорганизацию граждан по месту их жительства на части территории ... для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения»¹. Возникает своего рода алогизм: самоуправление есть самоорганизация. Опираясь на рассуждения Бардакова А. И., постановим, что в самоорганизации ключевое – правила, облегчающие повседневное существование системы, а также наличие общей коллективной воли, а говоря о самоуправлении, следует сделать акцент на том, что оно есть поступательное, существующее там, где управление изжило себя, а так же претворяющее в жизнь индивидуальную волю, где не существует как таковой коллективной воли, но существует совокупность воли индивидуальных [1, с. 10]. Если учесть, что современное местное самоуправление после поправок к Конституции РФ в 2020 г., стало частью единой системы публичной власти, то, вероятно, действительно территориальное общественное самоуправление скорее не самоуправление, а самоорганизация.

В данной работе мы обозначаем ТОС инструментом реализации изменений в городской среде наряду с формой непосредственного осуществления населением местного самоуправления, что закреплено законом. Но чей это инструмент? Отметим, что понимание ТОС как инструмента местной власти разрушительно для самоуправленческих идей потому, что в корне противоречит его принципам, в то же время трактовка ТОС как инструмента самого местного самоуправления вполне приемлема, так как ТОС становится связующим звеном между самоуправленческими единицами, в частности, местными сообществами и так называемой местной властью или представителями органов государственной власти субъекта РФ. Тезис о том, как в этом дуализме российского местного самоуправления существует ТОС обозначают Шагалов И. Л. и Рубин А. Ю., говоря о том, что нередко в российской практике реализации ТОС происходит «сочетание гражданской ответственности с определенной «гражданской беспомощностью»», что и приводит к тому, что технически ТОС становится инструментом местной власти, поскольку без нее существовать эффективно не способно [2, с. 105–106].

К вопросу о противоречиях, Щербина Е. Ю. и Клочкова Е. Р. предлагают расширить перечень форм непосредственного осуществления местного самоуправления и участия в нем новой формой – соучаствующим проектированием, которое становится все более актуальным в контексте привлечения граждан к созданию проектов развития городской среды [3, с. 77]. Нельзя не согласиться, что это эффективный инструмент вовлечения различных групп стейкхолдеров, но отметим, что нами данный инструмент видится именно инструментом, но не полноценной формой прямой демократии. Так, ТОС – инструмент местного самоуправления, а соучаствующее проектирование, а также опросы, собрания, инициативные проекты и т.д. – инструменты в деятельности ТОС. Возвращаясь к предмету исследования, логично определить, что есть городская среда. Так, Нотман О. В. делает акцент на ее многозначности и междисциплинарном положении [4, с. 106]. Градостроительный кодекс РФ так же не закрепляет данный термин. Так, самостоятельно определим, что городская среда – совокупность материальных объектов (зданий, сооружений, пространств и т.п.) и социальных связей, существующих в территориальных рамках города или иной территориальной единицы.

Экспертный взгляд на ТОС в контексте его влияния на создание городской среды: проблемные аспекты

В целях эмпирической проработки исследуемого вопроса в 2024 году нами было проведено социологическое исследование на базе выработанной авторской методики всестороннего рассмотрения института территориального общественного самоуправления в Ростовской области. В исследовании был использован метод экспертного опроса. Для объективности результатов институт был рассмотрен с двух сторон: со стороны тех, кто создает условия, в частности политико-правовые, для функционирования ТОС, мы их назвали представители власти, а с другой – тех, кто непосредственно ТОС реализует и действует в этих условиях, в этом качестве выступили сами председатели и секретари ТОС. Следуя указанной логике, мы в рамках нашего исследования провели параллельно два экспертных социологических опроса: опрос представителей власти и опрос представителей ТОС.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 года № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

В экспертном опросе представителей власти приняли участие 33 эксперта, замещающих или замещавших должности, связанные со взаимодействием с ТОС в Ростовской области. Возраст респондентов различен, колеблется от 32 до 65 лет, преимущественно мужского пола (26 экспертов мужчины; экспертов женского пола – 7). Респонденты имеют (или имели) постоянное место работы (службы) в таких муниципальных образованиях, как Каменский муниципальный район Ростовской области (в том числе представители городского и сельских поселений, входящих в состав муниципального района), а также Дубовский, Заветинский, Мясниковский, Родионово-Несветайский, Сальский, Семикаракорский, Пролетарский, Багаевский, Белокалитвинский, Весёловский, Волгодонской муниципальные районы Ростовской области, городские округа – город Ростов-на-Дону и город Батайск.

В проведении экспертного опроса представителей ТОС приняли участие 42 эксперта, 40 из которых – председатели ТОС, 2 – секретари ТОС. Возраст респондентов от 38 до 76 лет, преимущественно женского пола (35 экспертов женщин; 7 экспертов мужского пола). Деятельностью на должностях ТОС эксперты занимаются разное количество времени: медианное значение – «9,5 лет», модальное значение – «3 года». В опросе приняли участие эксперты из 7 муниципальных образований – трех городских округов (города Азов, Батайск, Таганрог), Красносулинского, Октябрьского, Семикаракорского, Каменского муниципальных районов и городских и сельских поселений, входящих в них. Большая часть опрошенных (34 респондента) представляет ТОС, не имеющих статус юридических лиц, зарегистрированы в качестве юридических лиц 7 ТОС, которые представляют эксперты.

По итогам сравнительного анализа обеих групп респондентов выделим три ключевых проблемных аспекта: 1. Ненастроенный диалог представителей ТОС с представителями органами местного самоуправления («местной власти»): разный взгляд на деятельность и положение ТОС; 2. Недостаточная мотивация участников ТОС: нет укрепления местных сообществ, отсутствие инициатив; 3. Сложность финансирования деятельности ТОС.

Определенно, вполне возможно рассмотреть эти аспекты по отдельности, но в таком случае не избежать дублирования аргументов, поскольку все три аспекта проявляются в совокупности, подобно отрицательному синергетическому эффекту в какой-либо системе. Так, под системой мы понимаем ТОС в Ростовской области.

Сперва отметим, как обе группы респондентов смотрят на важность вклада ТОС в формирование городской среды. В обоих вопросах большинство респондентов отметили, что ТОС вносят достаточный вклад в формирование городской среды (19 респондентов в опросе власти и 30 респондентов в опросе представителей ТОС). Так, опрошенные подтверждают, что ТОС позитивно влияет на городскую среду той территории, на которой реализуется. Однако, представители власти нередко отмечают, что вклад скорее нейтральный (9 респондентов). Представители власти могут не замечать вклад ТОС в это направление деятельности, в то время как для представителей ТОС часто оно является ключевым.

Далее, остановимся на нескольких положениях, всецело демонстрирующих наличие трех ранее обозначенных проблемных аспектов. Представители ТОС оценивают положение данного института в системе местного самоуправления на достаточно высоком уровне (20 респондентов), в то время как опрос власти не демонстрирует такого же четкого ответа, респонденты колеблются между ответами «Достаточно высокое» (13 респондентов) и «Среднее» (13 респондентов). Сделаем вывод, что представители ТОС оценивают положение «своего» института выше, чем представители власти, которые и создают условия, при которых ТОС может действовать в различных направлениях. Обратившись к аргументам выбора ответов, станет ясно, что часто наблюдается слабая инициатива от граждан (для представителей власти), а также недостаток финансирования (для представителей ТОС). Так возникает ситуация беспомощности ТОС в своих началах, что приводит к безынициативности граждан, которую замечают представители власти и делают выводы о недостаточно важном положении этого института.

Еще один пример – разный взгляд на способ формирования ТОС. Так, респонденты опроса представителей ТОС часто подчеркивают, что инициатива должна исходить именно от жителей, местного сообщества, поскольку именно так ТОС становится независимым от тех, кто его гипотетически может создать (19 респондентов). Но, существует и полярное мнение среди опрошенных представителей ТОС – эффективнее ТОС, формируемое административным ресурсом, «сверху» (20 респондентов); эти респонденты часто согласны, что инициатива и самостоятельность «снизу» важны, но на практике часто неэффективны, так как при способе формирования ТОС «сверху» оказывается больше помощи, преимущественно финансовой, в том числе на начальном этапе. С этим, по результатам

другого опроса, не согласны представители власти, в большинстве считающие, что наиболее предпочтителен вариант формирования ТОС «снизу», что повышает ответственность местного сообщества за то, что реализует на его территории ТОС (21 респондент). В проектах по формированию городской среды способ формирования ТОС особенно важен, поскольку лишь ощутив ответственность за «свою» территорию и решив для ее улучшения создать ТОС, могут возникнуть действительно взвешенные и перспективные предложения.

Респондентам обеих групп был задан вопрос «Способны ли ТОС осуществлять деятельность исключительно за счет своих ресурсов (материальных и финансовых) без привлечения поддержки извне?». На который представители ТОС единогласно отметили, что это невозможно в настоящих условиях, а представители власти не были так однозначно уверены в своих ответах (7 респондентов ответили «да», 26 – «нет»). Представители власти аргументировали выбор ответа «да» тем, что ТОС не должны подменять органы местного самоуправления и могут ограничиться «малозатратными» направлениями деятельности. На практике ТОС действительно сейчас заняты такими мероприятиями, в направленности на создание городской среды в том числе. Так, обе группы опрошенных отмечают, что наиболее приоритетным направлением деятельности ТОС в настоящий момент является организация и проведение субботников, в то время как участие граждан в проектах по инициативному бюджетированию или созданию иных творчески осмысленных проектов по созданию городской среды в настоящий момент уделяется внимания меньше.

Заключение

Таким образом, ТОС на сегодняшний день наиболее демократизированная форма непосредственного осуществления населением местного самоуправления, поскольку предоставляет возможности осуществлять непосредственно самоуправление, пусть и в ограниченном виде. На практике реализация ТОС часто сталкивается с проблемами, особенно сильно затрагивающими влияние ТОС на создание городской среды: недостаток финансирования, мотивации, а также отсутствие конструктивного и продуктивного диалога между властью и ТОС. Решение проблем будет наиболее эффективным, если предложения по совершенствованию этого диалога будут поступать в первую очередь от представителей органов местного самоуправления в частности. Среди конкретных инструментов решения проблем выделим – практики соучаствующего проектирования, активную методическую поддержку, преимущественно связанную с разъяснениями о доступных способах получения финансовых ресурсов (регистрация ТОС в качестве юридического лица, инициативное бюджетирование), а также пересмотр и перепрофилирование муниципальных программ, с акцентом на финансовую и организационную поддержку ТОС. Плановая работа с ТОС, укрепление диалога «ТОС – власть» может помочь укрепить эффективную систему местного самоуправления даже с учетом меняющегося законодательства в сторону создания единой системы публичной власти.

Список источников

1. Бардаков А. И. Муниципальное управление: теория, история, практика : научное издание. Волгоград: ВАГС, 2007. 172 с.
2. Шагалов И. Л., Рубин А. Ю. Территориальное общественное самоуправление: предпосылки, функции, оценка // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 103–121. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-103-121>
3. Щербина Е. Ю., Клочкова Е. Р. Соучаствующее проектирование как инструмент развития городской среды // Управленческое консультирование. – 2021. – № 7 (151). – С. 68–79.
4. Нотман О. В. Городская среда как междисциплинарное понятие // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 12(92). – С. 104–107.
5. Бардаков А. И. Местное самоуправление в политической системе современной России // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 1(7). С. 7–18.
6. Исобчук М. В. Местное самоуправление в РФ после поправок в Конституцию-2020 // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7. № 2. С. 210–220.
7. Максимов М. В. Роль непосредственной демократии в местном самоуправлении в РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 309–314. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-309-314>
8. Малышкина Д. А. Вопросы участия населения в управлении развитием городского пространства // Социодинамика. 2023. № 5. С. 41–48.

9. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82.

10. Овчаренко Р. К., Демина Д. С. Территориальное общественное самоуправление в системе местного самоуправления России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 176–180.

References

1. Bardakov A. I. *Municipal administration: theory, history, practice: scientific publication*. Volgograd: VGCS, 2007. 172 p. (In Russ.)

2. Shagalov I. L., Rubin A. Y. Territorial public self-government: prerequisites, functions, assessment. *Economic issues*. 2019;(5):103–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-103-121>

3. Shcherbina E. Yu, Klochkova E. R. Participatory design as a tool for the development of the home environment. *Management consulting*. 2021;7(151):68–79. (In Russ.)

4. Notman O. V. Urban environment as an interdisciplinary concept. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2021;12(92):104–107. (In Russ.)

5. Bardakov A. I. Local self-government in the political system of modern Russia. *Paradigm of management, economy and law*. 2023;1(7):7–18. (In Russ.)

6. Isobchuk M. V. Local self-government in the Russian Federation after amendments to the Constitution-2020. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*. 2023;7(2):210–220.

7. Maximov M. V. The role of direct democracy in local self-government in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):309–314. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-309-314>

8. Malyshkina D. A. Issues of population participation in the management of urban development. *Sociodynamics*. 2023;(5):41–48. (In Russ.)

9. Medvedev N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. Interaction and prospects of partnership of the Territorial Public Self-Government with local authority. *Sociological studies*. 2021;(10):72–82. (In Russ.)

10. Ovcharenko R. K., Demin D. S. Territorial public self-government in the system of local self-government of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2017;(4):176–180. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. К. Овчаренко – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Южно-Российского института управления – филиала ЮРИУ РАНХиГС.

П. А. Степанищева – студент факультета государственного и муниципального управления Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the authors

R. K. Ovcharenko – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

P. A. Stepanishcheva – Student at the Faculty of Public and Municipal Administration, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Концепция электронного правительства: подходы, критерии оценки, перспективы

Надежда Викторовна Токмачева¹, Юлия Ивановна Бородина²,
Евгений Алексеевич Пушкар³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹tokmacheva-nv@ranepa.ru

²borodina-yi@ranepa.ru

³pushkarE7@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена одному из ключевых мировых трендов XXI века – электронному правительству – актуальной и важнейшей теме для современной науки и практики. В связи с постоянно растущим числом пользователей сети Интернет и глобальным ростом онлайн-пользования, эта технологичная форма управления в последние годы является практически незаменимой: по всему миру органы государственной власти и управления создают онлайн-представительства, запускают цифровые услуги и процессы цифровой трансформации повседневной жизни. В представленном исследовании рассматривается концепция электронного правительства, история ее возникновения, раскрывается ее сущность, представляются различные авторские подходы и формулировки к трактовке ее понятия. В аналитической части анализируются современные критерии международной оценки уровня развития электронного правительства на основе рейтинга ООН по 193 странам мира. В данной научной работе также представлены этапы формирования и перспективные направления развития электронного правительства в Российской Федерации.

Ключевые слова: электронное правительство, концепции, Организация Объединенных Наций, рейтинг «E-Government Survey 2022», индексы EGDI и LOSI, цифровые технологии, государственные электронные услуги, правительство как платформа

Для цитирования: Токмачева Н. В., Бородина Ю. И., Пушкар Е. А. Концепция электронного правительства: подходы, критерии оценки, перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 52–60. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-52-60>. EDN IOKZEL

Problems of Management

Original article

The concept of e-government: approaches, evaluation criteria, prospects

Nadezhda V. Tokmacheva¹, Yulia I. Borodina², Evgeny A. Pushkar³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹tokmacheva-nv@ranepa.ru

²borodina-yi@ranepa.ru

³pushkarE7@mail.ru

Abstract. The article is devoted to one of the key global trends of the XXI century – electronic government – an urgent and important topic for modern science and practice. Due to the ever-growing number of Internet users and the global growth of online usage, this technological form of management has been practically indispensable in recent years: All over the world, public authorities and administrations are creating online representative offices, launching digital services and processes of digital transformation of everyday life. The presented study examines the concept of e-government, the history of its origin, reveals its essence,

presents various author's approaches and formulations to the interpretation of its concept. The analytical part analyzes modern criteria for the international assessment of the level of e-government development based on the UN rating for 193 countries around the world. This scientific work also presents the stages of formation and promising directions for the development of e-government in the Russian Federation.

Keywords: e-government, concepts, United Nations, E-Government Survey 2022 rating, EGDI and LOSI indices, digital technologies, public electronic services, government as a platform

For citation: Tokmacheva N. V., Borodina Yu. I., Pushkar E. A. The concept of e-government: approaches, evaluation criteria, prospects. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):52–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-52-60>. EDN IOKZEL

Введение

Развитие цифровых технологий приобретает критическое значение для глобального сообщества. Цифровизация всех сфер жизнедеятельности бизнеса и общества является главным индикативным ориентиром развития системы государственного управления ведущих мировых держав, на котором сконцентрированы перспективные показатели результативности и эффективности деятельности государственных органов. На сегодняшний день, очевидно, что осуществление функций государства по всем сферам и направлениям регулирования жизнедеятельности на территориях стран с высоким уровнем социальной ответственности предполагает предоставление гражданам и бизнесу большинства государственных услуг в электронном формате. Это существенным образом позволяет изменить подходы к системам администрирования и внутриведомственного взаимодействия в целях более комфортного и оперативного предоставления гражданам и экономическим субъектам государственных и муниципальных услуг. Система развития электронного правительства в Российской Федерации базируется на использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Она включает в себя широкий спектр цифровых взаимодействий между правительством и гражданами, между федеральным и региональными структурами управления, а также между национальными и международными структурами и институтами. Совершенствование и дальнейшее развитие электронного правительства в России должно опираться как на международные тенденции и стандарты, так и учитывать национальные интересы и приоритеты.

Развитие концепции электронного правительства: теоретико-концептуальные подходы

Первоначально, развитие концепции электронного правительства осуществлялось в русле внедрения некоторых идей, связанных с понятием «IT in government» в 1970-е гг. на основе развития информационных технологий. Терминология понятия «e-government» (электронное правительство) распространялась в масштабах Интернет пространства в конце прошлого века в Соединенных Штатах Америки в период функционирования администрации Президента США Билла Клинтона. Именно она выявила перспективы изменения подходов к процедурам предоставления различных государственных услуг на территории своей страны [1, с. 146]. Таким образом, концепция электронного правительства является по сути следствием масштабного развития сети Интернет. Именно развитие телекоммуникационных сфер общения к концу XX века стало толчком для создания абсолютно новых условий информационно-коммуникационного взаимодействия государства и общества. Государство в данном случае в лице электронного правительства выступает витриной или же «единым окном», где функционально отражены все области, в которых органы власти и управления являются арбитрами, контролерами, судьями и администраторами тех сфер, которые регламентируют социально-экономические процессы внутри отдельных юрисдикций. Развитие данной концепции повлекло за собой и развитие концепции электронной демократии, которая в равной степени позволяет большинству граждан, резидентов и нерезидентов участвовать в гражданских делах, осуществлять бизнес и получать блага на основе принципов равенства и справедливости. Для этого процессы развития национальных электронных правительств, связанные с различными механизмами предоставления государственных услуг на всех уровнях власти и управления в зависимости от системы государственного устройства должны быть открытыми и прозрачными для всех.

Согласно модели К. Лейн и Ли Джон У, для внедрения инструментария электронного правительства в работу государственных учреждений требуется пройти 4 фазы – каталогизацию, предоставление онлайн-услуг, вертикальную и горизонтальную интеграцию [2, с. 125]. Каталогизация подразумевает процесс создания сайтов тех структур, которые уже функционируют в системе государственного управления той или иной страны. Эти сайты должны быть наполнены актуальной информацией для внешних пользователей. Процесс предоставления онлайн-услуг составляет вторую

фазу развития электронного правительства. В данном контексте пользователь не просто видит информационное наполнение сайта конкретного органа или структуры, но и может делать запросы и получать ответы на них без физического взаимодействия с работниками этих органов, как правило, в удаленном режиме. Вертикальная интеграция означает внутриведомственное взаимодействие в рамках отдельной иерархии органов власти и управления. Горизонтальная интеграция предполагает уже межведомственный электронный документооборот между разными государственными структурами и учреждениями.

Подходы к определению понятия «электронное правительство» опираются на специфику использования информационно-коммуникационных технологий в процессах управления на разных уровнях.

Так, например, Е.Г. Иншакова определяет электронное правительство как средство предоставления государственных онлайн-услуг с помощью информационно-коммуникационных технологий гражданам, организациям и другим заинтересованным сторонам [3, с. 18].

С.В. Габуев рассматривает электронное правительство как способ взаимодействия правительств и внедрения наиболее современных инновационных решений в области ИКТ (в частности, веб-приложений для Интернета), призванных обеспечить различным заинтересованным сторонам и пользователям более удобный доступ к государственным услугам, что приведет к повышению качества, прозрачности и надежности услуг и результатов для обеспечения большей возможности участвовать в демократических процессах [4, с. 37].

Как отмечают Е.И. Добролюбова и В.Н. Южаков, на развитие электронного правительства повлияли идеи открытости власти и прозрачности процедур принятия политических решений в условиях доступности любой информации из сети Интернет, что в свою очередь повлияло на формирование идеи развития сервисного государства, т.е. государства, которое предоставляет свои услуги по упрощенной процедуре в автоматизированной форме через стандартизацию и унификацию всех процедур [5, с. 41].

О.Ю. Ивойлова полагает, что развитие концепции «e-government» влечет развитие концепции «e-citizen». В свою очередь концепция «e-citizen» в переводе означает «электронный гражданин», что предусматривает развитие идей электронной демократии на основе участия граждан в деятельности правительства и администрации на условиях открытости, прозрачности всех процедур, а следовательно, именно это должно способствовать совершенствованию всех демократических процессов [6, с. 53].

Данный подход базируется на материалах ООН, а именно на исследовании «Обзор электронного правительства Организации Объединенных Наций», которое публикуется один раз в два года Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (Department of Economic and Social Affairs (UN DESA)) и определяет рейтинг стран в части развития национальных электронных систем и их элементов цифрового взаимодействия. Традиционно выделяют следующие элементы, определяющие векторы взаимодействия:

- C2G – гражданин и правительство;
- G2C – правительство и гражданин;
- G2G – правительство и правительство;
- G2E – правительство и служащий;
- G2B – правительство и бизнес.

Современные критерии оценки электронного правительства: анализ рейтинга E-Government Survey 2022

Опубликованный в 2022 году рейтинг стран, базирующийся на исследовании «Обзор электронного правительства Организации Объединенных Наций», включает анализ ключевых тенденций развития электронного правительства в области предоставления электронных и мобильных услуг и проливает свет на распределение онлайн-услуг в зависимости от уровня дохода в стране и на предоставление услуг в конкретных секторах, которые особенно важны для устойчивого развития стран членов Организации Объединенных Наций. В 2022 году он учитывал показатели 193 государств и формировался относительного индекса EGDI, который состоит из средневзвешенного значения трех независимых индексов: индекса онлайн-услуг (OSI), индекса инфраструктуры (ТИИ) и индекса человеческого капитала (HCI). Градация самого показателя EGDI делится на 4 уровня: очень высокий (VH – very high), высокий (high), средний (M – middle) и низкий (L – low). Разбивка по рейтинговым

классам в соответствующих группах EGD I в данном документе представлена в порядке убывания выглядит следующим образом¹:

- VH, V3, V2 и V1 – для группы стран категории «very high» с наивысшими показателями индекса EGD I;
- HV, H3, H2 и H1 – для группы «high» с показателями индекса EGD I выше среднего;
- MH, M3, M2 и M1 – для группы стран категории «middle»;
- LM, L3, L2 и L1 – для группы стран категории «low» с наименьшими показателями индекса EGD I.

На основе представленного ООН рейтинга 2022 г. прослеживаются определенные региональные особенности. Так, 35 из 60 стран, входящих в группу EGD I категории «very high», расположены в Европе. 15 стран с максимальным показателем EGD I расположены в Азии. 8 стран характеризуют максимальное развития данного показателя на территории Северной и Южной Америке. И лишь 2 государства находятся в Океании.

В период с 2020 по 2022 гг. общее число стран, входящих в группу «very high» EGD I, выросло с 69 до 73. Число стран, относящихся к группе с показателем «middle» EGD I, сократилось с 59 в 2020 г. до 53 в 2022 г. Данное снижение обусловлено положительной тенденцией, поскольку за анализируемый период восемь стран включены в группу «very high» EGD I. При этом два государства-члена ООН по итогам анализа перешли из группы «low» в группу «middle». Число стран с низкими значениями рейтинга EGD I «low» сократилось с восьми в 2020 году до семи в 2022 г. Все государства в данной группе не имеют выхода к морю. Шесть из них находятся в Африке и республика Корея в Азии.

Рейтинг ведущих стран мира по развитию электронного правительства представлен в табл. 1.

Таблица 1 – Рейтинг EGD I 15 стран группы VH (very high)²

Table 1 – EGD I rating of 15 countries of the VH group (very high)

Country name	Rating class	Region	OSI	HCI	TII	EGDI (2022)	EGDI (2020)
Denmark	VH	Europe	0.9797	0.9559	0.9795	0.9717	0.9758
Finland	VH	Europe	0.9833	0.9640	0.9127	0.9533	0.9452
Republic of Korea	VH	Asia	0.9826	0.9087	0.9674	0.9529	0.9560
New Zealand	VH	Oceania	0.9579	0.9823	0.8896	0.9432	0.9339
Sweden	VH	Europe	0.9002	0.9649	0.9580	0.9410	0.9365
Iceland	VH	Europe	0.8867	0.9657	0.9705	0.9410	0.9101
Australia	VH	Oceania	0.9380	1.0000	0.8836	0.9405	0.9432
Estonia	VH	Europe	1.0000	0.9231	0.8949	0.9393	0.9473
Netherlands	VH	Europe	0.9026	0.9506	0.9620	0.9384	0.9228
United States of America	VH	Americas	0.9304	0.9276	0.8874	0.9151	0.9297
United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	VH	Europe	0.8859	0.9369	0.9186	0.9138	0.9358
Singapore	VH	Asia	0.9620	0.9021	0.8758	0.9133	0.9150
United Arab Emirates	VH	Asia	0.9014	0.8711	0.9306	0.9010	0.8555
Japan	VH	Asia	0.9094	0.8765	0.9147	0.9002	0.8989
Malta	VH	Europe	0.8849	0.8734	0.9245	0.8943	0.8547

Российская Федерация занимает в рейтинге 42 место в группе стран с высоким рейтингом. Наша страна представлена в подгруппе V2 с показателем EGD I 0.8162 и следующими индексами:

1. Индекс онлайн-услуг (OSI) – 0.7368;
2. Индекс инфраструктуры (TII) – 0.8053;
3. Индекса человеческого капитала (HCI) – 0.9065

¹ E-Government Survey 2022 // URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf>

² Там же.

Отдельный раздел рейтинга посвящен развитию локального электронного правительства, где в качестве индикатора представлен показатель LOSI, который содержит 86 показателей, структурированных по пяти критериям:

- институциональная структура (8),
- предоставление контента (25),
- предоставление услуг (18),
- участие и вовлеченность (17),
- технологии (18).

Таблица 2 –LOSI – рейтинг наивысших показателей локального электронного правительства по 193 странам мира¹

Table 2 – LOSI-ranking of the highest indicators of local e-government in 193 countries

City	Country	LOSI score	City	Country	LOSI score
Berlin	Germany	0.9767	Reykjavik	Iceland	0.8372
Madrid	Spain	0.9767	Helsinki	Finland	0.8256
Tallinn	Estonia	0.9535	Kiev	Ukraine	0.8256
Copenhagen	Denmark	0.9419	Riga	Latvia	0.8256
Dubai	United Arab Emirates	0.9186	Stockholm	Sweden	0.8256
Moscow	Russian Federation	0.9186	Manama	Bahrain	0.8140
New York	United States of America	0.9186	Almaty	Kazakhstan	0.8023
Paris	France	0.9186	Luxembourg City	Luxembourg	0.8023
Singapore	Singapore	0.9070	Vilnius	Lithuania	0.8023
Shanghai	China	0.8837	Montevideo	Uruguay	0.7907
Bogota	Colombia	0.8721	Seoul	Republic of Korea	0.7674
Buenos Aires	Argentina	0.8721	Tel Aviv	Israel	0.7674
Istanbul	Turkiye	0.8721	Toronto	Canada	0.7674
Tokyo	Japan	0.8605	Warsaw	Poland	0.7674
Zurich	Switzerland	0.8605	Brussels	Belgium	0.7558
Rome	Italy	0.8488	Oslo	Norway	0.7558
Sao Paulo	Brazil	0.8488	Riyadh	Saudi Arabia	0.7558
Vienna	Austria	0.8488	Sydney	Australia	0.7558
Auckland	New Zealand	0.8372	Zagreb	Croatia	0.7558

Из 38 городов, входящих в группу с очень высоким показателем LOSI, как мы видим, 20 расположены также в Европе, 10 - в Азии, 6 – в Северной и Южной Америке и 2 – в Океании. Примечательно, что в TOP10 входит столица нашей страны Москва, за ней следуют такие мегаполисы как Нью-Йорк, Париж и Сингапур. Таким образом, именно столица нашей страны является одним из форвардов в развитии локального цифрового правительства, а, следовательно, опыт, который оценен таким высоким показателем, является примером для других мегаполисов мира, а также и для городов нашей страны.

Такие высокие показатели рейтинговых индексов EGD и LOSI обусловлены последовательным процессом развития электронного правительства и цифровизации в нашей стране. Этот процесс включает несколько стадий (периодов) развития электронного правительства в России:

В течение первого периода 2002–2009 – параллельно с крупной административной реформой была запущена ФЦП «Электронная Россия (2002–2010)», результатом реформы было создание территориальных многофункциональных центров обслуживания граждан и расширение присутствия федеральных государственных органов в Интернете через сеть взаимосвязанных ведомственных веб-сайтов.

¹ E-Government Survey 2022 // URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf>

Второй период 2010–2015 – можно определить в рамках следующей ФЦП «Информационное общество 2011–2020» и, в частности, ее ключевого проекта «Электронное правительство (2011–2015)». Этот проект сосредоточился на развитии инфраструктуры для электронного предоставления государственных услуг. Период с 2011 по 2016 год был отмечен умеренным фактическим ростом и распространением услуг электронного правительства.

Третий период – с 2016 года до настоящего времени – в рамках национальной программы «Цифровая экономика» и федерального проекта «Цифровое государственное управление» в России появляются новые государственные информационные системы и модернизируются уже существующие. За развитие электронного правительства в России отвечает Правительство в лице Минцифры России, а также Минэкономразвития России. В стране действуют многочисленные разноуровневые нормативные акты, направленные на регулирование данных отношений [7, с. 106]. В рамках развития отечественной концепции электронного правительства были созданы такие сервисы, как Система межведомственного электронного взаимодействия, Единый портал Госуслуг, Государственная информационная система ЖКХ и т.д. Концепция развития электронного правительства в нашей стране повлияла и на выборный процесс посредством государственной автоматизированной системы «Выборы».

Целевые ориентиры развития электронного правительства в России

Целевыми ориентирами развития электронного правительства и концепции его осуществления на долгосрочный период станут процессы совершенствования и оптимизации каналов взаимодействия служащих органов государственной власти и управления с гражданским сообществом, бизнес структурами, резидентами и нерезидентами нашей страны. Процедуры функционирования электронного правительства в перспективе должны приводить к существенному сокращению и экономии временных затрат всех участников таких процедур, которые уже сейчас ориентируются на определенные регламенты, связанные с повышением скорости оказания государственных услуг и с определением их эффективности по различным критериям. Среди таких критериев превалирует оперативность и удовлетворенность качеством такого рода услуг, которые подлежат отслеживанию и официальному опубликованию на соответствующих сайтах органов власти и управления. Так, например, на сайте Федеральной налоговой службы России опубликована информация о том, что более 5,6 млн оценок поставили граждане в 2023 г., оценивая качество предоставления государственных услуг налоговыми органами. По данным сайта «Ваш контроль» 99,8 % налогоплательщиков довольны качеством предоставления услуг ФНС России¹.

Исследователи относятся к растущему проникновению цифровых технологий в организацию и функционирование органов государственной власти как с оптимизмом, так и с осторожностью. Сторонники развития электронного правительства считают, что эти процессы влияют на качество предоставления всего спектра государственных услуг в условиях глобальной цифровизации, что, безусловно, повышает профессионализм государственных служащих, а процессы администрирования государственных услуг становятся более прозрачным и объективными [8, с. 33]. С другой стороны, формируется лагерь критически настроенных субъектов, которые считают, что цифровизация снижает уровень защищенности личной жизни и уровень конфиденциальной информации любой информации, поскольку вероятны утечки данных и недостаточная безопасность в облачном пространстве электронного документооборота и делопроизводства, что влечет недоверие к самой системе функционирования электронного правительства [9, с. 62]. Следовательно, правительство и органы власти и управления должны уделить особое внимание защите персональных данных граждан и иных субъектов, участвующих в процессе взаимодействия с различными институциональными структурами нашей страны.

Несмотря на это, в перспективе, необходимо продолжить развивать сложившиеся формы электронного правительства. Это глобальное и международное взаимодействие на основе информационных технологий в рамках подхода G2G – правительство и правительство. Это горизонтальное и вертикальное взаимодействие G2E – правительство и служащий. Примером этой формы является межведомственное взаимодействие таких структур, как органы Министерства финансов и органы Казначейства, или органы, осуществляющие прокурорский надзор и следственные органы страны, ФНС и ФТС России, а также федеральный центр и региональные органы власти. Электронное правительство,

¹ ФНС России подвела итоги оценки качества предоставления государственных услуг за 2023 год // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/activities_fts/14180691

функционирующее в рамках внутреннего контура, уже предполагает процесс взаимодействия с внешней средой, и нацелено на оптимизацию и минимизация времени физического контакта граждан и государственных органов с целью удовлетворения их потребностей и интересов. Этот процесс взаимодействия по мере развития цифровых технологий, переводится в электронный формат [10, с. 15]. Эти формы взаимодействия следует и далее развивать в рамках таких элементов, как С2G – гражданин и правительство; G2С – правительство и гражданин; G2В – правительство и бизнес.

Помимо вышеназванного, в реализации современного этапа развития электронного правительства на государственном уровне в Российской Федерации определены четыре главные направления:

- расширение спектра предоставления электронных услуг для граждан и бизнеса в нашей стране,
- создание единой биометрической системы,
- внедрение суперсервисов,
- масштабная цифровая трансформация самой инфраструктуры электронного правительства нашей страны.

Уже сегодня функции электронного правительства посредством телекоммуникации расширяют спектр услуг на Платформе обратной связи, в рамках функционирования Единой системы нормативно-справочной информации, на Портале Госпродаж и др. Развитие цифрового электронного правительства в нашей стране стимулировало процесс разработки Единой системы идентификации и аутентификации с целью обеспечения надлежащего доступа пользователей.

Цифровизация всех сфер жизнедеятельности влечет за собой изменение индикаторов планирования в развитии самой системы электронного правительства. И если первоначально во главу ставились индикаторы экстенсивного характера, направленные на расширение количества услуг, предоставляемых органами власти и управления, то сейчас индикаторами являются индикаторы интенсивного характера в виде качества предоставляемых услуг, которые базируются на клиенто-ориентированном и многофункциональном подходе.

На современном этапе для дальнейшего развития концепции заложен такой индикатор, как «правительство как платформа», который имеет две ключевые характеристики – это ориентированность на человека (человекоориентированный) и в то же время независимость от человека (человеко-независимый). Ожидается, что каждый гражданин получит «цифрового двойника» – набор данных уже при рождении, и объем данных, составляющих цифровое представление каждого человека, со временем будет расти¹. Новейшая концепция представляет собой полномасштабное взаимодействие между гражданами и ведомствами с помощью цифровой платформы и предоставление услуг по проведению транзакций онлайн (единая система данных и цифровых инфраструктур для их сбора, обработки и хранения).

Заключение

По итогам проведенного исследования, отметим следующее:

Во-первых, электронное правительство – это ключевой тренд XXI века и один из наилучших доступных методов применения публичной власти посредством использования информационно-коммуникационных технологий, путем взаимодействия государства и граждан в масштабе дальнейшего развития концепций «e-government» и концепции «e-citizen». Определив взгляды и подходы ученых, предложена следующая формулировка понятия «электронное правительство» – концепция информационного, электронного и телекоммуникационного взаимодействия различных уровней власти как в вертикальном, так и в горизонтальном масштабе, нацеленная на совершенствование процедур управления всеми сферами жизнедеятельности гражданского общества в рамках того или иного государственного институционального образования.

Во-вторых, общей концепции электронного правительства на сегодняшний день не выработано, поскольку любая система государственного управления опирается на собственные исторические, политические и нравственно-этические нормы жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Каждое государственное образование, опирается на те базисы и предпосылки, которые отвечают внутренним и внешним факторам и вызовам. Следовательно, сущность, наполненность и скорость процессов цифровизации в части развития электронного правительства будут разными в зависимости

¹ Государство как платформа. // URL: <https://roscongress.org/materials/gosudarstvo-kak-platforma-kiber-gosudarstvo-dlya-tsifrovoy-ekonomiki-tsifrovaya-transformatsiya/>

от внутренней структуры и функционального наполнения сфер интересов и ответственности всех субъектов, участвующих в социально-политической, финансово-экономической, юридическо-правовой жизнедеятельности в масштабах государственных и территориальных границ. Это отчетливо показал анализ рейтинга стран, базирующийся на исследовании «E-Government Survey 2022» Организации Объединенных Наций. В то же время наша страна входит в группу стран с высоким показателем индекса EGDI в данном рейтинге, а столица нашей Родины Москва входит в ТОП-10 данного рейтинга по индексу развития локального электронного правительства.

В-третьих, под электронным правительством следует понимать любое правительственное образование, использующее Интернет ресурсы в своих функциональных интересах, связанных с делопроизводством и документооборотом. В России, как и в других странах, электронное правительство является системой, оплачиваемой гражданским обществом, которое и получает от органов власти и управления то количество услуг, которое определено положениями, регламентирующими деятельность самого правительства. Следовательно, индикатор «правительство как платформа» является точкой роста, драйвером развития, как самих государственных структур, так и гражданского общества, которое в полной мере должно быть вовлечено в процесс цифровизации всех сфер жизнедеятельности. Перспективными целевыми ориентирами в этом случае могут быть названы такие показатели как оперативность и удовлетворенность качеством, предоставляемых государственных услуг, формирование и наполнение цифровых двойников граждан и иных субъектов, а также защита персональных цифровых данных и обеспечение их сохранности.

Дальнейшее развитие электронного правительства в нашей стране должно осуществляться на базе неизбежной стремительной цифровой трансформации, финансовых, социальных и технологических изменений, требующих предоставления эффективных, прозрачных и действенных, а также универсальных, в любое время и без остановок государственных услуг.

Список источников

1. Степанова А. М. Зарубежный опыт реализации проектов электронного правительства / В сб.: Социально-экономическая политика России, мат. 8-й междунар. научно-практ. конф. 2016. С. 146–149.
2. Layne, K., & Lee, J.W. Developing fully functional e-government: A four stage model // *Government Information Quarterly*. 2001. № 2. P. 122–136.
3. Иншакова Е. Г. Электронное правительство в публичном управлении: монография. М.: Юрайт, 2017. 138 с.
4. Габуев С. В. Электронное правительство: проблемы эффективности политического управления: сравнительный анализ российского и мирового опыта: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Габуев Сослан Валерьевич. М., 2019. 225 с.
5. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков и др. М.: РАНХиГС, 2020. 114 с.
6. Ивойлова О. Ю. Электронное правительство в формировании позитивного имиджа региона // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2008. № 3. С. 51–60.
7. Какохо Т. Г. Правовой режим электронного правительства в Российской Федерации // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023. № 1. С. 102–107.
8. Корчагин С. Б. Информационные технологии в государственном управлении // *Свободная мысль*. 2021. № 2. С. 32–35.
9. Идиатуллина А. М. Электронное правительство в России: от теории к практике: монография. Казань: Изд-во КНИТУ, 2022. 98 с.
10. Собирзода Н. М. Формирование и развитие электронного правительства в современных условиях // *Вестник Таджикского национального университета*. 2023. № 2. С. 13–19.

References

1. Stepanova A. M. Foreign experience in the implementation of e-government projects. In: *Socio-economic policy of Russia, mat. 8th International Scientific and Practical Conference 2016*. Pp. 146-149. (In Russ.)
2. Layne, K., & Lee, J.W. Developing fully functional e-government: A four stage model. *Government Information Quarterly*. 2001;(2):122–136.
3. Inshakova E. G. *Electronic government in public administration*: monograph. Moscow: Yurayt; 2017. 138 p. (In Russ.)

4. Gabuev S. V. *Electronic government: problems of the effectiveness of political management: a comparative analysis of Russian and world experience*: dis. ... cand. polit. sciences. Moscow; 2019. 225 p. (In Russ.)
5. Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N. et al. *The digital future of public administration based on results*. Moscow: RANEPА; 2020. 114 p. (In Russ.)
6. Ivoilova O. Y. Electronic government in the formation of a positive image of the region. *Issues of state and municipal management*. 2008;(3):51–60. (In Russ.)
7. Kakokho T. G. The legal regime of e-government in the Russian Federation. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):102–107. (In Russ.)
8. Korchagin S. B. Information technologies in public administration. *Free Thought*. 2021;(2):32–35. (In Russ.)
9. Idiatullina A. M. *Electronic government in Russia: from theory to practice*: monography. Kazan: KNITU Publishing House; 2022. 98 p. (In Russ.)
10. Sobirzoda N. M. Formation and development of e-government in modern conditions. *Bulletin of the Tajik National University*. 2023;(2):13–19. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. В. Токмачева – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета ЮРИУ РАНХиГС.
Ю. И. Бородина – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета ЮРИУ РАНХиГС.
Е. А. Пушкарь – аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

N. V. Tokmacheva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.
Yu. I. Borodina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.
E. A. Pushkar – Graduate Student, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.07.2024; одобрена после рецензирования 31.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 26.07.2024; approved after reviewing 31.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 61–69
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):61–69

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-61-69>

EDN ELQARV

Использование сценарных условий международного взаимодействия национальных хозяйств в антикризисном управлении

Константин Павлович Еременко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, Eremenko-kp@ranepa.ru

Аннотация. Одним из главных вопросов, на который стремится ответить экономическая наука в сфере международных экономических отношений является вопрос о влиянии свободной торговли на экономическое развитие. В статье анализируются основные подходы и теории международной торговли, а также рассматриваются характеристики экономических систем, участвующих в торговле с точки зрения теории информации и кибернетики, и влияние этих параметров на управление хозяйственным развитием как национальных хозяйств, так и мирового хозяйства в целом. В некоторых случаях успешная специализация в международном разделении труда действительно достигается через меры либерализации торговли, финансовых рынков и правил движения капиталов. Но эти меры не всегда дают ожидаемые эффекты. Информационная и кибернетическая интерпретация процессов взаимодействия национальных хозяйственных систем открывает возможности к разработке нового научного подхода в описании явлений в сфере международной торговли.

Ключевые слова: гомеостаз, экономическая кибернетика, теория игр, информационная система, экономическое планирование, экономическая киберсистема, конкурентная игра, межотраслевой баланс, матрицы хозяйственного воспроизводства, черный ящик, информационный поток

Для цитирования: Еременко К. П. Использование сценарных условий международного взаимодействия национальных хозяйств в антикризисном управлении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 61–69. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-61-69>. EDN ELQARV

Problems of Economics

Original article

Use of scenario conditions of international interaction of national economy in anti-crisis management

Konstantin P. Eremenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Eremenko-kp@ranepa.ru

Abstract. One of the main questions that economic science seeks to answer in the field of international economic relations is the question of the impact of free trade on economic development. The article analyzes the main approaches and theories of international trade, and also examines the characteristics of economic systems involved in trade from the point of view of information theory and cybernetics, and the influence of these parameters on the management of economic development as national economies, and the world economy as a whole. In some cases, successful specialization in the international division of labor is actually

achieved through measures of liberalization of trade, financial markets and capital rules. But these measures do not always produce the expected effects. Information and cybernetic interpretation of the processes of interaction of national economic systems opens up opportunities for the development of a new scientific approach to describing phenomena in the field of international trade.

Keywords: homeostasis, economic cybernetics, game theory, information system, economic planning, economic cyber system, competitive game, inter sectoral balance, matrix of reproduction of economy, black box, Information flow

For citation: Eremenko K. P. Use of scenario conditions of international interaction of national economy in anti-crisis management. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):61-69. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-61-69>. EDN ELQARV

Введение

По мере исторического развития национальное хозяйство претерпевало постоянные изменения и специализацию как между отдельными районами внутри страны, так и на внешних рынках. Особенно бурно этот процесс стал развиваться с началом эпохи Великих географических открытий, приведшей к возникновению мирового рынка и мировой торговли. Существовавшие в ту эпоху государства столкнулись с совершенно новыми проблемами, в том числе и в сфере международной торговли. Одной из первых таких проблем стала инфляция, обусловленная ввозом огромного количества драгоценных металлов из Нового Света.

Исторический анализ существующих концепций международной торговли

Логичным ответом на данный вызов стало возникновение первой в истории политэкономической теории международных экономических отношений – меркантилизма [1]. В соответствии с этой теорией наиболее важным является формирование национального производства и преобладание экспорта национальной продукции над импортом изделий иностранной промышленности. Одним из последствий такого типа политики стало формирование практики неблагоприятных расчетных балансов и введение достаточно большого спектра запретительных пошлин, квот и эмбарго для обеспечения приоритета национальной промышленности.

Следующим крупным этапом в истории развития научного описания международной торговли стала работа Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [1]. В этой книге была сформирована новая теория международной торговли – теория абсолютных преимуществ. В соответствии с ней страна производит те товары, для производства которых существуют естественные преимущества, обусловленные природными условиями данной страны. В главе 3 «Об экспортных премиях» Адамом Смитом была раскритикована практика применения ограничений на экспорт при использовании системы неблагоприятных балансов.

Описанная Адамом Смитом теория стала краеугольным камнем развития политики “Laissez faire”, ставшей в дальнейшем господствующим взглядом на международную торговлю, неизменно предусматривающим обязательность свободной торговли и снятия протекционистских ограничений, которые рассматриваются как неизменно приносящие вред национальной экономике. При этом этот взгляд реализовывался вопреки самим работам Адама Смита, в которых теория абсолютных преимуществ действовала только в сфере сельского хозяйства и в связанных с ним комплексе отраслей, напротив, в промышленности введение протекционистских ограничений способствовало её ускоренному развитию, компенсации оттока капитала из страны через внешнюю торговлю и выравниванию конкурентных условий между национальной и иностранной промышленностью. В частности, в Британии её ускоренному развитию, по мнению Адама Смита, способствовал Навигацкий акт британского правительства, действовавший около 150 лет и устанавливавший протекционистскую политику. Сам Адам Смит назвал его «образцом высочайшей государственной мудрости» [1].

Следующей политэкономической теорией международной торговли стала теория относительных преимуществ Давида Риккардо [2]. Новизной подхода этого ученого было введение единиц затраченного труда для установления эквивалента сравнительных характеристик товаров, участвующих в международном торговом обмене. При такой системе расчетов важными оказывались не только абсолютные преимущества территории, но и распределение трудовых ресурсов и количество затрачиваемого на производство труда. Однако и в случае Давида Риккардо обычно не упоминают, что он тоже рассматривал введение протекционистской политики как, несомненно, полезной для развития национальной промышленности.

Следующей значимой теорией международной торговли, в общем-то являющейся основой современных вариантов торговой политики, является теория соотношения факторов производства, разработанная Э. Хекшером и Б. Олином. В соответствии с этой теорией международная торговля каждой конкретной страны зависит от доминирующего на её территории фактора производства. Страны, в которых преобладает капитал, экспортируют капиталоемкие товары, страны же, в которых преобладает труд, экспортируют трудоемкие товары. Это положение получило название теоремы Хикшера-Олина.

Американский экономист В. Леонтьев предпринял попытку расчетов долей капиталоемких и трудоемких товаров на основе статистики по внешней торговле за 1947 год. Результатом его расчетов стало открытие парадокса Леонтьева. Он заключается в том, что страны, в которых преобладает фактор производства капитал, экспортируют трудоемкие товары, а страны, в которых преобладает труд, экспортируют капиталоемкие товары. В дальнейшем многие экономисты рассматривали этот вывод и чаще всего приходили к положению, что один и тот же товар может в разных условиях рассматриваться и как трудоемкий и как капиталоемкий, этим и объясняется парадокс в большинстве общепринятых теорий.

Следующей важной теорией международной торговли является теория Жизненного цикла продукта Р. Вернона. В соответствии с этой теорией каждый товар проходит цикл развития, состоящий из отдельных стадий – внедрения, роста, зрелости и ухода с рынка. Экспорт продукта происходит на стадии роста, когда выясняется наличие большого спроса на него и прекращается на стадии насыщения. При достижении этой стадии производство товара переносится в менее развитую страну из-за наличия там дешевых ресурсов и рабочей силы. В более развитой производство постепенно прекращается.

В основном современные теории внешней торговли фрагментарны и сосредотачиваются на каком-либо конкретном аспекте международных экономических отношений – валютном, технологическом, производственном.

Наиболее крупные экономические школы современности продолжают поиски механизма эффективного развития посредством использования преимуществ международной торговли. По мере того, как начал набирать популярность монетаризм, политика многих государств претерпевала существенные изменения. Многие наиболее развитые государства, такие как Великобритания и США, стали активно сворачивать государственное вмешательство в экономику. Такая политика получила название тэтчеризма и рейганомики.

С распадом советского лагеря и СССР наступила эра масштабных экономических реформ, в том числе и в сфере осуществления внешнеэкономической деятельности. В целом они сводились к так называемому Вашингтонскому консенсусу, предусматривающему либерализацию валютных расчетов, снижение таможенных пошлин до минимума и приватизацию государственного имущества.

Результаты данной политики были неоднозначны. В основном они сводились к масштабному экономическому спаду, деиндустриализации хозяйства бывших советских республики и масштабной перестройке постсоветских экономик.

Из современных исследователей, занимающихся проблемами международной торговли, следует упомянуть Эрика Райнерта и Дэни Родрика.

Эрик Райнерт рассматривает международную торговлю через сопоставление уровня развития экономик, участвующих в международной торговле. В зависимости от того, являются ли они сопоставимым или нет, рассматриваются и дальнейшие последствия для экономик стран. В случае, когда они слишком различаются, в международной торговле будет наблюдаться эффект Райнерта-Ванека – асимметричная свободная торговля [3], наиболее негативно сказывающаяся на отраслях с возрастающей отдачей капитала, подвергающихся в таких условиях систематическому разрушению.

В работах Дэни Родрика также рассматриваются негативные эффекты от непродуманных мероприятий в области внешней торговли и их влияние на перераспределение между отраслями национальной экономики. В случае отмены таможенных пошлин эффект от подобной политики может достигать чудовищных величин – убытки могут превысить выигрыш в 50 и более раз [4].

Вопросов международной торговли касался в своих работах С. Н. Булгаков. Он рассматривал международную торговлю как часть развития процесса специализации и видел в этом, в том числе, и возможности для более развитых капиталистических государств присоединять к своим хозяйствам экономики других государств как составные части собственного хозяйства.

Информационная структура народного хозяйства

Если рассмотреть экономику и хозяйство, составной частью которого экономика и является как часть неравновесной информационной системы, то экономика в соответствии с теорией информации представляет собой неравновесную диссипативную систему, описываемую с точки зрения управляемости как Черный ящик [5], обладающий большим количеством информационных входов, через которые поступают информационные сигналы управляющих воздействий. Общественный сектор более устойчив и всегда обладает собственной отдельной матрицей воспроизводства, поэтому именно он осуществляет целенаправленное воздействие на экономику как подсистему переменной памяти хозяйства.

Для того, чтобы представить ситуацию нагляднее, целесообразно воспользоваться инструментарием матриц хозяйственного воспроизводства И. Р. Бугаяна [6], позволяющим описать условия воспроизводства хозяйственной системы на основе доминирующего фактора производства:

<u>B</u>₁	L ₁	T ₁	K ₁	S ₁
L ₂	<u>T</u>₂	K ₂	S ₂	B ₂
T ₃	K ₃	<u>S</u>₃	B ₃	L ₃
K ₄	S ₄	B ₄	<u>L</u>₄	T ₄
S ₀	B ₀	L ₀	T ₀	<u>K</u>₀

Рис. 1. Матрица воспроизводства в странах ЗМ («золотого миллиарда») (нижнее подчеркивание элементов матрицы указывает главную диагональ)

Fig. 1. Reproduction matrix in ZM countries ("golden billion")

где:

B – современное предпринимательство, *L* – труд, *T* – земля, *K* – капитал, *S* – общественный сектор.

Индекс справа обозначает причастность к определенному фактору производства: 1 – первое подразделение, 2 – второе и т.д. кроме индекса – 0. Этим индексом обозначено пятое подразделение. Подразделения обозначают разные виды хозяйства, в зависимости от доминирующего фактора: 1 – предпринимательство, 2 – труд, 3 – земля, 4 – капитал, 0 – общественный сектор.

Ключевое значение имеет главная диагональ, идущая от верхнего левого к нижнему правому углу. А неглавная – побочная – наоборот от верхнего правого к нижнему левому углу. Сумма факторов неглавной диагонали отражает общий размер общественного сектора. Главная же диагональ показывает цель – необходимые размеры социальной сферы в зависимости от подразделения, а также средства достижения цели – размер прочих факторов производства, находящихся на главной диагонали.

Условия расширенного воспроизводства системы находятся в верхней правой части матрицы и для его осуществления необходимо, чтобы они превышали нижнюю левую часть матрицы. На информационном уровне это означает наличие приоритетного управляющего информационного потока от общественного сектора, воздействующего на экономику и корректирующего коэффициенты нижней левой части хозяйственной матрицы. Общественный сектор также обладает отдельной матрицей воспроизводства, обеспечивающей ему устойчивость, в отличие от экономики, матрица воспроизводства которой меняется в зависимости от доминирующего фактора производства.

В случае, когда мы применяем этот инструментарий к международной торговле, исследуя взаимодействие хозяйств двух государств, мы можем рассмотреть характеристики каждого из хозяйств как отдельную матрицу хозяйственного воспроизводства, а взаимодействие между ними, осуществляемое через внешнеторговый обмен, как двусторонний обмен управляющими информационными потоками между этими системами.

Информационный поток от системы зависит от уровня развития системы, а так же наличия в ней соответствующих функционирующих комплексов отраслей возрастающей отдачи, различающихся в зависимости от преобладающего фактора производства и достигнутого уровня развития, так как после того, как комплекс отраслей предыдущего подразделения достигает максимального уровня развития, он сменяется развитием комплекса отраслей более высокого подразделения, выражающегося новой матрицей хозяйственного воспроизводства. От этого же зависит и информационная сложность хозяйства отдельной страны. Самыми сложными, таким образом, являются хозяйства тех стран, в которых доминирующим фактором производства является предпринимательство и, как следствие, ключевым товаром – информация. Такие страны обладают решающими преимуществами в международной торговле.

Сценарное описание результатов взаимодействия народных хозяйств

Существует несколько основных сценариев, по которым будет развиваться взаимодействие хозяйств, также и последствия от взаимодействия будут различаться. Совокупный управляющий информационный поток в сценариях будет обозначаться как I_1 для более развитой страны, I_2 для менее развитой страны, I_1' - в случае коррекции более развитой страной, I_2' - в случае коррекции со стороны менее развитой страны. Знаки сравнения показывают эквивалентность потоков друг другу.

1 сценарий. Взаимодействующие хозяйства обладают примерно равным уровнем развития и обмениваются товарами в режиме свободной торговли. В этом случае информационные потоки практически эквивалентны друг другу:

$$I_1 \cong I_2$$

При таком взаимодействии хозяйственные системы перестраиваются в соответствии с основными теориями международной торговли. Каждая из стран специализируется на тех видах товаров, в производстве которых она более эффективна на основе преобладающих факторов производства.

Коэффициенты матриц перестраиваются, не нарушая условий расширенного воспроизводства системы. Данный сценарий наблюдался при создании Бенилюкса. Ключевым условием эффективности европейской интеграции была сопоставимость уровней развития хозяйств основных европейских стран и одинаковое основное содержание хозяйств.

2 сценарий. В условиях свободной торговли оказываются страны с существенно различным уровнем развития и информационного содержания хозяйства, а также отличающихся по признаку доминирования в системе экономики, как основного подразделения хозяйства. В этом случае информационный поток от более развитого хозяйства значительно превышает поток от менее развитого:

$$I_1 \gg I_2$$

Таким образом формируется контур положительной обратной связи, перестраивающий структуру хозяйства менее развитой страны, прежде всего, самую пластичную часть хозяйства – экономику. Значения коэффициентов верхней правой части матрицы, советующей общественному сектору хозяйства, почти не меняются. Значения же нижней левой части перестраиваются в соответствии с матрицей хозяйственного воспроизводства более развитой страны. Информационный поток от менее развитой страны почти не влияет даже на коэффициенты экономической части матрицы более развитого хозяйства. Для хозяйства менее развитой страны последствия значительно серьезнее – нижнюю левую часть матрицы теперь корректнее рассматривать именно как часть хозяйства более развитой страны. Так как коэффициенты матрицы хозяйства более развитой страны, особенно в части экономики, значительно превышают аналогичные показатели менее развитой страны, то в результате создается ситуация, когда экономика одного из государств становится частью хозяйства другой страны и встраивается в систему расширенного воспроизводства более развитой страны, одновременно с этим объем, в том числе и информационный, этой новой экономики начнет превышать как объем общественного сектора хозяйства в верхней правой части матрицы, так и собственно объем матрицы общественного сектора менее развитой страны. Иными словами, в системе начнут выполняться условия отрицательного воспроизводства.

В хозяйстве менее развитой страны начнет развиваться процесс создания паллиативной экономики сырьевого типа. Больше всего страдают в результате такого процесса отрасли возрастающей отдачи – наиболее высокотехнологичные отрасли конкретного фактора производства, доминирующего в хозяйстве страны в данный момент.

После того, как исчезают отрасли возрастающей отдачи наиболее высокого подразделения хозяйства, в матрице более низкого подразделения значения коэффициентов экономики будут еще сильнее отличаться от значений общественного сектора, и, тем самым, процесс разрушения хозяйства будет ускоряться по мере начала распада подразделений все более низкого уровня.

Напротив, при подобном неравновесном взаимодействии хозяйство более развитой страны будет демонстрировать повышение темпов экономического роста, возникающего за счет перестройки присоединённой экономики и дополнительных средств, высвобождающихся при разрушении сформировавшихся циклов хозяйственного воспроизводства и уменьшении информационного и производственного масштаба хозяйственной системы и общественного сектора менее развитой страны.

Плавающие валютные курсы также способны усиливать действие информационных потоков более развитой системы за счет реализации потенциала побочного функционала в экономической игре [7] в рамках антигомеостатической рыночной системы. При таких параметрах системы создаются благоприятные условия для выделения агрессивных конкурентных групп [8], действия которых будут способствовать дальнейшему эффективному искажению информационных потоков и формированию нарастающих хозяйственных диспропорций, как это происходило в эпоху неолиберальных реформ.

Одной из характерных черт процесса является то, что он становится возможен только в хозяйственной системе, основным содержанием которой является экономика, а не общественный сектор хозяйства. В такой системе преобладают неравновесные тенденции за счет необходимости поддержания определенной глубины обратной связи в управляющих воздействиях, обеспечивающих устойчивость в целом неравновесного процесса функционирования экономики, причем параметр глубины обратной связи будет меняться по мере изменения степени насыщения системы отраслями, соответствующими разным факторам производства. Чувствительность системы становится максимальной в том случае, если преобладающим фактором стало предпринимательство. В таких условиях хозяйство может обеспечивать сравнительно устойчивое существование (сохранять собственное упорядоченное состояние) только за счет нарастания энтропии в окружающей среде и постоянных донорских вливаний из какой-либо более масштабной системы, либо через неравновесный процесс выкачивания средств за счет эксплуатации новых, неосвоенных территорий. В колониальную эпоху это были собственно колонии и вновь открытые территории, выступавшие в качестве донорской системы, обеспечивающей постоянные вливания и экономический рост. Когда же раздел мира был фактически завершен, начались военные конфликты за уже захваченные территории.

После второй мировой войны система хозяйств наиболее развитых стран претерпела существенные изменения, выразившиеся в выходе наиболее крупных компаний за рамки национальных границ и формировании ими единых сложноорганизованных структур, функционирующих по типу планового хозяйства – системы транснациональных корпораций, заменившей устаревшую к тому времени колониальную систему хозяйства и ставшей новым механизмом поддержания стабильности диссипативной хозяйственной системы рынка. Механизм работы системы ТНК не имеет никакого отношения к рынку и базируется на межотраслевом балансе с преимущественно неденежными расчетами между отдельными подразделениями.

В 90-е годы, в связи с распадом советской системы и начавшимся процессом перехода к рынку, возник и был апробирован и новый механизм поддержания стабильности рыночной системы. В этот раз основным механизмом выступала система монетаристских мер по либерализации хозяйства.

В реальности по своему информационному содержанию эти меры представляли собой набор сигналов хозяйству, комплексно решающий целый ряд задач по принудительной интеграции «Молодой демократии» в рыночную хозяйственную систему, перестройке производственных цепочек под нужды системы транснациональных корпораций и снижению информационной емкости хозяйства через проведение приватизации, так как это мгновенно понижает уровень развития соответствующего хозяйства до уровня естественно преобладающего производственного фактора и уничтожает общественный сектор как резервную подсистему, которая была бы способна восстановить хозяйство.

Развитие хозяйства, испытавшего на себе процесс либерализации, становится возможным только в рамках хозяйственных процессов, ограниченных цепочками получения добавленной стоимости системы транснациональных корпораций. Прорывные варианты развития могут быть осуществлены только при смене хозяйственной политики и преимущественном задействовании ресурсов общественного сектора. Одним из ярких примеров реализации может служить план Моргентау [3], примененный в Германии в 1945 г. для обеспечения её деиндустриализации и невозможности повторного воссоздания военного потенциала, но отменённый группой Маршалла, так как следствием его дальнейшей реализации стало бы как массовое вымирание населения страны, нежелательное в условиях начавшейся Холодной войны, так и само разрушение промышленности нацистской Германии.

Такие экономические эффекты, как эффект Райнерта-Ванека, получают объяснение как контур управляющей положительной обратной связи [9], возникающий при асимметричной свободной торговле за счет информационного взаимодействия хозяйств. Также и парадокс Леонтьева на деле представляет собой ситуацию уже успевшей сформироваться и закрепиться интеграции хозяйств менее развитых стран в хозяйство более развитой, для которой эти хозяйства служат теперь сырьевой базой для развития постоянно расширяющейся части хозяйственной матрицы воспроизводства. Трудоемкие товары – продукция постоянно развивающихся отраслей возрастающей отдачи, а капиталоемкие товары – сырьевая продукция отраслей убывающей отдачи хозяйства с упрощенной внутренней структурой, в рамках которой невозможно организовать эффективный процесс расширенного воспроизводства, так как сигналы, генерируемые внутри системы, эффективно глушатся мощным внешним воздействием.

В подобных условиях использование мер, рекомендуемых в соответствии с большинством теорий международной торговли, вполне способно не принести никакой пользы хозяйству страны и даже усугубить отрицательные эффекты подобной экономической политики.

3 сценарий. В условиях свободной торговли оказываются страны со значительно различающимся уровнем развития или разными основными составляющими хозяйства – общественным сектором и экономикой:

$$I_1 > I_2$$

Этот сценарий отчасти будет напоминать предыдущий, с разницей в масштабах отрицательных последствий для хозяйства менее развитой страны. Оно даже может сохранить способность к воспроизводству, хотя теперь таковая не будет достигать уровня расширенного. Последствия подобного сценария особенно актуальны для стран бывшего социалистического лагеря, находящихся в восточной Европе. В большинстве своем они сохранили значительную часть своих хозяйств, хотя наиболее развитых отраслей возрастающей отдачи, созданных в советское время, лишились. Например, хозяйства Чехословакии и прибалтийских государств было достаточно эффективными для того, чтобы там существовали высокотехнологичные отрасли, производившие сложную цифровую вычислительную технику, но в процессе интеграции в европейское хозяйство они были полностью разрушены.

4 сценарий. Два хозяйства обладают достаточно различными уровнями развития, но система мер в виде таможенных пошлин, договоров или квот делает информационный обмен между хозяйствами близким к симметричному.

$$I_1 \cong I_2'$$

В этом случае менее развитое хозяйство получает способность к расширенному воспроизводству, эквивалентную достигнутому уровню хозяйственного развития и не нарушаемую информационным потоком второго хозяйства, так как он автоматически корректируется через применяемую систему мер внешнеторговой политики.

Более развитое хозяйство будет испытывать процесс торможения развития экономики, так как в этом случае менее развитое хозяйство сможет ограничить темпы роста экономики более развитого хозяйства, так как те напрямую завязаны на наличие внешней резервной подсистемы поддержки развития, реализуемого по сценарию высвобождения ресурсов через системное разрушение и уменьшение информационной сложности менее развитых хозяйств. Процесс торможения развития более масштабной экономики особенно эффективно способен осуществить альянс хозяйств сходного уровня развития, кооперативно реализующих один и тот же тип хозяйственной политики, описываемый в данном сценарии.

В случае смены доминирующего фактора производства необходима своевременная коррекция применяемой системы мер, чтобы она была адекватной задачам расширенного воспроизводства на конкретном этапе.

Данный сценарий хозяйственного развития реализовывался в истории неоднократно, хотя и носил характер спонтанно сложившейся интуитивной системы. Именно она и получила название меркантилизма и протекционизма. По мнению Райнерта [3], доминирующее положение хозяйств наиболее развитых стран обусловлено именно применением протекционистской политики, а не свободной торговлей, эффект от которой в реальности возможен только при сопоставимом уровне развития взаимодействующих хозяйств.

5 сценарий. Более развитое хозяйство корректирует собственные потоки товаров в соответствии с потребностями развития менее развитого хозяйства, для оптимизации и ускорения процесса.

$$I_1' \cong I_2$$

Очень похож на предыдущий, но разница в том, что эффективное развитие обеспечивается через коррекцию информационного потока со стороны более развитого хозяйства. Как и в случае 4-го сценария, при смене доминирующего фактора производства необходимо изменение торговой политики, но в это раз со стороны хозяйства, помогающего развивать менее развитое.

Этот сценарий хозяйственного развития также неоднократно был реализован. Самые известные примеры – со стороны хозяйств, в которых основной подсистемой является общественный сектор, прежде всего – система экономического развития и взаимопомощи, действовавшая в отношениях между СССР и странами «Народной демократии», в основном входивших в ОВД. Со стороны хозяйств, в которых основной подсистемой является экономика – основные примеры – план Маршала, предполагавший систему мер по созданию пояса развитых государств в Европе и политика создания хозяйств «Азиатских тигров» и Японии после Второй Мировой войны.

6 сценарий. Два хозяйства совместно разрабатывают, реализуют и применяют политику оптимального взаимного хозяйственного развития, в рамках и при приоритетном применении научной экономики и методов смежных научных дисциплин, используемых при анализе экологических, географических и комплексных структурных последствий развития.

$$I_1' \cong I_2'$$

В современное время недопустимо ограничиваться только отдельными протекционистскими мерами. Существуют и иные механизмы регулирования и оптимизации развития через внешнеэкономическую деятельность. Прежде всего это договоры о внешней торговле в случае, если они составлены с учетом знаний о значениях коэффициентов матриц хозяйственного воспроизводства стран, заключающих договор, но это один из базовых вариантов, основанных еще и на интуитивном подходе.

Научным вариантом оптимизации хозяйственного развития взаимодействующих государств является система валютных коэффициентов и единая валюта, так как они позволяют эффективно учитывать разнообразные чувствительные параметры конкретных хозяйственных систем и эффективно планировать развитие, в отличие от, например, системы плавающих валютных курсов. Именно за данным вариантом развития будущее – масштабная рациональная система мер взаимодействия и комплексного развития, не допускающая развития игр агрессивных конкурентных групп и отрицательных эффектов непродуманной свободной торговли.

Заключение

Хозяйственные системы будущего не могут эффективно функционировать на основе спонтанно сложившихся рыночных механизмов и неупорядоченных систем передачи неустойчивых рыночных сигналов. Единственная альтернатива – современные электронные системы планирования на основе технологии Big Data, способные оптимально рассчитывать необходимые границы чувствительности хозяйственных систем и их параметров.

Налаженная система мозговых вычислительных центров [10], рассчитывающая хозяйственное развитие через систему межотраслевых балансов и учитывающая корректировки через инструментарий матриц хозяйственного воспроизводства, вполне способна решать задачи по планированию эффективного развития национального хозяйства Российской Федерации и интегрированных дружественных ему государств, в первую очередь стран БРИКС, и обеспечивать устойчивость к рискам, генерируемым системой мирового рынка, в соответствии с реальными алгоритмами функционирования хозяйственных механизмов.

В перспективе устойчивое развитие мирового хозяйства может обеспечить устойчивая плановая система международного разделения труда, осуществляемого на основе наиболее эффективной хозяйственной специализации каждого национального хозяйства в рамках основных функций, заложенных в информационной структуре хозяйственной системы. Со временем она может вырасти за рамки национальных хозяйств и объединиться в структуру, подобную системе ТНК, но качественно отличающуюся от неё максимальной эффективностью реализации общехозяйственных функций и обеспечивающую реализацию долгосрочной эффективной стратегии развития стран Глобального Юга и БРИКС.

Список источников

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. П. Клюкина. М.: Эксмо, 2016. 1056 с.
2. Риккардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Пер. с англ. П. Клюкина. М.: Эксмо, 2016. 1040 с.

3. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом. Гос ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
4. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч ред. А. Смирнова. М.: Изд-во института Гайдара, 2014. 576 с.
5. Винер Н. Корпорация "Бог и голем" / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: Изд-во АСТ, 2018. 160 с.
6. Бугаян И.Р. Неотмирность России: возможные варианты воспроизводственного роста хозяйства при многоукладности. / Сб. «Россия под переменами» / Под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. Ростов-н/Д: Донской издательский дом, 2020. 290 с.
7. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / Пер. с англ. и с доб. Н. Н. Воробьева. М.: Наука: Главная редакция физико-математической литературы, 1970. 708 с.
8. Басу К. По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки / пер. с англ. А. Апполонова, Т. Котельниковой; под ред. И. Чубарова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 432 с.
9. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И. В. Соловьева. М.: Советское радио, 1958. 216 с.
10. Ведута Е. Н. От цифровой экономики к экономической кибернетике (киберэкономике) / Будущее экономики России: роль цифросферы. Вызовы, угрозы, решения. Монография. Под научной ред. И. М. Братищева. СПб: Астерион, 2022. С. 185-203.

References

1. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow: Eksmo; 2016. 1056 p (in Russ.)
2. Ricardo D. *The Beginnings of Political Economy and Taxation*. Moscow: Eksmo; 2016. 1040 p. (in Russ.)
3. Rainert E. S. *How Rich Countries Became Rich, and Why Poor Countries Remain Poor*. Transl. by N. Autonomova; ed. V. Avtonomova. Moscow; 2011. 384 p. (In Russ.)
4. Rodrik D. *Democracy and the Future of the World Economy*. Transl. from English by N. Edelman; ed. A. Smirnov; Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute; 2014. 576 p. (In Russ.)
5. Wiener N. *Corporation "God and Golem"*. Transl. from English by V. Zhelminova. Moscow: EDT Act; 2018. 160 p. (In Russ.)
6. Bugayan I. R. Neotmiriness of Russia: possible options for reproducible growth of the economy with multi-layering. In: *Russia under change*. Yu. M. Osipova, I.R. Bugayana, E.S. Zotova (eds.). Moscow; Rostov-on-Don; 2020. (In Russ.)
7. Von Neumann J., Morgenstern O. *Theory of games and economic behavior*. Moscow; 1970. 708 p. (in Russ.)
8. Basu K. *Beyond the Invisible Hand. Groundwork for a New Economics*. Transl. by A. Apollonov, T. Kotelnikova; ed. I. Chubarov. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute; 2014. 432 p. (In Russ.)
9. Wiener N. *Cybernetics or Control and Communication in The Animal and The Machine*. Moscow; 1958. (in Russ.)
10. Veduta E. N. From the digital economy to economic cybernetics (cybereconomics). In: *The future of the Russian economy: the role of the digital sphere. Challenges, threats, solutions: Monograph / Scientifically edited by I.M. Bratishcheva*. 2nd edition. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2022:185–203. EDN QMPNIU. (in Russ.)

Информация об авторе

К. П. Еременко – ведущий экономист, преподаватель отделения СПО, преподаватель кафедры менеджмента ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

K. P. Eremenko – Leading Economist, lecturer of the Department of Secondary Vocational Education, lecturer of the Department of Management, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Статья поступила в редакцию 28.05.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 29.08.2024.

The article was submitted 28.05.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 29.08.2024.

Ecological-economic assessment of environmental quality as a natural basis for territorial sustainable development: conceptual-categorical analysis

Yinan Dong

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
yinan.2.dong@uconn.edu, <https://orcid.org/0000-0001-8658-7196>

Abstract. In the context of growing global problems of resource using and environmental protection the development of a sustainable environmental-economic development strategy, including at the territorial level is becoming increasingly actual. The *purpose* of the research is conceptual-categorical analysis of ecological-economic assessment of environmental quality as a natural basis for territorial systems of different levels sustainable development, elaboration and justification of the conceptual assessment model and methods of its implementation. *Methodological issues* focus on how to comprehensively assess the environmental quality of the territory and how this assessment can be taken into account in the formation of a strategy for environmentally sustainable development of spatial-economic systems. The *scientific novelty* of the research results lies in the consolidation of the theories of territorial development sustainability and environmental quality environmental-economic assessment in the conceptual model, as well as in the substantiation of tools for quantitative measurement of environmental quality, increasing the accuracy and reliability of the obtained environmental-economic assessments. The significance of the *research results* lies in providing decision-makers with comprehensive information on the long-term consequences of environmental-economic decisions and facilitating the transition to environmentally sustainable economic development of territories. This information can be obtained as a result of systematic application of multidimensional environmental-economic assessment tools that take into account not only the full socio-economic value of natural environmental resources, but also the spatial characteristics of territories.

Keywords: ecological-economic assessment, environmental quality, natural basis, territorial sustainable development, conceptual-categorical analysis

Acknowledgments: The research was carried out in Southern federal university within the framework of the RNF project No. 24-28-01624.

For citation: Yinan Dong. Ecological-economic assessment of environmental quality as a natural basis for territorial sustainable development: conceptual-categorical analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):70–77. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-70-77>. EDN DRZRJL

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 338.23

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-70-77>

EDN DRZRJL

Эколого-экономическая оценка качества окружающей среды как природного базиса устойчивого развития территорий: концептуально-категориальный анализ

Инань Дун

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
yinan.2.dong@uconn.edu, <https://orcid.org/0000-0001-8658-7196>

Аннотация. В контексте растущих глобальных проблем ресурсопользования и охраны окружающей среды выработка стратегии устойчивого эколого-экономического развития приобретает все большую актуальность, в том числе и на территориальном уровне. *Цель* исследования – концептуально-категориальный анализ эколого-экономической оценки качества окружающей среды как природного

базиса устойчивого развития территориальных систем различного уровня, разработка и обоснование концептуальной оценочной модели и методов ее реализации. *Методологические вопросы* фокусируются на том, как всесторонне оценить качество окружающей среды территории и как эта оценка может быть учтена при формировании стратегии экологически устойчивого развития пространственно-экономических систем. *Научная новизна* результатов исследования заключается в консолидации в концептуальной модели теорий устойчивости территориального развития и эколого-экономического оценивания качества окружающей среды, а также в обосновании инструментов количественного измерения экологического качества, повышающих точность и надежность полученных эколого-экономических оценок. *Значимость результатов* исследования заключается в предоставлении лицам, принимающим решения, всесторонней информации о долгосрочных последствиях эколого-экономических решений и содействии переходу к экологически устойчивому экономическому развитию территорий. Данная информация может быть получена в результате систематического применения многомерных эколого-экономических инструментов оценки, которые учитывают не только полную социально-экономическую ценность природных ресурсов окружающей среды, но и пространственные характеристики территорий.

Ключевые слова: эколого-экономическая оценка, качество окружающей среды, природный базис, устойчивое развитие территории, концептуально-категориальный анализ

Благодарности: Исследование выполнено в Южном федеральном университете в рамках проекта РФФ № 24-28-01624.

Для цитирования: Инань Дун. Эколого-экономическая оценка качества окружающей среды как природного базиса устойчивого развития территорий: концептуально-категориальный анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 70–77. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-70-77>. EDN DRZRJL

1. Quality of the environment and territorial sustainable development

In recent years, the rapid development of the global economy has brought about significant environmental challenges [1, 2]. The expansion of industrial activities, accelerated urbanization, and increased consumption have not only exacerbated pollution issues but also led to resource depletion [3]. The relationship between economic development and environmental sustainability is intricate, often necessitating trade-offs between economic interests and environmental well-being. Achieving sustainable development (SD) requires striking a balance between economic growth and environmental protection. Incorporating environmental quality (EQ) assessments into economic planning to ensure that development projects are sustainable and do not compromise the well-being of future generations can contribute to the attainment of SD goals.

As economic and social development progresses, EQ has suffered severe degradation. Environmental deterioration, including air and water pollution, soil contamination, and biodiversity loss, has in turn adversely impacted socioeconomic processes [4, 5]. There is an urgent need for integrated approaches to assess EQ to ensure that economic development strategies do not compromise environmental sustainability. This involves evaluating various environmental parameters and their interactions with economic activities, prompting decision-makers to increasingly focus on the concept of territorial ecological sustainability and undertake comprehensive EQ assessments.

The key aim of the research is to analyze how EQ ecological-economic assessments can promote sustainable territorial development. To achieve this goal, three crucial concepts: environmental quality, ecological-economic assessment, and sustainable development are examined. Based on the relationships among these three concepts, a conceptual theoretical model is constructed. The study integrates theories of ecological-economic assessment and environmental sustainability, proposing an integrated assessment approach that elucidates the direct and indirect EQ impacts on economic activities and social development. The paper employs literature review, conceptual analysis, and theoretical analysis to develop a novel conceptual framework. By constructing a model that encompasses EQ, environmental economic assessment, and SD, the study aims to evaluate environmental quality more effectively, thereby driving territorial sustainable development.

The significance of this paper can be manifested in two aspects. Firstly, its theoretical research significance lies in the multidimensional ecological-economic assessment method, which unveils the interactions among economic, social, and ecological systems, providing a novel research perspective for theoretical researchers and contributing to innovation and systematization in this field. Secondly, the paper holds practical significance. The model proposed can provide actionable policy recommendations for governments to guide

the development and implementation of sustainable practices at regional and national levels. These recommendations will be based on integrated EQ assessments and economic evaluations. Such assessments provide scientific grounds for making prudent management decisions and advancing environmental sustainability strategies, enabling policymakers to comprehend the long-term environmental consequences of economic decisions and facilitating the transition towards an environmentally friendly economy.

2. Methodology for territorial EQ ecological-economic assessing in the sustainable development system

The methodology focuses on three main aspects, the first is relevant studies on ecological-economic assessment and the second aspect is the SD theories.

The literature on ecological-economic assessment can be broadly categorized into two types: the first employs non-monetary methods to evaluate EQ, while the second utilizes monetary methods from economic methodologies to assess it. Non-monetary methods primarily include Life Cycle Assessment, a systematic analytical tool used to evaluate the environmental impacts of a product, process, or activity throughout its entire life cycle, from raw material acquisition to final disposal [6]. Sustainability Indicator Approach measures the sustainability of a system through a series of environmental, economic, and social indicators [7]. Monetary methods mainly encompass: Hedonic Pricing Method, which infers the impact of EQ on prices by analyzing the price variations of goods in the market [8], Contingent Valuation Method, which evaluates the EQ value by surveying the amount the public is willing to pay [9]. Choice Experiment Method analyzes consumer preferences under different EQ scenarios by setting up simulated market situations [10].

However, most existing studies employ a single valuation method, lacking a comprehensive and integrated approach. There is a need for frameworks that combine multiple assessment methods to capture the full socio-economic value of environmental resources and account for spatial and temporal variations across regions.

The SD concept was first introduced in 1987 in the report "Our Common Future", which emphasized the balance between environmental protection and economic development. The initial definition stressed that development should meet present needs without compromising the ability of future generations to meet their own needs. Subsequently, the SD theory underwent several developmental stages, gradually becoming more refined and proposing a balance among environmental, economic, and social aspects. Over time, the theory was further improved. Later, in 2015, the United Nations put forth 17 Sustainable Development Goals, forming a more comprehensive theoretical framework and further specifying the implementation pathways for SD [8].

While SD literature highlights the EQ importance, it often lacks quantitative assessment tools. Existing sustainability assessments are primarily qualitative [11], failing to provide precise measurements and economic valuations of environmental impacts. There is a need for integrating rigorous economic valuation methods into SD frameworks.

The main contributions of this research to the methodology are reflected in two aspects. First, it integrates sustainability into ecologic-economic assessing procedure. Existing research on EQ assessment typically adopts a single method, lacking a comprehensive analysis and a sustainability development perspective. The conceptual model proposed in this study incorporates the SD perspective into ecological-economic assessment methods, providing a more comprehensive analytical framework. Second, it offers a more accurate assessment model for sustainability. Current research on sustainability assessment is primarily qualitative, lacking sufficient quantitative analysis. By leveraging monetary economic assessment methods, EQ can be effectively analyzed quantitatively. The conceptual theoretical model constructed in this study incorporates quantitative economic assessment methods, such as monetary value estimation, into sustainability development research, providing new perspectives and tools in the SD field.

3. Results of conceptual- categorical analyses

The results of conceptual – categorical analysis allowed us to clarify the essence of the concepts and categories by examining how they are employed in various contexts and by identifying the necessary and sufficient conditions for their applications.

EQ is an indicator used to evaluate environmental conditions, but it encompasses many aspects. There are different ways to define EQ. Therefore, to better conduct EQ economic valuation, the first step is to clearly define it. After synthesizing the definitions by Xin Jiang [12] and Stratoulas & Nuthammachot [13], this research proposes a definition of EQ and further categorizes it into air, water, land and biodiversity quality. Effectively assessing these four aspects of EQ can provide its in-depth economic understanding.

Ecological-economic valuation is a crucial methodology to address EQ externalities, with a rich and multifaceted conceptual underpinning. Figure 1 presents a structured framework delineating the various components integral to the EQ economic assessment. This framework is divided into two primary categories: economic concepts and environmental concepts, which collectively contribute to the overarching aim of EQ evaluating.

Ecological-economic assessment can be analyzed from two distinct perspectives. Firstly, from an environmental economics lens, environmental economic valuation primarily encompasses three core conceptual domains: (1) the externality problem of EQ from an economic perspective; (2) economic instruments and tools to internalize EQ externalities; (3) methodologies for monetizing EQ as an economic good.

Secondly, from an economic perspective on the environment, it also incorporates three aspects: (1) conceptualizing EQ resources as a form of natural capital [4]; (2) recognizing that the environment provides goods and services to human society, collectively termed "ecosystem services" [14]; (3) considering EQ as an integral component of SD, interlinked with economic and social development.

The SD theory has undergone two significant phases.

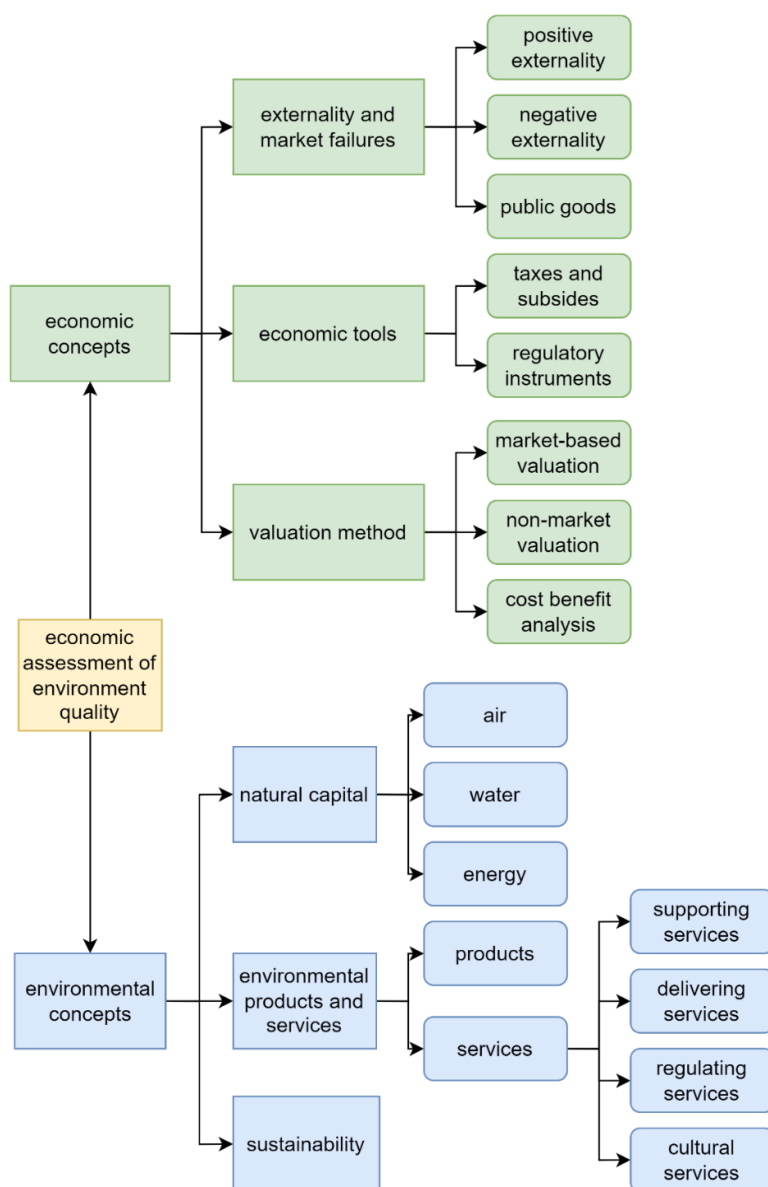

Fig. 1. Concept of ecological-economic assessment¹

Рис. 1. Концепция эколого-экономической оценки

¹ Compiled by the author / Составлен автором.

Problems of Economics

Yinan Dong. Ecological-economic assessment of environmental quality as a natural basis for territorial sustainable development

The first phase began with the introduction of the SD concept, emphasizing the need to meet the requirements of future generations. This phase also saw theoretical advancements, including the articulation of SD three dimensions: environmental, economic, and social [15]. SD research initially focused on environmental and economic aspects but gradually incorporated social factors, such as emphasizing equitable social distribution when discussing environmental resources and economic development. Public participation also emerged as a critical element in environmental sustainability.

The second phase involved further concretizing these three dimensions by introducing 17 operational Sustainable Development Goals. These goals provide a comprehensive blueprint for addressing global challenges. They cover a wide range of issues, including poverty eradication, quality education, gender equality, clean water and sanitation, affordable and clean energy, and climate action [16]. The SDGs represent an integrated approach, acknowledging the interconnectedness of social equity, economic growth, and environmental protection.

Conceptual-categorical analysis revealed interrelationships between different conceptual approaches and allowed synthesizing a model of integrated ecological-economic assessment of the territory's environmental quality. Specific methods employed included systems thinking, causal loop diagrams, and scenario analysis to understand the complex interactions and feedback loops between SD economic, social, and ecological dimensions. The framework aims to provide a comprehensive approach to assessing EQ, quantifying its economic impacts, and aligning these assessments with SD objectives (fig. 2). The core idea is to leverage economic valuation methods to quantify the impacts of various environmental aspects on SD trajectory. Under the objective of environmental sustainability, various aspects are encompassed, including renewable energy, water quality, and biodiversity. For each of these aspects, different indicators can be identified. By conducting detailed analyses of these specific indicators and the factors influencing them, it is possible not only to improve specific aspects of EQ but also to advance the overall SD process from an environmental, economic, and social perspective.

Therefore, within the SD context, EQ receives more effective attention, focusing on its improvement from a holistic perspective encompassing environmental, economic, and social dimensions.

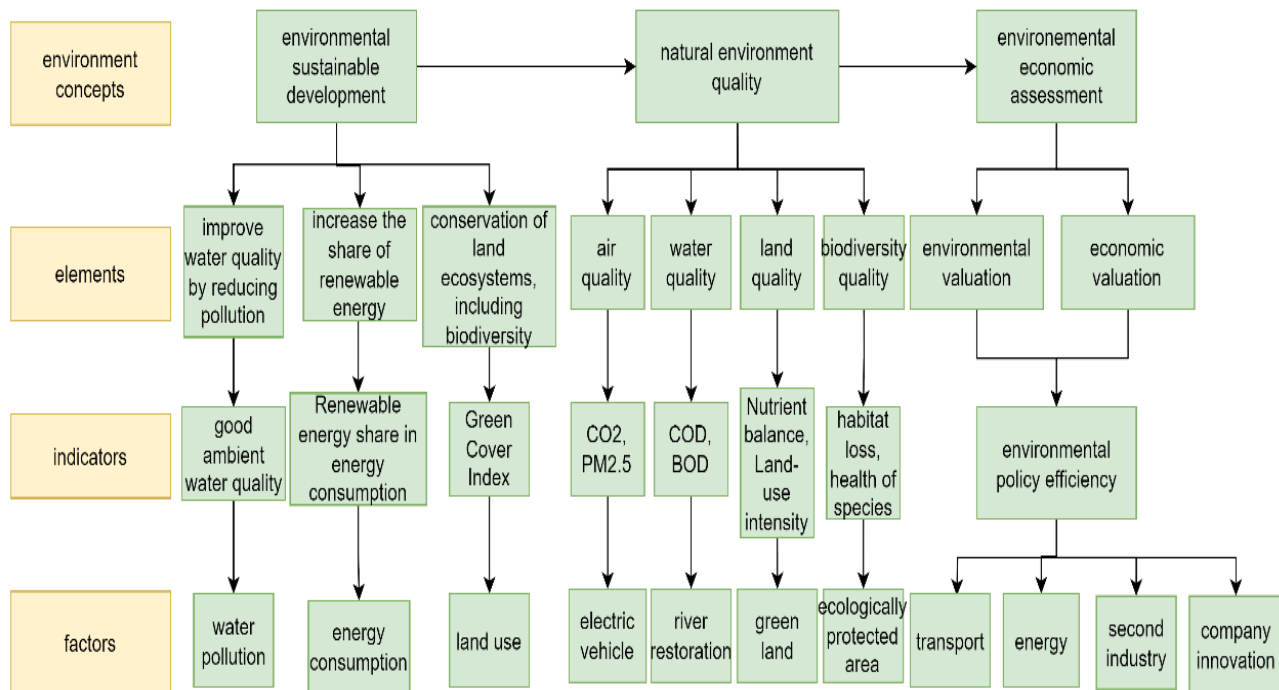

Fig. 2. Triple framework of environmental quality' ecological-economic assessment and SD¹
Рис. 2. Тройная структура эколого-экономической оценки качества окружающей среды и УР

¹ Author's development / Авторская разработка.

Achieving improvements in EQ necessitates government economic actions, such as promoting environmentally friendly electric vehicles, restoring and managing rivers, and establishing ecological reserves to protect biodiversity.

The economic actions taken by the government to enhance EQ must consider cost-benefit analyses to ensure economic efficiency. Ecological-economic assessment employs quantitative economic methods to evaluate these actions, thereby facilitating more efficient improvements in EQ and better promoting the process of SD.

4. Discussion

The proposed conceptual model of EQ environmental-economic assessment in the context of ensuring sustainable development of territorial systems is an important analytical tool and can be used to support environmental-economic decision-making both in public administration and in the management of territories and organizations developing.

The application of the assessment model will contribute to the development of adequate environmental-economic policy and the solution of specific environmental problems. For example, the results of the assessment of air quality parameters can be used in the development of emission trading mechanisms, as well as incentives for the introduction of environmentally friendly technologies. Similarly, assessments of water quality parameters can inform the development of water using regulations, wastewater discharge charges or subsidies for wastewater treatment plants. Environmental-economic assessments can justify the potential benefits of policy implementation for public health and long-term sustainability.

In addition to direct policy implications, the application of an assessment model can also indirectly influence people's behavior and public attitudes towards environmental sustainability. By quantifying the economic costs and benefits of EQ changes, public awareness of the importance of sustainable practices can be raised. For example, estimating the monetary value of ecosystem services provided by biodiversity conservation areas can encourage public support for such initiatives. In addition, the results of ecological-economic valuation can be used in educational campaigns promoting environmentally conscious consumption patterns and lifestyle choices.

5. Conclusion

The results of the research show the importance of an integrated, multidimensional approach to the EQ ecological-economic assessment, taking into account its socio-economic value and spatial characteristics of territories. It is proved that taking into account socio-ecological-economic interactions in the assessment initiates positive economic effects and serves as a basis for the development of adequate measures for environmental protection.

The author's assessment model is designed to improve the accuracy and efficiency of policy decisions, thereby contributing to the achievement of the SDGs. The formation of a balanced strategy for sustainable development of the territory is based on ecological and economic indicators (share of renewable energy sources, nutrient balance and habitat health), which guarantees compliance with the requirements of its ecological validity and economic viability.

The incorporation of the EQ environmental-economic assessment procedure into the strategic planning system will make it possible to ensure the sustainability of development projects without compromising the well-being of future generations.

References

1. Zhang, L., Xu, M., Chen, H., Li, Y., Chen, S. Globalization, Green Economy and Environmental Challenges: State of the Art Review for Practical Implications. *Frontiers in Environmental Science*. 2022; 10 DOI: 10.3389/fenvs.2022.870271. Retrieved from <https://www.frontiersin.org/journals/environmentalscience/articles/10.3389/fenvs.2022.870271/full> (Accessed 10 May 2024)
2. Lazareva E.I. Ecological parametrization of trajectories of integration-cluster regional policy of innovative growth. *Economics of Nature using*. 2008; 3: 69-77.
3. Lazareva, E., Karaycheva, O. Natural Capital from the "Green" Economy of Sustainable Innovation Development Perspective Managing Identification: an Instrumental View. *SGEM 2018 Conference proceedings*. 2018. P. 693-700. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/1.3/S04.085
4. Rao, C., Yan, B. Study on the interactive influence between economic growth and environmental pollution. *Environmental Science and Pollution Research*. 2020; 27: 39442-39465. DOI: 10.1007/s11356-020-10017-6

5. Lazareva, E., Anopchenko, T., Murzin, A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018*. Cham, 2020. P. 269-277.
6. Peña, C., Civit, B., Gallego-Schmid, A. et al. Using life cycle assessment to achieve a circular economy. *The International Journal of Life Cycle Assessment*. 2021; 26: 215-220. DOI: 10.1007/s11367-020-01856-z
7. Libin, Ni., Lazareva, E.I. The Strategy of Environmental Protection of Chinese Regions in the Context of Achieving Sustainable Development Goals. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*. 2022; 2 (214): 112-119.
8. Bishop, K.C., Kuminoff, N.V., Banzhaf, H.S. et al. Best Practices for Using Hedonic Property Value Models to Measure Willingness to Pay for Environmental Quality. *Review of Environmental Economics and Policy*. 2020; 14: 260-281. DOI: 10.1093/reep/reaa00
9. Chu, X., Zhan, J., Wang, C., et al. Households' Willingness to Accept Improved Ecosystem Services and Influencing Factors: Application of Contingent Valuation Method in Bashang Plateau, Hebei Province, China. *Journal of Environmental Management*. 2020; 255: 109925. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.109925
10. Petcharat, A., Lee, Y., Chang, J.B. Choice Experiments for Estimating the Non-Market Value of Ecosystem Services in the Bang Kachao Green Area, Thailand. *Sustainability*. 2020; 12: 7637. DOI: 10.3390/su12187637
11. Moghaddam, H.K., Banihabib, M.E., Javadi, S., Randhir, T.O. A framework for the assessment of qualitative and quantitative sustainable development of groundwater system. *Sustainable Development*. 2021; 29: 1096-1110. DOI: 10.1002/sd.2205
12. Jiang, X., Li, G., Fu, W. Government environmental governance, structural adjustment and air quality: A quasi-natural experiment based on the Three-year Action Plan to Win the Blue Sky Defense War. *Journal of Environmental Management*. 2021; 277: 111470. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.111470
13. Stratoulas, D., Nuthammachot, N. Air quality development during the COVID-19 pandemic over a medium-sized urban area in Thailand. *Science of the Total Environment*. 2020; 746: DOI: 141320. 10.1016/j.scitotenv.2020.141320
14. Bennett, E.M., Peterson, G.D., Gordon, L.J. Understanding relationships among multiple ecosystem services. *Ecology Letters*. 2009; 12: 1394-1404. DOI: 10.1111/j.1461-0248.2009.01387.
15. Purvis, B., Mao, Y., Robinson, D. Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins. *Sustainability Science*. 2019; 14: 681-695. DOI: 10.1007/s11625-018-0627-5
16. Hák, T., Janoušková, S., Moldan, B. Sustainable Development Goals: A need for relevant indicators. *Ecological Indicators*. 2016; 60: 565-573. DOI: 10.1016/j.ecolind.2015.08.003

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zhang, L., Xu, M., Chen, H., Li, Y., Chen, S. Globalization, Green Economy and Environmental Challenges: State of the Art Review for Practical Implications. *Frontiers in Environmental Science*. 2022; 10 DOI: 10.3389/fenvs.2022.870271. Retrieved from <https://www.frontiersin.org/journals/environmentalscience/articles/10.3389/fenvs.2022.870271/full> (Accessed 10 May 2024)
2. Лазарева, Е.И. Экологическая параметризация траекторий интеграционно-кластерной региональной политики инновационного роста. *Экономика природопользования*. 2008; 3: 69-77.
3. Lazareva, E., Karaycheva, O. Natural Capital from the "Green" Economy of Sustainable Innovation Development Perspective Managing Identification: an Instrumental View. *SGEM 2018 Conference proceedings*. 2018. С. 693-700. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/1.3/S04.085
4. Rao, C., Yan, B. Study on the interactive influence between economic growth and environmental pollution. *Environmental Science and Pollution Research*. 2020; 27: 39442-39465. DOI: 10.1007/s11356-020-10017-6
5. Lazareva, E., Anopchenko, T., Murzin, A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018*. Cham, 2020. С. 269-277.
6. Peña, C., Civit, B., Gallego-Schmid, A. et al. Using life cycle assessment to achieve a circular economy. *The International Journal of Life Cycle Assessment*. 2021; 26: 215-220. DOI: 10.1007/s11367-020-01856-z
7. Libin, Ni., Lazareva, E.I. The Strategy of Environmental Protection of Chinese Regions in the Context of Achieving Sustainable Development Goals. *Вестник высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2022; 2 (214): 112-119.
8. Bishop, K.C., Kuminoff, N.V., Banzhaf, H.S. et al. Best Practices for Using Hedonic Property Value Models to Measure Willingness to Pay for Environmental Quality. *Review of Environmental Economics and Policy*. 2020; 14: 260-281. DOI: 10.1093/reep/reaa00

9. Chu, X., Zhan, J., Wang, C., et al. Households' Willingness to Accept Improved Ecosystem Services and Influencing Factors: Application of Contingent Valuation Method in Bashang Plateau, Hebei Province, China. *Journal of Environmental Management*. 2020; 255: 109925. DOI: 10.1016/j.jenvman.2019.109925
10. Petcharat, A., Lee, Y., Chang, J.B. Choice Experiments for Estimating the Non-Market Value of Ecosystem Services in the Bang Kachao Green Area, Thailand. *Sustainability*. 2020; 12: 7637. DOI: 10.3390/su12187637
11. Moghaddam, H.K., Banihabib, M.E., Javadi, S., Randhir, T.O. A framework for the assessment of qualitative and quantitative sustainable development of groundwater system. *Sustainable Development*. 2021; 29: 1096-1110. DOI: 10.1002/sd.2205
12. Jiang, X., Li, G., Fu, W. Government environmental governance, structural adjustment and air quality: A quasi-natural experiment based on the Three-year Action Plan to Win the Blue Sky Defense War. *Journal of Environmental Management*. 2021; 277: 111470. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.111470
13. Stratoulas, D., Nuthammachot, N. Air quality development during the COVID-19 pandemic over a medium-sized urban area in Thailand. *Science of the Total Environment*. 2020; 746: DOI: 141320. 10.1016/j.scitotenv.2020.141320
14. Bennett, E.M., Peterson, G.D., Gordon, L.J. Understanding relationships among multiple ecosystem services. *Ecology Letters*. 2009; 12: 1394-1404. DOI: 10.1111/j.1461-0248.2009.01387.
15. Purvis, B., Mao, Y., Robinson, D. Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins. *Sustainability Science*. 2019; 14: 681-695. DOI: 10.1007/s11625-018-0627-5
16. Hák, T., Janoušková, S., Moldan, B. Sustainable Development Goals: A need for relevant indicators. *Ecological Indicators*. 2016; 60: 565-573. DOI: 10.1016/j.ecolind.2015.08.003

Информация об авторе

Инань Дун – соискатель кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Information about the author

Yinan Dong – Applicant, Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Financial incentive instruments of regional economy' «green» transformation

Liu Lei¹, Elena I. Lazareva²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹Xinyang Agriculture and Forestry University, Xinyang, China

¹leiliu@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2352-3161>

²elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

Abstract. Transformation and development of the economy towards greening is an important measure for different regions to address the global challenges of climate change and rising pollution levels, and a necessary pathway to achieve sustainable development. Whether it is modernization and transformation of green technologies in traditional industries or green management of the public environment, external financial support is needed to compensate for the insufficient investment of micro-economic actors. The *purpose* of the study is to analyze the key financial instruments that stimulate the green transformation of the regional economy, as well as an attempt to determine the directions of using these instruments to increase the effective supply of green funds and ensure their increasing role in promoting economic transformation on the path of building an ecological civilization. The *methodological basis* of the study was formed by analytical and comparative methods, as well as relevant works of scientists devoted to the study of the problems of stimulating environmentally-oriented transformation processes, primarily in the regional context. The *results* of the analysis show that, given the important supporting role of finance in the green transformation of the economy and the fact that the relevant research is still at the initial stage, the systemic mechanism of financial stimulation of the regional economy' green transformation should be based on three elements: financial support, capital allocation and risk diversification. It is demonstrated that the development of green economy cannot be separated from the increasing innovation dynamics of "green" financial products, so it is necessary to increase efforts in the field of development and implementation of financial innovations, to provide priority financial support to key sectors of the green economy.

Keywords: financial stimulation, financial support, economic transformation, green economy, capital allocation, risk diversification

Acknowledgments: The research was carried out at the Southern Federal University with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-28-01624) and of the Young Teachers' Research Fund of Xinyang Agricultural and Forestry University China (Grant No. QN2021043).

For citation: Liu Lei, Lazareva E. I. Financial incentive instruments of regional economy' «green» transformation. State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):78–85. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-78-85>. EDN HFDLQ

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 338.23

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-78-85>

EDN HFDLQ

Финансовые инструменты стимулирования «зеленой» трансформации региональной экономики

Лю Лэй¹, Елена Иосифовна Лазарева²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹Синьянский университет сельского и лесного хозяйства, Синьян, Китай

¹leiliu@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2352-3161>

²elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

Аннотация. Трансформация и развитие экономики в сторону озеленения – важная мера для различных регионов по решению глобальных проблем изменения климата и растущего уровня загрязнения окружающей среды, а также необходимый путь для достижения устойчивого развития. Будь то модернизация и трансформация «зеленых» технологий в традиционных отраслях или «зеленое» управление общественной средой, необходима внешняя финансовая поддержка, чтобы компенсировать недостаточные инвестиции субъектов микроэкономики. Цель исследования – анализ ключевых финансовых инструментов, стимулирующих «зеленую» трансформацию региональной экономики, а также попытка определить направления использования этих инструментов для увеличения эффективного предложения «зеленых» фондов и обеспечения их возрастающей роли в содействии экономической трансформации на пути строительства экологической цивилизации. Методологическую основу исследования составили аналитический и компаративный методы, а также актуальные труды ученых, посвященные изучению проблем стимулирования экологически-ориентированных трансформационных процессов, прежде всего, в региональном разрезе. Результаты анализа показывают, что, учитывая важную вспомогательную роль финансов в «зеленой» трансформации экономики и тот факт, что соответствующие исследования все еще находятся на начальной стадии, системный механизм финансового стимулирования «зеленой» трансформации региональной экономики должен базироваться на трех элементах: финансовой поддержке, распределении капитала и диверсификации рисков. Продемонстрировано, что развитие «зеленой» экономики не может быть отделено от возрастающей инновационной динамики «зеленых» финансовых продуктов, вследствие чего необходимо наращивать усилия в сфере разработки и внедрения финансовых инноваций, обеспечения приоритетной финансовой поддержки ключевых отраслей «зеленой» экономики.

Ключевые слова: финансовое стимулирование, финансовая поддержка, экономические преобразования, зеленая экономика, распределение капитала, диверсификация рисков

Благодарности: исследование выполнено в Южном федеральном университете при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-01624) и Фонда исследований молодых преподавателей Синьянского сельскохозяйственного и лесотехнического университета Китая (грант № QN2021043).

Для цитирования: Лю Лэй, Лазарева Е. И. Финансовые инструменты стимулирования «зеленой» трансформации региональной экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 78–85. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-78-85>. EDN HFDLQK

Regional economy' «green» transformation and financial incentives

Given the severity of global environmental protection issues such as climate change, various regions are actively pursuing the path of economic green transformation in order to ensure sustainable and stable economic development. The green economy, as a long-term economic development goal pursued by nations worldwide, inevitably needs to address a series of key issues such as resource consumption, environmental governance, ecological balance, and innovation efficiency throughout its implementation [1, 2]. The successful solution to these problems cannot be achieved without the support of national systems, policies, and means [3, 4].

From a practical perspective, environmental regulatory policies and fiscal transfer payments have always been important macroeconomic control tools for the country to promote environmental governance and achieve green economic transformation. However, as the market economy continues to evolve, the government's intervention has been gradually diminishing year on year. Consequently, the significance of monetary and financial policies implemented by financial regulatory departments in promoting green transformation has been gaining increasing attention domestically and internationally [5-7]. Whether financial support plays a constructive role in climate and environmental governance remains a topic of intense debate among scholars and policymakers at both the domestic and international levels. Presently, China is in the process of establishing a comprehensive green finance system, and has introduced a range of policy frameworks aimed at fostering environmental governance and promoting economic sustainability through the utilization of green finance mechanisms. Countries around the world are also constantly exploring the relationship between financial development and regional green development. The question of how to leverage financial instruments to facilitate the green transition of the regional economy and effectively harness the proactive steering role of finance in the ecological transition of the economy has become an important research topic.

There are obvious shortcomings in the private mobilization and incentive mechanisms of traditional financial instruments in environmental governance. At present, non-governmental participants are mainly public welfare organizations, and their enthusiasm and effectiveness in participating in environmental governance are very limited. In addition, the excessive pursuit of short-term economic growth goals by local governments makes it difficult for environmental policies and regulations to be effectively implemented, and the effectiveness of environmental governance is not satisfactory. Therefore, in the current dual task of environmental governance and economic green transformation, we not only need to strengthen the implementation of environmental policies and regulations, but also fully tap the potential of finance as a market-oriented tool, inject more financial support for economic green transformation, improve the efficiency of economic resource allocation, and use it as a supplement and strengthening of administrative means.

This article attempts to clarify the mechanism of financial support for regional economic green transformation through theoretical analysis, in the context of global economic green transformation and development, referring to existing literature. The aim of this study is to help regions improve the degree of economic greening through financial means more reasonably and effectively, and to provide decision-making basis for leveraging the positive role of financial development in improving regional development quality and transforming development modes.

Methodology for analyzing financial incentive instruments of regional economy' «green» transformation

The analysis objective is to systematize methodologies of the financial incentive instruments of regional economy' «green» transformation studying. The goal attainment was carried out on the basis of the environmentally sustainable development paradigm. In addition, an important place in the methodology was taken by analytical and comparative methods, which allow us to form a complex interrelation of parameters characterizing the instruments of green economic transformation stimulating.

Results of analysis of financial incentive instruments of regional economy' «green» transformation

The promoting role of finance in economic development has been extensively discussed in the theoretical community, and the theoretical basis is relatively clear. This article will start from the financial issues of economic green transformation, and take the conditions of financial support for economic green transformation – the process of financial support for economic green transformation – the effects of financial support for economic green transformation as the research context, revealing the financial support mechanism in the process of regional economic green transformation (fig. 1).

King et al. pointed out that financial markets can transform funds into capital through financing channels, providing a continuous supply of funding needs for enterprises in the market, thereby injecting production, operation, investment and research and development into enterprises, and further improving economic output. The continuous expansion of capital scale is an important cornerstone for the stable operation of the financial system, and it is also an indispensable prerequisite for promoting the green transformation of regional economy [8]. Johnson & Lybecker pointed out that capital support plays a crucial role in the initial stage of "green" entrepreneurship development [9]. Firstly, the financial system is based on the mechanism of capital formation, and through multi-dimensional innovation and transformation such as policy guidance, product innovation, technological innovation, and service upgrading, vigorously gathers private capital and efficiently converts savings into investment, thereby effectively realizing the circulation and growth of the capital pool. Starting from the "demand tracking" thinking mode, the continuous and sufficient financial support of the financial system can help enterprises solve financial constraints, achieve reasonable allocation and normal turnover of funds, and initially improve the economic output of enterprises in terms of scale. At the same time, capital support in terms of scale can be transformed into an improvement in capital efficiency. On the basis of improving environmental regulations and the endogenous mechanisms of corporate pollution externalities, support industrial enterprises in green technology research and innovation, further improve their green output, and meet the regional economic green development goals [10–12].

The capital allocation mechanism refers to the reallocation of capital through financial intermediaries and financial markets. which invests limited resources more into regions or entities with higher productivity and output growth rates.

This mechanism mainly further affects the process of economic green transformation through policies and market guidance, green technology innovation, and other mechanisms.

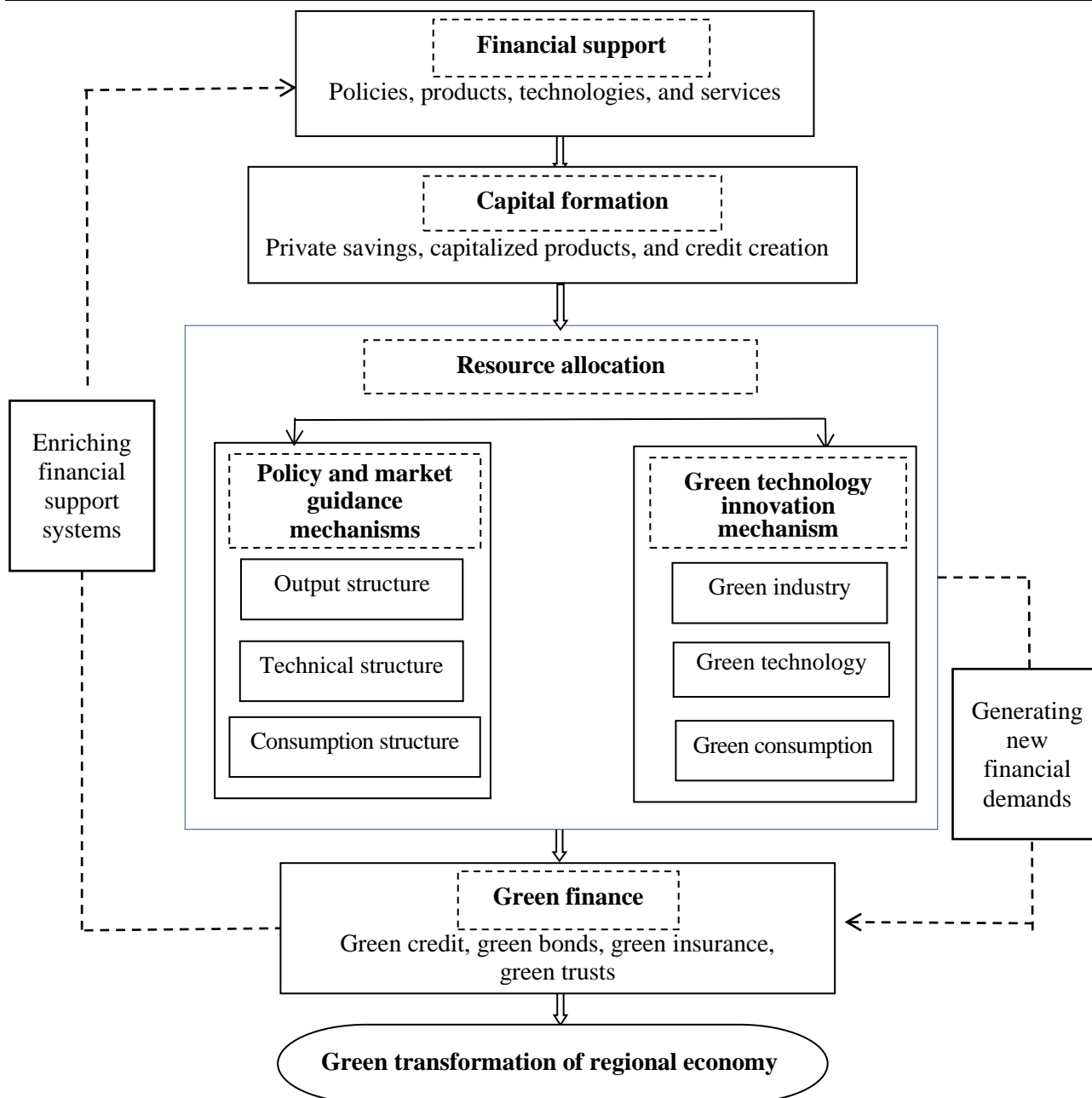

Fig. 1. Mechanism of financial stimulation of regional economy' "green" transformation

Рис. 1. Механизм финансового стимулирования «зеленой» трансформации региональной экономики

Some researchers divided financial support models into two types: demand following and supply leading in the real economy, and believed that supply leading can facilitate innovative investment before sustained economic growth begins [13-16]. In the initial stage of economic green transformation, the traditional financial capital allocation mechanism that relies on market economy spontaneous regulation is difficult to effectively guide capital flow to green industries and environmental protection projects. The financial system's support for green projects often faces problems such as insufficient internalization of environmental externalities, mismatched term structures, insufficient environmental information disclosure, and information asymmetry. The "bottom-up" support model lacks strong government participation and promotion, and progress is slow. Many principled issues require long-term game and adjustment by market participants to gradually solve [17, 18]. Therefore, in the process of promoting green transformation of regional economy, the government's macroeconomic regulation plays a crucial role in "supply guidance". The Organization for Economic

Cooperation and Development (OECD) has clearly pointed out that the three pillars of achieving green economic transformation lie in: firstly, implementing efficient regulatory policies to guide and regulate economic behavior towards a green direction; secondly, convey a strong signal of green and low-carbon development in the market, and use effective market tools to stimulate the green investment and innovation vitality of market entities; thirdly, provide comprehensive support for green technology innovation to promote the research and application of green technologies and promote the sustainable development of the green economy. Altaghlibi et al. pointed out that the monetary and regulatory policies of central banks play a crucial role in the green and low-carbon transformation of the economy, especially in the low-carbon transformation of energy [19].

The government optimizes the financial structure and improves the financial market through policy guidance mechanisms, using monetary policy tools such as credit tilt, preferential interest rates, differential interest rates, and implicit guarantees. The release of policies will have a certain signaling effect on market investment. Based on the price discovery function of financial markets, it can guide resources to tilt towards green industries and green technologies, and promote the development of green industries. At the same time, financial institutions can incentivize enterprises and individuals to participate more in green investment by providing preferential loan policies and reducing the financing costs of green projects. In addition, the financial market can also provide diversified financing channels and risk management tools for green projects through innovative green financial products. Under the dual coordination of policies and market mechanisms, guide financial capital to flow more towards the green sector.

Furthermore, from the perspective of economic green transformation, the key lies in technological progress. Only by accelerating the pace of technological innovation in the green field can we fundamentally enhance the market competitiveness of green related products and enhance their market attractiveness. A typical example is that in recent years, the intelligent driving technology in the field of new energy vehicles is gradually surpassing traditional energy vehicles. Through the effective operation of capital allocation mechanisms, financial institutions can attract more funds to invest in green industries and projects, promote industrial structure optimization and upgrading, and promote the transformation of traditional industries towards green and low-carbon directions. At the same time, this mechanism provides necessary financial support for green technology innovation, effectively promoting the research and application of green technology, thereby improving resource utilization efficiency and reducing environmental pollution.

Finally, under the capital allocation mechanism, financial markets can guide residents to engage in green consumption through interest rate policies. For example, for consumer credit for purchasing new energy vehicles, a lower interest rate policy is set, while for consumer credit for purchasing high-energy consuming products, a higher interest rate is correspondingly set to reflect the consumption support for green and low-carbon products and the consumption suppression of high-energy consuming products. Financial institutions can provide residents with higher quotas for low-carbon product consumption by launching innovative financial products such as low-carbon credit cards, thereby promoting their purchase of more low-carbon products. In terms of financial transaction systems, innovative financial service methods such as mobile banking are used to reduce the energy consumption of residents during the process of handling business due to round-trip travel. The electronic trading method has effectively reduced paper consumption caused by copying, printing, and other operations, further promoting the realization of energy conservation, emission reduction, and low-carbon living. Under the efficiency of capital allocation, enterprises and individuals will pay more attention to environmental protection, and their environmental awareness will be further enhanced, thereby promoting the formation of a good trend of green consumption in the entire society.

In the process of green transformation of regional economy, the risk diversification mechanism of finance also plays a key role. This mechanism mainly provides risk protection for green projects, reduces the risks faced by investors, and attracts more capital to invest in the green industry. Specifically, financial institutions can provide stable funding sources for green projects through issuing green bonds, establishing green funds, and other means, and provide effective risk management tools for investors through risk assessment and pricing mechanisms. At the same time, information disclosure and regulatory mechanisms in the financial market also contribute to enhancing the transparency and credibility of green projects, further reducing investment risks. Through this approach, the risk diversification mechanism of finance can effectively promote the transformation of regional economy towards a green and sustainable direction.

Discussion

To achieve green economic transformation, it is necessary to start from adjusting industrial structure, improving resource efficiency, adjusting consumption structure, curbing luxury consumption, unleashing carbon sequestration potential, and international and domestic economic and technological cooperation [20]. Finance has an impact on the green transformation of the economy, and should play a role in capital support, resource allocation, and investment guidance in these areas. These mechanisms interact and work together to provide strong support and guarantee for the green transformation of regional economy. In practice, each region needs to formulate scientific and reasonable financial policies, strengthen financial supervision, improve the financial market system, promote innovation in financial products and services, and better play the positive role of financial support in regional economic green transformation, in order to achieve sustainable economic and social development, taking into account specific situations such as regional resource endowment differences.

Conclusion

From the mechanism of financial support for regional economic green transformation, the following insights can be drawn: (1) Finance is an important support for achieving economic greening, and taking economic greening as the starting point is an important direction to improve the financial support system. Establishing a mechanism conducive to financial support for economic green development is an effective way to promote coordinated development between the two. Specifically, the responsibilities and obligations of financial institutions in environmental protection can be clearly defined from a legislative level, risk guarantee mechanisms can be improved, and a comprehensive multi-party information sharing and interaction platform can be established to compel enterprises that require investment and financing to disclose environmental information, and to expand information communication and sharing between financial institutions and environmental protection enterprises. (2) The development of green economy cannot be separated from the innovative support of abundant green financial products. Therefore, financial institutions should increase their efforts in financial innovation, analyze local financial needs, innovate financial products and services, and ensure that key areas of green economic development receive priority financial support. For the development of green finance with a focus on environmental information disclosure and sharing mechanisms and fund allocation mechanisms based on environmental information, it is necessary to guard against the existence of "greenwashing". Financial institutions can collaborate with third-party independent institutions to ensure the reliability of environmental information sharing platform information and improve the green benefits of green finance. (3) A professional talent team is an important driving force for economic and social development, as well as an important guarantee for achieving coordinated development of financial support and economic greening. To enhance the positive role of financial support in promoting green economic transformation, attention should be paid to the construction of a comprehensive professional talent team. These talents should not only have solid financial support knowledge, be familiar with ecological environment protection and resource efficiency improvement technologies, but also understand national and local policies, laws and regulations in the economic and environmental protection fields. In this regard, financial support institutions should carry out diversified business skill training to enhance the comprehensive quality and business capabilities of practitioners.

References

1. Lopatnikov D.L., Gorbanev V.A. China on the way to "green civilization": first results. *Problems of regional ecology*. 2020; 4: 85-94 (In Russ.)
2. Liu Lei, Lazareva E. I. Trends and factors of green regional economy development: theoretical-research aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(2):121-127. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-121-127>. EDN XNXXUK
3. Chernyaeva R.V., Pakhomova A.I. Parameters of "green" transformation of the Russian economy: new dimensions. *Bulletin of Surgut State University*. 2020; 3 (29): 45-55
4. Hsu P.H. et al. Financial development and innovation: Cross-country evidence. *Journal of Financial Economics*. 2014; 112(1): 116-135.
5. Lazareva E.I., Anopchenko T.Y. Econometric assessment of investment attractiveness as a basis for the formation of cluster investment strategy of the region. *Vestnik of Samara State Economic University*. 2016; 5 (139): 21-26.

6. Lazareva E.I. Strategy of human capital development in the system of regional clusters. *Problems of modern economy*. 2008; 1 (25): 200-204.
7. Naigui L., Tong W. The Analysis of Legal Protection Mechanism of Green Finance. *Finance & Economics*. 2017; 10: 41-51.
8. King R.G., Leving R. Finance, Entrepreneurship and Growth: Theory and Evidence. *Journal of Monetary Economics*. 1993; 32(3): 513-542.
9. Johnson D., Lybecker K.M. Challenges to Technology Transfer: A Literature Review of the Constrains on Environmental Technology Dissemination. *Social Science Electronic Publishing*. 2009; 7: 241-260
10. Ekanayake E.M., Thaver R. The nexus between financial development and economic growth: panel data evidence from developing countries. *Journal of Risk and Financial Management*. 2021; 14 (10): 480-489.
11. Liang Q., Teng J. Financial development and economic growth: evidence from China. *China Economic Review*. 2006; 17 (4): 395-411.
12. Lazareva E., Anopchenko T., Murzin A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018*. Cham, 2020. C. 269-277.
13. Patrick H.T. Financial development and economic growth in underdeveloped countries. *Economic development and Cultural change*. 1966; 14(2):174-189.
14. Chow W.W., Fung M.K., Leung M.K. Finance-growth nexus in China from an endogenous switching perspective. *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2018; 27 (4): 443-462.
15. Durusu-Ciftci, D., Ispir M.S., Yetkiner H. Financial development and economic growth: some theory and more evidence. *journal of policy model*. 2017; 39 (2): 290-306.
16. Hunjra A.I., Azam M., Bruna M.G., Taskin D. Role of financial development for sustainable economic development in low middle-income countries. *Finance Research Letters*. 2022; 47: 102793.
17. Tamazian A., & Rao B.B. Do economic, financial and institutional developments matter for environmental degradation? Evidence from transitional economies. *Energy Economics*. 2010; 32(1): 137-145.
18. Lazareva E.I., Maslyukova E.V. Integral assessment of investment attractiveness of the market of shares of grain product logistics companies: concept and modelling tools. *Terra Economicus*. 2013; 11 (4-2):70-76. (In Russ.)
19. Altaghlibi et al. Unconditional aid and green growth. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2019; 105: 158-181.
20. Guiyang Z. et al. International Coordination of China's Carbon Neutrality Policy in the Context of Green Cooperation. *Journal of Latin American Studies*. 2023. 45(5): 62-77.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лопатников Д.Л., Горбанев В.А. Китай на пути к «зеленой цивилизации»: первые итоги // Проблемы региональной экологии. 2020. № 4. С. 85–94.
2. Лю Лэй, Лазарева Е. И. Тренды и факторы развития зеленой экономики региона: теоретико-исследовательский аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 120–126. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-120-126>. EDN XNXXUK
3. Черняева Р.В., Пахомова А.И. Параметры "зеленой" трансформации российской экономики: новые измерения // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 3 (29). С. 45–55.
4. Hsu, P.H. et al. Financial development and innovation: Cross-country evidence. *Journal of Financial Economics*. 2014; 112(1): 116–135.
5. Лазарева Е.И., Анопченко Т.Ю. Эконометрическая оценка инвестиционной привлекательности как основа формирования кластерной инвестиционной стратегии региона // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2016. № 5 (139). С. 21–26.
6. Лазарева Е.И. Стратегия развития человеческого капитала в системе региональных кластеров // Проблемы современной экономики. 2008. № 1 (25). С. 200–204.
7. Naigui, L., Tong, W. The Analysis of Legal Protection Mechanism of Green Finance. *Finance & Economics*. 2017; 10: 41–51.
8. King R.G., Leving R. Finance, Entrepreneurship and Growth: Theory and Evidence. *Journal of Monetary Economics*. 1993; 32(3): 513–542.
9. Johnson, D., Lybecker, K.M. Challenges to Technology Transfer: A Literature Review of the Constrains on Environmental Technology Dissemination. *Social Science Electronic Publishing*. 2009; 7: 241–260.

10. Ekanayake E.M., Thaver R. The nexus between financial development and economic growth: panel data evidence from developing countries. *Journal of Risk and Financial Management*. 2021; 14 (10): 480–489.
11. Liang Q., Teng J. Financial development and economic growth: evidence from China. *China Economic Review*. 2006; 17 (4): 395–411.
12. Lazareva E., Anopchenko T., Murzin A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018*. Cham, 2020. С. 269–277.
13. Patrick H.T. Financial development and economic growth in underdeveloped countries. *Economic development and Cultural change*. 1966; 14(2):174–189.
14. Chow W.W., Fung M.K., Leung M.K. Finance-growth nexus in China from an endogenous switching perspective. *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2018; 27 (4): 443–462.
15. Durusu-Ciftci D., Ispir M.S., Yetkiner H. Financial development and economic growth: some theory and more evidence. *journal of policy model*. 2017; 39 (2): 290–306.
16. Hunjra A.I., Azam, M., Bruna M.G., Taskin D. Role of financial development for sustainable economic development in low middle-income countries. *Finance Research Letters*. 2022; 47: 102793.
17. Tamazian, A., & Rao, B.B. Do economic, financial and institutional developments matter for environmental degradation? Evidence from transitional economies. *Energy Economics*. 2010; 32(1): 137–145.
18. Лазарева Е.И., Маслюкова Е.В. Интегральная оценка инвестиционной привлекательности рынка акций зернопродуктовых логистических компаний: концепция и инструменты моделирования // *Terra Economicus*. 2013. № 4-2. С. 70–76.
19. Altaghlibi et al. Unconditional aid and green growth. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2019; 105: 158–181.
20. Guiyang Z. et al. International Coordination of China's Carbon Neutrality Policy in the Context of Green Competition. *Journal of Latin American Studies*. 2023. 45(5): 62–77.

Информация об авторах

Лю Лэй – аспирант кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ; преподаватель, Синьянский университет сельского и лесного хозяйства.
Е. И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Information about the authors

Liu Lei – PhD student, Department "Innovative and International Management", Southern Federal University; Lecturer, Xinyang Agriculture and Forestry University.
E. I. Lazareva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department "Innovative and International Management" of the Faculty of Management, Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 21.08.2024.

The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 21.08.2024.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-86-93>

EDN HRBATO

Стратегирование развития малого бизнеса в Российской Федерации

Матвей Валерьевич Ненько¹, Александр Юрьевич Анисимов²

^{1,2}Университет «Синергия», Москва, Россия

¹matt-sound@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0796-3359>

²anisimov_au@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

Аннотация. В современных условиях экономического развития России, когда страна сталкивается с усилением внешних и внутренних вызовов, таких как санкции и ограничение доступа к зарубежным технологиям, особенно актуальным становится стратегирование в деятельности малого бизнеса. Это направление исследования призвано выявить и систематизировать ключевые принципы стратегического управления, адаптированные к условиям функционирования субъектов малого предпринимательства в России.

Авторы статьи уделяют особое внимание теоретическим основам стратегического менеджмента, включая SWOT-анализ, анализ макроокружения и стратегическое планирование, подчеркивая их значимость для разработки эффективных стратегий развития малого бизнеса. Основываясь на анализе научной литературы, монографий и практических исследований, авторы выделяют ключевые аспекты, которые должны учитываться при стратегировании деятельности малых предприятий.

Статья детализирует основные практические рекомендации по укреплению устойчивости и конкурентоспособности малого бизнеса, ориентированные на адаптацию к меняющимся внешним и внутренним условиям, оптимальное распределение ресурсов и инновационное развитие. В заключении авторы статьи подчеркивают важность стратегического планирования, основанного на тщательном анализе внутренней и внешней среды предприятия. Эта связь с стратегией крайне важна, поскольку стратегическое планирование позволяет малым предприятиям не только адаптироваться к текущим изменениям в экономическом и социальном контексте, но и прогнозировать будущие тенденции и возможности, что является ключевым для обеспечения устойчивости и конкурентоспособности на рынке.

Ключевые слова: стратегическое управление, малый бизнес, конкурентоспособность, SWOT-анализ, макроокружение, аллокация ресурсов, стратегическое планирование, анализ макроокружения, концепции стратегического управления, эффективность

Для цитирования: Ненько М. В., Анисимов А. Ю. Стратегирование развития малого бизнеса в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 86–93. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-86-93>. EDN HRBATO

Problems of Economics

Original article

The essence of small business development strategy

Matvey V. Nenko¹, Alexander Yu. Anisimov²

^{1,2}University “Synergy”, Moscow, Russia

¹matt-sound@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0796-3359>

²anisimov_au@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

Abstract. At the present stage of development of the Russian economy, under conditions of increasing external and internal challenges, such as sanctions and limited access to foreign technologies, there is an increasing need for the development and implementation of strategies that promote the sustainable development of small businesses. These circumstances are of particular relevance in the context of the desire to ensure economic

independence and increase the competitiveness of the national economy. In this regard, this study is aimed at identifying and systematizing the basic principles of strategic management, adapted to the operating conditions of small businesses in Russia.

The authors of the article focus on the theoretical foundations of strategic management, including SWOT analysis, macro-environmental analysis and strategic planning, and their applicability to small businesses. Based on an analysis of scientific literature, monographs and practical studies, the authors identified key aspects that should be taken into account when formulating development strategies for small enterprises.

The article highlights and details the main practical recommendations for increasing the sustainability and competitiveness of small businesses, including adaptation to changing external and internal conditions, as well as optimal allocation of resources and innovative development. In conclusion, it is concluded that strategic planning and management, based on in-depth and comprehensive analysis, play a key role in ensuring the long-term development of small businesses in Russia.

Keywords: strategic management, small business, competitiveness, SWOT analysis, macro environment, resource allocation, strategic planning, macro environment analysis, strategic management concepts, efficiency

For citation: Nenko M. V., Anisimov A. Yu. The essence of small business development strategy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):86–93. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-86-93>. EDN HRBATO

Введение (актуальность)

В современных условиях развития экономики и быстрого изменения рыночной среды, стратегирование малого бизнеса приобретает особую актуальность и значение. Малый бизнес играет важную роль в экономике любой страны, способствуя созданию рабочих мест, инновациям и экономическому росту. Однако для успешного развития и конкуренции с крупными компаниями, предприятиям малого бизнеса необходимо эффективно планировать свою деятельность и адаптироваться к постоянно изменяющимся внешним условиям.

Из-за обозначенных потребностей возникает необходимость анализа стратегирования малого бизнеса. Такой подход позволит максимально реализовать экономический потенциал малого бизнеса в условиях динамично изменяющегося рынка Российской Федерации, который испытывает воздействие сложных внешних макроэкономических факторов.

Цель и задачи

Целью статьи является исследование методологических основ построения стратегирования малого бизнеса в Российской Федерации в условиях непостоянства экономической ситуации.

Сформулированная цель диктует следующие задачи:

- систематизировать и уточнить понятийный аппарат, используемый в современной научной литературе для изучения аспектов стратегирования малого бизнеса, включая разграничение основных понятий;
- проанализировать сущность и основные принципы стратегирования как инструмент повышения устойчивости и конкурентоспособности предприятий малого бизнеса;
- оценить существующие стратегические подходы и модели управления, применяемые в малом предпринимательстве, включая анализ их преимуществ, недостатков, сильных и слабых сторон через SWOT-анализ;
- идентифицировать наиболее подходящие и эффективные стратегические модели управления для развития малых предприятий, основываясь на теоретическом анализе и практических исследованиях, без проведения количественных расчётов.

Материалы и методы

В рамках данного исследования использовалась совокупность методов экономического и социального анализа, адаптированных к изучению институциональных механизмов стимулирования предпринимательской деятельности в регионах Российской Федерации. Основными методами, применяемыми в исследовании, стали системный анализ для оценки взаимосвязей и взаимодействий в институциональной среде, структурно-функциональный анализ для изучения роли каждого элемента в системе стимулирования предпринимательства.

В рамках нашего исследования, посвященного стратегированию малого бизнеса в Российской Федерации, были использованы различные общенаучные методы. Исторический метод позволил проанализировать эволюцию институциональных механизмов, влияющих на малый бизнес, в исторической ретроспективе. Метод научной классификации и группировки применялся для систематизации разнообразных стратегических подходов и управленческих моделей, используемых в малом бизнесе. Кроме того, метод формальной логики и аналогии помогли нам в логическом обосновании выводов и предположений, касающихся стратегирования малого бизнеса. Все эти методы способствовали глубокому пониманию темы и формулированию соответствующих выводов и рекомендаций.

Результаты

Стратегирование стало неотъемлемой частью деятельности предприятий. Как в свое время отметил Э. Тоффлер, отсутствие собственной стратегии делает предприятие частью чужой стратегии [1].

Стратегическое управление базируется на всестороннем исследовании, включающем изучение внутренних и внешних факторов, формулирование миссии и целей, оценку конкурентных позиций, разработку стратегических вариантов и план действий по их реализации.

Понятие стратегии различается как в экономической теории, так и на практике, поскольку оно может включать разнообразные аспекты, такие как выбор сферы деятельности, структурирование компании, методы развития, использование конкурентных преимуществ и внедрение инноваций, каждый из которых предоставляет широкие возможности для подходов.

Генри Минцберг раскрывает многогранность понятия «стратегия» в своей работе «Стратегическое сафари: Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента», написанной совместно с Б. Альстрандом и Ж. Лампелем. В этой книге он выделяет пять ключевых аспектов стратегии (рис. 1).

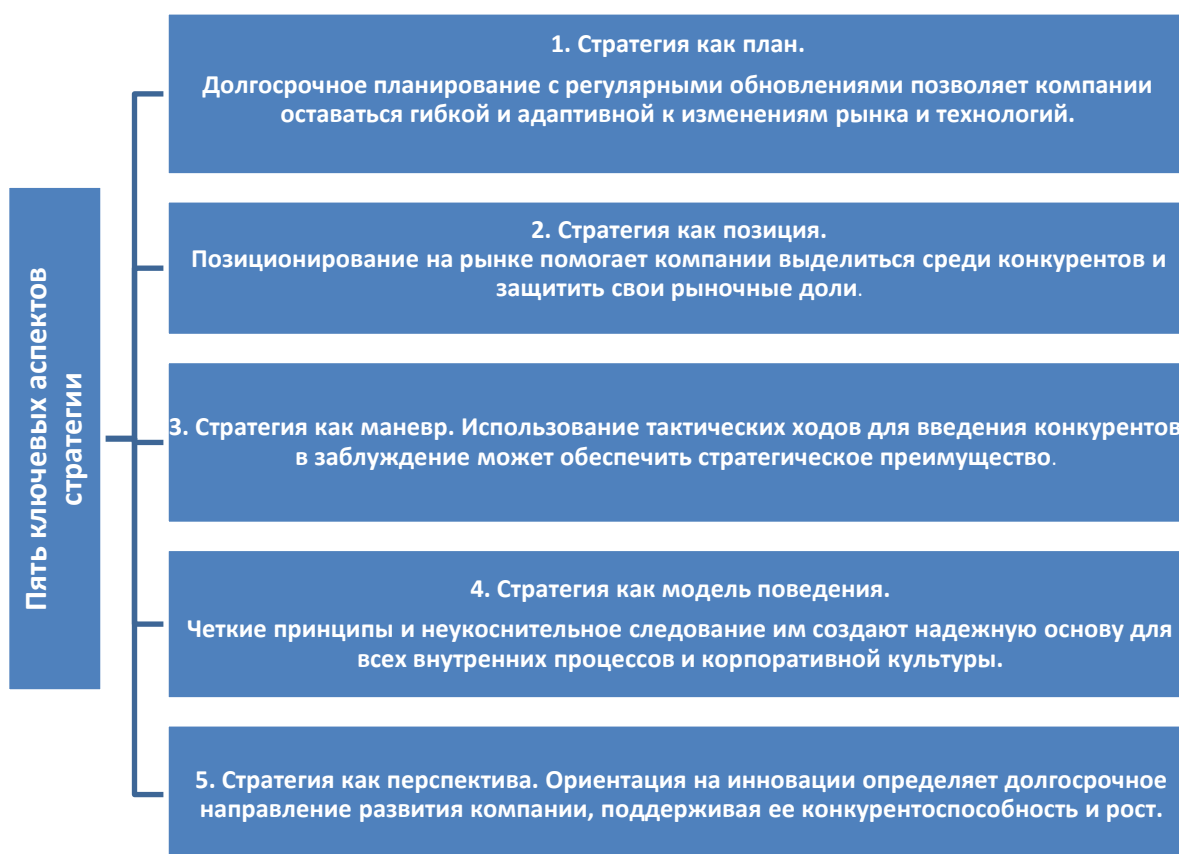

Рис. 1. Пять ключевых аспектов стратегии по Г. Минцбергу [2]

Fig. 1. Five key aspects of the G. Mintzberg strategy

Существуют разные авторские точки зрения на процесс построения стратегий фирмы, акцентирующие внимание на всевозможных аспектах стратегического планирования и управления.

И. Ансофф и другие ранние исследователи, такие как Ж. Бовер и К. Эндрю, рассматривали стратегию в контексте управления предприятием, включая идентификацию рыночных возможностей, общую компетентность и ресурсы, собственные ценности и стремления, а также обязательства перед обществом [3].

Е. Никифорова, Н. Резникова добавляет аспекты, связанные с возможностями, желаниями и обязанностями фирмы, подчеркивая необходимость сбалансированного подхода, который учитывает как внутренние, так и внешние факторы в стратегическом планировании [4].

К. К. Гончарова сосредотачивает внимание на стратегии фирмы в контексте маркетинга и развития, подчеркивая важность анализа конкурентного окружения и стратегического позиционирования для достижения устойчивых конкурентных преимуществ [0].

О. М. Залученова утверждает, что стратегия должна определять основные долгосрочные цели предприятия и адаптировать курсы размещения ресурсов для их достижения. Это подчеркивает важность долгосрочного планирования и ресурсного распределения в стратегическом управлении [6].

И. Н. Елисеев выделяет стратегию как сочетание основных целей, политики и программ действий, которые направлены на достижение этих целей в рамках определенной внутренней и внешней политики. Это подход подчеркивает комплексность стратегического управления, охватывающую не только планирование, но и реализацию через конкретные программы и политики [7].

В современной практике стратегирования ключевым аспектом является интеграция значимых изменений в экономическую и производственную инфраструктуру, направленная на её оптимизацию и модернизацию. Рассматривая этот процесс, Р. Л. Акофф [8] подчеркивает различие между экспансией и эволюцией, указывая на возможность их совместного и раздельного протекания. В работах В. М. Цлафа [9] особое внимание уделяется долгосрочной природе стратегирования, которое включает формирование стратегических целей как на долгосрочный, так и на краткосрочный периоды, обеспечивая соответствие интересов владельцев и персонала. С точки зрения Д.В. Арутюновой [10], стратегирование охватывает изменения не только в количественных, но и в качественных характеристиках компании, что выдвигает его в ранг основополагающей задачи стратегического управления. Таким образом, стратегирование трансформируется в комплексный управленческий механизм, направленный на укрепление не только маркетинговых, но и общих конкурентных позиций компании через эффективное распределение ключевых ресурсов и адаптацию к изменяющимся внешним условиям.

Для успешного стратегирования бизнеса необходимо наличие стратегического лидера со значительным опытом. Именно наличие такого руководителя позволяет компании не только принимать оперативные решения, но и видеть долгосрочную перспективу, что критически важно для устойчивого роста.

Основу перехода от тактического подхода к стратегированию составляет изменение направленности управленческих усилий. Если ранее акцент ставился преимущественно на внутренних процессах, то теперь он смещается к анализу внешних факторов. Подобное смещение акцентов позволяет компании своевременно реагировать на изменения внешней среды и эффективно справляться с вызовами, которые перед ней возникают [11].

Как указывается в работе Е. В. Поповой (2022), недостаток стратегического видения у руководства предприятия часто приводит к неудачам в конкурентной борьбе, особенно когда оно полагается на неизменность условий внешней среды [0]. Стратегическая перспектива — это долгосрочный план действий, направленный на достижение основных целей компании, учитывающий изменения внешней и внутренней среды. Эффективное стратегическое управление охватывает планирование, организацию, координацию, мотивацию и контроль, чтобы достигнуть этих стратегических целей. Процесс начинается с формулировки миссии и целей предприятия, за которым следует анализ макроокружения и ключевых внутренних факторов, что является основой для создания эффективной стратегии развития.

Изучение макроокружения включает всесторонний анализ экономических, юридических, политических, инфраструктурных, технологических, экологических и культурно-социальных элементов внешней среды, что позволяет комплексно оценивать влияние этих факторов. Этот аналитический подход предоставляет руководству предприятия возможность проводить прогнозирование рыночных тенденций и формировать стратегические планы для адаптации к непредвиденным

события. Кроме того, он позволяет оценивать позиции конкурентов, поставщиков и клиентов, выявляя потенциальные риски и возможности для реализации стратегии предприятия [0].

В контексте настоящего исследования необходимо рассмотреть различные стратегические подходы, которые могут быть использованы малыми компаниями для укрепления их позиций на рынке и развития бизнеса. Каждая из представленных стратегий имеет свои особенности и предназначена для решения конкретных задач в условиях современной российской экономики. В частности, обсуждаются такие стратегии, как имитация, контрактное производство, франчайзинг и стратегия «голубого океана». Эти подходы помогают не только в выживании компаний в условиях жесткой конкуренции, но и в поиске новых возможностей для роста и развития.

Стратегия имитации предполагает, что малые компании могут либо производить товары под лицензией крупных предприятий, либо выпускать продукцию, аналогичную оригинальным изделиям. В связи с ограниченными возможностями малого бизнеса вести собственные научные исследования и разработки, данный подход позволяет им входить на рынок с уже признанными товарами. Это дает малым предприятиям шанс расширять своё присутствие на рынке за счёт конкурентоспособных цен [0].

Стратегия, основанная на контрактном производстве, предусматривает создание сотрудничества между малыми и крупными предприятиями, основанное на заключённых контрактах. Для крупных компаний часто бывает более рентабельно поручать выполнение задач, связанных с производством малых партий товаров или не требующих высоких технологий, меньшим компаниям. Это сотрудничество позволяет малым предприятиям оставаться гибкими и быстро реагировать на изменения рынка, а также снижает их зависимость от одного значительного заказчика благодаря расширению списка клиентов [15].

Стратегия франчайзинга предполагает создание симбиотических отношений между крупными и малыми предприятиями через систему франчайзинга. Такой подход позволяет малым предприятиям пользоваться брендом, опытом и ресурсами крупного партнера, тем самым увеличивая свою конкурентоспособность на рынке [0].

Франчайзинг представляет собой систему контрактных взаимоотношений, в рамках которых франчайзер (крупное предприятие) предоставляет франчайзи (малому предприятию) доступ к своим товарам, проверенным бизнес-процессам, брендам и маркетинговой поддержке в обмен на роялти. В зависимости от условий договора, франчайзинг подразделяется на несколько форм.

В товарном франчайзинге малое предприятие приобретает право на продажу продуктов крупного партнера под его брендом. Производственный франчайзинг дополнительно вовлекает малое предприятие в полный цикл бизнес-действий крупной фирмы, требуя соответствия общим стандартам качества, технологическим процессам и планам продаж. Деловой франчайзинг позволяет малым фирмам открывать магазины под брендом франчайзера для реализации товаров и услуг.

В современном бизнес-ландшафте особое внимание привлекает концепция «голубого океана», предложенная исследователями Ким Чаном и Рене Моборн. Эта инновационная стратегия предлагает компаниям отказаться от изнурительной борьбы на перенасыщенных рынках, метафорически названных «красными океанами», и вместо этого создавать новые рыночные пространства – «голубые океаны». Суть подхода заключается в поиске и развитии уникальных ниш, где конкуренция практически отсутствует, что достигается путем внедрения революционных бизнес-идей. Стратегия «голубого океана» акцентирует внимание на важности избегания прямой конфронтации с конкурентами и концентрации усилий на ключевых факторах, обеспечивающих долгосрочный успех предприятия [0].

В контексте современного развития российской экономики отсутствие четко определенной стратегии становится серьезным вызовом для многих компаний. Предприятия сталкиваются со стремительно меняющейся экономической обстановкой, характеризующейся нестабильностью финансового положения поставщиков, волатильностью цен и обострением конкурентной борьбы. Эти факторы создают сложную среду, в которой отсутствие стратегического видения может стать критическим недостатком, ограничивающим возможности роста и адаптации бизнеса к новым реалиям рынка.

Выводы

Исследование теоретических основ стратегического планирования и их применимости к малому бизнесу позволило разработать новую концепцию стратегического управления для небольших предприятий. Эта концепция требует дальнейшей практической проверки, но уже сейчас предлагает комплексный и системный подход к планированию и управлению деятельностью компании.

В основе концепции лежит глубокий анализ внутренней и внешней среды предприятия, включая оценку его сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз рынка. Такой анализ помогает компании лучше понять свое положение и определить ключевые факторы влияния. На его основе разрабатываются конкретные, измеримые и достижимые стратегические цели, учитывающие как внутренний потенциал, так и внешние условия. Далее формулируются и реализуются стратегии для достижения этих целей, что предполагает выбор оптимальных методов использования ресурсов и конкурентных преимуществ компании.

Важным элементом предложенной концепции является постоянный мониторинг и своевременная корректировка стратегического плана в ответ на изменения рыночной ситуации. Это обеспечивает гибкость и актуальность стратегии в долгосрочной перспективе. Применение такого подхода к стратегическому планированию в малом бизнесе может значительно повысить его конкурентоспособность и экономическую устойчивость, особенно в контексте специфики российского рынка. Ключевым фактором успеха при внедрении данной концепции является квалифицированное стратегическое лидерство. Руководству компании необходимо сместить фокус с тактического на стратегическое управление, уделяя больше внимания анализу внешней среды. Это позволит более эффективно реагировать на рыночные изменения и преодолевать возникающие трудности. Таким образом, предложенная концепция стратегического управления представляет собой комплексный инструмент для повышения эффективности и конкурентоспособности малых предприятий в современных экономических условиях.

Список источников

1. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с. - ISBN 5-17-010706-4.
2. Минцберг Г. Стратегическое сафари: Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента / Г. Минцберг, Б. Альстранд, Ж. Лампель; Пер. с англ. М.: Альпина Паблицер, 2013. 367 с. - (Серия «СКОЛКОВО»).
3. Наливайко А. П. Теория стратегии предприятия. Современное состояние и перспективы развития: Монография. К.: КНЭУ, 2001. 18 с.
4. Никифорова Е., Резникова Н. Система сбалансированных показателей: интегрированный менеджмент // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 3. С. 46–53.
5. Гончарова К. К. Сущность и структура конкурентных стратегий предприятия // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8-4(85). С. 716–719.
6. Залученова О. М., Аслбеков Ф. Технология разработки стратегического плана развития компании // Chronos. 2020. № 3(42). С. 76–79.
7. Елисеев И. Н. Целепологание в работе организации, в экономике и политике // Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации : Материалы III Международной научно-практической студенческой конференции, Москва, 30–31 октября 2023 года. М.: "Академия управления и производства", 2023. С. 281–288.
8. Акофф Р. Л. Различия, которые имеют значение: Аннотированный глоссарий различий, важных для менеджмента / науч. ред. и пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. 216 с. (Монографии выдающихся зарубежных исследователей).
9. Цлаф В. М. Об основаниях теории стратегического управления // Вестник СамГУ. 2006. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovaniyah-teorii-strategicheskogo-upravleniya> (дата обращения: 02.04.2024).
10. Арутюнова Д. В. Стратегический менеджмент: Учеб. пособие. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. 122 с.
11. Алимуратов М. К., Власюк Л. И. Стратегирование – новая область профессиональных знаний // Управленческое консультирование. 2017. № 11 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategirovanie-povaya-oblast-professionalnyh-znaniy> (дата обращения: 02.07.2024).
12. Попова Е. В. Современные технологии стратегического управления организацией // Финансовые рынки и банки. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-strategicheskogo-upravleniya-organizatsiy> (дата обращения: 02.04.2024).

13. Сулимова Е. А., Николаев А. В. Особенности влияния макроокружения на деятельность организации на примере АО «Тинькофф Банк» // *Инновации и инвестиции*. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vliyaniya-makrookruzheniya-na-deyatelnost-organizatsii-na-primere-ao-tinkoff-bank> (дата обращения: 02.04.2024).

14. Самоутуга В.Н. Особенности стратегического управления предприятиями малого бизнеса в России // *Экономика, экология и общество России в 21-м столетии*. 2021. Т. 2. № 1. С. 270–276. DOI 10.52899/9785883036247_270.

15. Лукашевич М. Л., Малеванная Т. С. Контрактное производство как стратегия развития российской электронной промышленности // *Современный менеджмент: проблемы и перспективы: Сб. статей по итогам XVI междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 29-30 апреля 2021 г.)*. СПб.: СПбГЭУ, 2021. С. 527–532.

16. Никулин Е. Д., Шаталов А. И. Стратегия роста бизнеса с использованием франчайзинга: баланс между числом собственных предприятий и числом предприятий-партнеров // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-rosta-biznesa-s-ispolzovaniem-franchayzinga-balans-mezhdu-chislom-sobstvennyh-predpriyatij-i-chislom-predpriyatij-partnerov-1> (дата обращения: 02.04.2024).

17. Моборн Р., Ким В. Ч. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. М.: МИФ Бизнес, 2022. 370 с.

References

1. Toffler E. *Shock of the future*: Translated from English Moscow: LLC "Publishing House ACT"; 2002. 557 p. – ISBN 5-17-010706-4. (In Russ.)

2. Mintsberg G., Alstrand B., Lampel J. *Strategic safari: Tour through the wilds of strategic management*; Translated from English. Moscow: Alpina Publisher, 2013. 367 p. - (SKOLKOVO series). (In Russ.)

3. Nalivaiko A. P. *Theory of enterprise strategy. The current state and prospects of development*: Monograph. Kiev: KNEU; 2001. 18 p. (In Russ.)

4. Nikiforova E., Reznikova N. The system of balanced indicators: integrated management. *Problems of theory and practice of management*. 2006;(3):46–53. (In Russ.)

5. Goncharova K. K. The essence and structure of competitive strategies of the enterprise. *Economics and entrepreneurship*. 2017;8-4(85):716–719. (In Russ.)

6. Zaluchenova O. M., Aslbekov F. Technology for developing a strategic development plan for the company. *Chronos*. 2020;3(42):76–79. (In Russ.)

7. Eliseev I. N. Goal-setting in the work of the organization, in economics and politics. In: *Modern trends in the development of management and production in the context of digitalization : Materials of the III International Scientific and practical student Conference*, Moscow, October 30-31, 2023. Moscow: "Academy of Management and Production"; 2023:281–288. (In Russ.)

8. Akoff R. L. Differences that matter: An annotated glossary of differences important for management. Scientific ed. and translated from the English by F.P. Tarasenko. Tomsk: Ed. House of Tom. state University; 2016. 216 p. (In Russ.)

9. Tslaf V. M. On the foundations of the theory of strategic management. *Bulletin of the Samara State University*. 2006;(8). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovaniyah-teorii-strategicheskogo-upravleniya> [Accessed 2 April 2024]. (In Russ.)

10. Arutyunova D. V. *Strategic management*: Textbook. Taganrog; 2010. 122 p. (In Russ.)

11. Alimuradov M. K., Vlasyuk L. I. Strategizing – a new field of professional knowledge. *Administrative Consulting*. 2017;11(107). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategirovanie-novaya-oblast-professionalnyh-znaniy> [Accessed 2 July 2024]. (In Russ.)

12. Popova E. V. Modern technologies of strategic management of an organization. *Financial markets and banks*. 2022;(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-strategicheskogo-upravleniya-organizatsiy> [Accessed 2 April 2024]. (In Russ.)

13. Sulimova E. A., Nikolaev A.V. Features of the influence of the macroenvironment on the organization's activities on the example of JSC Tinkoff Bank. *Innovations and Investments*. 2022;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vliyaniya-makrookruzheniya-na-deyatelnost-organizatsii-na-primere-ao-tinkoff-bank> [Accessed 2 April 2024]. (In Russ.)

14. Samotuga V.N. Features of strategic management of small businesses in Russia. *Economics, ecology and society of Russia in the 21st century*. 2021;2(1):270–276. DOI 10.52899/9785883036247_270. (In Russ.)
15. Lukashovich M. L., Malevannaya T. S. Contract production as a strategy for the development of the Russian electronic industry. In: *Modern management: problems and prospects: Collection of articles on the results of the XVI international scientific and practical conference. (St. Petersburg, April 29-30, 2021)*. St. Petersburg; 2021:527–532. (In Russ.)
16. Nikulin E. D., Shatalov A. I. Business growth strategy using franchising: the balance between the number of own enterprises and the number of partner enterprises. *Bulletin of St. Petersburg University. Management*. 2012;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-rosta-biznesa-s-ispolzovaniem-franchayzinga-balans-mezhdu-chislom-sobstvennyh-predpriyatij-i-chislom-predpriyatij-partnerov-1>. [Accessed 2 April 2024]. (In Russ.)
17. Mauborn R., Kim V. Ch. Strategy of the Blue Ocean. *How to find or create a market free from other players*. Moscow: MYTH Business; 2022. 370 p. (In Russ.)

Информация об авторах

М. В. Ненько – аспирант, кафедра предпринимательства и конкуренции, факультет бизнеса, Университет «Синергия».

А. Ю. Анисимов – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе факультета информационных технологий, доцент кафедры информационного менеджмента и информационно-коммуникационных технологий им. профессора В. В. Дика, Университет «Синергия».

Information about the authors

M. V. Nenko – Graduate Student, Department of Entrepreneurship and Competition, Faculty of Business, University «Synergy».

A. Yu. Anisimov – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director for Educational and Methodological Work of the Faculty of Information Technologies, Assistant Professor of the Department of Information Management and Information and Communication Technologies named after Professor V. V. Dick, University «Synergy».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 16.07.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 16.07.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Научная статья
УДК 338.24
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-94-100>

EDN HVQYJS

Оценка эффективности организации общественной собственности: проблемы реализации и направления совершенствования*

Ольга Владимировна Пивоварова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
olga_piv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5972>

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей организации общественной собственности и подходов к оценке ее эффективности. Для понимания специфики функционирования общественной собственности был проведен анализ различных трактовок экономической категории «собственность» и изучены аспекты организации и управления частной собственностью, в результате чего выделены особенности проявления традиционных прав собственности в механизме государственной. На основе выявленной специфики были охарактеризованы текущие и долгосрочные эффекты реализации общественной собственности, а также предложен критерий результативности управлению ею, основанный на изменении структуры и уровня удовлетворения потребностей различных групп населения и бизнеса. Обосновано, что основной эффективной организации общественной собственности является сохранение функций стратегического управления у реального собственника – населения, что должно быть обеспечено посредством реализации партисипации и механизма публичной ответственности органов власти и бизнес-структур.

Ключевые слова: общественная собственность, государственное имущество, эффективность, оценка, функции собственности, потребности населения, стратегическое управление, механизм публичной ответственности.

Для цитирования: Пивоварова О. В. Оценка эффективности организации общественной собственности: проблемы реализации и направления совершенствования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 94–100. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-94-100>. EDN HVQYJS

Problems of Economics

Original article

Assessment of the effectiveness of public property organization: problems of implementation and directions for improvement

Olga V. Pivovarova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
olga_piv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5972>

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the organization of public property and approaches to assessing its effectiveness. The analysis of various interpretations of the economic category "property" is carried out to understand the specifics of the functioning of public property and the aspects of the organization and management of private property are studied, as a result of which the peculiarities of the manifestation of traditional property rights in the mechanism of state ownership are highlighted. Based on the identified specifics, the current and long-term effects of the sale of public property are characterized, and a criterion for the effectiveness of its management is proposed, based on a change in the structure and level of satisfaction of the needs of various groups of the population and business. It is proved that the main effective organization of public property is to preserve the functions of strategic management from the real owner – the population, which should be ensured through the implementation of privatization and the mechanism of public responsibility of authorities and business structures.

© Пивоварова О. В., 2024

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Keywords: public property, state property, efficiency, assessment, ownership functions, needs of the population, strategic management, mechanism of public responsibility.

For citation: Pivovarova O. V. Assessment of the effectiveness of public property organization: problems of implementation and directions for improvement. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):94–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-94-100>. EDN HVQYJS

Общественная собственность, представляя собой совокупность всех видов государственного и муниципального имущества, право на использование которого принадлежит одновременно многим субъектам деятельности, среди которых основным является население, на протяжении уже многих десятилетий привлекает внимание ученых и экспертов [1; 2]. Так, например, М. Олсон [3], Г. Хардин [4], Э. Остром [5] и Д. Джэймс [6] исследовали и предлагали различные модели управления общественной собственностью, в то время как Э. Маркварт [7], М.М. Соловьев, Л.И. Кошкин [8] пытались имплементировать существенные особенности общественной собственности в существующую систему управления государственным имуществом.

Такое особое внимание обусловлено постоянным поиском эффективных управленческих решений в части организации этой общественной собственности, которые позволят государству наиболее рационально и результативно выполнять возложенные на него функции и обеспечивать национальное благосостояние. К настоящему времени единых подходов и механизмов к организации общественной собственности в науке и практике так и не сложилось, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Для понимания специфики функционирования общественной собственности представляется целесообразным обратиться к категории собственности в целом, а также системе частной собственности, где уже сложились определенные механизмы управления и функции.

Собственность, представляя собой сложное и многоаспектное понятие, является фундаментом всей экономической системы общества. Именно собственность порождает экономические интересы и стимулы, используется для удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей [9, с. 37].

Представители классической политической экономии в качестве основной черты собственности определяли ее способность приносить доходы, тем самым отождествляя собственность и капитал. Это означало полный контроль над полезностью, которую можно было извлечь из данного блага, а право собственности они понимали, как получение результата использования данного блага и ответственность за это использование [10, с. 46].

Важно также отметить еще одну отличительную характеристику собственности, которая заключается в ее основной функции – присвоении. Присвоение представляет собой конкретный общественный способ овладения благом [11, с. 187]. Именно оно предопределяет характер экономических отношений и, по сути, выражает реально существующую структуру экономики, определяя тех, кто извлекает пользу из конкретных благ, а кто – нет.

Безусловно в системе частной собственности данная функция является определяющей, выступая в качестве необходимого условия формирования адекватного интереса и организации предпринимательства. Предприниматель, владеющий частной собственностью, получает право на добавочный продукт в виде различных благ, и именно это является основной мотивацией для начала частного бизнеса. В современных условиях собственники, с одной стороны, ввиду отсутствия возможностей осуществлять постоянное управление корпорацией, а с другой – из-за стремления максимизировать эффект от использования частной собственности, передают часть своих функций наемным управляющим. В результате перераспределения объема функций между собственником и менеджером возникает ряд проблем [12, с. 118]:

1. Конфликт интересов, обусловленный возможностью управляющего принимать самостоятельные решения с целью повышения личных доходов и стремлением собственника минимизировать издержки.

2. Конфликт целей, возникающий, с одной стороны, по причине стремления менеджера самореализоваться путем принятия рискованных для бизнеса решений или желания облегчить свои функции путем избегания ответственности и раздувания аппарата управления, а с другой стороны – желания собственника сохранить и преумножить бизнес.

3. Ценностный конфликт, проявляющийся в несовпадении этических установок управляющего и собственника.

Таким образом, можно сделать вывод, что наемные менеджеры в должной мере не заинтересованы в конечном результате, что обуславливает необходимость осуществления функции контроля со стороны собственника.

Именно контрольная функция представляется ключевой, так как посредством нее происходит приобщение собственника к управлению: через контроль направлений использования ресурсов, общего уровня их затрат, постановки конкретного набора целей производства [13]. Следовательно, у собственника остаются стратегические функции управления, несмотря на делегирование части полномочий. Только по этой причине он сохраняет личный интерес и мотивацию собственника. При этом контроль эффективности поддерживается полномочием заменить неэффективного наемного менеджера [14, с. 131].

Следовательно, можно заключить, что основой эффективного управления частной собственностью является сохранение у реального собственника функций стратегического управления и контроля, что полностью противоречит процессу управления в системе общественной собственности, где все индивиды фактически исключены из прямого доступа к ресурсам и не имеют исключительных прав на их пользование, так как их доли не выделены и никаким образом не закреплены. Доступ к общественным ресурсам имеют лишь те, кто реализует общие интересы социума. Соответственно следует учитывать отличительные особенности общественной собственности, которые влияют на структуру традиционных прав [15, с. 256]:

1. Совладелец государственной собственности практически лишен прав владения и управления, так как не может ни продать, ни передать кому-либо свою долю. При этом ни один член общества не имеет права уклониться от обладания своей долей государственной собственности.

2. Отсутствие взаимосвязи между поведением отдельных совладельцев государственной собственности и результатами ее использования в отличие от частной, где эта связь является прямой (наличие проблемы «безбилетника»).

3. Недостаток действенного контроля поведения представителей общественного интереса, которым делегированы права собственности, что создает возможности злоупотребления ими своим положением в личных интересах.

Следовательно, общественная собственность – это процесс игрового взаимодействия участников рыночного хозяйства, в котором общим выигрышем является создание максимально благоприятных общих условий для производительного труда каждого. Соответственно, какими будут эти общие условия должны решать их пользователи.

Попыткой учета перечисленных особенностей было создание модели социалистической собственности, целью которой объявлялось «полное благосостояние и свободное всестороннее развитие всех членов общества» [16, с. 232]. Персонализация отношений социалистической собственности выражалась во всех сохозяевах общенародных средств производств, то есть в качестве собственников объявлялся не отдельный класс, а все общество и каждый его член [17, с. 81]. Однако реализовать такую модель на практике в ее исходном виде так и не удалось, и фактически социализм стал моделью, в которой функции собственника деперсонифицированы и отчуждены, а представители государства, задача которых – управлять по поручению и от имени собственника, присвоили себе функции стратегического управления, подчинив их своим корпоративным интересам, полагая «собственный интерес как государственный, а государственный – как свой собственный» [18].

Кроме того, при организации общественной собственности важно понимать различие эффектов от ее реализации не только с точки зрения качества этих эффектов (социальные, финансовые, институциональные, бюджетные и т.п.), но и периода их проявления – текущих и долгосрочных. Непосредственная или текущая эффективность управления государственным имуществом выражается в суммарном потребительском излишке, созданном на основе управления, в росте благосостояния населения, в качестве и количестве общественных благ, производимых в общественном секторе. При этом необходимо учитывать, что в условиях смешанной экономики общественный и частный сектора должны выгодно дополнять друг друга, а не пытаться вытеснить. Следовательно, и управление государственным имуществом должно осуществляться таким образом, чтобы способствовать созданию и развитию новых конкурентоспособных секторов инновационной экономики, прогрессу в воспроизводстве человеческого капитала высокого качества. Именно в этом и будет реализовываться долгосрочная эффективность от управления государственным имуществом.

Отметим, что результативность данного подхода к управлению общественной собственностью способна обеспечить оценка механизма общественной ответственности с помощью соответствующих

методик и показателей. Так, например, за счет применения современных методов, таких как программно-целевое бюджетирование, можно определить более востребованные виды общественных благ на основе сопоставления предельной полезности и предельных издержек, тем самым обеспечив повышение уровня благосостояния населения и соответствие текущему критерию эффективности управления государственным имуществом. И при этом результативность данного процесса будет напрямую зависеть от реализации партисипации (обеспечение взаимобратной связи органов системы публичной власти с населением [19, с. 53]) и степени развитости публичной ответственности, которая непосредственно будет проявляться в доступности и подотчетности деятельности органов государственного управления, осуществляющих данные мероприятия, населению и общественным институтам. Публичная ответственность в данном контексте понимается как сложное институциональное образование, где в качестве основных сторон выступают общество (муниципальное или региональное сообщество, структуры гражданского общества и т.п.), бизнес и органы власти, обеспечивающие при имеющихся ресурсах удовлетворение потребностей населения в общественных благах и выполнение задач и функций государства соответственно требованиям времени, а также имеющие обязательства отчитываться о своей деятельности гласно и открыто и в случае ненадлежащего исполнения претерпеть неблагоприятные последствия в виде санкций [20].

С другой стороны, долгосрочная эффективность общественной собственности может быть реализована посредством предоставления государственных льгот и преференций частному сектору. В данном аспекте также требуется применение механизма публичной ответственности, но в более широком плане, что должно проявляться в установлении жестких правил для получателей государственной поддержки. Здесь требуется синтез методов управления – планирования, стратегического управления и мирового рынка, который определяет победителей. При этом нацеленность на удовлетворение потребностей населения изменяться не должна, поскольку собственность общественная. Следовательно, в долгосрочном аспекте управления государственным имуществом необходимо ориентироваться на стратегическое равновесие экономики по Нэшу, оптимизирующее структуру издержек и качество продукции в новых развивающихся отраслях экономики [21]. Такое равновесие стратегии государства, направленной на создание конкурентоспособной отрасли или группы предприятий с максимизацией прибыли при жестких показателях государственного заказа (объема, цен, экспорта и т.п.), с целями населения обеспечит для общества получение более высоких доходов, достойных рабочих мест и перспектив улучшения положения.

При таком подходе возникает необходимость измерения уровня удовлетворения потребностей, его изменения в зависимости от принимаемых решений. В этой связи целесообразно обратиться к классическому критерию, который выделил Парето. Согласно ему, Парето-улучшением называются такие изменения экономической ситуации, при которых, по сравнению с предшествовавшим состоянием, никто не проигрывает и хотя бы некоторые участники экономической жизни повышают свое благосостояние [22, с. 11]. Однако на практике обеспечить перераспределение общественных благ только с точки зрения Парето-улучшений крайне сложно, так как выгоды и издержки в государственном секторе распределяются зачастую непропорционально.

По этой причине представляется более подходящим применение критерия компенсации, предложенного Н. Калдором и Дж.Р. Хиксом, который гласит, что переход от одного состояния экономики к другому представляет собой улучшение положения общества, если те члены, чье благосостояние повысилось, могут компенсировать потери, понесенные другими индивидами, и при этом сохранить уровень благосостояния по крайней мере равный исходному [22, с. 60]. Критерий компенсации позволяет четко разделить изменения в уровне экономической эффективности и процессы перераспределения, тем самым дает возможность зафиксировать моменты перераспределения выгод от использования общественной собственности.

Следовательно, для обеспечения выполнения критерия компенсации необходимо выбрать показатели, по которым будет оцениваться уровень благосостояния населения. К настоящему моменту окончательный перечень таких показателей не сформирован. В основе существующих подходов лежит функция общественного благосостояния, выведенная Самуэльсоном и Бергсоном, которая представляет собой агрегирование индивидуальных предпочтений, представленных как некоторый общий показатель [23, с. 387]:

$$u^i = u^i(X_1^i, \dots, X_{n+m}^i), \quad (1)$$

где X_1^i, \dots, X_{n+m}^i – функции индивидуальных полезностей.

При этом подходы к измерению данного показателя разнятся: утилитаристы считают, что благосостояние индивидов имеет одинаковую ценность, некоторые представители этой теории целесообразным видят присваивание весовых коэффициентов для различных групп населения, а роулсианцы предполагают, что необходимо максимизировать индивидуальные полезности наименее благополучных членов общества [22, с. 88–94]. Все они представляются достаточно значимыми, однако ни одна из них не учитывает степень дифференциации индивидов. Общественное благосостояние представляется как средняя величина, которая не позволяет понять, кто в большей, а кто в меньшей степени выигрывает от перераспределения благ общественной собственности.

В этой связи представляется целесообразным в рамках оценки благосостояния разделить индивидов или домашние хозяйства на группы (классы) в зависимости от уровня доходов и зафиксировать долю каждого из них. Более того, необходимо в качестве отдельной категории выделить бизнес, получающий блага от распределения ресурсов общественной собственности. Соответственно и оценку удовлетворения потребностей необходимо проводить в разрезе данных классов.

Изменение уровня удовлетворения потребностей, рассчитанного исходя из структуры потребностей индивидов (домашних хозяйств) в классах, будет показывать, обеспечивается ли их прирост, либо уменьшение. Если в результате перераспределения общественных благ разница благосостояний классов сокращается, то это, безусловно, будет свидетельствовать об эффективности управления в сфере государственного имущества, а если же разрыв увеличивается в сторону какого-либо класса, то соответственно и общественная собственность обеспечивает в большей степени их интересы. Кроме того, необходимо проводить оценку структуры потребления населением благ и услуг, поскольку полезность доходов напрямую зависит от того, на что они тратятся. Если они обеспечивают прирост человеческого капитала, то они эффективны, а если идут на приобретение предметов роскоши, то их полезность снижается и со стороны государственного управления должны быть приняты меры по минимизации таких расходов.

Таким образом, изменение структуры и уровня удовлетворения потребностей населения выступает своего рода общественным индикатором результативности управления госимуществом, который дает возможность оценить качественную составляющую данного процесса.

Особенно важно при оценке результативности учитывать, кем именно осуществляется данная оценка, так как зачастую представители аппарата власти склонны «приукрашивать» результаты такого рода исследований. Для эффективных расчетов необходимо обеспечить чистоту и репрезентативность выборки, а также абсолютную прозрачность. Представляется, что такую оценку наиболее результативно смогут осуществить передовые представители общественности от различных классов, организованные в качестве независимых экспертных групп, так как только они имеют непосредственную заинтересованность в отражении реальных результатов, что имеет находит подтверждение в положительной практике за рубежом.

Подводя итог анализу понимания эффективности организации общественной собственности, можно сделать вывод, что к настоящему моменту определены лишь ключевые особенности, влияющие на структуру традиционных прав собственности, отдельные критерии и индикаторы, в соответствии с которыми ученые и практики пытаются оценить ее реальный вклад в общественное благосостояние. Проведенное исследование сущностных основ организации частной собственности, где механизмы управления постоянно совершенствуются, позволило предположить, что важным условием эффективного управления общественной собственностью является сохранение функций стратегического управления у реального собственника, т.е. населения, что может и должно быть обеспечено посредством развития партисипации (общественного участия) и публичной ответственности органов государственной власти и местного самоуправления, а также бизнеса, использующего для своего развития различные виды госимущества. Предложенный критерий результативности управления общественной собственностью, основанный на изменении структуры и уровня удовлетворения потребностей различных групп населения и бизнеса, представляется ключевым при формировании указанного механизма публичной ответственности и методических подходов к оценке эффективности, как отражающий реальное общественное благосостояние. Представляется, что применение представленных рекомендаций позволит создать достаточную теоретико-методологическую базу для обеспечения эффективной организации общественной собственности.

Список источников

1. Козлова С. В., Братченко С. А., Свирина Л. Н., Грибанова О. М. Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 31–56.

2. Антоновская Е. А., Егорова Н. Н., Петрова С. В. К вопросу об эффективности управления государственной собственностью субъекта Российской Федерации // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 11. С. 16-20. DOI 10.17513/fr.43115.
3. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Пер. с англ. М.: ФЭИ (Фонд экономической инициативы), 1995. 174 с.
4. Hardin G. The Tragedy of the Commons. *Science, New Series*. 1968. Vol. 162, No. 3859 (Dec. 13, 1968), pp. 1243-1248.
5. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с.
6. James J. A. Preliminary Study of the Size Determinant in Small Group Interaction // *American Sociological Review*. 1951. XVI (August 1951), pp. 474-477.
7. Маркварт Э. Эффективность управления публичной собственностью: понятие, подходы, критерии // *Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 6. С. 17-26.
8. Соловьев М. М., Кошкин Л. И. Проблемы оценки эффективности управления государственной собственностью // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2008. № 4. С. 32-46.
9. Урусова И. Н. Экономические интересы в системе отношений собственности // *Экономический журнал*. 2008. № 15. С. 37-46.
10. Лебедева Н. Н. Институциональная экономика: Учебник для бакалавров. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014. 208 с.
11. Ситникова Ю. В. Собственность как экономическое явление // *Вестник СамГУ*. 2006. №10/1 (50). С. 185-189.
12. Черемных Л. Г. Особенности отбора наемного менеджера // *Академический вестник*. 2012. №3 (21). С. 117-119.
13. Касюк Е. А. Внутренний корпоративный контроль: принципы и интеграция подходов к организации // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2014. №3. С. 38-44.
14. Долгопятова Т.Г. Модели корпоративного контроля на российских предприятиях (опыт эмпирического анализа) // *Мир России*. 2001. №3. С. 121-137.
15. Пивоварова О. В. Публичная ответственность в сфере управления государственным имуществом: необходимость и условия формирования // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2017. № 1. С. 255-260.
16. Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. Т. 6.
17. Ванькевич А.И. Отражение отношений собственности в экономических категориях и законах // *Вестник БНТУ*. №5. 2007. С. 78-82.
18. Кононкова Н. П. Теория и практика государственной собственности. М.: МАКС Пресс, 2010. 173 с.
19. Епинина В.С. Приоритетные направления развития партисипативного механизма российского публичного управления // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 3. С. 52-59.
20. Пивоварова О. В. Управление социально-экономическим развитием муниципального образования: особенности и направления совершенствования. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2022. 246 с.
21. Лаптев С.В., Филина Ф.В. Социальная ориентация экономики как условие ее долгосрочной эффективности. *Труд и социальные отношения*. 2016. №5. С. 15-26.
22. Экономика общественного сектора: учебник для вузов под ред. Л.И. Якобсона, М.Г. Колосницыной. М.: Издательство Юрайт, 2014. 558 с.
23. Samuelson P.A. The pure theory of public expenditure // *The Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. No. 4. P. 387-389.

References

1. Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M. Efficiency and quality of management of state property in the context of national goals. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021; (5):31-56. (In Russ.)
2. Antonovskaya E.A., Egorova N.N., Petrova S.V. On the question of the efficiency of state property management of a subject of the Russian Federation. *Fundamental research*. 2021; (11):16-20. (In Russ.) DOI 10.17513/fr.43115.
3. Olson M. *The logic of collective action. Public goods and group theory*. Translated from English. Moscow: Economic Initiative Fund, 1995; 174 p. (In Russ.)

4. Hardin G. The Tragedy of the Commons. *Science, New Series*. 1968; 162 (3859): 1243-1248.
5. Ostrom E. *Managing the common: the evolution of institutions of collective activity*. Moscow: IRISEN, Thought, 2010; 447 p. (In Russ.)
6. James J. A. Preliminary Study of the Size Determinant in Small Group Interaction. *American Sociological Review*. 1951; (16):474-477.
7. Markvart E. The effectiveness of public property management. *Problems of theory and practice of management*. 2014; (6):17-26. (In Russ.)
8. Soloviev M.M., Koshkin L.I. Problems of evaluating the effectiveness of state property management. *Management in Russia and Abroad*. 2008; (4):32-46. (In Russ.)
9. Urusova I.N. Economic interests in the system of property relations. *Economic Journal*. 2008; (15):37-46. (In Russ.)
10. Lebedeva N.N. *Institutional economics: A textbook for bachelors*. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov & Co", 2014; 208 p. (In Russ.)
11. Sitnikova Yu.V. Property as an economic phenomenon. *Vestnik of Samara State University*. 2006; 10/1(50):185-189. (In Russ.)
12. Cheremnykh L.G. Features of the selection of a hired manager. *Academic Bulletin*. 2012; 3(21):117-119. (In Russ.)
13. Kasyuk E.A. Internal corporate control: principles and integration of approaches to the organization. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 2014; (3):38-44. (In Russ.)
14. Dolgopyatova T.G. Models of corporate control at Russian enterprises (experience of empirical analysis). *Universe of Russia*. 2001; (3):121-137. (In Russ.)
15. Pivovarova O.V. Public responsibility in the field of state property management: necessity and formation conditions. *State and municipal management. Scholar notes*. 2017; (1):255-260. (In Russ.)
16. Lenin V.I. *Remarks on the second draft of Plekhanov's program. The complete works: in 55 volumes*. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1963. Vol. 6. (In Russ.)
17. Vankevich A.I. Reflection of property relations in economic categories and laws. *Bulletin of the BNTU*. 2007; (5):78-82. (In Russ.)
18. Kononkova N.P. *Theory and practice of state ownership*. Moscow: MAKS Press, 2010; 173 p. (In Russ.)
19. Epinina V.S. Priority directions for the development of the participatory mechanism of Russian public administration. *National Interests: Priorities and Security*. 2013; (3):52-59. (In Russ.)
20. Pivovarova O.V. *Management of socio-economic development of municipality: features and directions of improvement*. Moscow: Limited Liability Company "KnoRus Publishing House", 2022; 246 p. (In Russ.)
21. Laptev S.V., Filina F.V. Social orientation of economy as a condition of its long-term efficiency. *Labour and Social Relations*. 2016; (5):15-26. (In Russ.)
22. *Economics of the public sector: a textbook for universities, edited by L.I. Yakobson, M.G. Kolosnitsyna*. Moscow: Yurait Publishing House, 2014; 558 p. (In Russ.)
23. Samuelson P.A. The pure theory of public expenditure. *The Review of Economics and Statistics*. 1954. 36(4):387-389.

Информация об авторе

О. В. Пивоварова – кандидат экономических наук, заместитель директора Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about author

O. V. Pivovarova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Director, Institute of Regional Economy and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 04.07.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Картографирование сегментов экономической экосистемы территории

Евгений Васильевич Попов¹, Игорь Павлович Челак²,
Максим Михайлович Скворцов^{3, 4}

^{1, 2, 3}Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия

⁴Правительство Тюменской области, Тюмень, Россия

¹popov-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5513-5020>

²chelak-ip@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8770-0533>

³mmskvr@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-7807-9313>

Аннотация

Актуальность. Стремительное внедрение цифровых технологий в хозяйственную деятельность обозначило новую парадигму экономического анализа – анализ экономических экосистем. Актуальность структурного изучения экономических экосистем территорий обусловлена как слабой проработкой данной темы в мировой и отечественной научной литературе, так и практической потребностью формирования научно-обоснованных стратегий социально-экономического развития территорий.

Цель. Целью настоящего исследования является разработка методики картографирования экономической экосистемы территории.

Материалы и методы. Объектом настоящего исследования является экономическая экосистема территории. Предмет исследования – экономические отношения по развитию экономической экосистемы территории на основе картографирования ее элементов. Информационной базой исследования выступили научные публикации, проиндексированные в базах данных Scopus и РИНЦ, а также авторские результаты по публичному управлению развитием экономических экосистем. В качестве метода исследования применен метод логического системного анализа.

Результаты. В результате проведенного исследования предложена схема карты отрасли и сферы деятельности экономической экосистемы, включающая показатели, участников, продукты деятельности, тенденции развития, экспертов оценки и выводы по развитию данной сферы экономической активности. Разработан алгоритм картографирования экономической экосистемы территории, включающий в себя этапы сегментации, формирования карт отраслей, оценку проектов развития и формирование стратегии социально-экономического развития территории. На примере развития Тюменской области показана применимость картографирования сегментов экономической экосистемы территории для публичного управления развитием различных сфер деятельности. Новизна настоящего исследования заключается в разработке авторского подхода к картографированию сегментов экономической экосистемы территории, развивающей теорию моделирования структуры и развития элементов экономических экосистем.

Ключевые слова: экономическая экосистема, территория, картографирование, стратегии социально-экономического развития, карта отрасли

Для цитирования: Попов Е. В., Челак И. П., Скворцов М. М. Картографирование сегментов экономической экосистемы территории // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 101–110. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-101-110>. EDN ICBHLLB

Mapping of segments of the economic ecosystem of the territory

Evgeny V. Popov¹, Igor P. Chelak², Maksim M. Skvortsov^{3, 4}

^{1, 2, 3}Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

⁴Government of the Tyumen Region, Tyumen, Russia

¹popov-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5513-5020>

²chelak-ip@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8770-0533>

³mmskvr@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-7807-9313>

Abstract

Relevance. The rapid introduction of digital technologies into economic activity has marked a new paradigm of economic analysis – the analysis of economic ecosystems. The relevance of the structural study of the economic ecosystems of territories is due to both the weak elaboration of this topic in the world and domestic scientific literature, and the practical need for the formation of scientifically based strategies for the socio-economic development of territories.

Goal. The purpose of this study is to develop a methodology for mapping the economic ecosystem of the territory.

Materials and methods. The object of this study is the economic ecosystem of the territory. The subject of the study is economic relations for the development of the economic ecosystem of the territory on the basis of mapping its elements. The information base of the research was scientific publications indexed in the Scopus and RSCI databases, as well as the author's results on public management of the development of economic ecosystems. The method of logical system analysis is used as a research method.

Results. As a result of the conducted research, a scheme of a map of the industry and sphere of activity of the economic ecosystem is proposed, including indicators, participants, products of activity, development trends, assessment experts and conclusions on the development of this sphere of economic activity. An algorithm for mapping the economic ecosystem of the territory has been developed, which includes the stages of segmentation, the formation of maps of industries, the assessment of development projects and the formation of a strategy for the socio-economic development of the territory. Using the example of the development of the Tyumen region, the applicability of mapping segments of the economic ecosystem of the territory for public management of the development of various fields of activity is shown. The novelty of this study lies in the development of the author's approach to mapping segments of the economic ecosystem of the territory, which develops the theory of modeling the structure and development of elements of economic ecosystems.

Keywords: economic ecosystem, territory, mapping, socio-economic development strategies, industry map

For citation: Popov E. V., Chelak I. P., Skvortsov M. M. Mapping of segments of the economic ecosystem of the territory. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):101–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-101-110>. EDN ICBHLB

Введение

Стремительное внедрение цифровых технологий в экономическую деятельность привело к появлению новой парадигмы экономического анализа - анализа экономических экосистем. Под экосистемой понимается внешняя среда объекта анализа, включающая не только экономические взаимодействия, но и другие факторы, влияющие на экономическую деятельность. Оценка и моделирование экономических экосистем – сложная исследовательская задача, требующая сочетания количественных и качественных аспектов экономической деятельности. Родоначальником термина «экосистема» применительно к бизнесу принято считать Дж. Мура, который определил экосистему как «экономическое сообщество, поддерживаемое базисом из взаимодействующих организаций и отдельных лиц» [1].

За последнюю четверть века количество исследований, посвященных экономическим экосистемам, значительно увеличилось, но результатов исследований по структурному анализу экономических экосистем на территориях не было получено. Это создает проблему при моделировании структуры экономической экосистемы на территории. Одним из плодотворных подходов к решению этой проблемы является картографическое представление развития отдельных компонентов экосистемы. Таким образом, целью данного исследования является разработка методологии картографирования экономической экосистемы территории.

Особенности картографирования экосистемы территории

Что такое картографирование? Межгосударственный стандарт ГОСТ 21667-76 «Картография. Термины и определения»¹ даёт следующие определения. Картография – область науки, техники и производства, охватывающая изучение, создание и использование картографических произведений. Картографирование – это процесс создания карты или серии карт, представляющих область, такую как территория, водный объект или небесное тело. Объектом картографирования является объект или явление, которое изображается на карте в соответствии с правилами и спецификациями картографической программы или атласа. Результатом картографирования является набор карт, представляющих собой уменьшенные и обобщенные изображения поверхности Земли или других небесных тел, созданные с использованием картографической проекции. На этих картах объекты, расположенные на поверхности, обозначены системой условных обозначений. С точки зрения ГОСТ (организации по стандартизации), картографирование определяется как процесс, который включает в себя изучение конкретных объектов или явлений с целью создания карт в соответствии с заранее заданной программой и отображения их с использованием согласованной системы символов.

Границы понятия «карта» давно вышли за рамки географии. Картой можно считать любое схематическое изображение, отвечающее установленным требованиям и соответствующее определенной системе обозначений. Например, существуют карты процессов, технологические карты, когнитивные карты, семантические карты и другие. В предлагаемой нами концепции экосистемного подхода карта представляется как совокупность значимых заинтересованных сторон социально-экономической экосистемы, включающих промышленные, предпринимательские, региональные, инновационные и отраслевые сообщества, взаимодействующих друг с другом посредством деловых, социальных и институциональных связей [2]. Если для формирования разных карт используется свои методы, то и процесс картографирования экосистемы территории может иметь свои особенности.

Если для создания разных карт используются разные методы, то процесс создания карты экосистемы территории может иметь свои уникальные особенности. Под экосистемой территории мы понимаем географически ориентированную, динамичную, самоорганизующуюся и развивающуюся систему партнеров, основанную на взаимовыгодном сотрудничестве между заинтересованными сторонами с учетом интересов гражданского общества, правительства, бизнеса, науки, образования и СМИ [3]. Карта экосистемы территории, по замыслу авторов, включает в себя, по аналогии с атласом, карты отраслей и видов деятельности территории, список приоритетных проектов развития и планов по их реализации, а также описание желаемого долгосрочного состояния развития. Содержание этой карты позволяет сформировать стратегию социально-экономического развития, которая соответствует законодательству о стратегическом планировании в России².

Чтобы составить карту экосистемы территории, необходимо определить основные сферы деятельности и отрасли, представленные на этой территории, создать карты отраслей и понять целевое состояние развития территории, а также приоритетные проекты, необходимые для его достижения. Особенностью этого подхода является вовлечение заинтересованных сторон, таких как отраслевые/межотраслевые участники и эксперты, в стратегический диалог. Это обеспечивает всестороннее и общее понимание тенденций и перспектив развития экосистемы территории, а также вовлечение стейкхолдеров в реализацию проектов развития и их постоянную адаптацию к меняющимся обстоятельствам. Картографирование экосистемы территории – это процесс, который включает изучение отраслей и сфер деятельности при постоянном привлечении заинтересованных сторон для создания гибкой стратегии развития экосистемы территории.

С точки зрения инвесторов, крайне важно обеспечить эффективность использования ресурсов и процессов, а также повысить уровень доверия к управлению экосистемой. Именно это и определяет необходимость управления развитием экосистемы [4]. В свою очередь, пространственная взаимозависимость между экологическими и социально-экономическими процессами на территории также влияет на управление развитием экосистем. Это и создает уникальный контекст для разработки стратегий планирования и политических мер [5]. По аналогии с экосистемой фирмы, для управления экосистемой территории для органов власти могут быть выделены пять основных возможностей –

¹ Межгосударственный стандарт ГОСТ 21667-76 Картография. Термины и определения, 1977. <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4294832/4294832008.pdf>

² Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) "О стратегическом планировании в Российской Федерации". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

сотрудничество и создание сетей, определение возможностей развития, предпринимательская ориентация, управление знаниями и стратегическая гибкость [6].

Прозрачность управленческих решений, основанных на обратной связи от элементов экосистемы, являются преимуществом государственного управления развитием экосистемы территории. Такой подход также обеспечивает наиболее полное рассмотрение различных аспектов экономической деятельности, а публичность такого управления обеспечивает общественную легитимность принимаемых решений. Этот процессно-ориентированный подход помогает продемонстрировать ряд качеств, которые менеджеры ценят в стратегических инструментах [7], включая пошаговый систематический анализ ситуации с учетом разных точек зрения (разных действующих лиц) [8], изучение связей между взаимосвязанными элементами системы, уделяя особое внимание критическим факторам, которые могут определить успех экосистемы, а также потенциально выявляя потребности в дополнительных данных.

Если сердцем традиционной стратегии является поиск конкурентных преимуществ, то сердцем стратегии формирования экосистемы является поиск согласованности. Ценность, редкость и неподражаемость ресурсов находят свой аналог в многостороннем партнерстве, а устойчивость преимуществ в равной степени связана с поддержанием отношений, как и со сдерживанием конкурентов. Хотя статус, размер и возможности фирм явно влияют на их способность действовать и формировать взаимозависимость, статус, размер и возможности могут привести организацию только к определенному результату [9].

Как же можно отражать структуру экономической экосистемы с помощью картографирования?

А. В. Тебекин с соавторами [10], отталкиваясь от концепции картографии как науки об исследовании, моделировании и картографировании пространственных местоположений, объединении и взаимосвязи объектов, природных и социальных явлений, определяет "картографирование" как процесс фиксации результатов исследований, отмечая его широкое применение благодаря своей ассоциативной метафоре. Важно отметить, что дорожные карты стратегических перспектив развития, полученные в процессе составления карт, могут стать методологией преодоления экономических кризисов. Кроме того, в этой статье, основываясь на интересном примере из военной истории, дано суждение, что само по себе наличие карты, даже если она не является точной, стимулирует поиск путей достижения цели.

М. Талмар с соавторами [11] предложил использовать «Модель экосистемного пирога» (ЕРМ) как стратегический инструмент для картирования, анализа и проектирования (то есть моделирования) инновационных экосистем. ЕРМ позволяет составить карту и проанализировать конкретную экосистему для оценки инвестиционных возможностей и разработки политики финансирования исследований. При этом ЕРМ позволяет направлять стратегический процесс одного участника и обеспечивать инклюзивность в разработке стратегии для всех участников. То есть, Талмар использует картографирование как один из инструментов для составления пространственной схемы экосистемы, являющейся частью модели и основой для стратегического планирования.

Т. Мануазевал с соавторами [12] использовали «mapping» (картирование или картографирование) для составления карты экосистемы цифрового здравоохранения в Африке и ее основных аспектов в контексте эндемических инфекционных и неинфекционных заболеваний. Полученные результаты дают представление о том, в каких областях правительствам следует уделять приоритетное внимание внедрению цифровых технологий в здравоохранение для ускорения достижения целей устойчивого развития ООН к 2030 г. в Африке. Однако исследований по картированию экономических экосистем недостаточно. Следовательно, можно сформулировать научную проблему отсутствия методологии картографирования экономических экосистем территорий. Мы решим эту проблему в рамках данного исследования.

Методология исследования

Объектом настоящего исследования является экономическая экосистема территории. Предмет исследования – экономические отношения по развитию экономической экосистемы территории на основе картографирования ее элементов.

Обширная научная литература и практика современного менеджмента демонстрируют значительный интерес к развитию экосистемного подхода, особенно в бизнесе. Тем не менее, потенциал управления экосистемами как основы для стратегического уровня управления применим и к государственному управлению социально-экономическими процессами, хотя это недостаточно отражено в научных публикациях. Таким образом, целями данного исследования являются разъяснение

концепций экономической экосистемы территории и ее картографирование, выявление преимуществ и обоснование необходимости картографирования для понимания характеристик и управления развитием экосистемы, а также оценка влияния цифровых и коммуникационных технологий на динамику экосистемы. Установлено, что экосистемное картирование прежде всего основывается на стейкхолдерском представлении карты как набора значимых заинтересованных сторон социально-экономической общности, основанного на взаимодействии субъектов хозяйствования, социально-экономических и институциональных связях [13]. Содержание экосистемной карты территории позволяет нам сформировать стратегию социально-экономического развития. Мы предлагаем рассматривать картографирование экосистемы территории как процесс изучения различных отраслей и сфер деятельности с постоянным привлечением заинтересованных сторон для создания гибкой стратегии развития экосистемы территории. В качестве сегментов экономической экосистемы целесообразно выделить следующие сферы и отрасли промышленности: транспорт, образование, строительство, наука и инновации, горнодобывающая промышленность, здравоохранение и фармацевтика, сельское хозяйство, спорт, потребительский рынок, культура, энергетика, социальное обеспечение, производство продуктов питания, водоснабжение, санитария, туризм, добыча нефти и нефтепереработка, нефтехимия, связь, машиностроение, деревообработка, производство строительных материалов, металлургия и металлообработка [3]. В результате работы разработан механизм картографирования экосистемы территории, с установлением возможных направлений формирования стратегий социально-экономического развития на основе полученных экосистемных карт.

Методика картографирования экосистемы территории

При картографировании экосистемы территории мы применили метод сегментации, выделяя основные сферы деятельности и отрасли. На основе статистических данных и экспертных оценок разрабатываются карты различных отраслей и сфер деятельности региона. Типовая схема карты отрасли приведена в табл. 1.

Таблица 1 – Типовая схема карты отрасли и сферы деятельности экономической экосистемы¹

Table 1 – Model map of the economic ecosystem industries and activities

№	Наименование раздела	Содержание
1.	Показатели	Основные показатели отрасли, согласно данным органов государственной статистики, федеральных и региональных органов государственной власти, а также ведомственных источников
2.	Участники	Наиболее значимые экономические субъекты (организации, учреждения) на региональном, федеральном и глобальном уровнях, работающие в отрасли
3.	Продукт	Потребители и потребности, удовлетворяемые продукцией отрасли (результатом деятельности субъектов отрасли); сырье и ресурсы, необходимые для создания продукции; производительные силы, оценка их потенциала и состояния
4.	Тенденции	Наблюдаемые изменения в отраслевых и межотраслевых процессах, а также влияние технологических достижений, конкуренции, политических и экономических факторов на будущие перспективы развития отрасли
5.	Эксперты	Компетентные представители бизнеса, науки и власти регионального, федерального и глобального уровня, вовлекаемые в Стратегический диалог
6.	Выводы	Результаты Стратегических диалогов с экспертами, аналитика: Выявленные проблемы и способы их решения, перспективные направления развития, связи с картами других отраслей. Концепция развития отрасли, которая могла бы послужить основой для эффективной отраслевой стратегии. В этой концепции описываются потенциальные проекты, которые могли бы стимулировать рост, и меры по их реализации

¹ Разработано авторами [3].

Для реализации картографического подхода разработан алгоритм данного процесса для экономической экосистемы территории (рис. 1).

Рис. 1. Алгоритм картографирования экосистемы территории (разработано авторами)

Fig. 1. Algorithm of mapping the ecosystem of the territory (developed by the authors)

Алгоритм составления карты экономической экосистемы территории включает в себя следующие этапы:

1. Сегментация – выделение основных сфер деятельности и отраслей позволяет нам получить первичный набор карт, которые необходимо нанести на карту.

2. Формирование карт отраслей частично было описано в статье авторов [3] и состоит из аналитической части, где по заданной программе формируется набор данных по отрасли или сфере деятельности и стратегических диалогов, которые позволяют как наполнить содержанием карту отрасли с учётом мнения экспертов, так и сформировать целостное и общее понимание тенденций и перспектив развития данной отрасли или сферы деятельности. Содержание разделов карты отрасли приведены в табл. 1.

3. Оценка проектов развития. Результатом отраслевого картирования и стратегического диалога является, как минимум, разработка отраслевых концепций и, как максимум, формулирование отраслевых стратегий, которые включают список приоритетов для участников и планы действий по устранению барьеров и реализации проектов. С точки зрения заинтересованных сторон отрасли, этот список будет содержать наиболее важные цели и поручения, которые были согласованы в отношении целевых показателей и сроков. В то же время, с более широкой точки зрения экосистемы территории, весь комплекс отраслевых инициатив и мероприятий должен быть связан общими целями и сроками. Другими словами, на данном этапе цели территориальной экосистемы согласовываются между всеми заинтересованными сторонами, после чего происходит определение приоритетности отраслевых проектов. Выделяются те проекты, которые окажут наиболее существенное влияние на достижение целей экосистемы. Результатом этого этапа является общее видение будущего развития экосистемы территории и ее желаемого состояния в долгосрочной перспективе.

4. На основе результатов предыдущих этапов формируется стратегия социально-экономического развития территории.

Анализ предшествующих исследований демонстрирует отсутствие подобной методики для оценки развития элементов экономической экосистемы территории. Отсюда новизна настоящего исследования заключается в разработке авторского подхода к картографированию сегментов экономической экосистемы территории, развивающей теорию моделирования структуры и развития элементов экономических экосистем.

Возможности стратегирования развития экосистемы территории

Как картографирование экосистемы территории может повлиять на социально-экономическое развитие этой территории?

Продемонстрируем применимость авторской методики на примере развития Тюменской области.

Прогнозные карты отраслей и секторов бизнеса Тюменской области служат научной основой для стратегического планирования в государственном управлении развитием территорий. В настоящее время в регионе имеются карты по следующим направлениям: транспорт, образование, строительство, наука и инновации, горнодобывающая промышленность, здравоохранение, сельское хозяйство, спорт, потребительский рынок, культура, энергетика, социальное обеспечение, производство продуктов питания, водоснабжение, туризм, нефть и нефтехимия, связь, машиностроение, деревообработка, строительные материалы, производство металла и его обработка. Экспертные группы, состоящие из представителей правительства, бизнеса, научных кругов и сферы образования, собираются вокруг каждой карты для обсуждения стратегий развития и совместной работы над ними.

Одним из наиболее интересных применений результатов формирования и обсуждения отраслевых карт является карта «Образование». В ходе анализа демографических факторов мы обнаружили, что с ростом общей численности населения Тюменской области наблюдается негативная тенденция в увеличении доли людей с высшим образованием.

Прогноз относительно числа молодых людей в возрасте от 19 до 25 лет показывает, что в течение следующих 10 лет это число увеличится со 104 000 в 2023 г. до 185 000 в 2035 г. Однако мощность системы высшего и среднего профессионального образования составляет всего около 60 000 и 30 000 мест соответственно, что означает, что для всех этих молодых людей места не хватит. Таким образом, была выявлена проблема – многообещающий дефицит потенциала в системе подготовки кадров, который может привести к сокращению доли людей с высшим и средним профессиональным образованием, обострению проблемы дефицита квалифицированных кадров и, как следствие, ухудшению социально-экономической и демографической ситуации в стране. Эта информация значительно подкрепила обоснованность решения о создании межвузовского кампуса в Тюмени с объемом инвестиций в 34 млрд руб. Также было принято решение увеличить количество мест в профессиональных учебных заведениях на 3000 в 2024 г. Следует отметить, что диалог, основанный на отраслевых картах, о будущем развитии системы образования и профессиональной подготовки и удержании молодых талантов в регионе продолжается.

Особенности экономической экосистемы Тюменской области, можно охарактеризовать через ряд показателей, отражающих динамику социально-экономического развития региона за период с 2019 по 2023 год. За это время объем инвестиций в основной капитал превысил 1,5 трлн руб., значительная часть которых была направлена в промышленность. За последние пять лет индекс промышленного производства в регионе вырос в 1,3 раза, а индекс обрабатывающих производств – в 1,9 раза. Среди субъектов Российской Федерации Тюменская область занимает седьмое место по темпам роста обрабатывающих производств. Движущей силой этого роста является «ЗапСибНефтехим», один из крупнейших нефтехимических комплексов в стране и мире, который был запущен на Тобольской промышленной площадке в 2019 г. мощностью более 2 млн тонн полимеров в год. Нужно отметить, что это более половины всех полимеров, производимых в России.

В 2023 г. производство продукции сельского хозяйства составило около 104 млрд руб., это в 1,6 раза уровня 2018 г. (в действующих ценах). Тюменская область играет решающую роль в обеспечении продовольственной безопасности региона, регион обеспечивает потребность населения в молоке, яйце, мясе, картофеле и зерне собственного производства. Тюменская продукция поставляется в другие регионы нашей страны и за рубеж. Объем сельскохозяйственного производства на душу населения стабильно превышает среднероссийский показатель. По итогам 2023 г. регион занимает пятое место среди регионов Российской Федерации по урожайности овощей открытого грунта.

В Тюменской области создана комфортная потребительская среда, функционирует более 21 тыс. объектов потребительского рынка. За последние 5 лет туристический поток составил более 15 млн посетителей, в том числе 3,6 млн только за 2023 г. Рост в 1,3 раза к 2018 г. За последние 5 лет заработная плата выросла на 58,5 % (или на 26,3 тыс. руб.), достигнув в 2023 г. 71,2 тыс. руб. Увеличение

среднедушевого дохода населения за тот же период – на 44,9 %, или на 13,2 тыс. руб. Уровень безработицы неуклонно снижается, а число занятых в малом и среднем бизнесе увеличилось на 20,5 % по сравнению с 2020 г. Сейчас это число составляет 316,1 тыс. чел. (Тюменская область присоединилась к эксперименту по введению специального налогового режима).

Численность населения региона за период с 2019 по 2023 год увеличилась на 60 тыс. человек, или на 3,9 %, с учетом перерасчета по результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. Объем валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в 2022 г. увеличился на 22,8 % по сравнению с 2018 г. Все меры, принимаемые на региональном уровне, направлены на создание комфортных условий проживания и социально-экономической стабильности. Это подтверждается лидирующими позициями региона в Рейтинге качества жизни, который был сформирован Агентством стратегических инициатив. По итогам 2023 г. регион вошел в тройку лидеров этого рейтинга. Следует также отметить, что для улучшения положительной динамики регионального развития внедряются подходы государственного управления.

Картирование сегментов экономической экосистемы на территории формирует основу для государственного управления развитием различных отраслей Тюменской области. Выявляя слабые стороны и тенденции с помощью алгоритма картографирования, становится возможным принимать стратегические решения относительно развития конкретных сегментов экономической экосистемы региона.

Заключение

В рамках данного исследования была разработана методология картографирования экономической экосистемы территории. Для достижения этой цели было предпринято несколько теоретических и практических шагов.

Во-первых, были проанализированы предыдущие исследования экономических экосистем и выявлена научная проблема: отсутствие системного подхода к картографированию экономических экосистем территорий.

Во-вторых, была предложена типовая модель карты экономической экосистемы, включающая показатели, заинтересованные стороны, продукты, тенденции развития, мнения экспертов и выводы о развитии сферы.

В-третьих, был создан алгоритм картографирования экономической экосистемы на территории, состоящий из таких этапов, как сегментация, отраслевое картографирование, оценка проектов развития и формулировка стратегии социально-экономического развития.

В-четвертых, на примере развития Тюменской области продемонстрирована применимость картографирования сегментов экономической экосистемы территории для государственного управления развитием различных сфер деятельности. Теоретическая значимость полученных результатов заключается в разработке авторской методологии картографирования сегментов экономической экосистемы, которая вносит вклад в теорию анализа различных объектов экономической деятельности. Практическая значимость этих результатов заключается в создании прикладного инструмента для разработки стратегий социально-экономического развития.

Список источников

1. Moore J.F., «The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems», New York: Harper Collins, 1997.
2. Попов Е. В., Челак И. П., Скворцов М.М. Направления экономического анализа по результатам картографирования экосистемы территории // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22. № 11(542). С. 2078–2099. <https://doi.org/10.24891/ea.22>
3. Попов Е. В., Скворцов М. М. Публичное управление развитием экосистемы территории // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 3. С. 10–27. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.3.125.2>
4. Z. Dobrowolski, Ł. Sułkowski, P. Adamisin. Innovative ecosystem: the role of lean management auditing // Marketing and Management of Innovations. 2022. Т. 3. Р. 9–20. <http://dx.doi.org/10.21272/mmi.2022.3-01>
5. Hazell E. C. Disaggregating ecosystem benefits: An integrated environmental-deprivation index // Sustainability. 2020. Vol. 12. № 7589. P. 1–20, <https://doi.org/10.3390/su12187589>

6. J. Kim, B. Paek, H. Lee. Exploring innovation ecosystem of incumbents in the face of technological discontinuities: automobile firms // *Sustainability*. 2022. Т. 14. № 1606. P. 1–15. <https://doi.org/10.3390/su14031606>
7. Jarzabkowski P., Kaplan S. Strategy tools-in-use: A framework for understanding “technologies of rationality” in practice // *Strategic Management Journal*. 2015. Т. 36. № 4. P. 537–558. <https://doi.org/10.1002/smj.2270>
8. Wright R. P., Paroutis S. E., Blettner D. P. How Useful Are the Strategic Tools We Teach in Business Schools? // *Journal of Management Studies*. 2013. Т. 50. № 1. P. 92–125. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2012.01082.x>
9. Adner R. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy // *Journal of Management*. 2017. Т. 43. № 1. P. 39–58. <https://doi.org/10.1177/0149206316678451>
10. Тебекин А. В., Тебекин П. А., Егорова А. А. Картографирование как исходный фрейм к дорожной карте познания стратегических перспектив развития // *Журнал экономических исследований*. 2022. Т. 8. № 3. С. 3–16. EDN MKTKMX. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49275612>
11. M. Talmar, B. Walrave, K.S. Podoynitsyna, J. Holmström, A. Georges, L. Romme. Mapping, analyzing and designing innovation ecosystems: The Ecosystem Pie Model // *Long Range Planning*. 2020. Т. 53. № 4. <https://doi.org/10.1016/j.lrp.2018.09.002>
12. Manyazewal T., Ali M.K., Kebede T., et al. Mapping digital health ecosystems in Africa in the context of endemic infectious and non-communicable diseases, *npj Digit. Med.*, т. 6, № 97, 2023. <https://doi.org/10.1038/s41746-023-00839-2>
13. Chelak I., Popov E., Skvortsov M. Ecosystems of smart territories: cartographic and economic analysis tools, *E3S Web of Conferences*, т. 474, № 03002, pp. 1–8, 2024. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202447403002>

References

1. Moore J. F. *The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems*. New York: Harper Collins; 1997.
2. Popov E. V., Cholak I. P., Skvortsov M.M. Directions of economic analysis based on the results of mapping ecosystems of the territory. *Economic analysis: theory and practice*. 2023;22(11(542)):2078–2099. <https://doi.org/10.24891/ea.22> (In Russ.)
3. Popov E. V., Skvortsov M. M. Public management of the territory ecosystem development. *Problems of territory development*. 2023;27(3):10–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.3.125.2Z>.
4. Dobrowolski, Ł. Sułkowski, P. Adamisin. Innovative ecosystem: the role of lean management auditing. *Marketing and Management of Innovations*. 2022;(3):9–20. <http://dx.doi.org/10.21272/mmi.2022.3-01>
5. Hazell E. C. Disaggregating ecosystem benefits: An integrated environmental-deprivation index. *Sustainability*. 2020;12(7589):1–20. <https://doi.org/10.3390/su12187589>
6. J. Kim, B. Paek, H. Lee. Exploring innovation ecosystem of incumbents in the face of technological discontinuities: automobile firms. *Sustainability*. 2022;14(1606):1–15. <https://doi.org/10.3390/su14031606>
7. Jarzabkowski P., Kaplan S. Strategy tools-in-use: A framework for understanding “technologies of rationality” in practice. *Strategic Management Journal*. 2015;36(4):537–558. <https://doi.org/10.1002/smj.2270>
8. Wright R. P., Paroutis S. E., Blettner D. P. How Useful Are the Strategic Tools We Teach in Business Schools? *Journal of Management Studies*. 2013;50(1):92–125. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2012.01082.x>
9. Adner R. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy. *Journal of Management*. 2017; 43(1):39–58. <https://doi.org/10.1177/0149206316678451>
10. Tebekin A. V., Tebekin P. A., Egorova A. A. Mapping as a kind of frame for the roadmap of knowledge of strategic development prospects. *Journal of Economic Research*. 2022;8(3):3–16. EDN MKTKMX. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49275612>

11. Talmar M., Walrave B., Podoyntsyna K.S., Holmström J., Georges A., Romme L. Mapping, analyzing and designing innovation ecosystems: The Ecosystem Pie Model. *Long Range Planning*. 2020;53(4). <https://doi.org/10.1016/j.lrp.2018.09.002>

12. Manyazewal T., Ali M.K., Kebede T., et al. Mapping digital health ecosystems in Africa in the context of endemic infectious and non-communicable diseases, npj. *Digit. Med.*, 2023;6(97). <https://doi.org/10.1038/s41746-023-00839-2>

13. Chelak I., Popov E., Skvortsov M. Ecosystems of smart territories: cartographic and economic analysis tools. *E3S Web of Conferences*. 2024;474(03002):1-8. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202447403002>

Информация об авторах

Е. В. Попов – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

И. П. Челак – кандидат экономических наук, заместитель декана факультета государственного и муниципального управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

М. М. Скворцов – соискатель ученой степени, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС; директор Департамента экономики Правительства Тюменской области.

Information about the authors

E. V. Popov – Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Director of the Center for Socio-Economic Investigations, Ural Institute of Management – branch of RANEPА.

I. P. Chelak – Cand. Sci. (Econ.), Deputy Dean of the Faculty of State and Municipal Management, Ural Institute of Management – branch of RANEPА.

M. M. Skvortsov – Candidate for an Academic Degree, Ural Institute of Management – branch of RANEPА; Director of the Department of Economics of the Government of the Tyumen Region.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Формирование национального бренда России в контексте соответствия его структурных элементов социально-экономической стратегии развития страны

Марина Викторовна Чараева¹, Лаура Самвеловна Эксузян²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, mvcharaeva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6482-8777>

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
lekrostov@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования авторы видят в следующем: геополитические события привели к тому, что в глазах мирового сообщества национальный бренд России потерял свою устойчивость, имидж страны существенно снизился, ухудшилось отношение к россиянам со стороны таких же обычных граждан некоторых стран. Исследования показывают, что все это предопределено высоким уровнем субъективности информации, которую получают люди по всему миру в отношении действий и мотивов действий России в последние годы. Поэтому на первый план выходят задачи совершенствования медиакоммуникационной политики России на территории других государств, позиционирования социально-экономических векторов развития страны через призму национального брендинга. В этой связи авторами были поставлены и решены следующие задачи: 1) идентифицировать структуру и содержание национального бренда России; 2) определить элементный состав механизма формирования и продвижения национального бренда в меняющейся геополитической реальности.

Результаты исследования состоят в том, что: 1) идентифицирована структура национального бренда, которая является многомерной и многокомпонентной, но ключевым её элементом выступает медийная культура российских и западных СМИ, других средств информации, которые транслируют последовательный образ России и формируют общественное мнение относительно ключевых элементов национального бренда, что даёт возможность позиционировать страну на мировой арене, демонстрировать политические, экономические и имиджевые преимущества; 2) определён элементный состав механизма формирования национального бренда России, который включает: ряд показателей – культурно-социальных, политико-конъюнктурных и экономических, ценности патриотизма, доверие к власти и её легитимности, социальный капитал, коммуникативный капитал, смысловую целостность, что позволяет запустить государственные программы, направленные на обеспечение работы механизма и создать предпосылки устойчивости и глобальному позиционированию национального бренда России.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что национальный бренд – это не только семантическое отражение национального кода и идентичности, но и основа представления социально-экономических приоритетов и направлений стратегического развития страны в геополитическом пространстве.

Ключевые слова: национальный бренд, геополитика, социально-экономическое развитие страны, СМИ, медиакоммуникации, конкурентоспособность

Для цитирования: Чараева М. В., Эксузян Л. С. Формирование национального бренда России в контексте соответствия его структурных элементов социально-экономической стратегии развития страны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 111–116. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-111-116>. EDN IPBORM

Formation of the national brand of Russia in the context of compliance of its structural elements with the socio-economic development strategy of the country

Marina V. Charaeva¹, Laura S. Eksuzian²

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, mvcharaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6482-8777>

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, lekrostov@mail.ru

Abstract. *The authors see the relevance of the research topic* in the following: geopolitical events have led to the fact that in the eyes of the world community, Russia's national brand has lost its stability, the country's image has significantly decreased, and the attitude towards Russians from the same ordinary citizens of some countries has worsened. Research shows that all this is predetermined by the high level of subjectivity of the information that people around the world receive regarding Russia's actions and motives in recent years. Therefore, the tasks of improving Russia's media communication policy on the territory of other states, positioning the socio-economic vectors of the country's development through the prism of national branding come to the fore. In this regard, the authors have set and solved the following tasks: 1) identify the structure and content of the national brand of Russia; 2) determine the elemental composition of the mechanism for the formation and promotion of the national brand in the changing geopolitical reality.

The results of the study are that: 1) the structure of the national brand has been identified, which is multidimensional and multicomponent, but its key element is the media culture of Russian and Western media, other media that broadcast a consistent image of Russia and form public opinion regarding the key elements of the national brand, which makes it possible to position the country on the world stage, demonstrate political, economic and image advantages; 2) the elemental composition of the mechanism for the formation of the national brand of Russia has been determined, which includes: a number of indicators – cultural, social, political, conjunctural and economic, values of patriotism, trust in government and its legitimacy, social capital, communicative capital, semantic integrity, which allows launching state programs aimed at ensuring the operation of the mechanism and creating prerequisites sustainability and global positioning of the national brand of Russia. Thus, it seems possible to state that a national brand is not only a semantic reflection of the national code and identity, but also the basis for representing the socio-economic priorities and directions of the country's strategic development in the geopolitical space.

Keywords: national brand, geopolitics, socio-economic development of the country, mass media, media communications, competitiveness

For citation: Charaeva M. V., Eksuzian L. S. Formation of the national brand of Russia in the context of compliance of its structural elements with the socio-economic development strategy of the country. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):111-116. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-111-116>. EDN IPBORM

В настоящее время роль национального бренда во внешнеполитических и внутренних процессах развития страны все больше возрастает и представляет собой уже не просто инструмент обеспечения конкурентоспособности страны в глобальном пространстве, а символ национальной устойчивости и безопасности, который будет оказывать влияние на многие внутренние социально-экономические процессы еще в течение длительного периода времени.

Проблематика рассматриваемой предметной области включает, прежде всего, решение задачи соответствия установок национального брендинга направлениям стратегического развития государства. В этом контексте целесообразно определить методологию его построения, с учётом позиционирования страны в геополитическом пространстве и элементный состав в рамках семантической целостности категориально-понятийного аппарата.

Методологическое построение национального бренда предполагает на первом этапе формирование системы базовых национальных ценностей, которые распространяются как внутри страны, так и за ее пределами. На втором этапе создается конкурентная идентичность бренда, основывающаяся на наиболее сильных конкурентных позициях государства в мировом социально-экономическом и культурном пространстве. Завершающий третий этап предполагает формирование имиджа государства в глазах мирового сообщества и обеспечение устойчивости основных компонентов национального бренда.

В том случае, если миссия государства как ключевого интегратора всех реализуемых национальных стратегий и политик отсутствует, сформулировано нечетко или преследует соблюдение интересов только определенной группы людей, национальный бренд будет формироваться стихийно, и, скорее всего, будет связан с негативным восприятием страны.

В научной и научно-популярной литературе нет определенного единства мнений относительно того, каков конкретный состав компонентов национального бренда, в связи с чем считаем целесообразным в рамках исследования провести анализ разных точек зрения, которые для удобства объединены в табл. 1.

Таблица 1 – Подходы к рассмотрению поэлементного состава национального бренда¹

Table 1 – Approaches to the consideration of the element composition of the national brand

Источник	Поэлементный состав			
	1	2	3	4
Anholt S., 2013 [1]	Государство	Туризм	Экспорт	
	Люди	Инвестиции	Культура	
Dinnie K., 2008 [2]	Идентичность	Имидж национального бренда		
Picazo P., Moreno-Gil S., 2019 [3]	Реальный имидж национального бренда	Проектируемый имидж национального бренда		
Каганович А. А., 2018 [4]	Политический бренд	Экономический бренд	Культурный бренд	
Курсаева О. А., 2021 [5]	Коммуникация бренда	Актуальность бренда	Уникальность бренда	
		Система управления брендом		
Глинская И. Ю., 2013 [6]	Товары локального производства	Товарные бренды	Личности и достопримечательности	
Тюкаркина О. М., 2011 [7]	Экспортная и внешне-экономическая политика	Туристическая политика	Культурная политика	
Соловьева-Балаян Д. И., 2022 [8]	Продукты-бренды	Территории-бренды	События-бренды	

Очевиден принципиально разный подход со стороны ученых в восприятии структурного содержания национального бренда, однако независимо от того, национальный бренд какой страны анализируется, можно применять любой из представленных подходов, хотя классическим и наиболее часто встречающимся на практике будет подход, предложенный С. Анхольтом, так как он позволяет не только совместить политику с национальным брендом по различным направлениям, но и закладывает основу разработки системы количественно измеримых показателей, по которым потом можно будет судить об эффективности мероприятий, направленных на формирование, позиционирование и продвижение национального бренда.

Национальный бренд России следует рассматривать с двух точек зрения – как бренд, который представлен на внутреннем рынке и как бренд, представленный в международном пространстве на глобальных мировых рынках. Бренд «Россия», таким образом, это не страна Россия, а образ этой страны, который сложился отчасти в результате усилий тех, кто его целенаправленно формировал, отчасти в результате действий иных факторов, им не подвластных.

На внешнем рынке брендом «Россия» является некоторая семантическая целостность, куда входят на равных представления о территории и населении, правительстве и культуре, политическом режиме, правителях и правящих группах. В каждой политической ситуации любой из этих элементов может замещать или репрезентировать бренд в целом.

В последние годы, особенно после 2022 г., самообраз России и ее образ в глазах значимых оппонентов стали зеркально-противоположными. Исследования Левада-центра показывают, что на протяжении тех лет, когда Россия находится под санкциями, неизменным остается то, что россияне не видят сильного ущерба от этих санкций и большинство (2/3 населения) утверждают, что страна не должна менять свою политику ради их отмены. Разговоры об импортозамещении идут давно, россияне его в принципе оценивают положительно, особенно в отношении производства продовольствия. Однако на внешних мировых рынках бренд «Россия» потерпел существенный спад, в чем не последнюю

¹ Составлено авторами по материалам исследования.

роль сыграли средства массовой информации, вещающие, в том числе, и на русском языке и направленные на то, чтобы снижать имидж страны не только в глазах иностранцев, но и российских граждан.

Несмотря на то, что имидж национального бренда значительно подорван (по объективным или субъективным факторам в данном случае не имеет значения, так как восприятие бренда всегда субъективно), достаточно много российских брендов и отраслей смогли закрепиться за рубежом и создать мощный фундамент национального бренда, который впоследствии можно будет использовать для его восстановления. Россия знаменита в мире своими объемами экспорта нефти, газа, металлов, удобрений, древесины, а также черной икрой, комбайнами – но это в большей степени то, что формирует экономический бренд страны.

При этом эмоциональная составляющая национального бренда в глазах населения других стран формируется на основе знакомства с отдельными национальными брендами и личного посещения страны. В связи с этим представляется интересным остановиться на некоторых отраслях, которые хоть и не имеют значимого экспортного потенциала, но также принимают участие в формировании национального бренда путем в большей степени эмоционального воздействия на зарубежного потребителя. Так, например, талантливые шефы-энтузиасты, которые изучают мировой опыт и местную гастрономическую культуру, во многом способствовали продвижению российского гастро-бренда за рубежом. Один из самых известных таких примеров – братья Березуцкие, чей ресторан Twins Garden вошел в первую двадцатку The World's 50 Best Restaurants, а в 2021 году получил звезды гида Michelin. У братьев действительно вдохновляющая история – они родом из Краснодарского края, где учились в ПТУ делать «столовские» котлеты, затем работали в петербургском пабе, стали звездами и трендсеттерами мировой гастрономии.

Еще один яркий пример – отечественная анимация, которая сегодня привлекает миллиарды рублей инвестиций и считается перспективным направлением. Один из самых узнаваемых «символов России» за рубежом – мультфильм «Маша и Медведь». Его купили более 100 стран мира, он переведен на 40 языков, попал в Книгу рекордов Гиннеса как самый просматриваемый мультфильм, мерч с героями побивает рекорды продаж – только в 2015 г. компания-производитель «Анимакорд» заработала на этом \$225 млн, а Netflix называет проект «российским феноменом». На данный момент YouTube-канал «Маша и медведь» суммарно просмотрели более 100 млрд чел., он получил самую престижную «кнопку» YouTube – «бриллиантовую».

Мультсериал считается самым монетизируемым российским медиабрендом. Стоимость одной серии составляет около \$300 тыс., что делает его одним из самых дорогих мультсериалов в мире. Как признается продюсер проекта Дмитрий Ловейко «50% аудитории сериала, даже когда тот еще не был переведен на другие языки, была зарубежной». Все благодаря минимуму диалогов и общечеловеческому культурному коду – взаимоотношения взрослого и ребенка понятны любому.

Сложно обойти вниманием и еще один традиционно ассоциируемый с Россией у иностранцев товар – российские водочные бренды, которые по итогам 2023 г. стали самыми быстрорастущими в мире. Две российские водочные марки – «Белая березка» (ею владеет Алкогольная сибирская группа, АСГ) и «Царская» (производит Ladoga) – заняли первую и вторую строчки в глобальном рейтинге быстрорастущих брендов 2023 г. Продажи водки «Белая березка» на глобальном рынке выросли за прошлый год, по данным издания, на 54% в сравнении с 2022 г. и достигли 2 млн девятилитровых кейсов, что равняется примерно 1,76 млн декалитров. На экспортных рынках драйвером роста стало «расширение представленности» бренда в странах Средней и Юго-Восточной Азии, а также на Ближнем Востоке. Ladoga также наращивает поставки за рубеж. В прошлом году объемы экспорта вернулись на уровень 2021 г. (абсолютные цифры он не приводит). В 2023 г. компания увеличила вдвое отгрузки в Китай, а также продолжила поставлять продукцию в страны СНГ и Израиль.

Влияние иностранных туристов на формирование имиджа национального бренда сложно переоценить, а туристическая политика должна быть направлена на максимальное развитие въездного туризма, что будет не только привлекать инвестиции в эту и связанные отрасли, но и будет способствовать повышению устойчивости национального имиджа, так как у туристов будет возможность личного знакомства со страной и ее жителями, а не через призму той информации, которая подается через СМИ и преследует явные политические цели.

Туристический поток в Россию также постепенно восстанавливается – за неполные шесть месяцев 2024 г. Россию уже посетили в два с лишним раза больше туристов из-за рубежа, чем за аналогичный период прошлого года – в РФ приехали 400 тыс. иностранных туристов¹.

¹ По данным ассоциации туроператоров России [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.atorus.ru/node/57337> Дата обращения: 12.06.2024

Поток иностранных туристов в Россию по итогам 2023 г. вырос в 3,5 раза и превысил 670 000 въездов, следует из данных погранслужбы ФСБ. Лидерами по числу посещений стали туристы из Китая, Германии, Турции и ОАЭ. Всего за прошлый год иностранцы пересекли российскую границу 15,4 млн раз, что на 18,6% больше, чем в 2022 г.¹

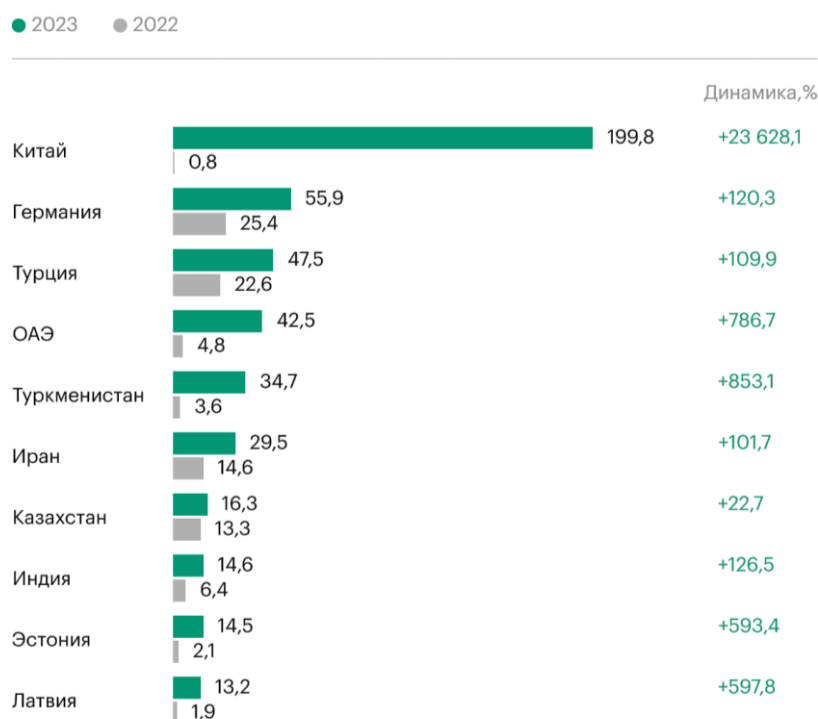

Рис. 1. Количество пересечений границы России иностранными туристами с туристическими целями, тыс. поездок в одну сторону²

Fig. 1. The number of crossings of the Russian border by foreign tourists for tourist purposes, thousand trips in one direction

Необходимо отметить, что кроме влияния текущих событий на развитие национального бренда, есть более фундаментальные процессы, предполагающие возникновение большого диапазона различных вариантов развития событий. В связи с этим большую роль начинает играть эмоциональная оболочка бренда, которая на фоне текущих событий должна быть наполнена такой структурой образа бренда и его восприятия, позволяющего сформировать сложную композицию бренда, разделяющую, например, политический и территориальный бренды.

Структурная трансформация всего геополитического пространства предполагает необходимость в рамках обеспечения устойчивости национального бренда: 1) соответствия ценностного предложения запросам населения и разработке ценностных критериев для так называемой элиты; 2) устранение социального диссонанса, что положительно скажется на восприятии национального бренда и, соответственно, обеспечит коллективную работу населения над укреплением имиджа страны в межнациональном пространстве.

Существующие на сегодняшний день модели национальных брендов не только России, но и других стран, находятся под разнонаправленным воздействием нескольких сил, представленных внутренними политическими процессами, оценкой внешней политики населением других стран и публичной дипломатией тех стран, которые являются оппонентами, поэтому национальный бренд страны может претерпевать достаточно серьезные изменения исходя из той информации, которая будет транслироваться населению.

¹ По данным Интерфакс-Россия [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/944604> Дата обращения: 12.06.2024

² ФСБ раскрыла данные по поездкам иностранцев в Россию // РБК. 2024 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/03/02/2024/65bcba99a79474ea327c8de> Дата обращения: 12.06.2024

Таким образом, для России сейчас является актуальным вопрос восстановления образа национального бренда через выстраивание грамотной информационной политики, обеспечения системности взаимодействия ее отдельных фрагментов и придание национальному бренду конкурентной идентичности. Стратегия развития бренда России должна опираться на долгосрочные приоритеты страны, заключающиеся в сохранении единства, обеспечении социально-экономического развития и построения социально-ориентированного государства.

Список источников

1. Anholt S. 2013 Beyond the nation brand: The role of image and identity in international relations. *The Journal of Public Diplomacy* 2 (1): 6–12.
2. Dinnie K. 2008 *Nation Branding. Concepts, Issues, Practice*. Oxford: Butterworth-Heinemann.
3. Picazo P., Moreno-Gil S. 2019. Analysis of the projected image of tourism destinations on photographs: A literature review to prepare for the future. *Journal of Vacation Marketing* 25 (1): 3–24.
4. Каганович А. А. Сущностные характеристики и компоненты национального брендинга: формирование бренда современной России в условиях глобальной конкуренции // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. № 2. С. 288–297.
5. Кусраева О. А. Национальный бренд и конкурентоспособность компаний: альтернативный подход к национальному брендингу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2021. № 20 (1). С. 30–57.
6. Глинская И. Ю. Территориальный брендинг – механизм формирования бренда России // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2013. № 4 (20).
7. Тюкаркина О. М. Роль национального брендинга в формировании внешнеполитического имиджа современной России // Власть. 2011. № 12. С. 111–114.
8. Соловьева-Балаян Д. И. Проблема теоретического исследования и практического применения концепции национального брендинга в Российской Федерации // Вестник ПАГС. 2022. № 2. С. 106–119.

References

1. Anholt S. Beyond the nation brand: The role of image and identity in international relations. *The Journal of Public Diplomacy*. 2013;2 (1): 6-12.
2. Dinnie K. *Nation Branding. Concepts, Issues, Practice*. Oxford: Butterworth-Heinemann. 2008.
3. Picazo P., Moreno-Gil S. Analysis of the projected image of tourism destinations on photographs: A literature review to prepare for the future. *Journal of Vacation Marketing*. 2019;25(1):3–24.
4. Kaganovich A. A. Essential characteristics and components of the national brand: positioning of the modern Russian brand in global competition. *The Bulletin of RUDN. Series: Political Science*. 2018;(2):288–297. (In Russ.)
5. Chusraeva O. A. National brand and companies' competitiveness: an alternative approach to the national branding. *The Bulletin of the Saint Petersburg University. Management*. 2021;20(1):30–57. (In Russ.)
6. Glinskaya I. Y. Territorial branding – the mechanism of forming a brand of Russia. *Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies*. 2013;4(20). (In Russ.)
7. Tukarkina O. M. The role of national brand in the formation of foreign policy of the modern Russia. *Vlast'*. 2011;(12):111–114. (In Russ.)
8. Solovyeva-Balayan D. I. The problem of theoretical research and practical application of the concept of national branding in the Russian Federation. *The Bulletin of PAGS*. 2022;(2):106–119. (In Russ.)

Информация об авторах

М. В. Чараева – доктор экономических наук, профессор факультета управления, и.о. заведующего кафедрой «Теории и технологии в менеджменте», Южный федеральный университет.

Л. С. Эксюзян – студент факультета политологии, МГУ им. М. В. Ломоносова.

Information about the authors

M. V. Charaeva – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Faculty of Management, Acting Head of the Department of Theory and Technology in Management, Southern Federal University.

L. S. Eksuzian – Student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 07.08.2024. The article was submitted 12.07.2024; approved after reviewing 06.08.2024; accepted for publication 07.08.2024.

Угрозы продовольственной безопасности России и инструментарий импортозамещения

Татьяна Павловна Черкасова¹, Григорий Николаевич Героев²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹cherkasova-t@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6315-8943>

²yafet@list.ru

Аннотация. Особую актуальность вопросы продовольственной безопасности национальных государств получили в современной эпохе мировой турбулентности, когда геополитические угрозы породили санкционное давление, разорвав производственные цепочки, в том числе в аграрной сфере. В этой связи вопросы продовольственного суверенитета требуют поиска новых инструментов государственной политики по его сохранению. В статье представлены концептуальные подходы к исследованию продовольственной безопасности, что позволило выявить базовые факторы ее обеспечения, а также основные категории угроз. Проведенный анализ правового закрепления понятия продовольственной безопасности и основных условий ее обеспечения в России дал возможность конкретизировать 4 основные группы угроз и определить варианты их предотвращения. Полученные результаты стали основой для предложения направлений повышения продовольственной безопасности России.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, риски, угрозы, импортозамещение, продовольственный суверенитет, санкционное давление, национальная безопасность

Для цитирования: Черкасова Т. П., Героев Г. Н. Угрозы продовольственной безопасности России и инструментарий импортозамещения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 117–124. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-117-124>. EDN JFNTEE

Problems of Economics

Original article

Threats to food security in Russia and import substitution tools

Tatiana P. Cherkasova¹, Grigory N. Geroev²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹cherkasova-t@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6315-8943>

²yafet@list.ru

Abstract. The issues of food security of national states have become particularly relevant in the modern era of global turbulence, when geopolitical threats have generated sanctions pressure, breaking production chains, including in the agricultural sector. In this regard, the issues of food sovereignty require the search for new instruments of state policy for its preservation. The article presents conceptual approaches to the study of food security, which made it possible to identify the basic factors of ensuring it, as well as the main categories of threats. Conducted analysis of the legal framework of the concept of food security and the main conditions for ensuring it in Russia made it possible to specify 4 main groups of threats and determine options for their prevention. The results obtained became the basis for proposing directions for increasing food security in Russia.

Keywords: food security, risks, threats, import substitution, food sovereignty, sanctions pressure, national security

For citation: Cherkasova T. P., Geroev G. N. Threats to food security in Russia and import substitution tools. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):117–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-117-124>. EDN JFNTEE

Введение

Одной из ключевых проблем экономической науки и управленческой практики остается необходимость обеспечения продовольственной безопасности. Её ключевые положения будут напрямую затрагивать базовые интересы различных групп населения, общественные и политические силы. Постепенно, на основании углубления международного разделения труда эта тематика расширяет свою актуальность. Ускорение процессов глобализации и интернационализации также сказывается на состоянии продовольственной безопасности. Вопрос о том, каким образом необходимо развивать продовольственную безопасность в современном мире остаётся открытым и подвергается дискуссиям [1, с. 88].

Особую актуальность вопросы продовольственной безопасности национальных государств получили в современной эпохе мировой турбулентности, когда геополитические угрозы породили санкционное давление, разорвав производственные цепочки, в том числе в аграрной сфере. В этой связи вопросы продовольственного суверенитета требуют поиска новых инструментов государственной политики по его сохранению. Исследование динамики импортозамещения основных групп продовольственных товаров продемонстрировало проблемы, вызванные технологическим суверенитетом в агропромышленной сфере страны в свете антироссийских санкций.

Теоретические подходы к проблеме

Принимая во внимание тот факт, что одной из ключевых потребностей человека будет оставаться возможность получать необходимые продукты питания, то общая проблема обеспечения продовольственной безопасности имела место в течении всего существования человечества. Научную формулировку и анализ представленной категории она смогла получить только в конце XVIII века. Научно обоснована данная идея была в трудах известных философов Т. Мальтус и М. Кондорсе, сформулировавших положение о том, что необходимо сопоставлять рост численности населения со всеми средствами, позволяющими им существовать. С целью оценивания фактора продовольственной безопасности Томас Мальтус выдвинул предположение о том, что нужно применять прямое соотношение между всеми параметрами производственных единиц и потребляемых товаров на душу населения. После этого, его основные положения стали базой для проведения финансово-экономического анализа. На основании анализа позиций Томаса Мальтуса можно отметить, что прямое обеспечение человека продуктами питания будет выступать качественной предпосылкой для его последующего существования. Но, подобное обеспечение не всегда может предоставлять реальные возможности для нормального и эффективного развития [2, с. 128].

Основываясь на предложенной выше концепции, как первом этапе, связанном с развитием продовольственной безопасности, нужно отметить, что на нем базовыми источниками прямого обеспечения продовольственной безопасности считается финансовое благополучие национальной экономики. Другими словами, государство имеет возможность предоставлять необходимое количество средств для существования граждан, не учитывая тем самым воздействие внешних факторов. Степень прямого обеспечения всех основных потребностей человека в получении питания, характеристики и качество производимой продукции будет отражать стойкость и возможность государственного развития. По итогу этот фактор сможет создать материальную базу для развития. Вторым этапом, направленным на развитие продовольственной безопасности, выступает позиция, сформированная в семидесятые годы прошлого века.

В 1990-гг. произошло очередное изменения понимания того, что из себя представляет продовольственная безопасность. Обусловлено это тем, что безопасность в рамках продовольственного обеспечения стала глобальной проблемой номер один. Объектом анализа может выступать не только обеспеченность продуктами на национальном уровне, а также использование мирового рынка для купли-продажи продовольственных товаров. На первый план выходят экспортно-импортные продовольственные транзакции и финансовые инструменты, их государственное регулирование в контексте реализации продовольственной безопасности [3, с. 06001]. Доступность для различных категорий граждан становится ключевой основой, обуславливающей сформированность продовольственного суверенитета страны.

Следует отметить наличие нескольких концептуальных подходов к категориальной сущности продовольственной безопасности, отражающих политико-экономические особенности функционирования страны как элемента мировой экономики. Для групп развитых стран. Имеющих лидирующие позиции в мировой экономике и политики, продовольственная безопасность оценивается с позиции достаточности и доступности продовольственных товаров для граждан с разным уровнем

дохода. Для России актуален подход к продовольственной безопасности с учетом самообеспеченности основными категориями продовольственных товаров и наличия национального потенциала к их импортозамещению.

Государства, имеющие переходную или развивающуюся экономику, рассматривают продовольственную безопасность с несколько иной точки зрения. С формальной позиции продовольственная безопасность анализируется как прямое средство и инструмент для ликвидации базовых проблем, связанных с использованием и обеспечением необходимого набора продовольственных товаров. Качество продуктов питания также находится под непосредственным надзором и контролем государственных органов. Но, базовый упор властей будет делаться на ликвидацию проблемы, связанной с собственным обеспечением.

Большинство российских экономистов при характеристике понятия продовольственной безопасности особое значение уделяют ликвидации зависимости Российской Федерации от импорта товаров при помощи развития внутреннего рынка продуктами. Этот подход говорит о том, что несмотря на наличие высокой степени преимущественных возможностей, связанных с международным разделением труда, доминирующий приоритет может быть отдан только возможности развития собственных продовольственных процессов. При анализе представленной позиции продовольственная безопасность будет анализироваться не только как потребительские элементы и возможность для удовлетворения всех питательных положений и норм, но и как фактор производства [4, с.47].

Важнейшими элементами обеспечения продовольственной безопасности выступает присутствие стратегических основ, позволяющих развиваться продовольственной системе. Этих запасов должно быть достаточно для того, чтобы обеспечивать граждан по всем нормам и показателем кризисного периода для того, чтобы интегрировать все мероприятия по изменению жизнеобеспечения государства. Все основные стратегические запасы продовольствия будут обладать промежуточным (накопительным) характером. В условиях кризиса продовольственный запас и возможность его воспроизводства приобретают первостепенное значения для сохранения национальной безопасности страны.

Продовольственная безопасность России

В Российской Федерации продовольственной безопасности уделяется огромное внимание в условиях влияния западных санкций и других негативных вызовов, нарушающих экономическое состояние государства. Для того, чтобы сохранять безопасный уровень продовольственного суверенитета страны, необходимо сформировать качественное правовое обеспечение. С этой целью органы законодательной и исполнительной власти Российской Федерации разработали и приняли целый пакет нормативно-правовых актов, в которых в разных аспектах регламентируются особенности обеспечения продовольственной безопасности современного государства.

Важнейшим стратегическим документом, который определяет ключевые векторы и приоритеты сохранения продовольственного суверенитета страны, является доктрина продовольственной безопасности. Она была нормативно закреплена указом Президента РФ в 2020 г.¹ В ней нашло отражение уточнение и приоритизация основных положений, закрепленных Стратегией государственной безопасности РФ². Кроме того, она тесно коррелирует и актуализирует положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года в контексте сохранения продовольственного суверенитета страны в условиях антироссийских санкций³.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации ориентирована на отстаивание национальных интересов, ключевым из которых является создание условий для увеличения качества жизни в стране. В числе нормативных актов, закрепляющих постулаты обеспечение продовольственной безопасности России, можно выделить совокупность международных соглашений и договоров, Конституцию Российской Федерации, ряд федеральных законов, указов Президента, постановлений Правительства и других региональных и муниципальных нормативных документов,

¹ Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.01.2020 № 0001201707071732.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» – Официальный интернет-портал правовой информации https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271.

³ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.05.2017 № 0001201707071732.

уточняющих положения для отдельных территорий. В целом доктрина продовольственной безопасности определяет общее положение экономического развития государства, которое будет обеспечивать независимость России, способствует гарантированному физическому и экономическому доступу населения к продуктам питания. Важной задачей по обеспечению безопасности пищевых продуктов является их полное соответствие всем стандартам и правилам, с учётом рационального норматива потребления. Все продукты должны отвечать обязательным требованиям и стандартам. Ассортимент продуктов питания, соответствующий экологическим, экономическим и иным требованиям, будет допущен на рынок для безопасного использования населением.

Важно заметить, что в доктрине продовольственной безопасности акцент сделан на поддержке и развитии агротерриторий, что позволит тем самым повысить качество жизни всего населения. Документ и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия определяет ряд общих требований, в результате соблюдения которых можно простимулировать развитие агрорегионов и сформировать необходимый уровень продовольственной обеспеченности граждан [5, с. 73]. Конкретный перечень мероприятий в сфере развития сельских территорий определён и реализуется на программном уровне согласно государственной программе «Развитие сельского хозяйства»¹.

Опираясь на Стратегию продовольственной безопасности Российской Федерации, которая в нынешних условиях существует и направлена на стабилизацию и обеспечение необходимыми продуктами питания всего населения, необходимо перечислить ряд основных угроз. Весь комплекс угроз можно подразделить на четыре категории, которые отражены в табл. 1.

Таблица 1 – Основные угрозы продовольственной безопасности Российской Федерации
[6, с. 6-7; 7, с. 38]

Table 1 – Main threats to food security in the Russian Federation

<i>Внешние угрозы прямого воздействия</i>	<i>Внутренние угрозы внешнего воздействия</i>
Совращение иностранных инвестиций вследствие антироссийских санкций. Отсутствие иностранной финансовой поддержки и невозможность ее замещения национальными средствами (государственными и частными) в полном объеме.	Экологические угрозы внешнего или планетарного характера, которые могут привести к частичной или полной потере урожая или невозможности выращивания отдельных категорий продовольственных продуктов.
<i>Внешние угрозы косвенного воздействия</i>	<i>Внутренние угрозы прямого воздействия</i>
Недоступность импортного семенного материала и агротехнологических новинок. Совокупность макроэкономических и внешнеполитических проблем, отражающихся на рынке продовольственных товаров.	Сокращения уровня жизни и как следствие снижение спроса на отдельные категории продовольственных товаров. Неготовность групп населения с высоким уровнем дохода переключаться с импортного продовольствия на российские продуктовые аналоги.

Ключевыми вызовами в рамках продовольственной безопасности России с учетом обозначенных ранжированных групп угроз можно назвать [8, с. 13]:

- высокое качество импортируемой продукции по сравнению с национальными аналогами и неготовность населения к импортозамещению;
- более высокая конкурентоспособность продукции зарубежных поставщиков, что при импортозамещении позволяет ориентироваться только на внутренний спрос;
- наличие инфраструктурных проблем в агробизнесе. Которые приводят к удорожанию продукции;
- технологическая зависимость в семенных и иных биоматериалах от зарубежных производителей.

Можно констатировать постепенное сокращение продовольственной зависимости России от зарубежных поставщиков в 2022 и 2023 годах как реакцию на усиление факторов внешних угроз. Этими внешними факторами являются санкции, экономические изменения и технологические трансформации.

¹ Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.07.2012 № 0001201707071739.

Но несмотря на тот факт, что наблюдается уменьшение доли, систематически растет физический объем импортируемых продовольственных товаров. Так, за период с 2021 по 2022 год рост составил практически 6 %.

При этом произошел не только рост физических объемов импортированной продукции, но и его стоимости из-за роста цен ввиду санкционных мер, что фактически выразилось в удорожании импорта на 15 %. По ряду категорий товаров удорожание вызвано не с ростом цен на сырье или переработку, а с изменением логистических цепочек для обхода санкционного режима через третьи страны, что повышает транспортные расходы, таможенные сборы и сроки поставок.

Сделанные выводы подтверждаются статистическими данными по динамике продовольственного импорта в Россию за 3 года, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2 – Доля импорта отдельных категорий товаров в общем объеме товарных ресурсов (в %) ¹

Table 2 – Share of imports of individual categories of goods in total commodity inputs (%)

№ п/п	Группы продовольственных товаров	2020 г.	2021 г.	2022 г.
1.	Мясо и птица	7,3	5,7	5,5
2.	Говядина	34,2	31,3	25,4
3.	Свинина	2,9	0,2	25,4
4.	Колбасные изделия	1	1,3	1,2
5.	Сыры	29,8	31,4	32,7
6.	Сухое молоко и сливки	38,2	34,2	31,4
7.	Животные масла	25,3	30,1	29,4
8.	Растительные масла	16,2	14,2	17,1
9.	Мука	1	0,5	0,3
10.	Крупы	0,2	0,5	0,3

Динамика статистических данных демонстрирует рост импортозависимости по значительному перечню продовольственных товаров. Кроме того, можно выявить прямую корреляцию между степенью переработки и величиной доли импорта товарной группы [9, с. 125], что в свою очередь демонстрирует зависимость продовольственной безопасности от технологического суверенитета страны.

В контексте выявленной зависимости важно оценить эффективность предпринятых правительством мер по импортозамещению ключевых категорий продуктовых товаров, что позволит выделить те группы товаров, по которым следует еще нарастить национальное производство. Соответствующие данные приведены в табл. 3.

Представленные данные свидетельствуют о том, что отмечается увеличение производства в Российской Федерации ряда категорий пищевых продуктов. Это касается роста количества произведенных мясопродуктов, рыбных изделий и некоторых других категорий с менее выраженной положительной динамикой. Анализ представленной статистической информации позволяет заключить о действенности предпринимаемых государством мер по импортозамещению продовольствия с целью обеспечения национальной безопасности в данной сфере. Вместе с тем, стоит отметить, что в основном это касается видов продовольственной продукции не требующей сложной технологической обработки или переработки.

Однако по ряду категорий продуктов наблюдается сокращение импортозамещения, что формирует дополнительные угрозы. В частности сократилась доля импортозамещения итогов 2023 г. к 2022 г. по следующим видам продукции: мясо и субпродукты из домашней птицы; овощи и грибы замороженные; ягоды, фрукты и орехи; молоко жидкое обработанное; сливки; масло сливочное, но что еще опаснее сократилась доля импортозамещения 2023 г. к 2020 г. по таким видам продовольствия как: рыба морская свежая или охлажденная; овощи и грибы замороженные; сливки; кисломолочные продукты. Подобная динамика отражает проблемы в технологическом суверенитете сферы АПК, т.к. для производства ряда продуктов нужны не столько скот или растения, сколько их технологическая обработка и переработка, с чем и возникают сложности.

¹ Составлено на основании: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс] – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13272> (дата обращения: 4.07.2024)

Таблица 3 – Данные по производству основных видов импортозамещённых пищевых продуктов в Российской Федерации за 2020-2023 гг., в тыс. тонн¹

Table 3 – Data on the production of the main types of import-substituted food products in the Russian Federation for 2020–2023, in thousand tons

Основные категории продукции	2020	2021	2022	2023	2023 к 2022 в %	2023 к 2020 в %
Говядина и телятина парные	254	306	297	337	113,5	132,7
Говядина и телятина в заморозке	84,3	95,0	106	122	115,0	144,7
Мясо и субпродукты из домашней птицы	4808	4870	5058	5046	99,8	104,9
Свинина парная	2826	2915	3141	3272	104,1	115,7
Свинина в заморозке	358	421	464	514	110,9	143,6
Колбасные изделия	2355	2448	2411	2472	102,5	104,9
Рыба морская живая	163	158	212	222	104,8	136,2
Рыба морская свежая или охлажденная	884	762	801	818	102,4	92,5
Овощи и грибы замороженные	108	135	119	101,2	85,2	93,7
Ягоды, фрукты и орехи	28,2	44,8	40,4	39,4	97,5	140,7
Молоко жидкое обработанное	5628	5684	5841	5766	98,7	102,5
Творог	195	238	260	311	119,5	159,4
Сливки	487	495	461	441	95,6	90,6
Кисломолочные продукты	2745	2736	2533	2664	105,2	97,0
Масло сливочное	277	283	326	323	99,0	116,6

С точки зрения оценки продовольственной безопасности важно не только анализировать наличие продуктов питания по основным категориям и группам, но и рассматривать доступность этих продуктов для граждан с позиции расходов потребителей на них (рис. 1).

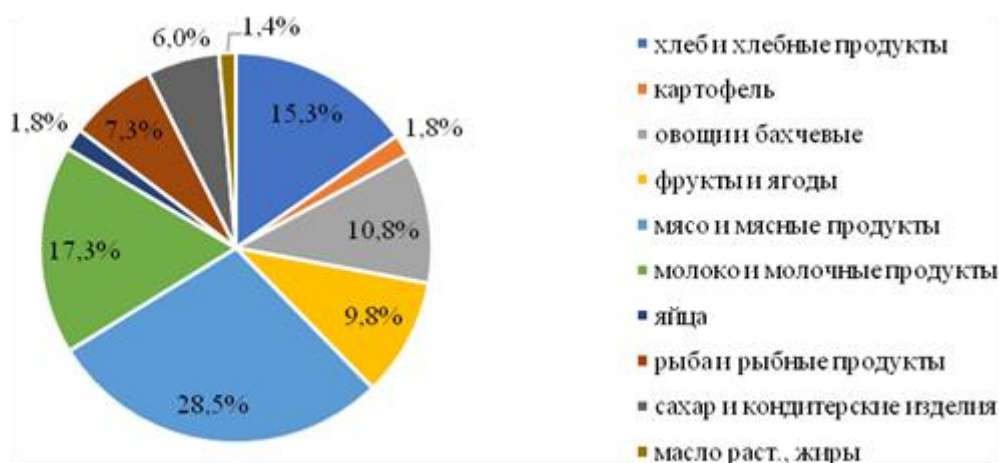

Рис. 1 – Структура расходов российских потребителей по категориям продовольственных товаров в 2023 г., в %

Fig. 1 – The structure of expenses of Russian consumers by categories of food products in 2023, in %

Представленная диаграмма демонстрирует, что наибольшая доля расходов приходится на мясные продукты (что составляет больше четверти расходов домашних хозяйств), около 18 % на молочные продукты и 15,3 % хлебная продукция. Наименьшая доля расходов приходится на такие категории продуктов питания как яйца и масло (менее 2 %). Однако следует обратить внимание, что приведенные показатели являются средними и могут ранжироваться в зависимости от групп потребителей по уровню дохода. Статистические данные подтверждают проблемы технологического суверенитета в аграрной сфере страны.

¹ Составлено на основании: Показатели, характеризующие импортозамещения в России. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс] – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (дата обращения: 4.07.2024)

Заключение и выводы

Импортозамещение в Российской Федерации является важным фактором для обеспечения продовольственной безопасности и может частично решить проблему [10, с. 119]. Следует отметить, что в настоящих условиях импортозамещения имеет относительный потенциал. Вне зависимости от существования санкций в отношении Российской Федерации, предприятия в сфере продовольственной промышленности занимаются развитием национальных производств на основе главным образом своей ресурсной базы и стараются осуществлять замещение импортной продукции за счет собственного более дешевого производства экономя на параллельном импорте, который привел к существенному удорожанию продукции. Таким образом, антироссийские санкции дали и положительный эффект, поскольку удорожавший импорт привел к относительному росту конкурентоспособности большого спектра российской продовольственной продукции. И там, где раньше национальное производство было неэффективным и дешевле было производить импортные закупки, при сегодняшней рыночной конъюнктуре можно проводить активное импортозамещение.

Для повышения эффективности продовольственной безопасности страны в условиях импортозамещения в настоящий период времени необходимо реализовать несколько основных направлений деятельности:

1. Обеспечение государственной финансовой поддержки сельскохозяйственных предприятий с помощью программно-целевого подхода, а также на основании проектных и инновационных систем.
2. Дальнейшее совершенствование политики в сфере импортозамещения на основе учёта продовольственной независимости страны и отдельных регионов.
3. Обязательный учёт всех рекомендаций медицинских учреждений разных уровней в контексте обеспечения правильного питания населения. Это важно в ходе создания стратегических направлений, которые касаются обеспечения сельскохозяйственного развития.
4. Использование современных механизмов для управления агропромышленным комплексом с целью повышения его финансовой устойчивости.

Список источников

1. Руденко М. Н., Субботина Ю. Д. Продовольственная безопасность России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1 (127). С. 84–90.
2. Сафиуллин И. Н. Оценка продовольственной безопасности России // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2021. Т. 16. № 2. С. 124–132.
3. Artyukhin O., Ponedelkov A., Cherkasova T., Kritskaya A., Maximov M., Chigvintsev V. Russian State Agrarian Policy in the Context of Modern Globalization and Glocalization Processes: Implementation Features at the Regional Level // В сборнике: E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021. С. 06001.
4. Патлань Е. С. Факторы обеспечения продовольственной безопасности как элемента экономической безопасности страны // Журнал прикладных исследований. 2023. № 9. С. 44–50.
5. Власов В. А., Жикулина А. С., Рахвалова Н. А. Доктрина продовольственной безопасности 2010 года по сравнению с доктриной продовольственной безопасности 2020 года // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-3 (51). С. 71-75.
6. Антипин М. В. Импортозамещение в системе обеспечения продовольственной безопасности России // Современная наука: эксперимент и научная дискуссия. Сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции. Анапа, 2022. С. 6-15.
7. Бренман А. И. Обеспечение продовольственной безопасности групп населения со специфическими пищевыми потребностями как неотъемлемый компонент продовольственной безопасности государства // Закономерности развития региональных агропромышленных систем. 2023. № 1. С. 36-40.
8. Черкасова Т. П., Героев Г. Н. Импортозамещение как инструмент повышения продовольственной безопасности России в контексте мобилизационной экономики / В сборнике: Мобилизационная экономика: исторический опыт и современные тренды. Сборник докладов участников 2 научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2023. С. 11-16.
9. Королев М. И., Хорев А. И., Богомолова И. П., Шайкин Д. В. Оценка продовольственной безопасности страны в условиях эскалации рисков применения секторальных санкций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (150). С. 123–136.
10. Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's Food Security under the Crisis of 2020–2021: Objective and Subjective Dimensions // Russian Peasant Studies. 2022. Т. 7. № 2. С. 93–121.

References

1. Rudenko M. N., Subbotina Yu. D. Food security of Russia. *News of the St. Petersburg State Economic University*. 2021;1(127):84–90. (In Russ.)
2. Safiullin I. N. Assessment of food security in Russia. *Bulletin of the Kazan State Agrarian University*. 2021;16(2):124–132. (In Russ.)
3. Artyukhin O., Ponedelkov A., Cherkasova T., Kritskaya A., Maximov M., Chigvintsev V. Russian State Agrarian Policy in the Context of Modern Globalization and Glocalization Processes: Implementation Features at the Regional Level. In: *E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021*. Rostov-on-Don; 2021. P. 06001. (In Russ.)
4. Patlan E. S. Factors of ensuring food security as an element of economic security of the country. *Journal of Applied Research*. 2023;(9):44–50. (In Russ.)
5. Vlasov V. A., Zhikulina A. S., Rakhvalova N. A. The food security doctrine of 2010 compared with the food security doctrine of 2020. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;12-3(51):71–75. (In Russ.)
6. Antipin M. V. Import substitution in the system of ensuring food security in Russia. In: *Modern science: experiment and scientific discussion. Collection of scientific papers on materials III International Scientific Practical Conference*. Anapa, 2022:6–15. (In Russ.)
7. Brenman A. I. Ensuring food security of population groups with specific nutritional needs as an integral component of food security of the state. *Patterns of development of regional agro-industrial systems*. 2023;(1):36–40. (In Russ.)
8. Cherkasova T. P., Geroev G. N. Import substitution as a tool for increasing Russia's food security in the context of a mobilization economy. In: *Mobilization economy: historical experience and modern trends. Collection of reports of participants of the 2nd scientific and practical conference*. Rostov-on-Don; 2023:11-16. (In Russ.)
9. Korolev M. I., Khorev A. I., Bogomolova I. P., Shaikin D. V. Assessing the country's food security in the context of escalating risks of applying sectoral sanctions. *News of the St. Petersburg State Economic University*. 2022;6(150):123–136. (In Russ.)
10. Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's Food Security under the Crisis of 2020–2021: Objective and Subjective Dimensions. *Russian Peasant Studies*. 2022;7(2):93–121.

Информация об авторах

Т. П. Черкасова – доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Г. Н. Героев – аспирант по научной специальности «Экономическая теория» ЮРИУ РАНХиГС.

Information about authors

T. P. Cherkasova – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Dean of the Faculty of Political Science; South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

G. N. Geroev – Postgraduate Student in the Scientific Specialty “Economic Theory”; South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 125–132
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):125–132

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-125-132>

EDN JQLIUH

Политический процесс и формирование государственности в Донецкой Народной Республике

Ирина Владимировна Белова

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, Belova-iv@ranepa.ru

Аннотация. В статье проводится анализ политического процесса и формирования государственности в ДНР в контексте динамики политических событий и исторических предпосылок. Рассматриваются проблемы соотношения принципа территориальной целостности и стремления к самоопределению, эволюция представительных органов ДНР, процесс институционализации результатов референдума о независимости как ключевого политического события. Особое внимание уделяется историческим, культурным и политическим факторам, способствовавшим стремлению к автономии региона. Исследуются причины обострения этнополитического конфликта и роль государственного строительства в контексте политических процессов Донбасса. Статья подчеркивает сложность политологической оценки легитимности самопровозглашенных государств и необходимость выработки сбалансированного подхода к подобным политическим феноменам.

Ключевые слова: Донецкая Народная Республика, самоопределение, территориальная целостность, референдум, государственность, этнополитический конфликт, политические события, легитимность, институционализация, культурная идентичность, Донбасс, политическая автономия

Для цитирования: Белова И. В. Политический процесс и формирование государственности в Донецкой Народной Республике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 125–132. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-125-132>. EDN JQLIUH

Politology and Ethnopolitics

Original article

Political process and statehood formation in the Donetsk People's Republic

Irina V. Belova

Northwestern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia, Belova-iv@ranepa.ru

Abstract. The article analyzes the political process and formation of statehood in the DPR in the context of international law and historical background. It examines the issues of balancing the principle of territorial integrity and the right to self-determination, the evolution of representative bodies in the DPR, and the institutionalization process of the results of the independence referendum. Special attention is paid to historical, cultural, and political factors that have contributed to the region's desire for autonomy. The reasons for the escalation of ethno-political conflict and the role of state-building in protecting the rights of the population of Donbass are explored. The article emphasizes the complexity of assessing the legality of self-proclaimed states and the need to develop a balanced approach in international law to such situations.

Keywords: Donetsk People's Republic, self-determination, territorial integrity, referendum, statehood, ethno-political conflict, international law, legitimacy, institutionalization, cultural identity, Donbass, political autonomy.

For citation: Belova I. V. Political process and statehood formation in the Donetsk People's Republic. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):125-132. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-125-132>. EDN JQLIUH

Современная политическая наука сталкивается с комплексной проблемой соотношения принципа территориальной целостности государств и стремления народов к самоопределению. Отсутствие унифицированных критериев оценки легитимности референдумов о независимости как политических событий усугубляет ситуацию. Особую сложность представляет политологический анализ решений, принятых путем прямого волеизъявления народа, в контексте их потенциального противоречия принципу территориальной целостности. Данная коллизия требует тщательного изучения и выработки сбалансированного подхода в политической теории и практике.

Проблема реализации стремления народов к самоопределению остается одной из наиболее сложных в современных политических процессах. Отсутствие универсально признанных процедур осуществления самоопределения путем отделения создает политическую неопределенность и затрудняет оценку легитимности таких действий.

Несмотря на теоретические разногласия, политическая практика показывает, что воля народа к самоопределению часто становится определяющим фактором в динамике политических событий. Международное сообщество вынуждено учитывать новые политические реалии, возникающие в результате самоопределения, что требует гибкого подхода к анализу и интерпретации подобных политических феноменов [1].

Ключевым аспектом признания нового государственного образования в контексте политических событий является эффективность его управления и контроля над территорией. В политической науке сформулирован принцип признания суверенитета, который можно применить к анализу ситуации в ДНР и подобных случаях.

Согласно этой позиции, для утверждения суверенных прав недостаточно лишь формальных оснований, таких как декларации о независимости или отдельные политические акты. Суверенитет должен подтверждаться двумя взаимосвязанными элементами: во-первых, явным намерением и стремлением действовать в качестве суверенного политического субъекта, и во-вторых, непрерывным фактическим осуществлением властных полномочий на соответствующей территории.

Таким образом, легитимность суверенных притязаний в политологическом смысле основывается на сочетании политического намерения и практической реализации государственной власти. Этот подход позволяет анализировать динамику политических событий в регионах, стремящихся к самоопределению, и оценивать эффективность их институтов власти.

В контексте политического процесса России на современном этапе, такой анализ крайне важен для понимания развития ситуации в ДНР и других подобных регионах. Он помогает оценить, насколько политические события в этих регионах соответствуют критериям фактического суверенитета и как это влияет на общую динамику политических процессов в стране и регионе [2].

Легитимность новообразованных государственных структур после сецессии определяется не только формальным установлением власти, но и её фактическим признанием населением. Отсутствие общественной поддержки может привести к дисфункции государственного аппарата вследствие массовых протестов и неповиновения [3].

Международный Суд в деле о Западной Сахаре подчеркнул важность реальной лояльности населения как ключевого элемента суверенитета. Эта лояльность должна выражаться в конкретных действиях, демонстрирующих признание политической власти [4].

Таким образом, оценка легитимности новых государственных образований требует анализа эффективности осуществления ими властных полномочий и отношения к ним населения. Устойчивость и непрерывность реализации власти, а также активное участие граждан в государственных процессах являются важнейшими показателями легитимности [5].

Пример ДНР и ЛНР демонстрирует, как длительное функционирование признанных населением властных структур может сформировать основу для легитимной государственности, особенно в условиях отсутствия конструктивного взаимодействия с прежним центральным правительством.

В связи с этим отдельного рассмотрения требует сам процесс институционализации результатов референдума, поскольку именно последующее государственное строительство отражает действительную волю народа, доказывает осознанность и иллюстрирует легитимность принятого решения о самоопределении [6].

Историческое развитие Донецкой и Луганской народных республик характеризуется устойчивой культурной и политической связью с Россией. Попытки автономизации региона наблюдались в различные исторические периоды, включая создание Донецко-Криворожской республики и движение за федерализацию после распада СССР.

Включение Донецкой губернии в состав УССР в 1919 г. произошло без учета мнения местного населения, что заложило основу для будущих противоречий. Эти противоречия обострились после обретения Украиной независимости, когда стала очевидной дивергенция между культурно-политическими ориентациями центральной власти и населения Донбасса [0].

Политика украинизации, проводимая центральным правительством, воспринималась жителями Донбасса как угроза их культурной идентичности. Ограничения в использовании русского языка, давление на Украинскую православную церковь Московского патриархата и другие меры усиливали социально-политическую напряженность [8].

Эти факторы способствовали росту регионального самосознания и стремлению к политической автономии. Конфликт между навязываемой украинской идентичностью и самоидентификацией населения Донбасса привел к кристаллизации идеи политического самоопределения и отторжению юрисдикции центрального правительства.

Политика украинизации, проводимая центральным правительством Украины, встречала систематическое сопротивление в южных и восточных регионах страны. Примером этого служат «совещательные опросы» 1994 года в Донецкой и Луганской областях, результаты которых, свидетельствующие о стремлении к федерализации и официальному статусу русского языка, были проигнорированы Киевом [9].

Политический кризис 2014 г., охарактеризованный некоторыми как государственный переворот, обострил национальный вопрос на Востоке Украины. Последующие действия новой власти, включая подавление инакомыслия и применение силы против несогласных, привели к эскалации конфликта и спровоцировали сецессионные процессы в Донбассе.

Формирование ДНР и ЛНР можно рассматривать как результат диссоциации населения юго-востока с центральной властью, утратившей легитимность в глазах местных жителей. Этот процесс характеризуется как негативным аспектом (отделение от Украины), так и позитивным – ориентацией на интеграцию с Россией и евразийским сообществом [10].

Концепция «русской суверенности» ДНР и ЛНР базируется на историческом и культурном единстве, общих традициях и коллективной памяти нескольких поколений. Этот феномен отражает глубинное понимание населением ценности собственной государственности в рамках более широкого русского культурного пространства [11, с. 2].

В контексте политического кризиса 2014 г. на Донбассе начался процесс формирования новых представительных структур. Этот процесс был обусловлен вакуумом власти и необходимостью защиты интересов местного населения в условиях смены центрального руководства Украины.

Первоначальные попытки создания альтернативных органов власти, такие как Верховный совет Донецкой области, были пресечены. Однако это привело к более интенсивной самоорганизации граждан и формированию Координационного совета Донецкой области, который разработал ключевые документы о суверенитете и государственной самостоятельности ДНР.

Эволюция представительных органов продолжилась созданием Совета представителей территориальных громад, который впоследствии трансформировался в Верховный совет ДНР. Этот орган принял Конституцию и заложил основу для формирования конституционного законодательного органа – Народного Совета.

Реакция украинского руководства на эти процессы выразилась в принятии указа о проведении антитеррористической операции, что фактически санкционировало применение силы против населения самопровозглашенных республик.

В условиях эскалации конфликта процедуры плебисцита по вопросу самоопределения в Донецкой и Луганской областях проходили в ускоренном режиме. Это было обусловлено как унитарным устройством Украины, ограничивавшим возможности легального выражения воли через представительные органы, так и опасениями репрессий со стороны центральной власти.

Формирование собственной государственности стало для населения Донбасса инструментом защиты от дискриминации и обеспечения соблюдения прав человека в условиях обострившегося этнополитического конфликта.

В дискурсе о правовом статусе и функциях главы государства в ДНР выделяется ряд характеристик, включая политическую нейтральность и статус, не связанный непосредственно ни с одной из традиционных ветвей власти. Это положение сочетается с расширенным спектром полномочий, охватывающих как внутренние, так и международные аспекты управления государством. Исходная версия Конституции ДНР не включала в себя положения о роли главы государства как гаранта конституции и прав человека, однако поправка, принятая 30 ноября 2018 года (Закон № 01-ПНС2), привела к адаптации статьи 56 Конституции ДНР в соответствии с аналогичной статьей 80 Конституции Российской Федерации¹. Это свидетельствует о процессе рецепции норм российского законодательства в правовую систему ДНР².

С течением времени правовой статус главы ДНР претерпел значительные изменения. В изначальной редакции Конституции ДНР глава республики был определен как высшее должностное лицо, возглавляющее исполнительную власть. Однако та же поправка 2018 года переопределила его как главу государства, что, предположительно, способствовало укреплению интеграционных процессов с российским правовым полем.

Анализируя изменения в полномочиях главы ДНР, можно отметить, что они также претерпели эволюцию в период с 2014 по 2018 год. Согласно статье 59 Конституции ДНР от 14 мая 2014 года, к полномочиям главы республики изначально относились обеспечение соблюдения прав и свобод человека, конституции и законов республики, формирование Совета Министров ДНР и решение вопроса о его отставке, принятие мер по обеспечению безопасности и территориальной целостности ДНР, осуществление помилования, представление в Народный Совет ДНР кандидатур для руководящих должностей национального банка и других ключевых структур. Эти данные подчеркивают сложность и многоаспектность роли главы государства в контексте политической структуры ДНР.

В соответствии с законодательными изменениями, внесенными 30 ноября 2018 г. (закон № 01-ПНС), произошла модификация полномочий Главы ДНР в контексте формирования исполнительной власти. В отличие от предыдущих положений, где Глава ДНР играл ключевую роль в формировании Совета Министров ДНР, новые полномочия передают ему право назначать Председателя Правительства ДНР с последующим утверждением Народным Советом ДНР. Кроме того, Глава получил право, по предложению Председателя Правительства, назначать и освобождать заместителей Председателя, министров и руководителей других республиканских органов исполнительной власти. Также Главе ДНР была предоставлена возможность определять структуру и систему органов исполнительной власти.

Формирование правового статуса Правительства ДНР можно разделить на два основных этапа. Первый этап начался с момента объявления самопровозглашенной республики и заключался в начальной разработке его правовых основ. Второй этап, происходивший с 2018 по октябрь 2022 г., завершился утверждением Правительства ДНР как единственного постоянно действующего высшего исполнительного органа государственной власти, что закреплено в Конституции ДНР (редакция от 30 ноября 2018 г., статья 75).

Важно отметить, что в первоначальной версии Конституции ДНР роль высшего органа исполнительной власти отводилась Совету Министров ДНР. Тем не менее, по составу Правительства ДНР включены Председатель Правительства, его заместители и министры, а также возможность включения руководителей других республиканских органов исполнительной власти по решению Главы ДНР. В первой редакции Конституции ДНР от 14 мая 2014 г. был предусмотрен более широкий состав Совета Министров, включая Главу ДНР и его заместителей, при условии, что Глава не занимал должность Председателя Совета Министров. Это изменение подчеркивает стремление ДНР к самостоятельному развитию государственности, особенно на начальном этапе его становления.

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 04.07.2024).

² Конституция Донецкой Народной Республики: принята Постановлением Народного Совета 30 декабря 2022 года : [сайт]. – URL: <http://npa.dnronline.su/2022-12-30/konstitutsiya-donetskoj-narodnoj-respubliki.html> (дата обращения: 04.07.2024).

Формирование судебной инфраструктуры ДНР, как подчеркивает Э. Н. Якубовский, первый Председатель Верховного Суда ДНР, проходило в период военных действий. В это время юридическая система Украины в пределах территории бывшей Донецкой области перестала функционировать. Основной целью новой судебной структуры стало установление эффективных средств для защиты прав граждан, а также интересов общества и государства.

Согласно информации, опубликованной на официальном ресурсе Верховного Суда ДНР, процесс организации судебной системы этой республики был запущен после того, как Совет Министров ДНР 17 августа 2014 г. принял решение № 27-1 о введении в действие положений о Военных Судах. Далее, 22 октября 2014 г., были утверждены дополнительные постановления: № 40-1, касающееся учреждения судебной системы, и № 40-2, описывающее судебную систему в общем. В последнем документе были закреплены временные правила функционирования судебной системы, включая определение задач и основ правосудия, критерии к судьям и народным заседателям, структуру судебного состава, процедуру наделения судей полномочиями, а также организацию судов и другие аспекты¹.

Присоединение ДНР к РФ повлекло за собой необходимость адаптации их законодательства к требованиям российского федерального законодательства. Это затронуло основы управления и законодательную деятельность в Донбассе. В результате, на фоне официального включения в состав России, уже к 30 декабря 2022 г. обе республики приняли новые конституции. Юридический статус законодательных органов обеих республик был изменён для их интеграции в общероссийское правовое пространство. В короткие сроки произошёл переход от уникальных моделей управления, характерных для частично признанных государств, к стандартам, применимым в условиях федеративного устройства России.

С момента их создания, республики Донбасса сталкивались с трудностями при установлении и развитии высших уровней законодательной и исполнительной власти. Несмотря на сложную политическую ситуацию внутри республик Донбасса до их вхождения в состав Российской Федерации, а также отсутствие признания на международном уровне, местные органы власти и администрации были относительно успешны в выполнении своих обязанностей.

Важно подчеркнуть, что после вступления ДНР в состав Российской Федерации, структура государственной власти, определенная в Конституции ДНР, не претерпела изменений. Как и в первой версии Конституции ДНР, принятой 14 мая 2014 г., в текущем документе закреплено, что власть в республике распределена между законодательной, исполнительной и судебной ветвями, которые действуют независимо друг от друга. Руководство государственными делами в ДНР осуществляется Главой ДНР, Народным Советом ДНР и Правительством ДНР, формируемыми в соответствии с положениями Конституции ДНР, в частности, согласно статьям 6, пунктам 1 и 2.

В научном анализе структуры государственной власти ДНР следует особо выделить роль Народного Совета ДНР, который выступает в качестве единственного постоянно действующего законодательного органа. Этому органу посвящена пятая глава Конституции ДНР. Срок полномочий каждого созыва Народного Совета составляет пять лет, при этом количество депутатских мест сокращено с 100 до 90 по сравнению с первоначальной Конституцией 2014 г. [12].

Народный Совет обладает широким спектром нормотворческих полномочий, которые включают в себя принятие Конституции ДНР и внесение в неё поправок, законотворческую деятельность, а также изменение существующих законов. Ключевые полномочия данного органа включают утверждение и контроль исполнения государственного бюджета, установление налогов и сборов, регулирование управления государственной собственностью. После интеграции ДНР в состав Российской Федерации функции конституционного контроля были переданы Конституционному Суду РФ.

Народный Совет ДНР реализует принцип сдержек и противовесов через следующие механизмы: проведение слушаний по отчетам исполнительной власти, принятие решений о досрочном прекращении полномочий Главы ДНР, назначение и освобождение от должности ряда чиновников, согласование назначений высших должностных лиц республики, избрание Главы ДНР, назначение Уполномоченного по правам человека и части состава Избирательной комиссии ДНР.

Парламент имеет полномочие принимать решения о выражении доверия или недоверия Главе ДНР и Председателю Правительства. Согласно статье 65 Конституции ДНР, законодательством

¹ История становления и развития судебной системы Донецкой Народной Республики // Верховный Суд Донецкой Народной Республики : официальный сайт. – URL: <https://supcourt-dpr.su/istoricheskiy-formulyar> (дата обращения: 04.07.2024).

регламентируется порядок проведения выборов в Народный Совет ДНР, избрания Главы ДНР депутатами, а также порядок выборов в органы местного самоуправления в рамках полномочий, определенных федеральным законодательством.

В рамках анализа полномочий парламента ДНР выделяются следующие функциональные аспекты: анализ и принятие решений по вопросам корректировки территориальных границ ДНР; инициация и проведение референдумов; ратификация документов, касающихся изменений границ. Также к важным задачам относится санкционирование договоров, которые регулируют вопросы компетенции и властных полномочий между органами власти Российской Федерации и ДНР. Согласно статье 65 Конституции ДНР, законодательно утверждены процедуры назначения и проведения референдума, стратегическое планирование деятельности, заключение и аннулирование договоров, а также установлены правила административно-территориального устройства и механизмы его изменения в ДНР.

Структура и правовые аспекты функционирования Народного Совета ДНР зафиксированы в Регламенте, который был утвержден 20 сентября 2023 г. первым созывом Народного Совета ДНР. В соответствии с первой статьей данного Регламента, он определяет организационные и правовые рамки для работы Народного Совета ДНР, включая его структуры, депутатов и должностных лиц. Регламент регулирует процедуры созыва и проведения сессий Народного Совета и его структур, управление работой должностных лиц, формирование органов Совета, процедуры выборов и назначений, а также утверждение и освобождение от должностей. Также он описывает процесс подготовки и обсуждения законопроектов и постановлений, методы контрольной деятельности и взаимодействие с другими регионами и парламентами, а также обеспечение доступа к информации о деятельности Народного Совета.

Таким образом, проведенное исследование выявляет сложность и многогранность проблемы самоопределения народов и формирования новых государственных образований в контексте динамики политических событий. Ключевые выводы можно обобщить следующим образом:

1. Воля народа к самоопределению часто становится определяющим фактором в политическом процессе, несмотря на теоретические разногласия в политической науке.
2. Легитимность новообразованных государств зависит не только от формального установления власти, но и от фактического признания и поддержки населением, что является важным аспектом политических событий.
3. Отсутствие универсальных критериев оценки легитимности референдумов о независимости создает политическую неопределенность и влияет на динамику политических процессов.
4. Коллизия между принципом территориальной целостности и стремлением к самоопределению требует выработки сбалансированного подхода в политической теории и практике.
5. На примере ДНР видно, как происходит формирование государственных институтов и распределение полномочий в новообразованном государстве, что представляет собой серию значимых политических событий.
6. Интеграция ДНР в состав Российской Федерации привела к существенным изменениям в полномочиях местных органов власти, что является важным политическим процессом, требующим дальнейшего изучения.

В контексте анализа процессов самоопределения народов и формирования новых государственных образований можно выделить ряд ключевых критериев, определяющих сформированность государственности. Эти критерии включают в себя эффективный контроль над территорией, что подразумевает способность государственных органов осуществлять управление на всей заявленной территории; функционирующую систему государственного управления, включающую работающие органы законодательной, исполнительной и судебной власти; экономическую самостоятельность, позволяющую обеспечивать базовые потребности населения и функционирование государственных институтов; международное признание, которое, хотя и не является обязательным условием, но представляет собой важный фактор легитимности; и, наконец, лояльность и поддержку населения, что является ключевым элементом фактического суверенитета, как было отмечено в предыдущем анализе.

Для решения выявленных в ходе исследования проблем можно предложить ряд конкретных мер. Во-первых, необходима разработка международно-правовых механизмов оценки легитимности референдумов о независимости, что поможет снизить политическую неопределенность в подобных ситуациях. Во-вторых, целесообразно создание международных наблюдательных миссий для мониторинга

процессов самоопределения и оценки их соответствия демократическим нормам. В-третьих, важно развивать формы внутригосударственной автономии как альтернативы полному отделению, что может помочь в разрешении противоречий между принципом территориальной целостности и правом на самоопределение. Кроме того, необходимо усиление роли международных организаций в посредничестве и урегулировании конфликтов, связанных с сепаратизмом и самоопределением. Наконец, следует работать над совершенствованием механизмов интеграции новообразованных государственных структур в международное сообщество, что может способствовать их стабилизации и развитию. Реализация этих мер позволит более эффективно управлять процессами самоопределения и формирования новых государств, снижая риски конфликтов и политической нестабильности.

Подводя итог, можно заключить, что вопросы самоопределения народов и образования новых государств представляют собой комплексную и эволюционирующую область политологии, требующую постоянного переосмысления. В контексте современной политической ситуации в России эти процессы приобретают особую актуальность и нуждаются в углубленном анализе. Для адекватной оценки влияния подобных явлений на политический ландшафт страны и региона необходимо совершенствование методологического инструментария, позволяющего более точно интерпретировать данные политические феномены и прогнозировать их последствия.

Список источников

1. Вятр Е. Национальное самоопределение – политические и правовые дилеммы // Социология. 2014. № 3. С. 29–35.
2. Дашдамиров З. М. Суверенитет как свойство современного государства // Право и образование. 2012. № 11. С. 175–180.
3. Яцук М. В. Причины возникновения массовых беспорядков // Участковый уполномоченный полиции: проблемы административной деятельности и пути их решения : Материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 181–185.
4. Western Sahara Case // International Law Reports. 1980. Vol. 59. P. 13–193. DOI: 10.1017/CBO9781316151860.012.
5. Орлов К. А. Формы легитимации государственной власти // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 1 (41). С. 30–39. DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-4.
6. Сальников В. И., Небольсин Ю. В. Проблемы государственного развития и управления в непризнанных государствах постсоветского пространства (на примере ДНР и ЛНР) // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 4(43). С. 127–133.
7. Коченков И. Н. Об истоках образования Донецкой губернии // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 6. С. 124–138. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-64-6-7.
8. Пахоменко С. П. Фактор идентичности в украинском кризисе: пример Донбасса // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Історія. Політологія. 2015. № 12. С. 245–253.
9. Маркова Е. А. Политика Украины в языковой сфере: основные итоги // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 1. С. 73–83. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-1-73-83.
10. Чернега В. Н. Конфликт на Украине: причины, перспективы урегулирования // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2(106). С. 42–67. DOI: 10.31249/ape/2020.02.02.
11. Беспалова Т. В. Роль культурного наследия в формировании исторической памяти в государствах де-факто (на примере ЛДНР) // Культурологический журнал. 2019. № 3(37).
12. Симонец О. А., Симонец М. С. Конституционно-правовой статус Народного Совета Донецкой Народной Республики в переходный период // Актуальные проблемы современного конституционализма : Сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции научно-педагогических работников, практиков, студентов, магистрантов и аспирантов (с международным участием), Пенза, 27 апреля 2023 года. Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. С. 53–56.

References

1. Vyatr E. National self-determination – political and legal dilemmas. *Sociology*. 2014;(3):29–35. (In Russ.)
2. Dashdamirov Z. M. Sovereignty as a property of a modern state. *Law and education*. 2012;(11):175–180. (In Russ.)

3. Yatsuk M. V. Causes of mass riots. In: *District police commissioner: problems of administrative activity and ways to solve them : Materials of the interdepartmental scientific and practical conference*, St. Petersburg, November 15, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2023:181–185. (In Russ.)

4. Western Sahara Case. *International Law Reports*. 1980;(59):13–193.

DOI: 10.1017/CBO9781316151860.012.

5. Orlov K. A. Forms of legitimization of state power. *Science. Society. State*. 2023;11(1(41)):30–39. (In Russ.). DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-4.

6. Salnikov V. I., Nebolsin Yu. V. Problems of state development and management in the unrecognized states of the post-Soviet space (on the example of the DPR and LPR). *Region: systems, economics, management*. 2018;4(43):127–133. (In Russ.)

7. Kochenkov I. N. On the origins of education in Donetsk province. *Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law*. 2023;(6):124–138. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-64-6-7.

8. Pakhomenko S. P. The factor of identity in the Ukrainian crisis: the example of Donbass. *Bulletin of Mariupol State University. Ser.: History. Political science*. 2015;(12):245–253. (In Russ.)

9. Markova E. A. The policy of Ukraine in the language sphere: the main results. *Problems of the post-Soviet space*. 2020;7(1):73–83. (In Russ.). DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-1-73-83.

10. Chernega V. N. The conflict in Ukraine: causes, prospects for settlement. *Current problems of Europe*. 2020;2(106):42–67. (In Russ.). DOI: 10.31249/ape/2020.02.02.

11. Bespalova T. V. The role of cultural heritage in the formation of historical memory in de facto states (on the example of LDNR). *Culturological Journal*. 2019. № 3(37). (In Russ.)

12. Simonets O. A., Simonets M. S. The constitutional and legal status of the People's Council of the Donetsk People's Republic in the transitional period. In: *Actual problems of modern constitutionalism : A collection of scientific articles based on the materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference of scientific and pedagogical workers, practitioners, students, undergraduates and postgraduates (with international participation)*, Penza, 27 April 2023. Penza: Penza State University; 2023:53–56. (In Russ.)

Информация об авторе

И. В. Белова – старший преподаватель СЗИУ РАНХиГС.

Information about the author

I. V. Belova – Senior Lecturer, Northwestern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 16.07.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 323.2

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-133-141>

EDN UUJWUA

Религиозный фактор в деструктивных социальных процессах (на примере исламизма)

Алексей Валентинович Бритвин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, britvin.av-post@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4043-5343>

Аннотация. Духовные и культурные особенности играют значимую роль в современном обществе. Религиозный фактор является одним из ключевых элементов, обеспечивающих духовную безопасность, укрепляющих дружеские отношения между различными этническими и религиозными группами, формирующих их самоопределение. Религия является одной из движущих сил развития гражданского общества и, даже, определяет степень его интенсивности. Ввиду увеличивающегося влияния религии на политические процессы, ее влияние приобретает чрезвычайную важность для внутригосударственной и внешнеполитической деятельности, поэтому правительство любого из государств должно принимать во внимание религиозную специфику. Религиозный фактор обладает мощным консолидирующим условием в противодействии развитию деструктивных процессов. Вместе с тем, для удовлетворения личных амбиций и достижения политических целей, несмотря на противоречие основным религиозным принципам и доктринам, представители деструктивных религиозных направлений активно применяют психологические методы воздействия, используя веру и убеждения своих последователей. Реализация предлагаемых мер по обеспечению духовной безопасности в различных сферах гражданского общества на всех уровнях государственного управления позволяет противодействовать деструктивному воздействию, использующему религиозные убеждения. Целью исследования является формулирование основных контуров сбалансированной политики в этноконфессиональной сфере и основанной на идеологических принципах, которые способны обеспечить условия согласия и унификации взаимоотношений политических акторов. Именно такие идеологические концепции способны выступить в качестве весомого оппонента деструктивному процессу. В данном исследовании были использованы методы, основанные на рационализме, диалектике, сравнительном анализе, историографии, применены структурно-функциональный и цивилизационный подходы. Полученные результаты могут быть использованы при разработке концептуальных документов в сфере безопасности.

Ключевые слова: религия, деструкция, фундаментализм, экстремизм, радикализм, гражданское общество, духовная безопасность, противодействие деструктивным процессам

Для цитирования: Бритвин А. В. Религиозный фактор в деструктивных социальных процессах (на примере исламизма) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 133–141. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-133-141>. EDN UUJWUA

Politology and Ethnopolitics

Original article

The religious factor in destructive social processes (on the example of Islamism)

Aleksey V. Britvin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
britvin.av-post@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-4043-5343>

Abstract. Spiritual and cultural characteristics play a significant role in modern society. The religious factor is one of the key elements that ensure spiritual security, strengthen friendly relations between various ethnic and religious groups, and shape their self-determination. Religion is one of the driving forces of the development of civil society and even determines the degree of its intensity. Due to the increasing influence

of religion on political processes, its influence is becoming extremely important for domestic and foreign policy activities, therefore, the government of any state should take into account religious specifics. The religious factor has a powerful consolidating condition in countering the development of destructive processes. At the same time, in order to satisfy personal ambitions and achieve political goals, despite the contradiction of the basic religious principles and doctrines, representatives of destructive religious trends actively use psychological methods of influence, using the faith and beliefs of their followers. The implementation of the proposed measures to ensure spiritual security in various spheres of civil society at all levels of government makes it possible to counteract destructive influences using religious beliefs. The aim of the study is to formulate the main outlines of a balanced policy in the ethno-confessional sphere and based on ideological principles that can provide conditions for agreement and unification of relations between political actors. It is precisely such ideological concepts that can act as a weighty opponent to the destructive process. In this study, methods based on rationalism, dialectics, comparative analysis, historiography were used, structural-functional and civilizational approaches were applied. The results of the research can be used in the development of conceptual documents in the field of security.

Keywords: religion, destruction, fundamentalism, extremism, radicalism, civil society, spiritual security, countering destructive processes

For citation: Britvin A. V. The religious factor in destructive social processes (on the example of Islamism). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):133-141. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-133-141>. EDN UJJWUA

Важной чертой гражданского общества и необходимым условием для его развития является создание устойчивых взаимоотношений между людьми. Это явление возможно на различных этапах формирования гражданского общества и сохраняется на прочном уровне в результате укрепления связей между людьми. Благодаря созданию устойчивых социальных систем на институциональном этапе и взаимообогащению на естественном этапе развития гражданского общества осуществляется формирование социальных взаимоотношений.

Возникающие на основе общественных отношений и интересов отдельных граждан в рамках гражданского общества социальные связи между людьми формируются различными этносоциумами и гражданскими общностями. Они представляют собой сложнокомпонентную структуру, которая образуется на основе межличностного взаимодействия. Естественным этапом развития таких отношений становится устойчивый социальный конструкт гражданского общества с единством целей и интересов, включая персонализированные границы и специфику внутригрупповой коммуникации.

На протяжении всего общественного развития, начиная с индивидуальных контактов и заканчивая формированием устойчивого социального сообщества, взаимодействия между людьми протекают из одной социальной среды в другую и обратно. В целях саморегуляции этих процессов возможность использования социального конструкта позволяет задавать обществу модели взаимодействия. Без контроля над данным гражданским процессом возрастает вероятность возникновения деструктивных форм взаимодействия. Управление политической сферой гражданского общества призвано не допускать развитие процессов, губительных для общественного единства.

Соответственно, определенные свойства, способствующие деструктивным процессам и явлениям, обладающие организованным и повторяющимся характером, становятся неотъемлемыми характеристиками гражданского общества. Изменение организационной структуры социальных отношений и форм общественного устройства в результате цивилизационного процесса, а также формирование различных социальных систем местного значения, негативно влияющих на общественную безопасность, являются ключевыми аспектами данного исследования.

В результате цивилизационного процесса происходит комплексная трансформация общественного строя, которая является естественным результатом социально-исторического прогресса. Наблюдается перестройка форм коммуникаций, усложняющая механизм общественного взаимодействия, и вместе с этим повышается эффективность социальных процессов, протекающая в ходе социального развития.

Расширение взаимодействия в социальных моделях приводит к усложнению социальной системы, в которой продолжают существовать стабильные социальные структуры. Закономерные и управляемые процессы представляют собой разносторонние взаимосвязи саморегуляции государственного строя, что позволяет без противоречий согласовывать взаимодействие различных систем. Модели взаимодействия в обществе также подвержены изменениям и зависят от основных социальных институтов.

В качестве используемого гражданским обществом инструментария для организации и регулирования происходящих внутри него указанных социальных процессов выступает система государственного управления. От того, насколько сильно государственная система отклоняется от равновесия, и ее способность управлять отдельными механизмами в направлении сбалансированной координации, зависит корреляция структурных элементов общества.

При изучении механизмов деструктивной саморегуляции важно уделить особое внимание предотвращению губительных социальных взаимодействий. Эти механизмы характеризуются особыми устойчивыми признаками, что приводит к возникновению и развитию неблагоприятной структуры социальных взаимоотношений, основанных на негативных целях и перспективах деятельности различных участников гражданского общества. Деструктивными процессами являются коммуникации людей или их групп, в которых проявляется соединение противоправных и логически противоположных идей, а при формировании и развитии экстремистских групп происходит установление социального конфликта как нормы поведения.

Деструктивный процесс в политическом пространстве предстает в качестве сложноорганизованного явления, включающего в себя идеологию и практические действия, направленные на незаконное использование силы и подстрекательство к насилию на основе политических, социальных, этнорелигиозных и других принципов. Он является опасным явлением, которое негативно воздействует на различные аспекты общественной жизни, включая не только внутреннюю, но и внешнюю безопасность государства, его социальную, экономическую, культурную и другие его сферы. Результатом комплексного воздействия деструктивного процесса на указанные сферы могут быть серьезные негативные последствия для отдельно взятого региона и государства в целом.

В энциклопедической литературе термин «деструкция» (от лат. *destruction* – разрушение) описывается как патологическое явление, которое характеризуется разрушением сложившихся устоев, основ, отношений и структуры [1, с. 199]. Идея разрушительности была предложена и развивалась многими психоаналитиками, включая представление о склонностях к разрушительности у человека, врожденном импульсе разрушения [2, с. 465–503], которую высказала С. Шпильрейн. С другой стороны, З. Фрейд предложил и развил концепцию деструктивности, как врожденного качества каждого человека [3, с. 92], которое в основном отличается в зависимости от его окружения или индивидуальности – внешне или внутренне из-за наличия разрушительной составляющей [4].

Тем временем, В. Райх считал, что причиной деструктивного импульса в человеческом сознании является стремление к устранению рискованного фактора для самого себя, и поэтому разрушение может приобретать осознанные и важные для индивида черты [5, с. 130-177]. Э. Фромм выразил соотношение между деструктивным параметром личности и ее отношением к себе и обществу, при этом состояние саморазрушения стало основой для интерпретации проблем насилия и деструктивности, «в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков, но не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте» [6, с. 163].

Сегодня в обществе существует много различных религиозных направлений, и каждый человек может выбрать то, которое ему больше нравится. Однако из-за этого могут потеряться индивидуальные и коллективные идентичности, что может привести к неопределенности и общественной нестабильности. Современная действительность гражданского общества определила религии важную роль, особенно в управлении межэтническими отношениями. Это приводит к формированию уникальных культурных традиций и ценностей, подчеркивает индивидуальность и уникальность общества. В то же время, религия вовлечена в различные политические процессы, что может привести к разделению общества и по политическим взглядам.

В одной из своих работ известный британский религиовед и философ К. Армстронг выражает мысль, что не без причин «религия снова стала той внушительной силой, с которой пришлось считаться любым властям... и, без сомнения, будет играть важную роль во внутренней и внешней политике будущего» [7, с. 13].

Религиозный фактор может использоваться в политическом процессе двумя основными способами: разрушительным, через создание сепаратистских террористических групп и привлечение к ним большого числа людей, и конструктивным, путем установления партнерских отношений между государством и религиозными организациями для обеспечения общественной безопасности, регулирования и социального развития гражданского общества.

Символизируя многообразный этнокультурный феномен и представляя собой сложную систему ценностей, религия консолидирует представителей различных этногрупп и культур, давая

им специфичные убеждения и цели. Она помогает людям найти смысл и цель в жизни, дает им надежду и поддержку в трудные моменты. В то же время, религия может вызывать споры и разногласия, так как каждый человек имеет свое собственное понимание и уникальную веру.

Разрушение Советского Союза с последующим отказом от светской идеологии атеизма, а также введения свободы совести и вероисповедания, послужили причинами распространения в «Новой России» разнообразных нетрадиционных религиозных направлений, которые ранее не были характерны для российского общества.

Влияние ряда религиозных направлений на индивидуальное сознание приводит к отчуждению от общепринятых традиций и общества в целом, а также к деструктивным изменениям в личности и обществе. В ряде случаев религиозные убеждения деструктивного характера становятся основой для ценностных установок целых этнорелигиозных групп. Они оказывают влияние на социальные принципы и формируют общественную реальность.

Изучение российского и международного опытов демонстрирует активное применение религиозного фактора деструктивными организациями в области разрушения общественной целостности, ориентированной на уничтожение большого количества людей, затрагивая интересы государственной безопасности, семейных ценностей, сферы воспитания и образования детей и молодежи, а также психологической защиты личности [8, с. 122].

Серьезную опасность для безопасности государства представляет фанатизм и экстремистская политическая интерпретация религиозных лозунгов. Опыт полного подчинения индивида религиозному лидеру в стремлении к достижению наилучшего результата в этой сфере является основой скрытой формы религиозного фанатизма.

Учитывая, что традиционные религиозные учения не только запрещают и удерживают человека от совершения незаконных действий, но также противодействуют нарушению установленных обществом традиций и правил поведения, они часто становятся адресатом нападок носителей экстремистских идеологий.

Проблема применения религиозного экстремизма в целях угнетения представителей других вероисповеданий, считаемых врагами, для принуждения их к принятию «правильной» религиозной доктрины остается актуальной в настоящее время. При изучении нравственно-этической и психологической составляющей религиозного экстремизма следует отметить, что он вступает в конфронтацию с убеждениями и ценностями других вероучений, проявляет нетерпимость к различным мнениям и не уважает разнообразие вероисповеданий в обществе.

Отсутствие достаточного внимания к общепринятым ценностям и нормам, традициям и обычаям, включая проблемные стороны нравственно-духовной, аксиологической, идеологической и моральной социальных сфер, способствует появлению и распространению деструктивных религиозных групп, использующих психологические методы для манипуляции мыслями, эмоциями и поведением своих последователей, создавая у них духовную зависимость. Создавая иллюзию интереса к их проблемам и желание помочь, агрессивные миссионеры с легкостью привлекают людей в такие объединения. Затем они вводят их в деструктивную идеологию, заставляя размышлять о нравственных проблемах современного общества и подчеркивая моральную ответственность и долг неопитов. В итоге они подчиняются воле и главенству деструктивной организации.

Формируя взгляды, ценности, убеждения и отношение к окружающему миру и происходящим событиям, вероисповедание человека является главным фактором, влияющим на его духовное состояние. Религиозные экстремисты стремятся изменить веру и взгляды людей, используя религиозные ценностные ориентации. При этом крайними мерами продвижения нетрадиционных идеологием последователями религиозных экстремистских групп являются насильственные способы для разрешения разногласий между деструктивными и государственными институтами и продвижением социального прогресса. «Преследование человека по религиозным убеждениям оправдывается, в свою очередь, тем, что люди, которые живут не по законам данной религии, не могут претендовать на спасение и являются врагами, поскольку не разделяют «нашу» систему ценностей, отношение к окружающему миру и людям» [9, с. 39].

Религиозный экстремизм может быть как межконфессиональным, так и внутрирелигиозным, когда сторонники одной веры противостоят представителям других вероисповеданий или течений (например, в исламе – при противодействии традиционного суфизма ваххабитской идеологии на территории Чеченской Республики и Республики Дагестан в период становления «Новой России»).

В одной из своих работ известный российский ученый Ю. А. Клейберг дает следующий портрет экстремиста: «Исследования личности экстремиста в большинстве случаев характеризуют его как дезадаптированного в существующей социальной реальности маргинала, испытывающего беспокойство перед будущим, агрессивно настроенного, тяготеющего к силовым способам решения жизненных проблем, пренебрегающего правовыми нормами» [10, с. 202].

С целью осуществления идеологии, основанной на политическом исламе, так называемом исламизме, экстремистски настроенные религиозные организации исламской веры имеют широкие возможности влиять на социально-политическую сферу практически любого государства. Так, в конце XX века ислам стал политическим фактором в северокавказском регионе, и религиозные партии и движения, признанные впоследствии незаконными, (например, Аль-Джамаа Аль Исламия, Джамаат аль Муслимин, Исламская партия возрождения и другие) активно начали вмешиваться в общественные дела и призывать к изменению политико-социальной системы региона в соответствии с их учениями. Вследствие упомянутых намерений, в связи с кризисом в области социально-экономических отношений, общество разделилось на две группы – сторонников традиционного и радикального ислама. Приверженцы тарикатских братств отстаивают древние традиции, в то время как последователи ваххабизма стремятся к воссозданию древнего исламского государства и провозглашают «священную войну» против всех, кто не разделяет их вероучения.

Иностранные государства сыграли важную роль в развитии деструктивного процесса на Северном Кавказе, поддерживая радикальный ислам ваххабитского толка финансово и идеологически. «Отсутствие специалистов по шариатским нормам, зачастую компенсировалось за счет приглашения их из арабских стран» [11, с. 337].

Подобный процесс имеет многоэтапную структуру использования религиозного фактора для достижения политических целей. Сначала проводится миссионерская и гуманитарная деятельность для создания благоприятного образа и настроения, далее формируются полувоенные подразделения последователей экстремистских течений, а затем силовыми методами происходит изменение властных структур для введения исламистского административного режима.

Одним из ключевых компонентов религиозно-экстремистской деятельности является совокупность крайне консервативных аксиологических, нравственно-духовных, философских учений, проявляющихся в фундаментализме. Фундаментализм (лат. fundamentum – базис, основа, основание) представляет собой социально-политическое направление, объединяющее идеологические принципы, взгляды и понятия, которые выражают отрицание системного социального и политического развития, придерживаются традиций и защищают этнические, религиозные и другие принципы как абсолютную истину [12, с. 251].

Отправным источником исторического развития фундаментализма является принцип *Sola Scriptura* (только Писание) в теологии протестантизма, который определяет Библию как единственный источник веры. Самым радикальным в политическом пространстве стал исламский фундаментализм, целью которого является создание теократического государства и отметание всего, чего нет в Коране, что воспринимается международным сообществом как серьезная угроза для международных отношений и политической стабильности. Основной идеей фундаментализма является возвращение к первоначальному социально-политическому порядку и сохранение религиозных догматов в их первоначальном виде.

Движение религиозного фундаментализма является одним из факторов, способствующих развитию деструктивных процессов в общественно-политической сфере, противостоящее господствующей секулярной идеологии и стремящееся к строгому следованию религиозных учений, опирающееся на буквальное толкование Священных книг и Писаний. «Фундаменталистские принципы могут служить ориентирами политической деятельности и мобилизовывать определенную часть общества для активного участия в политической деятельности» [13, с. 69].

Еще одним примером использования религиозного фактора в деструктивном процессе является противодействие государственной политике, регулирующей свободу слова и вероисповедания. Верующие зачастую не согласны с ограничениями в практике миссионерской деятельности, повсеместного отправления религиозных обрядов и навязывания инокультурных традиций.

Фундаменталисты отрицают существующую официальную религиозную структуру, считая враждебными отдельные социокультурные и политические основы современного гражданского общества, включая идеологию демократии и либерализма [14, с. 73].

Религиозно-политический синкретизм также являет собой специфичную модель деструктивного процесса, при которой религиозные убеждения определяют политический курс государства. С одной стороны, государство может влиять на духовное развитие общества, формируя правовые нормы, а с другой стороны, политические партии и движения используют религиозные ценности в своих предвыборных программах и идеологических доктринах, пренебрегая законодательно установленной религиозной и национальной нейтральностью.

В целях практического воплощения экстремистской религиозной идеологии планируются и реализовываются радикальные действия, представляющие собой совокупность политически ориентированных идей и практик, направленных на безусловное и существенное преобразование социально-политических взаимоотношений и государственных институтов власти [12]. Такой политический радикализм отражает прагматичную сторону религиозного экстремизма и стремится к насильственному изменению политического режима через мятеж, революцию или государственный переворот.

Умеренный радикализм выступает в качестве одного из компонентов политической жизни и ориентирован на решение локальных социально-политических и экономических проблем как устойчивое идейно-политическое течение, система убеждений определенной социальной группы [15, с. 301]. Однако основным признаком экстремистской религиозной группировки является стремление убедить или принудить остальное общество принять их верования и следовать им.

Степенью крайности, которую проявляет этнорелигиозная группа служат цели преобразования системы социальных отношений. Приверженцы религиозного экстремизма полагают, что увеличение свободы в обществе и изменение нравов поведения приводят к разрушению социальной структуры, и, поэтому, стремятся восстановить древние религиозные идеалы и стандарты поведения в обществе. В качестве способа насильственного воздействия на личность, социальные группы, народы, государства и группы государств, через провоцирование массового страха, гражданских и межэтнических войн, реализуется гибридная форма ведения войны, выраженная в социально-деструктивных процессах, включающих терроризм [16, с. 132–133].

Террористическая деятельность представляет собой особую форму проявления религиозно-политического экстремизма, являющегося компонентом организованной системы, выполняющей специфичные функции в социально-политических системах, угрожающих безопасности и обороноспособности государства, сопровождающиеся формированием негосударственных вооруженных структур с последующим их стремлением овладеть политической властью [17, с. 98].

Влияние религиозного фактора на межэтнические отношения определяет содержание и изменение цивилизационной общности. Возможность возникновения противоречий на этнической и религиозной основе объясняется конкуренцией за влияние этнорелигиозных групп на политический процесс, в части борьбы за власть и влияние. Для достижения своих целей некоторые зарубежные политические деятели используют эти противоречия, прямым результатом которых являются национальная ненависть, этнорелигиозная нетерпимость и другие формы неприязни, включая локальные войны.

В связи с этим, для эффективного государственного управления чрезвычайно важно постоянно контролировать происходящие межэтнические процессы и изучать этнорелигиозную региональную специфику.

Рост влияния религии на общество способствует возрождению цивилизационного взгляда на мир и самоопределению личности, национальных групп и гражданского общества. Тем не менее, это также может способствовать распространению деструктивных религиозных течений и настроений в обществе. Следовательно, необходимо исследовать и выявлять основные проблемы и угрозы духовной безопасности, а также обосновывать влияние религиозного фактора на формирование гражданского общества на индивидуальном и коллективном уровнях его развития.

Гармоничная организация политической системы в достаточной мере представляет собой противоположную деструкции концепцию. Примером деструкции могут служить сепаратистские настроения в некоторых регионах России (Башкортостан, Татарстан, Чечня, некоторые регионы Сибири и Урала) [18, с. 137–141] в постсоветской эпохе. Слабость центральной власти, проявляющаяся в периоды кризисов легитимности, традиционно способствует проникновению духа сепаратизма в гражданском обществе, увеличивает дополнительные перспективы популяризации сепаратистских стремлений [19, с. 125].

Например, в Чеченской Республике с 1991 по 2001 г. существовала Республика Ичкерия – государство со своими вооруженными силами, парламентом, президентом, собственной внешней

политикой и независимостью. Некоторые другие территории «Новой России» конца XX века отказывались платить налоги в федеральный бюджет, не отправляли своих граждан на службу в армию и не выполняли свои функциональные обязанности.

Восстановление утраченного политического влияния стало возможно при условии пересмотра отношений между федеральной властью и регионами, этническими группами и элитой общества, а также учета разнообразных этнорелигиозных и исторических традиций. Для профилактики сепаратизма необходимо универсализировать концепт политического порядка, который будет принят и понят всеми членами общества через формирование взаимоотношений и процессов, разработку идеологий и политического управления. Чтобы преодолеть деструктивные последствия этнорелигиозных противоречий, необходимо уделить особое внимание отрицательным проявлениям этой специфики.

Для достижения целей государственной политики по установлению мирных и гармоничных межэтнических и межрелигиозных взаимоотношений включая укрепление взаимодействия между культурами на региональном и общегосударственном уровнях, важно принимать во внимание этнорелигиозную специфику коренных жителей субъектов РФ. Такая модель политического управления должна учитывать уникальные региональные черты и историко-культурное наследие, а также важность низового участия акторов гражданского общества. Только это позволит обеспечить эффективное управление в долгосрочной перспективе.

Несмотря на законодательную вариативность, регулирующую отношения между государством, религиозными объединениями и верующими, возникают трудности в определении и выявлении опасных религиозных групп и организаций, а также в контроле за их деятельностью. Нелегальные действия опасных религиозных групп, дезорганизация профильных специалистов государственных органов и непредсказуемое поведение последователей радикальных религиозных группировок после устранения их лидеров создают проблемы при создании законодательной основы для борьбы с движениями деструктивной направленности.

Формирование и осуществление эффективных государственных стратегий борьбы с деструктивными процессами в этноконфессиональной сфере необходимы для обеспечения духовной безопасности и благополучия гражданского общества и государства в целом.

Одним из перспективных способов противодействия деструктивным религиозным движениям является обеспечение неизбежности наказания за совершение преступлений, связанных с религиозными объединениями, независимо от их вероучения. Также важным направлением прогрессивного противодействия деструктивным процессам является качественная подготовка специалистов различных государственных служб и ведомств.

Государство является основным актором политического процесса и обеспечивает интересы общества через разнообразные программы и законодательные акты, усиленные внушительным административным ресурсом. В подобных ситуациях политическое управление и административное регулирование связаны с общественной деятельностью и воздействием различных социальных групп, которые могут влиять на принятие политических решений. Ключевыми обстоятельствами результативного осуществления данной политики являются верховенство права, независимость правосудия, публичность и открытость.

Активное участие представителей различных этнических групп и общественно-политических организаций в политической жизни, а также взаимодействие с политическими деятелями и государственными структурами являются основными особенностями управления в России.

Для успешной борьбы с разрушительными процессами необходимо обеспечить сотрудничество между федеральными и региональными органами власти, эффективное взаимодействие государственного аппарата и социальных институтов, а также строгое соблюдение законов по отношению к религиозным организациям, общественным движениям, политическим партиям и другим группам. Подобными мерами государственного реагирования могут выступать запрет на деятельность, отказ в регистрации, признание экстремистскими, привлечение к уголовным и другим правовым санкциям.

Сбалансированная политика, основанная на четких идеологических принципах и направленная на создание условий для согласования и унификации отношений между политическими деятелями, является серьезным ответом деструктивному процессу, использующему религиозный фактор в межэтнических отношениях и политической практике.

Сотрудничество между государством, традиционными религиозными объединениями и верующими направлено на достижение общей цели и на создание гармоничной модели социально-политического развития. Поддержка и развитие традиционных ценностных ориентаций и правил поведения,

определяющих особенности многонационального и поликонфессионального гражданского общества, эффективная реализация перспективных трансформаций в социальной сфере гражданского общества, формирование государственной системы управления по принципу приоритета духовно-нравственных идеалов, сотрудничество религиозных организаций и гражданского общества – представляют собой основные условия для успешного управления этноконфессиональной сферой и противодействия деструктивным процессам.

Список источников

1. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Егорова Т. В. М.: «Аделант», 2014.
2. Шпильрейн С. Деструкция как причина становления. / Сабина Шпильрейн // перевод Менихи Исааковны Шпильрейн по изданию Sabina Spielrein, Die Destruktion als Ursache des Werdens. Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, 1912. № 4. С. 465-503.
3. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / перевод со 2-го нем. Издания под ред. и с предисл. Л.С. Выготского и А.Р. Лурия. М.: Современные проблемы. Н. А. Столляр. 1925. 108 с.
4. Фрейд З. Я и Оно. М.: АСТ. 2018. 333 с. ISBN 978-5-17-108547-6.
5. Райх Вильгельм. Анализ характера / пер. с англ. Е. Поле. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 528 с. ISBN 5-04-004421-6.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности; пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2004. 635 с. ISBN 5-17-023209-8.
7. Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма; пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 502 с. ISBN 978-5-91671-148-6.
8. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие для вузов / Н.Д. Эриашвили и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 207 с. ISBN 978-5-238-03367-9.
9. Лонский Я. А. Идеино-теоретическая и практическая составляющая религиозного экстремизма // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2019. № 3. С. 35–42.
10. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 287 с. ISBN 978-5-534-16487-9.
11. Нечитайло Д. А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. Дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01. М., 2017. 633 с.
12. Погорелый Д. Е., Фесенко В. Ю., Филиппов К. В. Новейший политологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
13. Астапов С. Н. Социокультурная природа религиозного фундаментализма // Религиоведение. 2023. № 1. С. 65–70.
14. Ахромеева Ю. В. Религиозный и культурный фундаментализм как условия возникновения религиозного экстремизма // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 66–74.
15. Воронцова М. В., Макаров В.Е., Бюндюгова Т. В. Теория деструктивности: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 330 с. ISBN 978-5-534-13596-1.
16. Религиоведение: учебник для вузов / И.Н. Яблоков; под редакцией И.Н. Яблокова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 371 с. ISBN 978-5-534-05253-4.
17. Магомедов Н. Г. Об исламском религиозном и религиозно-политическом экстремизме // Исламоведение. 2020. № 1 (43). С. 95–111.
18. Ахметов А. А. Кризис легитимности власти как ключевой фактор актуализации сепаратизма в России в 90-е годы XX века // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 137–141.
19. Савва М. В., Савва Е. В. Сепаратизм в современной России: актуальность и классификация // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 124–126.

References

1. *Dictionary of foreign words of the modern Russian language*. Comp. Egorova T. V. Moscow: "Adelant"; 2014. (In Russ.)

2. Shpilrein S. *Destruction as the cause of formation*. Translated by Menikha Isaakovna Spielrein from the edition of Sabina Spielrein, *Die Destruction als Ursache des Werdens*. Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, 1912; (4): 465-503. (In Russ.)
3. Freud Z. *Beyond the pleasure principle*. Translated from the 2nd German. Ed. editions and with a preface by L.S. Vygotsky and A.R. Luria. Moscow: Modern problems. N.A. Stollyar; 1925. 108 p. (In Russ.)
4. Freud Z. *Me and It*. Moscow: AST; 2018. 333 p. ISBN 978-5-17-108547-6. (In Russ.)
5. Reich Wilhelm. *Character Analysis*. Translated from English by E. Field. Moscow: April Press, Publishing house EKSMO-Press; 2000. 528 p. ISBN 5-04-004421-6. (In Russ.)
6. Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*; translated from German by E. Telyatnikova. Moscow: AST; 2004. 635 p. ISBN 5-17-023209-8. (In Russ.)
7. Armstrong K. *The Battle for God: the History of Fundamentalism*; translated from English. Moscow Alpina non-fiction. 2013. 502 p. ISBN 978-5-91671-148-6. (In Russ.)
8. *Religious studies and the basics of countering religious extremism: a textbook for universities*. N.D. Eriashvili et al. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: UNITY-DANA; 2020. 207 p. ISBN 978-5-238-03367-9. (In Russ.)
9. Lonsky Ya. A. The ideological, theoretical and practical component of religious extremism. *Bulletin of the Moscow State University. Series: Philosophical Sciences*. 2019; (3): 35-42. (In Russ.)
10. Kleiberg Yu. A. Psychology of deviant behavior: textbook and workshop for universities. 5th ed., reprint. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House; 2024. 287 p. ISBN 978-5-534-16487-9. (In Russ.)
11. Nechitailo D. A. *Modern radical Islamism. Strategy and tactics*. Dis. ...Dr. polit. Sciences: 23.00.01. Moscow; 2017. 633 p. (In Russ.)
12. Pogorely D. E., Fesenko V. Yu., Filippov K. V. *The latest political science dictionary*. Rostov-on-Don: Fenix; 2010. (In Russ.)
13. Astapov S.N. Sociocultural nature of religious fundamentalism. *Religious Studies*. 2023; (1): 65-70. (In Russ.)
14. Akhromeeva Yu. V. Religious and cultural fundamentalism as conditions for the emergence of religious extremism. *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Social and Humanitarian Sciences*. 2015; (1): 66-74. (In Russ.)
15. Vorontsova M. V., Makarov V. E., Byundyugova T. V. Theory of destructiveness: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House; 2024. 330 p. ISBN 978-5-534-13596-1. (In Russ.)
16. Yablokov I. N. *Religious studies: textbook for universities*; edited by I.N. Yablokov. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Yurait Publishing House; 2024. 371 p. ISBN 978-5-534-05253-4. (In Russ.)
17. Magomedov N. G. On Islamic religious and religious-political extremism. *Islamic Studies*. 2020; 1 (43): 95-111. (In Russ.)
18. Akhmetov A. A. The crisis of the legitimacy of power as a key factor in the actualization of separatism in Russia in the 90s of the twentieth. *Bulletin of the Moscow State University. Series: History and Political Sciences*. 2010; (3): 137-141. (In Russ.)
19. Savva M. V., Savva E. V. Separatism in modern Russia: relevance and classification. *Theory and practice of social development*. 2014; (17): 124-126. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Бритвин – магистр государственного управления, аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений ИГСУ РАНХиГС.

Information about the author

A. V. Britvin – Master of Public Administration, Postgraduate of the State-Confessional department of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024; одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 25.08.2024.

The article was submitted 28.07.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 25.08.2024.

Научная статья

УДК 329

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-142-147>

EDN KBZHТО

Политические партии в процессе осуществления политической модернизации России

Иван Федорович Денисенко

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
dif_gmu@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2774-4301>

Аннотация. В статье проведен анализ места и роли политических партий в процессе осуществления политической модернизации Российской Федерации, в формировании единой системы публичной власти и в функционировании политической системы общества. Акцентируется внимание на исторических предпосылках и этапах развития многопартийной системы в России, начиная с конца XIX века и до настоящего времени. Делается вывод, что в условиях внешнеполитических вызовов и внутренних преобразований российские политические партии продемонстрировали свою зрелость и способность к консолидации общества вокруг приоритетов государственной политики. Процесс политической модернизации России невозможно представить без активного участия и развития политических партий, которые, несмотря на все вызовы и девиации, продолжают оставаться важным фактором укрепления демократических институтов и государственного суверенитета.

Ключевые слова: политические партии, партийное строительство, властная парадигма, единая система публичной власти, политическая элита, модернизация

Для цитирования: Денисенко И. Ф. Политические партии в процессе осуществления политической модернизации России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 142–147. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-142-147>. EDN KBZHТО

Politology and Ethnopolitics

Original article

Political parties in the process of implementing political modernization in Russia

Ivan F. Denisenko

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia,
dif_gmu@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2774-4301>

Abstract. The article analyzes the place and role of political parties in the process of political modernization of the Russian Federation, in the formation of a unified system of public power and in the functioning of the political system of society. Attention is focused on the historical background and stages of the development of the multiparty system in Russia, from the end of the XIX century to the present. It is concluded that in the context of foreign policy challenges and internal transformations, Russian political parties have demonstrated their maturity and ability to consolidate society around the priorities of state policy. The process of Russia's political modernization cannot be imagined without the active participation and development of political parties, which, despite all the challenges and deviations, continue to be an important factor in strengthening democratic institutions and state sovereignty.

Keywords: political parties, party building, power paradigm, unified public authority system, political elite, modernization

For citation: Denisenko I. F. Political parties in the process of implementing political modernization in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):142-147. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-142-147>. EDN KBZHТО

Введение

Новейшая история партийного строительства в России уходит своими корнями в конец XIX – начало XX века и прошла несколько этапов в своём становлении и развитии. Формальное основание функционированию многопартийной системы в России дал «Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка», подписанный Николаем II в 1905 г.

Методы исследования

Методологической основой исследования является системный подход, позволяющий всесторонне рассмотреть роль политических партий в процессе политической модернизации Российской Федерации. Применение исторического анализа и институционального подхода обеспечило глубокое понимание развития многопартийной системы в контексте изменения политической структуры и государственной власти.

Основная часть исследования

Развитие многопартийной системы в России столкнулось с длительным и сложным процессом, который был обусловлен значительными историческими потрясениями, такими как Февральская буржуазно-демократическая революция и Октябрьская социалистическая революция 1917 г. Эти события привели к изменению политического конструкта страны, включая переход от многопартийности к фактическому установлению однопартийного режима сначала в советской России, а затем и в СССР [1–2].

Огромное значение роли партии в управлении государством придавал основатель партии большевиков В. И. Ленин, важнейшим элементом учения которого является положение о руководящей роли коммунистической партии в государстве: «Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии»¹.

Руководящая роль Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) была закреплена на уровне конституционного законодательства, что сформировало основу для монопольного политического режима и исключило возможность появления и развития альтернативных политических структур. Принятие Конституции СССР 1977 г., где статья 6 официально определила КПСС как «руководящую и направляющую силу советского общества» и «ядро его политической системы», институционализовало однопартийную модель, систематически подавляя любые попытки формирования многопартийной системы. Этот конституционный механизм обеспечил КПСС полное доминирование в политической жизни страны, эффективно устраняя юридические и организационные условия для появления политического плюрализма².

С приходом к руководству СССР М. С. Горбачёва в жизнь советских людей были принесены такие новые понятия, как перестройка и гласность, которые предполагали демократизацию общества, смягчение цензуры в средствах массовой информации, наличие свободы слова, создание партий и общественно-политических объединений не подконтрольных государству.

Именно в этот период в политических кругах страны началась борьба за отмену 6-й статьи Конституции. В соответствии с новой редакцией, 6-я статья Основного закона СССР уравнивала КПСС с другими политическими образованиями, общественно-политическими движениями и организациями в вопросах участия в управлении государством и фактически санкционировала создание других политических партий.

В октябре 1990 г. был принят закон СССР «Об общественных объединениях», признавший наличие в стране многопартийности, ставший фактором, кардинально повлиявшим на процесс партийного строительства и открывшим путь к бурному росту количества политических партий. Однако всплеск многопартийности пока не обеспечивал необходимого качества политической системы и результатов деятельности партий, соответствующих запросам избирателей [3–4].

К примеру, анализ итогов голосования в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации V, VI и VII созывов показывает, что к тому периоду количество политических партий значительно выросло, а в 2016 г. их официально зарегистрировалось в Министерстве юстиции РФ около 80. Однако характерной для большинства из них являлась малочисленность рядов, слабый охват регионов, организационная слабость, аморфность программ, фракционное

¹ В. И. Ленин о государстве и праве. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studfile.net/preview/pa/7673561ge:50/>

² Конституция СССР 1977 г. https://constitution.grant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/

противостояние, внутрипартийная борьба за власть и пр. В результате, только 14 из них (Единая Россия, КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия, Коммунисты России, Яблоко, Партия пенсионеров за справедливость, Родина, Партия роста, Зелёные, ПАРНАС, Патриоты России, Гражданская платформа и Гражданская сила) оказались способными участвовать в выборном процессе, а 5-ти % барьер смогли преодолеть, уже ставшие постоянными победителями, только – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия».

Таблица 1 – Партии, победившие на выборах и вошедшие в состав Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Table 1 – The parties that won the elections and joined the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

2007 г.	2011 г.	2016г.	2021 г.
1. «Единая Россия». 2. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ). 3. Либерально-демократическая партия России(ЛДПР). 4. «Справедливая Россия».	1. «Единая Россия». 2. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ). 3. Либерально-демократическая партия России(ЛДПР). 4. «Справедливая Россия»	1. «Единая Россия» 2. Коммунистическая партия Российской Федерации(КПРФ) 3. Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) 4. «Справедливая Россия»	1. «Единая Россия» 2. Коммунистическая партия Российской Федерации(КПРФ) 3. «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» 4. Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) 5. «Новые люди»

Политические партии, будучи субъектом процесса модернизации государство и общество в целом, обеспечивают связь между государством институтами гражданского общества и играют одну из ключевых ролей в обеспечении суверенности и развития государства. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении в 2016 г. подчеркнул: «Мы с вами хорошо понимаем, что качество политической системы измеряется не числом партий, а их способностью влиять на решение проблем, которые волнуют наших людей»¹.

Своего рода рейтинговым испытанием для политических партий России стали более 6 тысяч выборов на федеральном и региональном уровнях, прошедших в большинстве регионов страны в сентябре 2019 г. Среди них важнейшее значение имели выборы губернаторов 16 субъектов, в ходе которых везде победили кандидаты, выдвинутые или поддержанные партией «Единая Россия».

В результате конкурентной борьбы, в первую очередь, среди парламентских партий, ЛДПР, с 2007 г. традиционно занимавшая третье место, уступила его обновлённой политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» и переместилась на четвертое место².

Целый ряд событий мирового уровня и внутри самой России, прошедших в последнее десятилетие, значительно актуализировал, если не сказать, кардинально изменил вектор и структуру государственной политики в области модернизации политической системы

Именно конституционное усиление роли парламентских партий в государственном строительстве и принятии важных государственных решений стали важным шагом, направленным на качественные преобразования политической системы и повышение эффективности действующей власти на всех уровнях.

Неслучайно, одними из значимых и активно поддерживаемых в обществе стали поправки в Основной закон, касающиеся требований к качественной составляющей людей, связывающих свою судьбу с деятельностью по управлению государством [5].

Учитывая ту роль, которая отводится партийной элите, в Конституцию Российской Федерации внесены положения, четко определяющие требования к депутатам, работающим в органах законодательной власти. К ним относятся:

- постоянное проживание в Российской Федерации;

¹ Путин В.В. Выступление перед депутатами Государственной Думы РФ шестого созыва 22. 06. 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/search>

² Выборы в Госдуму – 2021: итоги. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1486341/>

- запрет на гражданство иностранного государства;
- запрет иметь счета и хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Подобные меры можно расценивать, как стремление верховной власти страны консолидировать потенциал парламентских партий, законодательных и исполнительных органов власти не только на решении важнейших проблем и задач в государстве, но и на разделении ответственности за реализацию государственной политики, в том числе и по кадровым вопросам.

Возвращаясь к вопросу о расширении полномочий парламентских партий в принятии важных государственных решений, в том числе их участия в формировании органов власти, следует отметить, что в данном случае речь идёт о двустороннем процессе, предполагающем наличие обратной связи. Смысл обозначенного тезиса модели заключается в том, что, признавая и принимая роль политических партий в строительстве властной парадигмы, органы власти, в свою очередь, обладают правом участия в партийном строительстве [6–7].

Подтверждением сложившихся взаимоотношений и даже взаимозависимости является и наличие полномочий сторон по участию в функционировании и развитии друг друга. К примеру, в структуре многих региональных органов власти Российской Федерации предусмотрены должности, на которые, как правило, назначаются представители политических партий¹.

Серьёзным испытанием на зрелость стало проявление политическими партиями России своей позиции в условиях доминирования внешней политической повестки, наполненной открытыми намерениями США и стран Европейского Союза продолжать военную агрессию против нашей страны, используя в достижении этой цели Украину.

Несмотря на ряд серьёзных проблем, которые пришлось решать в ходе проведения Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, в стране отмечается высокий уровень консолидации российского общества вокруг Президента Российской Федерации В. В. Путина и поддержки армии, весомый вклад в которые вносят и политические партии.

Включившись в работу по защите Отечества, парламентские партии создают условия способствующие быстрому принятию важнейших государственных решений, ведут совместную с Правительством Российской Федерации и региональными органами власти активную деятельность по материальной поддержке участников специальной военной операции и членов их семей, сбору и доставке гуманитарной помощи жителям новых российских территорий, пострадавших в ходе военных действий.

Как отмечалось на заседании Круглого стола Экспертного института социальных исследований на тему «Роль и место политических партий России в СВО», 60 % из всей гуманитарной помощи, направляемой в ДНР, ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области, поступило по партийным линиям.

Несмотря на многолетние усилия Соединённых Штатов Америки и стран Европейского Союза представить мировому сообществу Россию как страну, в которой грубо нарушаются демократические принципы и практически отсутствует многопартийная система, политическая действительность в нашей стране убедительно демонстрирует обратное. Процесс формирования многопартийности в России завершился, что подтверждает структурное закрепление политического плюрализма и его интеграцию в общую архитектуру государственного управления. А консолидация всего спектра политических сил, представленных в парламенте, стала символом единства страны.

Об этом заявил и Президент Российской Федерации В. В. Путин в своём послании Федеральному Собранию: «Политическая система России – одна из опор суверенитета страны. Будем и дальше развивать институт демократии и никому не позволим вмешиваться в наши дела»².

Это подтвердили и прошедшие в марте 2024 года выборы Президента Российской Федерации, продемонстрировавшие не только оппозиционные намерения парламентских партий, но и готовность к решению задач, поставленных главой государства в февральском послании 2024 г. и активному участию в процессе модернизации России.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок в ред. от 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 31. Ст. 15.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02. 2024 // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

Выводы

Таким образом, политические партии в современной России играют ключевую роль, являясь неотъемлемым элементом формирования и функционирования политической системы государства. Исторически сложившиеся предпосылки многопартийности, а также реформы последних десятилетий, такие как внесение поправок в Конституцию, способствовали укреплению роли партий в государственном управлении. Однако процесс модернизации сопровождается определёнными сложностями и девиациями, связанными с организационной слабостью некоторых партий, фракционной борьбой, а также дисбалансом между числом зарегистрированных партий и их реальным влиянием на политическую систему.

В условиях внешнеполитических вызовов и внутренних преобразований, российские политические партии продемонстрировали свою зрелость и способность к консолидации общества вокруг приоритетов государственной политики, несмотря на указанные сложности. Их активное участие в реализации важнейших государственных решений, ориентация на социальную сферу, а также стремление к обновлению системы управления подчеркивают их значимость в обеспечении суверенитета и стабильности Российской Федерации. Процесс политической модернизации России невозможно представить без активного участия и развития политических партий, которые, несмотря на все вызовы и девиации, продолжают оставаться важным фактором укрепления демократических институтов и государственного суверенитета.

Список источников

1. Пожилов Д. М. Политические партии России 90-х годов XX века: дискуссионные вопросы на практических занятиях в вузах // В сборнике: Социально-гуманитарные исследования: векторы развития науки и образования. Материалы VIII научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году педагога и наставника. Москва, 2023. С. 395-400.

2. Сыпченко А. В. Российские политические партии начала XX века о перспективах развития государств // В сборнике: Актуальные проблемы истории, политики и права. Сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 192–197.

3. Волгин Е. И. Администрация президента РФ и политические партии: институционально-политические механизмы взаимодействия (1991–1999) // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 4. С. 173-184.

4. Ерыгина В. И. Права и свободы граждан и политические партии // В сборнике: Правовые основы формирования и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2021. С. 31–38.

5. Зинюров Н. Ш. Политические партии и избирательная система в конце XX – начале XXI в.: исторический аспект // В сборнике: История Поволжья сквозь призму истории России. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения историка Е.В. Тарле и 80-летию кафедры истории УлГПУ им. И.Н. Ульянова. Ульяновск, 2024. С. 130–137.

6. Осипов А. В. Политические партии как проблемный кластер консолидации политической власти современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78). С. 2563-2571.

7. Скочиков А. К. Политические партии в современной России: особенности и перспективы / В сборнике: Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости. Сборник материалов научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в Донецком государственном университете. Донецк, 2023. С. 58–62.

References

1. Senzherzhov D. M. Political parties of Russia in the 90s of the XX century: debatable issues in practical classes at universities. In: *Social and humanitarian studies: vectors of development of science and education. Materials of the VIII scientific and practical conference with international participation dedicated to the Year of the teacher and mentor*. Moscow; 2023:395–400. (In Russ.)

2. Sypchenko A. V. Russian political parties of the early twentieth century on the prospects for the development of states. In: *Actual problems of history, politics and law. Collection of articles of the XI All-Russian Scientific and practical Conference*. Penza; 2023:192–197. (In Russ.)

3. Volgin E. I. Administration of the President of the Russian Federation and political parties: institutional and political mechanisms of interaction (1991–1999). *Historical Journal: scientific research*. 2023;(4):173–184. (In Russ.)

4. Yerygina V. I. Rights and freedoms of citizens and political parties. In: *The legal foundations of the formation and activity of public authorities and local governments*. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference; 2021:31–38. (In Russ.)

5. Zinyurov N. S. Political parties and the electoral system in the late twentieth and early twenty-first centuries: historical aspect. In: *The history of the Volga region through the prism of the history of Russia. A collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of historian E.V. Tarle and the 80th anniversary of the Department of History of the Ulyanov State Pedagogical University*. Ulyanovsk; 2024:130–137. (In Russ.)

6. Osipov A. V. Political parties as a problematic cluster of consolidation of political power in modern Russia. *Issues of national and federal relations*. 2021;11(9(78)):2563–2571. (In Russ.)

7. Skovikov A.K. Political parties in modern Russia: features and prospects. In: *Political institutions and processes in Russia in the context of modern international political tension. Collection of materials of the scientific and practical conference of the Donetsk regional branch of the RAPN on the Day of the Political Scientist at Donetsk State University*. Do-netsk, 2023. pp. 58-62.

Информация об авторе

И. Ф. Денисенко – кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Information about the author

I. F. Denisenko – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration, Rostov State University of Railway Engineering.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024; одобрена после рецензирования 28.08.2024; принята к публикации 29.08.2024.

The article was submitted 08.08.2024; approved after reviewing 28.08.2024; accepted for publication 29.08.2024.

Методы противодействия информационно-психологическим диверсиям и «вестернизации» культуры как один из аспектов обеспечения ментальной безопасности

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению информационно-психологических диверсий и «вестернизации» культуры, которые рассматриваются в качестве угрозы ментальной безопасности современной России. Основной акцент делается на рассмотрении тех мер, благодаря которым можно минимизировать последствия данной угрозы. Цель исследования – разработать и предложить меры, направленные на преодоление негативных последствий угрозы национальной безопасности, именуемой информационно-психологическими диверсиями и «вестернизацией» культуры. В работе используются метод систематизации, системный метод, а также структурный подход. Ментальная безопасность представлена как важная часть военной безопасности, в которой основным объектом атак становится сознание и идентичность человека как представителя отдельной нации. В исследовании приводятся определения основных понятий, раскрывается их сущность и роль в общей системе безопасности, предлагаются различные инициативы по противодействию информационно-психологическим диверсиям и «вестернизации» культуры, а также приводится перечень компетенций субъектов обеспечения ментальной безопасности из числа институтов власти и гражданского общества России, направленные на предотвращение негативных последствий рассматриваемой угрозы.

Ключевые слова: война нового поколения, безопасность, защита, идентичность, культурный суверенитет, субъекты обеспечения безопасности

Для цитирования: Ковалев А. А. Методы противодействия информационно-психологическим диверсиям и «вестернизации» культуры как один из аспектов обеспечения ментальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 148–157. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-148-157>. EDN KKFRLN

Politology and Ethnopolitics

Original article

Methods of countering information and psychological diversions and the «westernization» of culture as one of the aspects of ensuring mental security

Andrey A. Kovalev

Northwestern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. The article is devoted to the study of information and psychological sabotage and the «Westernization» of culture, which are considered as a threat to the mental security of modern Russia. The main focus is on considering those measures that can minimize the consequences of this threat. The purpose of the study is to develop and propose measures aimed at overcoming the negative consequences of the threat to national security, called information and psychological diversions and the «Westernization» of culture. The work uses

a systematization method, a systematic method, as well as a structural approach. Mental security is presented as an important part of military security, in which the main object of attacks is the consciousness and identity of a person as a representative of a separate nation. The study provides definitions of the basic concepts, reveals their essence and role in the overall security system, suggests various initiatives to counter information and psychological diversions and the «Westernization» of culture, and also provides a list of competencies of subjects of mental security from among the institutions of government and civil society of Russia aimed at preventing the negative consequences of the threat under consideration.

Keywords: new generation war, security, protection, identity, cultural sovereignty, security actors

For citation: Kovalev A. A. Methods of countering information and psychological diversions and the «westernization» of culture as one of the aspects of ensuring mental security. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):148-157. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-148-157>. EDN KKFRLN

Введение

Гуманитарная сфера прочно вошла в систему обеспечения национальной безопасности современного государства [1, с. 90]. Война нового поколения в корне меняет эту систему, выводя на первый план не традиционно понимаемую военную (физическую) безопасность, а ее нетрадиционный (нефизический) вариант. Тем самым ментальная безопасность в XXI веке становится неотъемлемой частью военной (шире – национальной) безопасности.

При этом важно понимать, что в таких условиях происходит не естественное «отмирание» нации путем отказа от своей истории, традиций, культуры, а наблюдается агрессивное навязывание чуждых идеалов и приемлемого для противника мировоззрения. То есть на первый взгляд естественное угасание нации, которых в мировой истории наблюдается большое количество, на самом деле является новейшей стратегией войн современности. При этом для ее реализации используются разные инструменты, как, например, информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры.

Цель исследования – разработать и предложить меры, направленные на преодоление негативных последствий угрозы национальной безопасности, именуемой информационно-психологическими диверсиями и «вестернизацией» культуры.

На основе поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) раскрытие сущности угрозы информационно-психологических диверсий и «вестернизации» культуры и ее роли в системе национальной безопасности современной России;
- 2) предложение и обоснование ряда инициатив и мероприятий, способных снизить влияние рассматриваемой угрозы на россиян;
- 3) рассмотрение возможностей тех или иных институтов власти и гражданского общества по минимизации изучаемой угрозы.

В работе используется ряд методов. Так, благодаря систематизации на основе анализа концептуально-доктринальных документов России были выделены различные угрозы ментальной безопасности и в качестве предмета настоящего исследования была рассмотрена угроза информационно-психологических диверсий и «вестернизации» культуры. Системный метод позволил изучить фундаментальные взаимосвязи внутрисударственных и международных отношений и явлений. Структурный подход выявил потенциал совместных и слаженных усилий субъектов обеспечения ментальной безопасности России в процессе противодействия информационно-психологическим диверсиям и «вестернизации» культуры.

Результаты

Ментальная безопасность в XXI веке в России на официальном уровне признана неотъемлемой частью общей системы национальной безопасности, которая подвергается различным негативным воздействиям и угрозам, имеющих место в связи с распространением глобализационных процессов. В российских концептуально-доктринальных документах, среди которых Стратегия национальной безопасности России (2021 год), Военная доктрина РФ (2014) и ряд других, приводятся разные угрозы, которые можно сгруппировать и проанализировать. Настоящее исследование будет посвящено изучению угрозы под названием *информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры*, которая является составной частью общего блока угроз, именуемого информационно-когнитивными технологиями.

Итак, что собой представляет данная угроза, и какой деструктивный потенциал в ней имеется? Важно отметить, что она является одним из методов войн нового поколения, активность которых наблюдается не на физическом поле боя, а в ментальном, информационном, духовном и когнитивном пространствах. Основной мишенью таких противостояний становится национальное самосознание, менталитет нации и ее идентичность. При этом основная цель подобных военных операций заключается в подрыве основ существования нации.

Важно определить значение категории «диверсия» и почему информационно-психологические операции считаются именно диверсиями в условиях войн (некинетических) нового поколения. Итак, диверсия – это «тайные, скрытые действия, направленные на разрушение и повреждение важных объектов экономики государства: транспортной инфраструктуры, жизнеобеспечения населения, связи, предприятий и сооружений», то есть это преступление, «которое совершается в мирное время и не связано с какой-либо военной кампанией, хотя и может совершаться профессиональными диверсантами» [2, с. 95-96]. При этом в традиционном понимании основными способами осуществления диверсии были поджог, взрыв и прочие действия, наносящие физический ущерб государству и населению, но в настоящее время все более широкое распространение получают диверсии, реализуемые в нефизическом (ментальном, информационном, духовном) пространстве.

Также важно отметить, что если раньше диверсии были скрыты только на этапе подготовки к ним, то в настоящее время даже сам акт свершившейся диверсии может быть в первое время не осознаваемым объектом воздействия. Такие диверсии не менее разрушительны, но менее очевидны, а их последствия проявляются спустя какое-то время и являются необратимыми (например, если речь идет о деформации национального сознания). Однако объединяет традиционное и нетрадиционное понимание акта диверсии повышенная общественная опасность от результатов таких действий.

Таким образом, в контексте информационно-психологической войны имеют место информационно-психологические диверсии как один из методов достижения поставленных военных целей. По справедливому мнению доктора политических наук А. В. Морозова, информационно-психологическая война Запада против современной России, основанная на русофобии, преподносится как борьба непримиримых идеологий, а на самом деле направлена в первую очередь на ослабление и подчинение нашего государства [3].

Итак, под информационно-психологической диверсией как методом информационно-психологической войны следует понимать манипулятивные действия, направленные на омассовление (управление страхами людей) и искажение истинной картины мира в пользу иллюзий и имитаций [4]. Иными словами, медиапространство, которое должно просвещать, информировать аудиторию и настраивать ее на конструктивный диалог, снабжает ее готовой неоднозначной, идеологически обусловленной и резонансной информацией, вводящей в заблуждение, вызывающей смятение и даже антигосударственные настроения. При этом имеет смысл говорить именно о диверсии в том случае, когда тема для искажения выбирается актуальная, животрепещущая или даже болезненная для конкретного общества и государства. Так, одной из самых популярных тем для информационно-психологических диверсий в настоящее время становится вопрос о самоопределении народов и территориальной целостности государства. На фоне самоопределения Крыма и ряда других бывших украинских территорий, выразивших намерение стать российскими регионами, со стороны украинского правящего режима неоднократно предпринимались попытки к разжиганию сепаратистских и националистических настроений в самой России.

Информационно-психологические диверсии направлены на ослабление общества, погружение его в состояние смятения, превращение его в легкоуправляемую марионетку, лишенную воли и самостоятельности мышления. А главным мотивом такой диверсионной деятельности становится «вестернизация» культуры, под которой следует понимать «заимствование элементов и образцов западных обществ», а также «совокупность определенных средств внедрения западных стандартов... и процесс негативного воздействия на сознание нации, угрожающий утратой самобытности вестернизируемой цивилизации» [5, с. 352]. «Вестернизация» признается прямым следствием глобализации.

Каждая нация обладает национальным культурным суверенитетом, который под влиянием «вестернизации» культуры искажается и в течение определенного времени вовсе утрачивается. Стратегия национальной безопасности России, принятая в 2021 г., содержит в себе прямое указание на то, что «вестернизация» признается угрозой национальному культурному суверенитету. При этом его деформация и утрата блокируют для нации возможности саморазвития и самореализации

в национальном и общемировом культурном пространстве. Ведь самобытная культура составляет основу существования нации, а ее защита входит в сферу важнейших национальных интересов в системе национальной безопасности.

Тем самым информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры весьма эффективно встроились в повестку современной войны, в которой информационное влияние с целью психологического манипулирования становится одним из самых эффективных военных методов. При этом современные когнитивные и информационные технологии способствуют как улучшению межнациональных и межкультурных взаимоотношений, так и их ухудшению, например, за счет подавления одного культурного типа другим, навязывания чуждых идеалов и ценностей или поглощения одной культуры другой культурой.

Важно отметить, что «вестернизацию» не стоит рассматривать как процесс распространения культурных основ более совершенной и развитой цивилизации на примитивные и недостаточно развитые. Напротив, агрессивная «вестернизация» имеет успех не потому, что западные ценности самые лучшие и самые универсальные, а потому, что эти акции являются прямым продолжением и одним из инструментов политики неокOLONиализма, при котором осуществляется захват и освоение по собственным правилам ментального и культурного пространства противника. Выстоять в условиях напористой, но вместе с тем скрытой борьбы способны только те нации, которые, во-первых, стремятся сохранить свою уникальность и самобытность – основу суверенитета; во-вторых, имеют возможности реализовать свои намерения.

Далее будут предложены и рассмотрены меры, которые направлены на минимизацию угрозы информационно-психологических диверсий и политики «вестернизации» культуры в рамках войны нового поколения, развернутой против современной России.

Итак, все «западное» преподносится и воспринимается как наиболее привлекательное и занимает (фактически оккупирует) большую часть российского информационного, воспитательного и образовательного пространства. Практически все существующие социальные сети имеют западное происхождение, а это не только обеспечивает присутствие в них прозападной повестки, но и формирует пренебрежительное и неуважительное отношение к отечественному продукту. Он становится невостребованным. Именно поэтому необходимо разрабатывать и продвигать качественный отечественный продукт в разных сферах жизнедеятельности, в том числе и в информационной; проводить целенаправленную работу с лидерами общественного мнения для формирования необходимой повестки; осуществлять подготовку специалистов (в том числе психологов) по работе с социальными сетями; ответственно подходить к подготовке качественного контента отечественного производства, в том числе конкурентоспособного контента на информационных ресурсах значимых государственных организаций.

Современной России в целом необходимо разнообразие внутренней повестки, которая бы соответствовала интересам и потребностям присутствующих в Интернете групп населения и отражалась бы в социальных сетях. Также стоит разрабатывать и продвигать с государственной поддержкой конкурентоспособные бизнес-площадки в Интернете.

Поскольку информационно-психологические диверсии и политика «вестернизации» культуры направлены на детей и молодых людей, менталитет и мировоззрение которых еще находятся в процессе становления, то именно сферы воспитания и образования, просвещения и познания, а также интернет-информация и коммуникативные социальные сети являются базами их влияния. Тем самым именно эти сферы деятельности следует: 1) поставить под контроль государства и патриотически настроенной общественности; 2) обязать соответствующие структуры разработать программы противодействия диверсионным влияниям; 3) наполнить их содержанием, препятствующим получению положительных результатов от такого воздействия; 4) обязать работников этих сфер выбрать темы в рамках таких программ, которые обеспечат ментальную базу неприятия, сопротивления, критического отношения к подобного рода диверсиям. Этого возможно достичь с помощью проведения бесед и дискуссий на темы нравственности, морали и духовных общечеловеческих ценностей.

Воспитательная работа в школах, колледжах и вузах должна быть нацелена на противодействие диверсионным идеологическим воздействиям, так как они будут только усиливаться в информационной войне с Россией. А сама информационная война будет расширяться за счет привлечения методов когнитивных, ментальных, поведенческих, гибридных, сетевых и кибервойн. Поэтому необходима разработка программы противодействия диверсионным идеологическим влияниям.

В условиях российской действительности важными образовательными и просветительскими темами в рамках обеспечения ментальной безопасности являются: русская классическая литература, советская детская литература, сказки, басни, фольклор, произведения некоторых современных российских писателей, научная фантастика, история России с ее победоносными войнами и героями, уникальность богатства культурного и природного наследия России, вся история философии (особенно классическая философия и русская философия), религиозные заповеди, святые места России и люди, которых Церковь возвела в ранг Святых. Знания обо всем этом являются средством обеспечения ментальной базы критического отношения к информационно-психологическим диверсиям, нацеленным на разрушение духовно-нравственных основ российского человека, прекращение развития его мышления на уровне приспособленческого рационализма, прагматизма, конформизма, а образ жизни – на уровне комфорта, развлечений, потребления и вседозволенности.

Информационно-психологические диверсии нацелены на погружение массового сознания в сферу чувств: чувственных удовольствий, свободного гендерного выбора, примитивности требований к жизни, бездуховности. Именно поэтому для сохранения и поддержания духовно-нравственного содержания в национальном менталитете России нужны пропаганда необходимости и важности труда в жизни человека и общества, стремление к достижению возвышенной удовлетворенности от результатов духовного труда и удовольствия от творчества. То есть россияне должны осознать приоритетность духовного над материальным, а также ценность труда (своего и чужого) и его позитивные результаты.

Для преодоления угрозы информационно-психологических диверсий и «вестернизации» культуры необходимы: 1) создание качественного отечественного культурного продукта, поддержка деятелей культуры, работающих в отечественной ценностной среде, отечественной художественной традиции; 2) устранение стремления бездумно следовать западным тенденциям и даже опережать их по принципу инновационности подходов; подобные проекты и их субъекты должны, по нашему мнению, лишаться государственного финансирования; 3) ответственная организация работы в образовательных учреждениях по формированию эстетических ценностей и знаний у подрастающего поколения; 4) качественная подготовка педагогов к работе в сфере формирования культурно-эстетических традиционных ценностей.

Только разносторонне развитая личность, гражданин своего Отечества, способна сознательно противостоять как информационно-психологическим диверсиям, так и процессу бездумной «вестернизации». Для этого необходимо добиваться через систему образования и воспитания (а также через другие каналы) того, чтобы россияне, особенно молодежь, знали об уникальном культурном наследии своей страны, участвовали в мероприятиях патриотической направленности, были воспитаны в любви к Родине, родителям, семейным ценностям и традициям. Россияне должны воспринимать себя не отдельно от богатого культурного наследия своего Отечества, а неразрывно с ним. Это может способствовать формированию адекватных ценностно-смысловых доминант [6].

Важным моментом во всей предстоящей работе по минимизации последствий рассматриваемой угрозы должен являться не призыв «поверить на слово», а зрелая и грамотная аргументация, основанная на справедливом и открытом диалоге думающих людей. Ведь недостаточно просто анонсировать, что у нас хорошо, а у них плохо (противопоставление «Свой – Чужой»), необходимо еще это доказать. При этом не стоит акцентировать внимание только на всем хорошем в российской культуре, замалчивая тем самым ее слабые стороны. Это приведет к недосказанности и недоверию между государством и обществом. Чтобы личность как носитель национального менталитета развивалась гармонично и критично воспринимала всю поступающую информацию, ее необходимо воспитывать в атмосфере тщательного анализа достоинств и недостатков как своей собственной культуры, так и инородных культур (например, западной как источника не только полезного знания, но и вредного за счет агрессивной «вестернизации»).

Действительно, угроза «вестернизации» на данном этапе развития России существенно расширилась и дополнилась определенными нюансами. Так, по мнению профессора Н. А. Хренова, «вестернизацию» наше государство прошло еще в период петровской империи, а настоящее время можно охарактеризовать как вхождение в этап американизации [7, с. 154]. По справедливому мнению ученого, преодолеть трудности этого этапа развития России поможет обращение к идеям евразийства.

По нашему мнению, современной России необходимо избавляться от навязанных исторических комплексов, чтобы органично выстроить свою цивилизационную идентичность [8].

Россияне не должны чувствовать свою неполноценность по сравнению с другими народами, которые позиционируют себя более развитыми по отношению к другим народам (отсюда и притязания идеологов «вестернизации» на легитимность и справедливость своих устремлений). Точно так же российский народ не должен испытывать гордыню за свою цивилизационную принадлежность и считать другие народы ниже себя в политическом и культурном развитии.

Иными словами, настало время отходить от стереотипа о развитости Запада и отсталости Востока, который и был искусственно сконструирован самими западными странами для сохранения подчиненности других государств собственным интересам [9]. По сути, в этом и заключается ключевой смысл процесса «вестернизации», распространенного по всему миру. И разрушение этого шаблона является серьезной задачей для современной системы российского образования и воспитания. Информационная сфера, в том числе интернет-среда, также должны быть подчинены целям донесения этой идеи до массового сознания. Дружить (в самом широком смысле) с восточными странами не стыдно и не является признаком отсталости. Напротив, это признак широкого сознания и далеко идущих планов по развитию своей страны и международной системы сотрудничества в целом, направленной на переформатирование однополярного глобалистского проекта [10]. И этот постулат стремится воплотить в реальность современная Россия, налаживая отношения с Северной Кореей, странами Африки и прочими «второсортными», по мнению претендующих на роль мирового гегемона США, государствами в условиях практически полной изоляции и несправедливой политики стран западного мира и их приверженцев. В данном контексте гораздо худшим сценарием представляется потеря собственной уникальности в случае слепого следования идеалам и образцам «вестернизации».

Преодоление данной угрозы, особо актуальной для полиэтнической России, возможно благодаря созданию так называемой компромиссной национальной идеологии, призванной объединить российский народ [11]. Смысл национальной идеологии, которая противопоставляется государственной идеологии, сводится к тому, чтобы ее ценности разделяли не властные правящие круги, а сама нация. То есть к ее ценностям должно приобщиться общественное сознание, в идеале – стать их источником. Только так получится реализовать провозглашенный в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. принцип народосбережения¹.

Духовно-нравственная работа с человеком, которая способна привести к укреплению национального менталитета и противодействовать угрозам его существования, реализуется при помощи слова. Именно слово является главным средством, которое дано человеку для передачи знаний, смыслов, мыслей и идей. Человек владеет словом через национальный язык, который является главным оружием пропаганды разумных идей, духовных смыслов и нравственных ценностей. Через слово формулируются смыслы и мысли, которые передаются другим людям, через слово они сохраняются в книгах, манускриптах, памятниках. С помощью речи находит свое выражение социальная природа человека, а сам человек понимает свое духовно-нравственное предназначение.

Именно поэтому стоит отметить, что при рассмотрении способов минимизации угрозы информационно-психологических диверсий и «вестернизации», важно изучить такой значимый здесь элемент, как лингвистический аспект, который играет важную роль в информационно-психологических войнах современности [12]. Чтобы противостоять рассматриваемой угрозе, необходимо раскрывать (практически расшифровывать) те лингвистические алгоритмы, которые используются для создания диверсионного информационно-психологического продукта, нивелирующего истину как категорию, направленного на эмотивное воздействие, разрушение идеологических констант, общественных институтов, традиционных ценностей, в результате чего подвергаемая подобному воздействию группа людей становится восприимчивой к подчинению/когнитивному подавлению [13, с. 108].

Безусловно, простому обывателю разобраться в тонкостях лингвистического манипулирования массовым сознанием в рамках информационно-психологической войны современности довольно сложно. Поэтому, по нашему мнению, государство должно поддерживать все проекты (как, например, написание научных трудов [14]), направленные на разработку и популяризацию этой темы с их обязательной верификацией [15]. Цель подобных мер заключается в том, чтобы на основе сложного профессионального анализа (осуществляемого учеными-лингвистами) создать понятные, простые и пригодные для повседневного применения схемы, которые бы помогали гражданам

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2> (дата обращения: 28.06.2024).

разбираться в бесконечных потоках информации и становиться неудобной мишенью для информационно-психологических диверсий.

Также важно отметить, что помимо определенных мероприятий и инициатив, направленных на предотвращение угрозы информационно-психологических диверсий и проведения актов агрессивной «вестернизации» культуры, необходимо выделить и рассмотреть конкретных субъектов, реализующих (или способных реализовать) такую политику в России. Так, здесь можно выделить следующие институты власти и гражданского общества:

– *Президент РФ* обладает широкими полномочиями, в том числе и в сфере обеспечения безопасности. Так, он имеет законотворческие полномочия, которые могут использоваться для защиты информационного пространства от диверсионной информации, а также для укрепления и развития национальной культуры (можно отметить ряд таких инициатив в сфере законодательства, особую актуальность среди которых приобретают направленные на сохранение российских ценностей и культуры¹). Президент России может инициировать различные государственные программы, которые будут направлены на повышение медиаграмотности населения и защиту национальной культуры от чрезмерного западного влияния; развивать международное сотрудничество в области информационной безопасности и защиты информационного пространства, а также налаживать диалог с зарубежными странами²; регулировать деятельность СМИ путем введения определенных правил, направленных на обеспечение ментальной безопасности населения; общаться с российским народом на актуальные и волнующие темы, повышая тем самым уровень доверия к институтам власти и давая людям информацию из первых уст («Прямая линия с Владимиром Путиным», «20 вопросов Владимиру Путину», «Путин сегодня», «Официальные сетевые ресурсы Президента России» kremlin.ru) и реализовывать прочие мероприятия;

– *Правительство РФ* как ключевой исполнительный орган государства с обширными полномочиями может разрабатывать и внедрять национальные стратегии по информационной безопасности; программы по поддержке и популяризации национальной культуры, искусств и традиций; повышать медиаграмотность и культурно просвещать население путем выделения грантов и субсидий для образовательных учреждений и соответствующих НКО; финансировать развитие технологий, способных защитить информационное пространство от кибератак и отразить информационно-психологические диверсии; проводить информационные кампании на тему просвещения населения о методах противодействия деструктивной информации и защиты его ментального благополучия; развивать сотрудничество с отечественными IT-компаниями, создающими и продвигающими программное обеспечение, способное выявлять и блокировать деструктивную информацию, противоречащую российским национальным интересам;

– *Министерство иностранных дел РФ* уполномочено развивать международное сотрудничество в разных направлениях, среди которых и совместная борьба с информационно-психологическими диверсиями, и защита/популяризация российских традиционных ценностей. В качестве конкретных инициатив можно выделить налаживание сотрудничества в пределах региональных союзов (ШОС, ЕАЭС, БРИКС); организацию и поддержку программ культурного обмена с целью укрепления национального культурного имиджа государства; открытие и поддержку российских культурных центров, школ и университетов за рубежом, популяризирующих русский язык и культуру; разъяснение позиции России по ключевым вопросам с помощью проведения информационных кампаний за рубежом, развития сотрудничества с международными СМИ, инициирования принятия резолюций в международных организациях – все это позволит избежать одностороннего и предвзятого освещения тех или иных важных тем, зачастую дискредитирующих Россию, ее политику и культуру;

– *Федеральная служба безопасности РФ* может инициировать и проводить следующие мероприятия: осуществлять постоянный мониторинг интернет-пространства и СМИ для выявления источников дезинформации и информационных диверсий; предупреждать информационно-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 26.06.2024); Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (26.05.2024).

² Интервью Такеру Карлсону // Официальные сетевые ресурсы Президента России. 9 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 27.06.2024).

психологические угрозы посредством разработки систем прогнозирования и анализа информационных угроз на основе собранных данных; внедрять передовые технологии и методы защиты информационных систем от взломов и несанкционированного доступа; укреплять имидж государственной власти в глазах населения за счет создания положительного информационного фона и отвлечения внимания аудитории от деструктивных сообщений; проводить информационные кампании среди населения для повышения осведомленности о методах и угрозах информационных диверсий; организовывать работу горячих линий для граждан, куда они могут сообщать о подозрительной активности или деструктивной информации;

– *Федеральная служба охраны РФ* уполномочена обеспечивать безопасность высшего руководства страны с помощью защиты каналов связи и информационных систем от несанкционированного проникновения и манипуляций; предоставления безопасных средств связи, исключающих информационные диверсии; мониторинга медийного пространства для выявления и нейтрализации дискредитирующей информации; создания и поддержки систем для безопасного обмена стратегически важной информацией; организации работы специалистов по ментальной безопасности для поддержки высшего руководства в условиях информационных атак; реализации информационных кампаний, направленных на формирование и поддержание позитивного имиджа высшего руководства в общественном сознании; разработки и проведения мероприятий по опровержению ложной информации и предоставлению достоверных данных о деятельности высшего руководства;

– *Общественная палата РФ* в рамках рассматриваемой проблематики может проводить исследования и опросы общественного мнения для выявления уровня воздействия информационных угроз и разработки мер по их снижению; повышать уровень медиаграмотности населения с помощью организации семинаров, вебинаров и лекций по вопросам информационной безопасности; инициировать общественные кампании, направленные на защиту национальной культуры и традиций; проводить общественные форумы, открытые дискуссии и круглые столы с участием экспертов, представителей власти и общественности для обсуждения проблем информационных угроз и поиска их решений, в том числе с помощью защиты культурного суверенитета и противодействия информационным атакам; открыть горячую линию для граждан, куда они могут обращаться за консультацией по вопросам информационной безопасности; устанавливать контакты и налаживать сотрудничество с международными организациями, занимающимися защитой информационного пространства и культурного наследия; принимать участие в международных конференциях и обмениваться опытом с коллегами из других стран по вопросам борьбы с информационными угрозами и популяризации отечественной культуры.

Выводы

По итогам проведенного исследования можно резюмировать, что военные угрозы XXI века усложняются и весьма непросто идентифицируются. Зачастую на первый взгляд положительные и конструктивные мероприятия по обмену опытом или расширению информационной осведомленности населения оказываются военной стратегией противоборствующей стороны. Одной из таких угроз становятся информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры.

В таких условиях перед российским обществом и государством стоит ответственная задача по преодолению последствий уже оказанного негативного влияния и предупреждению будущих стратегических информационно-психологических ударов, подрывающих культурный суверенитет России и ее планы на будущее в целом. Представленные в статье методы противодействия рассматриваемой угрозе, безусловно, нуждаются в дальнейшей детализации и проработке, поэтому в ближайшей перспективе они могут стать стратегическим курсом на будущее развитие в деятельности субъектов обеспечения ментальной безопасности как комплекс мероприятий по обеспечению национальной безопасности.

Список источников

1. Селезнева А. В., Шестопал Е. Б. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10 (414). С. 90-99. DOI: 10.31857/S013216250002161-0
2. Куликов А. В. Диверсия как опаснейшее преступление современности: проблемы разграничения с террористическим актом // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Право, экономика и управление: теория и практика». Ред. Э.В. Фомин. Чебоксары, 2022. С. 95-98.
3. Морозов А. В. Психология информационной провокации // Казанский педагогический журнал. 2017. № 6 (125). С. 27-35.

4. Желтухина М. Р. Культивирование политических медиастрахов: мифы и реальность // Наука и телевидение. 2014. Т. 11. С. 27-47.
5. Тетюшкина С. А. Вестернизация как социокультурное явление // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 350–356.
6. Мещерякова Е. И., Берестевич Г. В., Лопарев Е. А. Реагировать адекватно и оперативно. Особенности становления ценностно-смысловых доминант // Вестник военного образования. 2021. № 5 (32). С. 75–79.
7. Хренов Н. А. Трансформация цивилизационной идентичности в России на рубеже XX–XXI веков: от вестернизации к евразийству // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 151–160.
8. Мариносян Х. Э. Императивы модернизации национального государства в эпоху глобализации // Философские науки. 2011. № 1. С. 5–17.
9. Хренов Н. А. Концепт «Другого» в конструировании цивилизационной идентичности // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 187–196.
10. Романов А. А. Консолидация не-Запада: конец глобалистского проекта? // Вестник Института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12. № 4 (33). С. 20–27.
11. Пальцев А. И., Береговой Ю. М. Национальная идеология как объединяющий проект // Власть. 2021. Т. 29. № 5. С. 26–30.
12. Кисляков П. А., Сорокоумова С. Н., Егорова П. А. Психолингвистическая безопасность личности студента и ее обеспечение в процессе обучения в вузе // Язык и культура. 2020. № 49. С. 199–18. DOI: 10.17223/19996195/49/13
13. Приходько М. В. Лингвистический аспект информационно-психологических войн: прагматика // Казанская наука. 2022. № 8. С. 106–109.
14. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1 / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова (и др.); под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. 340 с.
15. Шаховский В. И. Может ли лингвистика повлиять на ход психологической войны? (Лингвистические заметки о коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1 / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова (и др.); под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.») // Вопросы психолингвистики. 2018. № 35. С. 201–208.

References

1. Selezneva A. V., Shestopal E. B. Socio-cultural threats and risks in modern Russia. *Sociological Studies*. 2018;(10):90-99. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250002161-0.
2. Kulikov A. V. Diversion as the most dangerous crime of modernity: problems of distinction from a terrorist act. In: *Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference "Law, Economics and Management: Theory and Practice"*. Edited by E.V. Fomin. Cheboksary; 2022:95–98. (In Russ.)
3. Morozov A. V. Psychology of information provocation. *Kazan Pedagogical Journal*. 2017;(6):27–35. (In Russ.)
4. Zheltukhina M. R. Cultivation of political media fears: myths and reality. *Science and Television*. 2014;11:27–47. (In Russ.)
5. Tetyushkina S. A. Westernization as a socio-cultural phenomenon. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2010;(1):350–356. (In Russ.)
6. Meshcheryakova E. I., Berestevich G. V., Loparev E. A. Respond adequately and promptly: features of the formation of value-semantic dominants. *Military Education Bulletin*. 2021;(5):75–79. (In Russ.)
7. Khrenov N. A. Transformation of civilizational identity in Russia at the turn of the 20th-21st centuries: from westernization to Eurasianism. *Upper Volga Philological Bulletin*. 2020;(4):151–160. (In Russ.)
8. Marinosyan K. E. Imperatives of modernization of the nation-state in the era of globalization. *Philosophical Sciences*. 2011;(1):5–17. (In Russ.)
9. Khrenov N. A. The concept of the "Other" in the construction of civilizational identity. *Upper Volga Philological Bulletin*. 2021;(4):187–196. (In Russ.)

10. Romanov A. A. Consolidation of the non-West: the end of the globalist project? *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. 2021;12(4):20–27. (In Russ.)
11. Paltsev A. I., Beregovoy Y. M. National ideology as a unifying project. *Vlast'*. 2021;29(5):26–30. (In Russ.)
12. Kislyakov P. A., Sorokoumova S. N., Egorova P. A. Psycholinguistic safety of a student's personality and its provision in the process of university education. *Language and Culture*. 2020;(49):199–218. (In Russ.). DOI: 10.17223/19996195/49/13.
13. Prikhodko M. V. Linguistic aspect of information and psychological wars: pragmatics. *Kazan Science*. 2022;(8):106-109. (In Russ.)
14. *Linguistics of Information and Psychological Warfare: Monograph. Book 1* / A.A. Bernatskaya, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova (et al.); edited by Prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2017. 340 p. (In Russ.)
15. Shakhovsky V. I. Can linguistics influence the course of psychological warfare? (Linguistic notes on the collective monograph "Linguistics of Information and Psychological Warfare: Monograph. Book 1 / A.A. Bernatskaya, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova (et al.); edited by Prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2017. 340 p."). *Psycholinguistics Issues*. 2018;(35):201–208. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Ковалев – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, СЗИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. A. Kovalev – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Northwestern Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 26.05.2024.
The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 26.05.2024.

Политическое восприятие в историко-философской концепции

Ольга Владимировна Котлярова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
olya-apriori@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено развитие философской мысли о проблеме политического восприятия в диахронном аспекте. Прослеживается динамичность и разноплановость в изучении феномена политического восприятия. Каждая эпоха и каждая философская концепция корректируют взгляд на процесс и специфику политического восприятия. Общей становится мысль о том, что чувственное восприятие становится основой для общественного, социального и политического восприятия, но разные концепции и разные исследователи в разной степени доверяют чувственному опыту и миру ощущений. Политическое восприятие всегда связано с когнитивной деятельностью, а также с эмоциональной сферой и, по мнению теоретиков на протяжении всей человеческой истории, выступает инструментом управления, позволяющим контролировать политическое мышление и политическое поведение воспринимающих субъектов.

Ключевые слова: чувственное восприятие, политическое восприятие, философская концепция, политические изменения, политическое мышление, политическое поведение, доверие к власти

Для цитирования: Котлярова О. В. Политическое восприятие в историко-философской концепции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 158–164. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-158-164>. EDN KZQYXC

Political perception in the historical and philosophical concept

Olga V. Kotlyarova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, olya-apriori@yandex.ru

Abstract. The article presents the development of philosophical thought on the problem of political perception in a diachronic aspect. Dynamism and diversity in the study of the phenomenon of political perception are traced. Each epoch and each philosophical concept corrects the view of the process and the specifics of political perception. It is becoming common to think that sensory perception becomes the basis for social, social and political perception, but different concepts and different researchers place varying degrees of trust in sensory experience and the world of sensations. Political perception is always associated with cognitive activity, as well as with the emotional sphere and, according to theorists throughout human history, acts as a management tool that allows you to control the political thinking and political behavior of perceiving subjects.

Keywords: sensory perception, political perception, philosophical concept, political change, political thinking, political behavior, trust in power

For citation: Kotlyarova O. V. Political perception in the historical and philosophical concept. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):158–164.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-158-164>. EDN KZQYXC

Введение в проблематику

Политическое восприятие как часть общественного восприятия связано с интеллектуальной деятельностью индивида, с позиционированием себя как части определенного социума, с умением адаптироваться и понимать происходящие социально-политические изменения.

Политическое восприятие, в широком смысле, может пониматься как осознание, принятие, осмысление, анализ (или наоборот неприятие, игнорирование, отказ, отрицание, отторжение) политико-социальной действительности, в которой живет субъект и развивается общество.

Политическое восприятие как феномен и ключевой фактор, определяющий политическое поведение индивидов, групп и масс не изучен системно. Однако, нельзя утверждать, что не было успешных попыток внедрять представления о политическом восприятии в философские, социальные и политические изыскания на протяжении всей человеческой истории. В этой связи интересно проследить развитие философской мысли о проблеме политического восприятия.

Методология и результаты анализа

Автором использован сравнительно-аналитический метод для разбора философских теорий и взглядов на проблему политического восприятия. Труды философов проанализированы с точки зрения присутствия в них мысли о том, что такое политическое восприятие, какую роль данный феномен играл для общества конкретного периода. Результатом анализа становится мысль о постоянной динамике, трансформации феномена политического восприятия.

Уже в индийской философской традиции рассматривается процесс и специфика политического восприятия, подчеркивается его особенный, специфичный характер. Так *ведийские философы в Упанишадах* в VIII в. до н.э. поднимали вопросы об ответственности человека перед самим собой и перед миром, в котором он находится. Философы утверждали, что познание (джанское знание) может быть получено непосредственно из органов чувств. Такое знание связывается с ощущениями и восприятием [1].

Китайская философия и непосредственно *Конфуцианство* рассматривают восприятие как процесс, формирующий социально-политическое отношение человека к государству и общественному строю, в котором человеку суждено родиться и быть. Справедливость становится идеологической основой политического восприятия [2]. *Конфуций* считал, что в ситуации приобщения его самого к правлению государством, он бы следил за тем, чтобы слова правителя не расходились с делом. Если дела правителя противоречат словам, народ не знает и не понимает, как себя вести. Конфуций утверждает, что от слов и поступков правителя, а также от верного восприятия и правильного понимания его действий зависит благополучие государства.

Мэн-цзы, последователь и ученик Конфуция продолжал тему политического восприятия. Он писал о том, что подлинный правитель должен иметь в качестве всеобъемлющего принципа принцип справедливости, без которого невозможны взаимоотношения между народом и правителем. Верное политическое восприятие предполагало отношение народа к представителю власти как к старшему, как к родителю. Однако такая идеология предполагала взаимообусловленность процесса. Доверие к власти со стороны народа подтверждалось взаимным доверием со стороны государства [3].

Моизм и его главный представитель, сановник, государственный деятель, но и философ *Мо Ди* настаивал на большей значимости общественного перед индивидуальным, а предметом знаний он определял принципы управления государством. Мо Ди писал о восприятии политических лидеров и о том, как они должны выбираться. При восприятии простыми людьми властной личности учитывается не знатность, а достоинство, которое предполагает стремление сановника быть полезным своему народу и государству [4].

Античная философская традиция не мыслится без анализа политического восприятия, потому что гражданственность и общественные взаимоотношения помимо устройства мира и бытия, помимо характеристик человека как личности, находятся в фокусе внимания античных философов.

Афины выступали эпицентром философской мысли. Менялись, трансформировались восприятие и мышление человека, они сдвигались в сторону общества и уже не могли существовать без политико-социального содержания.

Софисты, как общественные учителя и воспитатели, прививали, в том числе гражданскую политическую добродетель [5–6]. Человек в древнегреческой традиции воспринимается не как отдельный ни с чем не связанный субъект, но как существо политическое и социальное. Для софистов царицей наук выступала риторика. Риторика – это не только наука об убеждении, именно с софистической точки зрения это наука о воздействии, влиянии, политическом управлении. Чтобы убедить других в собственной правоте, важно определенным образом подать информацию, предоставить факты, структурировать логику разворачивающихся событий, чтобы аудитория восприняла события так, как это задумал оратор. Правильное, верное политическое восприятие – это то восприятие,

которое ведет к коммуникативной цели оратора. Таким образом процесс политического восприятия становится основным в процессе убеждения. *Горгий, Гиппий, Продик, Антифант, Критий, Фрасимах* воспринимают риторику не только как искусство убеждения, но и как искусство управления, воздействия. Во время произнесения публичных речей формируется политическое восприятие аудитории. *Сократ* оппонировал софистам. Для него в вопросах политики отправной точкой становится нравственность и внутренняя добродетель субъекта (гражданина или политика).

В рамках политического восприятия разворачивается философская мысль *Платона*. Академия Платона стала центром подготовки политических кадров, кадров общественной жизни и государственного управления. По мнению Платона, во главе государства могут стоять исключительно философы, тогда взаимоотношения народа и власти будут доверительными, так как будут выстроены на справедливости и обоюдном уважении. Для государя главное осознавать и делать то, что будет полезно полису.

Учитель Александра Македонского и ученик Платона, *Аристотель*, не мог не касаться вопросов политического восприятия. Политика для Аристотеля являлась наукой, в основе которой лежит мышление [7]. Аристотель поднимает вопрос нравственного выбора, в том числе совершаемого каждым человеком относительно своего государства и своего народа. Философ считает благом то, что прекрасно для всего народа.

Политическое восприятие в современной науке тесно связано с потребностной сферой. Большинство теорий объясняют закономерности политического восприятия мотивами, ценностями, предрассудками, потребностями, стремлениями, желаниями воспринимающего субъекта. *Эпикур* по праву может считаться основателем мотивационно-потребностной концепции, потому что настаивает на том, что в качестве обязательных составляющих жизни каждого человека выступают наслаждения, к примеру, пищей и земной любовью. При детальном рассмотрении Эпикур говорит все же не столько о безграничных наслаждениях, сколько о необходимостях. Безграничные наслаждения чрезмерны, они уничтожают человека. А вот не удовлетворение необходимостей пагубно [8].

Стоики в качестве критерия истины определяли «каталептическую фантазию», которая, по большому счету, и являлась восприятием. Стоическое понимание восприятия заключалось в том, что извне получается импульс или толчок, на который человек реагирует. До этого воздействия импульса душа пуста. Наше восприятие или реакция на импульс извне может включать принятие или непринятие, одобрение или отторжение, согласие или отрицание [9]. Стоики, в том числе: *Хрисипп, Клеанф, Зенон, Сенека, Халкидий* считали, что субъект волен принимать или не принимать посыл извне или образ для его проверки разумом. Хрисипп отмечал, что в самой каталептической фантазии заложена, то есть изначально присутствует идея принятия. Она может не получить одобрения, но идея принятия есть [10].

Средние века, церковный догматизм и неинтенсивное, а, по некоторому мнению, даже регрессивное развитие науки, внесли небольшие изменения в историю анализа политического восприятия. В 380 г. Христианская церковь стала государственной. В философии совпадают понятия Логоса (как глобального знания, истинного слова) и Бога.

Августин Аврелий затрагивал проблемы политического восприятия. Его политико-религиозная концепция о Граде Божьем предполагает, что параллельно и одновременно вместе существуют два града. Для людей они неразличимы, они неразличимы пока существует человечество [11]. Государство как политический строй должно ориентироваться на законы, действующие в Божьем граде.

Эпоха Возрождения ознаменовалась сменой философской парадигмы. Гражданственность стала неотъемлемой частью творческого человека. Великие гуманисты, канцлеры Флорентийской республики *Колуччо Салютати* и *Леонардо Бруни* на протяжении нескольких десятилетий формировали политическое восприятие элиты общества, воспитывая блистательных и благородных гуманистов. Социальный статус человека переставал быть решающим. Благородство воспринималось не как характеристика, подтверждаемая родословной, знатностью или состоянием. Благородство становилось характеристикой человека, определяющей его мышление и поведение. Достоинство становится собственно добродетелью. Добродетель трактуется как спектр правил для жизни. Каждый человек изначально по своему рождению ни лучше, ни хуже, чем остальные. Это принцип равенства, лежащий в основе новой демократии (отличающейся от древнегреческой демократии) [12].

Политическое восприятие в смысле возможности осмыслять и оценивать политические и социальные изменения в государстве буквально пропагандировал Мартин Лютер. Он тезисно представил систему новых убеждений и установок, в которых содержалось обращение к массам и поднимались дискуссионные религиозно-политические и социальные вопросы. В ракурсе политического восприятия произошло раскрепощение христианского политического сознания. Была подорвана монополия католической церкви. К примеру, Лютер утверждал, что священники не назначаются свыше, что это

просто должностные лица, которые назначаются людьми и которые не имеют ни больше прав, ни больших возможностей к познанию [13].

Философия Нового времени формирует культ человеческой субъективности. *Френсис Бэкон* анализировал проблемы политического восприятия. «Новый органон» как спектр норм и требований может быть раскрыт исключительно в идеальном научном государстве, то есть в таком государстве, где процветает наука и научное знание [14]. Политическое восприятие Бэкона сконцентрировано на необходимости совмещать общественную и научную деятельность для создания эффективного государства, в котором процветает наука, приносящая государству могущество, а гражданам процветание.

Интересна мысль *Рене Декарта* [15]. Он утверждал, что не нужна наука о сознании, нужна наука, позволяющая управлять собственной психикой, а в последствие и психикой другого субъекта. Декарт видел в этом главную задачу сознания. Он искал средства для управления собой, а также понимал, что такие средства позволят управлять другими. Изучение политического восприятия, прежде всего, направлено на выявление закономерностей воздействия на воспринимающих субъектов. Процесс политического восприятия всегда изучается через призму последствий.

Политическое восприятие по Декарту можно связать с необходимостью соблюдать правила морали или этики, которые он формулирует как «повиноваться законам и обычаям моей страны...» [16]. Отсутствие политической теории у Декарта объясняется его убежденностью в несовершенстве хода общественных дел. Понимание этого несовершенства переносится гораздо легче, чем перемена политической ситуации.

В философской теории Нового времени исследование политического восприятия может быть заслужено приписано *Томасу Гоббсу* в рамках его политической философии, отраженной в трудах «О гражданине» и «Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского», «О теле», «О человеке». Гоббса, в целом, интересовало политическое изменение общества под воздействием английской революции. Общественная смута, по мнению философа, разрушала общество, гражданская война убивала зачатки всего здорового и перспективного во взаимоотношениях между людьми. Гоббс второй раздел своей философии назвал гражданской. Политическое восприятие в основе имеет политическую идею. Идея – это результат восприятия. Утверждение или отрицание, то есть само мышление – это результат восприятия идей [17]. Человеческое общество Гоббс описывал как гражданское тело. Политическое восприятие и поведение объясняемо и закономерно. Как в религии, так и в политике люди действуют исходя из собственных интересов. Из-за чувства соперничества, жадности наживы и стремления защитить себя они находятся в постоянной борьбе, идет война всех против всех. Это естественное природное состояние. В гражданском состоянии есть защита, которая подчиняется определенным законам. Каждый человек должен предоставлять другому те же самые права, которые требуются ему самому [17]. Таким образом заключается общественный договор, и образуется государство. Государство – это власть всеобщая, которая может обезопасить граждан от нападений извне и от внутренних распрей. Гоббс определяет государство как единение граждан в одном лице. Он сравнивает его со смертным богом, использует метафору Левиафана. У граждан должен быть страх перед государством, потому что страх ведет к соблюдению общественного договора, а значит – к поддержанию мира. Правителем является суверен, любой поступок которого должен оставаться безнаказанным, потому что малейший ущерб, нанесенный власти может представлять собой опасность: отход от общественного договора ведет к войне. По Гоббсу вера и власть неотчуждаемы, поэтому предпочтительным государственным строем Гоббс считает монархию, при которой власть едина и неделима [17].

Бenedикт Спиноза разделял теорию общественного договора. Государство призвано освободить граждан от страха. Таким образом государство формирует и управляет политическим восприятием граждан. Общественный договор может быть заключен выражено или негласно. Спиноза не разделял мнение о том, что монархия исключительно возможная форма государственного правления, потому что она призвана держать людей в обмане. Спиноза склонялся к тому, что демократическое правление может считаться оптимальным, так как при демократии верх властей принадлежит народу, такая власть наиболее естественна. При демократии все прибывают равными. Также с точки зрения Спинозы в свободном государстве каждый человек может говорить все, что захочет [18]. Такая мысль философа непосредственно связана с идеей свободы слова, демократии и гласности – то есть вопросов, характеризующих процесс политического восприятия.

Джон Локк и его политическая философия затрагивали механизмы и закономерности политического восприятия. Естественный закон, лежащий в основе демократической системы принципов Локка, является познаваемым и находится в русле чувственных впечатлений. Локк уверен, что ущерб, нанесенный одним человеком другому равносителен объявлению войны. Политическое восприятие в концепции Локка предполагает симбиоз борьбы и единства человечества. Этот симбиоз

способствует образованию государственной власти. Государственная власть как сила охраняет собственность и создает безопасность отдельного человека и, в целом, общества. Власть должна ограничиваться, абсолютная власть монарха поддерживает состояние войны, она разрушает договорные отношения. Локк был против монархических устройств. Законодательная власть по Локку должна быть исключительно коллективной. Для вступления в гражданское общество у личности должно сформироваться индивидуальное согласие, а также желание подчиняться большинству. Эти две причины формируют необходимо восприятие политической власти. Политическое восприятие людей предполагает проявление свободной воли и возможность граждан выбирать, менять происходящее, свергать власть, которая порабощает народную волю [19].

Дэвид Юм, в трактате «Идея совершенного государства» косвенно касался вопросов политического восприятия. Для того, чтобы люди воспринимали происходящее и содействовали образованию и поддержке государства, они должны понимать выгоды общества. Юм отвечал, что такое понимание сложно для первобытных народов с неокрепшим разумом. У членов общества возникают идеи «справедливости, собственности, права и обязательств» [20] вместе с соглашением не посягать на имущество друг друга. Совершенное государство с точки зрения политического устройства — это наследственная власть монарха, аристократия без вассалов и народ, голосующий посредством своих представителей. Идеалом для Юма является республика с многоуровневой системой органов власти. В ракурсе исследования политического восприятия, важна мысль Юма о том, что социальность выступает сущностным свойством человека.

Французское просвещение основано на идее сенсуализма, под которым понимается, что в основе любого знания находится ощущение. *Жан Жак Руссо* описывал, насколько по-разному люди воспринимают политические события и изменения, насколько не одинаково воспринимают и осознают происходящее с ними. Руссо был уверен в том, что важно объединить государственную власть и науку. Он осознавал наличие политического неравенства, в котором один субъект пользуется привилегиями в ущерб другому. Основой правильного государства и устойчивой власти Руссо считал соглашение, которое заключается между людьми. Таким образом, общественный договор устанавливает политическое равенство. Людей, граждан, представителей общества, народ Руссо воспринимает как единственно возможного суверена, а суверенитет народа определяется им как неотчуждаемый и неделимый. Поэтому законная власть принадлежит народу [21].

Клон Адриан Гельвеций настаивал на том, что вся человеческая жизнь – это воспитание, то есть в широком смысле становление под воздействием. На воспитание влияют форма правления, нравы народа, к которому принадлежит индивид, случайные события. Отметим, что перечисленные факторы в современной науке определяют формирование политического восприятия как способности воспринимающего субъекта. Гельвеций признавал мораль в качестве системы принципов. Главным принципом в системе морали считалось подчинение закону общественного блага [22].

Политическое восприятие в кризисных условиях с философской точки зрения было исследовано австрийцем, *Виктором Франклом*. Франкл, находясь в концлагере, был вынужден управлять своим политическим восприятием для того, чтобы выжить. Он сформулировал целую систему, собственную философию и терапию – логотерапию или терапию смысла [23]. Главная идея заключается в том, что человек должен находить в происходящем смысл для того, чтобы выжить. Воспринимая и осознавая, субъект может находить смысл, а значит существовать. Если индивид понимает смысл происходящего, то он сможет выжить и выдержать любые страдания.

Сложно проанализировать историко-философскую концепцию исследования политического восприятия без марксистской философии. Политическое восприятие в рамках концепции *Карла Генриха Маркса* тесно связано с общественной деятельностью человека. Можно утверждать, что Маркс изучает закономерности формирования массового сознания, потому что пишет о том, что сознание является «общественным продуктом» [24]. Человек как социальное существо постоянно зависит от политико-экономических условий, в которых он находится, а его восприятие ограничено такими условиями. Маркс говорит о революционной практике – это процесс, при котором совпадают «изменения обстоятельств и человеческой деятельности» [24]. Маркс показывает взаимообусловленность обстоятельств и людей, он считает, что обстоятельства творят людей, так же, как и люди творят обстоятельства. Сущность человека заключается в совокупности всех общественных отношений. Марксистское понятие общественной формы в последствие в политологической научной парадигме будет объяснять совокупность исторических и общественных отношений, формирующих человека. Марксистская идеология находится в русле политики. «Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае – на опыте и без всякой мистификации и спекуляции – выявить связь общественной и политической структуры с производством» [24].

Огюст Конт опосредованно затрагивает вопрос политического восприятия в дискуссии о «фундаментальной концепции» социальной динамики. Он формулирует «великий закон трех стадий», в котором демонстрирует обусловленность интеллектуального и политического развития человечества. Политическое восприятие самого Конта предполагает видение общества будущего с неизбежной доминантой, которой выступает центральная власть и недопущением верховной власти народа. Вся политика определяется моралью, основой которой выступает альтруистический принцип, то есть возможность пожертвовать собственными индивидуальными интересами для достижения общественных идеалов.

Джон Стюарт Милль в ракурсе исследуемого нами вопроса определяет условия, позволяющие ограничить власть и сформировать объективное политическое восприятие. К таким критериям философ относит свободу мнения, свободу выбора, свободу ассоциации – возможности объединяться с другими людьми, вступать в организации. Он пишет и о разности в восприятии, объясняя ее тем, что разные люди не могут чувствовать себя одинаково комфортно в единых для всех условиях. Милль открыто заявляет об опасности появления массового общества (и массового сознания).

Герберт Спенсер с точки зрения политического восприятия опередил свое время. В его умозаключениях прослеживается идея, актуальная для современного общества. Государство должно существовать для индивида. Государство, не заметное и комфортное в обычное время и реактивное, инициативное, помогающее в трудное время, было частью его политической картины мира. Эта идея лежит в русле концепции клиентоцентричности, значимой и приоритетной для современной России.

Политическое восприятие в философии Фридриха Ницше объясняется таким проявлением жизни как воля к власти, имеющий жизнеутверждающий, творческий характер. Воля к власти не разрушительна по своей сути, созидательна, потому что она представляет собой стремление к расширению, к развитию. Атрибут свободы выступает ключевым компонентом воли к власти. Обратим внимание на то, что философия Ницше повлияло на все последующие философские, психологические, социологические и политологические исследования. Сложность верной интерпретации и одновременно сила мысли, сконцентрированная в этой философии, сделала ее эпицентром политической мысли, а иногда и манипулятивным инструментом политической действительности.

Историко-философская концепция политического восприятия не ограничивается представленными мнениями, однако в философское направление XIX–XX века врывается новое научное знание – знание психологическое, трансформирующее отношение к политическому восприятию как к философской категории.

Заключение

Каждая эпоха и каждая философская концепция корректируют взгляд на процесс и специфику политического восприятия. Общим становится понимание политического восприятия в качестве управленческого инструмента. Политическое восприятие связано с политическим мышлением и, в целом, с политическим мироощущением и познанием воспринимающего субъекта политической действительности.

Сделаем вывод о том, что политическое восприятие, как научный феномен, находится в ракурсе исследовательского внимания на протяжении всей человеческой истории, однако не изучен до конца и приобретает дополнительную актуальность в современных политических реалиях. Это говорит об перспективности дальнейшего исследования политического восприятия.

Список источников

1. Упанишады веданты, шиваизма и шактизма : антология избранных упанишад / [сост. и пер. с санскрита: С. В. Лобанов, С. С. Федоров]. М.: Старклайт, 2009. 223 с.
2. Древнекитайская философия : собрание текстов : в двух томах / [сост. Ян Хин-Шун ; вступит. ст. В. Г. Бурова и М. Л. Титаренко]. М.: Мысль, 1972-1973. 2 т.
3. Германович А.А. Социокультурная направленность и антропологические основания педагогических воззрений Мэн-цзы // Историко-педагогический журнал. 2017. № 4. С. 123–143.
4. Мартынов А. С. Конфуцианство. СПб., 2001.
5. Маковельский А. О. Софисты. Вып. 1–2. Баку, 1940–1941.
6. Рожанский И. Д. Анаксагор. У истоков античной науки. М., 1972.
7. Аристотель Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022.
8. Гончарова Т. В. Эпикур. М.: Мол. гвардия, 1988. 303 с.
9. Stoicorum veterum fragmenta cell J Arim. Vol. I-III Lipsiae, 1903-1905.
10. Фрагменты ранних стоиков. Т. I-II / Пер. А. А. Сталеров. М. – 1998-2002.
11. Соколов В. В. Средневековая философия. 2-е изд. М., 2001.

12. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Ч. 2. Саратов, 1988.
13. Лютер М. Время молчания прошло: избранные произведения 1520-1526 / пер. с нем., ист.-биограф. очерк и коммент. Ю. А. Голубкина. Харьков: Око, 1992. 349 с.
14. Бэкон Ф. Новая Атлантида; Сочинение Франциска Бэкона; Перевод с французского. М.: В типографии г-жи Божуковой, 1821. 188 с.
15. Декарт Р. Рассуждение о методе. СПб.: Азбука, сор. 2017. 315 с.
16. Декарт Р. Сочинение в 2х томах. Т. 1. М., 1989.
17. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 1-2. М., 1989–1991.
18. Спиноза Б. Сочинения. Т. 1–2. СПб., 1999.
19. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1985–1988.
20. Юм Д. Сочинения в 2-х томах. М., 1996.
21. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М., 1998.
22. Гельвеций К. А. Сочинения. Т. 1–2. М., 1974.
23. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 227 с.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: В 9 т. М., 1985.

Reference

1. *The Upanishads of Vedanta, Shaivism and Shaktism : an anthology of selected Upanishads*. Comp. and translated from Sanskrit: S. V. Lobanov, S. S. Fedorov. Moscow: Starlight; 2009. 223 p. (In Russ.)
2. *Ancient Chinese philosophy : a collection of texts : in two volumes*. Comp. Yang Hin-Shun ; introduced by V. G. Burova and M. L. Titarenko. M.: Mysl, 1972-1973. 2 vols. (In Russ.)
3. Germanovich A.A. Sociocultural orientation and anthropological foundations of pedagogical views of Menzi. *Historical and pedagogical journal*. 2017;(4):123–143. (In Russ.)
4. Martynov A. S. *Confucianism*. St. Petersburg; 2001. (In Russ.)
5. Makovelsky A. O. *Sophists*. Issue 1-2. Baku; 1940–1941. (In Russ.)
6. Rozhansky I. D. *Anaxagoras. At the origins of ancient science*. Moscow; 1972. (In Russ.)
7. Aristotle. Small collection of works. Saint-Petersburg: ABC-Atticus; 2022. (In Russ.)
8. Goncharova T. V. *Epicurus*. Moscow; 1988. 303 p. (In Russ.)
9. *Stoicorum veterum fragmenta cell J Arim*. Vol. I-III Lipsiae, 1903-1905.
10. *Fragments of the early Stoics*. Vol. I-II. Transl. A. A. Stalero. Moscow; 1998-2002. (In Russ.)
11. Sokolov V. V. *Medieval philosophy*. 2nd ed. Moscow; 2001. (In Russ.)
12. *Italian Renaissance Humanism*. Part 2. Saratov; 1988. (In Russ.)
13. Luther M. *The time of silence has passed: selected works 1520-1526*. Trans. from German, ist.-biograf. essay and commentary by Yu. A. Golubkin. Kharkiv: Oco; 1992. 349 p. (In Russ.)
14. Bacon F. *New Atlantis; The work of Francis Bacon*; Translated from French. Moscow: In the printing house of Mrs. Bozhukova, 1821. 188 p. (In Russ.)
15. Descartes R. *Reasoning about the method*. Saint-Petersburg: Azbuka, сор. 2017. 315 p. (In Russ.)
16. Descartes R. *Works in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow; 1989. (In Russ.)
17. Hobbes T. *Works: In 2 volumes*. Vol. 1-2. Moscow; 1989–1991. (In Russ.)
18. Spinoza B. *Works*. Vol. 1-2. St. Petersburg; 1999. (In Russ.)
19. Locke J. *Works: In 3 volumes*, 1985–1988. (In Russ.)
20. Hume D. *Writings in 2 volumes*. Moscow; 1996. (In Russ.)
21. Rousseau J. J. *On the social contract*. Moscow; 1998. (In Russ.)
22. Helvetius K. A. *Writings*. Vol. 1-2. Moscow; 1974. (In Russ.)
23. Frankl V. *Will to meaning*. Moscow: Alpina non-fiction; 2018. 227 p. (In Russ.)
24. Marx K., Engels F. *Selected works: In 9 volumes*. Moscow; 1985. (In Russ.)

Информация об авторе

О. В. Котлярова – кандидат филологических наук, доцент ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

O. V. Kotlyarova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024; принята к публикации 28.07.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 27.07.2024; accepted for publication 28.07.2024.

The Russian language and state language policy in the formation of modern Russian civilization

Nina S. Kotova¹, Sofya S. Dukyan², Grigory S. Kotov³, Natalia V. Zaytseva⁴

^{1, 2, 4}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Nina S. Kotova, kotova-ns@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5715-3495>

Abstract. This article examines the meaning and role of the Russian people unity, the role of communication in society in the state language, which is the fundamental basis of the civil self-identity of Russians. The article also substantiates the role of Russian language policy in four aspects (educational, scientific, cultural and legal) in order to preserve language as the cultural heritage of the nation in the formation of Russian civilization. The article emphasizes that the ability of the language to preserve the history, culture, and identity of the people for a long time ensures and maintains the state of national security and its spiritual unity at a high level.

Keywords: language policy, communication, culture, self-identity, civilizational component, spiritual unity, literacy, the Russian language, multinational state

For citation: Kotova N. S., Dukyan S. S., Kotov G. S., Zaytseva N. V. The Russian language and state language policy in the formation of modern Russian civilization. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):165–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-165-171>. EDN LHAGFG

Политология и этнополитика

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-165-171>

EDN LHAGFG

Русский язык и государственная языковая политика в становлении современной российской цивилизации

Нина Сергеевна Котова¹, Софья Сергеевна Дукян²,
Григорий Сергеевич Котов³, Наталия Викторовна Зайцева⁴

^{1, 2, 4}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Нина Сергеевна Котова, kotova-ns@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5715-3495>

Аннотация. В статье рассмотрены значение и роль единства русского народа, роли коммуникации в обществе на государственном языке, являющимся фундаментальной основой гражданской самоидентичности россиян, а также обосновывается роль российской языковой политики в четырех аспектах (образовательном, научном, культурном и правовом) в целях сохранения языка как культурного наследия нации в становлении российской цивилизации. Способность языка долгое время сохранять в себе историю, культуру, самобытность народа, обеспечивает и поддерживает на высоком уровне состояние национальной безопасности и ее духовное единство.

Ключевые слова: языковая политика, коммуникация, культура, самоидентичность, цивилизационная составляющая, духовное единство, грамотность, русский язык, многонациональное государство

Для цитирования: Котова Н. С., Дукян С. С., Котов Г. С., Зайцева Н. В. Русский язык и государственная языковая политика в становлении современной российской цивилизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 165–171. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-165-171>. EDN LHAGFG

The relevance of the topic of this article is due to the fact that Russia is currently experiencing a period of revival of its civilizational components, in which language, spirituality and culture play a key role. The Russian language acts as the basis for the historical development of Russia, reflects its civilizational path and culture from its origins to the present day, paves the way to the future, that is, it is an integrative factor of all periods of Russian civilization.

The purpose of the article - is to analyze the role of state language policy in preserving the Russian language as a fundamental component of Russian civilization.

Objectives posed in the article:

- analyze the role of the state in preserving the Russian language as an integrating component of Russian civilization in the dichotomous typology of the development of civilizations;
- determine the role of language in the development of Russia, based on the civilizational concept of V. von Humboldt;
- determine the role of the Russian language and the communicative unity of the multinational Russian society within the framework of ensuring the civilizational integrity of the country.

Scientific novelty is determined by the formulated conclusions:

- the article shows that Russia is developing according to a civilizational approach, which is based on the originality of culture, values, language, spirituality;
- it has been proven that throughout the history of Russia, the language policy implemented in the country was formed within the framework of a single civilizational type, determined by the originality of the Russian language as the state language of a multinational country, capable of preserving the historical and cultural identity of Russia, integrating existing and new linguistic phenomena.

Problem definition. President of the Russian Federation Vladimir Putin wrote in one of his articles: "The Russian people are state-forming - by the fact of the existence of Russia. The great mission of the Russians is to unite and consolidate civilization. To consolidate into a type of state-civilization devoid of ethical bias towards national minorities, where common culture and common values define the 'friend or stranger' principle". The head of the state noted that "the informational, cultural, state unity of the country, the unity of the Russian people directly depends on the mastery of our young people, on the state and spread of the Russian language."

The role of the state in the preservation and development of language is relevant beyond time and era. The recent history of our country has become a striking example of this. Over the past 30 years, in Russia there have been changes in the norms of the Russian language, which at various stages were approved by orders of the Ministry of Education and Science, designated as priority tasks in the messages of the President, meetings of the Federation Council, etc. The basis for the official change in norms has always been the good idea not only to analyze and select for recommendation the existing dictionaries and reference books that reflect modern norms of the Russian language (having analyzed them for the content of inaccuracies and errors), but to present criteria and requirements for the content and quality of used and published grammars, dictionaries and reference books on the Russian language.

The current situation is not accidental. Over the first 20 years of the post-Soviet period, significant damage was caused to linguistic culture. The level of literacy of Russians catastrophically decreased, we faced unprecedented processes of simplification and shift of styles towards vernacular, colloquial styles, as well as the dominance of argot not only in everyday life, but also in business communications, television and other media. The philological community has been paying attention to the problem all these years, but there has been no satisfactory solution to the problem. After another 10 years, it turned out that along with the decline in speech culture and the lack of a competent language policy, problems appeared in various spheres of life in our society: Russia faced a non-trivial task – to answer the question "who are we and what should we become as a country-nation-civilization?" It is obvious that with the growing role of communication in society, a modern state is impossible without a single state language, which exists within the framework of legislation and language policy implemented in society. The primary task of the language policy for us now is to preserve the Russian language, as it reflects the history, culture, values of Russia, as well as its development and compliance with modern achievements of science and technology, its multinational character (for example, the historical assimilation of some lexical units of nationalities living on the territory of Russia,

in the corpus of words of the Russian language), which is aimed at strengthening the unified Russian state as a multinational country. Back in 2013, in his speech at the opening of the Russian Literary Assembly, V.V. Putin noted that "The Russian language has always played a uniting role for the multinational people of Russia and formed the general cultural and humanitarian context of the country". Thus, gradually since the 2000s we have seen a dynamic of attention and support for the Russian language from the state, in particular, within the framework of strategic national interests. The Russian language is declared to be the basis of Russian statehood. In this regard, in the field of education and culture it is necessary to strengthen the understanding of the consolidating role of language in society, its paramount importance in social, cultural, and professional identification. The ability of a language to preserve the history, culture, and identity of the people for a long time ensures and maintains the state of national security and its spiritual unity at a high level.

Methodological background. In the history of linguistics, such approach to the perception and understanding of language was developed in the "philosophy of language" by Wilhelm Humboldt, a famous philosopher, politician and diplomat. His attempts to construct a scientific theory of language, which was based on the comparative historical method, were consonant with the philosophy of Kant (for example, his comparison of language with the soul, and he connected the process of language development with the laws of the spirit). According to Humboldt, "language is a reflection of the spirit of the people," and "the activity of thinking and language represent [...] an indissoluble unity" [1]. National linguistics and the development of state language policy has been characterized by this approach for more than 100 years, and it was always taken into account that Humboldt understood language as "genetically predisposed to evolution," which contains everything necessary for the development of the language itself and the people speaking it. Humboldt emphasized that language reflects the worldview of a nation, in which all the spiritual qualities of the people are revealed.

Civilization concepts, which include the issue of language as a fundamental component, appeared at that historical moment when the aspect of sociocultural community was included in the outline of the concept of civilization. Following the ideas of I. G. Herder and W. von Humboldt, a cultural approach to the study of language in domestic and foreign science is developing among anthropologists and linguists [2–5]. During this period, a significant number of scientific works appeared, which emphasized the importance of spirituality as a fundamental factor in the existence of civilization [6–11].

Currently, science has developed two approaches to understanding the development of the world, social development, the role and place of political subjects in it: the universalist-evolutionist approach (within the framework of the ideas of globalism) and the civilizational approach, which centers on the historical condition of sociocultural uniqueness. The modern civilizational approach is described in the works of O. Spengler, L. Gumilyov, A. Toynbee, S. Hantington, B. Erasov and other scientists, who include in the concept of "civilization" the uniqueness and specificity of its culture, structure, as well as the specificity of the cycles of its historical development. Uniqueness or originality is determined at each stage of development of a particular civilization, making it possible to highlight a stable or little-changing aspect. This will characterize the specific basis, the character of civilization. A focus on historical and cultural identity requires addressing the country's common language (the state language) as a resource (historical and cultural memory) and a tool (a mode of official and everyday communication). Thus, the state language acts, among other things, as a tool for identifying the people.

Discussion. In modern world philosophical-sociological and historical-political science literature, civilizations are usually called stable socio-cultural communities that are reproduced on the basis of a set of characteristic cultural-symbolic, material and spiritual values, language, religion, art, and traditions [12]. In reference to Russia, its construction as a state-civilization, A. Toynbee's statement is true: "... the majority of ethnic groups involved in a single cultural space, introduced to Russian culture, bonded by the language of interethnic communication – the Russian language, became participants in a single cultural process, creators of common values in a single geographical, political and spiritual space" [13].

Language and communicative unity ensure the civilizational integrity of the people (nationalities) and the country. Storing in the language corpus information about history, culture and identity, integrating centuries-old diversity at each level of the language; the possibility of transmitting this information to the next generation at the level of the entire civilizational space, covering all segments of the population and ensuring the social community of people, is the basis and primary factor of communication within the framework of the civilizational aspect. Language is one of the fundamental forms of existence. Consequently, respect for language as a representative of culture, the importance of preserving and developing language as the main element of the identity of a people should be guided by its civilizational essence. It seems possible

to ensure this through a correct state language policy, at the center of which is the idea of a common language, people (peoples inhabiting the country) and civilization, as well as a reflection in it of the history and culture of the past and modern life.

In Russia, the Russian language and proficiency in it, as well as a common culture, at the center of which is the common identity of a multinational country, indicate its civilizational character, which can be traced cyclically throughout all stages of its historical development. For example, in the Soviet era, the key period was 1930-1950: since 80 of the 127 "eastern" peoples of the USSR had their own written language, new alphabets and writing systems based on the Cyrillic alphabet were introduced for the peoples inhabiting Central Asia, Siberia, the Far East, the European North, Ural and Volga region. In 1945, V. Vinogradov's book "The Great Russian Language" was published, scientifically substantiating the concept of the Russian language for the nation, and the Russian language gradually became universal in communication, education and professional activities of a multinational country.

Since 2014, we have experienced regular adjustments to the language law, including amendments adopted on February 28, 2023 "On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation""¹. The significance and role of changes and standards should not only be to emphasize the importance of this issue, to try to increase the literacy of our compatriots, but also to overcome the unfavorable state of the linguistic environment, the contamination of the language, to improve linguistic culture, and subsequently to overcome spiritual degradation of an individual and the entire people. All this has long been a cause of concern not only for linguists and scientists, but also for the country's leadership. The vector for defining Russia as a state-civilization does not mean a return to old/archaic norms, but competent, balanced development and use of the language, which will preserve its historical beauty, uniqueness and originality and at the same time reflect the modern development of the country in all spheres without compromising cultural and linguistic uniqueness.

Back in 2014, the Russian Language Council under the President of the Russian Federation was created in order to improve state policy in the field of development, protection and support of the Russian language. "For Russia, with its ethnic, cultural diversity and complex national-state structure, a balanced, effective language policy is one of the obvious priorities"². As part of the framework, legislation is being improved, the most important documents have been adopted aimed at developing the comprehensive use, dissemination and promotion of the Russian language as the fundamental basis of civil self-identity, cultural and educational unity of multinational Russia, its civilizational component.

Thus, simultaneously with the adoption of amendments to the law "On the State Language", aimed at ensuring that citizens, including civil servants and officials, comply with the norms of the Russian literary language in the public sphere. A special commission on the Russian language was created under the government, tasked with compiling a list of dictionaries and reference books that comply with the adopted law. However, the mechanisms for how control over official speech will be carried out is not an easy task, since it seems to be legal and normative, but not yet cultural. In fact, we are talking about compliance with the norms of the modern Russian language in the public field. The norms of the modern Russian literary language are codified language tools and rules for their use, that is, what is recorded in normative dictionaries, reference books and grammars. This implies compiling a list of such publications, united by the concept of a "single body" of grammars, dictionaries and reference books. The process of ongoing changes must be codified, normative, and return to the public attitude that a nation and people are, first of all, language and culture; it cannot be reduced only to publications and laws [14].

Compliance with the norms that laws, dictionaries and reference books are aimed at is the formal side of the issue, normative, legal, which is still far from going through the process of adoption and becoming entrenched in the mind of every Russian. It will take a lot of time until these norms come into widespread use in official, business communications, especially in the media, in government agencies, in the Duma, in the official speech of deputies and government officials, since their speech and texts are aimed at many people and depend on the ability to choose wisely the appropriate word and expression in a particular situation. Pushkin also said: "The point is not in rejecting any word, but in a sense of moderation and expediency when using it."

¹ Federal Law of February 28, 2023 No. 52-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"" // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48976>; <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404220037>

² Joint meeting of the Council for Inter-Ethnic Relations and the Council for the Russian Language. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/49491>

In this regard, the principle of reasonableness and understanding that language is a dynamic and living phenomenon, requiring a correct and reasonable attitude of society and each of its individuals to language, indicates that, simultaneously with the legal side of the issue, educational and a cultural strategy for reviving respect for the state language should be worked out and come to life. Also in this matter, it is important not to go into formalism and servility, which often happens in Russian history: the desire of some officials and executives to be the first or “original” with their own ideas proposed “in pursuance of an order,” rushing to declare how and at what expense it is necessary to realize the revival in the public consciousness of the previous attitude towards the Russian language. However, love, respect, reverent attitude and care for the Russian language as uniting for centuries all people and numerous nations living on the territory of Russia, requires, first of all, the return of the authority of philologists, scientists and thinkers. In this sense, for example, in the spelling dictionary of the Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov RAS last year included 151 new words. The next update took place in September. Among the new words are, «antivakser», «burgernaya», «valyutoobmen», «dopandemiinyi», «keis-interv'yu», «keis-menedzhment», «krossfit», «mediarech'», «mediafeik», «millenialy», «onlain-press-konferentsiya», «prokrastinatsiya», «telegram-kanal», «fan-zona», «shaurma», «shtrikhkodirovanie» and others¹. It is known that among public figures there are enough opponents of such changes, and the history of Russia testifies that even Paul I, struggling with the consequences of the French Revolution, issued a law banning the words citizen, fatherland, revolution.” But all these words were, are, and will be in the Russian language. It must be recognized that in world history, not a single language of the great nations avoided or feared foreign borrowings. The task of the state, scientists and philologists is to avoid the aggressiveness and concentration of such borrowings.

Let us note that we are now experiencing the development of Russia in the civilizational paradigm, which, according to V. I. Pantin, should be defined through the concept of “national-civilizational identity”: “National-civilizational identity is understood as the identification or correlation of individuals with a certain national-civilizational community, i.e. such a community that simultaneously has the features of both a nation and a civilization, or is an intermediate formation between a nation and civilization.” V.I. Pantin also points out that these processes are relevant and characteristic of China, India and Russia, since in them the national-civilizational identity includes not only specificity and originality (civilizational characteristics), but also the need to develop competitiveness, technological development, participation in global agenda (“increasing the characteristics of a nation”) [15]. Consequently, modern Russia, according to the scientist, should develop as both a state-nation and a state-civilization, with the cultural aspect acting as a connecting link: a single Russian history, Russian as a state language and, due to the historical development of the country, acting as a language common communication for all citizens, nationalities and ethnic groups of multinational Russia – everything that contributes to the unity of Russia as a nation and civilization.

Conclusions. Today it is obvious that it is impossible to define Russia as a state-civilization within the framework of the Russian language solely by issuing orders and calls. It is necessary to recognize that language is a living social phenomenon and an independent organism, therefore it is possible to influence only its certain parties. And the state language policy should be aimed precisely at this, namely at the reasonable approval of literary norms of spelling and punctuation, defining the function of the state language in society; regulation of teaching the Russian language, cultivating the attitude in society to the Russian literary language as a model and cultural public oral and written speech, which will reduce and gradually eliminate popular slang in the public sphere (media, government institutions, etc.). This is the most important task of the state; it must be done in collaboration with leading philologists.

Therefore, we need a language policy aimed at the educational, scientific, cultural and legal aspects of preserving the language as the cultural heritage of the nation. N. Danilevsky noted that it is not so much geographical unity as cultural and linguistic unity that determine the thinking of a nation². In this sense, for Russia, Russian is not just a means of communication, it is its unique cultural, civilizational phenomenon, which makes it possible to unite and consolidate the numerous peoples inhabiting it, and also shapes their political and cultural self-awareness. And the point here is not the number of English and Internet inclusions

¹ Resource “ACADEMOS” // https://orfo.ruslang.ru/search/word?page=5&query=2022&title_check=1&text_check=2&yo=0

² Pokotylo M. V. Discussions about the functioning of the Russian language at the present stage (on the issue of reforming the modern Russian language). // <https://scipress.ru/philology/articles/diskussii-o-funktsionirovanii-russkogo-yazyka-na-sovremennom-etape-k-voprosu-o-reformirovanii-sovremennogo-russkogo-yazyka.html>

in it, but how we treat our language as a truly native one, and how Russian people who speak Russian feel about themselves. The Russian language, in turn, throughout its history has been filled with borrowings from the peoples inhabiting it, thereby expanding Russian civilization to the point where it is comfortable for all peoples living on the territory of Russia. (For example, Turkisms existing in the Russian language Olzhas Suleimenov).

Thus, the role of the Russian language in the formation and development of Russian civilization, its original culture and sovereignty is indisputable. As a state-forming language, the Russian language is consubstantial with the civilizational development of Russia: it originated with it, became a mirror of its history and modernity and guardian, and is a source of creative energy for the preservation and development of Russia itself.

References

1. Humboldt V. *Selected works on linguistics*. Moscow; 2000. 396 p. (In Russ.)
2. Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow; 1993. 654 p. (In Russ.)
3. Whorf B. Relation of norms of behavior and thinking to language. *New in linguistics*. Moscow; 1960. Issue. 1. (In Russ.)
4. Weisgerber L. *Native language and the formation of the spirit*. Moscow; 1993. 229 p. (In Russ.)
5. Potebnya A. A. *Thought and language*. Moscow; 1999. (In Russ.)
6. Erasov B. E. Introductory article. *Comparative study of civilizations. Reader*. Moscow; 1998. (In Russ.)
7. Gadzhiev K. S. *Introduction to Geopolitics*. Moscow; 1998. (In Russ.)
8. Naydysh V. M. The problem of civilization in the scientific thought of modern times. *Man*. 1998;(2):6–23. (In Russ.)
9. Levyash I. Ya. Civilization and culture: logos, topos, chronos. *Human*. 1999;(5):43–55. (In Russ.)
10. Grinin L. E. Formations and civilizations. *Philosophy and society*. 1998;(2). (In Russ.)
11. Vasilenko I. A. Dialogue of cultures, dialogue of civilizations. *Vestnik RAS*. 1996;66(6). (In Russ.)
12. *Modern political science: Methodology*. Rep. ed. O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. Moscow: Aspect Press Publishing House; 2019. 776 p. (In Russ.)
13. Matyazh S.V. Theory of cultural genesis A.J. Toynbee: key ideas and conceptual context. *MNKO*. 2011;(6-1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kulturogeneza-a-dzh-toynbi-klyuchevye-idei-i-kontsepualnyy-kontekst> [Accessed 18 June 2024]. (In Russ.)
14. Kiyanova O. N. Russian language as the state language of the Russian Federation in modern conditions. *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*. 2016;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-kak-gosudarstvennyy-yazyk-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-usloviyah> [Accessed 23 May 2024]. (In Russ.)
15. Pantin V. I. National-civilizational identity: the specifics of Russia. *POLITEX*. 2011;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-tsivilizatsionnaya-identichnost-spetsifika-rossii> [Accessed 18 June 2024]. (In Russ.)

Список источников

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. 396 с.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 654 с.
3. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
4. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. 229 с.
5. Потебня А. А. Мысль и язык. М., 1999.
6. Ерасов Б. Е. Вступительная статья // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1998.
7. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 1998.
8. Найдыш В. М. Проблема цивилизации в научной мысли Нового времени // Человек. 1998. № 2. С. 6–23.
9. Левяш И. Я. Цивилизация и культура: логос, топос, хронос. // Человек. 1999. № 5. С. 43–55.
10. Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. 1998. № 2.
11. Василенко И. А. Диалог культур, диалог цивилизаций // Вестн. РАН. 1996. Т. 66. № 6.

12. Современная политическая наука: Методология. Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 776 с.
13. Матяж С. В. Теория культурогенеза А. Дж. Тойнби: ключевые идеи и концептуальный контекст // МНКО. 2011. №6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kulturogeneza-a-dzh-toynbi-klyuchevye-idei-i-kontsepualnyy-kontekst> (дата обращения: 18.06.2024).
14. Киянова О. Н. Русский язык как государственный язык Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-kak-gosudarstvennyy-yazyk-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 23.05.2024).
15. Пантин В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России // ПОЛИТЭКС. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-tsivilizatsionnaya-identichnost-spetsifika-rossii> (дата обращения: 18.06.2024).

Информация об авторах

- Н. С. Котова – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков и речевых коммуникаций ЮРИУ РАНХиГС.
- С. С. Дукян – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.
- Г. С. Котов – кандидат педагогических наук, ассистент кафедры начального образования Академии психологии и педагогики ЮФУ.
- Н. В. Зайцева – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций ЮРИУ РАНХиГС.

Information about authors

- N. S. Kotova – Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Speech Communications, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.
- S. S. Dukyan – Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.
- G. S. Kotov – Cand. Sci. (Pedagog.), Assistant at the Department of Primary Education of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University.
- N. V. Zaytseva – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Speech Communications, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-172-176>

EDN NDFGXH

Обеспечение антитеррористической защищенности как мера противодействия терроризму

Кирилл Александрович Лустин

Воронежский институт экономики и социального управления, Воронеж, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена тематика обеспечения антитеррористической защищенности как меры противодействия терроризму. Различные виды безопасности традиционно являются предметом исследования политологии и публично-правовых наук. В статье исследованы общественные отношения, возникающие в сфере обеспечения национальной безопасности России. Целью работы являлось установление специфики воздействия частноправовых средств при обеспечении безопасности. Граждане и организации своими силами и средствами обеспечивают защищенность объектов гражданских прав – жизни, здоровья, имущества. Данная деятельность отличается от реализации функций правоохранительных органов не только невозможностью применения принудительных (публично-правовых) мер воздействия, но и более «узкими» объектами защиты. Способом участия негосударственных организаций и физических лиц в обеспечении национальной безопасности в целом и антитеррористической защищенности, в частности, является использование частноправовых средств для охраны соответствующих объектов гражданских прав. Однако предусмотренные законодательством средства надлежащим образом не исследованы и имеют существенные недостатки в нормативно-правовом регулировании. Новый авторский взгляд на проблемы обеспечения национальной безопасности может дать основу для проведения иных частноправовых и комплексных исследований.

Ключевые слова: терроризм, антитеррористическая защищенность, закон, меры противодействия, национальная безопасность, охрана

Для цитирования: Лустин К. А. Обеспечение антитеррористической защищенности как мера противодействия терроризму. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 172–176. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-172-176>. EDN NDFGXH

Politology and Ethnopolitics

Original article

Ensuring anti-terrorism security as a measure to counter terrorism

Kirill A. Lustin

Voronezh Institute of Economics and Social Management, Voronezh, Russia

Abstract. This article discusses the topic of ensuring anti-terrorism security as a measure to counter terrorism. Various types of security are traditionally the subject of research in political science and public law sciences. The article examines the social relations that arise in the sphere of ensuring the national security of Russia. The purpose of the work was to establish the specifics of the impact of private legal means in ensuring security. Citizens and organizations, with their own efforts and means, ensure the protection of objects of civil rights – life, health, property. This activity differs from the implementation of the functions of law enforcement agencies not only by the impossibility of using coercive (public law) measures of influence, but also by more “narrow” objects of protection. A way for non-governmental organizations and individuals to participate in ensuring national security in general and anti-terrorism protection in particular is the use

of private legal means to protect the relevant objects of civil rights. However, the means provided for by law have not been properly researched and have significant shortcomings in legal regulation. The author's new view on the problems of ensuring national security can provide the basis for conducting other private law and complex studies.

Keywords: terrorism, anti-terrorism protection, law, countermeasures, national security, security

For citation: Lustin K. A. Ensuring anti-terrorism security as a measure to counter terrorism. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):172–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-172-176>. EDN NDFGXH

Актуальность темы настоящей статьи предопределена состоянием сложившихся общественных отношений и необходимостью активизации политологических исследований в области обеспечения национальной безопасности.

Угрозы национальной безопасности уже давно перешли в разряд перманентной и реальной опасности причинения вреда гражданам, общественному устройству и институтам современного российского государства. В частности, одна из самых очевидных угроз национальной безопасности носит террористический характер, что обуславливает необходимость разработки новых мер противодействия ей как в идеологическом, техническом, социальном аспектах, так и в правовом поле.

Отечественные специалисты в области обеспечения безопасности отмечают, что различные виды безопасности (общественная, военная, информационная, биологическая, пожарная и др.) традиционно являются предметом исследования политологии и публично-правовых наук, однако их разнообразие и современное состояние общественных отношений создают практическую потребность в выполнении смежных и частноправовых исследований, способствующих совершенствованию юридической доктрины и отечественного законодательства в этой принципиально важной для государства сфере [1, с. 19–24].

Обоснованность применения частноправового подхода в области обеспечения безопасности обусловлена объективными факторами и причинами, отраженными в нормативных актах, регулирующих данные общественные отношения.

Анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ как документа стратегического планирования, который носит характер средства правового регулирования, закрепляющего и выражающего политику государства, дает представление о национальной безопасности России как об обеспечении состояния защищенности ее национальных интересов от различного рода угроз, при котором граждане могут свободно осуществлять свои права и которое обеспечивается за счет реализации стратегических национальных приоритетов. Среди национальных интересов прежде всего следует выделить "защиту граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств", поскольку, во-первых, эти интересы являются не только публичными, но и частными, во-вторых, представляют собой объекты гражданских прав, и, в-третьих, их защита может быть осуществлена не только публично-правовыми, но и частноправовыми средствами. Данный документ государственного планирования прямо предусматривает повышение уровня антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств (промышленной, транспортной, топливно-энергетической инфраструктуры и др.) в качестве одной из главных задач по обеспечению государственной и общественной безопасности, ввиду чего возрастает роль физических и юридических лиц в ее решении.

Терроризм как многогранное явление, включающее и совершение посягательств, угрожающих жизни многих людей, и создание террористических сообществ, сопряженное с вербовкой в их состав новых участников, и распространение соответствующей идеологии, представляет собой сверхвысокую угрозу национальной безопасности. Методика расследования преступлений террористической направленности уже получила научное осмысление [2, с. 3], однако поскольку способы их совершения модифицируются, требуется разработка новых направлений.

Террористические акты как преступления, совершаемые в местах массового пребывания граждан, оставляют и своеобразные нематериальные следы, сохраняющиеся в течение некоторого

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2021. N 27 (часть II). Ст. 5351.

времени и требующие внимательного анализа. Благодаря широкому использованию систем видеонаблюдения в общественных местах (это и ресурсы программы «Безопасный город», реализуемой во многих российских населенных пунктах, и камеры, инициативно установленные предприятиями, учреждениями, организациями, охватывающие прилегающую территорию, и даже современные модели домофонов, позволяющие вести видеофиксацию в радиусе до 15 м от места их расположения), уже на первоначальном этапе расследования последовательность выполнения лицом действий, входящих в объективную сторону преступления, может становиться доступной для анализа с различных ракурсов. Становятся возможными идентификация подозреваемого (если он не был задержан на месте происшествия) и определение направления его ухода после совершения. Справочно-консультационная помощь специалиста в данном случае может оказаться достаточно весомой и способствовать оптимизации розыскных действий, осуществляемых как следователем, так и сотрудниками оперативных подразделений.

Например, при расследовании уголовного дела о совершении взрыва в помещении супермаркета в г. Санкт-Петербурге следователем была обнаружена и изъята флэш-карта с данными, записанными камерами видеонаблюдения. На записи содержалось изображение мужчины, оставлявшего в камере хранения магазина непрозрачный сверток, а далее – запечатлена сцена взрыва, произошедшего в запертой им ячейке. Хотя ответственность за совершение террористического акта взяла на себя запрещенная в России организация «Исламское государство», уже через несколько дней подозреваемый был задержан. У него дома были изъяты материалы, позволившие доказать изготовление им самодельного взрывного устройства, а также определить его психическое состояние как требующее обязательного производства судебно-психиатрической экспертизы. В этих целях следователь консультировался со специалистами в области психологии. По заключению экспертизы мужчина был признан невменяемым, к нему применены принудительные меры медицинского характера¹.

Для сравнения, в практику работы органов полиции успешно внедрено использование специальных мобильных инспекционно-досмотровых комплексов, позволяющих максимально быстро обнаруживать радиоактивные и иные опасные вещества [3, с. 138–142]. В целях выявления территории деятельности незаконных вооруженных формирований, а также мест нелегального хранения ими оружия, боеприпасов, амуниции, взрывчатых веществ и иных предметов (т.н. «схронов»), многие годы успешно используются ресурсы радиоэлектронной разведки [4, с. 439–441]. Этот опыт представляет существенный интерес, но к нему чаще прибегают при осуществлении оперативно-розыскной, а не следственной деятельности.

Далее, доступ к цифровому контенту может быть многократно осложнен вследствие мер предосторожности, к которым прибегают члены террористических организаций. Ими могут применяться различные приемы шифрования, затрудняющие выявление как точек доступа к сети «Интернет», так и ознакомление с информацией, размещенной на конкретных электронных ресурсах. Это не является непреодолимым препятствием, но требует привлечения специалистов, имеющих навыки использования киберпространства.

Например, при обнаружении в памяти компьютера, изъятого у подозреваемого в финансировании терроризма, получены данные о его причастности к легализации денежных средств, приобретенных другими лицами преступным путем. Способы совершения этих преступлений могут быть тождественными (использование фирм-однодневок для обналаживания денежных средств, денежные переводы, выполненные на имя подставных лиц, подмена безналичных расчетов наличными). В этом случае возникает необходимость финансового анализа проведенных транзакций и установления всех выгодоприобретателей проведенной финансовой операции. Судебно-экономическая или судебно-бухгалтерская экспертиза в таких случаях не являются оперативным способом получения информации [5, с. 553], которая может быть использована при производстве вербальных следственных действий с подозреваемым или обвиняемым.

На современном этапе общественного развития граждане и организации своими силами и средствами обеспечивают защищенность объектов гражданских прав – жизни, здоровья, имущества, обеспечивают продолжение процесса оказания услуг, создают возможность для реализации своих предпринимательских способностей. Данная деятельность отличается от реализации функций правоохранительных органов не только невозможностью применения принудительных (публично-

¹ Материал № 3/2-287/2018 // Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга.

правовых) мер воздействия, но и более "узкими" объектами защиты, поскольку в публично-правовом аспекте таковыми являются куда более глобальные явления - конституционный строй, суверенитет, общественная безопасность. Однако обеспечение защищенности объектов гражданских прав физическими и юридическими лицами как достижение частного интереса является условием состояния защищенности общества как цели достижения интереса публичного. Ввиду этого можно утверждать о частноправовом механизме обеспечения безопасности как о существенном составном элементе обеспечения национальной безопасности России, на совершенствование которого должны быть направлены в том числе и современные цивилистические исследования.

Способом участия негосударственных организаций и физических лиц в обеспечении национальной безопасности в целом и антитеррористической защищенности, в частности, является использование частноправовых средств для охраны соответствующих объектов гражданских прав. Однако предусмотренные законодательством средства надлежащим образом не исследованы отечественными авторами и имеют существенные недостатки в нормативно-правовом регулировании.

Так, п. 7 ч. 3 ст. 3 Закона РФ от 11 марта 1992 г. N 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – Закон) предусмотрен отдельный вид охранных услуг для объектов, на которые распространяются требования к обеспечению их антитеррористической защищенности, – «охрана объектов и (или) имущества, а также обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на объектах...». Сами охранные услуги во всем их разнообразии нередко являлись предметом цивилистических исследований. Так, В. В. Горовенко отмечает, что по договору охраны исполнитель обязан «обеспечить неприкосновенность имущественных и неимущественных прав» [6, с. 7]. Однако в части обеспечения неприкосновенности неимущественных прав можно не согласиться. Дело в том, что под объектами охраны законодатель понимает «движимые и недвижимые вещи» (п. 5 ст. 1.1 Закона), что также является упущением, ведь одной из охранных услуг является «защита жизни и здоровья граждан» (п. 1 ч. 3 ст. 3 Закона). Вместе с тем охранная деятельность направлена именно на защиту объектов гражданских прав, а не на охрану прав – имущественных и неимущественных, и эти объекты должны иметь материальный характер. Так, работники частных охранных организаций не способны в рамках оказания своих профессиональных услуг охранять здоровье граждан, которое рассматривается как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»². В связи с этим необходимо говорить об охране физического тела человека от противоправных посягательств, что, однако, также выходит за «имущественные рамки» объектов охраны, перечисленные в данном Законе.

Более сбалансированной видится позиция А.В. Милькова, который под объектами охраны предлагает понимать движимое и недвижимое имущество, физических лиц, а также общественный порядок [7, с. 10].

Вывод. Таким образом, даже самое необходимое в целях обеспечения антитеррористической защищенности объектов инфраструктуры частноправовое средство в виде комплексной охранной услуги остается без должного внимания как со стороны исследователей, так и со стороны законодателя. Ввиду допущенных правотворческих ошибок в виде несоответствия объектов охраны фактически реализуемым охранным услугам, перечисленным в соответствующем Законе, в практике оказания этих услуг участники гражданского оборота вынуждены самостоятельно комбинировать различные виды охранных услуг, позволяющих обеспечить надлежащие режимы, охрану жизни и здоровья людей, имущества, установку и обслуживание технических средств охраны и т.п. Другие же частноправовые средства обеспечения защищенности – институт саморегулирования в области частной охраны, решения гражданско-правовых сообществ, локальные нормативные акты, различные виды трудовые и гражданско-правовые договоров – практически не находят отражения в современных научных исследованиях вопросов безопасности.

¹ Закон РФ от 11.03.1992 N 2487-1 (ред. от 25.12.2023) "О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации" // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. N 17. Ст. 888.

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. N 48. Ст. 6724.

Список источников

1. Мохов А. А. Частноправовые (цивилистические) науки и правовые исследования в сфере обеспечения национальной безопасности // Современное право. 2023. № 7. С. 19–24.
2. Марутин А. Г. Расследование террористического акта : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2011. 208 с.
3. Кочерова Л. А., Кочеров Ю. Н. Применение сотрудниками полиции мобильных инспекционно-досмотровых комплексов как средство противодействия ядерному и радиологическому терроризму // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 138–142.
4. Киреев М. П., Баклицкий П. А. Организация предупреждения терроризма в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 439–441.
5. Тимченко В.А. Судебно-экономическая экспертиза по делам о финансировании терроризма // Трансформация национальной социально-экономической системы России : сб. мат-лов научн. практ. конф. М.: РГУП, 2019. С. 553–559.
6. Горovenko В.В. Гражданско-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
7. Мильков А. В. Договор охраны по российскому гражданскому праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Reference

1. Mokhov A. A. Private law (civilization) sciences and legal studies in the field of national security. *Modern law*. 2023;(7):19–24. (In Russ.)
2. Marutin A. G. *Investigation of the terrorist act*: dis. ... Cand. Sci. (Law). Moscow; 2011. 208 p. (In Russ.)
3. Kocherova L. A., Kocherov Y. N. Use of mobile inspection and inspection complexes by police officers as a means to counter nuclear and radiological terrorism. *Legal science and law enforcement practice*. 2019;(3):138–142. (In Russ.)
4. Kireev M. P., Baklitsky P. A. Organization for the prevention of terrorism in modern Russia. *Gaps in Russian legislation*. 2018;(2):439–441. (In Russ.)
5. Timchenko V. A. Forensic-economic expertise in cases on terrorist financing. In: *Transformation of the national socio-economic system of Russia*. Moscow: RGUP; 2019:553–559. (In Russ.)
6. Gorovenko V. V. *Civil-law regulation of private detective and security activity*: Autoref. dis. ... Cand. Sci. (Law). Ekaterinburg; 2002. (In Russ.)
7. Milkov A. V. *Protection Treaty on Russian civil law*: Dis. ... Cand. Sci. (Law). Moscow; 2008.

Информация об авторе

К. А. Лустин – преподаватель, Воронежский институт экономики и социального управления.

Information about the author

K. A. Lustin – lecturer, Voronezh Institute of Economics and Social Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.06.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 04.07.2024.

The article was submitted 07.06.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 04.07.2024.

Научная статья

УДК 32.019.5+324

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-177-183>

EDN NVMMXM

Цифровой политический маркетинг: использование социальных сетей и Big Data для управления политическими предпочтениями

Алексей Владимирович Поляков¹, Галина Геннадьевна Уварова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹alexey.polyakov.business@gmail.com

²uvarova-gg@ranepa.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности применения цифрового политического маркетинга в качестве особой технологии политического PR. Авторами исследования отмечается, что цифровой политический маркетинг стал излюбленным методом продвижения политических продуктов в силу широких возможностей, которые предоставляют мультимедийные платформы общественной и частной коммуникации в Интернете, а также технологии Big Data, с помощью которых можно анализировать невероятно большое количество всевозможных данных о пользователях. На основе этих данных эффективно корректируется ход политического процесса и имплицитно изменяются политические предпочтения и взгляды сетевого электората. Авторы подробно рассматривают возможности социальных сетей для продвижения пиар-кампаний, анализируют способы сбора данных о пользователях и отмечают риски, которые несут в себе технологические инновации цифровой эпохи для политической демократии, и в итоге приходят к выводу, что для достижения эффективного взаимодействия политических акторов с гражданами в Сети необходимо соблюдать баланс между инновационными методами вовлечения избирателей и обеспечением их прав на приватность и защиту персональных данных в рискогенную цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровой политический маркетинг, Интернет, PR, социальные сети, политические предпочтения, Big Data, электорат, общественное мнение, политический процесс

Для цитирования: Поляков А. В., Уварова Г. Г. Цифровой политический маркетинг: использование социальных сетей и Big Data для управления политическими предпочтениями. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 177–183. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-177-183>. EDN NVMMXM

Politology and Ethnopolitics

Original article

Digital political marketing: using social media and Big Data to manage political preferences

Alexey V. Polyakov¹, Galina G. Uvarova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹alexey.polyakov.business@gmail.com

²uvarova-gg@ranepa.ru

Abstract. The article discusses the features of the use of digital political marketing as a special technology of political PR. The authors of the study note that digital political marketing has become a favorite method of promoting political products due to the wide opportunities provided by multimedia platforms for public and private communication on the Internet, as well as Big Data technologies, with which you can analyze

an incredibly large amount of all kinds of data about users. Based on these data, the course of the political process is effectively adjusted and the political preferences and views of the online electorate are implicitly changed. The authors examine in detail the possibilities of social networks for promoting PR campaigns, analyze ways to collect data about users and note the risks posed by technological innovations of the digital age for political democracy. In conclusion, the authors conclude that in order to achieve effective interaction between political actors and citizens on the Web, it is necessary to maintain a balance between innovative methods of voter engagement and ensuring their rights to privacy and personal data protection in a risky digital era.

Keywords: digital political marketing, Internet, PR, social networks, political preferences, Big Data, electorate, public opinion, political process

For citation: Polyakov A. V., Uvarova G. G. Digital political marketing: using social media and Big Data to manage political preferences. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):177-183. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-177-183>. EDN NVMMXM

Введение

Внедрение информационных технологий в современное политическое пространство не только усилило и без того растущую конкуренцию между агентами политики (в социологическом понимании П. Бурдьё) [1], но и, в некотором смысле, провело ревизию среди запросов и ожиданий электората (состоявшихся сетевых потребителей информации), а также изменило инструменты достижения политического господства. Это стало возможным благодаря активному распространению сети Интернет и процессов цифровизации, сформировавших к настоящему времени гибкие платформы частной и общественной коммуникации, ставшие информационной основой нынешнего социума с сетевой морфологией. Так, по данным отчета компании Meltwater, в 2022 г. 4,76 млрд человек являлись активными пользователями социальных сетей¹, что составляет более половины населения планеты по состоянию на 2024 г. В одной только РФ, согласно исследованиям Mediascope, месячный охват пользователей (за январь 2024 г.) популярной социальной сети Вконтакте – 74,2 % от населения страны, мессенджеров Telegram и Whatsapp² – 68,8 % и 78,3 % соответственно, пользователей видеохостинга YouTube – 78,5 %³. Колоссальное число интернет-пользователей демонстрирует, насколько глубоко информационные технологии проникли во все сферы человеческой деятельности, включая, конечно же, и политику.

Определение цифрового политического маркетинга

Доступность и массовость социальных медиа, включающих в себя, как социальные сети, так и мессенджеры, стриминговые и потоковые сервисы, подкаст-платформы (то есть все онлайн-технологии, позволяющие предоставлять пользователям возможность коммуницировать друг с другом и создавать контент) позволили политическим акторам обрести новые возможности для воздействия на сознание, поведение и предпочтения избирателей, для организации политических кампаний и внедрения идеологий через использование цифрового маркетинга (digital-marketing) и аналитику данных и «цифровых следов», оставляемых пользователями в Сети. Под цифровым политическим маркетингом, в данном случае, мы понимаем инновационный способ продвижения политического продукта (программы, лозунга, запроса, повестки, персонального или партийного бренда и т.д.) включающий в себя возможность коммуникации с потребителем, осуществляемой через применение цифровых технологий и Big-Data – аналитики.

Подобная революция в методах политического PR позволяет современным политтехнологам таргетировать и ранжировать сетевые аудитории на целевые группы, исследовать каждую из них в целях выработки наиболее эффективных способов усвоения и индоктринации необходимых информационных посылов [2], в основном, через логику В2С-коммуникации. Цифровой политический маркетинг становится излюбленной формой продвижения политических продуктов, так как процесс цифровизации сформировал несколько факторов, способствующих позиционированию этой PR-технологии в качестве одного из наиболее успешных методов воздействия на политические предпочтения.

¹ «Digital 2023: Special Report» - [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/digital-2023/> (дата обращения 05.03.2024).

² Instagram\Whatsapp\Facebook принадлежат компании Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ)

³ «Рейтинги Mediascope» - [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения 05.03.2024).

Политический маркетинг в цифровых пространствах приобретает ключевое значение потому, что, во-первых, социальные медиа обеспечивают быструю и широкую диффузию любого вида политизированной информации (текстовый, аудио- и видеоконтент, статичные картинки и GIF-анимации). Акторы политики активно включают онлайн-площадки в политический процесс для распространения своих сообщений, проведения кампаний, мобилизации гражданской поддержки и управления общественным мнением. Современные цифровые медиа способствуют прямому и двустороннему общению с избирателями, что ранее было гораздо сложнее делать через традиционные медиа, например, через телевидение или радио. Сейчас же избиратель может напрямую вступать в публичный диалог с политиком, например, в комментариях к публикуемым тематическим постам, что можно наблюдать в социальной сети X (бывший Twitter)¹.

Во-вторых, возможности таргетированной рекламы позволяют посылать различные сообщения конкретным группам избирателей (гипертаргетинг и микротаргетинг). Используя данные об интересах, поведении, демографических параметрах пользователей, их истории поиска и просмотра, политические стратеги могут более точно адресовать аксиологическую и содержательную часть кампании конкретным электоральным кластерам, увеличивая ее эффективность. Так, например, сторонники прогрессивного политического движения могут получать сообщения, подчеркивающие успехи и достижения их фаворитов в то время, как нейтральные избиратели или сторонники status quo столкнутся с содержанием, призванным подтолкнуть их к сомнению в компетентности действующих властей. Кроме того, через социальные сети можно распространять вирусный контент, включая мемы, видеоролики и инфографику, который призван заинтересовать и мобилизовать аудиторию, особенно молодежь, так как молодое поколение активнее всего реагирует на нестандартные форматы коммуникации и подачи информации (именно поэтому множится количество пабликов и сообществ с политическим контентом, сопровождаемым мемами или «пикчами»). Более того, интерактивные формы вовлечения, такие как онлайн-голосования, квизы и игры повышают уровень взаимодействия и создают иллюзию прямого участия в политической жизни, имитацию того, что решения, принимаемые пользователем, напрямую влияют на поведение политического актора.

Наконец, в-третьих, развитие мобильных приложений усиливает мгновенный и непрерывный доступ к политическому контенту, позволяя избирателям быть в курсе событий в режиме реального времени и участвовать в политической жизни через гаджеты.

Обозначенные факторы, безусловно, влияют на модели потребления медиа, предпочтения избирателей и сам процесс принятия политических решений. Они создают как новые возможности для политической мобилизации и участия, так и не существующие ранее риски (распространение фейковых новостей, масштабное манипулирование данными, вмешательство в личную жизнь через нейросетевые механизмы), а также обуславливают критические характеристики эпохи пост-правды.

«Политика» в социальных сетях

Сегодня можно смело утверждать, что социальная сеть приобрела характеристику параллельной реальности, в которой действуют виртуализированные форматы политической репрезентации и политического управления, где широкие мультимедийные возможности цифровых платформ генерируют новые формы взаимодействия между политическим классом и гражданским обществом. Начнем с того, что стриминговые функции, VR- и AR-технологии и даже навигационные платформы делают возможным качественно и количественно расширять рамки традиционных избирательных кампаний, митингов, акций гражданского неповиновения и протеста, транспортируя реальный электорат в относительно безопасное и анонимное пространство, в котором каждый чувствует себя участником происходящего, даже не покидая своего дома. В подтверждение этому можно вспомнить виртуальные митинги в приложении «Яндекс.Навигатор» весной 2020 г., когда недовольные режимом самоизоляции жители г. Ростова-на-Дону оставляли геолокационные метки с комментариями в районе здания областного правительства Ростовской области². Иными словами, навигационная платформа, одновременно совмещающая в себе функционал навигатора и примитивного мессенджера внутри геоинформационной системы, смогла собрать целое виртуальное комьюнити, выражающее недовольство временными условиями локдауна. Подобные кейсы можно легко использовать

¹ «О том, как связаны Твиттер и политическая жизнь. - #Неполитолог.» - [Электронный ресурс]. URL: <https://nepolitolog.com/twitter> (дата обращения 05.03.2024)

² «В Москве, Петербурге и Ростове провели виртуальные митинги» - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dbbba9a79477c30d257c5> (дата обращения 05.03.2024).

для организации и проведения «нереальных-реальных» акций всевозможного толка, с последующим включением определенной политической повестки (анти- или провластной). Однако анализ подобных виртуальных собраний также может послужить отличным идейным ресурсом для дальнейшего формирования программ социально-экономического развития городской среды для муниципалитетов на основе выявления наиболее чувствительных вопросов, волнующих граждан. Причем это выявление безопасно: оно происходит без прямого участия людей в уличных собраниях, без нарушения законодательства, без столкновений с правоохранительными органами в случае несанкционированных акций. Но, в то же время нельзя допускать, чтобы подобные онлайн-площадки превращались в платформы разжигания антигосударственной деятельности или наполнялись маргинальными политическими лидерами и идеологами-экстремистами.

Социальные сети также представляют из себя благоприятную среду для распространения вирусного и агитационного контента, процесс усвоения которого становится более быстрым и эффективным. Хештег-кампании (#), мемы и вирусные видеоролики используются для того, чтобы привлечь внимание к политическим идеям, укрепить имидж кандидата или партии и распространить ключевые сообщения. Однако вирусный контент не всегда следует рассматривать в негативной коннотации. Например, многие акции патриотической направленности вполне возможно проводить на волне популяризации определенных контент-кампаний, интерпретировать их через призму мейнстримных «здесь и сейчас» феноменов цифрового пространства.

Помимо этого, политики используют встроенные в цифровую архитектуру социальных сетей инструменты мониторинга для отслеживания обсуждений и настроений пользователей относительно определенных тем или самих политических персоналий. Это позволяет им реагировать на стихийные или имплицитно управляемые оппонентами трансформации в общественном мнении.

Более агрессивная и этически сомнительная стратегия включает в себя использование «троллей» или ложных аккаунтов для дискредитации оппонентов, распространения дезинформации или создания иллюзии поддержки в социальных сетях. Однако использование «троллей» редко приносит весомый результат. Действительно, пиар, пропаганда или реклама чего-то политического через «троллей» распространены в современном Интернете, но их эффективность, достаточно, низка в силу нескольких факторов. Во-первых, механика изменения индивидуальных взглядов пользователей не тождественна процессу эволюции публичного дискурса. Все-таки деятельность фейковых аккаунтов с политическими позициями контрастно уступает результативности действий через официальные каналы пропаганды. Во-вторых, «тролли» – дешевый инструмент маркетинга, который применяется лишь для незначительного усиления продвижения идей. Логика взаимосвязи доминирующих позиций публичных дискурсов с индивидуальными восприятиями действительности – на несколько порядков сложнее принципа работы политических «троллей». Но, несмотря на это, использование подобных агрессивных технологий пиара и маркетинга политических продуктов – широко используемое явление в рамках астротурфинга [3].

Социальные сети являются также основным «местом работы» политических инфлюэнсеров (лидеров мнений), выполняющих свои функции в формате блогов. Их деятельность заключается в постоянном формировании информационных поводов, поиске механизмов вызывания «массовых эмоций», наращивании охвата аудитории, дроблении и упрощении сложного контента в понятный неискушенным политическими терминами массам; в персонификации и готовности к открытым диалогам, а также в сборе данных пользователей. Политическими инфлюэнсерами могут быть, как известные политологи из академического сообщества, так и политтехнологи, политические журналисты, крупные бизнесмены и, конечно же, сами политики (провластные и оппозиционные) [4]. Логично, что цифровой политический пиар в лице инфлюэнс-актеров обретает персоналистские черты, генерирует тренд субъективизации политики с сохранением внешней объективности и ведет к абсолютно новым форматам обретения символического и политического капиталов, которые отличны от капитала меритократического (в случае с аппаратными работниками правительств и среднего звена чиновничества, не ведущих активную жизнь в Интернете).

Важно понимать, что обозначенные методы политического маркетинга могут оказывать значительное влияние на общественное сознание, формируя политические предпочтения и поведение избирателей и, в то же время, меняя восприятие социальной справедливости. Поэтому данные практики вызывают дебаты касательно этичности и транспарентности воздействия на демократические процессы в информационном обществе [5].

О Big Data – аналитике в политическом маркетинге

В свою очередь, применение Big Data-аналитики носит более скрытый и технико-утилитарный характер, нежели чем публичный. Анализ данных позволяет акторам исследовать большие объемы информации для выявления паттернов, трендов и политических предпочтений избирателей на уровне алгоритмических записей истории их онлайн-активности. Это знание помогает формулировать предложения, подталкивать граждан к заданному выбору, адаптировать речи и публичные выступления под интересы и ожидания целевой аудитории.

Процессы сбора данных о потенциальных избирателях (пол, интересы, мнения, поведенческие паттерны, количество времени, проведенного в Сети, и т.д.) необходимы, в первую очередь, для понимания электората. Собирать информацию можно через извлечение записей из наборов данных, доступных онлайн-платформам через интерфейсы прикладного программирования, а также посредством агрегаторов «цифрового следа» [6]. Также часто привлекаются «брокеры данных» – компании, осуществляющие скупку информации из коммерческих и государственных сфер, собирающих ее в социальных сетях и, затем, перепродающих заказчикам.

Именно посредством глубокой аналитики данных, оставляемых пользователями в Интернете, можно понять, какие вопросы наиболее важны для различных групп населения, какие мотивы движут избирателями и каким сообщениям они, наиболее вероятно, откликнутся. На основе собираемых данных строятся цельные психометрические образы и сегментируются социальные группы. Следовательно, на этой же почве появляется возможность определять самые эффективные каналы для политической рекламы, время размещения публикаций и даже контент, который лучше всего работает. Так функциональность платформ и цифровые аналитические инструменты обеспечивают политикам возможность оперативно корректировать стратегию и тактику кампании, делая политический маркетинг более гибким и целенаправленным, а коммуникацию убедительной и релевантной.

Современное ПО, способное горизонтально масштабировать массивы информации, позволяет проводить некоторое прогнозирование и моделирование на основе динамических изменений миллионов параметрических показателей. Аналитические модели, работающие с большими данными, способны прогнозировать поведение избирателей и результаты выборов, предоставляя возможность политикам и их командам оптимизировать стратегии в режиме реального времени, смягчать субъективные политические риски и перенаправлять общественное мнение в нужное направление [7].

В то же время, технологии анализа больших данных с применением искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей уже становятся неотъемлемой частью любого политического процесса и его маркетинговой составляющей. Помимо эффективности полевых операций (в каких районах и на каких участках необходимо сконцентрировать усилия добровольцев и полевых работников для увеличения явки избирателей), технологии Big Data позволяют оптимизировать бюджеты, гарантировать максимальный охват и вовлечение, минимизировать затраты, писать предвыборные программы, строить контент-планы и работать над персональными образами.

С одной стороны, активное использование Big Data внедряет ряд очевидных преимуществ в политическое управление: принятие более обоснованных решений, целевое воздействие на избирателей, эффективный мониторинг общественного мнения, в некоторой степени, повышение прозрачности и ответственности. Но, справедливости ради отметим, что аналитические технологии небезосновательно несут определенные угрозы сворачивания плебисцитарной демократической модели и ее переформатирования в «дигитальную демократию» (с уязвимостью осознанного выбора), политический класс в которой обслуживается, так называемой, алгоритмократией [8], а социально-политические отношения приобретают характеристику алгоритмической дискриминации. Вместе с тем, использование больших данных ставит перед обществом и государством ряд этических и юридических вопросов, связанных с приватностью и конфиденциальностью, защитой персональных данных, возможностью деструктивной манипуляции общественным мнением, выявлением негодных граждан, распространением практик цифровых репрессий и деплатформинга. Важно, чтобы применение таких технологий сопровождалось разработкой и внедрением соответствующих механизмов контроля и регулирования [9].

В целом же, использование Big Data в политическом маркетинге и PR значительно повышает точность и эффективность кампаний, позволяя политическим субъектам принимать компетентные решения на основе анализа больших объемов данных и имплицитно управлять политическими предпочтениями.

Заклучение

Подводя итоги, подчеркнем, что цифровизация политического коммуникационного пространства открывает новые горизонты для стратегий политического пиара и маркетинга, предлагая инструменты более глубокого понимания потребностей, убеждений и предпочтений избирателей.

Использование социальных сетей позволяет политическим деятелям и партиям не только мгновенно делиться своими сообщениями с широкой аудиторией, но и вовлекать избирателей в интерактивный диалог, что способствует укреплению лояльности и мобилизации поддержки [10]. Анализ данных, получаемых из социальных сетей, вкупе с обработкой больших объёмов информации (Big Data), позволяет выявлять и анализировать общественные настроения, прогнозировать поведение избирателей и соответственно корректировать политические стратегии и кампании.

Тем не менее, следует признать, что с ростом зависимости политики от цифровых технологий возрастает и риск негативного воздействия на демократический плебисцит в силу манипуляции общественным мнением, распространения фейковых новостей и целенаправленного использования персональных данных без согласия пользователей. Таким образом, наряду с раскрытием возможностей цифрового политического маркетинга, важно обеспечивать прозрачность его применения и защиту прав и свобод граждан.

В свете сказанного, цифровой политический маркетинг через социальные сети и Big Data открывает широкие перспективы для усовершенствования взаимодействия между политическими акторами и обществом, создания более включенной и реактивной политической среды. Но для достижения этих целей необходимо соблюдать баланс между инновационными методами вовлечения избирателей и обеспечением их прав на конфиденциальность и защиту персональных данных. Только так можно достичь устойчивого развития демократических институтов в эру цифровизации.

Список источников

1. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137–150.
2. Мухаев Р. Т. Digital-маркетинг в механизме символического господства современных государств (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3. С. 193–208.
3. Князев К. С. Астротурфинг и призывы в сети интернет к участию в общенациональных уличных протестах в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11. С. 48–50.
4. Чумаченко З. М. Реализация политического пиара в социальных сетях // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 6. С. 49–52.
5. Бурнашев Р.Ф. Философия информационного общества: проблемы социальной справедливости в эпоху цифровизации // Universum: Общественные науки. 2024., № 1 (104). - [Электронный ресурс]. URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/16606> (дата обращения 07.03.2024).
6. Мухаметов Д. Р. Технологии big data в политических процессах: возможности и риски // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (5). С. 143–149.
7. Новиков О. Г., Филиппов А. Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием // Власть. 2024. № 3. С. 94–100.
8. Бажанов В. А. Искусственный интеллект, технологии Big Data (больших данных) и особенности современного политического процесса // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 193–210.
9. Урдашев А. Б., Усмонов Ф. Б. Тенденции и методы использования компьютерных технологий для политического манипулирования в современном обществе // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2024. № 4. С. 512–527.
10. Абдикеримова Ж. Т. Политический PR как механизм воздействия на электоральное поведение // Архонт. 2022. № 3 (30). С. 72–77.

References

1. Bourdieu P. Social space and symbolic power. *Thesis*. 1993;(2):137–150. (In Russ.)
2. Mukhaev R. T. Digital marketing in the mechanism of symbolic domination of modern states (the beginning). *Knowledge. Understanding. Ability*. 2019;(3):193–208. (In Russ.)
3. Knyazev K. S. Astroturfing and calls on the Internet to participate in nationwide street protests in the Russian Federation. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(11):48–50. (In Russ.)

4. Chumachenko Z. M. The implementation of political PR in social networks. *Socio-humanitarian knowledge*. 2023;(6):49–52. (In Russ.)
5. Burnashev R. F. Philosophy of the information society: problems of social justice in the era of digitalization. *Universum: Social Sciences*. 2024;1(104). Available from: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/16606> [Accessed 03 July 2024]. (In Russ.)
6. Mukhametov D. R. Big data technologies in political processes: opportunities and risks. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):143–149. (In Russ.)
7. Novikov O. G., Filippov A. R. Mechanisms of manipulation of public consciousness. *Vlast'*. 2024;(3):94–100. (In Russ.)
8. Bazhanov V.A. Artificial intelligence, Big Data technologies and features of the modern political process. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2023;7(3):193–210. (In Russ.)
9. Ardashev A. B., Usmanov F. B. Trends and methods of using computer technologies for political manipulation in modern society. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2024;(4):512–527. (In Russ.)
10. Abdikerimova J. T. Political PR as a mechanism of influence on electoral behavior. *Archon*. 2022;3(30):72–77. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Поляков – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Г. Г. Уварова – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. V. Polyakov – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

G. G. Uvarova – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 23.07.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Транспарентность и политические риски: вызовы и перспективы для российской государственной системы

Александр Михайлович Старостин¹, Елена Николаевна Тованчова²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, amstar2912@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6589-244X>

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, just_ien@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7123-8305>

Аннотация. Статья анализирует проблемы политических рисков и транспарентности государственной власти, уделяя особое внимание отечественным и зарубежным исследованиям в этой области. Автор указывает на недостаточную систематизацию и осмысление политических рисков в российской науке. Особое внимание уделяется концепции транспарентности как ключевого принципа функционирования современной государственной власти. В статье рассмотрены примеры правового регулирования транспарентности в таких странах, как Австралия, Нидерланды и Новая Зеландия. Автор подчеркивает важность создания сбалансированной системы, где транспарентность должна сочетаться с необходимостью защиты национальной безопасности. Кроме того, в статье обсуждается проблема «двойных стандартов» в международной политике, рассматриваемых как инструмент информационной войны и средство манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: транспарентность, информация, открытость, государственная власть, политические риски, двойные стандарты, гражданское общество

Для цитирования: Старостин А. М., Тованчова Е. Н. Транспарентность и политические риски: вызовы и перспективы для российской государственной системы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 184–189. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-184-189>. EDN OVIXBK

Politology and Ethnopolitics

Original article

Transparency and political risks: challenges and prospects for the Russian state system

Alexander M. Starostin¹, Elena N. Tovanchova²

¹Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, amstar2912@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6589-244X>

²Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia, just_ien@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7123-8305>

Abstract. The article analyzes the problems of political risks and transparency of state power, paying special attention to domestic and foreign research in this area. The author points out the insufficient systematization and understanding of political risks in Russian science. Special attention is paid to the concept of transparency as a key principle of the functioning of modern government. The article examines examples of legal regulation of transparency in countries such as Australia, the Netherlands and New Zealand. The author emphasizes the importance of creating a balanced system where transparency must be combined with the need to protect national security. In addition, the article discusses the problem of "double standards" in international politics, considered as an instrument of information warfare and a means of manipulating public consciousness.

Keywords: transparency, information, openness, government, political risks, double standards, civil society

For citation: Starostin A. M., Tovanchova E. N. Transparency and political risks: challenges and prospects for the Russian state system. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):184–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-184-189>. EDN OVIXBK

Введение

Тема транспарентности и политических рисков становится все более актуальной в исследовании современной российской государственной системы. В условиях усиливающегося давления со стороны международного сообщества и растущей потребности в защите национальных интересов, вопрос о необходимости балансирования между открытостью власти и обеспечением безопасности страны приобретает особую значимость.

Методы

В исследовании использован диалектический метод, который позволил анализировать транспарентность государственной власти в его последовательном развитии и взаимодействии с другими феноменами политической системы в том числе и международной.

Основная часть исследования

Круг политических рисков включает в себя угрозы, связанные с нестабильностью власти, коррупцией, международным давлением, общественным недоверием и информационной безопасностью, где транспарентность выступает как фактор, способный как уменьшить, так и усилить эти риски в зависимости от уровня открытости.

Анализ зарубежных научных исследований позволяет сформулировать три основных вывода, которые подчеркивают важность и системность концепции транспарентности в политике:

Первый вывод, представленный Д. Лассеном, подчеркивает роль транспарентности как инструмента, позволяющего оценивать уровень ответственности государственного служащего. Второй вывод, предложенный Д. Торнтоном, подчеркивает уникальность транспарентности как политического феномена. Ученый утверждает, что транспарентность – это сложное и многослойное свойство политических объектов, не имеющее аналогов в других сферах. Третий вывод, сделанный Д. Л. Брозом, рассматривает транспарентность как показатель эффективности государственной власти и политического управления.

Транспарентность государственной власти предполагает одновременное соблюдение следующих условий: наличия у органов государственной власти потребности и возможности обеспечивать открытость политического процесса, а также наличия у граждан потребности или необходимости, а также технической возможности участвовать в процессе государственного управления. Более того, транспарентность государственной власти играет ключевую роль в укреплении демократических институтов и обеспечении подотчетности власти перед народом. Когда информация о деятельности государства доступна, понятна и предоставляется своевременно, это не только укрепляет легитимность власти, но и способствует более обоснованным и справедливым решениям, принимаемым в интересах общества. Прозрачность процессов позволяет выявлять и устранять недостатки в управлении, способствуя постоянному совершенствованию государственных институтов.

В Австралии с 1982 г. гражданам гарантируется возможность доступа к любым не засекреченным документам органов государственной власти. Голландское законодательство (закона «О свободе информации») предписывает не только не препятствовать гражданам, желающим ознакомиться с информацией о деятельности органов государственной власти, но и активно способствовать этому процессу, сформировав в министерствах специальные отделы, сотрудники которых ответственны за связи с общественностью.

В Новой Зеландии Закон «Об официальной информации» начинает действовать в 1985 г. Своим содержанием он во многом идентичен тем, которые мы уже рассмотрели на примере предыдущих стран. Им устанавливается беспрепятственность доступа всех граждан к любым видам документов официального характера, принимаемых в том или ином ведомстве государства. Установленные же ограничения к информационному доступу необходимо было аргументировать в том порядке, который прописывался в данном нормативно-правовом акте. При этом определялись исчерпывающие основания для отказа в информационном доступе.

Также считаем важным указать на то, что Законом было создано обязательство для власти создать отдельное ведомство – Управление официальной информацией. В его полномочия вошло информирование граждан о порядке получения информации определенного типа [1, с.43–44]. Как правило, в большинстве стран правительственные структуры, связанные с необходимостью реализации права доступа к информации, называются Центральными информационными службами. Они, согласно принятым нормативным актам, обладают широким набором функций в области сбора запрашиваемой информации.

Одним из наиболее распространенных мероприятий, особенно в последнее время, следует считать механизм целевого распространения информации. Общество разбивается на несколько целевых аудиторий, которые дифференцируются в зависимости от их потребностей и целевых направленностей, и только затем разрабатывается информационный контент, учитывающий способность целевой аудитории воспринимать информацию и ее потребность в ней.

В качестве примеров подобного точечного порядка распространения целевой информации могут быть названы «информационные письма», рассылаемые в Голландии тем предприятиям, которые заинтересованы в инновационных результатах деятельности того или иного органа государственной власти. Это может быть изменение юридических норм, регламентов, технических условий и т.п.

У российской власти можно отметить наличие стремления к построению политической системы с высоким уровнем транспарентности, однако это стремление должно находить отклик и в желании рядовых граждан Российской Федерации участвовать в процессе политического управления.

Следовательно, высокий уровень транспарентности деятельности органов государственной власти невозможен без с повышенной активности рядовых граждан в политическом поле и высокого уровня самоорганизации общества.

Такому положению вещей в наибольшей степени соответствует развитое гражданское общество. Институты гражданского общества, не являясь при этом в полном смысле политическими субъектами, способны в достаточной мере контролировать государственную политику, как внешнюю, так и внутреннюю, обеспечивая согласование общественных и государственных интересов во всех сферах жизни общества [2].

Одной из самых распространённых политических угроз современности связанной с качеством информации и уровнем транспарентности является политика «двойных стандартов» многих стран.

По мнению В. Н. Казанцевой, двойные стандарты выступают в качестве средства ведения информационной войны [3].

Е. В. Булипоповой двойными стандартами рассматривается форма выражения доминантного поведения одного политического актора над другим [4, с. 45].

А. В. Ноздрин указывает на такой важнейший признак анализируемого понятия, как процесс подмены понятий, замещение одного другим с сохранением коннотативного порядка и содержательного объема [5].

С нашей точки зрения, двойные стандарты – это аморальные методы политической борьбы, основанные на манипулировании сознанием граждан целых государств. Определить политику двойных стандартов как совокупность отношений, складывающихся в результате взаимодействия ряда западных государств по поводу завоевания, удержания и использования власти США над другими странами, основанных, с одной стороны, на идеологии приоритета принципов демократии, а также института прав и свобод человека и гражданина, а с другой – на игнорировании норм международного права и международных институтов, следствием которых является военное и политическое вмешательство в дела иных государств в целях контроля и распространения европо-американского образа жизни и ценностей [6].

Высокому уровню информационной-политических рисков в Российской Федерации способствует также недостаточный уровень свободы доступа граждан к востребованным информационным ресурсам. Развитое сетевое общество предполагает неограниченный доступ для граждан к информационно-коммуникационным технологиям, однако в Российской Федерации, несмотря на взрывной характер развития информационно-коммуникационных технологий, многие граждане и в настоящий момент лишены полноценного доступа к сети интернет, а значит, и к государственным информационным ресурсам.

Качество последних также является достаточно низким: не вся востребованная гражданами информация находится в свободном доступе; в некотором случае опубликованную информацию достаточно трудно найти и понять рядовому гражданину, недостаточно компетентному в области использования информационных технологий.

Решение вышеизложенной проблемы заключается в формировании целенаправленной и четко скоординированной государственной политики в области обеспечения транспарентности государственной власти. Правительством Российской Федерации уделяется недостаточное внимание разработке необходимой для эффективного функционирования системы транспарентности государственной власти доктринальной, законодательной и нормативно-правовой базы, а также административного регламента для чиновников, в обязанности которых входит публикация информации о деятельности органов государственной и муниципальной власти.

К сожалению, российское правительство задачу построения информационно-коммуникационной системы между государством и обществом с целью обеспечения должного уровня транспарентности деятельности органов государственной и муниципальной власти видит достаточно узко – в форме создания и обеспечения функционирования Интернет-портала в рамках проекта «электронное правительство».

Таким образом, в настоящий момент в систему управления информационно-политическими рисками в Российской Федерации включены как государственные институты, так и общественные институты гражданского общества и зарождающегося сетевого общества. Деятельность данной системы направлена на предотвращение наступления и устранение последствий наступления рисков «первого порядка» в стране [8–10].

В целом в вышеупомянутой системе управления рисками наблюдается значительный перекоп в сторону возможностей и полномочий государственных институтов, которые имеют значительно большее финансирование чем общественные, а главное, имеют возможность применять административный ресурс. Роль общественных институтов в снижении рисков в основном является консультативной, а государственные институты могут, либо прислушиваться, либо не прислушиваться к мнению общественности. Тем не менее, необходимо отметить, что общественные институты значительно активнее и оперативнее выявляют информационно-политические риски, чем государственные институты.

Выводы

В заключение нашего исследования отметим, что конкуренция на международной арене за последнее десятилетие значительно выросла, особенно она интенсифицировалась в последние два года вследствие экономического кризиса, вызванного масштабной эпидемией COVID-19. Несмотря на то, что экономические и военные возможности Российской Федерации в настоящее время значительно возросли, нет никаких причин считать, что кто-либо из стран конкурентов откажется от попыток вмешательства в ее внутреннюю и внешнюю политику. В данных обстоятельствах попытки вмешаться во внутренние российские дела могут маскироваться под рекомендации со стороны передовых демократических государств присоединиться к тому или иному внешне безобидному иностранному проекту развития демократии, скопировать успешные западные политические практики.

Однако бездумное копирование западных принципов политического и экономического устройства в девяностые годы XX века уже привело нашу страну на грань краха. При этом бездумным оно было исключительно со стороны российской стороны, западные же «партнеры» при внедрении принципов либерализма и демократии осознанно старались разрушить нашу страну, как это удалось им до этого с СССР. Импортируя даже лучшие западные политические практики, необходимо адаптировать их к российским реалиям, особенностями ее географии, культуры, менталитета народа.

Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, слишком интенсивное внедрение в российскую реальность практики транспарентности государственной и муниципальной власти, чрезмерная открытость власти народу может послужить внутренним дестабилизирующим фактором политического развития, так как определенная часть населения страны вследствие особенностей своего менталитета может воспринять чрезмерную открытость власти как ее слабость провоцирующую вседозволенность, необязательность подчинения требованиям закона.

Внедрение практики транспарентности органов государственной и муниципальной власти в Российской Федерации не должно наносить ущерба ее национальной безопасности: защищенность

экономических, политических, культурных интересов страны должна быть первостепенной, что подчеркивается во многих программных документах федерального и регионального уровней, например, Стратегии национальной безопасности РФ. Поэтому, внедряя зарубежные стандарты транспарентности в деятельность органов государственной и муниципальной власти Российской Федерации, необходимо отделять действительно полезные практики от попыток под видом политического консультирования нашими западными партнерами использовать мягкую силу и правозащитные концепции с целью вмешательства во внутренние дела страны, манипулирование общественным мнением.

Список источников

1. Кайль Я. Я., Епина В. С. Зарубежный опыт партисипативной ориентации публичного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. С. 42–48.
2. Пономарева Ю. В., Макарова З. В. Вопрос соотношения права на информацию и интересов национальной безопасности в свете международного общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 91–105.
3. Казанцева В. Н. Политика "двойных стандартов" в современном обществе // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 4. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/04/32978>
4. Булипопова Е. В. «Двойные стандарты» в международной политике: от мифологии к технологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 7. С. 196–199.
5. Ноздрин А. В. Политика двойных стандартов в международных отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 80–82.
6. Ахматов А. В. К вопросу о двойных стандартах в политике и праве // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 4. С. 85–91.
7. Орлова К. О. Транспарентность органов публичной власти в современных условиях российской действительности / В сб.: Государство и право в изменяющемся мире: 30 лет конституционного развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. г. Нижний Новгород, 2023. С. 269–276.
8. Никитина А. С. Цифровой контроль власти как фактор повышения качества жизни городского населения // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 3 (40). С. 30–38.
9. Муртазалиев А. М., Рагимханова К. Т. Информационная открытость органов государственной власти: перспективы и совершенствование развития законодательства // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 89–91.
10. Шолохова Е. А. Транспарентность как основной способ противодействия коррупции // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 421–427.

References

1. Kayl Ya. Ya., Epinina V. S. Foreign experience of participatory orientation of public administration. *National interests: priorities and security*. 2013;(2):42–48. (In Russ.)
2. Ponomareva Yu. V., Makarova Z. V. The question of the relationship between the right to information and national security interests in the light of international society. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2015;15(1):91–105. (In Russ.)
3. Kazantseva V. N. The policy of "double standards" in modern society. *Modern scientific research and innovations*. 2014;(4). Part 2. [Electronic resource]. Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2014/04/32978>. (In Russ.)
4. Bulipopova E. V. "Double standards" in international politics: from mythology to technology. *Actual problems of humanities and natural sciences*. 2009;(7):196–199. (In Russ.)
5. Nozdrin A. V. The policy of double standards in international relations. *Actual problems of modern international relations*. 2013;(1):80–82. (In Russ.)
6. Akhmatov A. V. On the issue of double standards in politics and law. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2008;(4):85–91. (In Russ.)

7. Orlova K. O. Transparency of public authorities in modern conditions of Russian reality. In: *State and Law in a changing world: 30 years of constitutional development. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Nizhny Novgorod; 2023:269–276. (In Russ.)
8. Nikitina A. S. Digital control of power as a factor in improving the quality of life of the urban population. *Municipality: economics and management*. 2022;3(40):30–38. (In Russ.)
9. Murtazaliev A. M., Ragimkhanova K. T. Information openness of public authorities: prospects and improvement of legislation development. *Civil service and personnel*. 2024;(1):89–91. (In Russ.)
10. Sholokhova E. A. Transparency as the main way to counter corruption. *Issues of Russian justice*. 2023;(28):421–427. (In Russ.)

Информация об авторах

А. М. Старостин – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института глобальных процессов и стратегического управления РГЭУ (РИНХ).

Е. Н. Тованчова – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления РГУПС.

Information about the authors

A. M. Starostin – Dr. Sci.(Polit.), Professor, Leading Researcher at the Institute of Global Processes and Strategic Management, Rostov State University of Economics.

E. N. Tovanchova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Rostov State University of Railway Engineering.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 08.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-190-196>

EDN QBGXZB

Концепты «политическая элита» и «политическое лидерство» в контексте проблемы девиации элитного уровня власти

Константин Владимирович Степанов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, kstepanov@sfedu.ru

Аннотация. В статье концепты «политической элиты», «политического лидерства» и «девиации» были проанализированы в их взаимосвязи и взаимозависимости, выявлен «парадокс элит», связанный с двойственностью их позиционирования в системе общественной морали и управления, обеспеченный исключительными полномочиями и ресурсами по установлению социально-политических норм, реализации собственных интересов, утверждения практик двоемыслия, трансгрессии и произвола как атрибутов политической морали, опирающейся, на парадигму макиавеллизма и понятие политической эффективности. Поскольку в классических и современных концепциях административно-бюрократических элит их сущностные характеристики и функционал определяются в соответствии с рационально-легальным типом господства, основные девиации их поведения и качества происходят в плоскости отклонения от системы рационально-легальных установок и правил. С одной стороны, в целях предотвращения девиаций, это ориентирует на максимальное исключение воздействия так называемого «человеческого фактора» в политическом управлении, связанного с объективной тенденцией элиты к обособлению, дистанцированию от большинства, его эксплуатации в корпоративных интересах удержания и преумножения власти и т.д. А, с другой стороны, актуализирует проблематику ценностной составляющей в деятельности административно-политических элит, проблему служения интересам большинства и государственным стратегическим целям развития, выявления и анализа механизмов и моделей политического управления не только на основе легальной рациональности, но и традиционных публичных ценностей. При этом наиболее перспективной моделью взаимодействия политического лидера и его последователей выступает конституентная модель, а трансформационное лидерство наиболее соответствует задачам парирования механизмов девиации политических элит и развития гражданского общества в кризисные переходные эпохи.

Ключевые слова: политическая элита, политическое лидерство, конституентная модель политического лидерства, трансформационное лидерство, девиации, традиционные ценности, кризисная эпоха

Для цитирования: Степанов К. В. Концепты «политическая элита» и «политическое лидерство» в контексте проблемы девиации элитного уровня власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 190–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-190-196>. EDN QBGXZB

Politology and Ethnopolitics

Original article

The concepts of "political elite" and "political leadership" in the context of the problem of deviation of the elite level of power

Konstantin V. Stepanov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, kstepanov@sfedu.ru

Abstract. In the article, the concepts of "political elite", "political leadership" and "deviation" were analyzed in their interrelation and interdependence, the "paradox of elites" was revealed, associated with the duality of their positioning in the system of public morality and management, provided with exclusive powers and resources to establish socio-political norms, realize their own interests, and approve practices Doublethink, transgression and arbitrariness as attributes of political morality based on the paradigm of Machiavellianism and the concept of political efficiency.

© Степанов К. В., 2024

Since in classical and modern concepts of administrative and bureaucratic elites, their essential characteristics and functionality are determined in accordance with the rational-legal type of domination, the main deviations of their behavior and quality occur in the plane of deviation from the system of rational-legal attitudes and rules. On the one hand, in order to prevent deviations, this focuses on the maximum exclusion of the impact of the so-called "human factor" in political management, associated with the objective tendency of the elite to isolate, distance itself from the majority, its exploitation in the corporate interests of retaining and increasing power, etc. On the other hand, in order to prevent deviations, this focuses on the maximum exclusion of the impact of the so-called "human factor" in political management, associated with the objective tendency of the elite to isolate, distance itself from the majority, its exploitation in the corporate interests of retaining and multiplying power, etc. And, on the other hand, actualizes the problems of the value component in the activity administrative and political elites, the problem of serving the interests of the majority and state strategic development goals, identifying and analyzing mechanisms and models of political governance not only on the basis of legal rationality, but also traditional public values. At the same time, the most promising model of interaction between a political leader and his followers is the constitutional model, and transformational leadership is most consistent with the tasks of parrying the mechanisms of deviation of political elites and the development of civil society in crisis transitions.

Keywords: political elite, political leadership, constitutional model of political leadership, transformational leadership, deviations, traditional values, the crisis era

For citation: Stepanov K. V. The concepts of "political elite" and "political leadership" in the context of the problem of deviation of the elite level of power. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):190–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-190-196>. EDN QBGXZB

Несмотря на то, что в основополагающих правовых документах большинства демократических стран в качестве суверена, принимающего решения, прописан народ, в действительности реальным субъектом, определяющим социально-политические нормы, что законно, а что нет, выступает политическая элита и ее лидеры, выступающие от имени народа. Как справедливо отмечают исследователи элит, «играя исключительную фундаментальную роль по стабилизации социальных порядков, структурированию социального пространства, имплементации норм и их поддержания, элиты как функциональные группы и элитные персоны склонны к нарушению норм и правил. Объяснения данной амбивалентности строятся, во-первых, вокруг необходимости в силу изменяющегося контекста, где старые институциональные ограничения становятся дисфункциональными, перейти к новому нормированию. Во-вторых, в связи с двойственностью властных персон, обладающих индивидуальными и групповыми интересами – ролевая дихотомия» [1, с. 121]. То есть исключительное положение политико-административных элит, их право определять систему координат социально-политического нормирования в ситуации смены актуального контекста или в зависимости от новых политических целей создает предпосылки для позитивных и негативных девиаций их поведения и качества.

Соответственно, «важный термин для рассматриваемой темы – трансгрессия. Это наиболее общее понятие, обозначающее нарушение всяческих границ, в том числе – внутриэлитных. Можно говорить о моральной, гражданской трансгрессии и т.п. Как отмечается в литературе, степень такого рода действий может быть различной – от бунтарской (разрушение границ во имя нового) до субверсивной, направленной на изменение элементов системы. И словесно выражается это различие содержательно и риторически разными словами: трансгрессия, произвол, злоупотребление, девиация, нарушение, субверсия, инновация, самоуправство, самодурство» [1, с. 122].

Согласимся, что в реальной практике элитогенеза и политического управления имеет место «элитный парадокс», который заключается в том, что элиты должны нарушать нормы и правила во имя поддержания порядка и стабильности в новых социально-политических обстоятельствах, а также в том, что элиты должны выражать на государственном уровне интересы всего общества, частью которого они являются. Но, находясь на вершине пирамиды власти и обладая исключительными возможностями реализовывать свой интерес, они реализуют собственные корпоративные интересы как общественные, подменяя понятия и цели [1].

Здесь следует отметить, что феномен морали в политической практике не тождественен его интерпретации в рамках этики. Это связано как с парадигмой макиавеллизма, так и с трансформацией либеральной морали под влиянием понятия эффективности. Политическая эффективность,

связанная с задачами удержания и расширения власти, отличается от представлений о морали как нравственного регулятора общественной жизни. Особое положение элит, их ресурсное обеспечение, позволяющее им самим задавать нормы и применять их по отношению к оппонентам и остальному обществу, но при этом, не распространять их на собственное поведение. Это ведет к властному произволу, оправданию хитрости, насилия, тирании, коррупции и других девиаций поведения и сознания. Если при этом гражданское общество не имеет реальных рычагов влияния на элиты, способов контролировать и «отзывать» их абсолютную власть, оно вынужденно смириться с трансгрессией и девиантностью политических элит, принимая нормы «двойной морали», двоемыслия и оценок как новую социальную норму.

Следует отдельно отметить в контексте проблемы девиации политических элит феномен и содержание понятия «политический лидер», поскольку политическое управление и общественно-политическое устройство всегда имеет лидерско-элитную проекцию. Политические лидеры, вожди, руководители политических команд во многом определяют характер и направление деятельности политических элит, создают их неповторимый имидж в глазах остальной части населения страны. И как показывают исследования, для России понятие политический лидер больше, чем понятие – это символ Отечества и государства, оплот властной иерархии, персонифицированный в образах вождя, «отца народа», государя, начальника начальников и т.д.¹

Согласимся, что содержание и структура феномена политического лидерства в современном гуманитарном знании раскрывается посредством таких его компонентов, как:

- ситуационные характеристики, связанные с политическим контекстом – социально-экономические и геополитические условия, политический режим и т.д.
- характеристики последователей лидера, включая их интересы и потребности, ценностные ориентации, уровень и тип политической и организационной культуры и т.д.
- характеристики самого лидера, которые включают его мотивы и потребности, ценности, «Я-концепцию», ролевую модель, стиль и т.д.
- характер взаимодействия между лидером и его конституентами, который определяет в конечном итоге модель политического лидерства.

То есть в зависимости от характера взаимоотношений между лидером и его последователями формируются различные модели и стили политического лидерства.

В современных демократических странах наиболее востребованной является конституентная модель лидерства, поскольку она акцентирует момент обратной связи, которую оказывают последователи на своего лидера, что имеет значительную ценность в условиях, когда гражданское общество выступает равным партнером политических элит, участвует в управлении страной и легитимно контролирует власть, упреждая тем самым, развитие девиаций элит и лидеров.

Вместе с тем, при междисциплинарном анализе личностного аспекта политического лидерства нельзя недооценивать и структуру личности лидера, которая выкристаллизовалась в результате его генетической предрасположенности и политической социализации. «Примеры таких исследований включают труды А. Ф. Лазурского, структуру личности Б. Г. Ананьева, А. Г. Ковалева, Л. Н. Собчик, В. А. Ганзена и В. Н. Мясищева, 16-факторную модель личности Р. Кеттелла, а также концепцию ММРП С. Хатэуэйя и И. Маккинли, К. К. Платонова и других» [2, с. 55].

В структуре личности отражаются такие компоненты, как мировоззрение, ценности, верования, параметры идентичности, зависящие от среды, в которой личность формировалась и функционирует. Ряд авторов в анализе личности политического лидера выделяет такие триады, как «взгляды» – «страсти» – «навыки» [3]; когнитивный (взгляды лидера на окружающий мир) – аффективный (мотивация лидера) – поведенческий (стиль управления) аспекты [4]; «мировоззрение» – «характер» – «стиль» [5]. Обозначенные триады позволяют исследовать личность политического лидера на уровне сознательных и бессознательных паттернов, которые сформировались генетически и в следствии полученного опыта. В совокупности указанных характеристик политический лидер проявляется в социально-политическом поле в рамках индивидуальных ролевых сценариев и иерархии власти, обнаруживает индивидуальный стиль, который может быть более или менее гибким, со склонностью к риску или осторожности [6].

¹ ВЦИОМ. Новости: О национальной гордости великороссов-2024. 04 июня 2024. [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov-2024> (дата обращения 19. 07.2024.)

Следует отметить превалирующее в гуманитарных науках «субстанциональное» исследование феномена политического лидерства на материале известных политических деятелей и их влияния на политику своего времени. Здесь лидер выступает ключевой фигурой, которая задает контекст политической жизни, пространства, которое он формирует и поддерживает благодаря уникальному набору и комплексу собственных характеристик и качеств. Вместе тем, как уже было отмечено, политическое лидерство в условиях демократических режимов власти во многом определяется последователями-конституентами. Соответственно анализ феномена политического лидерства должен включать как субстанциональный аспект, имеющий отношение к «личностному ядру» лидера, так и реляционный, заданный посредством взаимоотношений в системе «лидер – последователи». В последнем случае роль, которую проигрывают в интеракции конституенты не менее важна для формирования политического лидера, чем его собственные роли, генотип и фенотип.

Последователи, согласно типологии Р. Келли, могут быть:

- независимыми, критически мыслящими, но отчужденными от процесса политического участия и работы в команде.
- активными и эффективными, которые способны к критическому мышлению и работе в команде.
- Пассивными, которые не проявляют инициативу и в оценках полагаются на мнение других.
- Конформистами, которые придерживаются мнения большинства и руководства.
- Прагматиками, которые проявляют себя ситуативно и гибко [7].

При этом широкий спектр интеракций лидера и последователей определяется, по Б. Шамиру и Дж. Хавеллу, в рамках харизматического и нехаризматического подходов [8], что означает, что в первом случае превалирует эмоциональная связь, а во втором – рациональная. Соответственно последователей можно классифицировать как «персонализированных» и «социализированных» [9]. «Персонализированные» эмоционально более зависимы от лидера и находятся под его обаянием и влиянием, а «социализированные» примыкают к лидеру на рациональных основаниях, сохраняя определенную автономность во взглядах и ценностях.

Следует отметить, что разные политические режимы востребуют разные типа политических лидеров и их последователей. Так, например, авторитарные режимы правления востребуют харизматических лидеров и последователей, которые эмоционально зависимы от него, относительно пассивны в процессе политической борьбы, «слепо» поддерживают персоналистский режим власти и управления. Это особенно характерно для мобилизационных кризисных периодов развития общества, когда основная масса населения находится в состоянии выживания и растерянности, полагается на политическое видение и авторитет харизматического лидера, способного предложить обществу программу выхода из кризиса, реально или «на словах» взять на себя ответственность за принятие судьбоносных решений.

Демократические режимы, соответственно, востребуют лидеров, которые выстраивают рациональные отношения, основанные на общности интересов лидера и последователей, социально-политической ответственности и подотчетности лидера его конституентам. Такие лидеры и модели управления наиболее адекватны стабильному демократическому развитию, когда прозрачность и понятность структуры общества и власти коррелирует с ясностью и стабильностью социально-политического контекста, в котором осуществляется политическая борьба и управление.

Следует так же отметить концепцию лидерского капитала Л. Стаута [10], которая акцентируется на параметрах эффективности политического лидерства, и более связана с функциональными характеристиками, чем с субстанциональным пониманием феномена лидерства, основанном на сочетании врождённых талантов и политической социализации. «Модель лидерского капитала Стаута состоит из шести основных элементов, которые вместе формируют основу эффективного лидерства: видение цели, мудрость, смелость, способность вызывать доверие, умение эффективно общаться и ценности» [2, с. 59].

В аспекте эффективности, легитимности и ценностно-целевой составляющей феномена политического лидерства следует так же отметить концепцию трансформационного лидерства, которая соответствует современному пониманию эффективных моделей управления, основанных на ценностно-целевом единстве миссии власти, а также адекватна современному контексту кризисной эпохи - высокой степени неопределенности и социально-политических рисков. Здесь содержательно работает оппозиция «транзакционное – трансформационное лидерство», детерминированная разным пониманием социально-политического контекста, среды, в которой лидерство осуществляется.

Так, стабильные предсказуемые эпохи могут эффективно управляться лидерами транзакционного типа, которые умеют ставить перед обществом и элитами конкретные выполняемые задачи и добиваться от них результата по заведомо известным алгоритмам политического управления и влияния. Однако, когда контекст не определён и постоянно меняется, что характерно для переходных, кризисных эпох турбулентности, от политического лидера требуется умение принимать нестандартные решения, видеть стратегические перспективы, инициировать подчиненных и последователей на выполнение задач в условиях ограничения времени и ресурсов, что требует типа лидерства, получившего в гуманитарном знании название «трансформационное» (Дж. М. Бернс) [11].

Направление исследования политического лидерства, заданное Дж. М. Бернсом и затем развитое Б. Бассом, У. Беннисом и Б. Нанусом в концепции многофакторного трансформационного лидерства [12], позволяет понимать трансформационное политическое лидерство как стратегию управления переменами, основанную на конструктивном управлении вниманием, коммуникациями, доверием, собой и своим позитивным настроем. То есть политический лидер способен обратить внимание общества и элит в сторону стратегических перспектив, организовать их на выполнение необходимых задач благодаря его авторитету и вызываемому доверию, коммуникативным навыкам, а также умению адаптироваться к переменам, сохраняя консолидирующие власть и общество ценностно-целевые установки и позитивный настрой.

Можно согласиться, что «наиболее эффективными являются трансформационные лидеры со стилями управления «производитель» и «предприниматель», а наименее эффективными – трансформационные лидеры со стилями управления «администратор» и «интегратор» (по типологии И. Адизеса)» [13, с. 41], поскольку административно-командная система предполагает выверенные алгоритмы действия в условиях стабильности, а предпринимательство осуществляется в условиях постоянных рисков и изменчивости среды, что отвечает характеристикам современной переходной эпохи турбулентности и кризиса, выстраиванию новых мировых порядков и моделей управления.

Немаловажно, что трансформационное лидерство опирается на культуру инноваций и эффективности, позволяет сформировать у последователей соответствующий запрос на перемены и нововведения, создать мотивацию для конструктивных преобразований на организационном и личностном уровне. Это предполагает, что у подчиненных и последователей трансформационного лидера так же развиваются лидерские качества, видение будущего и инициативность, что позволяет создать разветвленную структуру власти, объединенную общими стратегическими целями и миссией в контексте решения актуальных задач. Это позволяет сделать вывод, что трансформационное лидерство наиболее соответствует задачам парирования механизмов девиации политических элит и развития гражданского общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическое лидерство – это комплексный междисциплинарный феномен и социально-политический институт, который включает не только личность лидера, но и круг его конститuentов, который может быть значительным в случае, если речь идет о лидере национального масштаба или незначительным – ограниченным местным уровнем власти, представительством интересов малых групп. При этом трансформационный характер политического лидерства, связанный с управлением в условиях неопределенности, способностью взять на себя политическую ответственность и выработку стратегических перспектив на интегративной ценностно-целевой основе, позволяет наиболее эффективно осуществлять власть в эпоху перемен и кризисов, развивая на уровне общества и элит культуру инноваций, эффективности, стратегическое видение и мотивацию к самосовершенствованию.

Итак, концепты политической элиты, политического лидерства и девиации были проанализированы в их взаимосвязи и взаимозависимости, выявлен «парадокс элит», связанный с двойственностью их позиционирования в системе общественной морали и управления, обеспеченный исключительными полномочиями и ресурсами по установлению социально-политических норм, реализации собственных интересов, утверждения практик двоемыслия, трансгрессии и произвола как атрибутов политической морали, опирающейся, на парадигму макиавеллизма и понятие политической эффективности.

Поскольку в классических и современных концепциях административно-бюрократических элит, их сущностные характеристики и функционал определяются в соответствии с рационально-легальным типом господства, основные девиации их поведения и качества происходят в плоскости отклонения от системы рационально-легальных установок и правил. С одной стороны, в целях

предотвращения девиаций, это ориентирует на максимальное исключение воздействия так называемого «человеческого фактора» в политическом управлении, связанного с объективной тенденцией элиты к обособлению, дистанцированию от большинства, его эксплуатации в корпоративных интересах удержания и преумножения власти и т.д. А, с другой стороны, актуализирует проблематику ценностной составляющей в деятельности административно-политических элит, проблему служения интересам большинства и государственным стратегическим целям развития, выявления и анализа механизмов и моделей политического управления не только на основе легальной рациональности, но и традиционных публичных ценностей. При этом наиболее перспективной моделью взаимодействия политического лидера и его последователей выступает конституентная модель, а трансформационное лидерство наиболее соответствует задачам парирования механизмов девиации политических элит и развития гражданского общества в кризисные переходные эпохи.

Список источников

1. Дука А. В. Самовластие элит. Почему элиты склонны к нарушению норм и правил // Россия: история и современность. Лекции в Партийном университете. Право, политические процессы, общество, образование и культура, внешняя и оборонная политика / Под редакцией Г.М. Михалевой. М.: РОДП «Яблоко», 2023. С. 119-126. ISBN 978-5-4399-0084-8.
2. Плиев С. М. Личность, последователи и контекст: ключевые компоненты структуры политического лидерства // Общество и государство. 2024. № 1 (45). С. 54-63. DOI: 10.24412/2224-9125-2024-1-54-63.
3. Davies A. F. *Skills, outlooks, and passions: A psychoanalytic contribution to the study of politics*. Cambridge, 1980.
4. Зорин В. А. Роль личностного фактора в становлении президентства в России, Украине и Белоруссии: политико-психологический анализ личностей В. В. Путина, Л. Д. Кучмы и А. Г. Лукашенко: Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2003. 165 с.
5. James David Barber. *The Presidential Character*, 3rd Edition. Prentice-Hall, Inc. 1985.
6. Гозман Л. Я. Политическая психология / Л. Я. Гозман, Е. Б. Шестопал. Ростов н/Д. : Феникс, 1996. 448 с.
7. Егорова Е. В. Личностный фактор во внешней политике США в 60–90-е годы : Дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 1992. 382 с.
8. Кричевский Р. Л. Психология лидерства: учебное пособие. М.: Статут, 2007. 536 с.
9. Лукьянов В. Ю. Политология: учебное пособие. СПб: СПбГУ ИТМО, 2007. 231 с.
10. Стаут Л. Лидерство: от загадок к практике. М.: Хорошая книга, 2002. 320 с.
11. Burns J. M. *Leadership*. New York : Harper & Row, 1978. 530 p.
12. Bass B. M., Bass R. *The Bass handbook of leadership: Theory, research, and managerial applications*. New York : Free Press, 2008. 1536 p.
13. Хамзина Ю. С. Сила трансформационного лидерства // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2022. № 2. С. 41–46. DOI: 10.24147/2410-6364.2022.2.41-46.

References

1. Duka A. V. The autocracy of the elites. Why elites are prone to violating norms and rules. In: *Russia: history and modernity. Lectures at the Party University. Law, political processes, society, education and culture, foreign and defense policy*. Edited by G. M. Mikhaleva. Moscow: RODP "Yabloko"; 2023:119–126. ISBN 978-5-4399-0084-8. (In Russ.)
2. Pliiev S. M. Personality, followers and context: key components of the structure of political leadership. *Society and the state*. 2024;1(45):54–63. (In Russ.). DOI: 10.24412/2224-9125-2024-1-54-63.
3. Davies A. F. *Skills, outlooks, and passions: A psychoanalytic contribution to the study of politics*. Cambridge, 1980.
4. Zorin V. A. *The role of the personal factor in the formation of the presidency in Russia, Ukraine and Belarus: a political and psychological analysis of the personalities of V.V. Putin, L.D. Kuchma and A.G. Lukashenko*: Dis. ... Candidate of Political Sciences. Moscow: Moscow State University; 2003. 165 p. (In Russ.)

5. James David Barber. *The Presidential Character*, 3rd Edition. Prentice-Hall, Inc. 1985.
6. Gozman L. Ya., Shestopal E. B. *Political psychology*. Rostov-on-Don: Fenix; 1996. 448 p.
7. Egorova E. V. *The personal factor in US foreign policy in the 60-90s*: Dis. ... Dr. polit. Sciences : 23.00.02. Moscow; 1992. 382 p. (In Russ.)
8. Krichevsky R. L. *Psychology of leadership: textbook*. Moscow: Statute; 2007. 536 p. (In Russ.)
9. Lukyanov V. Yu. *Political science: textbook*. St. Petersburg: St. Petersburg State University ITMO; 2007. 231 p. (In Russ.)
10. Stout L. *Leadership: from riddles to practice*. Moscow: Dobraya kniga; 2002. 320 p. (In Russ.)
11. Burns J. M. *Leadership*. New York: Harper & Row; 1978. 530 p.
12. Bass B. M., Bass R. *The Bass handbook of leadership: Theory, research, and managerial applications*. New York: Free Press; 2008. 1536 p.
13. Khamzina Y. S. The power of transformational leadership. *Bulletin of Omsk University. The series "Psychology"*. 2022;(2):41–46. (In Russ.). DOI: 10.24147/2410-6364.2022.2.41-46.

Информация об авторе

К. В. Степанов – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮФУ.

Information about the author

K. V. Stepanov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 06.09.2024.

The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 06.09.2024.

Научная статья

УДК 324

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-197-207>

EDN SAIQIN

Информационная составляющая повышения электоральной активности российской молодежи

Елена Владимировна Филоненко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, e.v.filonenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы электорального поведения и участия в выборах современной российской молодежи. Актуальность исследования обусловлена важной ролью молодого поколения в определении будущего страны. Автор исследования анализирует факторы, влияющие на электоральную активность молодежи, среди которых ключевое место занимает уровень информированности о выборах. Цель данного исследования – определить влияние информирования о проводимой избирательной кампании на электоральную активность молодых избирателей. Выдвигается гипотеза о том, что полная информация о выборах повышает участие молодежи в голосовании. В качестве эмпирической базы используются данные о реализации проекта ИнформУИК на выборах Президента России в марте 2024 г. Автор рассматривает специфику информационно-разъяснительной работы с молодыми избирателями, анализирует статистику участия молодежи в голосовании. Делается вывод о важности комплексного подхода к информированию молодежи для повышения ее электоральной активности. Подчеркивается значимость новых технологических решений и адресного информирования избирателей. Статья вносит вклад в изучение электорального поведения молодежи и разработку эффективных стратегий по ее вовлечению в избирательный процесс.

Ключевые слова: электоральное поведение, молодежь, выборы, информированность, избирательная кампания, электоральная активность, голосование, проект ИнформУИК, адресное информирование, молодые избиратели, новые технологические решения

Для цитирования: Филоненко Е. В. Информационная составляющая повышения электоральной активности российской молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 197–207. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-197-207>. EDN SAIQIN

Politology and Ethnopolitics

Original article

Involving the younger generation in elections: how does informing shape electoral activity

Elena V. Filonenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, e.v.filonenko@yandex.ru

Abstract. This scientific article examines the problems of electoral behavior and participation in elections of modern Russian youth. The relevance of the study is due to the important role of the younger generation in determining the future of the country. The author of the study analyzes the factors influencing the electoral activity of young people, among which the key place is occupied by the level of awareness about elections. The purpose of this study is to determine the impact of information about the ongoing election campaign on the electoral activity of young voters. It is hypothesized that full information about the elections increases the participation of young people in voting. Data on the implementation of the InformUIK project in the Russian presidential elections in March 2024 are used as an empirical base. The author examines the specifics

of information and explanatory work with young voters, analyzes the statistics of youth participation in voting. The conclusion is made about the importance of an integrated approach to informing young people in order to increase their electoral activity. The importance of new technological solutions and targeted voter information is emphasized. The article contributes to the study of the electoral behavior of young people and the development of effective strategies for their involvement in the electoral process.

Keywords: electoral behavior, youth, elections, awareness, election campaign, electoral activity, voting, the InformUIK project, targeted information, young voters, new technological solutions

For citation: Filonenko E. V. Involving the younger generation in elections: how does informing shape electoral activity. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):197–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-197-207>. EDN SAIQON

Введение

В настоящее время актуальной исследовательской темой является проблема участия в выборах современной российской молодежи. Тема исследования электорального поведения молодых избирателей поднимает важный вопрос о ценностях, мотивах и целях молодого поколения.

Изучение электорального поведения молодежи представляет собой не только актуальную научную проблему, но и стратегически важное направление для выработки эффективных механизмов вовлечения молодого поколения в демократические процессы страны и формирования устойчивой гражданской позиции.

Президент Российской Федерации Владимир Путин в своем Послании к Федеральному Собранию отмечает, что «...завтрашний день страны определяют устремления нынешнего, молодого поколения. Его становление, его успехи, жизненные ориентиры, которые пройдут любую проверку на прочность, – это важнейший залог и гарантия суверенитета России, продолжение нашей истории...»¹.

Одной из ключевых проблем, характерных для избирательных кампаний различного уровня, является проблема недостаточного информирования молодежного электората о специфике избирательного процесса и реализуемых в его рамках процедурах. Степень осведомленности избирателей о предстоящих выборах и их механизмах оказывает существенное влияние на принятие решения избирателя об участии в голосовании.

Дефицит полной и достоверной информации значительно воздействует на электоральное поведение граждан, включая молодежный сегмент, при формировании их намерений относительно участия в избирательном процессе. С целью преодоления правового нигилизма и абсентеизма среди молодых избирателей, вовлечения молодежи в электоральные процессы страны необходима эффективная стратегия информационно-разъяснительной и просветительской деятельности.

Выбор, стоящий перед молодым поколением, зависит от множества детерминант, включая уровень политической осведомленности, социальные-демографические факторы, медийное окружение, экономические условия, и это многообразие требует комплексного подхода.

Выработка эффективной стратегии является необходимым шагом для обеспечения активного и осознанного участия молодого поколения в выборах, что, в свою очередь, будет способствовать стабильности и развитию общества в целом.

Проблемы электорального поведения, политического участия в своих работах рассматривали Бурдые П. [1], Вебер М. [2], а также такие ученые, как Шопенгауэр А., Ламберт Д., Парсонс Т., Шампань П. и многие другие.

Тард Г., Вебер М., Блумер Г., Ортега-и-Гассет Х.Г. посвятили свои работы исследованию роли личности, как субъекта политического участия, а теоретические разработки и практический опыт электорального поведения обобщены в исследованиях Блек С., Кларк С., Котлер Ф., Лебон Г. и др.

Свой вклад в изучение электорального поведения различных демографических и социальных групп также внесли российские ученые: Афанасьев М., Бердяев Н., Галкин А., Ольшанский Д., Дилигенский Г., Комаровский В., Кудинов А., Соловьев А., Нечаев В., Сучков Е., Чигрин В., Шипилов Г. и многие другие.

Проблемы электорального поведения молодежи, в частности абсентеизма и протестного голосования изучали в своих работах Авционова Г., Бурда М. [3], Воронина Е. [4] приходя к выводу, что данные проблемы связаны с деструктивными элементами политического сознания молодого поколения.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>.

Нельзя обойти вниманием научные работы Ольшанского Д. [5] и Галкина А. [6], в которых рассмотрено, каким образом личные связи и социальные взаимодействия формируют активную гражданскую позицию и влияют на электоральное поведение. Ученые считают, что политическая активность является не только результатом рационального выбора, но также определяется глубокими социальными и эмоциональными взаимосвязями.

Интерес к выборам, как демократической процедуре, в значительной мере обусловлен политической культурой граждан и степенью их информированности, формирующих политическую компетентность избирателей.

Избирательный процесс, представляющий собой последовательно сменяющиеся стадии, каждая из которых выполняет определенную задачу, является предметом исследования в работах Вешнякова А., Иванченко А., Князева С., Кутафина О., Лысенко В., Матейковича М., Постникова А., Тихомирова Ю., Чиркина В. и др.

В своих исследованиях Лазарсфельд П. [7–9] и его коллеги пришли к выводу, что личные контакты играют ключевую роль в формировании активной гражданской позиции и принятии решения об участии в голосовании, поскольку личное общение предполагает более доверительную и персонализированную информацию. Кроме того, учеными доказано, что изменения предпочтений электората, мобилизация избирателей зачастую происходили под влиянием личных контактов, а не средств массовой коммуникации.

Материалы и методы

Ключевая задача нашего исследования состоит в выявлении взаимосвязи между уровнем осведомленности о текущей предвыборной кампании и степенью вовлеченности молодого электората в избирательный процесс. Мы выдвигаем предположение, согласно которому недостаточная информированность о предстоящих выборах существенно снижает мотивацию молодежи к участию в голосовании. В то же время, мы полагаем, что всесторонне освещение деталей избирательной кампании способно значительно стимулировать электоральную активность представителей молодого поколения.

Мы предполагаем, что существует прямая зависимость между объемом доступной информации о выборах и готовностью электората, в том числе и молодых избирателей, реализовать свое избирательное право. Мы считаем, что именно полнота и доступность сведений о кандидатах, партиях и ключевых аспектах избирательного процесса играют решающую роль в формировании активной гражданской позиции молодежи и ее стремлении участвовать в политической жизни страны посредством голосования.

На стадии информирования, при проведении выборов Президента РФ, Избирательным комиссиям субъектов Российской Федерации (ИКС РФ) было поручено провести адресное информирование и оповещение избирателей о дне, времени, месте, а также о формах голосования на выборах Президента РФ. Центральной избирательной комиссией РФ (ЦИК РФ) было поручено ИКС РФ провести адресное информирование способом поквартирного обхода, в том числе с использованием мобильного приложения, разработанного для исполнения указанного поручения. Адресное информирование избирателей, проведенное участковыми избирательными комиссиями (УИК) на территории Российской Федерации в период с 17 февраля по 7 марта 2024 г., получило название – Проект ИнформУИК¹.

Автор статьи являлся руководителем проекта ИнформУИК, реализованного на территории Пролетарского района города Ростова-на-Дону в период с 17 февраля по 7 марта 2024 г., что позволило собрать, обобщить и проанализировать эмпирический материал для данного исследования.

Информирование является одной из основных и важных стадий избирательного процесса, влияющей на эффективность и легитимность всей системы выборов. Основная цель данной электоральной стадии – это максимально обеспечить избирателя информацией о выборах.

Информирование в избирательном процессе направлено на обеспечение доступа избирателей к полной и точной информации, а также к побуждению избирателя принять участие в конкретной избирательной кампании, то есть данная стадия несет в себе призыв – Приходи! Голосуй!

¹ Выписка из протокола заседания от 06 декабря 2023 г. № 139-3-8 «О реализации проекта ИнформУИК в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации». URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/vypiski-iz-protokolov/54185>.

Мы полагаем, что правильно организованная и проведенная стадия информирования неизбежно приводит к повышению электоральной активности как всех избирателей в целом, так и молодежи в частности. Можно выделить несколько причин, по которым мы считаем данную электоральную стадию особенно важной.

Во-первых, обладание полной информацией позволяет избирателю сделать осознанный выбор, основанный на полном и правильном понимании всех аспектов, связанных с избирательным процессом, а также с программами, позициями кандидатов и партий. Осознанный выбор включает в себя доступ к полной и объективной информации по ключевым вопросам проводимой избирательной кампании.

При осознанном голосовании, избиратели понимают последствия своего выбора, влияние его на каждого жителя и общество в целом. Осознанный выбор, сделанный избирателями без внешнего давления и принуждения на основе личных убеждений и ценностей, отражает подлинные предпочтения граждан, способствует эффективному развитию демократического общества [10].

Во-вторых, для достижения главной цели – обеспечения доверия избирателей к избирательному процессу на стадии информирования, важно в личном взаимодействии с гражданами показать и рассказать, как работает избирательная система. Прозрачность избирательного процесса, его стадий и проводимых процедур, таких как голосование, подсчет голосов, объявление результатов, важна для обеспечения доверия и признания процедуры выборов существенно значимым элементом функционирования политической системы современного российского общества.

Основная задача избирательных комиссий любого уровня – это не просто организовать проведение выборов, а показать электорату, что это процесс открытый и легитимный. В условиях мировой трансформации отсутствие у избирателя чувства легитимности выборов, по завершению избирательной кампании, является серьезным инструментом в руках организаций, работающих на подрыв доверия к выборам и, как следствие, к легитимности действующей власти [11].

Электоральные процессы в современной России нуждаются в большем вовлечении в процедуру выборов граждан страны, в том числе и молодого электората. В соответствии с Федеральным законом от 30.12.2020 №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» молодыми гражданами признаётся социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации¹, а в соответствии с Федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», право гражданина Российской Федерации избирать в органы государственной власти и органы местного самоуправления (активное избирательное право) наступает у гражданина Российской Федерации по достижению им 18 летнего возраста².

По предварительной оценке Федеральной службы государственной статистики (Росстат), по состоянию на 1 января 2024 г., численность постоянного населения России составляет – 146 150 789 человек, в том числе численность молодых граждан (от 14 до 35 лет) составляет – 36 987 400 чел., а численность молодежи, обладающей активным избирательным правом, в возрасте от 18 до 35 лет составляет – 30 421 968 чел.³ Как мы можем увидеть, молодежная социально-демографическая группа составляет одну четвертую часть населения России.

Согласно данным ЦИК РФ численность российских избирателей по состоянию на 01 января 2024 г. составляет 112 309 947 чел.⁴, а так как, по данным Росстата, число молодых людей (от 18 до 35 лет) составляет 30 421 968 чел., соответственно, 27% электората страны составляют молодые избиратели.

¹ Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 года №489-ФЗ (с изменениями на 22 апреля 2024 года). URL:

<https://internet.garant.ru/#/document/400156192/paragraph/1/doclist/10606> (дата обращения 25.07.2024).

² Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (с изменениями на 08 августа 2024 года). URL: <https://internet.garant.ru/#/document/400156192/paragraph/1/doclist/10606> (дата обращения 15.08.2024).

³ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>.

⁴ Сведения о численности зарегистрированных в Российской Федерации и за пределами территории Российской Федерации избирателей, участников референдума Российской Федерации по состоянию на 1 января 2024 года. URL: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/01012024.php>

Электоральное поведение молодежи можно рассматривать как следствие высокого уровня политической культуры и активной гражданской позиции молодых людей. Политическая культура тесно связана с активной гражданской позицией и высокой гражданской ответственностью. Активная молодежь, понимающая свои права и обязанности, осознает значение участия в выборах, вносит важную часть вклада в общество, а также стремится использовать свой голос для влияния на его развитие.

Одним из факторов, влияющих на электоральную активность молодых избирателей является информационно-разъяснительная деятельность о предстоящей избирательной кампании. Специальные проекты по информированию избирателей направлены на различные социальные группы, в том числе и на молодежь.

Информирование избирателей формирует привычку участия в выборах и создает семейную ценность и традицию – принимать участие в голосовании на избирательном участке, либо другим удобным способом (при наличии соответствующего решения ЦИК РФ).

Роль семьи в формировании политических предпочтений и убеждений молодых людей сложно переоценить. В России традиционные ценности играют первостепенное значение в семейном воспитании. Родители являются первоначальным образцом для детей и имеют большое влияние на формирование политических предпочтений своих детей [12].

На стадии информирования формируются настроение молодежи в преддверье выборов, отношение к избирательному процессу как к демократическому институту власти, а также осознанное решение молодых людей принимать участие в голосовании или нет. Мы считаем, что выборы являются одной из самых распространенных форм вовлечения молодежи в политический процесс, кроме того, играют главную роль в реализации интересов молодого населения нашей страны.

Именно на стадии информирования избирательной кампании по выборам Президента Российской Федерации 17 марта 2024 г. был реализован проект ИнформУИК на всей территории Российской Федерации, в том числе и на территории Пролетарского района города Ростова-на-Дону, руководителем которого являлся автор статьи.

Электоральный марафон, завершившийся избранием Президента РФ 17 марта 2024 г., стал знаковым событием в политической жизни страны, продемонстрировав беспрецедентный уровень гражданского участия. Эта кампания, реализованная в условиях обновленного избирательного законодательства, установила новые стандарты открытости и гласности в истории электоральных процессов.

Выборы главы государства проходили с 15 по 17 марта. Трехдневное голосование – формат не новый, но на выборах Президента РФ применен впервые. Трехдневное голосование является более удобным по нескольким причинам: отсутствие очереди на избирательных участках для получения избирательного бюллетеня, наличие возможности проголосовать в рабочий день, снижение нагрузки на избирательные комиссии, повышение прозрачности избирательного процесса. Кроме того, было применено дистанционное электронное голосование (ДЭГ), которым смогли воспользоваться примерно третья часть регионов страны.

В выборах приняли участие четыре кандидата: три представителя политических партий (Даванков В.А. – партия «Новые люди», Слуцкий Л.Э. – ЛДПР, Харитонов Н.М. – КПРФ), и один кандидат, выдвинувшийся в порядке самовыдвижения (Путин В.В.), что обеспечило разнообразие политических платформ и мнений.

Член ЦИК РФ, декан факультета политологии МГУ имени Ломоносова Андрей Шутов в своем интервью информационному агентству ТАСС сообщил: «Свыше 1,3 млн молодых избирателей впервые отдали свой голос на выборах главы государства. Это наглядно свидетельствует о высокой электоральной культуре, о том, что молодые люди высоко ценят усилия государства, создающего сегодня все условия для их профессиональной и личной самореализации»¹.

На выборах Президента Российской Федерации, по данным ЦИК РФ, итоговая явка, с учетом ДЭГ составила 77,49%, всего в голосовании приняли участие – 87 576 075 избирателей².

Такие высокие показатели явки можно объяснить, в том числе и комплексной, системной работой по информированию избирателей. Яркий пример – адресное информирование электората о предстоящих выборах в рамках проекта ИнформУИК, одной из ключевых целей которого являлась

¹ Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/20281529>.

² Результаты выборов. URL: http://cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p_itogi.

традиционная задача избирательных комиссий – повышение явки на избирательных участках. Реализация проекта осуществлялась с помощью специального мобильного приложения.

Мобильное приложение включало в себя информацию о предстоящих выборах Президента РФ, а также вопросы, к которым предлагались варианты ответов, для проведения опроса избирателей. Традиционная задача избирательных комиссий, в процессе реализации проекта ИнформУИК, решалась посредством принципиально нового подхода.

Около 330 тыс. членов участковых избирательных комиссий из 88 регионов страны с 17 февраля по 7 марта 2024 г. осуществили подомовые и поквартирные обходы, отвечали на вопросы граждан о ходе избирательной кампании, зарегистрированных кандидатах, формах голосования и механизмах, которые сделают процесс волеизъявления максимально удобным и комфортным¹.

В Ростовской области в данном проекте были задействованы 89,4 тыс. участковых избирательных комиссий и более 440 тыс. членов участковых избирательных комиссий².

Результаты исследования

Автор статьи является председателем территориальной избирательной комиссии Пролетарского района города Ростова-на-Дону. В целях изучения электорального поведения молодежи, применяя метод включенного наблюдения, было проведено авторское исследование процессов информирования избирателей Пролетарского района города Ростова-на-Дону, в том числе молодежи, в период с 17 февраля по 7 марта 2024 г. (рис. 1).

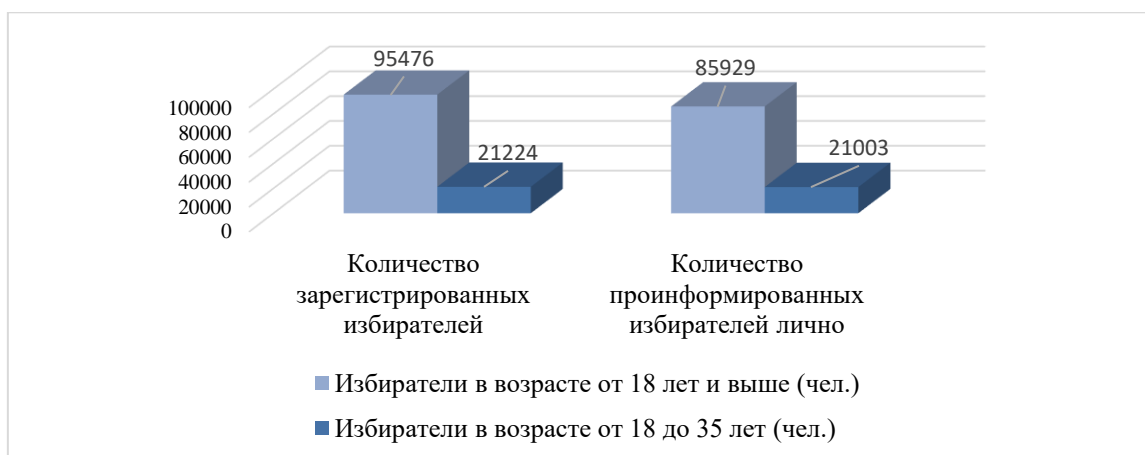

Рис. 1. Количество проинформированных в личном контакте избирателей на территории Пролетарского района города Ростова-на-Дону

Fig. 1. The number of voters informed in personal contact in the territory of the Proletarian district of Rostov-on-Don

Как следует из рис. 1, на стадии информирования избирательной кампании по выборам Президента РФ 17 марта 2024 г. при реализации проекта ИнформУИК в Пролетарском районе города Ростова-на-Дону Ростовской области, было проинформировано членами УИК лично, то есть «глаза в глаза», 85 929 избирателей из 95 476 зарегистрированных на территории района.

Автором сплошной выборкой из общего числа избирателей была выбрана молодежная возрастная группа в возрасте от 18 до 35 лет. Процесс сбора данных молодежной группы осуществлялся посредством персональных интервью, ответы на заданные вопросы заносились в мобильное приложение.

Всего в опросе приняли участие 21 003 молодых избирателя в возрасте от 18 до 35 лет, что составило 24% от общего числа зарегистрированных избирателей в Пролетарском районе города Ростова-на-Дону.

¹ Проект адресного информирования избирателей о выборах – ИнформУИК URL: <http://www.cikrf.ru/news/sec/54663>.

² В Ростовской области проект ИнформУИК набирает обороты. URL: <http://www.rostov.izbirkom.ru/news/15274>.

В указанной возрастной группе ответы на вопрос: «В марте состоятся выборы Президента России, голосование будет проходить три дня: 15, 16 и 17 марта. Скажите пожалуйста, Вы планируете принять в них участие? Спрашиваю для того, чтобы рассказать Вам о возможных способах голосования, и чтобы Вы могли выбрать удобный для Вас?» распределились следующим образом (рис. 2).

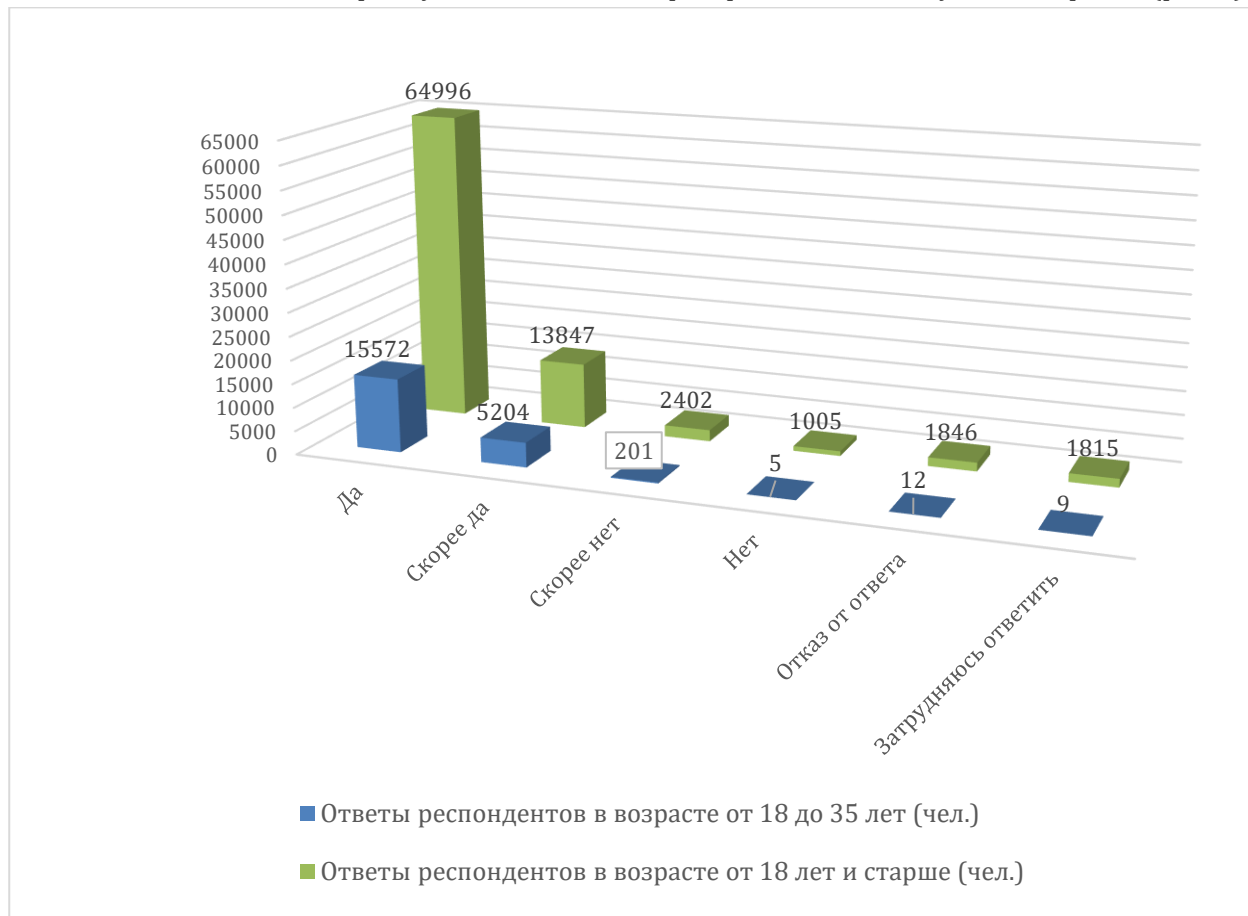

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Скажите пожалуйста, Вы планируете принять участие в выборах Президента России?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question: "Please tell me, are you planning to participate in the presidential elections of Russia?"

Как следует из рис. 2, более 70% (15 572 чел.) опрошенной молодежи на прямой вопрос: «Скажите пожалуйста, Вы планируете принять участие в выборах Президента России?» ответили – «Да». Ответ «Скорее да» был получен от 5 204 (25%) молодых избирателей. Менее 1% (26 чел.) молодых людей отказались принимать участие в выборах, а также отказались от ответа.

В процессе реализации проекта ИнформУИК, подавляющее большинство молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, их в районе зарегистрировано 21 224 (в том числе, 458 – впервые голосующие, то есть те избиратели, которым на день голосования исполнится 18 лет), с удовольствием общались с членами УИК, слушали информацию о предстоящих выборах, проявляя активный интерес к политическим вопросам.

Это свидетельствует о высокой политической активности молодого поколения, наличии осознанного желания принимать участие в общественной жизни, а также иметь возможность быть причастным к принятию важных решений, касающихся будущего страны. Многие из них подчеркнули важность наличия возможности высказать свое мнение и влиять на выборы, что подчеркивает растущую политическую сознательность этой возрастной группы.

Результаты персональных интервью показывают, что молодые люди, принявшие участие в опросах при проведении информирования, осознают свою значимость как избирателей, и готовы отстаивать свои интересы. Ценности, которые они отстаивают, включают прозрачность политических процессов, социальную справедливость и равенство возможностей.

Высокий уровень политической активности молодых избирателей, способность анализировать политические события, способствует их осознанному участию в выборах, а не простому следованию за популярными трендами и тенденциями. Представители молодого поколения рассматривают электоральное участие как инструмент реализации своих идеологических установок и политических предпочтений.

Большинство молодых людей обладает высокой технологической грамотностью, использует новые информационные технологии и различные онлайн-платформы для получения той или иной информации. Современные избирательные технологии все более привлекают молодых избирателей, для которых смартфоны, планшеты, компьютеры и интернет стали неотъемлемой частью повседневной жизни.

Инновационная форма участия в выборах – ДЭГ основана на использовании цифровых технологий, предполагает значительные преимущества при голосовании, такие как экономия времени, современные технологии обеспечения безопасности данных, конфиденциальность и является удобным способом участия в выборах для цифрового поколения.

При проведении опроса, из 20 776 молодых избирателей, изъявивших желание участвовать в выборах Президента РФ (На вопрос «Скажите пожалуйста, Вы планируете принять участие в выборах Президента России?» ответили «Да» – 15 572, «Скорее да» – 5 204), на следующий вопрос «Как Вы планируете проголосовать? Как Вам удобно?» – 4 705 человек предпочли участие в выборах посредством ДЭГ (рис. 3).

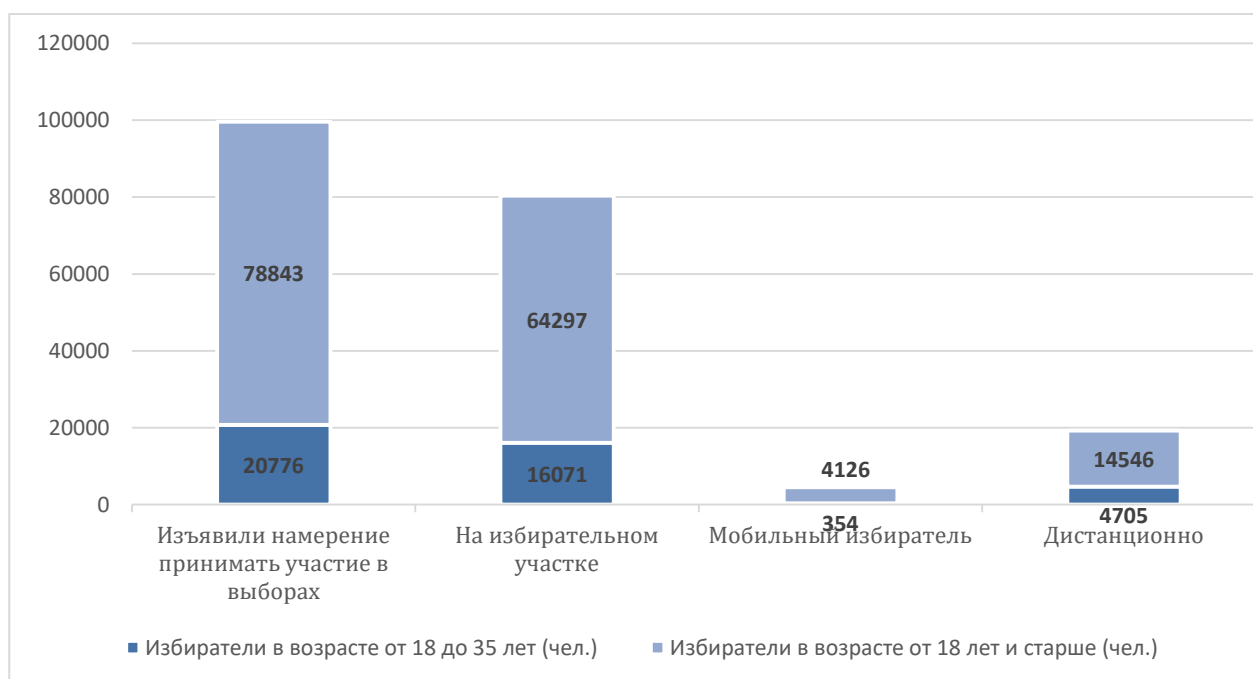

Рис. 3 Распределение ответов на вопрос: «Как Вы планируете проголосовать? Как Вам удобно?»
 Fig. 3 Distribution of answers to the question: "How do you plan to vote? How is it convenient for you?"

Как видно из рис. 3, более 80 % активного электората изъявила желание принимать участие в выборах Президента РФ традиционным способом, то есть прийти на избирательный участок и опустить бюллетень в урну, в том числе из молодежной возрастной группы в возрасте от 18 до 35 лет – 16 071 избиратель. Однако мы можем увидеть и возрастающий интерес молодого поколения к дистанционному голосованию: 4 705 юношей и девушек, что составляет 22% от опрошенных, решили принимать участие в выборах посредством ДЭГ.

После завершения выборов были подведены официальные итоги, которые подтвердили высокую электоральную активность и готовность избирателей участвовать в политической жизни

страны. Рассмотрим итоги голосования на примере Пролетарского района города Ростова-на-Дону Ростовской области. Прогнозы ожидаемой явки избирателей на избирательные участки, построенные на анализе данных, полученных в результате реализации проекта ИнформУИК на территории Пролетарского района города Ростова-на-Дону, нашли свое подтверждение. Электоральная активность избирателей района составила 87 % (70 645 избирателей получили избирательные бюллетени (без учета ДЭГ))¹.

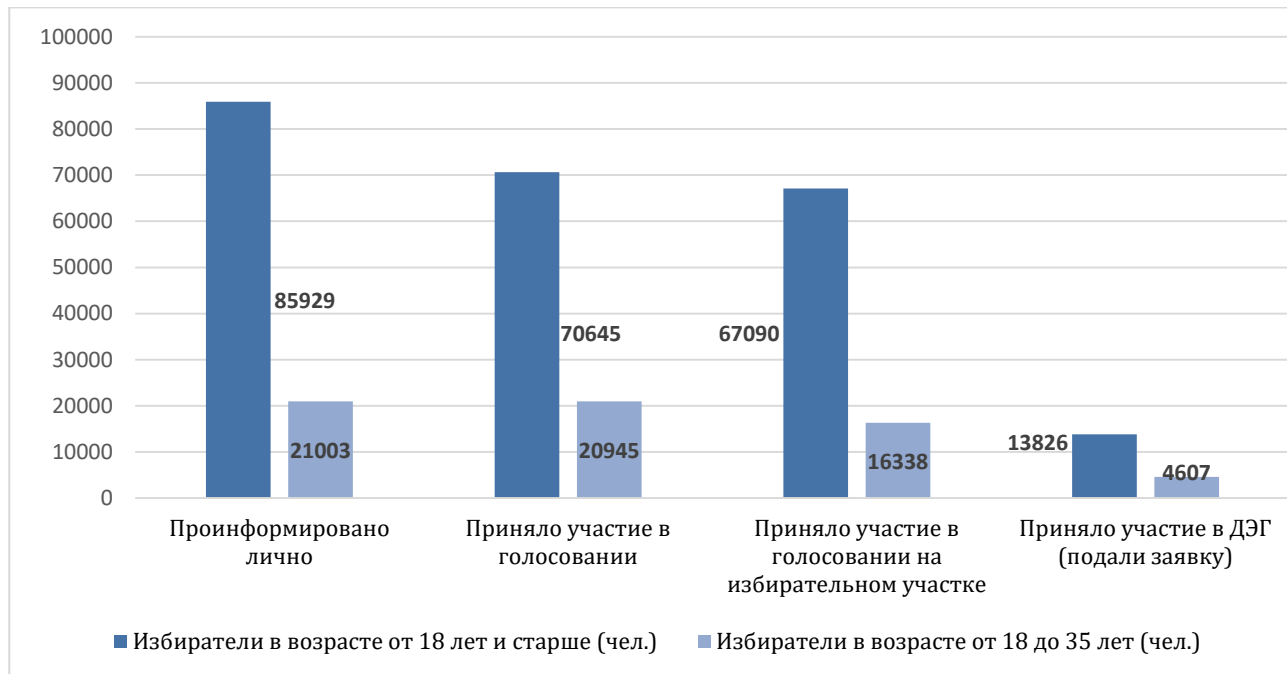

Рис. 4. Итоги голосования на территории Пролетарского района города Ростова-на-Дону
 Fig. 4. The results of voting in the territory of the Proletarian district of the city of Rostov-on-Don

Как мы можем увидеть на рис. 4, из 21 003 молодых избирателей Пролетарского района города Ростова-на-Дону, получивших развернутую информацию о проводимой избирательной кампании, зарегистрированных кандидатах, месте, времени и способах голосования, почти 100% (20 945), приняли решение прийти на избирательные участки и проголосовать на выборах Президента РФ. Мы приходим к выводу, что личные беседы молодого электората с членами участковых избирательных комиссий, способствовали формированию положительного отношения к демократическим институтам в целом, и к избирательному процессу в частности.

Кроме того, 458 молодых избирателя проголосовали в районе впервые, что доказывает успешный опыт реализации проекта ИнформУИК. На стадии информирования на выборах Президента РФ для молодого электората были созданы все предпосылки, направленные на формирование устойчивой привычки участия в выборах, осознанного гражданского поведения и поддержания высокой политической активности.

Заключение

Прошедшие выборы Президента РФ не только продемонстрировали новшества в формате голосования, но и стали индикатором растущей политической активности среди молодежи, что является важным признаком становления гражданского самосознания молодого поколения.

На основании проведенного исследования мы можем сделать вывод, что современная молодежь проявляет активный интерес к политическим процессам, проходящим в стране, в том числе и к избирательным процедурам, а также стремится принимать участие в политической жизни страны посредством участия в выборах.

¹ Выборы Президента Российской Федерации. URL: http://www.rostov.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root=1000059&tvd=26120002976938&vrn=100100339410030&prver=0&pronetvd=null®ion=61&sub_region=61&type=226&report_mode=null

Как уже говорилось ранее, выбор голосовать или нет, стоящий перед молодым поколением, зависит от множества детерминант, включая уровень политической осведомленности и информированности, и только выработанная эффективная стратегия по информированию (в нашем случае это успешная реализация проекта ИнформУИК), помогает вовлекать молодых избирателей в электоральные процессы страны, что в свою очередь способствует стабильности и развитию общества.

Информация представляет собой важный элемент электорального процесса, и ее доступность, прозрачность и открытость помогает молодым людям сделать свой осознанный выбор, основанный на понимании не только программ кандидатов, но и принципов функционирования избирательной системы.

Внедрение доступных и удобных новых электронных технологий, таких как ДЭГ, стимулирует интерес молодого поколения, создает дополнительные возможности для их участия в выборах, и способствует значительному увеличению электоральной активности молодежи.

Мы приходим к выводу, что электоральная активность является неотъемлемой частью политической активности, характеризующаяся включением молодого поколения в демократический институт выборов. Развитие электоральной активности – это инвестиции в устойчивость политической системы.

Молодые люди с инновационными взглядами на решение социальных, экономических, политических и других проблем общества, способны поддержать политический курс страны. Вовлечение юношей и девушек в избирательный процесс усиливает социально-политические институты, гарантирует представление интересов указанной социальной группы при принятии политических решений. Активное участие молодого поколения в избирательном процессе в настоящее время закладывает основу устойчивого развития политической культуры, становления осознанного электората в долгосрочной перспективе.

Как показывает проведенный опрос молодых избирателей, их политическая культура демонстрирует высокий уровень гражданской вовлеченности, кроме того ориентирована на реализацию комплекса социально-политических императивов. Данный феномен отражает трансформацию политического поведения и свидетельствует о возрастающей роли молодежной социально-демографической группы в процессах формирования общественно-политической повестки дня.

Развивающиеся в гражданском обществе демократические процессы приводят к возрастающему доверию и уважению публичной власти со стороны электората. Избиратели ощущают ведущую роль и существенное значение свободных выборов, как основы государственной власти.

Информирование молодого поколения об избирательных кампаниях различных уровней в долгосрочной перспективе является значимым элементом политического процесса, обеспечивающего прозрачность, справедливость и осознанность выборов. Качественное и всестороннее информирование должно быть приоритетным направлением деятельности как для избирательных комиссий, так и для всех участников избирательного процесса. Только в условиях полноты, открытости и доступности информации молодой электорат сможет принимать ответственные решения, влияющие на будущее своей страны.

Таким образом, именно информирование о выборах играет ключевую роль в активном вовлечении молодежи в электоральные процессы, что, в свою очередь, не только закрепляет ценности и цели молодого поколения, но и имеет большое значение для стабильности и дальнейшего развития будущего гражданского общества нашей страны.

Список источников

1. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 56–62.
3. Авцинова Г. И., Бурда М. А. Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 4(44). С. 649–655.
4. Авцинова Г. И., Воронина Е. Ю. Инновационные формы протестной активности молодежи // PolitBook. 2014. № 3. С. 15–26.
5. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 128 с.
6. Галкин А. А. Расстановка политических сил в электоральном преломлении: латентные факторы потенциального сдвига // Полис. 1997. № 1. С. 114–116.
7. Lazarsfeld P. F. The People's Choice. - New York, 1969.

8. Lasswell H. *The Structure and Functions of Communication in Society* // *The Process and Effect of Mass Communication*. - Chicago, 1971.
9. Verba S., Nje N. II., Kim J. *Participation and Political Equality*. London and New York: Cambridge University Press, 1978.
10. Кузина С. И. Электоральная демократия как политическая идеология и практика в современной России // *Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием, Москва, 01–02 декабря 2023 г. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. С. 301–303.*
11. Филоненко Е.В. Особенности и тенденции электоральных циклов в РФ // 30 лет развития избирательной системы современной России: история и перспективы развития: материалы научно-практической конференции. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2023. С. 71–74.
12. Слабкая Д. Н. Особенности политической социализации молодежи России // *Теории и проблемы политических исследований*. 2023. Т. 12. № 7А. С. 40–47.

References

1. Bourdieu P. *Sociology of politics*. M.: Socio-Logos, 1993. 336 p. (In Russ.)
2. Weber M. Basic concepts of stratification. *Sociological research*. 1994;(5):56–62. (In Russ.)
3. Avtsinova G. I., Burda M. A. Youth policy of modern Russia: Absenteeism and political protest. *Political Science Issues*. 2019;9(4(44)):649–655. (In Russ.)
4. Avtsinova G. I., Voronina E. Yu. Innovative forms of protest activity of youth. *PolitBook*. 2014;(3):15–26. (In Russ.)
5. Olshansky D. V. *Psychology of the masses*. St. Petersburg: Piter; 2002. 128 p. (In Russ.)
6. Galkin A. A. The alignment of political forces in the electoral refraction: latent factors of a potential shift. *Polis*. 1997;(1):114–116. (In Russ.)
7. Lazarsfeld P. F. *The People's Choice*. New York; 1969.
8. Lasswell H. *The Structure and Functions of Communication in Society*. In: *The Process and Effect of Mass Communication*. Chicago, 1971.
9. Verba S., Nje N. II., Kim J. *Participation and Political Equality*. London and New York: Cambridge University Press; 1978.
10. Kuzina S. I. Electoral democracy as a political ideology and practice in modern Russia. In: *Political science in a changing world: new practices and theoretical search: materials of the All-Russian RAPN Conference with international participation*, Moscow, December 01-02, 2023. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN); 2023:301–303. (In Russ.)
11. Filonenko E. V. Features and trends of electoral cycles in the Russian Federation. In: *30 years of development of the electoral system of modern Russia: history and prospects development: materials of the scientific and practical conference*. Rostov-on-Don; 2023:71–74. (In Russ.)
12. Slabkaya D. N. Features of political socialization of Russian youth. *Theories and Problems of Political Studies*. 2023;12(7A):40–47.

Информация об авторе

Е. В. Филоненко – преподаватель кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

E. V. Filonenko – Lecturer at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 08.08.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Научная статья

УДК 324

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-208-217>

EDN OSUWAD

Особенности применения методов оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения

Александр Владимирович Шкураков¹, Екатерина Александровна Попова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹schkurakov.shura@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4250-127X>

²popova-eka@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4244-3435>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения методов оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения. Проведен анализ подходов к определению политической культуры, с учётом специфики исследований, связанных с электоральными предпочтениями. Выявлены компоненты политической культуры на основе различных подходов. Определена взаимосвязь между компонентами политической культуры и электоральными предпочтениями. Даются определения политических элит и масс. Проведен анализ свойств политических культур элит и масс в России на основе статистических данных. Предложены методы оценки влияния политической культуры элит и масс на электоральные предпочтения с учётом их свойств в России.

Ключевые слова: политическая культура, политические элиты, компоненты политической культуры, электоральные предпочтения, политическая коммуникация, метод социологического опроса, ДСМ-метод

Для цитирования: Шкураков А. В., Попова Е. А. Особенности применения методов оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 208–217. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-208-217>. EDN OSUWAD

Politology and Ethnopolitics

Original article

Features of the application of methods for assessing the influence of political culture on electoral preferences

Alexander V. Shkurakov¹, Ekaterina A. Popova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹schkurakov.shura@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4250-127X>

²popova-eka@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4244-3435>

Abstract. The article examines the peculiarities of the application of methods for assessing the influence of political culture on electoral preferences. The analysis of approaches to the definition of political culture is carried out, taking into account the specifics of research related to electoral preferences. The components of political culture are identified on the basis of various approaches. The relationship between the components of political culture and electoral preferences is determined. Definitions of political elites and masses are given. The analysis of the properties of political cultures of elites and masses in Russia based on statistical data is carried out. The methods of assessing the influence of the political culture of elites and masses on electoral preferences, taking into account their properties in Russia, are proposed.

Keywords: political culture, political elites, components of political culture, electoral preferences, political communication, method of sociological survey, DSM method.

For citation: Shkurakov A. V., Popova E. A. Features of the application of methods for assessing the influence of political culture on electoral preferences. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):208–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-208-217>. EDN OSUWAD

Введение

Изучение особенностей методов оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения в последовательности политических процессов, связанных с выборами, позволит точнее определить особенности политической жизни того или иного общества, а также связать практическую и теоретическую составляющие политической науки в области исследований политической культуры. В связи с этим изучение методов оценки влияния политических культур элит и масс на электоральные предпочтения способствует развитию аналитической функции политологии, являясь актуальным вопросом.

С помощью исследований, направленных на развитие методов оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения, расширяются возможности выявления тенденций политических процессов, способствуя развитию прогностической функции политологии с практическим её применением.

Исследователи политической культуры рассматривают её как итоговый результат политических процессов, или как их субъект, но не учитывают их влияние на конкретные политические процессы, в том числе и друг на друга. Формирование электоральных предпочтений исследуется в большинстве случаев через анализ прямых факторов в виде конкретных явлений, а не косвенных, имеющие также высокое влияние.

Определение политической культуры, политических элит и масс с их компонентами

Политическая культура имеет большое количество различных определений. Многие исследователи в зависимости от целей своих научных изысканий употребляют данное определение по-разному, вкладывая свой смысл, в данные слова, профилируя его под свои нужды. Изначально такой термин, как «политическая культура», упоминал И. Гердер в начале XVIII века, который подразумевал под политической культурой социальные процессы и не описывал подробно данное явление [1]. Также косвенно политическую культуру исследовали множество других учёных, такие как Н. Макиавелли, Ж. Руссо и М. Вэбер. На данный момент в гуманитарных науках существует значительное количество подходов, однако именно классический и самый распространенный подход – Г. Алмонда и С. Вербы, отталкивающийся от поведения, отвечает запросу исследований, связанных с электоральными предпочтениями. Поведенческий подход был предложен Г. Алмондом в 60-х годах прошлого века, и подразумевал под политической культурой ориентации на политическое действие через реакцию на политическое окружение и систему. Определение согласно данному подходу сформировано Г. Алмондом и Г. Пауэллом, звучит следующим образом: «Политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение» [2].

Г. Алмонд выделял три типа форм ориентации: познавательные или когнитивные, являющиеся знаниями о политической системе, эмоциональные или аффективные, в виде совокупности эмоций и переживания, оценочные или деятельностные в виде мотивов участия в политических процессах [3]. Наиболее полное определение политической культуры предложил С. Верба: «Политическая культура общества состоит из системы эмпирических убеждений (beliefs), экспрессивных символов и ценностей, определяющих ситуацию, в которой происходит политическое действие. Она формирует субъективную ориентацию на политику» [4]. Таким образом, С. Верба склоняется ближе к интерпретативистскому подходу, но не упускает и поведенческие элементы. Также Г. Алмонд и С. Верба в своей работе о гражданской культуре выделили чистые типы политических культур: парохильная, подданническая и участническая. Парохильная политическая культура характеризуется отсутствием интереса к политике и имеет позитивные ориентации на политическое действие по отношению к властным институтам, она свойственна традиционным обществам. Подданническая политическая культура, характеризуется пассивным отношением к политике и почти полным отсутствием взаимодействия с политической системой. Участническая политическая культура имеет высокую активность населения в политике и позитивную ориентацию на политические институты. В чистом виде данные три вида типа политических культур не могут существовать, они могут смешиваться в различном соотношении [5]. Разделение политических культур на парохильную, подданническую и участническую упрощает анализ результатов, полученных в ходе применения методов, направленных на оценку влияния политической культуры на электоральные предпочтения.

Однако ближе к исследованиям, направленным на выявление влияния политической культуры на электоральные предпочтения, оказался польский ученый А. Боднер, который дополнил предыдущих авторов, уточнив некоторые элементы. Он утверждал, что политическая культура – это не только совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников политической системы, но и субъективная сфера, которой подчиняется электоральное поведение. В субъективную сферу по А. Боднеру входит знание об объекте политического отношения, ощущение связи, вовлечения, противодействия и т.д. по отношению к политическим объектам и оценочная ориентация, подразумевающая мнение и отношение к избирательному процессу как части политической системы и процесса [6]. Таким образом, А. Боднер приблизил политическую культуру ближе к электоральному процессу и способствовал углублению возможного спектра практических методов выявления особенностей влияния политической культуры на электоральные предпочтения.

Множественность подходов усложняет проведение точности исследований, связанных с политической культурой. Одни авторы трактуют политическую культуру, отталкиваясь от истории, например, как Р. Такер, другие от экономической составляющей, как Д. Ландлес [7]. Отдельные авторы, такие как К. Гирц, отталкиваются от интерпретативной концепции, подразумевая под политической культурой совокупность символов [8]. Однако бихевиористский подход, примеры которого приведены выше, позволяет выявить определенные составляющие политической культуры, влияющие на электоральные предпочтения. Бихевиористский подход определяет основные факторы формирования элементов политической культуры. Таким образом в исследованиях подобного направления под политической культурой следует понимать определённые ценности, символы, ориентиры и установки, влияющие на принятие тех или иных решений в сфере политики.

Также следует в точности определить носителей политических культур в виде субъектов электорального процесса. Относительно определения политических элит и его границ в научном сообществе нет единого мнения. Например, А. Тойнби определял политическую элиту как «творческую образованную группу людей, противостоящую необразованному большинству», отталкиваясь от культурно-интеллектуального подхода. Или М. Дюпре, отталкиваясь от социальной стратификации, определял её как обладающие высоким положением в обществе. В сущности, все подходы можно разделить на функциональные и ценностные [9]. Функциональный подход заключается в том, что элиты существуют за счёт функции управления и особенностей исполнителей данной функции. Ценностный подход отталкивается от индивидуальных характеристик небольшой группы людей [10]. Оба данных подхода крайне важны при исследованиях, связанных с политической культурой и политическими процессами. Таким образом, при исследованиях, связанных с политической культурой, под политическими элитами стоит понимать определённую группу населения, которая выделяется выдающимися индивидуальными качествами и имеет доступ к ресурсам в целях определения политики государства и управления обществом. Это определение наиболее уместно в исследованиях с оценкой влияния политической культуры на электоральные предпочтения, так как в ходе электорального процесса, влияние на него может оказывать любое лицо с достаточным количеством ресурсов. Однако стоит учитывать при проведении исследования выбор определения политических элит и его широту охвата, так как существуют политические элиты в масштабах государства и одновременно региональные с политико-административными, а также необходимо учитывать, что политическая элита может быть правящая и не правящая.

При определении политических масс, учитывая контекст двух основных составляющих подобных исследований, можно отталкиваться от Г. Моски как от представителя классового подхода, в котором существует класс управляющих и управляемых [11]. В сущности, под массами можно понимать большую часть общества, которая не способна напрямую воздействовать на проводимую политику и не имеет определённых свойств для осуществления управленческих функций.

Для применения практических методов необходимо выявить составляющие части политической культуры, проявляющиеся в ходе электорального процесса. Они позволят определить особенности методов оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения. Данные составляющие должны отталкиваться от бихевиористского подхода.

Политическая культура масс и элит в исследованиях, связанных с политической культурой, обладает структурой в виде ориентаций. Для выработки наиболее точных и эффективных методов следует совмещать различные подходы. Например, подход Г. Алмонда и С. Вербы можно дополнить разработками А. Боднера. Опираясь на их исследования, структура в виде ориентаций на политическое действие делится на культурно-символическую (эмоциональную), информационную, оценочно

ориентационную и итогово-оценочную составляющие. Преобладание одной из приведённых составляющих указывает на стабильность электората. Под познавательными ориентациями подразумевается уровень знания носителя ориентаций. Эмоциональный уровень включает чувства к объекту и в окружающей его системе связанные с ним и олицетворяющие его. А оценочные ориентации на политическое действие представляют собой итог в виде совокупности суждений, основанных как на ценностях, так и на информации. Данные ориентации направлены на функции системы, носителей данных функций и определенные политические решения или программы, что, в сущности, представляет политическую систему в целом [6].

Субъективные ориентации можно определить с помощью прикладных методов политологии, что может помочь не только в статических исследованиях, но и в динамических исследованиях подобных направлений. В итоге проявляется разделение политико-культурной составляющей на отдельные части, которые необходимо для полноты и объективности информации учитывать при проведении исследований, направленных на выявление влияния политической культуры на электоральные предпочтения. При определении практических методов следует учитывать данные составляющие и изменять методы, отталкиваясь от них.

Так как свойства данных составляющих приобретаются в ходе коммуникаций, то политическая культура имеет свой вход и выход в политической системе (по концепции Г. Алмонда и С. Верба [12]). Вход подразумевает коммуникацию и, как следствие, трансформацию электоральных предпочтений и политической культуры, что отображает электоральный процесс в виде взаимодействия политических культур элит и масс. На выходе из политической системы проявляется результат процесса в виде сформированного парламента (или выбранного должностного лица) и дальнейших политических решений [13]. Из этого исходит то, что коммуникативные компоненты необходимо учитывать при выявлении влияния политической культуры на электоральные предпочтения, учитывая сложность аспектов коммуникации в ходе рассматриваемого процесса.

Свойства и особенности политических культур элит и масс России

Также необходимо учитывать особенности и свойства политических элит и масс в электоральном процессе для избегания нерелевантных результатов исследования, так как под влиянием политических культур формируются властные отношения между элитами и массами, проявляющиеся в электоральных предпочтениях [14]. Свойства элит и масс могут исказить данные, полученные с помощью методов. Для этого, при определении особенностей методов оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения, следует определить свойства политических культур элит и масс, соответственно скорректировать методы.

Элиты принимают электоральные решения, отталкиваясь от культуры масс, но и под относительным влиянием своей несколько обособленной культуры. Важно учитывать, что политическая культура элит отталкивается от цели удержания или получения властных полномочий. Также она отличается относительной малочисленностью, вследствие чего в определенных аспектах быстро изменяется в виде реакции на тенденции политических процессов [15]. Следовательно, можно предположить, что особенным свойством политической культуры элит является высокий уровень рациональности. Выявить данные особенности позволяет как непосредственное взаимодействие с объектом исследования, так и коммуникационные элементы со стороны элит, свойственные ходу избирательного процесса. При определенных различиях политическим элитам, вышедшим из масс, характерны в определенной степени те же самые свойства, что позволяет грамотнее выстраивать коммуникацию для более выгодной обработки информации в ходе электорального процесса и одновременно влияет на принятие ими решений. Учет программ и тезисов в ходе электорального процесса при оценке влияния политической культуры является крайне важной частью методологии, корректировка и учет тезисов всех политических элит в ходе процесса позволяет выявить уровень не только влияния политической культуры, но и степень использования её политическими элитами. Политические элиты в ходе предвыборной агитации могут использовать данные разных исследований политической культуры, чтобы учесть определённые склонности электората, сформированные под влиянием политической культуры.

Также крайне важно для исследований, направленных на выявление влияния политической культуры на электоральные предпочтения, учитывать особенности тех или иных политико-культурных компонентов электората и исходить из них. Как утверждает В. Таранцов, в России электорат обладает крайне слабой искренностью при проведении исследования с опросом, политические

элиты могут отвечать не искренне и испытывать недоверие, так как имеют некоторые свойства масс. Появляется проблема определения точности влияния политической культуры на электоральные предпочтения. Это подтверждается статистическими данными. Например, в рамках выборов в Государственную Думу в 2011–2012 гг. в течение двух с половиной недель 32 % избирателей изменили свои ответы на вопросы. Подобное поверхностное отношение выявлялось в информационной сфере, например в знаниях о ходе дебатов, где 15,7 % респондентов указали на то, что видели дебаты с участием В. Путина, однако он в них не принимал участие [15]. Данные значения появляются из стремления респондентов проявить социально одобряемую точку зрения, что подтверждалось наблюдениями профессора психологии П. Экмана. Ещё одним вероятным объяснением может быть непопулярность мнения респондента, вследствие чего он даёт несодержательные ответы. В доказательство данного тезиса можно привести данные Социологического центра «ХИ-квадрат» от 2022 г., который отмечает, что несодержательные ответы на прямые вопросы с упоминанием слов «Президент РФ» и «В. В. Путин» составляют от 10 до 25 % всех полученных ответов [16].

Данные, указывающие на проблематику искренности ответов, косвенно подтверждаются и в более новых опросах у современной молодежи, прошедшей политическую социализацию в последнее десятилетие. Согласно им, в период с 2018 по 2019 гг. число опрошенных, указывающих политические убеждения как повод отсутствия на выборах, упало с 9 % до 5,5%. Однако в тот же период число опрошенных, указывающих на необходимость поездки в магазин как повод отсутствия на выборах, без особых экономических изменений за данный период времени, возросло с 4,5% до 8,6% [17]. Это показывает изменение причин отсутствия на выборах примерно у 4% опрошенных без аргументированных причин в течение относительно короткого периода времени, что является примером слабой искренности ответов. При другом исследовании, от анкетного опроса 2019 г. 31 % молодых людей предпочли отказаться, что указывает на возможное отсутствие желания отвечать у значительной части согласившихся участников, что влечет за собой неточность и противоречивость ответов [18]. Вероятно, это исходит из того, что согласно опросу 2020 г., порядка 60 % молодых респондентов проявили незаинтересованность политикой. В свою очередь анализ молодежной активности, проведённый в 2022 г. Р. Шамионовым, Н. Суздальцевым, показал значительное преобладание в социальных медиа данной социальной группы, подтвердив ранее полученные данные [3]. С учётом того, насколько большей может оказаться молодая группа опрашиваемых, в исследованиях, направленных на выявление уровня влияния политической культуры на электоральные предпочтения, представленные данные могут значительно исказить результаты исследований данного направления.

В дополнение к вышеперечисленным сложностям в выявлении уровня влияния политической культуры на электоральные предпочтения, согласно опросу 2022 г., 68 % населения не воспринимают себя субъектом политической деятельности, а уровень уверенности в будущем составил 26 % [16]. Данные показатели настроений в обществе осложняют проведение исследований, направленных на выявление уровня влияния политической культуры на электоральные предпочтения при непосредственном взаимодействии с объектом изучения, и повышают уровень нерелевантных или искаженных ответов за счёт высокого уровня недоверия.

Подобные данные позволяют, как выявить те или иные аспекты политической культуры, так и осложняют исследование, требуя применения дополнительных методов с целью получения объективных данных. Вероятно, подобное отношение к опросам и избирательному процессу исходит из патернализма, свойственного российскому обществу. Патернализм подразумевает отношение в обществе, при котором в обмен на обеспечение уровня жизни, удовлетворяющее массы, элиты могут проводить политику в своих интересах.

Патернализм перерастает в абсентеизм, представляющий собой бездействие в политическом поле, в том числе и в избирательном процессе. Причиной абсентеизма является «неверие граждан в законность, легитимность, результативность, а также честность института выборов» [19]. По мнению многих ученых, это исходит из исторических формаций, перенесенных обществом, в частности, из советского периода, с которого прошло незначительное время в рамках политико-культурного наследования через социализацию новых личностей. В связи с этим избиратели пытаются как можно быстрее делегировать властные полномочия первому попавшемуся кандидату и не вдаются в подробности программ и деятельности всех представленных лиц. Подобные данные указывают на возможное преобладание эмоционально-символической составляющей политической культуры

в России и на ее возможное использование политическими элитами, что несколько усложняет исследование данного направления. Однако существует метод, позволяющий как выявить неискренность ответов свойственную российскому обществу, так и выявить политико-культурные детерминанты процесса влияния политических культур на электоральные предпочтения. Данные свойства российского общества можно корректировать, используя в методе социологического опроса контрольные, противоречащие и дублирующие вопросы. Однако более комплексно позволяет корректировать данные свойства российского общества ДСМ – метод, названный в честь Джона Стюарта Милля и применяемый с конца прошлого века, так как он охватывает сразу весь метод социологического опроса, а не отдельные его части.

Определение взаимосвязи и влияния политической культуры на электоральные предпочтения

Все вышеперечисленные составляющие компоненты политической культуры и особенности политических культур субъектов в определённом политическом процессе указывают на влияние политической культуры на электоральные предпочтения. Данный вывод исходит из того, что компоненты политической культуры имеют своё отражение в электоральном процессе. Например, вход в политическую систему в рамках политической культуры, по Г. Алмонду и С. Вербе, подразумевающий коммуникацию между участниками политического процесса, имеет аналогичную структуру со входом в избирательную систему у электоральных предпочтений. В электоральных процессах при входе под влиянием политического пиара формируются типы электоральных предпочтений, основанных на системе ценностей в сфере политики. Политическая культура состоит из ценностей, из этого следует, что электоральные предпочтения основаны на политической культуре или подвержены её влиянию. Также политическая культура является одним из центральных элементов политических процессов, формирующих их, а электоральные предпочтения – элементом выборов, при том, что выборы являются неотъемлемой частью политических процессов во многих современных странах, как следствие – политическая культура влияет на электоральные предпочтения [6]. Всё это указывает на существование определённого влияния политической культуры на электоральные предпочтения.

Исходя из влияния политической культуры на электоральные предпочтения, под ними следует понимать знания и ценностные ориентации, которые формируют электоральное поведение и оценочное решение в виде определённого выбора. Указывание на знания и оценки совместно с ценностями исходит из того, что среди различных видов ориентации на политическое действие присутствует информационная и оценочная. Данное определение можно эффективно использовать в исследованиях, направленных на оценку влияния политической культуры на электоральные предпочтения.

Такая взаимосвязь, выражающаяся во влиянии политической культуры на электоральные предпочтения, может использоваться для выявления практических методов оценки уровня и выявления особенностей влияния политических культур элит и масс на электоральные предпочтения. Такое влияние обладает своими определёнными свойствами в каждом отдельном обществе. Их выявление позволит раскрыть сущность взаимосвязи, а также выявить уникальные свойства политических культур элит, масс и электоральных предпочтений.

Практика методов социологического опроса и анализа в политических исследованиях неоднократно доказала свою эффективность в ходе исследований, проводимых в ЮРИУ РАНХиГС [20]. Метод социологического опроса позволяет выявить на основе взаимосвязи теории и практических данных – каким образом и по каким направленностям политическая культура влияет на электоральные предпочтения, и то, какими свойствами обладают они. Для достижения данных целей необходимо отталкиваться от теоретических составляющих, упомянутых ранее. Согласно им, компоненты политической культуры разделяются на культурно-символическую (эмоциональную), информационную, оценочно ориентационную и итогово-оценочную составляющие.

Исходя из данных составляющих компонентов политической культуры, метод социологического опроса можно модернизировать, разделив вопросы на соответствующие блоки. Через информационный блок оценивается осведомлённость респондента об электоральном процессе. Символически эмоциональный блок оценивает уровень нерациональности и степень влияния общепринятых культурных ориентиров на электоральные предпочтения. Оценочно-ориентационный блок определяет оценку электорального процесса и восприятие респондентом себя в нём. Итогово-оценочный блок представляет собой итог в виде совокупности суждений, основанных как на ценности, так

и на информированности. В каждом блоке исследователь оценивает влияние политико-культурных ценностей для соблюдения комплексности исследования. Важно не забывать, при проведении социологического опроса во всех перечисленных блоках, составлять вопросы про оценку отношения к избирательному процессу и его восприятие места в данном процессе с учетом направления данного отношения (личность или система).

По каждом блоку сопоставляются ответы элит и масс с соответствующей количественной и качественной корректировкой, учитывающей особенности свойств их политических культур, а также коммуникативный процесс между ними, с целью выявления степени влияния на электоральные предпочтения политических культур обоих акторов политического процесса. Дополнительно из данных элементов систематизируется типология политических культур, разделяющая её на подданническую, участническую и парохияльную. Данная типология позволяет облегчить классификацию свойств масс и элит. Подобный подход нашёл своё применение в исследовании Ю. Абрамова и А. Семёнова, сделанного по заказу Избирательной комиссии Рязанской области, однако они не дополнили типологию ориентаций Г. Алмонда и С. Вербы ориентациями А. Боднера, который рассматривал политическую культуру как основу электорального поведения [21].

Усложняют применение метода социологического опроса ранее упомянутые расхождения в ответах российского электората. Потенциально решить данную проблему возможно с помощью ДСМ-метода.

Согласно П. Бурдые, респондент в политических вопросах должен делать вывод сразу по целому комплексу вопросов, и это порождает как неискренность, так и неточность исследований, особенно в политико-культурных направлениях [22]. ДСМ – метод, позволяющий нивелировать подобные процессы, который опирается на причинно-следственные зависимости и правдоподобные рассуждения. Он отталкивается от идеальной модели абсолютно рационального поведения и имеет три важных критерия при оценке его уровня. Критерий непротиворечивости мнений определяется через согласованность ответов на противоречащие вопросы, а также через коммуницирование вслух и соответствующую фиксацию. В рамках исследований, определяющих влияние культуры на политические процессы, данный критерий является основным. Критерий согласованности мнений сторонников какой-либо кандидатуры в электоральном процессе эффективен в рамках статистической оценки поддержки, что делает его необязательным в исследованиях, направленных на оценку влияния политической культуры на электоральные предпочтения. В случае, когда в исследовании не имеет важное значение точная поддержка каких-либо кандидатов, критерий согласованности можно не использовать. Критерий близости к абсолютно рациональному мнению эффективен в исследованиях, оценивающих влияние культурных факторов. Его можно использовать при определении общего среднего показателя рациональности электорального решения или предпочтения. В том числе его можно использовать и для оценки уровня влияния политической культуры на электоральные предпочтения. Критерий согласованности можно использовать как для точности применения метода социологического опроса, так и для оценки влияния политической культуры на электоральные предпочтения. Данные критерии можно считать по коэффициенту от 0 до 1, однако, как понятно из вышеизложенного идеала, выше, чем 0,99 данный показатель состоять не может. Как показали данные опросов с применением ДСМ-методов, в период с 2003 по 2007 гг. наблюдалась динамика к увеличению уровня противоречивости, на что указывала противоречивость ответов в период с 2011 по 2019 гг. [15; 23]. Данные параметры ДСМ-метода позволяют выявить те или иные аспекты политической культуры, влияющие на электоральные предпочтения, а также достичь более высокого уровня объективности полученных данных.

Выводы

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что для исследования влияния политической культур элит и масс на электоральные предпочтения необходимо отталкиваться как от теоретической составляющей, так и от практических методов. Особенностью их применения является непосредственное взаимодействие с носителями политической культуры в рамках сбора информации, а также близость компонентов политических культур в виде ориентаций с методами оценки влияния политических культур элит и масс на электоральные предпочтения. Эти особенности отражаются в виде разделения метода социологического опроса на информационный, символически эмоциональный, оценочно-ориентационный и итогово-оценочный блоки, соответствующие политическим ориентациям. Ещё одной характерной чертой является присутствие одновременно политических элит

и масс как носителей политической культуры, что указывает на необходимость составления параллельных вопросов для обеих групп при учёте специфики политической культуры носителя и соответствующих корректировок. И так как данные особенности методов опираются на ориентации по отношению к политике, то важно при оценке уровня влияния политических культур на электоральные предпочтения учитывать коммуникацию между их носителями в виде политического пиара или взаимодействия. Также в исследованиях данного направления для достижения цели при соблюдении точности необходимо встроить ДСМ-метод, который позволяет избежать ложных ответов и выявить уровень влияния символически-эмоциональной составляющей культуры через коэффициенты.

Данная система методов позволяет проводить более точные исследования по оценке влияния политических культур элит и масс на электоральные предпочтения относительно имеющегося опыта, однако одновременно показывает высокую сложность и комплексность подобных исследований.

Список источников

1. Казанцева В. А. Проблемы политической культуры современного общества // Вестник ЧелГУ. 2022. №5 (463). С. 22–32.
2. Василик М. А., Ланцов С. А., Казаринова Н. В. Основы социологии и политологии: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. 205 с.
3. Расторгуев С. В. Политическая идентичность и политическая культура современной российской молодежи // Власть. 2023. №4. С. 126–131.
4. Гудова О. С. Политическая культура в системе культуры общества // Культура, философия, политика в социальном опыте 20-21 столетия. Материалы VI Международного Симпозиума молодых ученых. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород: Издательство: ООО "Эпицентр", 2018. С. 63–66.
5. Коляда Н. Я. Политическая культура России // National Science. 2022. № 3. С. 27–32.
6. Будаева Д. Ц., Черкун Е. Ю. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2013. № 6. С. 105–109.
7. Сат А. В. Сравнительный анализ современных концепций политической культуры в зарубежной науке // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 36–39.
8. Щербинина Н. Г., Аванесова Е. Г. Традиционный элемент политической культуры России: конституирование православных основ // Вестн. Том. Гос. Ун-та. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 289–299.
9. Фазулов А. Р., Кирилов М. В. Генезис понятия "политическая элита" // Социально-политические науки. 2019. № 2. С. 15–19.
10. Иванова Л. А. Понятие политической элиты: социологический аспект // Миссия конфессий. 2022. № 65. С. 169–174.
11. Покатов Д. В. Мобильность российской политической элиты: особенности, формы и этапы // Вопросы управления. 2022. № 5 (78). С. 5–18.
12. Никешин А. А. Современные предвыборные кампании и политическая культура // Символ науки. 2022. № 3-2. С. 71–72.
13. Verba S. Comparative Political Culture. Princeton. 1965.
14. Зарипова З. А. Актуальные проблемы исследования феномена политической культуры // ORIENSS. 2022. №3. С. 678–686.
15. Таранцов В. П. Политическая и правовая культура правящей элиты современной России // Философия права. 2015. №1 (68). С. 36–41.
16. Неволин Б. С., Ницевич В. Ф. Электоральные предпочтения россиян в период политической турбулентности // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №1. С. 106–123.
17. Городецкая Е. Г. Мотивация электорального поведения студенческой молодежи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Том 6(72). № 4. С. 23–29.

18. Аршинова Е. В., Билан М. А., Горбатова М. М., Рассохина, И. Ю. Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1(33). С. 119–127.
19. Некрасова И. Н. Социокультурные типы российских избирателей // Общество: философия, история, культура. 2022. №7(99). С. 60–67.
20. Рудой В. В., Понеделков А. В., Лысенко В. Д. Практика применения методов социологического анализа в политических исследованиях на Юге России // Социум и власть. 2011. № 2. С. 65–68.
21. Абрамов Ю. И., Семёнов А. В. Политическая культура как фактор электорального поведения // ПОЛИТЭКС. 2014. № 1. С. 244–252.
22. Кученкова А. В. Методика анализа электоральных предпочтений с помощью ДСМ-метода // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2011. №3(65). С. 256–259.
23. Мамонов М. В. Электоральные предпочтения россиян: семь пятниц на неделе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2(104). С. 33–39.

References

1. Kazantseva V. A. Problems of political culture of modern society. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;5(463):22–32. (In Russ.)
2. Vasilik M. A., Lantsov S. A., Kazarinova N. V. *Fundamentals of sociology and political science: Textbook*. Moscow: Gardariki; 2000. 205 p. (In Russ.)
3. Rastorguev S. V. Political identity and political culture of modern Russian youth. *Vlast'*. 2023;(4):126–131. (In Russ.) (In Russ.)
4. Gudova O. S. Political culture in the system of culture of society. In: *Culture, philosophy, politics in the social experience of the 20th-21st century. Materials of the VI International Symposium of Young Scientists. Belgorod State National Research University*. Belgorod: Publishing House: Epicenter LLC; 2018:63–66. (In Russ.)
5. Kolyada N. Ya. Political culture of Russia. *National Science*. 2022;(3):27–32. (In Russ.)
6. Budaeva D. Ts., Cherkun E. Yu. Electoral behavior and electoral preferences as elements of political culture. *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*. 2013;(6):105–109. (In Russ.)
7. Sat A. V. Comparative analysis of modern concepts of political culture in foreign science. *Society: politics, economics, law*. 2022;(3):36–39. (In Russ.)
8. Shcherbinina N. G., Avanesova E. G. The traditional element of Russian political culture: the constitution of the Orthodox foundations. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2023;(75):289–299. (In Russ.)
9. Fazulov A. R., Kirilov M. V. Genesis of the concept of "Political elite". *Socio-political sciences*. 2019;(2):15–19. (In Russ.)
10. Ivanova L. A. The concept of the political elite: a sociological aspect. *The mission of the confessions*. 2022;(65):169–174. (In Russ.)
11. Pokatov D. V. Mobility of the Russian political elite: features, forms and stages. *Questions of management*. 2022;5(78):5–18. (In Russ.)
12. Nikeshin A. A. Modern election campaigns and political culture. *Symbol of Science*. 2022;(3-2):71–72. (In Russ.)
13. Verba S. *Comparative Political Culture*. Princeton. 1965.
14. Zaripova Z. A. Actual problems of the study of the phenomenon of political culture. *ORIENSS*. 2022;(3):678–686. (In Russ.)
15. Tarantsov V. P. Political and legal culture of the ruling elite of modern Russia. *Philosophy of Law*. 2015;1(68):36–41. (In Russ.)
16. Nevolin B. S., Nicevich V. F. Electoral preferences of Russians during the period of political turbulence. *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2024;(1):106–123. (In Russ.)
17. Gorodetskaya E. G. Motivation of electoral behavior of student youth. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2020;(6(72)4):23–29. (In Russ.)
18. Arshinova E. V., Bilan M. A., Gorbatova M. M., Rassokhina, I. Yu. Value aspects of electoral behavior of student youth. *Vocational education in Russia and abroad*. 2019;1(33):119–127. (In Russ.)

- 19 Nekrasova I. N. Sociocultural types of Russian voters. *Society: philosophy, history, culture*. 2022;7(99):60–67. (In Russ.)
20. Rudoy V. V., Ponedelkov A. V., Lysenko V. D. The practice of applying methods of sociological analysis in political research in the South of Russia. *Society and power*. 2011;(2):65–68. (In Russ.)
21. Abramov Yu. I., Semenov A.V. Political culture as a factor of electoral behavior. *POLITEX*. 2014;(1):244–252. (In Russ.)
22. Kuchenkova A. V. Methodology for analyzing electoral preferences using the DSM method. *Bulletin of the Russian State University. The series "Philosophy. Sociology. Art criticism"*. 2011;3(65):256–259. (In Russ.)
23. Mamonov M. V. Electoral preferences of Russians: seven Fridays a week. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2013;2(104):33–39. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Шкураков – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Е. А. Попова – доктор политических наук, зав. кафедрой философии и методологии наук, профессор кафедры политологии и этнополитики. ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. V. Shurakov – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

E. A. Popova – Dr. Sci. (Polit.), Head of the Department of Philosophy and Methodology of Sciences, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2024; одобрена после рецензирования 07.09.2024; принята к публикации 08.09.2024.

The article was submitted 13.08.2024; approved after reviewing 07.09.2024; accepted for publication 08.09.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 218–225
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):218–225

Проблемы социологии

Научная статья
УДК 37.015.4(07)
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-218-225>

EDN SYZVDJ

Образовательный процесс в оценках студентов с разным уровнем успеваемости (на основании материала эмпирического исследования)

**Яна Викторовна Артамонова¹, Сергей Александрович Дюжиков²,
Анастасия Эдуардовна Пилипенко³**

^{1,2,3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

²duzhikov@sfedu.ru

³kalosha@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4085-9824>

Аннотация. Статья посвящена изучению мнений студентов с разным уровнем академической успеваемости относительно образовательного процесса. В рамках статьи приведены результаты опроса студентов об удовлетворенности разными сторонами обучения в одном из крупнейших вузов Юга России – Южном федеральном университете. Эмпирический материал был собран методом анкетного опроса при помощи российского сервиса для создания опросов Анкетолог (<https://anketolog.ru/>). Объем выборки по Южному федеральному университету составил 661 человек. Расчет полученных эмпирических данных, их статистическая обработка проведены с использованием программы SPSS, версия 26.0. Проведенный анализ оценок студентов показал, что запрос на получение специальности, которая позволит получить интересную и любимую работу в будущем, сформирован у всех студентов ЮФУ, но студенты с разным уровнем успеваемости различно воспринимают образовательный процесс и определяют направления собственного развития. Студенты-отличники ориентированы на получение углубленных знаний по выбранной специальности, имеют более выраженную направленность на занятие НИР, стремятся к развитию практических профессиональных навыков через дополнительные инструменты, имеют более уверенную позицию по вопросу трудоустройства по специальности и собственной востребованности на рынке труда. Студенты с низкой успеваемостью ориентированы на получение социальных навыков, необходимых в повседневной жизни, на общение со сверстниками; их позиция по вопросам будущего профессионального развития более размыта нежели у обучающихся с высоким уровнем успеваемости.

Ключевые слова: образование, высшая школа, вуз, университет, качество образования, образовательная деятельность, успеваемость, студенчество

Для цитирования: Артамонова Я. В., Дюжиков С. А., Пилипенко А. Э. Образовательный процесс в оценках студентов с разным уровнем успеваемости (на основании материала эмпирического исследования) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 218–225. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-218-225>. EDN SYZVDJ

Original article

The educational process in the assessments of students with different levels of academic performance (based on the materials of an empirical study)

Yana V. Artamonova¹, Sergey A. Dyuzhikov², Anastasia E. Pilipenko³

^{1,2,3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

²duzhikov@sfedu.ru

³kalosha@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4085-9824>

Abstract. The article is devoted to studying the opinions of students with different levels of academic performance regarding the educational process. The article presents the results of a student survey on satisfaction with various aspects of education at one of the largest universities in the South of Russia – the Southern Federal University. The empirical material was collected by means of a questionnaire survey using the Russian service for creating surveys Anketolog (<https://anketolog.ru/>). The sample size for the Southern Federal University was 661 people. The calculation of the obtained empirical data, their statistical processing were carried out using the SPSS program, version 26.0. The conducted analysis of student assessments showed that the request for obtaining a specialty that will allow you to get an interesting and favorite job in the future is formed by all SFedU students, but students with different levels of academic performance perceive the educational process differently and determine the directions of their own development. Excellent students are focused on gaining in-depth knowledge in their chosen specialty, have a more pronounced focus on research and development, strive to develop practical professional skills through additional tools, and have a more confident position on the issue of employment in their specialty and their own demand in the labor market. Students with low academic performance are focused on gaining social skills necessary in everyday life, on communicating with peers; their position on issues of future professional development is more blurred than that of students with high academic performance.

Keywords: education, higher education, university, quality of education, educational activities, academic performance, student body

For citation: Artamonova Ya. V., Dyuzhikov S. A., Pilipenko A. E. The educational process in assessments of students with different levels of performance (based on the material of empirical research). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):218–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-218-225>. EDN SYZVDJ

Введение

Сегодня система образования в России сталкивается с рядом процессов, которые влияют на трансформацию высшей школы [1]. К таким процессам можно отнести цифровизацию образовательного пространства [2] и индивидуализацию образовательных программ [3–4]. В связи с трансформационными изменениями, происходящими в образовательном пространстве высшей школы, где традиционные формы комбинируются с новыми, актуализируется вопрос содержания, процесса и результата образовательной деятельности.

Реалии сегодняшнего дня требуют от высшей школы обновлений и видоизменений с учетом динамики рынка труда, формирующихся государственных приоритетов и особенностей современных студентов. Безусловно, обозначенные изменения отражаются не только на работе образовательной организации, но и меняется подход сотрудников высшей школы к педагогической деятельности, трансформируется содержательная сторона и процесс обучения [5–6].

Материалы и методы

Сегодня проблемы образовательного процесса и его качества широко обсуждаются среди научного сообщества [7–11].

Как отмечают Н. А. Бонюшко, А. А. Семченко: «В целом современные модели системы качества образовательных услуг не только весьма разнообразны, но и коррелированы с внешними факторами, прежде всего, такими как необходимость постоянного учета мнения потребителя и важность интеграционных процессов в сфере высшего образования» [7]. Учету мнения потребителей образования, куда относятся студенты высшей школы, уделяется пристальное внимание со стороны ученых [4; 8–9].

Таким образом, выделение ключевых аспектов оценки удовлетворенности студентов содержанием и процессом обучения в вузе, является актуальной темой исследовательского интереса и позволяет констатировать сильные и слабые стороны в образовательном процессе и социокультурной среде вуза. При этом нельзя не учитывать разность уровня знаниевой базы, индивидуальные и социально-бытовые особенности студентов. В рамках данной статьи внимание будет сосредоточено на восприятии образовательной деятельности студентами с разным уровнем успеваемости.

Центром прикладных социологических исследования Института социологии и регионоведения Южного федерального университета совместно с Первичной профсоюзной организацией работников ЮФУ в апреле 2024 г. было проведено социологическое исследование. Цель исследования – анализ восприятия образовательной деятельности глазами обучающихся высших учебных заведений Ростовской области. В данной статье рассматриваются результаты исследования, полученные при ответах студентов Южного федерального университета. Респондентами выступили обучающиеся ЮФУ (661 чел.) по программам бакалавриата (78,8 %), специалитета (11,6 %), магистратуры (9,5 %). Среди них 39,9 % – юноши, 60,1 % – девушки. В выборку были включены все структурные учебные подразделения вуза, реализующие образовательные программы в рамках следующих научно-образовательных направлений: естественно-научное, гуманитарное, инженерное, педагогическое, архитектура и искусство.

Результаты и их обсуждение

Для анализа мнений студентов по поводу образовательной деятельности в вузе мы попросили обучающихся Южного федерального университета оценить следующие показатели: факторы, повлиявшие на выбор направления подготовки, отношение к учебе, приоритеты в образовательной деятельности.

Образовательный путь в высшей школе начинается с определения направления обучения. Наиболее весомым аргументам в пользу выбора конкретной специальности молодые люди называют возможность найти интересную работу после получения диплома (19,2 %), престиж профессии в обществе (13,7 %), достойную оплату труда (12,3 %), а также гарантию трудоустройства (12,2 %) и высокий личный интерес к профессии (12,2 %). Наименее популярны причины, связанные с советами родителей (2,7 %), возможностью отъезда за границу (5,9 %), случайным выбором (6,4 %) и непоступление в другой вуз или на другую специальность (4,1 %). Срединное положение занимает уровень и качество образования в вузе (9 %). Полученные нами данные иллюстрируют запрос молодого человека к высшей школе на обучение востребованным специальностям, отвечающим запросам времени и позволяющие специалисту развиваться. Данный запрос фиксируется среди респондентов независимо от уровня успеваемости (табл. 1).

**Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос:
«Укажите наиболее значимые аргументы, определившие Ваш выбор специальности»
в зависимости от успеваемости, %**

Table 1 – Distribution of answers to the question: "Specify the most significant arguments that determined your choice of specialty" depending on academic performance, %

Варианты ответа	%
Престиж профессии в обществе	13,7
Полученное в вузе образование (данная специальность) дают возможность гарантированного трудоустройства в регионе	12,2
Полученное в вузе образование (данная специальность) позволяют рассчитывать на достойную оплату труда	12,3
Выбранная профессия позволит уехать за границу после окончания вуза	5,9
Высокий интерес к содержанию профессии, которую можно получить только в этом вузе	12,2
Полученная профессия позволит найти интересную работу	19,2
На выборе специальности настояли родители	2,7
Выбор был случайным	6,4
Не прошел по конкурсу на другую(ие) специальность(и)	4,1
Уровень и качество преподавания в вузе	9
Другое	2,3

Если запрос на получение специальности, которая позволит получить интересную и любимую работу в будущем, сформирован у всех молодых людей, то при обучении в вузе студенты с разным уровнем успеваемости различно воспринимают образовательный процесс и определяют направления собственного развития. Ниже рассмотрим данные, подтверждающие данный тезис.

Обучающиеся, которые осваивают образовательную программу на высоком уровне, значительно чаще (на 36,1 %) демонстрируют высокий уровень удовлетворенности обучением в вузе в целом. Кроме того, среди отличников большинство тех, кому учиться в университете нравится – 89,9 %, среди студентов, имеющих долги за последнюю сессию – 53,8 %, среди отличников безразличных к учебе 5,9 %, а среди имеющих долги за последнюю сессию – 32,3 % (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы в целом оцениваете свое отношение к учебе в вузе?» в зависимости от успеваемости, %

Table 2 – Distribution of answers to the question: "How do you generally assess your attitude to studying at a university?" depending on the academic performance, %

Варианты ответа	Отлично, на 5-ки	Хорошо, на 4-5	Удовлетворительно, на 3 и 4	Имею долги за последнюю сессию	Всего по ЮФУ
Учиться в вузе мне нравится	89,9	85,9	73,6	53,8	80,5
К учебе безразличен	5,9	9,2	20,9	32,3	13,6
Учиться в вузе мне не нравится	4,2	4,9	5,5	13,8	5,9

В зависимости от успеваемости студентов привлекают разные аспекты в жизни вуза. Студенты-отличники более ориентированы на возможность посвятить себя получению знаний по избранной профессии (29,9 % среди отличников и 15,9 % среди студентов с задолженностью) и серьезно работать в области науки (17,7 % среди отличников и 3,2 % среди студентов с задолженностью). Молодые люди с более низкой успеваемостью скорее ориентированы на получение комплекса социальных знаний, необходимых в повседневной жизни (18,3 % среди студентов с задолженностями и 11 % среди отличников), а также на возможность общения со сверстниками (34,9 % среди обучающихся с задолженностями и 18,1 % среди отличников) (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «Что Вас больше всего привлекает в жизни студента Вашего вуза?» в зависимости от успеваемости, %

Table 3 – Distribution of answers to the question: "What attracts you most in the life of a student at your university?" depending on the academic performance, %

Варианты	Отлично, на 5-ки	Хорошо, на 4-5	Удовлетворительно, на 3 и 4	Имею долги за последнюю сессию	Другое	Всего по ЮФУ
Возможность посвятить себя получению знаний по избранной профессии	29,9	24,3	26,5	15,9	25	25,1
Серьезно работать в области науки	17,7	10,3	7,6	3,2	10	10,4
Принимать активное участие в общественной жизни	17,7	14,5	15,5	16,7	15	15,5
Приобрести социально-экономическое знание, необходимое в повседневной жизни	11	16,2	14,8	18,3	15	15,1
Возможность общения со сверстниками	18,1	24	28,1	34,9	25	24,9
Возможность учиться и не работать	3,1	5,6	3,8	4,8	5	4,6
Другое	0,4	1,3	0,9	1,6	5	1,1
Затрудняюсь ответить	2	3,9	2,8	4,8	0	3,3

В процессе обучения формируется зависимость между уровнем успеваемости и планами молодежи работать по специальности. Студенты-отличники на 21,9 % чаще планируют после получения образования работать по специальности, чем обучающиеся, имеющие долги за последнюю сессию. Так, 68,1 % среди отличников ориентированы на работу по специальности и 46,2 % среди студентов, имеющих долги за последнюю сессию. Кроме того, студенты с отличной успеваемостью на 21,9 % реже затрудняются ответить на данный вопрос в сравнении со обучающимися, имеющими незакрытые зачеты и экзамены. Среди отличников данный вариант выбирают 22,7 %, а среди студентов с задолженностями – 44,6 % (табл.4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли Вы работать по специальности, получаемой в вузе, после окончания вуза?» в зависимости от успеваемости, %

Table 4 – Distribution of answers to the question: "Do you plan to work in a university specialty after graduation?" depending on academic performance, %

Варианты ответа	Отлично, на 5-ки	Хорошо, на 4-5	Удовлетворительно, на 3 и 4	Имею долги за последнюю сессию	Всего по ЮФУ
Да	68,1	67,6	52,1	46,2	61,9
Нет	9,2	11,8	14,7	9,2	11,6
Затрудняюсь ответить	22,7	20,6	33,1	44,6	26,5

Кроме того, студенты-отличники чаще других полностью уверены возможностью трудоустроиться по специальности (41,2 %), «хорошисты», «троечники» и «задолжники» скорее уверены (29,4 %, 41,8 %, 38 % соответственно) или считают, что такая вероятность существует в пропорции 50/50 («хорошисты» – 21,9 %, «троечники» – 23,3 %, «задолжники» – 24,6%) (табл. 5)

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы уверены, что при желании найдете работу по специальности после окончания вуза?» в зависимости от успеваемости, %

Table 5 – Distribution of answers to the question: "How confident are you that, if you wish, you will find a job in your specialty after graduation?" depending on academic performance, %

Варианты ответа	Отлично, на 5-ки	Хорошо, на 4-5	Удовлетворительно, на 3 и 4	Имею долги за последнюю сессию	Всего по ЮФУ
Полностью уверен	41,2	27,1	25,2	18,5	28,3
Скорее уверен	29,4	41,8	38	40	38,4
И да, и нет	15,1	21,9	23,3	24,6	21,3
Скорее не уверен	10,1	7,2	8	9,2	8
Полностью не уверен	4,2	2	5,5	7,7	3,9

Интересен тот факт, что студенты-отличники чаще других категорий обучающихся имеют постоянную работу (35,3 %) или подрабатывают на временных работах (21,8 %). При этом молодые люди, имеющие долги за последнюю сессию, пока не совмещают трудовую и учебную деятельность, но планируют это делать в дальнейшем (44,6 %). Только 2,5% обучающихся на «отлично» отмечают, что работа им мешала, поэтому пришлось сделать выбор в пользу учебы. Почти каждый четвертый студент отмечает, что во время учебы не планирует работать (23,3 %) (табл. 6).

Анализируя причины совмещения образовательной и трудовой деятельности в период обучения в высшей школе, мы зафиксировали, что для студентов с высоким уровнем успеваемости, чаще, чем для других категорий опрошенных, работа – возможность удачно трудоустроиться и обеспечить карьерный рост. Так считают 26,9 % отличников и только 6,3 % студентов, имеющих долги за последнюю сессию. Для данной категорией обучающихся работа – это скорее способ дополнительного заработка (56,3 %). Студенты-отличники рассматривают так трудовую деятельность в период обучения в вузе в 38,9 % случаев. Интересен тот факт, обучающиеся, имеющие задолженности, чаще склонны рассматривать трудовую деятельность как фактор формирования социального капитала (25 %), чем другие категории обучающейся молодежи (табл. 7).

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос: «Совмещаете ли Вы учебу с работой?» в зависимости от успеваемости, %

Table 6 – Distribution of answers to the question: "Do you combine study with work?" depending on academic performance?, %

Варианты ответа	Отлично, на 5-ки	Хорошо, на 4–5	Удовлетворительно, на 3 и 4	Имею долги за последнюю сессию	Всего по ЮФУ
Совмещаю постоянно, состою в штате организации	35,3	14,1	16,6	15,4	18,6
Подрабатываю на временных работах	21,8	16,3	22,1	18,5	19,1
Пока не совмещаю, но собираюсь устраиваться на работу	23,5	34,3	28,2	44,6	32,2
Совмещал, но пришлось сделать выбор в пользу учебы	2,5	7,8	9,2	4,6	6,8
Не совмещаю и не собираюсь этого делать – только учусь	16,8	27,5	23,9	16,9	23,3

Таблица 7 – Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы совмещаете работу с учебой?» в зависимости от успеваемости, %

Table 7 – Distribution of answers to the question: "Why do you combine work with study?" depending on academic performance, %

Варианты ответа	Отлично, на 5-ки	Хорошо, на 4–5	Удовлетворительно, на 3 и 4	Имею долги за последнюю сессию	Всего по ЮФУ
Работа дает возможность удачно трудоустроиться и обеспечить карьерный рост	26,9	23,8	13,3	6,3	20,3
Работа – это, прежде всего, способ дополнительного заработка	38,9	40,6	51	56,3	44,1
Работа позволяет понять, какие навыки и компетенции наиболее востребованы	16,7	15,6	16,3	9,4	15,6
Работа позволяет завязать нужные контакты и социальные связи	16,7	16,3	17,3	25	17,6

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили зафиксировать две группы характеристик, присущих обучающимся с разным уровнем успеваемости.

Первая группа характеристик соответствует студентам, успешно осваивающим образовательную программу. Эти обучающиеся больше других ориентированы на получение углубленных знаний по выбранной специальности; имеют более выраженную направленность на занятие научно-исследовательской деятельностью в период обучения в вузе; стремятся к развитию практических профессиональных навыков через дополнительные инструменты, в том числе совмещение трудовой и образовательной деятельности; имеют более уверенную позицию, чем другие категории студентов, по вопросу трудоустройства по специальности и собственной востребованности на рынке труда.

Вторая группа характеристик присуща студентам, имеющим более низкие показатели освоения образовательной программы в период обучения в вузе. Эти обучающиеся ориентированы на получение социальных навыков, необходимых в повседневной жизни, на общение со сверстниками;

их позиция по вопросам будущего профессионального развития более размыта нежели у обучающихся с высоким уровнем успеваемости, а совмещение трудовой и учебной деятельности рассматривается данной категорией студентов скорее как дополнительный заработок или возможность формирования социального капитала, нежели формирование профессиональных компетенций для будущей работы по специальности.

Список источников

1. Лагусева Н. Н. Трансформация системы высшего образования в России: прогнозы, модели, тенденции // Вестник РМАТ. 2022. № 3. С. 17–22.
2. Семенов Е. В., Соколов Д. В. Цифровизация высшего образования: возможности и риски // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 4. Ч. 1. С. 137–153.
3. Ветренко Е. А., Гурниковский А. И., Гурниковская Р. Ю., Катков Д. С., Клименкова М. С., Семенович И. Н. Об индивидуальных образовательных траекториях студентов, формируемых на уровне высшего профессионального образования // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 11-2. С. 153–164.
4. Климова Т. А., Ким А. Т., Отт М. А. Индивидуальные образовательные траектории студентов как условие качественного университетского образования // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. С. 23–33.
5. Фурсова В. В. Качество образования как фактор повышения конкурентоспособности университетского образования: зарубежный опыт и российские реалии // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 234–238.
6. Стриелковски В., Киселева Л. С., Попова Е. Н. Детерминанты качества университетского образования: мнение студентов // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 2. С. 220–236.
7. Бонюшко Н. А., Семченко А. А. Сравнительный анализ моделей систем качества, применяемых в вузах России // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2014. № 3 (129). С. 31–35.
8. Сандлер Д. Г., Сущенко А. Д., Кузнецов П. Д., Печенкина Т. Е. Трудоустройство выпускников и его связь с качеством высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3. С. 73–85. DOI: 10.15826/umpra.2018.03.028.
9. Мальцев Д. В., Репецкий Д. С. Удовлетворённость обучающихся качеством образовательных услуг технического университета // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5. С. 45–52. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-5-45-52.
10. Рожкова К. В., Рощин С. Ю., Солнцев С. А., Травкин П. В. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161–190. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-161-190.
11. Dicker R., Garcia M., Kelly A.F., Mulrooney H.M. What does 'quality' in higher education mean? Perceptions of staff, students and employers. *Studies in Higher Education*. 2019. № 44. P. 1425–1441. DOI: 10.1080/03075079.2018.1445987.

References

1. Laguseva N. N. Transformation of the Higher Education System in Russia: Forecasts, Models, Trends. *Bulletin of the Russian Academic Youth Union*. 2022;(3): 17–22. (In Russ.)
2. Semenov E. V., Sokolov D. V. Digitalization of Higher Education: Opportunities and Risks. *Ideas and Ideals*. 2022;(4):137–153. (In Russ.)
3. Vetrenko E. A., Gurnikovskiy A. I., Gurnikovskaya R. Yu., Katkov D. S., Klimenkova M. S., Semenov I. N. On Individual Educational Trajectories of Students Formed at the Level of Higher Professional Education. *Education Management: Theory and Practice*. 2023;11-2:153–164. (In Russ.)
4. Klimova T. A., Kim A. T., Ott M. A. Individual educational trajectories of students as a condition for high-quality university education. *University management: practice and analysis*. 2023;(27):23–33. (In Russ.)
5. Fursova V. V. Quality of education as a factor in increasing the competitiveness of university education: foreign experience and Russian realities. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2015;(1):234–238. (In Russ.)

6. Strielkowski V., Kiseleva L. S., Popova E. N. Determinants of the quality of university education: students' opinion. *Integration of education*. 2018;(2):220–236. (In Russ.)
7. Bonyushko N. A., Semchenko A. A. Comparative analysis of quality system models used in Russian universities. *Omsk Scientific Bulletin. Series «Society. History. Modernity»*. 2014;3(129):31–35. (In Russ.)
8. Sandler D. G., Sushchenko A. D., Kuznetsov P. D., Pechenkina T. E. Employment of graduates and its connection with the quality of higher education. *University management: practice and analysis*. 2018;(3):73–85. (In Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2018.03.028.
9. Maltsev D. V., Repetsky D. S. Satisfaction of students with the quality of educational services of a technical university. *Higher education in Russia*. 2020;(5):45–52. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-5-45-52.
10. Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Solntsev S. A., Travkin P. V. Differentiation of the Quality of Higher Education and Salaries of Graduates in Russia. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. 2023;(1):161–190. (In Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2023-1-161-190.
11. Dicker R., Garcia M., Kelly A. F., Mulrooney H. M. What does 'quality' in higher education mean? Perceptions of staff, students and employers. *Studies in Higher Education*. 2019;(44):1425–1441. DOI: 10.1080/03075079.2018.1445987.

Информация об авторах

Я. В. Артамонова – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Институт социологии и регионоведения ЮФУ.

С. А. Дюжиков – доктор социологических наук, заведующий кафедрой прикладной конфликтологии и медиации, Институт социологии и регионоведения ЮФУ.

А. Э. Пилипенко – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной конфликтологии и медиации, Институт социологии и регионоведения ЮФУ.

Information about the authors

Ya. V. Artamonova – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

S. A. Dyuzhikov – Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

A. E. Pilipenko – Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 23.08.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 23.08.2024.

Научная статья
УДК 316+32.019.5
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-226-235>

EDN SZBOZG

Социальные сети как инструмент формирования доверия к власти в клиентоцентричной модели государства

Алексей Викторович Баранов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, baranov-av@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проводимые с целью выявления мнения государственных и муниципальных служащих воссоединенных регионов о внедрении клиентоцентричного подхода в официальное коммуникативное пространство социальных сетей. Гипотеза автора заключается в том, что клиентоцентричный подход в процессе взаимодействия представителей органов власти и граждан способствует не только формированию открытого, честного и прямого диалога между властью и обществом, но и формированию доверия населения по отношению к представителям органов власти и власти по отношению к гражданам. В связи с этим была сделана попытка выявления факторов, негативно воздействующих на клиентоцентричность коммуникации и разрушающих обоюдное доверие.

Ключевые слова: клиентоцентричность, доверие к власти, доверие к населению, эффективная коммуникация, социальные сети

Для цитирования: Баранов А. В. Социальные сети как инструмент формирования доверия к власти в клиентоцентричной модели государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 226–235. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-226-235>. EDN SZBOZG

Sociology Problems

Original article

Social networks as a tool for building trust in government in a client-centered model of the state

Alexey V. Baranov

South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, baranov-av@ranepa.ru

Abstract. The article presents the results of a study conducted to identify the opinions of state and municipal employees of the reunified regions on the introduction of a client-centered approach into the official communication space of social networks. The author's hypothesis is that a client-centered approach in the process of interaction between government representatives and citizens contributes not only to the formation of an open, honest and direct dialogue between the government and society, but also to the formation of public confidence in government representatives and authorities in relation to citizens. In this regard, an attempt was made to identify factors that negatively affect the client-centricity of communication and destroy mutual trust.

Keywords: client-centricity, trust in government, trust in the public, effective communication, social networks

For citation: Baranov A. V. Social networks as a tool for building trust in government in a client-centered model of the state. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):226–235. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-226-235>. EDN SZBOZG

Актуальность проблематики

Формирование доверия к власти со стороны населения и формирование доверия к населению со стороны властных структур представляют собой сложные и взаимообусловленные процессы.

Традиционные и нетрадиционные средства массовой информации и средства массовой коммуникации (СМИ и СМК), включающие радио, телевидение, а также официальные и неофициальные порталы, сайты, блоги, каналы и страницы в социальных сетях давно стали первыми источниками, снабжающими население необходимой информацией и определяющими взаимоотношения между структурами власти и населением [1–3].

Особенностью процесса установления и укрепления доверия между государством и обществом заключается в том, что субъекты коммуникации: представители власти и граждане, общаются опосредованно. Обычные люди чаще всего лично не знают чиновников и представителей публичной власти. И несмотря на открытость и некоторую демонстративность государственного управления граждане вынуждены доверять власти, полагаясь на доступную, специально подготовленную информацию, размещенную в интернет-контентах.

Открытость коммуникации органов власти в социальных сетях соответствует концепции клиентоцентричного государства¹. Для современного Российского государства значим неформальный подход к проблемам населения [4–5]. Отсутствие формализма предполагает видение того, что заботит граждан. Для проактивного осуществления государственных услуг и для постоянного обновления инструментов и механизмов государственной помощи и поддержки важен открытый и честный диалог власти с населением. В этой связи социальные сети, предполагающие опосредованность общения, возможность преодолевать пространственно-временные барьеры и при этом общаться в режиме живой сиюминутной беседы, является идеальным коммуникационным каналом, наличие которого гарантирует собеседникам правильное восприятие друг друга.

Социальные сети становятся коммуникационным каналом, в котором органы власти и отдельные граждане (или организации) выступают в качестве оппонентов. Коммуникация власти и населения может по-разному складываться и развиваться, может возникать достаточное количество коммуникативных барьеров, связанных с организационными, операционными, психологическими и другими аспектами, мешающими оппонентам правильно понимать друг друга. Однако, грамотное и корректное общение способствует удовлетворенности пользователей и сотрудников органов власти и формирует обоюдное доверие.

Анализ степени разработки проблемы

Вопросы доверия к власти со стороны населения и доверия к населению со стороны властных структур для представителей Президентской Академии приоритетны и естественны. Логично, что тема доверия превалирует в нашей исследовательской деятельности [6–8].

Доверие к власти рассматривается как инструмент стратегического управления [9]; как составляющая властных ветвей, наделенных конкретным функционалом [10]; как часть национальной идентичности русского народа [11]; как индикатор возникающих между государством и населением проблем [12].

В отдельное направление в проблематике доверия к власти объединяются исследования, посвященные оценке и анализу индикаторов, методов, технологий измерения *уровня* доверия (подробнее см. работы Н.А. Ильиной, Е.С. Куквы, И.В. Киреевой [13]; П.Е. Красавина [14]; А.С. Финогеновой [15]). Уровень доверия к власти становится передовым показателем эффективности работы властных структур и отдельных служащих, а от верифицированности его измерения зависят судьбы людей и комфорт граждан.

Государственные гражданские и муниципальные служащие в соответствии с законодательством Российской Федерации должны представлять деятельность органов власти в социальных сетях². Ведение и продвижение официальных аккаунтов органов власти становится не просто новой обязанностью государственных и муниципальных служащих³, эффективность интернет-коммуникации выступает новым инструментом укрепления и поддержки доверия к власти со стороны населения.

¹ Стандарт «Государство для людей»

https://www.economy.gov.ru/material/file/00db16ac60dcff6084d1bcf2e611703e/standart_gosudarstvo_dlya_lyudey.

² Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»

³ Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2022 Г. N 2523-Р

Взаимообусловленность цифровизации и доверия к власти логичны и объяснимы. Обратим внимание, что ведение официальных аккаунтов, а также непосредственное выстраивание конструктивного диалога с населением является относительно новой и очень сложно выполнимой обязанностью современных государственных и муниципальных служащих.

К факторам, осложняющим реализацию аккаунтов власти в социальных сетях, могут относиться следующие аспекты:

1) необходимость постоянного повышения уровня цифровой, информационной, юридической грамотности служащих, в новые обязанности которых входит ведение официального аккаунта;

2) повышенная ответственность публичной коммуникации в социальных сетях: любой комментарий или ответ представителей властных структур должен удовлетворять оппонента, в противном случае может возникать определенное количество негативных реакций, недопонимания, снижение уровня удовлетворённости граждан качеством общения с властью и снижением уровня доверия со стороны населения;

3) необходимость вовлечения пользователей в активную онлайн коммуникацию: государственные и муниципальные служащие должны озадачиваться тем, чтобы как можно больше граждан интересовались официальными аккаунтами органа власти, это значимо для получения актуальной обратной связи;

4) необходимость соответствовать передовым представлениям пользователей о современных, профессиональных аккаунтах: важно, чтобы аккаунт органа власти не выглядел как формально представленная страница с информацией о профессиональной деятельности, важно, чтобы знающие пользователи видели качество предлагаемого контента;

5) необходимость ведения перспективного диалога: важно, чтобы сотрудники, ведущие аккаунт и отвечающие на вопросы пользователей, умели корректно, просто и своевременно ответить на любой вопрос пользователя.

Методика исследования и характеристика респондентов

Респондентами проведенного нами исследования выступили государственные и муниципальные служащие воссоединенных регионов Российской Федерации (235 чел.). Были проведены проблемные дискуссии и экспресс-опрос, с целью получения обратной связи об уровне клиентоцентричности в социальных сетях, о барьерах, возникающих в процессе взаимодействия представителей органов власти с активными пользователями, а также о мерах, которые позволят увеличить эффективность коммуникации и повысить уровень обоюдного доверия в социальных сетях.

Важно, что в исследовании приняли участие государственные и муниципальные служащие, в рамках профессиональных обязанностей взаимодействующие с гражданами в социальных сетях. Эти сотрудники заинтересованы в том, чтобы официальные аккаунты органов власти были востребованы пользователями. Поэтому, спектр вопросов, поднимаемых в процессе проблемной дискуссии, был разнообразен и широк:

- какого рода информация должна и может размещаться в социальных сетях;
- как сделать официальный аккаунт более привлекательным и более полезным для пользователей сети;
- каким образом грамотно налаживать коммуникацию с гражданами;
- как реагировать на провокации, некорректные вопросы или комментарии пользователей;
- что такое клиентоцентричная коммуникация, и как повысить ее эффективность;
- почему процент неудовлетворённости граждан качеством взаимодействия с органами власти в социальных сетях колеблется;
- как сформировать более доверительный, открытый и честный диалог между властью и обществом;
- как проще, но информативнее делиться данными и сведениями, необходимыми для помощи населению;
- как верно и вовремя интерпретировать негативную обратную связь;
- как быть с положительной обратной связью, посредством чего мотивировать пользователей быть более активными и вовлеченными в процессы взаимодействия.

Перечисленные вопросы охватывают небольшой спектр факторов, которые способствуют установлению обоюдного доверия между представителями властных структур и гражданами, взаимодействующими с ними в социальных сетях.

В рамках одной статьи сложно обсудить все наблюдаемые тенденции, остановимся на тех, которые связаны с формированием и поддержанием открытого диалога и доверия между оппонентами.

Из всего дискуссионного спектра в процессе качественной выборки были утверждены несколько вопросов, прямо или косвенно устанавливающих связь между клиентоцентричным общением и уровнем доверия к власти:

- 1) Что в процессе коммуникации в социальных сетях не способствует удовлетворенности пользователя?
- 2) Что в процессе коммуникации в социальных сетях не способствует удовлетворённости государственного или муниципального служащего, ведущего официальный аккаунт?
- 3) Как вы оцениваете уровень доверия к власти со стороны населения (опираясь на опыт общения с гражданами в социальных сетях)?
- 4) Как вы оцениваете уровень доверия к населению со стороны власти?

Результаты исследования

В процессе проблемных дискуссий, проводимых с респондентами до реализации опроса, была выстроена вполне прозрачная логика, заключающаяся в следующем: граждане, пользователи социальных сетей, читают официальные аккаунты, так как заинтересованы в деятельности конкретного органа власти. Однако такая заинтересованность должна стимулироваться и поддерживаться сотрудниками, создающими официальный контент. Прежде всего, поддержание активности граждан и их вовлеченность создается за счет быстрых, точных, простых и понятных ответов (реакций, реплик, комментариев) представителей органов власти, за которыми следуют реальные решения конкретных проблем. Для граждан самое важное – видеть постоянную и неформальную обратную связь и действительную помощь со стороны властных структур. Важен сам факт, что их обращения видят, комментарии читают, на вопросы даются ответы, а информирование и предложение тематического контента структурируется на основе пользовательских запросов, интересов и проблем. Особо значимо, что это не просто дискуссия. За диалогом следуют управленческие решения, ведущие к разрешению проблемных жизненных ситуаций.

Поддержание не формальной, а реальной эффективной обратной связи ведет к удовлетворённости пользователя. Подписчик уверен, что на любой его вопрос ответят конструктивно, своевременно, корректно, а главное продуктивно. То есть все, что ему информационно предоставит представитель органа власти, он сможет понять и применить для решения собственной проблемы.

Однако все участники проблемных дискуссий согласились, что удовлетворенность пользователей в социальных сетях очень нестабильна. Всегда есть подписчики, которые чем-то недовольны: хотят большего или не понимают предложенного.

На первый вопрос «Что в процессе коммуникации в социальных сетях не способствует удовлетворённости пользователя?» были получены следующие ответы (рис. 1).

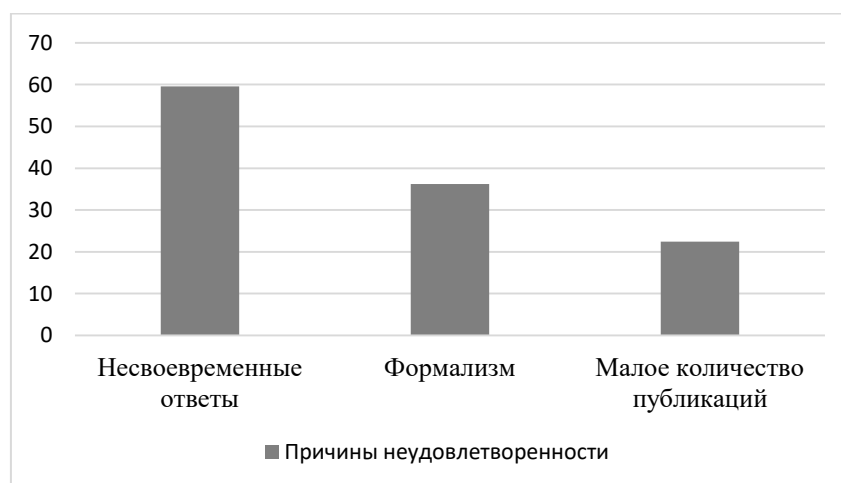

Рис. 1. Результаты ответа на вопрос «Что в процессе коммуникации в социальных сетях не способствует удовлетворённости пользователя?»

Fig. 1. The results of the answer to the question "What in the process of communication in social networks does not contribute to user satisfaction?"

Итак, 59,6 % опрошенных выбрали следующее суждение: «Несвоевременные ответы со стороны органов власти. Отсутствие возможности быстро и эффективно решить проблемы».

Важно, что сами государственные и муниципальные служащие в своем большинстве признают недостаточность обратной связи со стороны органа власти. Это объективный критерий, подтверждаемый ответственными за него сотрудниками. Значимо, что респондентами подтверждается малая активность со стороны представителей органов власти. Не своевременность ответов ведет к потере их актуальности, что не способствует решению проблемы, с которой обращается гражданин, и снижает уровень его удовлетворённости самим процессом взаимодействия с властью. На сегодняшний день данный барьер – «слепое пятно», недостаточное проработанное место в процессе коммуникации органов власти с населением.

Вторая по численности группа респондентов (36,2%) отметили следующий барьер: «Формализм и слишком сухо, официально поданная информация». Мы считаем положительной тенденцией критичное отношение государственных и муниципальных служащих к качеству собственной речи. Безусловно значимым является то, что они признают необходимость менять формат и стиль дискурса, создающегося в социальных сетях. Проблема архаичной, формально-официальной речи чиновников давно обсуждается в обществе, делаются многочисленные попытки «облегчить и упростить» речь представителей органов власти. Однако, признаем, что сделать это не легко по нескольким причинам.

1) Клишированности и официальности речи в устной форме способствует стандартизованная и унифицированная письменная форма. Нормативно-правовая документация, в целом, весь документооборот может служить примером того, как должна выглядеть официальная речь.

2) Существует традиционный язык власти, управления, госслужбы, к которому привыкли и сами чиновники, и гражданское общество. Служащие без опыта первым делом учатся официальному стилю и административно-политическому дискурсу, то есть языку чиновников, политиков, языку власти.

Однако тенденции современной коммуникации [16] свидетельствуют о том, что люди не понимают такого языка. Клиентоцентризм предполагает, прежде всего, взаимодействие между обществом и властью на понятном людям языке. Не граждане должны обучаться официальному языку, а представители властных структур должны уметь так адаптировать административно-политический дискурс, чтобы он перестал быть сухим, бюрократичным и недоступным для понимания. При этом значимо «не свалиться» к разговорному, бытовому общению.

Наименьший процент респондентов (всего 2%) на первый вопрос ответили: «Недостаточное количество публикаций».

На второй вопрос «Что в процессе коммуникации в социальных сетях не способствует удовлетворённости государственного или муниципального служащего, ведущего официальный аккаунт?» респонденты ответили следующим образом (рис. 2).

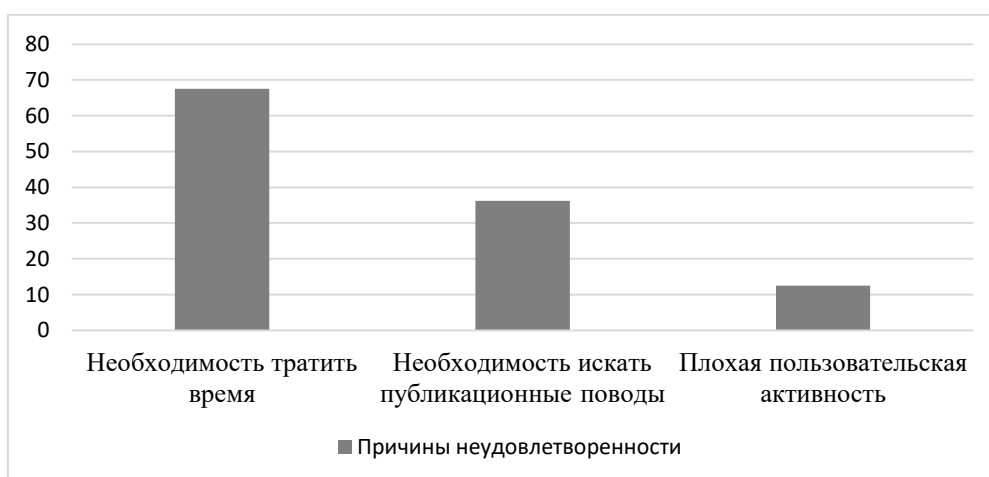

Рис. 2. Ответ на вопрос «Что в процессе коммуникации в социальных сетях не способствует удовлетворённости государственного или муниципального служащего, ведущего официальный аккаунт?»

Fig. 2. The answer to the question "What in the process of communication on social networks does not contribute to the satisfaction of a state or municipal employee who maintains an official account?"

Самый большой процент опрошенных (67,5%) основной причиной собственной неудовлетворенности считают «необходимость уделять дополнительное время на ведение официальных аккаунтов». Отметим, что такая закономерность вполне объяснима. Ведение аккаунта – относительно новая должностная обязанность. Ведение не формального, а клиентоцентричного аккаунта, то есть постоянная работа с аудиторией – задача нового формата. Государственные и муниципальные служащие сложно входят в условия трансформации цифрового общения. Цифровое взаимодействие воспринимается как дополнительный и не всегда нужный функционал, за которым не следует дополнительная мотивация (ни материальная, ни какая-либо другая). И, конечно, в большинстве властных структур нет отдельных сотрудников, в чьи обязанности входило бы исключение ведение социальных сетей, это всегда некая «надстройка» к основной профессиональной деятельности.

Меньший процент опрошенных (20 %) считают, что их личная удовлетворенность снижается из-за «необходимости искать поводы для публикаций». Данный критерий также связан с потерей времени и с периодическим отсутствием официальных новостей и надобностью «высасывать из пальца» информационные стимулы.

Наименьший процент респондентов (12 %) в качестве причины собственной неудовлетворенности называет слабую пользовательскую активность. Это свидетельствует о том, что аудитория не вовлечена в диалог с представителями органов власти.

Результаты ответа на третий вопрос «Как вы оцениваете уровень доверия к власти со стороны населения (опираясь на опыт общения с гражданами в социальных сетях)?» визуализированы на рис. 3.

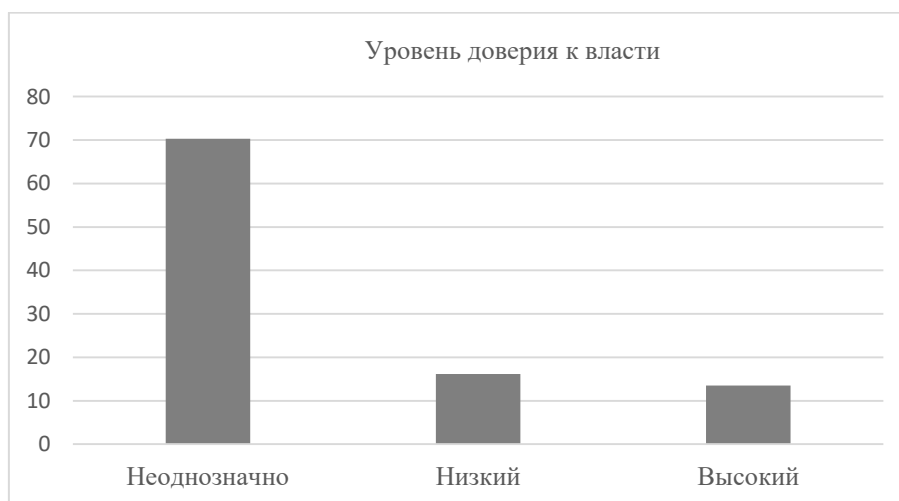

Рис. 3. Ответы на вопрос «Как вы оцениваете уровень доверия к власти со стороны населения (опираясь на опыт общения с гражданами в социальных сетях)?»

Fig. 3. The answers to the question "How do you assess the level of trust in the government on the part of the population (based on the experience of communicating with citizens on social networks)?"

На вопрос «Как вы оцениваете уровень доверия к власти со стороны населения (опираясь на опыт общения с гражданами в социальных сетях)?» значимая часть респондентов (70,3 %) заметили: «Нельзя однозначно оценить уровень доверия к власти со стороны населения. Кто-то благодарен за консультативную помощь, информацию и поддержку. Кто-то ведет себя менее адекватно, высказывает перманентное недовольство». Во время проблемных дискуссий государственные и муниципальные служащие признавались, что многие пользователи общаются не совсем корректно.

Важно, что 16,2 % опрошенных предполагают: «Уровень доверия к органу власти в социальных сетях, в целом, можно оценить как низкий. Граждане не демонстрируют открытости, активности или желания взаимодействовать. Если пользователи публикуют комментарии или предложения, они всегда имеют форму претензии или провокации. Складывается впечатление, что целью большинства активных пользователей является фиксация недостатков, недоработок органа власти». Обратим внимание, что такой ответ не только подтверждает отсутствие доверия к органу власти со стороны граждан, но и об отсутствии доверия самих служащих по отношению к активным пользователям социальных сетей. Значимо, что взаимное недоверие, неуважение, предвзятое отношение, стереотипы обоюдно работают и со стороны органа власти, и со стороны граждан.

Однако близкий к предыдущему показателю процент респондентов (13,5 %) имеет резко противоположное мнение: «Граждане доверяют органу власти, с представителями которого взаимодействуют, и власти в целом. Они не стесняются задавать вопросы, формулировать предложения, делать комментарии. Большинство пользователей активны и готовы к взаимодействию». Такая тенденция – показатель клиентоцентричной коммуникации.

Последний вопрос «Как вы оцениваете уровень доверия к населению со стороны власти?» с одной стороны, являлся прямым и открытым. Респонденты могут отвечать на него без особых затруднений, так как это их объективно-профессиональное мнение. Однако разрозненность оценок, признание формализма и демонстративности в общении говорят о том, что во властных структурах процесс налаживания доверия к населению не менее сложен и многофакторен (рис. 4).

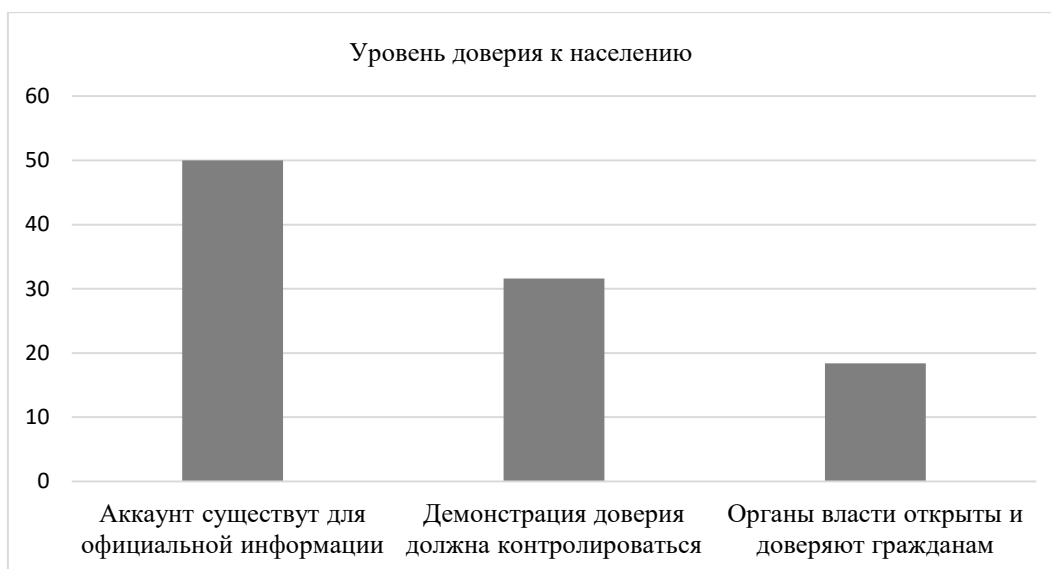

Рис. 4. Ответ на вопрос «Как вы оцениваете уровень доверия к населению со стороны власти?»

Fig. 4. The answer to the question "How do you assess the level of trust in the population on the part of the authorities?"

Половина опрошенных (50 %) считают: «Аккаунт органа власти ведется для предоставление официальной информации. Новости и публикации направлены на формирование положительного имиджа органа власти и его представителей. Все цели сотрудников, ведущих официальные аккаунты должны быть направлены на формирование положительного образа органа власти». Можно предположить, что подобный ответ демонстрирует низкий уровень доверия к обществу со стороны органов власти. Государственные и муниципальные служащие убеждены в том, что в прерогативе положительный имидж органа власти, но не открытость и возможность совместно с населением обсуждать насущные проблемы.

Отметим, что 31,6 % респондентов ответили: «Демонстрация доверия к гражданам со стороны органа власти должна контролироваться. Нет смысла открыто и полностью показывать все процессы. Граждане могут не верно оценить ситуацию, неправильно интерпретировать деятельность властных структур. Важно и нужно в социальных сетях дозированно и выборочно предоставлять информацию населению». Подобный ответ также не демонстрирует доверия со стороны власти.

И наименьший процент опрошенных (18,4 %) считают: «Информация, публикуемая в официальных аккаунтах полноценна и проверена. Органы власти доверяют населению и публикуют не только положительные факты, вызывающие оптимистичную реакцию, но и обращают внимание на проблемные вопросы, которые важно решать совместно с населением». Пока можно констатировать факт, что менее 20 % респондентов организуют и поддерживают открытый диалог с представителями общества, не бояться обсуждать общие проблемы, готовы взаимодействовать «на равных», не замалчивая негативную информацию и не приукрашивая положительные факты.

Выводы

1. Публичность власти в социальных сетях явление относительно новое и находится в стадии своего становления. Государственные и муниципальные служащие, ведущие аккаунты в социальных сетях, без большого энтузиазма относятся к своим обязанностям и не до конца осознают, в чем именно заключается их функция.

2. Особо проблематичным в процессе взаимодействия становится налаживание клиентоцентричной коммуникации, в которой каждый из присутствующих оппонентов уважает другого и открыт к честному диалогу. Сложности возникают с обеих сторон. В этой связи действенным и остро своевременным является реализация дополнительного профессионального образования сотрудников властных структур. К примеру, Южно-Российским институтом управления – филиалом РАНХиГС реализуется дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Эффективная коммуникация власти в социальных сетях». Она направлена на формирование и совершенствование профессиональных компетенций в сфере построения цифровых коммуникаций с жителями территорий, формирования имиджа органов публичной власти и бюджетных учреждений в цифровом медиaprостранстве. Особо важным, на наш взгляд, является то, что слушателями данной образовательной программы выступают сотрудники пресс-служб органов публичной власти, подведомственных учреждений и сотрудники профильных подразделений органов публичной власти воссоединенных регионов Российской Федерации.

3. К коммуникационным барьерам, разрушающим клиентоцентричность в общении, сами государственные и муниципальные служащие относят: отсутствие времени и, соответственно, несвоевременные и неактуальные для пользователей ответы, наличие формализма и излишней официальности во взаимодействии, мешающие населению понять представителей органа власти, а также недостаточную активность пользователей и проявление перманентной агрессии.

4. Уровень доверия к власти со стороны населения и к населению со стороны власти оценивается неоднозначно. Доверие представляется динамичным и постоянно изменчивым критерием, который по-разному проявляется по отношению к разным властным структурам и органам, а может зависеть и от личных качеств сотрудников и граждан, взаимодействующих в социальных сетях.

Можно с уверенностью утверждать, что тема доверия к власти остается значимой и актуальной. Она требует не только исследовательского внимания, но и практических исследований, ведущих к конкретным рекомендациям оппонентом обеих сторон.

Список источников

1. Егорова Л. Г. Роль региональных СМИ в становлении гражданского общества (на примере информационного сопровождения проектов инициативного бюджетирования) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 185–194.

2. Кузина С. И., Веренич И. Г. Терроризм и СМИ / В книге: Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности. Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, 2022. С. 239-240.

3. Balakina J. STATE, MEDIA, PEOPLE DURING COVID-19 PANDEMIC // Communications. Media. Design. 2023. Т. 8. № 1. С. 24–39.

4. Ляликов А. А. Развитие теоретико-методологических подходов государственного управления: от «железной клетки» бюрократии до цифрового управления и клиентоцентричности // Управленческое консультирование. 2023. № 11 (179). С. 149-160.

5. Касымова К. А. Клиентоцентричность как основа трансформации управления в органах государственной власти / В сборнике: Актуальные вопросы экономики и управления в условиях цифровизации. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 105-летию Финансового университета. Смоленск, 2023. С. 145-148.

6. Баранов А. В., Котлярова О. В. Особенности формирования доверия к власти в эпоху цифровых трансформаций (региональная практика Ростовской области) // Государство и граждане в электронной среде. 2022. № 6. С. 53–61.

7. Баранов А. В., Котлярова О. В., Шлеверда И. Н. «МФЦ – общественные приемные органов власти и организаций»: региональная практика управления доверием к власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 11–17. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-11-17>

8. Головина А. А., Котлярова О. В., Баранов А. В. Доверие к власти как основное условие изменения взаимоотношений между государством и обществом / В сборнике: Управление и общество: изменение модели взаимодействия в современных условиях. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. Администрация Тамбовской области; Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 2022. С. 13–17.

9. Отвагина И. Е., Корнюшина Е. Ю. Разработка и реализация цифровой информационно-коммуникационной стратегии региона, направленной на повышения уровня доверия к власти // Экономика и предпринимательство. 2021. № 3 (128). С. 371–376.

10. Ронжина Н. А., Малыгина К. Д., Борисов Г. В. Роль Конституционного суда в обеспечении доверия хозяйствующих субъектов к действиям публичной власти // Chronos. 2022. Т. 7. № 10 (72). С. 115–119.

11. Попова О.В. Региональная идентичность населения в контексте реализации политики управления доверием к политической власти в современной РФ / В книге: Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. Материалы IX Всероссийского конгресса политологов. 2021. С. 402–403.

12. Файзов С. А. Доверие как индикатор проблем взаимодействия органов исполнительной власти и общества в современных государствах // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 6 (57). С. 642–647.

13. Ильинова Н. А., Куква Е. С., Киреева И. В. Экспертная оценка уровня доверия к власти в республике Адыгея и Краснодарском крае и технологии его укрепления // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 1 (294). С. 79–92.

14. Красавин П. Е. Динамика уровня доверия к государственным институтам власти в России (на примере Рязанской области) / В сборнике: Стратегия опережающего развития. Сборник статей VI Международной школы молодых ученых в сфере экономики на Юге России. 2019. С. 45–48.

15. Финогенова А. С. Пути повышения уровня доверия граждан муниципальной власти // Вестник Белого генерала. 2021. № 6. С. 44–52.

16. Котлярова О. В. Динамика лексико-грамматической парадигмы административно-политического дискурса // Вопросы филологии. 2017. № 4 (60). С. 21–24.

References

1. Egorova L. G. The role of regional media in the formation of civil society (on the example of information support for initiative budgeting projects). *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. 2021;7(№ 2):185–194. (In Russ.)

2. Kuzina S. I., Verenich I. G. Terrorism and the media. In: *Political challenges and political dialogue in the context of global turbulence. Materials of the All-Russian RAPN Conference with international participation*. Moscow; 2022:239–240. (In Russ.)

3. Balakina J. State, media, people during COVID-19 pandemic. *Communications. Media. Design*. 2023;8(1):24–39. (In Russ.)

4. Lyalikov A. A. Development of theoretical and methodological approaches to public administration: from the "iron cage" of bureaucracy to digital management and client-centricity. *Managerial consulting*. 2023;11(179):149–160. (In Russ.)

5. Kasymova K. A. Client-centricity as the basis for the transformation of management in public authorities. In: *Current issues of economics and management in the context of digitalization. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 105th anniversary of the Financial University*. Smolensk; 2023:145–148. (In Russ.)

6. Baranov A. V., Kotlyarova O. V. Features of the formation of trust in government in the era of digital transformations (regional practice of the Rostov region). *State and citizens in the electronic environment*. 2022;(6):53–61. (In Russ.)

7. Baranov A. V., Kotlyarova O. V., Shleverda I. N. "MFC – public reception offices of authorities and organizations": regional tactics of trust management to the authorities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):11-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-11-17>.

8. Golovina A.A., Kotlyarova O.V., Baranov A.V. Trust in government as the main condition for changing the relationship between the state and society. In: *Management and society: changing the model of interaction in modern conditions. Materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical conference*. Administration of the Tambov Region; Tambov branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2022:13–17. (In Russ.)

9. Bravagina I. E., Korniyushina E. Yu. Development and implementation of the digital information and communication strategy of the region aimed at increasing the level of trust in the government. *Economics and entrepreneurship*. 2021;3(128):371–376. (In Russ.)
10. Ronzhina N. A., Malygina K. D., Borisov G. V. The role of the Constitutional Court in ensuring the confidence of economic entities in the actions of public authorities. *Chronos*. 2022;7(10(72)):115–119. (In Russ.)
11. Popova O. V. Regional identity of the population in the context of the implementation of the policy of managing trust in political power in the modern Russian Federation. In: *Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects. Materials of the IX All-Russian Congress of Political Scientists*. 2021:402–403. (In Russ.)
12. Fayzov S.A. Trust as an indicator of problems of interaction between executive authorities and society in modern states. *Alley of Science*. 2021;1(6(57)):642–647. (In Russ.)
13. Ilyinova N. A., Kukva E. S., Kireeva I. V. Expert assessment of the level of trust in the government in the Republic of Adygea and the Krasnodar Territory and technologies for its strengthening. *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*. 2022;1(294):79–92. (In Russ.)
14. Krasavin P. E. Dynamics of the level of trust in state institutions of power in Russia (on the example of the Ryazan region). In: *The strategy of advanced development. Collection of articles of the VI International School of Young Scientists in the field of economics in the South of Russia*; 2019:45-48. (In Russ.)
15. Finogenova A. S. Ways to increase the level of trust of citizens in municipal authorities. *The Herald of the White General*. 2021;(6):44–52. (In Russ.)
16. Kotlyarova O. V. Dynamics of the lexico-grammatical paradigm of administrative and political discourse. *Journal of Philology*. 2017;4(60):21–24. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Баранов – зам. директора ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. V. Baranov – Deputy Director of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 316.422.42+323.21
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-236-245>

EDN TKXZKK

Институциональные трансформации гражданского общества в России в период специальной военной операции

Владимир Николаевич Гурба¹, Виктория Георгиевна Громакова²

^{1, 2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹vgurba@sfedu.ru

²victoriagromakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5734-1023>

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена экзистенциальным вызовом, с которым столкнулось российское общество в связи с событиями, сопровождающими Специальную военную операцию. Широкомасштабные военные действия и беспрецедентное санкционное давление вкупе с агрессивной антироссийской пропагандой стали настоящим испытанием гражданских качеств как каждого россиянина в отдельности, так и общества в целом. Сложившаяся военно-политическая обстановка не могла не повлиять на ход трансформации институтов гражданского общества, вызванной крахом советской системы и затянувшейся по настоящее время. Оценка уровня и вектора данного влияния, перспектив и рисков стала целью данного исследования. Основываясь на данных научной литературы, социологических опросов и медиаконтента, приняв в качестве теоретико-методологической базы концептуальные положения неинституционализма и структуралистского конструктивизма, авторы проанализировали изменения социальных практик в сфере проявления гражданского общества. Результаты исследования показали, что в процессе трансформации институтов гражданского общества четко обозначились несколько положительных тенденций, связанных с ростом открытого межличностного доверия, готовности к диалогу с государственной властью и консолидации. Однако было обнаружено и несколько деструктивных тенденций, которые необходимо держать под контролем.

Ключевые слова: социальная трансформация, социальные институты, гражданское общество, институциональные изменения, институциональные ловушки, консолидация, доверие, государство, государственная власть

Для цитирования: Гурба В. Н., Громакова В. Г. Институциональные трансформации гражданского общества в России в период специальной военной операции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 236–245. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-236-245>. EDN TKXZKK

Sociology Problems

Original article

Institutional transformations of civil society in Russia during the special military operation

Vladimir N. Gurba¹, Victoria G. Gromakova²

^{1, 2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹vgurba@sfedu.ru

²victoriagromakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5734-1023>

Abstract. The relevance of this study is due to the existential challenge faced by Russian society in connection with the events accompanying the Special military operation. Large-scale military actions and unprecedented sanctions pressure, coupled with aggressive anti-Russian propaganda, have become a real test of the civic qualities of both each Russian individually and society. The current military-political situation could not but affect the course of the transformation of civil society institutions caused by the collapse of the Soviet system and prolonged to the present. The purpose of this study was to assess the level and vector of this influence,

prospects and risks. Based on the data of scientific literature, sociological surveys and media content, adopting the conceptual provisions of neo-institutionalism and structuralist constructivism as a theoretical and methodological basis, the authors analyzed changes in social practices in the field of civil society manifestation. The results of the study showed that in the process of transformation of civil society institutions, several positive trends were clearly identified, associated with the growth of open interpersonal trust, readiness for dialogue with government authorities and consolidation. However, there are also several destructive trends that need to be kept under control.

Keywords: social transformation, social institutions, civil society, institutional changes, institutional traps, consolidation, trust, state, state power

For citation: Gurba V. N., Gromakova V. G. Institutional transformations of civil society in Russia during the special military operation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):236–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-236-245>. EDN TKXZKK

Введение

Проблематика социальной трансформации стала активно обсуждаться в социологической печати с 90-х годов XX века в связи с распадом Советского Союза и переориентацией обществ, входивших ранее в социалистический блок, на социоструктурные модели западного образца.

Кризис затронул буквально все сферы жизни обществ на постсоветском пространстве, включая политическую, экономическую, культурную, социальную (на всех уровнях от социетального до интерперсонального). Не стала исключением и Россия.

За прошедшие три десятилетия российское общество почти преодолело все стадии культурной травмы по П. Штомпке [1], приблизившись к завершению трансформационного процесса. Установились относительно стабильные контуры социальных институтов, обладающих признаками дисфункциональности, но тем не менее обеспечивающих, несмотря на санкционное давление, постепенный рост уровня жизни населения [2] и тенденцию к постепенному изживанию негативного наследия трансформационного кризиса. Одновременно укреплялась позиция России и во внешней политике.

Однако такая ситуация в корне не устраивала претендующих на гегемонию США и возглавляемый ими так называемый коллективный Запад, которым была выгодна слабая во всех смыслах Россия [3].

Нарастающее геополитическое напряжение выразилось в том числе в нагнетании антироссийских и русофобских настроений среди жителей Украины, которая после инициированного США госпереворота в 2014 г. полностью утратила суверенитет, превратившись в проводника интересов гегемона, и неуклонно готовилась к вооруженному конфликту с Россией. Непрекращающийся геноцид жителей Донбасса, сопровождаемый воинственной риторикой Киева при полной поддержке коллективного Запада, а также откровенное нежелание последнего к разговору на принципах партнерства и взаимного уважения вынудило правительство РФ начать специальную военную операцию на Украине (далее – СВО) [4], что для геополитических противников России стало поводом к введению беспрецедентного количества санкций против нашей страны [5]. Так в настоящее время наше общество, еще не до конца оправившееся от последствий постсоветского кризиса, оказалось перед лицом нового экзистенциального вызова. Изменившиеся обстоятельства не могли не сказаться на состоянии социальной системы и ходе трансформационных изменений, однако вектор данного влияния еще предстоит изучению и оценке.

Тот факт, что важным фактором преодоления внешнеполитической и особенно военной угрозы является способность общества к консолидации и конструктивному взаимодействию с государством, определил цель исследования, обсуждаемого в настоящей статье.

Цель – изучить институциональные трансформации гражданского общества в России в период СВО на Украине.

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы Российской Федерации, результаты социологических опросов, материалы российских медиа, включая официальные СМИ и блогосферу.

Теоретико-методологической базой данного исследования стали неоинституционализм и структуралистский конструктивизм. Соответственно, под социальными институтами здесь понимаются комплексы норм и правил, регулирующих социальные отношения в определенных сферах жизни общества, а также соответствующие им устойчивые поведенческие паттерны. Таким образом социальные институты предстают тесно связанными с социальными практиками, посредством которых реализуются, закрепляются и видоизменяются со временем.

Состояние социально-политической сферы общества в России к началу СВО

Поскольку гражданское общество является частью социально-политической подсистемы проанализируем представленные в научной печати характеристики данной сферы жизни российского общества на этапе, непосредственно предшествовавшем началу СВО.

К началу 20-х годов текущего столетия в научных публикациях широко освещались:

- проблемы коррупции в российском обществе и клиентарно-корпоративистских структур в институтах власти [6, 7];
- кризис доверия и ослабление солидарности, ориентированность на «игры с нулевой суммой» [8];
- правовой нигилизм [9, 10, 11];
- затянувшийся трансформационный транзит [12].

В одной из наших публикаций [13] мы предприняли попытку проиллюстрировать взаимосвязь перечисленных негативных трендов. Было теоретически обосновано и посредством когнитивной карты продемонстрировано наличие усиливающего контура обратной связи, включающего такие факторы, как «эффективность легальных социальных институтов», «оппортунистическое поведение» и «институциональное доверие».

Падение эффективности институтов, вызванное попыткой реформировать их по западному образцу без учета специфики исторически сложившейся институциональной матрицы, повлекло за собой резкий рост оппортунистических практик и, как следствие, столь же резкое падение доверия к социальным институтам, еще больше снизившее их эффективность. Еще одним следствием распространения оппортунизма стало падение открытого межличностного доверия при сохранении закрытого, что привело к формированию внутри общества относительно обособленных групп, характеризующихся высокой сплоченностью, обусловленной наличием общих интересов экономического и политического характера, как правило пренебрегающих законом. Деятельность таких группировок в управленческой среде способствовала закреплению социальных отношений по типу nepотизма, клиентелизма, коррупции, круговой поруки, масштабы которых в полной мере позволяли говорить не только о дисфункциях легальных социально-политических институтов, но и о становлении теневых – противозаконных, но широко практикуемых и устойчивых моделей поведения, ставших для немалой части населения «нормальными». По механизму возникновения такие формы отношений представляют собой типичные «институциональные ловушки» [14], появление которых предопределяется глубоким социетальным кризисом.

Также в упомянутой работе обсуждались возможные пути выхода из замкнутого круга институциональных дисфункций. Предпочтительным гипотетически могло бы стать решение данной проблемы силами гражданского общества, будь оно достаточно консолидированным, организованным и способным противостоять теневым институтам. Однако приходилось признать, что на тот момент гражданское общество в России являлось крайне слабым. Поэтому единственным реалистичным представлялся механизм постепенного разрушения теневых институтов посредством усиления легального институционального контроля, инициированного и организованного сверху. И с такой точки зрения этатистские и патерналистские установки россиян выступали в качестве ресурса для преодоления кризиса, поскольку определяли готовность сплотиться вокруг сильного лидера.

Схожая точка зрения обнаруживается также в работе С. М. Иншакова и В. А. Казаковой [15], которые, анализируя пути противодействия коррупции, говорят о том, что в настоящее время «лишь руководитель государства, который по тем или иным причинам начинает воспринимать коррупцию как угрозу или препятствие в реализации своих политических планов», может с опорой на гражданское общество осуществить процесс преодоления данной проблемы. По мнению авторов обсуждаемой статьи, которое мы полностью разделяем, в России такой лидер сегодня есть. Однако до недавнего времени недоставало второго субъекта, необходимого для успешной борьбы с теневыми институтами – гражданского общества. Вероятно, это понимал и президент В. В. Путин, создавая Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в 2004 г.¹, и это же имел в виду, когда во время прямой линии в 2013 г. на вопрос журналиста В. Н. Боронца о привлечении

¹ Указ Президента Российской Федерации «Указ о Совете по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека» от 6 ноября 2004 года № 1417. Указом Президента РФ от 01.02.2011 № 120 переименован в «Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» (См. Указ Президента РФ от 01.02.2011 № 120 (в ред. от 19.02.2021 № 107) «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 6. Ст. 852).

к уголовной ответственности представителей высших элитарных слоев ответил: «В нашей стране еще не пришло время реализовывать китайскую стратегию привлечения к уголовной ответственности “мух” и “тигров”»[15].

Несмотря на довольно серьезные изменения, происходившие в нашей стране в первое десятилетие XXI века, далее прогресс замедлился и в сравнении с 2013 годом в состоянии гражданского общества к 2022-му мало что поменялось. Рассмотрим состояние институтов гражданского общества в этот период подробнее.

Состояние институтов гражданского общества в предшествовавший СВО период

Как уже отмечалось выше, в отличие от старого институционализма [16] новая теория под социальными институтами понимает не объединения людей, а «правила игры в обществе»¹, т. е. это нормы, правила, ограничения, укоренившиеся в обществе и определяющие устойчивые формы социальных отношений. Поэтому показателями степени состоятельности институтов гражданского общества является не столько наличие некоего числа негосударственных некоммерческих объединений, сколько осознание гражданами личной ответственности и личного вклада в положение дел в стране, в том числе и в противодействии теневым институтам.

Причем эффективное противодействие распространению нелегальных теневых форм социальных отношений со стороны граждан предполагает не только их личный отказ от участия в подобных социальных практиках, но и диалог с государственной властью, поскольку только государство располагает законным правом назначения и исполнения наказаний, в том числе в отношении недобросовестных чиновников, а также действенными механизмами поддержки гражданских инициатив, связанных с оптимизацией правовых или организационных аспектов управления. Готовность к ведению такого диалога в конструктивном ключе является важнейшей институциональной составляющей гражданского общества, реализация которой на практике существенно способствовала бы решению упомянутых ранее дисфункций социально-политической системы: коррупции, nepотизма, клиентелизма и т. п. Возьмем на себя смелость предположить, что в данном случае готовность включает те же компоненты, которые составляют любую другую установку к действию:

- ценностный (понимание важности и необходимости конструктивного взаимодействия с властью);
- когнитивный (представление о том, что такой диалог возможен и не бесполезен);
- конативный (владение действенными способами взаимодействия с властью, отстаивания личных и общественных интересов в рамках закона, т. е. наличие соответствующего опыта).

Другим важным признаком гражданского общества и зрелости организующих его социально-политических институтов принято считать способность граждан самостоятельно объединяться для достижения целей, служащих интересам личности и общества, и действовать в рамках закона. Исходя из данного определения, остановимся на трех упоминаемых в нем атрибутах институтов гражданского общества и обсудим наличие таковых в российском обществе к началу двадцатых годов:

- Самостоятельность общественных объединений. Собственно объединений в постсоветской России было создано множество, однако главным образом (исключение имели место, но в редких случаях) они либо фактически курировались и получали финансовую поддержку от государства, либо создавались на средства иностранных фондов, тесно связанных с иностранными спецслужбами.

Первый вариант может рассматриваться как логичные усилия государства, осознавшего значимость гражданского общества для благоприятного развития страны и потому предпринимающего попытки содействовать его развитию путем создания условий для освоения необходимых форм социальных отношений. В таком ракурсе появление негосударственных объединений при поддержке со стороны госструктур может рассматриваться как первоначальный, «обучающий», этап в становлении гражданского общества. Данный механизм не лишен недостатков. Существуют риски проникновения в создаваемые таким путем организации все той же коррупции и других «болезней власти», а также сведения их деятельности к проведению мероприятий, преследующих в первую очередь медийные цели, и составлению «красивых» отчетов. Но поскольку шансы на получение эффекта, действительно полезного с точки зрения развития гражданских качеств, не равны нулю, а лучших рычагов влияния у государства в данном вопросе нет, следует признать подобные инициативы целесообразными.

¹ Норт Д. Вклад неинституционализма в понимание проблем переходной экономики (лекционное выступление Д. Норта 7 марта 1997 г.). Пер. В. Б. Кутиловой // Экономика и финансы. URL: www.finansy.ru/publ/north.htm

Что же касается второго варианта – некоммерческих объединений, финансируемых из-за рубежа – то представляется очевидным, что и действуют они в интересах тех субъектов, при поддержке которых создаются и функционируют, в связи с чем существование такого рода организаций не является признаком зрелого гражданского общества не только с точки зрения отсутствия самостоятельности, но и по направлению деятельности. То есть вызывает большие сомнения наличие у них следующего качества:

– Действие в интересах личности и общества. Далеко не все НКО, возникавшие на территории РФ, а также представители оппозиции обладали данным качеством. В значительной части члены некоммерческих объединений и инфлюэнсеры сосредотачивались исключительно на противодействии государству, огульной критике власти, включавшей распространение бездоказательных обвинений и откровенных фейков. То есть важнейшая функция гражданского общества – «действие в интересах личности и общества» – была подменена действиями «против» государства. Признавая, что гражданское общество может в некоторых обстоятельствах противодействовать государственному аппарату (как пример, тем же коррупционерам), необходимо четко понимать, что такого рода активность никак не может выступать в качестве самоцели. Первоочередная миссия гражданского общества – стоять на страже частных и общественных интересов (находящихся в неразрывном единстве). Следовательно, в тех случаях, когда государство предпринимает усилия в том же направлении, гражданское общество призвано оказывать ему всяческую поддержку, а при наличии поводов для критики – руководствоваться принципами ответственности в отношении распространяемой информации и минимизации вреда («не навреди»).

Ничего подобного в деятельности финансируемых из зарубежья НКО не наблюдалось. Напротив, все недостатки российского государства гипертрофировались, все достижения обесценивались, параллельно с чем следовали неизменные призывы к конфронтации, а зачастую и не много-не мало насильственной смене власти, без малейших пояснений по поводу того, каким образом дестабилизация социально-политической обстановки в стране могла бы способствовать улучшениям в жизни граждан. С учетом вышесказанного НКО такого рода никак нельзя признать частью гражданского общества. Разве только – «антигражданского». Поэтому ограничения их деятельности, зафиксированные в законе об иноагентах¹, выглядят вполне обоснованными и никак не ущемляющими гражданских свобод.

– Уважение к закону. Третий атрибут гражданского общества, само существование которого возможно только в рамках правового государства, в коем соблюдается принцип верховенства закона, распространяющийся в равной мере и на представителей власти, и на тех, кто желает выразить несогласие с решениями и действиями власть имущих. По этой причине столь любимые представителями российской оппозиции несанкционированные митинги и демонстрации вряд ли можно отнести к проявлениям ответственной гражданской позиции.

В целом, можно сказать о том, что гражданское общество как социально-политический институт в России к 2022 г. находилось в процессе становления и на тот момент еще не достигло необходимой степени зрелости, чтобы стать надежной опорой для президента в деле борьбы с проявлениями теневых институтов, характерных для управленческой подсистемы современного российского социума. Таким образом, результаты институциональной трансформации в сфере государственного управления и гражданского общества, несмотря на достижение некоторой стабильности, на тот момент сложно было назвать полностью удовлетворительными.

Таким образом, начальная фаза СВО застала российское общество в тот момент, когда, несмотря на приближение к финальной фазе трансформационного перехода, состояние социальных институтов характеризовалось целым рядом дисфункций, заключавших в себе существенные риски дестабилизации в будущем. Тем острее вставал вопрос о том, каким образом социетальная система могла отреагировать на экзистенциальный вызов. Проанализируем происходящие изменения с акцентом на выделенные болевые точки.

¹ Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (в ред. от 04.06.2014 № 147-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

Институциональные трансформации гражданского общества в России в период СВО*Консолидация и доверие*

С начала СВО все исследования общественного мнения, проводимые как государственными, так и независимыми организациями, демонстрируют высокий уровень поддержки, выражаемой гражданами России в отношении решений президента и правительства, принятых с целью денацификации и демилитаризации Украины¹. Уровень согласия граждан с решением о начале СВО в первые дни спецоперации составлял 65 %. По данным опроса ВЦИОМ от 24.02.2024 года, т. е. два года спустя, он составил 68 %, причем о необходимости каждому вносить посильный вклад в успешное завершение СВО тогда же высказались 72% россиян². Также отмечается высокий уровень доверия президенту и армии³. Кроме того, перед лицом внешней угрозы наблюдается повышение открытого межличностного доверия и консолидация в вопросах оказания помощи военным, а также украинским беженцам и жителям вновь присоединенных областей и так называемых «коренных» российских регионов, страдающих от атак со стороны Украины⁴[17].

Вместе с тем социологические опросы показывают, что общество не едино в отношении к СВО. На фоне поддержки со стороны большинства наблюдается также и противоположная точка зрения - категорическое несогласие - которая колеблется в диапазоне 15 - 25 % (ВЦИОМ), по данным других исследовательских групп доля несогласных выше и приближается к 30%⁵. Причем, в первые дни после начала военной операции противники СВО также демонстрировали высокую активность в публичной сфере⁶ и стремительную протестную консолидацию, которые значительно снизились благодаря своевременно принятым законам об ответственности за дискредитацию российской армии и блокировке некоторых Интернет-ресурсов. Однако, несмотря на невозможность проведения публичных акций, мнения о недопустимости войны «с братским народом», неправомерности посягательств на суверенитет независимого государства, а также о необходимости заключения мира немедленно и любой ценой в российском социуме по-прежнему представлены. В связи с таким положением дел некоторые авторы говорят о расколе общества, возникшем в связи с началом СВО.

Признавая в целом обоснованность такого вывода, тем не менее стоит отметить, что стопроцентное согласие в обществе в принципе недостижимо. В том числе и во времена войн в любом обществе находятся люди, предпочитающие уступки борьбе и даже готовые оказывать поддержку враждебному иностранному государству, отказывая в таковой собственному. Существование такой точки зрения несет в себе риски, связанные с тем, что на подобного рода умонастроениях могут сыграть действующие в интересах геополитических оппонентов агенты влияния. В данном случае недопустимо недооценивать возможности хорошо организованного меньшинства.

¹ Федоров В. Об отношении россиян к СВО, эффекте объединения вокруг флага // ВЦИОМ. 18.05.2022. URL: <https://wciom.ru/sobytie/valerii-fedorov-v-intervju-rtvi-rasskazal-ob-otnoshenii-rossijan-k-svo-ehffekte-obedinenija-vokrug-flaga> (дата обращения: 27.08.2024); Социологи составили портреты сторонников и противников спецоперации // РБК. 18.05.2022. URL:

<https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718a6e8560f> (дата обращения: 27.08.2024); Эксперты обсудили трансформацию образа героя в сознании граждан страны // Лента.ру. 21.07.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/21/geroi/> (дата обращения: 27.08.2024); Всероссийский опрос патриотических слоев общества об отношении к СВО // Харьков.ру. 19.09.2022. URL: <https://news-kharkov.ru/society/2022/09/19/18427.html> (дата обращения: 27.08.2024); Конфликт с Украиной: октябрь 2022 года // Левада-центр (признан в России иностранным агентом). 27.10.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/10/27/konflikt-s-ukrainoj-oktyabr-2022-goda/> (дата обращения: 27.08.2024).

² Специальная военная операция два года спустя // ВЦИОМ. 24.02.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 27.08.2024)

³ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-iobshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii>

⁴ Благотворительность, помощь беженцам и участникам СВО, волонтерство // Левада-центр (признан в России иностранным агентом). 18.01.2023. <https://www.levada.ru/2023/01/18/blagotvoritelnost-pomoshh-bezhentsami-uchastnikam-svo-volonterstvo/> (дата обращения: 27.08.2024)

⁵ Такую информацию приводит РБК со ссылкой на данные Russian Field (см. Социологи составили портреты сторонников и противников спецоперации // РБК. 18.05.2022. URL:

<https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718a6e8560f> (дата обращения: 27.08.2024).

⁶ Шилов С. Скванные одной цепью. Когда началось СВО, я помню вал антироссийского контента, который накрыл меня в запрещенных ныне Facebook, Instagram и вроде пока легальном YouTube // Харьков.ру. 25.08.2024 URL: <https://news-kharkov.ru/incident/2024/08/25/119663.html> (дата обращения: 27.08.2024)

О власти организованного меньшинства над большинством говорил еще Гаэтано Моска [18]. Исследования же механизмов влияния мнения, выражаемого меньшинством, на поведение большинства были положены Сержем Московичи [19]. Технологии социально-политической дестабилизации за счет активного недовольного властью меньшинства давно отработаны и неоднократно успешно применялись западными политехнологами, по щелчку пальцев устраивавшими цветные революции в разных странах мира [20]. Однако для их реализации необходим доступ к популярным каналам массовой коммуникации для пропаганды и управления протестным потенциалом. К счастью, меры для недопущения подобных сценариев в России были приняты. Ограничения, налагаемые на деятельность иноагентов и ответственность за распространение антироссийского контента, повышают шансы на консолидацию конструктивно настроенных граждан и успешное преодоление институциональных дисфункций.

Что же касается наличия в обществе противников СВО, то до тех пор, пока не происходит их консолидации с целью активного противодействия властям и пророссийски настроенным гражданам, говорить о расколе общества не приходится. По нашему мнению, российское общество в данный момент не расколото, оно плюралистично, что отнюдь неплохо, поскольку свобода совести и свобода слова, не подменяемые вседозволенностью и, соответственно, не допускающие откровенной лжи и целенаправленной подрывной деятельности, являются важными факторами развития социальной системы.

Конструктивный диалог с властью

События, связанные с СВО, послужили стимулом к развитию социально-политических институтов, а именно гражданского общества, и в этом направлении. Знаковым моментом в данном плане стал эпизод с отводом российских войск из Киевской и Черниговской областей в марте 2022 г. по итогам переговоров в Стамбуле, который Владимир Мединский на брифинге 29 марта 2022 г. назвал «шагом доброй воли»¹. Данное заявление вызвало в народе гнев («мальчишки гибнут зря») и ассоциации с Хасавюртовскими соглашениями 1996 г.², результатом которых на фоне успешного штурма российскими войсками Грозного стали односторонние уступки со стороны федеральных властей, вывод войск из Чечни, что в дальнейшем привело к росту террористической угрозы и второй Чеченской войне. Волна народного возмущения вылилась в социальные сети и мессенджеры, и уже на следующий день, 30 марта 2022 г. В. Мединский выступил с разъяснениями, акцентировав внимание на письменно зафиксированных уступках Киева и на том, что «принципиальная позиция Москвы по вопросам Крыма и Донбасса остается неизменной»³.

Управленческое решение не было изменено в угоду общественному мнению. Как утверждал В. Федоров, мы не можем «говорить о том, что решения принимаются на базе опросов»⁴, что, на наш взгляд, безусловно правильно. Популистские решения не та тактика, которая способна привести к стратегическому успеху в силу того, что общественное мнение – это отнюдь не мнение экспертов. Оно показывает, как та или иная ситуация выглядит в представлениях людей, которые в своем подавляющем большинстве не располагают ни теоретической базой, ни фактологическими данными, достаточными для объективных выводов.

Важность общественного мнения обусловлена тем, что представления людей опосредуют их поведенческие реакции, которые в свою очередь способны изменять объективную реальность. Поэтому общественное мнение должно учитываться как один из факторов при составлении прогнозов и оценке вероятных эффектов от принятия тех или иных управленческих решений, что власть и делает, проявляя неизменный интерес к результатам социологических опросов⁵. Но описанный выше случай примечателен тем, что общественное мнение было не только услышано, но и не было оставлено без ответа, причем не в рамках инициированного сверху разговора, как это практиковалось в ходе прямых линий с президентом, а как результат стихийного волеизъявления. Соответственно общество получило однозначное подтверждение тому, что государству безразлично мнение его граждан и оно готово к диалогу. Кроме того, данный эпизод представляется интересным

¹ <https://yandex.ru/video/preview/16092299369833265003>

² В качестве одного из примеров соответствующих обсуждений: https://vk.com/wall-75679763_3249415

³ <https://dzen.ru/video/watch/62446ac02d3a72743562d10a?f=d2d>

⁴ Федоров В. Об отношении россиян к СВО, эффекте объединения вокруг флага // ВЦИОМ. 18.05.2022.

URL: <https://wciom.ru/sobytie/valerii-fedorov-v-intervju-rtvi-rasskazal-ob-otnoshenii-rossijan-k-svo-ehffekte-obedinenija-vokrug-flaga> (дата обращения: 27.08.2024).

⁵ Там же.

и важным как свидетельство того, что представители власти теперь ориентируются в оценках общественных настроений не только на данные опросов, но и осуществляют мониторинг их проявлений в виртуальном пространстве, которое таким образом становится значимым каналом обратной связи.

Еще одним проявлением внимательного и уважительного отношения к общественному мнению стали встречи президента В. В. Путина с популярными военкорами и блогерами¹, которые отнюдь не всегда отзываются о состоянии дел в стране и на линии боевого соприкосновения в рамках СВО одобрительно². Часто имеет место критика власти, обретшая особенную остроту в связи с проблемами в армии в зоне боевых действий, но критика конструктивная, с обсуждением возможных решений, и высшее руководство страны считает необходимым к ней прислушиваться. Причем немаловажно, что когда речь идет об интернет-коммуникации, то в отличие от традиционных СМИ, имеет место практически мгновенная обратная связь. Т. е. можно ознакомиться не только с мнением отдельно взятого журналиста или блогера, но и с реакцией публики. Таким образом, можно говорить о превращении социальных сетей и мессенджеров в площадки реального диалога власти и общества.

Если тенденция сохранится, то такой диалог может существенно поспособствовать формированию тех компонентов готовности к взаимодействию с властью, о которых шла речь выше: ценностного (взаимодействовать важно), когнитивного (взаимодействие возможно и не бесполезно) и конативного (существует действенный механизм).

Заключение

Таким образом, ситуация, в которой оказалась Россия с началом СВО, стала стимулом для становления важнейших институциональных качеств гражданского общества, в числе которых межличностное доверие, консолидация в интересах страны и готовность к конструктивному диалогу с властью. Соответственно, можно говорить о том, что в развитии данного социально-политического института наблюдается положительная динамика. Вместе с тем общество не едино в отношении к СВО и государству. Около 20 % граждан не поддерживают решение президента о силовом решении вопроса по демилитаризации и денацификации Украины. Далеко не все граждане, придерживающиеся такой позиции, желают поражения России. В большинстве случаев их позиция обусловлена либо недооценкой угрозы со стороны управляемой коллективным Западом Украины, либо неверием в то, что СВО способствует снижению таковой. Однако на умонастроениях данной части российского общества способны сыграть прозападные агенты влияния, действующие вразрез с интересами нашей страны. Следовательно, несмотря на в целом положительную динамику развития гражданского общества в России, риск социально-политической дестабилизации существует и заслуживает внимания как со стороны научного сообщества, так и государственных служб.

Список источников

1. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
2. Королёва Н. В., Гарамян Ю. А. Оценка динамики уровня жизни населения Российской Федерации // The scientific heritage. 2020. No 43. С. 20–25.
3. Шатилов А. Б. Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12(3). С. 16–21.
4. Баккунов М.Г. Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» / Специальная военная операция (СВО) и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала-Кизляр, 29 февраля 2024 г.). Махачкала: ДГУ, 2024 г. 423 с.
5. Татарко А. Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/grazhdanskaja-identichnost-i-mentalnoe-zdorove-rossijan-rol-psikhologicheskikh-strategii-sovladanija-v-uslovijakh-sankcionnoi-politiki>.
6. Подопригра А. В. Эволюция голема: институт российской коррупции в условиях цифрового общества // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Ин-т философии и права уральского отделения Рос. акад. наук, 2019. С. 279–306.

¹ https://vk.com/video-41821502_456265200

² https://t.me/Sladkov_plus; <https://t.me/yurasumy>

7. Nomokonov V.A. Corruption system against Russia // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. № 13(10). С. 1638–1643.
8. Мартьянов В. С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Науч. ежегодник института философии и права уральского отделения Рос. акад. наук. Екатеринбург. 2017. Том 17. Вып. 1. С. 61–82.
9. Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития. Автореферат дисс. ... доктора философ. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 51 с.
10. Лубский А. В., Лубкий Р. А., Пестов Р. А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // Философия права. 2019. № 1. С. 54–59.
11. Громакова В. Г., Осяк А. Н., Сапунова Т. Г. Российское общество и государство в условиях институциональной трансформации // Философия права. 2019. №3 (90). С. 161–168. <https://media.mvd.ru/files/embed/1659949>
12. Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K., Stukal D. Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition // Economics of Transition and Institutional Change. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 99–137.
13. Громакова В. Г. Институциональная трансформация в России: состояние, социальный механизм, перспективы // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 2. 2021. С. 42–48.
14. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 1–37.
15. Иншаков С. М., Казакова В. А. Специальная военная операция как инструмент повышения уровня антикоррупционного потенциала // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 4. С. 847–857.
16. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
17. Брылева Е. А. Благотворительность как проявление солидарности гражданского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции // Ex Jure, 2023. № 2. С. 7–16.
18. Моска Г. Элементы политической науки // Социс. 1995. № 4, 5, 8.
19. Moscovici S. Social influence and social change. N.Y., 1976.
20. Елишев С. О. О сущности «современных революций» и государственных переворотов. М.: Канон+ 2017. 336 с. https://ruskline.ru/analitika/2016/09/17/o_suwnosti_sovremennyh_revolyucij_i_gosudarstvennyh_perevorotov/

References

1. Sztompka P. Social change as a trauma. *Sociological research*. 2001;1:6-16. (in Russ.)
2. Koroleva N., Garamyan Y. Assessment of the dynamics of the living standards of the population of the Russian Federation. *The scientific heritage*. 2020;43:20–25. (in Russ.)
3. Shatilov A. B. Analytical support of the special military operation of Russia: experience of the first stage. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):16-21. (in Russ.)
4. Bakkunov M. G. The essence of the categories "war" and "special military operation". *Special military operation (SMO) and civil society: social well-being, assessment, adaptation. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference (Makhachkala-Kizlyar, February 29, 2024)*. Makhachkala: DSU, 2024. 423 p. (in Russ.)
5. Tatarko A. Civil identity and mental health of Russians: the role of psychological coping strategies in the context of sanctions policy. *Sociodigger*. 2023;4,9(28). Available from: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/grazhdanskaja-identichnost-i-mentalnoe-zdorove-rossijan-rol-psikhologicheskikh-strategii-sovladanija-v-uslovijakh-sankcionnoi-politiki>. (in Russ.)
6. Podoprigora A. V. The evolution of the golem: the institution of Russian corruption in a digital society. *Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: sat. tr. following the results of the Third All-Russian Scientific Conference with the International participation*. Yekaterinburg: Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019:279–306. (in Russ.)
7. Nomokonov V. A. Corruption system against Russia. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci*. 2020;13(10):1638–1643.

8. Martianov V. S. Trust in modern Russia: between the late Modern and the new estate? *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg.* 2017;17(1):61-82. (in Russ.)
9. Lubsky R. A. *Russian statehood as a social reality: methodology of multidimensional research, types, specifics of development.* Abstract of the dis. ... doctor of Philosophy. Rostov-on-Don, 2015. 51 p. (in Russ.)
10. Lubsky A.V., Lubky R. A., Pestov R. A. Features of reflexive and non-reflexive structures of legal behavior in modern Russian society. *Philosophy of Law.* 2019;1:54-59. (in Russ.)
11. Gromakova V. G., Osyak A. N., Sapunova T. G. Russian society and the state in terms of institutional transformation. *Philosophy of Law.* 2019;3 (90):161-168. (in Russ.)
12. Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K., Stukal D. Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition. *Economics of Transition and Institutional Change.* 2019; 27(1):99-137. (in Russ.)
13. Gromakova V. G. Institutional transformation in Russia: status, social mechanism, prospects. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research.* 2021;2:42-48. (in Russ.)
14. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms. *Economics and mathematical methods.* 1999; 35(2):1-37. (in Russ.)
15. Inshakov, S. M., Kazakova, V. A. Special military operation as a tool of increasing the anticorruption potential. *Russian Journal of Economics and Law.* 2022;16 (4), 847-857. (in Russ.)
16. Veblen T. *Theory of the leisure class.* М., 1984. Pp. 200-201. (in Russ.)
17. Bryleva E. A. Charity as a manifestation of solidarity between civil society and the state in the context of a special military operation. *Ex Jure.* 2023;2:7-16. (in Russ.)
18. Mosca G. Elements of political science. *Sociological research.* 1995; 4, 5, 8. (in Russ.)
19. Moscovici S. *Social influence and social change.* New York, 1976.
20. Elishev S. O. *On the essence of "modern revolutions" and coups d'etat.* Canon+ 2017. 336 p. Available from: URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/09/17/o_suwnosti_sovremennyh_revolyucij_i_gosudarstvennyh_perevorotov/ (in Russ.)

Информация об авторах

В. Н. Гурба – доктор социологических наук, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности ЮФУ.

В. Г. Громакова – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности ЮФУ.

Information about the authors

V. N. Gurba – Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Conflictology and National Security, Southern Federal University.

V. G. Gromakova – Cand. Sci. (Biology), Associate Professor of the Department of Conflictology and National Security, Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Корпоративная социальная ответственность предприятий нефтеперерабатывающего комплекса

Андрей Михайлович Гуревич

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, gurew@mail.ru

Аннотация. За последнюю четверть века идея корпоративной социальной ответственности прочно вошла в управленческую деятельность российских компаний. При этом флагманами стали добывающие и перерабатывающие нефтегазовые предприятия, производственная деятельность которых может оказывать значительное воздействие на окружающую среду и человеческое здоровье. В статье приводятся основные вехи развития практик корпоративной социальной ответственности бизнеса и ключевые теоретические концепты ученых, осмысливающих данный феномен. На основе вторичного анализа эмпирических социологических данных представлены когнитивные практики восприятия общественным сознанием россиян социальной роли бизнеса, сопоставлены представления российских граждан о приоритетности социальных проектов бизнеса с декларируемыми элементами социальной политики ведущих хозяйствующих субъектов нефтеперерабатывающей отрасли. Предложены рекомендации по выработке гибридного регулирования корпоративной социальной политики.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, социально ответственный бизнес, предприятия нефтеперерабатывающего комплекса, экология, социальная политика предприятия

Для цитирования: Гуревич А. М. Корпоративная социальная ответственность бизнеса предприятий нефтеперерабатывающего комплекса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 246–251. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-246-251>. EDN VVCKOW

Sociology Problems

Original article

Corporate social responsibility of the enterprises of the oil refining complex

Andrey M. Gurevich

South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, gurew@mail.ru

Abstract. Over the past quarter century, the idea of corporate social responsibility has become firmly embedded in the management activities of Russian companies. At the same time, the flagships have become mining and processing oil and gas enterprises, whose production activities can have a significant impact on the environment and human health. The article presents the main milestones in the development of corporate social responsibility practices of business and key theoretical concepts of scientists who comprehend this phenomenon. Based on a secondary analysis of empirical sociological data, cognitive practices of perception of the social role of business by the public consciousness of Russians are presented, and the ideas of Russian citizens about the priority of social business projects are compared with the declared elements of social policy of the leading economic entities of the oil industry. Recommendations on the development of hybrid regulation of corporate social policy are proposed.

Keywords: corporate social responsibility, socially responsible business, enterprises of the oil refining complex, ecology, social policy of the enterprise

For citation: Gurevich A. M. Corporate social responsibility of the enterprises of the oil refining complex. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):246–251. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-246-251>. EDN VVCKOW

Введение

Нефтехимическая отрасль является базисом современного технологического уклада, пожалуй, важнейшим направлением обрабатывающей промышленности, драйвером экономического развития и самодостаточности хозяйства страны. Кроме того, современные технологичные решения в области переработки углеводородного сырья в перспективе позволят не только снизить углеродный след, но и достичь углеродной нейтральности.

Российские нефтеперерабатывающие предприятия, сталкивающиеся уже на протяжении десятка лет с серьезными вызовами: запретами инвестиций и экспорта, поставок оборудования, технологий, катализаторов, программного обеспечения, а также угрозами разрушительных последствий атак беспилотных летательных аппаратов, не меняют темпов производства, продолжают модернизационные проекты, занимаются импортозамещением технологий и поступательно движутся к достижению технологического суверенитета.

Важной составляющей стабильности и развития нефтеперерабатывающего комплекса является совершенствование программ корпоративной социальной ответственности его предприятий, самых энергоемких и недружественных по отношению к природе и здоровью человека, особенно трудящемуся на таком предприятии.

Корпоративная социальная ответственность в научном и обыденном дискурсе

Социальная ответственность бизнеса как явление берет начало тогда же, когда и индустриализация – на рубеже XVIII–XIX вв., обуславливается как индивидуальной этикой предпринимателя, чаще всего основанной на религиозных убеждениях, так и в дальнейшем, – влиянием рабочего движения за защиту прав трудящихся и улучшения условий их труда и жизни.

Присоединение к благотворительным проектам, разработка собственных социальных проектов на производстве, дополненные деятельностью социальных реформаторов-руководителей производств и политических активистов явились предпосылками оформления идей предпринимательской ответственности и вскоре, с массовизацией производства и укрупнением компаний, появились уже не частные инициативы, носящие несистемный характер, а устойчивые меценатские и филантропические практики, предусматривающие связи с общественностью и государственными структурами, коллективные договоренности и освещение в публичном пространстве такой деятельности.

В научный же оборот данное понятие корпоративной социальной ответственности было введено только к середине XX века американским экономистом-институционалистом Говардом Боуэном в его научном труде «Социальная ответственность бизнесмена». В нем он дает ей следующее определение: «обязательства предпринимателей проводить ту политику, принимать те решения или следовать тем направлениям деятельности, которые желательны с точки зрения целей и ценностей нашего общества» [1]. В представлении Боуэна и его последователей (Т. Левитт, М. Фридман, Р. Фримен, Дж. Гелбрейт К. Девис и др.) бизнесмен с одной стороны отражает ценности, присутствующие обществу, в котором функционирует его компания, с другой стороны – он сам участвует в формировании этих ценностей. Взаимодействуя с обществом, особенно с местными сообществами, а также учитывая интересы всех своих партнеров бизнесмен сам определяет те ценности, которыми будет руководствоваться его компания [2].

Позже появились концепции корпоративной социальной восприимчивости, корпоративной социальной деятельности, соучастников (стейкхолдеров), «корпоративного гражданства» и «корпоративной устойчивости» [2]. Из перечисленных концепций самой распространенной, признанной и воспринятой считается концепция соучастников (stakeholder concept) Р. Фримена, суть которой в том, что компания должна учитывать интересы клиентов, сотрудников, акционеров, инвесторов, поставщиков, представителей местных социально-территориальных образований, экоактивистов, правозащитных организаций, средств массовой информации, правительственных агентств.

Социологи используют концепты корпоративной социальной ответственности и концепцию соучастников при анализе управления в компании, поскольку оба этих направления придают большое значение выявлению и учету общественных интересов.

С 2006 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения проводит мониторинговое исследование корпоративной социальной ответственности российского бизнеса¹.

¹ Социальная ответственность бизнеса: мониторинг // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-otvetstvennost-biznesa-monitoring?ysclid=m0tp540p6r504931603>

Само данное понятие в сознании россиян еще не оформилось в четкую логическую конструкцию (50 % опрошенных затруднились ответить, что оно означает), но определенно имеет три измерения: 1) социальная защита сотрудников / забота о сотрудниках / поддержка / социальный пакет – так считают 11 % опрошенных; 2) экологичность / влияние на окружающую среду / забота о природе / уменьшение выбросов – 10 % ответов; 3) социальная помощь / помощь населению / улучшать жизнь людей / забота о людях – 9 % мнений респондентов.

Динамика восприятия российского бизнеса как социально ответственного с годами растет. По сравнению с 2006 г., когда 29 % респондентов с разной степенью позитивности оценивали социальную ответственность бизнеса, а 61 % давали отрицательную оценку, сегодня мы наблюдаем деление пополам – по 44 %.

При этом 91 % респондентов считает, что компаниям следует заниматься социальными проектами в первую очередь, направленными на сотрудников (74 %) и местных жителей (68 %)¹. Среди наиболее приоритетных: поддержка образования, профессиональной подготовки и переподготовки, организация программ обучения, стажировок (56 %); помощь нуждающимся, социально незащищенным взрослым и детям: бездомным, инвалидам, сиротам (41 %); популяризация и поддержка здорового образа жизни и спорта, содействие оказанию медицинской помощи (40 %); содействие развитию науки и технологий (35 %); экологическая деятельность: защита природы, уборка территории (34 %).

Рейтинг же социально ответственных компаний возглавили: Газпром, Росатом, РЖД, Аэрофлот, Яндекс. Выделим предприятия нефтеперерабатывающего комплекса в рейтинге: Газпром (1), Роснефть (6), Лукойл (8), Сибур (15).

Рейтинг информированности о деятельности социально ответственного бизнеса отличается: Сбер, РЖД, Газпром, VK, X5 Retail Group. Но все те же нефтеперерабатывающие компании туда входят: Газпром (3), Роснефть (10), Лукойл (11), Сибур (19).

Если говорить о социальном запросе на ESG-повестку, то наиболее значимыми направлениями в рамках социальных проектов и программ были названы: устойчивые города и населенные пункты (62 %), достойная работа и экономический рост (61 %), качественное образование (45 %).

Таким образом, интерес населения и информированность о социальных проектах бизнеса растут, запрос населения отличается большей ориентацией на развитие человеческого потенциала трудящихся на этих предприятиях, нежели на экологичность производства.

Отраслевая модель корпоративной социальной ответственности предприятий нефтеперерабатывающего комплекса

Сегодня в России насчитывается около 30 крупных нефтеперерабатывающих заводов и еще 80 мини-НПЗ². Все они за исключением одного были построены в советский период, некоторые, как например, ООО «РН-Туапсинский НПЗ» скоро будут праздновать столетние юбилеи. Конечно, характер социальной поддержки сотрудников и вклад в развитие местных территорий во многом обусловлен советскими практиками.

С 1995 г. предприятия нефтеперерабатывающего комплекса объединяются в Ассоциацию нефтепереработчиков и нефтехимиков, на данный момент Ассоциация имеет 56 членов. Входят туда и нефтесервисные предприятия, проектные, научно-исследовательские, образовательные организации. На заседаниях рассматриваются наиболее актуальные проблемы отрасли, вырабатываются пути решения проблем, которые доводятся до руководителей страны и профильных министерств. Ассоциация входит в состав экспертных групп других общественных образований Государственной Думы, РСПП, Российского Союза Товаропроизводителей (работодателей), Минэнерго России и др.

Из 56 членов Ассоциации 18 входят в «ПАО «НК Роснефть»», 5 – в ПАО «Газпром», 2 – в «Татнефть».

Анализ деятельности компаний, входящих в Ассоциацию, показывает, что в рамках деятельности по реализации корпоративной социальной политики есть немало схожих направлений и тяготения к определенным стратегиям.

¹ Кирилл Родин. Социальная ответственность бизнеса: мнение россиян //

https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/20230303_Rodin_K_Socialnaja_otvetstvennost_biznesa.pdf

² Топ-10 крупнейших НПЗ в России: мощность, модернизация и глубина переработки //

<https://belchemoil.by/news/international/top-10-krupnejshih-npz-v-rossii-moshhnost-modernizaciya-i-glubina-pererabotki?ysclid=m0txc5u8xk603483644>

1. Во всех регионах присутствия реализуются одинаковые социальные проекты.
2. Во всех регионах присутствия выстраивается стратегическое сотрудничество с органами публичной власти на местах, что отражает тренд на рассмотрение социального капитала и человеческих ресурсов крупных компаний в рамках развития их социальной ответственности, как перед сотрудниками, так и перед регионом, благодаря чему создаются условия для социального воспроизводства и повышения конкурентоспособности и привлекательности региона [3].
3. Внутренние направления социальной политики сосредоточены на охране труда; достижении нулевого смертельного травматизма; признании прав трудящихся, включая свободу объединения и заключение коллективных договоров, охрану здоровья; создании и совершенствовании кодексов деловой и корпоративной этики; обслуживании горячих линий безопасности по деловой этике; формировании кадрового резерва; обеспечении непрерывного образования персонала компании; объективной оценке персонала; достойной оплате труда и корпоративных пенсионных программах; жилищных программах; проведении конкурсов профессионального мастерства.
4. Внешние направления социальной политики обусловлены статусом градообразующих предприятий и концентрируются на благоустройстве улиц и дорог, строительстве мостов, ремонте инженерной и транспортной систем, объектов электро- и теплоснабжения, замене оборудования, ремонте и строительстве/оборудовании объектов социальной инфраструктуры (больниц, школ, детских садов и площадок, спортивных и культурно-досуговых комплексов). Помимо создания, либо восстановления инфраструктуры, компании поддерживают событийные мероприятия и проекты, связанные со здоровым образом жизни, спортом, культурой, поддержкой детских талантов.
5. Если производство находится в северных регионах страны, то системным явлением становится регулярная работа с представителями коренных малочисленных народов, которых вовлекают в процесс принятия решений, затрагивающих их интересы в отношении воздействия на их среду обитания. Поддержка не сводится только лишь к сохранению традиционного уклада жизни и типа хозяйствования, она включает в себя меры по приобретению необходимой транспортной, снегоуборочной техники, горюче-смазочных материалов, снаряжения, решение вопросов воспитания и образования детей и др.

В сравнении с западными компаниями-нефтепереработчиками российские проявляют больше меценатства, «свободного альтруизма», шире финансируют спортивные, культурные мероприятия, программы поддержки здоровья населения, заботятся о малочисленных народах крайнего севера. Социальная политика западных компаний стремится к достижению более глобальных целей: защита прав человека, сохранение окружающей среды и развитие гарантий для устойчивого развития, если же встречаются социальные программы, то по одному или двум направлениям [4].

Заключение

За последние четверть века идея корпоративной социальной ответственности прочно вошла в управленческую деятельность российских компаний. При этом флагманами стали добывающие и перерабатывающие нефтегазовые предприятия, производственная деятельность которых может оказывать значительное воздействие на окружающую среду и человеческое здоровье.

Отметим, что абсолютное большинство из них имеют значительную историю существования и опыта корпоративной социальной ответственности, направляемой государством в советский период. Политика корпоративной социальной ответственности охватывала как сотрудников предприятий, так и жителей местности, где данное предприятие функционировало. Некоторые формы ее реализации были свойственны именно советской экономике: распределение социальных благ, начиная от продуктов питания, практика шефства и ряд других, которые можно назвать общими для многих стран: предоставление социальных гарантий в виде страхования, охрана труда и здоровья [5].

В период новой российской государственности эти компании встали на путь обновления социальной политики, заимствовали из зарубежного опыта стандарты и решения, определили частные инициативы и превратили их в устойчивые практики. К сегодняшнему дню стал очевиден регулятивный потенциал и значительная роль профессиональной ассоциации предприятий нефтеперерабатывающего комплекса как в распространении корпоративной социальной политики, так и в повышении ее эффективности, поскольку она определяется не только самим частным сектором и государством, но зависит от трудовых коллективов, местных сообществ, социальных организаций, представителей муниципальных публичных органов власти.

В перспективе, учитывая системные изменения, происходящие в социально-экономической и геополитической сферах, вызванные сменой технологических укладов, кризисом современной

модели капитализма и переходом к его постиндустриальной модели, глобализацией и обострением глобальных проблем, становится неизбежным переосмысление сложившихся подходов к пониманию роли бизнеса в современном обществе и его социальной ответственности [6].

Обновленную концепцию корпоративной социальной ответственности можно сформулировать как непрерывный процесс согласования корпоративных и социально определенных целей. Это могло бы быть реализовано с точки зрения совместного управления, а не частных инициатив, и нашло бы свое место среди новых форм «гибридного» социального регулирования [7].

Тогда корпоративную социальную ответственность можно будет интерпретировать как коллективно согласованный порядок [8], определяющий взаимоприемлемые наборы обязательств, структурированный государством [9].

Если оттолкнуться от более поздних трудов классика теории корпоративной социальной ответственности Говарда Боуэна [10], можно предложить следующую отправную точку, перечислив элементы такого регулирования: 1) государственное регулирование; 2) компенсирующие организации, такие как профсоюзы, коллективы и группы потребителей; 3) самоуправление (профессиональные ассоциации, союзы).

Список источников

1. Bowen H. R. *Social responsibilities of the businessman*. New York, NY: Harper. 1953.
2. Завьялова Е. Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // *Финансовый бизнес*. 2018. № 2. С. 26–31.
3. Пружинин А. Н. Человеческий капитал нефтяных компаний // *Социология*. 2018. № 4. С. 151–154.
4. Дружинин Г. В., Пружинин А. Н., Мамурков Е. В. Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний // *Социология*. 2019. № 1. С. 114–123.
5. Даньшина В. В., Соловьёва В. В. Социальная ответственность промышленных предприятий в СССР // *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. 2015. №3. С. 68–75.
6. Жилина И. Ю. Теоретические основы социальной ответственности бизнеса: история, эволюция // *Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. М., 2016. № 1: Социальная ответственность бизнеса как фактор устойчивого экономического развития / Ред.-сост. вып. Семёко Г. В. – 150 с.*
7. Gond J.-P., Kang, N., & Moon, J. The government of self-regulation: On the comparative dynamics of corporate social responsibility // *Economy and Society*. 2011. № 40 (4).
8. Strauss A. Negotiated order and structural ordering. In A. Strauss (Ed.), *Continual permutations of action: Communication and social order* (pp. 245-262). Hawthorne, NY: Aldine De Gruyter. 1993.
9. Acquier A., Gond J.-P., Pasquiero J. Rediscovering Howard R. Bowen's Legacy: The Unachieved Agenda and Continuing Relevance of Social Responsibilities of the Businessman // *Business & Society*. 2011. 50(4):607-646.
10. Bowen, H.R. Social responsibility of the businessman-Twenty years later. In: E. M. Epstein & D. Votaw (Eds.), *Rationality, legitimacy, responsibility – the search for new directions in business and society* (pp. 116-130). Santa Monica, CA: Goodyear. 1978.

References

1. Bowen H. R. *Social responsibilities of the businessman*. New York, NY: Harper. 1953.
2. Zavyalova E. B. Corporate social responsibility: the evolution of approaches and ideas. *Financial business*. 2018;(2):26–31. (In Russ.)
3. Pruzhinin A. N. Human capital of oil companies. *Sociology*. 2018;(4):151–154. (In Russ.)
4. Druzhinin G. V., Pruzhinin A. N., Mamurkov E. V. Strategies for the development of human capital of oil companies. *Sociology*. 2019;(1):114–123. (In Russ.)
5. Danshina V. V., Solovyova V. V. Social responsibility of industrial enterprises in the USSR. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2015;(3):68–75. (In Russ.)
6. Zhilina I. Y. Theoretical foundations of business social responsibility: history, evolution. In: *Economic and social problems of Russia: Collection of scientific papers*. RAS. INION. The Center of social science-inform.

research Department of Economics; Ed. Col.: Makasheva N.A., gl. ed., et al. Moscow; 2016;(1): *Social responsibility of business as a factor of sustainable economic development*. Ed.-comp. issue. Semeko G. V. 150 p. (In Russ.)

7. Gond J.-P., Kang, N., & Moon, J. The government of self-regulation: On the comparative dynamics of corporate social responsibility. *Economy and Society*. 2011;40(4).

8. Straus A. Negotiated order and structural ordering. In: A. Strauss (Ed.). *Continual permutations of action: Communication and social order* (pp. 245-262). Hawthorne, New York: Aldine De Gruyter; 1993.

9. Acquier A., Gond J.-P., Pasquero J. Rediscovering Howard R. Bowen's Legacy: The Unachieved Agenda and Continuing Relevance of Social Responsibilities of the Businessman. *Business & Society*. 2011;50(4): 607–646.

10. Bowen H. R. Social responsibility of the businessman-Twenty years later. In: E. M. Epstein & D. Votaw (Eds.), *Rationality, legitimacy, responsibility – the search for new directions in business and society* (pp. 116-130). Santa Monica, CA: Goodyear. 1978.

Информация об авторе

А. М. Гуревич – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. M. Gurevich – Postgraduate student of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 04.09.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 04.09.2024; accepted for publication 05.09.2024.

Научная статья

УДК 316.334

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-252-258>

EDN TOVLMY

Макрорегиональная идентичность в системе нематериальных ресурсов развития территорий

Зуриет Анзауровна Жаде

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,
zhadezura@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7888-8885>

Аннотация. Частью пространственных проекций идентичности и новых контуров идентитарного исследовательского поля постепенно становятся дискуссии о специфических содержательных маркерах макрорегиональной идентичности. В статье выявлена суть таких понятий, как нематериальные ресурсы развития, пространственная/территориальная идентичность и макрорегион. Проведен обзор публикаций авторов, посвященных обозначенной проблеме, на основе которого автор утверждает, что в российской науке не сложилась общепринятая трактовка феномена. Основываясь на конструктивистском подходе и исходя из отождествления концептов пространственности и территориальности, под макрорегиональной идентичностью автор понимает конструируемый уровень пространственно-территориальной идентификации, занимающий срединное место между региональной и национальной идентичностями, встроенный в идентификационную матрицу, характеризующийся пониманием причастности к макрорегиону, обусловленной географическими, природно-климатическими параметрами и историко-культурной однородностью, которые способствуют межрегиональной интеграции. Делается вывод о том, что инновационные практики позитивного укрепления макрорегионального уровня территориальной идентификации способствуют укреплению российской национальной идентичности и оказывают влияние на консолидационные процессы на макрорегиональном и национальном уровнях.

Ключевые слова: макрорегион, идентичность, нематериальные ресурсы развития, пространственно-территориальная идентичность, макрорегиональная идентичность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2024-00049 «Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: практики формирования, потенциал развития, влияние на национальную консолидацию».

Для цитирования: Жаде З. А. Макрорегиональная идентичность в системе нематериальных ресурсов развития территорий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 252–258. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-252-258>. EDN TOVLMY

Sociology Problems

Original article

Macroregional identity in the system of intangible resources for territorial development

Zuriet A. Zhade

Adyghe State University, Maykop, Russia, zhadezura@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7888-8885>

Abstract. Discussions about specific substantive markers of macroregional identity are gradually becoming part of spatial projections of identity and new contours of the identitarian research field. The article reveals the essence of such concepts as intangible development resources, spatial/territorial identity and macroregion. A review of the authors' publications devoted to the designated problem is conducted, on the basis of which the author argues that there is no generally accepted interpretation of the phenomenon in Russian science. Based on the constructivist approach and proceeding from the identification of the concepts of spatiality

and territoriality, the author understands macroregional identity as a constructed level of spatial-territorial identification, occupying a middle place between regional and national identities, built into the identification matrix, characterized by an understanding of belonging to a macroregion, conditioned by geographical, natural and climatic parameters and historical and cultural homogeneity, which contribute to interregional integration. It is concluded that innovative practices of positive strengthening of the macro-regional level of territorial identification contribute to strengthening of Russian national identity and influence consolidation processes at the macro-regional and national levels.

Keywords: macro-region, identity, non-material development resources, spatial-territorial identity, macro-regional identity

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the state assignment for research at Adygea State University under project No. FENZ-2024-00049 "Macro-regional identity in the North Caucasus: formation practices, development potential, impact on national consolidation."

For citation: Zhade Z. A. Macroregional identity in the system of intangible resources for territorial development. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):252–258. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-252-258>. EDN TOVLMY

Введение

В условиях резкого ускорения пространственных изменений в идентитарном дискурсе постулируется «борьба за идентичность, которая во многом определяет развитие как отдельных государств, так и макрорегионов и всего международного сообщества. В изучении трансграничных политических и экономических пространств и перспектив их институционализации в рамках интеграционных объединений заметное внимание уделяется фактору идентичности, но его объяснительный потенциал пока мало освоен» [1, с. 435]. Более того, ставится вопрос о так называемом «пространственном повороте» применительно к изучению идентичности. В этой связи частью пространственных проекций идентичности и новых контуров исследовательского поля постепенно становятся дискуссии о специфических содержательных маркерах макрорегиональной идентичности.

Ввиду сложности и дискуссионного характера многих вопросов, анализируемых в рамках обозначенной проблемы, считаем необходимым, в первую очередь, обратиться к выявлению сути таких понятий, как нематериальные ресурсы развития, пространственная/территориальная идентичность и макрорегион.

Сегодня значение макрорегиональной идентичности в системе нематериальных ресурсов развития территорий актуализируется, во-первых, ввиду очевидного возрастания роли макрорегионов и в «ответственном» развитии страны (концепт И. С. Семененко), и в укреплении национальной безопасности, и в новейших геополитических раскладах. Во-вторых, в силу того, что важность изучения практик конструирования макрорегиональной идентичности обусловлена осознанием идентичности в качестве нематериального ресурса развития. О. В. Гаман-Голутвина справедливо отмечает, что «и на глобальном, и на национальном уровне остро стоит вопрос о формировании позитивной идентичности развития, и в этом контексте актуально обращение к идентичности как нематериальному ресурсу развития» [2, с. 180].

По мнению политологов, с одной стороны, «ключевой составляющей в структуре нематериальных ресурсов является пространственно-территориальная идентичность. Она представляет собой разные уровни территориальной идентификации (локальной, региональной, макрорегиональной)» [3, с. 59]. С другой стороны, «мотивация к развитию необязательно определяется "привязкой к местности" – она может быть инициирована и неафилированной с территорией ценностной (культурно-исторической и иной) мотивацией» [2, с. 180]. Мы исходим из отождествления концептов пространственности и территориальности и, соответственно, приравниваем «территориальную идентичность» к «пространственной идентичности» и вслед за специалистами в области идентитарных исследований считаем, что пространственно-территориальная идентификация включает локальный, региональный и макрорегиональный уровни.

Обсуждение

Основываясь на вышеперечисленных положениях, обратимся к анализу макрорегиональной идентичности в системе нематериальных ресурсов развития территориальных сообществ. Прежде всего, следует обозначить, что на выявлении сущности данного уровня идентичности сказываются различные подходы к пониманию макрорегиона.

В российском официальном и научном дискурсе особость макрорегиона конструируется еще с 2007 г., когда В. В. Путин заявил, что «нам нужны целенаправленные исследования по определению самого понятия «макрорегион», определению его границ, обусловленных территориальными, природными, инфраструктурными, демографическими и этнокультурологическими особенностями»¹.

Попытки запуска макрорегиональных проектов привели к тому, что новая территориальная единица – макрорегион – была предложена в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, в которой обозначены 12 макрорегионов, «основными принципами выделения которых являются соседское положение субъектов Российской Федерации, схожие природно-климатические и социально-экономические условия для жизни и экономической деятельности»². Очевидно, что специфика российского тренда макрорегиональных трансформаций в значительной степени связана с необходимостью модернизации пространственного развития страны.

В документах стратегического планирования макрорегион определяется как «часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке и реализации документов стратегического планирования»³.

Проблема становления макрорегионов активно дискутируется не только в документах стратегического развития страны, но и представителями научной общественности. Следует подчеркнуть, что исследования макрорегионов ведутся в рамках множества наук, в каждой из которых он определяется по-разному. Несмотря на отсутствие общепризнанного теоретического определения, практики макрорегионального строительства сегодня активно развиваются в России.

Роль макрорегионов в стратегическом пространственном управлении является в основном предметом исследования экономической науки [4–7]. В свою очередь, юристы, обосновывая существование федеральных округов и макрорегионов в правовой системе России, подчеркивают, что, «макрорегион приравнивается к федеральному округу – развитие макрорегионов предписывается осуществлять в границах федеральных округов, а также макрорегион – территория, включающая два и более субъекта Федерации, равно как и в федеральном округе» [8, с. 39]. Социальная география характеризует макрорегион «как многорегиональную социально-экономическую систему, одновременно являющуюся экономической подсистемой» [9, с. 168]. В политологической традиции макрорегион понимается «как внутривосточное или межвосточное объединение чаще всего на объективных факторах и социокультурной основе» [10, с. 37].

Следует согласиться с позицией, согласно которой «характерной чертой макрорегиона выступает отсутствие выраженной макрорегиональной элиты и, соответственно, акторов, ориентированных на формирование макрорегиональной идентичности, последующую ее эксплуатацию в собственных интересах и опосредованно в интересах населения территории» [11, с. 203].

Как видно из вышеизложенного, в рамках различных наук макрорегион определяется по-разному в зависимости от цели исследования или дискурса. Несмотря на достижения отечественной науки, общего подхода к определению макрорегиона на сегодняшний день не существует.

На наш взгляд, макрорегион не является формальной конструкцией, обязательно и исключительно созданной институциональным образом, то есть основанной на соглашении между соседними регионами. Макрорегион – это, прежде всего, полиэтничная социальная конструкция, созданная в результате переплетения практик субъектов всех видов и всех уровней.

В самом общем виде макрорегион можно концептуализировать как пространство, определяемое не только по территориальному признаку, но и по социокультурным (общие традиции, память, картина мира) и историческим основаниям (общность исторической судьбы), сочетание которых создает уникальную региональную специфику.

¹ Путин предложил разработать концепцию «макрорегионов РФ». URL: <https://vz.ru/news/2007/11/30/128556.html> (дата обращения: 12.08.2024).

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 12.08.2024).

³ Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 23.01.2017. № 4. Ст. 637.

Исходя из такого определения, обратимся к анализу макрорегионального уровня пространственно-территориальной идентичности, концептуализированного в основном представителями пермской школы идентичности [12]. Дискуссии о вызовах макрорегиональной идентичности охватили большинство субъектов РФ. Так, ряд авторов [13–15] выявляет современные тренды данного вида идентичности и подчеркивает, что «в многосоставных макрорегионах особое значение приобретает способность надэтнической гражданской идентичности консолидировать поликультурное население» [16, с. 147]. В рамках анализируемой проблемы интерес представляют исследования, в которых «пространство России рассматривается на основе анализа вариативности макрорегиональных идентификаций ее регионов» [17, с. 144].

Как констатирует ряд ученых, макрорегиональную идентичность можно наблюдать на стыке процессов «сверху–вниз» и «снизу–вверх», управляемую сверху региональными правительствами и более спонтанно осуществляемую другими участниками в рамках горизонтальных межрегиональных отношений.

Следует обратить внимание и на исследования Г. С. Денисовой и Л. В. Клименко, по мнению которых «формирование макрорегиональной идентичности ... представляет собой результат специального информационного воздействия ... в рамках политической стратегии укрепления и поддержания культурной гомогенности общества» [18, с. 26].

Другие ученые, анализируя соотношение разных уровней идентичности в качестве самостоятельных видов социальной идентичности, рассматривают макрорегиональную как «динамичное и многомерное образование, которое характеризует ощущение (имплицитный компонент) и осознание (эксплицитный компонент) человеком себя в качестве представителя определенного макрорегионального объединения территорий («Я как житель макрорегиона»)» [15, с. 54].

Таким образом, ввиду многогранности и сложности концепта макрорегиональной идентичности, обусловливаемого различными контекстами, исследование данного феномена, бесспорно, является одним из очевидных полюсов роста в идентитарных исследованиях.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в российской науке до сих пор не сложилась общепринятая трактовка анализируемого феномена. Следовательно, понятие макрорегиональной идентичности нуждается в уточнении и концептуализации с позиций междисциплинарного подхода. При этом важно понимать, что «формирование позитивной региональной и макрорегиональной идентичности является важным условием для обеспечения заинтересованности лиц разной этнической принадлежности в межэтническом взаимодействии» [15, с. 56].

Результаты

В современных условиях процесс управления идентичностями становится одной из приоритетных задач политики идентичности как на уровне регионов, так и на уровне страны в целом. Активная политика, направленная на укрепление конкретных российских регионов, а, соответственно, региональной идентичности, во многом способствовала смещению акцентов на региональную политику идентичности, в то время как макрорегиональный уровень «просыпался» тогда, когда речь шла о социально-экономических программах (развитие Севера, развитие туризма), стратегии национальной безопасности, использования потенциала уникальных культурных традиций, сложившихся на уровне макрорегиона.

Макрорегиональная идентичность попадает в область интересов регионального управления (когда речь идет о выстраивании взаимоотношений с соседями, а также в условиях конкуренции за туристов и инвесторов с другими субнациональными образованиями) и в область общегосударственных задач (когда государство ставит задачу по укреплению национальной идентичности, поиску общих принципов позитивного взаимодействия между регионами через выстраивание различных общих конструктов). Это задача по выстраиванию наднациональных «воображаемых» пространств, а также сплочению общества еще на одном уровне – макрорегиональном, на котором может конструироваться или конструируется ментальный символический образ, обусловленный историческими, этнокультурными, природно-географическими, хозяйственными связями и особенностями.

Макрорегиональная идентичность как один из результатов подобной политики расценивается нами как один из шагов по укреплению российской национальной идентичности. Согласно разработанной нами ранее концепции, каждый из уровней встраивается в многоуровневую идентичность по принципу дополнительности [19].

На сегодняшний день в исследовательском дискурсе, помимо большого числа локальных, региональных и национальных практик по управлению/работе с идентичностью, артикулированы

и такие практики, как символическая политика, политика памяти, политика брендинга и языковая политика. При этом фундаментальных исследований позитивных практик укрепления идентичностей, направленных на национальную консолидацию российского общества, крайне мало, в связи с чем целесообразно выявить инновационные практики позитивного укрепления макрорегиональной идентичности.

Заключение

В условиях стремительных пространственных изменений анализ макрорегиональной идентичности осложняется тем, что макрорегион является сложносоставной и многогранной структурой. Вопрос о содержательных маркерах макрорегиональной идентичности напрямую связан со спецификой территориальной идентификации политического пространства.

Основываясь на конструктивистском подходе, под макрорегиональной идентичностью мы понимаем конструируемый уровень пространственно-территориальной идентификации, занимающий срединное место между региональной и национальной идентичностями, встроенный в идентификационную матрицу, характеризующийся пониманием причастности к макрорегиону, обусловленной географическими, природно-климатическими параметрами и историко-культурной однородностью, которые способствуют межрегиональной интеграции.

Принимая во внимание возрастающую роль нематериальных ресурсов развития территорий, отметим, что позитивный (инклюзивный) модус идентичности, в отличие от негативного (эксклюзивного), может стать ресурсом политики развития. Исходя из такого понимания, «ключевым приоритетом новой политики развития предстает работа с идентичностью как с нематериальным ресурсом» [2, с. 189].

Инновационные практики позитивного укрепления макрорегионального уровня территориальной идентификации следует рассматривать, с одной стороны, как один из шагов по укреплению российской национальной идентичности, с другой стороны, как значимый фактор влияния на консолидационные процессы на макрорегиональном и национальном уровнях.

В заключение еще раз подчеркнем, что усложнение взаимосвязи между пространственным развитием и идентичностью приводит к появлению многоуровневых и сложносоставных идентичностей, в репертуаре которых особое место должно отводиться макрорегиональной идентичности. С целью укрепления национальной консолидации российского социума представляется необходимым совершенствование политики конструирования макрорегиональной идентичности.

Список источников

1. Семененко И.С. Перспективы идентитарных исследований и российские приоритеты // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Ответственный редактор член-корреспондент РАН И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023. С. 431–438.
2. Гаман-Голутвина О.В. Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 177–191.
3. Мирошниченко И.В. Нематериальные ресурсы развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Ответственный редактор член-корреспондент РАН И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023. С. 57–66.
4. Владыко И.Ю. Макрорегион как элемент стратегического пространственного управления региональной экономикой // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 3 (58). С. 10–19.
5. Орлов С.Л., Строев П.С. Стратегическое значение макрорегионов в пространственном развитии экономики России // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 2. С. 63–68.
6. Ровенчак О.И., Мираньков Д.Б. Макрорегионы в контексте пространственного развития Российской Федерации // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 77–89.
7. Чернышов М.М., Усманов Д.И., Юрьева А.А. Новые подходы к разработке стратегий устойчивого и сбалансированного развития регионов и макрорегионов, определению эффективности государственной региональной политики Российской Федерации // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 3. С. 62–97.
8. Ким В.В. Макрорегионы и федеральные округа: знак равенства? // ADVANCES IN LAW STUDIES. 2019. Том 7. № 1. С. 36–40.

9. Ермаченко Ф.М. Исследование функциональности макрорегионов Российской Федерации // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 9-1. С. 168–171.
10. Назукина М.В. Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // *Известия РАН. Серия географическая*. 2015. № 6. С. 37–47.
11. Щербakov А.Ю. Символические границы макрорегиональной идентичности: Уральский случай // *Дискурс-Пи*. 2014. № 2-3. С. 202–206.
12. Назукина М.В., Подвинцев О.Б. Российская Федерация как система и иерархия идентичностей // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. 2014. № 4. С. 45–51.
13. Назукина М.В. Макрорегиональная идентичность и регионализм в современной Сибири // *Трансформация идентичностей: опыт Европы и России: сборник научных статей*. В 2 ч. / под ред. Е.В. Викторовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. Часть 1. С. 185–191.
14. Шамсуев М.-Э.Х. Макрорегиональная идентичность в контексте обеспечения информационной безопасности на Северном Кавказе // *Наука и бизнес: пути развития*. 2014. № 8. С. 196–199.
15. Шарапов В.В., Сидорякин Р.В. К вопросу о соотношении этнической, региональной и макрорегиональной идентичности в поликультурном пространстве // *Психология образования в поликультурном пространстве*. 2024. № 2 (66). С. 50–59.
16. Клименко Л.В., Жаде З.А., Петрулевич И.А. Идентичность населения полиэтничного юга России в контексте социетальной интеграции макрорегиона // *Центральная Азия и Кавказ*. 2021. Т. 24. № 3. С. 145–156.
17. Попов П.Л., Черенев А.А., Галес Д.А. Ареалы нарушенной макрорегиональной идентичности и устойчивость пространства Российской Федерации // *География и природные ресурсы*. 2024. № 2. С. 144–152.
18. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения юга России // *Социологические исследования*. 2013. № 7. С. 25–34.
19. Многоуровневая идентичность / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже. М.: Российское философское общество. Майкоп: ООО «Качество», 2006. 245 с.

References

1. Semenenko I.S. Prospects of identity studies and Russian priorities. *Identity: personality, society, politics. New contours of the research field* / Editor-in-chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I.S. Semenenko. Moscow: Ves' mir, 2023: 431-438. (In Russ.)
2. Gaman-Golutvina O.V. The concept of identity: movement from the abstract to the concrete. *Polis. Political studies*. 2024; (3): 177-191. (In Russ.)
3. Mirosnichenko I.V. Intangible resources of development. *Identity: personality, society, politics. New contours of the research field* / Editor-in-chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I.S. Semenenko. Moscow: Ves' mir, 2023: 57-66. (In Russ.)
4. Vladyko I.Yu. Macroregion as an element of strategic spatial management of the regional economy. *Region: systems, economy, management*. 2022; (3): 10-19. (In Russ.)
5. Orlov S.L., Stroyev P.S. Strategic importance of macroregions in spatial development of Russian economy. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2023; (2): 63-68. (In Russ.)
6. Rovenchak O.I., Mirankov D.B. Macroregions in the context of spatial development of the Russian Federation. *Scientific notes of KFU. Vernadsky. Economics and management*. 2022; Vol. 8 (3): 77-89.
7. Chernyshov M.M., Usmanov D.I., Yuryeva A.A. New approaches to the development of strategies for sustainable and balanced development of regions and macroregions, determining the effectiveness of the state regional policy of the Russian Federation. *Problems of Market Economy*. 2021; (3): 62-97. (In Russ.)
8. Kim V.V. Macroregions and federal districts: an equal sign? *ADVANCES IN LAW STUDIES*. 2019; Vol. 7. (1): 36-40. (In Russ.)
9. Ermachenko F.M. Study of the functionality of macroregions of the Russian Federation. *International Research Journal*. 2020; (9-1): 168-171. (In Russ.)
10. Nazukina M.V. Ural macroregion in the system of territorial identities of modern Russia. *Izvestiya of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*. 2015; (6): 37-47. (In Russ.)
11. Shcherbakov A.Yu. Symbolic boundaries of macroregional identity: The Ural case. *Discourse-Pi*. 2014; (2-3): 202-206. (In Russ.)
12. Nazukina M.V., Podvintsev O.B. The Russian Federation as a system and hierarchy of identities. *Bulletin of the Perm Federal Research Center*. 2014; (4): 45-51. (In Russ.)

Sociology Problems

Zhade Z. A. *Macroregional identity in the system of intangible resources for territorial development.*

13. Nazukina M.V. Macroregional identity and regionalism in modern Siberia. *Transformation of identities: the experience of Europe and Russia: a collection of scientific articles*. In 2 parts / edited by E.V. Viktorova. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2021; (1): 185-191. (In Russ.)
14. Shamsuev M.-E.Kh. Macroregional identity in the context of ensuring information security in the North Caucasus. *Science and business: development paths*. 2014; (8): 196-199. (In Russ.)
15. Sharapov V.V., Sidoryakin R.V. On the relationship between ethnic, regional and macroregional identity in a multicultural space. *Psychology of education in a multicultural space*. 2024; (2): 50-59. (In Russ.)
16. Klimenko L.V., Zhade Z.A., Petrulevich I.A. Identity of the population of the multiethnic south of Russia in the context of societal integration of the macroregion. *Central Asia and the Caucasus*. 2021; Vol. 24. (3): 145-156. (In Russ.)
17. Popov P.L., Cherenov A.A., Gales D.A. Areas of violated macroregional identity and stability of the Russian Federation space // *Geography and natural resources*. 2024; (2): 144-152. (In Russ.)
18. Denisova G.S., Klimenko L.V. Features of regional identity of the population of the south of Russia. *Sociological studies*. 2013; (7): 25-34. (In Russ.)
19. Multilevel identity / Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyaucheva, A. Shadzhe. Moscow: Russian Philosophical Society. Maykop: OOO "Kachestvo", 2006. 245 p. (In Russ.)

Информация об авторе

З. А. Жаде – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, Адыгейский государственный университет.

Information about the author

Z. A. Zhade – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Engineering and Political Science, Adyghe State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 29.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Научная статья

УДК 316+32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-259-264>

EDN KIGXTV

Волонтерство как механизм формирования патриотического сознания: социально-политический анализ

Анастасия Александровна Кашина

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
Anastasia.kashina@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ роли волонтерства как важного социального механизма в процессе формирования патриотического сознания и гражданственности в современном обществе. Автором рассматривается взаимосвязь между патриотизмом и волонтерской деятельностью, подчеркивается их значение в укреплении социальных связей и устойчивости общества в период кризиса международных отношений. Патриотическое воспитание и волонтерство рассматриваются как инструменты государственной политики, направленные на развитие гражданской ответственности и единства. Обсуждаются различные формы волонтерства, их влияние на молодежь и общество в целом, а также предлагаются рекомендации по интеграции волонтерских инициатив в программы патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотизм, волонтерство, гражданственность, социальная активность, государственная политика, молодежь, патриотическое воспитание, социальное развитие, глобальные вызовы, гражданская ответственность

Для цитирования: Кашина А. А. Волонтерство как механизм формирования патриотического сознания: социально-политический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 259–264. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-259-264>. EDN KIGXTV

Sociology Problems

Original article

Volunteering as a mechanism for the formation of patriotic consciousness: socio-political analysis

Anastasia A. Kashina

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia, Anastasia.kashina@mail.ru

Abstract. This article analyzes the role of volunteerism as a crucial social mechanism in shaping patriotic consciousness and citizenship in modern society. The interconnection between patriotism and volunteer activities is examined, emphasizing their significance in strengthening social ties and societal resilience in the face of global challenges. Special attention is given to the Russian context, where patriotic education and volunteerism are viewed as tools of state policy aimed at fostering civic responsibility and unity. The article discusses various forms of volunteerism, their impact on youth and society as a whole, and offers recommendations for integrating volunteer initiatives into patriotic education programs.

Keywords: patriotism, volunteerism, citizenship, social activity, state policy, youth, patriotic education, social development, global challenges, civic responsibility

For citation: Kashina A. A. Volunteering as a mechanism for the formation of patriotic consciousness: socio-political analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):259–264. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-259-264>. EDN KIGXTV

Введение

Патриотизм – многогранное и всеобъемлющее междисциплинарное понятие, которому посвящены не только научные труды и исследования в политологии, социологии, психологии, философии, но произведения великих писателей. Чувство патриотизма к своему Отечеству, государству проявляется в той или иной степени у каждого человека в любой стране мира. Патриотизм – это любовь к Родине, к окружающим людям, а также стремление и желание человека своими поступками служить ей и защищать. Гражданственность как основа развитие патриотических чувств у человека представляет собой определенную направленность личности в координатах сохранности и стабильного развития государства, и общество, а также поведенческий вектор личности как гражданина. Патриотическое воспитание как неотъемлемая часть патриотической культуры в обществе представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной и муниципальной власти по формированию и развитию у граждан чувство верности и преданности своей родине, важности выполнения гражданского долга. Патриотизм выражается не только в чувственной, эмоциональной составляющей личности, но также и в определенных действиях индивида среди которых можно выделить добровольчество (волонтерство), участие в благотворительных акциях, защита окружающей среды и участие в деятельности НКО.

Методы исследования

Исследование патриотизма и волонтерства включает в себя использование классификационного метода для структурирования и систематизации различных форм и проявлений патриотической активности, включая добровольчество. Обобщение данных позволяет выявить общие тенденции и различия в патриотических настроениях населения. Кроме того, анализ широкого спектра литературы способствует глубокому пониманию междисциплинарной природы патриотизма как социального явления.

Основная часть исследования

Российское общество, находясь в сложных, кризисных международных отношениях с рядом государств, а также враждебного санкционного давления осознает особую важность патриотического воспитания граждан. Со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий происходит «стирание» границ между государствами, в связи с чем процесс формирования и развития патриотического сознания у граждан приобретают новые формы и методы. Мир разделен на два полюса в ракурсе отношения к Родине – патриотов и глобалистов. Если для патриотов патриотическое сознание это не симулятор, и не фантом, а основа и базис личности человека как гражданина, то для глобалистов патриотическое чувство это барьер для формирования всемирной биосоциальной однородности. Противостояние патриотов и глобалистов в первую очередь связана с разными взглядами на будущее мира: мирное развитие, демократический контур глобального мира, основой которого является уважение и сохранение социальных культурных ценностей каждого этноса или стирание границ идентичности народов, общемировой контроль и формирование социального единого порядка. Наглядно данное противостояние двух вышеописанных политических сил произошло в городе Вашингтоне 6 января 2021 г. с попыткой штурма Капитолия приверженцами республиканских взглядах в США. Данное событие продемонстрировало характерное для многих государств мира в начале XXI века противостояние патриотов и глобалистов [1].

Процесс патриотического воспитания и формирования культуры патриотизма не хаотический, а волнообразный. Для формирования патриотического сознания в обществе необходимы четко скоординированные и спланированные действия органов государственной (как на региональном, так и на федеральном уровнях) и муниципальной власти как фундамента и средства патриотического воспитания. Для этого необходима единая государственная политика патриотического воспитания. Основой патриотического воспитания является духовно-нравственное воспитание, которое представляет собой ряд мер, формирующих в сознании личности высшие идеалы, ориентиры и ценности, закладывающие границы в поведении индивида.

Литературный критик Белинский В. Г. подчеркивал, что образование человека будет приносить общественную пользу только в том случае, если в него будет заложена нравственность. Белинский подчеркивает, что именно нравственность, усвоенная индивидом, является главной целью патриотического воспитания.

Патриотизм как многогранная и всеобъемлющая категория предполагает не только эмоциональную привязанность к Родине, но и активное участие в ее развитии. В этом контексте волонтерская деятельность выступает как ключевой механизм реализации патриотических ценностей,

предоставляя гражданам возможность активно участвовать в социально значимых инициативах. Волонтерство способствует формированию гражданской идентичности и укреплению общественных институтов, что особенно важно в условиях современных глобальных вызовов. Таким образом, связь между патриотизмом и волонтерством заключается в их общей цели – содействии укреплению и развитию государства через социально активное поведение граждан. Это подчеркивает необходимость рассматривать волонтерскую деятельность как важный элемент государственной политики патриотического воспитания.

Социальная активность приводит граждан к интенсивному, сознательному взаимодействию с общественной сферой. Формой проявления социальной активности является общественная деятельность, которая заключается в сознательном, упорядоченном плане действий по преобразованию себя и общества в соответствии с конкретными задачами социального развития. Данный вид активности социума реализуется по средствам определенных действий и поступков.

Вследствие общественной деятельности, демонстрируемой в разнообразных формах, молодое поколение приобщается к жизни общества, усваивает общепризнанный характер проявления себя как личности в обществе. Из этого следует, что молодое поколение имеет возможность самореализации. Однако из-за существования немалого количества проблем в социальной сфере общества, таких как экономические, образовательные, профессиональные, развитие человека как личности затруднено. Современные проблемы социума ставят перед молодым поколением задачи, требующие конкретного включения в социальные отношения во всех сферах жизни общества.

Добровольчество рассматривается как область, предоставляющая свободу созидательной предприимчивости и социальному творчеству широких слоев населения, что повышает качество жизни населения. В связи с быстрыми темпами развития волонтерской деятельности в России 2018 год был объявлен «Годом добровольца и волонтера в России».

В последние годы волонтерское движение в русле проявления гражданских инициатив в России вышло на новый, более глобальный уровень.

В связи с этим, волонтерская деятельность все активнее становится объектом изучения, как российского научного сообщества, так и зарубежных ученых. Современные ученые-социологи рассматривают категорию «волонтерство» с разных позиций.

Например, кандидаты социологических наук И. В. Мерсиянова и Л. И. Якобсон характеризуют добровольчество (волонтерство) «как бескорыстную индивидуальную или коллективную деятельность на благо других людей или общества, как разновидность филантропических практик» [2].

В свою очередь русско-американский писатель, политолог А. А. Клепикова анализирует понятие «волонтерство» с позиции профессиональной деятельности. Для реализации данного вида добровольческой деятельности волонтер должен обладать определенным набором навыков, теоретических знаний и практикой. Автор утверждает, что волонтеры, осуществляя добровольческую деятельность, проявляют больше энтузиазма и осознанного сопереживания состоянию другого человека, нежели оплачиваемые работники различных организаций [3].

В данный период времени существует разнообразие форм добровольческой деятельности, что открывает перед волонтерами возможность права выбора направлений добровольческой деятельности. Наиболее развитыми в современном российском обществе направлениями волонтерства являются:

Во-первых, социальное волонтерство. Данное направление волонтерской деятельности нацелено на предоставление помощи, в первую очередь, незащищенным слоям населения, нуждающимся во внимании и постоянном уходе.

Во-вторых, спортивное волонтерство. Как считает доктор педагогических наук Н. А. Горлова, «спортивное волонтерство – волонтерская (добровольческая) деятельность, связанная с участием в организации и (или) проведении физкультурных и спортивных мероприятий городского, регионального, федерального и международного уровней на территории Российской Федерации, проектов и программ по популяризации спорта и пропаганде здорового образа жизни» [4]. Спортивное волонтерство имеет собственные отличия, поскольку существует некий отбор волонтера с желаемым перечнем компетенций, которые необходимы для эффективной деятельности в рамках участия в спортивном проекте, программы организации. В необходимый перечень компетенций входит, например, знание иностранного языка, знание определенного вида спорта, быть толерантным, открытым к миру, иметь желание общаться с разными людьми.

Развитие спортивного волонтерства в России развивалось поэтапно. Первый этап можно охарактеризовать как период становления спортивного волонтерства и составляет около 30 лет (с 1980–2010 гг.). В рамках следующего этапа – с 2010 по 2014 гг. – формируется многотысячный корпус волонтеров для участия в Олимпийских и паралимпийских зимних игр, прошедших в 2014 г. в городе Сочи [5–6].

Далее культурное волонтерство – активная деятельность волонтерских движений, главной задачей которых является оказание безвозмездной поддержки в области культуры. Цель данного направления волонтерской деятельности состоит в сохранении культурного наследия, развитии и усилении гражданского единства, сохранении целостности культурного и языкового пространства России. Культурное волонтерство особенно стало популярным в 2015 году, так как этот год был объявлен годом литературы в России, 2016 год – «год российского кинематографа» так же позволил проявить добровольческие инициативы в рамках развития культурных программ [7–8].

Во-четвертых, донорство. Донорство крови – пожертвование по собственному желанию крови или ее компонентов с целью дальнейшего переливания нуждающимся или для получения медицинских препаратов.

Каждый год переливание крови и ее продуктов позволяет спасти и продлевать миллионы человеческих жизней. И значительный вклад в развитие, и реализацию данного направления вносят волонтеры. Однако Федеральным законом № 125 «О донорстве крови и ее компонентов»¹ и отдельными статьями Трудового кодекса Российской Федерации устанавливаются процесс осуществления выплаты и предоставления льгот, положенных при сдаче крови на донорство. Будет процесс сдачи крови оплачиваемым или же останется безвозмездным решает сам донор крови. Кроме льгот в денежном выражении донорам положены и другие преференции

Также волонтеры общественной безопасности. Важность этого направления очень велика, так как на волонтера ложится ответственность оказания первой медицинской помощи, для чего необходимо обладать медицинскими навыками, навыками эвакуации людей, действовать быстро и правильно, уметь координировать действия пострадавших.

В-шестых, медиа-волонтерство. Суть этого направления состоит в умении волонтера правильно воспринимать информацию и доносить ее до общественности. Следует обладать необходимыми компетенциями, знаниями и умениями, чтобы рассказать о волонтерстве общественности. К данному направлению относятся фотографы, журналисты, дизайнеры.

Сравнив различные подходы ученых-социологов к понятию «волонтерство» и рассмотрев многообразие видов добровольческой деятельности, можно сделать следующие выводы.

Волонтерская деятельность – это обширная область деятельности неравнодушных людей, которая осуществляется на благо общества без какого-либо материального поощрения. Таким образом, основные мотивы волонтерства:

- реализация личностного потенциала;
- чувство социальной значимости;
- приобретение полезных социальных и практических навыков;
- профессиональное ориентирование;
- организация свободного времени.

Плюсы волонтерской деятельности:

- навыки межличностного общения;
- развитие лидерских навыков;
- наличие профессиональных рекомендаций;
- расширение кругозора в области инновационных разработок.

Минусы волонтерской деятельности:

- высокая ресурсоемкость (время, финансы, техническая база);
- зависимость от внешних условий (погода, пробки);
- работа в стрессовых ситуациях;
- высокая физическая активность.

Многоаспектное понимание волонтерской деятельности, представленное в разнообразии форм и видов осуществления волонтерской деятельности, раскрывает перед неравнодушным,

¹ Федеральный закон от 23.07.2012 № 125-ФЗ (ред. 28.06.2022) «О донорстве крови и ее компонентов» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 30. – Ст. 4176.

активным населением перспективы самореализации, позволяет стать неотъемлемой частью процесса социального развития общества, дает возможности разработки социально значимых проектов [9–10]. В результате волонтерская деятельность является одним из эффективных видов социальной активности, которая позволяет молодому поколению вносить вклад в развитии своей страны.

На данном этапе развития добровольческой деятельности перед государством стоит задача формализации социальных отношений в области добровольчества. Это даст возможность расширить масштабы добровольческого движения и повысить эффективность волонтерской деятельности [11–12]. Исполнение данной задачи требует внесения изменений в действующее законодательство, так как на данном этапе развития волонтерской деятельности законодательство имеет некоторые недоработки:

- законодатель рассматривает понятие «волонтерство» как разновидность добровольчества в строго определенной сфере;
- законодательно не определен общий список разновидностей добровольческой деятельности;
- отсутствует единая информационная система добровольчества;
- отсутствует финансовая поддержка со стороны государства расходов на реализацию волонтерской деятельности.

Выводы

Патриотизм как интегративный элемент общественной жизни подчеркивает значимость личного вклада каждого гражданина в развитие своего государства, где волонтерство служит важнейшим проявлением активной гражданской позиции. Активизация патриотических чувств через добровольческую деятельность не только способствует укреплению социальных связей, но и стимулирует развитие цивилизованных общественных отношений, основанных на уважении и взаимопомощи. Таким образом, волонтерство, подкрепленное патриотическими мотивами, выступает как стратегический ресурс национального развития, способный эффективно реагировать на социальные вызовы современности.

Список источников

1. Павлов Б. С., Гогиберидзе Г. М., Пацула А. В. Актуальные модели государственной и региональной политики в сфере патриотического воспитания. М.: Инфра-М, 2024. 154 с.
2. Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М., 2010. 410 с.
3. Клепикова А. А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжелой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // Журнал исследования социальной политики. 2011. № 9(3). С. 391–416.
4. Бибикина Л. Н. Патриотически настроенная, социально активная студенческая молодежь - основа добровольчества / В сборнике: Научно-педагогическое обеспечение реализации социально значимых проектов, направленных на патриотическое воспитание и сохранение историко-культурного наследия регионов на основе добровольчества (волонтерства). Сб. статей Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2022. С. 29–36.
5. Кокоуров С. В., Харсекин И. Р., Кудрявцев М. Д., Сундуков А. С. Влияние спорта и волонтерской деятельности на формирование патриотизма у молодежи и подрастающего поколения / В сб.: Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к крупным международным мероприятиям: лингвопереводческий, психологопедагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты. Сб. материалов VII Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 36–40.
6. Горлова Н. И. Мир спортивного волонтерства. М., 2018. 105 с.
7. Боев В. И. Добровольчество как направление патриотического воспитания среди молодежи России / В сборнике: Наука и общество: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2024. С. 248–251.
8. Димеева О. А. Идеи патриотизма в гражданском обществе / В сб.: Международные научные чтения. Сб. статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2023. С. 58–62.
9. Лютова А. В., Донгаузер Е. В. Добровольчество. Что это и откуда взялось? // Научный Лидер. 2021. № 15 (17). С. 114–119.

10. Приходько Д. А. Волонтерство и патриотизм: ключевые инструменты формирования ценностей у молодежи / В сб.: Педагогика, психология, общество: от теории к практике. материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чувашский республиканский институт образования Министерства образования Чувашской Республики. Чебоксары, 2023. С. 36–38.

11. Евтюхин И. А. Волонтерство и патриотизм: два столпа развития гражданского общества // В сб.: Актуальные научные исследования. сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 2023. С. 98–100.

12. Ермилова Р. С. Воспитание патриотизма среди молодежи при помощи вовлечения их в волонтерскую деятельность / В сб.: Всероссийские педагогические чтения 2024. Сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2024. С. 59–64.

References

1. Pavlov B. S., Gogiberidze G. M., Patsula A. V. *Actual models of state and regional policy in the field of patriotic education*. Moscow: Infra-M; 2024. 154 p. (In Russ.)

2. Mersyanova I. V., Yakobson L. I. *The potential and ways of development of philanthropy in Russia*. Moscow; 2010. 410 p. (In Russ.)

3. Klepikova A. A. Volunteers of a charitable organization in a state institution for people with severe disabilities: constructs of volunteerism and professionalism. *Journal of Social Policy Research*. 2011; 9(3):391–416. (In Russ.)

4. Bibikova L. N. Patriotic, socially active student youth - the basis of volunteerism. In: *Scientific and pedagogical support for the implementation of socially significant projects aimed at patriotic education and preservation of the historical and cultural heritage of the regions on the basis of volunteerism (volunteering)*. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference. Armavir; 2022:29–36. (In Russ.)

5. Kokourov S. V., Kharsekin I. R., Kudryavtsev M. D., Sundukov A. S. The influence of sports and volunteer activity on the formation of patriotism among young people and the younger generation. In: *Topical issues of organizing volunteer activities in preparation for major international events: linguistic, psychological, pedagogical, organizational, managerial and social aspects*. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk; 2021:36–40. (In Russ.)

6. Gorlova N. I. *The world of sports volunteering*. Moscow; 2018. 105 p. (In Russ.)

7. Boev V. I. Volunteerism as a direction of patriotic education among the youth of Russia. In: *Science and society: problems and prospects of interaction in the modern world*. Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk; 2024:248–251. (In Russ.)

8. Dimeeva O. A. Ideas of patriotism in civil society. In: *International scientific readings*. Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk; 2023:58–62. (In Russ.)

9. Lyutova A. V., Dongauzer E. V. Volunteerism. What is it and where did it come from? *Scientific Leader*. 2021;15(17):114–119. (In Russ.)

10. Prikhodko D. A. Volunteerism and patriotism: key tools for the formation of values among young people. In: *Pedagogy, psychology, society: from theory to practice. materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Chuvash Republican Institute of Education of the Ministry of Education of the Chuvash Republic. Cheboksary; 2023:36–38. (In Russ.)

11. Yevtyukhin I. A. Volunteerism and patriotism: two pillars of civil society development. In: *Current scientific research*. Collection of articles of the XIII International Scientific and practical Conference: at 2 parts. Penza; 2023:98–100. (In Russ.)

12. Ermilova R. S. Education of patriotism among young people by involving them in volunteer activities. In: *All-Russian pedagogical readings 2024*. Collection of articles of the III All-Russian scientific and practical conference. Petrozavodsk; 2024:59–64. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Кашина – ассистент кафедры «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Information about the author

A. A. Kashina – Assistant of the Department of State and Municipal Management, Rostov State University of Railway Engineering.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 17.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Научная статья

УДК 316+338

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-265-273>

EDN UAIUVS

К вопросу о возможностях социологической диагностики кризисных явлений в экономических системах

Роман Константинович Овчаренко¹,

Ерванд Валерьевич Халамбащян²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹ovcharenko-rk@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4974-4962>

²ervand_557@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов диагностики кризисных состояний, прежде всего в экономике. Анализируются подходы различных авторов к определению экономического кризиса, выделяется подход, при котором основным источником информации для диагностики кризисной ситуации являются не экономические показатели, а результаты социологических исследований предпринимательского сообщества. Анализируются результаты социологических исследований предпринимательского сообщества 2022–2024 гг., делается вывод о том, что несмотря на негативное влияние санкций, большинство предпринимателей не характеризуют ситуацию в экономике России как кризисную. В целях повышения эффективности аналитического обеспечения принятия решений по вопросам развития предпринимательства на государственном уровне, недопущения развития кризисной ситуации в экономике страны предложен ряд мер структурного и институционального развития системы поддержки малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: антикризисное управление, диагностика кризиса, кризис, поддержка экономики, санкции, социологические исследования

Для цитирования: Овчаренко Р. К., Халамбащян Е. В. К вопросу о возможностях социологической диагностики кризисных явлений в экономических системах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 265–273. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-265-273>. EDN UAIUVS

Sociology Problems

Original article

On the question of the possibilities of sociological diagnosis of crisis phenomena in economic systems

Roman K. Ovcharenko¹,

Ervand V. Khalambashyan²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹ovcharenko-rk@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4974-4962>

²ervand_557@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of diagnostic issues of crisis conditions, primarily in the economy. The approaches of various authors to the definition of the economic crisis are analyzed, and an approach is highlighted in which the main source of information for diagnosing a crisis situation is not economic indicators, but the results of sociological research of the business community. The results of sociological research of the business community in 2022–2024 are analyzed, and it is concluded that despite the negative impact

of sanctions, most entrepreneurs do not characterize the situation in the Russian economy as a crisis. In order to increase the effectiveness of analytical support for decision-making on the development of entrepreneurship at the state level, to prevent the development of a crisis situation in the country's economy, a number of measures for the structural and institutional development of the support system for the development of small and medium-sized enterprises are proposed.

Keywords: crisis management, crisis diagnostics, crisis, economic support, sanctions, sociological research

For citation: Ovcharenko R. K., Khalambashyan E. V. On the question of the possibilities of sociological diagnosis of crisis phenomena in economic systems. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):265–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-265-273>. EDN UAIUVS

Введение

Современный российский бизнес функционирует в крайне нестабильных условиях. Если анализировать историю развития отечественного бизнеса, начиная с 90-х гг. XX в., то можно отметить, что за это время практически не было ни одного длительного периода, в рамках которого бизнес не сталкивался с какими-либо вызовами. Дефолт 1998 г., мировой финансовый кризис 2008 г., валютный кризис 2014 г., пандемия коронавируса 2020–2022 гг., экономические санкции, связанные с проведением специальной военной операции – вот лишь наиболее общий и далеко нет полный перечень потрясений, адаптироваться к которым пришлось отечественному бизнесу. Указанные потрясения с одной стороны достаточно негативно сказались на деятельности отечественного бизнеса, так как функционирование в условиях неопределенности, экономических потрясений значительно затрудняет деятельность предприятий, в том числе снижает эффективность планирования, ставит под вопрос реализацию долгосрочных проектов, развития бизнеса. В подобных условиях предприниматели ориентированы на максимизацию текущей прибыли, отодвигая на второй план вопросы долгосрочного развития, так как нестабильность внешней среды ставит под вопрос само развитие бизнеса в долгосрочной перспективе.

С другой стороны бизнес, который умеет адаптироваться к вызовам внешней среды, становится более эффективным. Кризисы и потрясения оставляются на рынке наиболее гибкие организации, которые умеют адаптироваться в имеющимся вызовам. Данные организации используют множеством инструментов, позволяющих преодолеть кризисную ситуацию. Указанные инструменты выработаны практикой антикризисного управления. В свою очередь инструменты антикризисного управления разрабатываются не только учеными в рамках соответствующих теоретических изысканий, но и вырабатываются организациями, попавшими в кризисную ситуацию. В этой связи разработка инструментов диагностики кризисной ситуации является важной задачей в деле адаптации отечественного бизнеса к изменениям, что является значимым фактором экономического роста в стране.

Диагностика кризисных явлений

В условиях усиления внешнеэкономических санкций отечественные предприятия функционируют в крайне непростых условиях. Уход многих иностранных компаний, запрет на поставку оборудования и технологий, ограничения на проведение финансовых операций – вот лишь неполный перечень негативных последствий, с которым столкнулись отечественные предприятия за последние 2 года. В свою очередь экономические санкции в отношении России негативно влияют не только на наше государство, но и на всю мировую экономику. Так, ограничения, связанные с поставкой российской нефти и газа на зарубежные рынки привели к резкому росту цен на энергоресурсы в первой половине 2022 г., а значит и к увеличению производственных издержек среди многих ведущих мировых производителей, использующих энергоносители. Несмотря на то, что цены на нефть и газ со второй половины 2022 г. в целом стабилизировались, имеющиеся ограничения на поставку энергоресурсов из России со стороны большого количества западных стран, в том числе введение «ценового потолка» привели к переориентации отечественных экспортеров энергоресурсов на иные рынки, фактически ограничив возможности «недружественных стран» использовать дешевые российские энергоресурсы. В свою очередь повышение производственных издержек западных компаний привело к ускорению инфляции в данных странах, что в свою очередь создает угрозы экономической нестабильности уже в мировом масштабе. Несмотря на все санкции, Россия по-прежнему

плотно интегрирована в мировую экономику, а значит, ограничения для нашего государства негативно будут сказываться на всем мире.

При этом среди исследователей в настоящее время нет единства мнений относительно того, является ли текущая ситуация в экономике полноценным кризисом. Для разрешения данного вопроса необходимо определиться с самим понятием экономического кризиса, а точнее макроэкономического кризиса, ведь экономический кризис может быть различным по масштабу – на уровне отдельной организации, территории, региона, страны, нескольких стран или даже мира. В экономическом словаре дается следующее определение экономического кризиса – резкое ухудшение экономического состояния страны, проявляющееся в значительном спаде производства, нарушении сложившихся производственных связей, банкротстве предприятий, росте безработицы, и в итоге – в снижении жизненного уровня, благосостояния населения [1]. Подобного подхода в определении данного понятия придерживаются и такие авторы, как Е. М. Канищева [2], В. И. Кушлин и др. [3], И. А. Максимцев и др. [4], Л. М. Марченкова, Е. М. Самородова [5], Б. А. Райзберг и др. [6]).

Существует и более мягкий подход к определению экономического кризиса, согласно которому он представляет собой ситуацию, при которой текущее состояние отклоняется от желаемого. Подобного подхода придерживаются такие авторы, как В. В. Глуценко [7], Д. В. Манушин [8].

Представляется, что указанный «мягкий» подход не отражает содержание экономического кризиса, так как не учитывается во-первых степень отклонения ситуации от желаемой, а во-вторых не содержит упоминание о том, что ситуация должна отклоняться в худшую сторону. При подобном подходе к экономическому кризису можно отнести любую ситуацию, которая связана с отклонением от запланированных показателей, даже если это отклонение связано с улучшением экономической ситуации. Следует отметить, что Д. В. Манушин в своих более поздних публикациях предлагает более жесткую формулировку, согласно которой экономический кризис – это нестандартная ситуация, при которой большинство субъектов, взаимодействующих в экономической системе страны, полагают, что ее неблагоприятное отклонение от нормы излишне велико и несет угрозу их привычной жизнедеятельности, но они способны оперативно и существенно улучшить ожидаемое ее состояние [9].

Данный подход автора предлагает рассматривать экономический кризис не с точки зрения ухудшения макроэкономических показателей, а с точки зрения отношения к данной ситуации экономических субъектов. То есть авторы в качестве индикатора наличия либо отсутствия экономического кризиса предлагают рассматривать не конкретные экономические показатели, которые стали выше или ниже нормы, а отношение к происходящей ситуации со стороны экономических субъектов. Однако здесь возникает вопрос относительно второй части определения, в которой говорится о том, что «они способны оперативно и существенно улучшить ожидаемое состояние». Здесь следует отметить, что возможности улучшения создавшейся ситуации часто зависят от объективных причин, повлиять на которые сам экономический субъект не в силах. Например, после ухода иностранных производителей из России в 2022 г. многие автодилеры были вынуждены закрыться и они никак не могли повлиять на данную ситуацию, а тем более оперативно и существенно улучшить ожидаемое состояние. Да, в текущей ситуации многие автодилеры переориентировались на другие марки автомобилей, однако существенное подорожание последних и как следствие значительное падение спроса на новые автомобили в России значительно сократило количество автодилеров в стране. Конечно, автодилеры могут переориентироваться на другие ниши, однако, не имея опыта построения бизнеса в них, далеко не всегда они обладают уверенностью в том, что «могут оперативно и существенно улучшить ожидаемое состояние».

Ряд исследователей также связывают понятие экономического кризиса с появлением проблем, связанных с нарушением равновесия в экономике (например, Т. В. Богачева [10], Е. Е. Румянцева [11]) или обострением противоречий в экономике (В. А. Губин [12] и др., О. Н. Демчук [13], А. В. Плотников [14] и др.).

В целом данный подход близок к первому, в рамках которого проблемы связаны с резким ухудшением экономического положения в стране, однако в последнем не дается оценка, насколько данное ухудшение стало существенным. Так, противоречия в экономике имеются всегда. По нашему мнению, кризисное значение данные противоречия будут иметь в том случае, если они приводят к значительному ухудшению экономического положения.

Существуют и иные подходы к рассмотрению экономического кризиса, рассматривающие его как стадию делового цикла (А. Н. Азрилиян [15] и др., З. К. Анаева, В. В. Климук [16]) или как момент начала развития экономики в рамках перехода к новому равновесию (В. И. Кушлин и др. [17],

В. А. Мау и др. [18], Л.Г. Маузитова [19]). Данные определения исходят из того, что экономика развивается циклично, кризис является лишь одной из стадий экономического цикла, после которого идет новое развитие экономики. Однако данные определения делают упор именно на циклическом развитии экономики, не уделяя должного внимания содержательным характеристикам кризиса, поэтому исходя из данных определений, нельзя говорить о том, является ли текущая ситуация в экономике России кризисной.

Если рассматривать первое определение, данное А. Б. Борисовым [1], то можно отметить, что текущая ситуация в экономике России к кризисной не относится. Так, промышленное производство по итогу 2022 г. сократилось на 5,8 %, а в 2023 г. выросло на 3,5 %, в связи с чем нельзя говорить о его «значительном спаде», массового банкротства предприятий также не было отмечено. Статистика судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует, что в 2021 г. было 8319 банкротств юридических лиц, в 2022 г. – 7052, в 2023 – 6270, при этом значительно вырос объем долгов компаний-банкротов с 1,21 трлн руб. в 2021 г. до 3,97 трлн руб. в 2023. При этом данный рост хоть и существенен, однако не является критическим. Также нельзя говорить о росте безработицы, напротив, по итогам 2023 г. она составила 3,2 %, что является рекордно низким показателем с 1992 г. Что касается «нарушения производственных связей» как показателя кризиса, указываемого в рассматриваемом определении, то подобное нарушение затронуло прежде всего предприятия, которые были ориентированы не на тесное взаимодействие с зарубежными контрагентами. Однако данные предприятия составляют меньшинство, в связи с чем данный признак также не проявлялся в полной мере. Различные исследователи выделяют и иные признаки кризиса, которые связаны с ухудшением основных макроэкономических показателей, в том числе ВВП, доходов бюджета, показателей инфляции и др. Следует отметить, что в целом большинство макроэкономических показателей находится сейчас в пределах допустимых значений, каких-либо «шоковых колебаний», характерных для кризисного состояния, не замечается.

Однако несмотря на отсутствие макроэкономических показателей, свидетельствующих о кризисе, некоторые экономические субъекты считают текущую ситуацию в экономике кризисной. И здесь стоит упомянуть о подходе Д. В. Манушина, согласно которому кризис является нестандартной ситуацией, при которой большинство субъектов, взаимодействующих в экономической системе страны, полагают, что ее неблагоприятное отклонение от нормы излишне велико. Здесь для диагностики кризисной ситуации могут быть использованы социологические инструменты. Так, в рамках опросов, проводимых среди предпринимательского сообщества, может быть проанализировано, в том числе отношение предпринимателей к текущей экономической ситуации. На основании данных ответов могут быть сделаны выводы, считают ли предприниматели текущую ситуацию в экономике кризисной или нет.

В настоящее время опросы предпринимателей активно используются различными государственными и негосударственными субъектами в целях анализа мнения предпринимателей относительно различных аспектов ведения бизнеса в стране или на определенной территории. Данные опросы являются значимым источником информации для принятия решений о совершенствовании регулирования в сфере предпринимательства.

В 2022 и 2023 гг. различными субъектами проводились опросы предпринимателей, в том числе и на федеральном уровне, в рамках которых рассматривались различные вопросы, позволяющие оценить отношение предпринимателей к текущей экономической ситуации.

Так, одно из крупнейших исследований проводится совместно банком «Сбер», фондом «Общественное мнение» и Минэкономразвития. Исследование проводится среди субъектов малого бизнеса и носит название «Предприниматели России: исследовательский мониторинг» (ПРИМ). В рамках исследования изучаются текущие взгляды предпринимателей, их оценка условий ведения предпринимательской деятельности, отношение бизнеса к государству и востребованность мер господдержки. В опросе принимают участие более 600 предпринимателей со всей России. Проект стартовал в конце 2022 г., в рамках проекта ежеквартально проводятся опросы бизнес-сообщества.

В рамках исследования предпринимателям не задавался вопрос относительно влияния санкций на малый бизнес, однако анализировался вопрос финансового положения предпринимателей.

Оценка своего финансового положения у предпринимателей практически не изменилась с 4 квартала 2022 г. по 1 квартал 2024 г. Большинство опрошенных оценивают свое положение как удовлетворительное (56 % в 2022, 53 % в 2024), при этом выросло количество оценивающих

положение как хорошее (19 % в 2022, 26 % в 2024) и снизилось количество оценивающих как плохое (24 % в 2022, 20 % в 2024)¹.

Улучшились и ожидания предпринимателей относительно будущего своего финансового положения. Так, в 2022 г. 36 % опрошенных считали, что в будущем их положение ухудшится, тогда как в 2024 г. количество негативно оценивающих свое будущее снизилось более чем в 2 раза – до 17 %. Аналогичным образом увеличилось и количество позитивно оценивающих перспективы своего финансового положения – с 18 % в 2022 г. до 39 % в 2024-м.

Также об улучшении отношения предпринимателей к текущей экономической ситуации свидетельствуют и результаты оценки предпринимателями текущего состояния своего бизнеса. Так, только за полгода с 4 квартала 2023 г. по 1 квартал 2024 г. с 12 % до 16 % выросло количество предпринимателей, оценивающих состояние своего бизнеса как «расширение», при этом с 33 % до 30 % снизилось количество предпринимателей, оценивающих состояние своего бизнеса как «сокращение».

В целом результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что большинство предпринимателей оценивают текущую ситуацию в экономике достаточно позитивно, исходя из данных рассматриваемого опроса, не видно «кризисных настроений».

Есть и иные опросы, касающиеся непосредственного влияния санкций на бизнес. Так, с 15 апреля по 19 мая 2022 г. Фондом общественного мнения был проведен опрос 735 российских предпринимателей, в рамках которого оценивалось влияние санкций на бизнес². Результаты опроса свидетельствуют о том, что подавляющее большинство предпринимателей (73 %) негативно оценивают влияние санкций на свой бизнес. Среди основных направлений негативного влияния предприниматели отметили: уменьшение числа заказов (44 %), рост издержек бизнеса, инфляцию, рост цен (41 %), проблемы с поставками (39 %), отсрочки платежей, невозврат долгов (17 %), удорожание кредитов (16 %), проблемы с переводом денег, с расчетами за поставки (15 %), проблемы с уплатой налогов и иных обязательных сборов (9 %), проблемы с выплатой арендной платы (6 %).

Никаких положительных последствий от санкций не ожидают 54 % опрошенных предпринимателей, 32 % ждут, что санкции принесут пользу. При этом в целом улучшения ситуации ожидают 30 % опрошенных, тогда как ухудшения – 28 %.

В целом большинство опрошенных негативно оценивают влияние санкций на свою деятельность, однако при этом нельзя говорить о том, что результаты данного опроса свидетельствуют об отношении ситуации к экономике, как кризисной. Это связано с тем, что кризис связан с резким ухудшением ситуации в экономике, при подобном ухудшении подавляющее большинство опрошенных будут оценивать ситуацию в экономике как негативную и не будут ждать улучшения ситуации, однако результаты опроса это не подтверждают.

Аналогичные исследования проводились и иными субъектами. Так, в августе 2022 г. Торгово-промышленной палатой РФ было проведено анкетирование 5 тысяч предпринимателей в 70 субъектах РФ. В рамках проведенного исследования анализировались вопросы влияния санкций на бизнес, о негативном влиянии заявили 51 % опрошенных предпринимателей, еще 29 % оценили данное влияние как незначительное³. Однако, как и в рамках предыдущего опроса, его результаты не фиксируют отношения предпринимателей к экономической ситуации в стране как кризисной.

Указанные исследования показывают важность социологических методик и инструментов в диагностике кризисного состояния в экономике. Это связано с тем, что кризис в экономике – это достаточно условная категория, которая определяется не только экономическими показателями, но и отношением к текущей экономической ситуации со стороны хозяйствующих субъектов. В этой связи серьезной задачей является проведение системного мониторинга отношения к экономической

¹ Зафиксирован рост позитивных ожиданий ПРИМ: предприниматели в I квартале 2024 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://smbiz.fom.ru/post/prim-predprinimateli-v-i-kvartale-2024-goda>

² Реакция предпринимателей на санкции и контрсанкции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://smbiz.fom.ru/post/reakciya-predprinimatelej-na-sankcii-i-kontrsanckii>

³ Специальный проект ТПП РФ «Бизнес-барометр страны» VI ЭТАП «Оценка предпринимателями текущей ситуации, нужд и потребностей, практического опыта» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kuztpp.ru/download.php?GET=cG4qecmKLSqH010Kp%2F0POR8qcT4DjIX9solzLxJlq6RhYWFhYWFhYWFhYWFhD8FQTexOEw%3D%3D>

ситуации предпринимательской деятельности. Ожидание кризисной ситуации формирует инвестиционные ожидания, а значит, напрямую влияют на инвестиционную привлекательность в стране, в определенных отраслях или на определенной территории. В свою очередь, решить задачу экономического развития возможно, лишь управляя процессом повышения инвестиционной привлекательности, стремясь к наиболее полной реализации объективных возможностей экономической системы [20]. Это актуализирует вопросы диагностики кризисного состояния путем проведения соответствующих социологических замеров предпринимательской среды.

В настоящее время различными субъектами проводится широкий спектр опросов среди предпринимателей, некоторые из которых учитываются органами власти при разработке политики развития малого и среднего предпринимательства в стране, другие – нет. Так, рассматриваемое в настоящей работе исследование ПРИМ проводится при участии Минэкономразвития РФ и, вне всякого сомнения, его результаты принимаются во внимание министерством при выработке решений в сфере экономической политики государства. Однако далеко не все исследования, которые проводятся без участия государственных субъектов, принимаются во внимание при выработке соответствующих решений на государственном уровне. В этой связи для решения данной проблемы имеет смысл проработать вопрос об усилении структуры поддержки предпринимательства путем создания некоей новой институции – постоянного органа, задачей которого являлось бы проведение соответствующего мониторинга и анализ его результатов. Создание такого органа предлагается при Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства (далее – Правительственная комиссия). В соответствии с п. 7 положения о комиссии, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 марта 2008 г. № 178, «При Комиссии создаются рабочие группы по отдельным направлениям деятельности с привлечением представителей федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, предпринимательских сообществ, ученых и специалистов для подготовки рекомендаций и проектов решений по вопросам, отнесенным к ее компетенции». На основании данного пункта необходимо создать рабочую группу по проведению мониторинга состояния малого и среднего предпринимательства.

В ее состав целесообразно включить представителей Минэкономразвития РФ, Комитета Государственной Думы по малому и среднему предпринимательству, Торгово-промышленной палаты РФ, Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» и иных объединений предпринимателей, Всероссийского центра изучения общественного мнения, Фонда «Общественное мнение» и иных социологических институтов, а также представителей экономических вузов, региональных органов власти.

В задачи рабочей группы будет входить анализ результатов различных исследований малого и среднего предпринимательства, их обобщение и направление аналитической информации в Правительственную комиссию. Также в функции рабочей группы должна входить разработка собственных программ социологических исследований сферы малого и среднего предпринимательства с целью выяснения различных аспектов развития данного института, в том числе исследований отношения предпринимателей к кризисной ситуации в стране.

Полученные данные должны соотноситься с экономическими показателями развития предпринимательства, что позволит сформировать комплексную систему мониторинга малого предпринимательства на федеральном уровне.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в настоящее время имеется множество подходов к пониманию кризиса, в том числе экономического. Важную роль среди них занимает подход, в рамках которого основным признаком экономического кризиса является не только резкое ухудшение экономических показателей, но и отношение к данной ситуации экономических субъектов.

Категория «отношение экономических субъектов к ситуации в экономике» – это социологическая тема, именно с этой позиции интересны нам экономические кризисы, рассматриваются нами возможности их исследования и диагностики. В рамках нашего видения диагностики кризисных явлений экономический кризис представляет собой нестандартную ситуацию, при которой большая часть хозяйствующих субъектов считают, что текущая экономическая ситуация в экономике является кризисной, что создает угрозы для их нормального функционирования. Здесь мы обращаем

внимание прежде всего на мнения, обобщенные суждения и оценки явления, а не на само явление. При использовании данного подхода основным источником информации для диагностики кризисной ситуации являются не экономические показатели, а результаты социологических исследований предпринимательского сообщества.

Проведенный анализ результатов социологических исследований 2022–2024 гг. свидетельствует о том, что предприниматели не характеризуют текущую экономическую ситуацию как кризисную, однако отмечают негативное влияние санкций на свой бизнес, а также отмечают актуальность отдельных проблем ведения хозяйственной деятельности. Результаты данных исследований играют важную роль в выработке государственных решений, направленных на повышение эффективности регулирования предпринимательской деятельности. Для повышения эффективности выработки соответствующих решений предлагается создание при Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства рабочей группы по мониторингу состояния малого и среднего предпринимательства, в состав которой необходимо включить представителей Минэкономразвития РФ, общественных объединений предпринимателей, социологических институтов и экономических вузов. В задачи данной группы должно входить обобщение результатов проведения различных социологических исследований предпринимательского сообщества, а также разработка и проведение программ собственных социологических исследований. Создание такого органа позволит повысить эффективность аналитического обеспечения принятия соответствующих решений по вопросам развития малого и среднего предпринимательства на государственном уровне, не допустить развития кризисной ситуации в экономике страны.

Список источников

1. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. 895 с.
2. Канищева Е. М. Особенности экономического кризиса в России, его характер и преодоление // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 5. С. 332–334.
3. Экономический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов / под ред. В.И. Кушлина, В.П. Чичканова. М.: РАГС, 2004. 743 с.
4. Максимцев И. А., Кураков Л. П., Тарасевич Л. С. и др. Большой экономический энциклопедический словарь / под ред. Л. П. Куракова. М.: ЮниВестМедиа, 2011. 1200 с.
5. Марченкова Л. М., Самородова Е. М. Кризисные явления в российской экономике и пути выхода из них // Бюллетень науки и практики. 2020. № 6. С. 199–204.
6. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 496 с.
7. Глущенко В. В. Финансовая кризисология: наука о механизме финансовых кризисов финансовом антикризисном управлении // Финансы и кредит. 2008. № 48. С. 10–17.
8. Манушин Д. В. Новый взгляд на понятие «кризис» // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 15. С. 17–24.
9. Манушин Д. В. Уточнение понятия «макроэкономический кризис» // Финансы и кредит. 2014. № 25 (601). С. 39–55.
10. Богачева Т. В. Понятие кризиса и механизм его возникновения // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 2. С. 60–68.
11. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. М.: ИНФРА-М, 2005. 724 с.
12. Губин В. А., Щепакин М. Б. Об экономической природе кризиса и антикризисного управления // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2010. № 4. С. 436–439.
13. Демчук О. Н., Ефремова Т. А. Антикризисное управление: учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2009. 256 с.
14. Плотников В. А., Федотова Г. В. Государственная бюджетная политика в условиях кризиса: региональный аспект // Управленческое консультирование. 2015. № 4. С. 59–69.

15. Азрилиан А. Н., Азрилиан О. М., Калашникова Е. В., Мещерякова О. М. Большой экономический словарь. 5-е изд. доп. и перераб. / под ред. А. Н. Азрилиана. М.: Институт новой экономики, 2002. 1280 с.
16. Анаева З.К., Климук В.В. Цикличность как закономерность и формат социально-экономического развития России // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 11. С. 13–20.
17. Экономический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов / Под ред. В.И. Кушлина, В.П. Чичканова. М.: РАГС, 2004 743 с.
18. Мау В., Лукша Н., Трунин П. и др. Российская экономика в 2011 году. Тенденции и перспективы. Выпуск 33. М.: Институт Гайдара, 2012. 612 с.
19. Маузитова Л. Г. Природа современного экономического кризиса // Сборник докладов международной научной заочной конференции «Актуальные вопросы современной экономической науки». Липецк: Де-факто, 2010. С. 51–54.
20. Асабуа О. А., Овчаренко Р. К., Назаренко Н. В. К оценке инвестиционной привлекательности экономической системы // Цифровизация публичного администрирования, экономики, политики и социальной сферы: проблемы и перспективы: Сборник докладов научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 25 марта 2021 г. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 64–70.

References

1. Borisov A. B. *Big economic dictionary*. Moscow; 2003. 895 p. (In Russ.)
2. Kanishcheva E. M. Features of the economic crisis in Russia, its nature and overcoming. *Alley of Science*. 2018;5(5):332–334. (In Russ.)
3. *Economic Dictionary. Modern market economy. State regulation of economic processes*. V.I. Kushlin, V.P. Chichkanov (eds). Moscow: RAGS; 2004. 743 p. (In Russ.)
4. Maksimtsev I. A., Kurakov L. P., Tarasevich L. S. and others. The Great Economic Encyclopedic Dictionary. L. P. Kurakov (ed.). Moscow: UniVestMedia; 2011. 1200 p. (In Russ.)
5. Marchenkova L. M., Samorodova E. M. Crisis phenomena in the Russian economy and ways out of them. *Bulletin of Science and practice*. 2020;(6):199–204. (In Russ.)
6. Raisberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. *Modern economic dictionary*. Moscow: INFRA-M; 1997. 496 p. (In Russ.)
7. Glushchenko V. V. Financial crisis management: the science of the mechanism of financial crises in financial crisis management. *Finance and credit*. 2008;(48):10–17. (In Russ.)
8. Manushin D. V. A new look at the concept of "crisis". *Economic analysis: theory and practice*. 2013;(15):17–24. (In Russ.)
9. Manushin D. V. Clarifying the concept of "macroeconomic crisis". *Finance and credit*. 2014;25(601):39–55. (In Russ.)
10. Bogacheva T. V. The concept of crisis and the mechanism of its occurrence. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*. 2009;(2):60–68. (In Russ.)
11. Rumyantseva E. E. *New Economic Encyclopedia*. Moscow: INFRA-M; 2005. 724 p. (In Russ.)
12. Gubin V. A., Shchepakina M. B. On the economic nature of the crisis and anti-crisis management. *Management of economic systems: electronic scientific journal*. 2010;(4):436–439. (In Russ.)
13. Demchuk O. N., Efremova T. A. *Anti-crisis management: textbook*. Moscow: Flint: MPSI; 2009. 256 p. (In Russ.)
14. Plotnikov V. A., Fedotova G. V. State budgetary policy in crisis conditions: regional aspect. *Administrative Consulting*. 2015;(4):59–69. (In Russ.)
15. Azriliyan A. N., Azriliyan O. M., Kalashnikova E. V., Meshcheryakova O. M. *Big Economic dictionary*. 5th ed. additional and revised. A. N. Azriliyan (ed.). Moscow: Institute of New Economics; 2002. 1280 p. (In Russ.)
16. Анаева З. К., Климук В. В. Цикличность как закономерность и формат социально-экономического развития России. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2014;(11):13–20. (In Russ.)

17. *Economic dictionary. Modern market economy. State regulation of economic processes.* V. I. Kushlin, V. P. Chichkanov (eds). Moscow: RAGS; 2004. 743 p. (In Russ.)
18. Mau V., Luksha N., Trunin P., etc. *The Russian economy in 2011. Trends and prospects.* Issue 33. Moscow: Gaidar Institute; 2012. 612 p. (In Russ.)
19. Mauzitova L. G. The nature of the modern economic crisis. In: *Collection of reports of the international scientific correspondence conference "Topical issues of modern economics"*. Lipetsk: De Facto; 2010:51–54. (In Russ.)
20. Asabua O. A., Ovcharenko R. K., Nazarenko N. V. To assess the investment attractiveness of the economic system. *Digitalization of public administration, economics, politics and the social sphere: problems and prospects.* Rostov-on-Don, March 25, 2021. Rostov-on-Don; 2021:64–70. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. К. Овчаренко – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Южно-Российского института управления – филиала ЮРИУ РАНХиГС.

Е. В. Халамбащян – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

R. K. Ovcharenko – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

E. V. Khalambashyan – Postgraduate Student of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 24.08.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 24.08.2024.

Технологии медиакоммуникаций в политической сфере в контексте современной геополитической ситуации

Александра Борисовна Баранова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия,
alexandra@baranovalawgroup.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые характеристики технологии медиакоммуникаций в политической сфере в контексте современной геополитической ситуации. Автор исследует влияние современных медиакоммуникаций для распространения политической информации. В работе анализируются особенности применения технологий медиакоммуникаций различными политическими акторами, а также их влияние на формирование общественного мнения и политических предпочтений. Статья представляет интерес для специалистов в области политической науки, социологии, журналистики и других гуманитарных наук, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными тенденциями в развитии медиакоммуникационных технологий и их влиянием на политическую сферу. Автор статьи рассматривает политическую коммуникацию как процесс трансфера политически значимой информации между различными элементами политической системы с последующей целью ее усвоения. Проанализированы цифровые факторы влияния медиакоммуникаций на политическую среду. Современные медиакоммуникационные технологии предоставляют политическим акторам новые возможности для воздействия на общественное мнение и формирования политических предпочтений граждан. Однако они также могут быть использованы для распространения дезинформации и манипулирования общественным сознанием, поэтому автор статьи указывает на важность профессионализации знаний в этой области в целях превенции распространения недостоверной информации. Представляется, что политическим акторам в условиях цифровых изменений необходимо активизировать взаимодействие с онлайн-платформами, цифровыми сервисами и социальными сетями для эффективного взаимодействия с населением.

Ключевые слова: медиакоммуникации, политическая коммуникация, контент, виральность, социальные сети, общественное сознание, медиакоммуникационные технологии

Для цитирования: Баранова А. Б. Технологии медиакоммуникаций в политической сфере в контексте современной геополитической ситуации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 274–281. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-274-281>. EDN UJYOZJ

Young scientists

Original article

Media communication technologies in the political sphere in the context of the current geopolitical situation

Alexandra B. Baranova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, alexandra@baranovalawgroup.ru

Abstract. The article considers key characteristics of media communication technology in the political sphere in the context of the current geopolitical situation. The author explores the influence of modern media communication for political information. The article analyses the features of application of media communication technologies by various political actors, as well as their influence on public opinion formation

and political preference. The article is of interest to specialists in the field of political science, sociology, journalism and other humanities, as well as to a wide range of readers interested in modern trends in the development of media communication technologies and their impact on the political sphere. The author of the article considers political communication as a process of transfer of politically relevant information between different elements of the political system with the aim of its subsequent assimilation. The digital factors of influence of media communications on political environment are analyzed. Modern media communication technologies provide new opportunities for political actors to influence public opinion and shape the political preferences of citizens. However, they can also be used to spread misinformation and manipulate the public consciousness, so the author points out the importance of professionalizing knowledge in this area to prevent the dissemination of inaccurate information. It seems that political actors in the digital environment need to intensify interaction with online platforms, digital services and social networks for effective interaction with the population.

Keywords: media communications, political communication, content, virality, social networks, public consciousness, media communication technologies

For citation: Baranova A. B. Media communication technologies in the political sphere in the context of the current geopolitical situation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):274–281. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-274-281>. EDN UJYOZJ

Введение

Конститутивным элементом в теории геополитики выступает политическое пространство, феномен целостности которого был заложен в трудах Ф. Ратцеля [1]. Использовать термин «политическое пространство» актуально применительно к коммуникативному аспекту, описывая ландшафт взаимодействия участников политической действительности [2]. В настоящий момент пространственный феномен вызывает все большее количество международных конфликтов, так как политическое пространство претерпело качественные изменения, цифровизировалось, что также привело и к дисбалансу политических сил. Глобализация формирует единое политико-экономическое, культурное пространство, которое покрывает всю мировую конъюнктуру [3]. В условиях глобального Интернет-пространства диджитал-инструментарий имеет ключевую роль в процессе усиления эффективности политической коммуникации.

В целом коммуникация (как и научное направление) связана с изучением способов коммуникации с общественной средой и социальное взаимодействие в различных сетях коммуникации (включая электронные сетевые сообщества) [4]. Политическая коммуникация же в последнее время стала представлять собой отдельное направление коммуникативистики [5] с присущими ей особенностями. В современных геополитических реалиях именно медиапространство становится средой для осуществления политической коммуникации: происходит медиатизация политики – процесс, которому «свойственна эволюция общения правящих кругов и гражданского общества» [6].

Именно поэтому медиапространство выступает маркером текущей политической ситуации. Но какие технологии и приемы должны знать политические акторы для успешной интеграции и конкурентоспособности в реалиях современного политического пространства? В рамках данной статьи рассмотрим ряд особенностей коммуникаций в диджитал-среде применительно к политической сфере и укажем на ряд приемов, которые опосредуют успешную коммуникацию между политическими лидерами и гражданами с применением цифровых достижений.

Автоматическая рефлексия как феномен медиакоммуникаций в политической сфере

Политическую коммуникацию рассматривают как трансфер политической информации, как процесс непрерывной циркуляции политически значимой информации [7–8] между различными элементами политической системы с последующей целью ее усвоения. При этом, важно отметить, что особенно в политическом процессе триггером самого появления информации является именно возможность такой информации оказать влияние на ту или иную группу лиц. Медиапространство изначально исходит из абсолютно иного понимания информации. Для медиапространства информация служит активом, «притягивающим» внимание пользователя (при этом, такая информация может относиться к совершенно разным областям: от космических открытий до модных тенденций). Таким образом, медиасреда нацелена на отражение наиболее актуальных сведений, такое отражение происходит автоматически по формуле «возникновение события – его отражение в информационной поле», именно такое свойство мы называем автоматическая рефлексия. Для политической действительности допустимо создание инфоповодов акторами с целью оказания влияния, однако

в условиях автоматической рефлексии, когда без явной на то интенции информация распространяется в Сети, политические акторы вынуждены всегда оперативно такую информацию отслеживать и модифицировать, используя ее потенциал в своих интересах. Проиллюстрируем на следующем примере, что именно означает рефлексия в медиапространстве.

19 мая 2024 г. в средствах массовой информации начали распространяться сведения о крушении вертолета Президента Ирана Ибрагима Раиси. Релевантной реакцией на соответствующие заголовки статей в Интернет-изданиях (до опубликования официальной информации представителями Ирана) стало увеличение следующего запроса в поисковой выдаче – «Есть ли у Ирана ядерное оружие». Указанное подтверждают специальные сервисы поисковой аналитики, к примеру, Google Trends. Ниже представлен скрин с результатами запроса (рис. 1)¹:

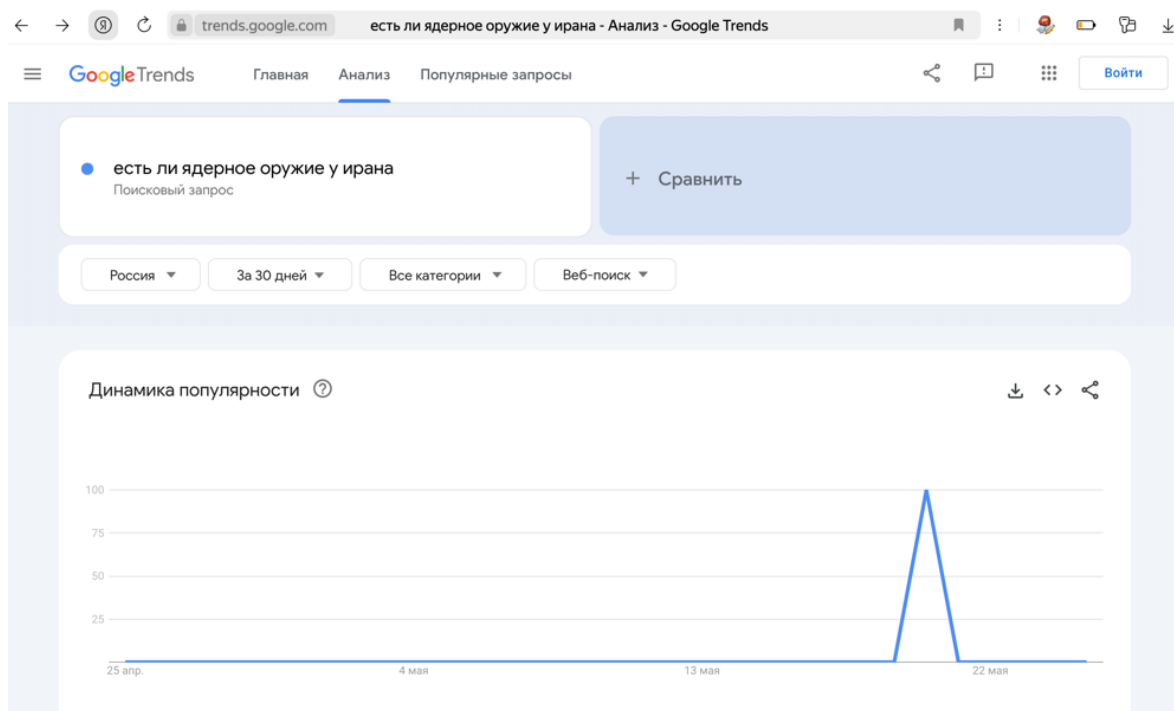

Рис. 1. Результаты запроса в поисковой выдаче – «Есть ли у Ирана ядерное оружие»
Fig. 1. Search results for "Does Iran have nuclear weapons"

Если показатель количества реальных запросов пользователей отражает интенцию самих пользователей, их осознанный выбор, то примечательно обратить внимание и на механизм формирования рекомендательного запроса в строке поисковой выдачи. Так, на портале «47news.ru» были опубликованы скриншоты² поисковой выдачи Google 19 мая 2024 г. (рис. 2).

В данном случае интенция формирования предложений для поисковой выдачи формируется непосредственно алгоритмом, искусственным интеллектом и его правообладателями, то есть именно поисковая машина подсказывает пользователю возможную формулировку запроса. Несмотря на то, что алгоритм выдачи подсказок для поисковой выдачи основывается на анализе частоты запросов пользователя и, агрегируя, предлагает наиболее популярное, в тоже время не исключено, что алгоритмы генерации запросов могут создавать самостоятельно популярность тем или иным тематическим аспектам, выводить их в раздел «подсказки» и тем самым манипулировать общественным сознанием. Более того, на сегодняшний день лидеры IT-индустрии сами раскрывают принципы действия алгоритмов формирования «поисковых подсказок». Так, в блоге Яндекса как раз одна из статей посвящена принципу работы поисковых подсказок. Более подробно с информацией (которая размещена в публичном доступе) можно ознакомиться, перейдя по ссылке – <https://yandex.ru/blog/company/84816>. Важно отметить, одну из ключевых черт формирования запросов – ограниченно локальный и узконаправленный / пользовательско-кастомизированный принцип.

¹ Дата обращения к ресурсу – 28.05.2024.

² Данный скрин приводится с сайта «47news.ru» / URL : <https://47news.ru/articles/250782/>.

22:32 19.05.2024

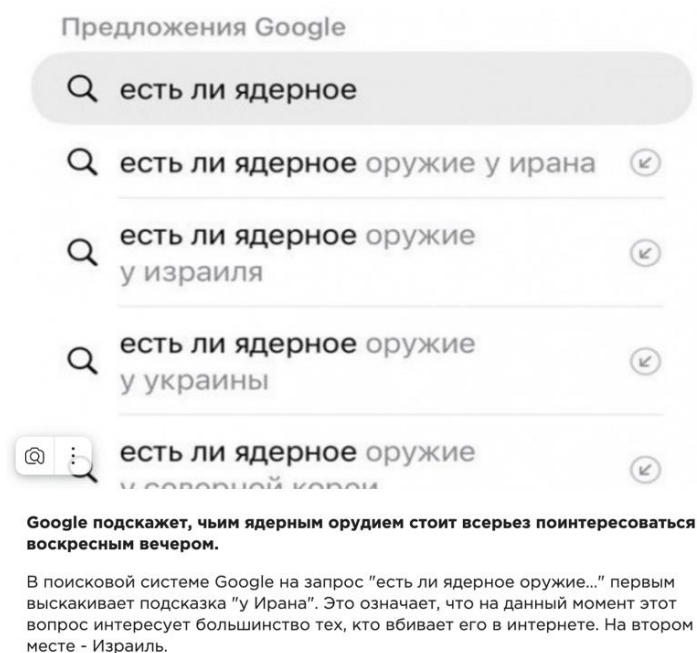

Рис. 2. Скрин поисковой выдачи Google 19 мая 2024 г.

Fig. 2. Google search results screenshot on May 19, 2024

Поисковые подсказки чаще зависят от местонахождения пользователя и формируются с учетом запросов других пользователей аналогичного региона, следовательно, их формирование может быть обусловлено особенностями политического пространства. Основная функция подсказок (с точки зрения утилитарности пользовательского интерфейса) – минимизировать временной ресурс на ввод нужного поискового запроса, а, следовательно, с определенной долей вероятности мы говорим и про минимизацию критического восприятия запроса пользователями с учетом лаконичной формулировки при одновременном увеличении допустимых пределов «интервенции» политической элиты в обычную жизнь пользователей медиaprостранства. Благодаря данному примеру становится очевидным, насколько оперативно информационная Интернет-среда «отражает» (при этом, как непосредственно реагируя на изменения, так и оказывая влияния на пользователей) актуальные политические события и через абсолютно технические приемы может влиять на формирование субъективного восприятия действительности: в указанном примере распространение одной информации, явно обладающей политической важностью (т.к. постановка вопроса о допустимости использования ядерного оружия очевидно создает политическую напряженность), было «приумножено» технической составляющей (т.е. подсказки в поисковой выдаче), что привело не только к возникновению большого интереса к ситуации, но и создало почву для развития псевдо-панической напряженности по ядерному вопросу. В этой связи стоит отметить, что безусловно исследователи отмечают и деструктивный потенциал сетевого пространства, способный предложить отрицательный сценарий общественно-политического развития [9].

Принципы создания вирального контента и иные приемы цифровизации политической коммуникации в условиях медиaprостранства

Кроме оперативной и масштабной «рефлексии» (которая может быть использована не только правомерно) в условиях цифрового политического пространства медиасреда как средство распространения информации имеет ряд других конкурентных преимуществ в сфере политтехнологий в том или ином политическом пространстве, которые должны быть изучены управленцами для эффективной политической коммуникации. Среди них: доступность контента широкой аудитории, возможность подключения к прямой трансляции из любой точки планеты, стремление к созданию *вирального контента*. Предлагаем более подробно остановиться на последней характеристике и определить ее влияние на политическую среду.

Для этого обратимся к модели бихеовиристских типов пользователей социальных сетей, разработанных американским пионером Интернет-маркетинга Брайаном Солисом. Им было выделено 18 типов пользователей в социальных сетях¹:

доброжелатели	производители	наблюдатели
решатели проблем	вещатели	карьеристы
комментаторы	маркетологи	пользователи, предоставляющие слишком много лишней информации
исследователи	веб-звезды	спамеры
собеседники	эгокастеры	личеры
кураторы	селф-промоутеры	жалобщики

Указанный перечень имеет, на наш взгляд, две интересные особенности, связанные между собой:

- употребление семантически «активных» терминов;
- преобладание эгоцентричных, привлекающих внимание к «Я-компоненту» характеристик.

Начнем с раскрытия тезиса о семантически «активных терминах». Большинство указанных ролей по своему семантическому значению являются «активными». Детализируем вышесказанное. Действие (а равно как и бездействие, то есть сознательное действие по непринятию тех или иных мер) подразумевает наличие ментального и физического компонента, между которыми формируется интенциональная² причинность (политическая, т.е. убеждающая, власть высших душевных способностей над телесными членами, способными двигаться произвольно, и над низшими душевными способностями). Такая категория отличается наличием «смысла» как порождающего элемента [10]. Ментальный компонент, к примеру, осознание желания зайти на страницу в социальную сеть, репрезентует физический, к примеру, нажатие кнопки на телефоне для авторизации в Сети. Именно данное обстоятельство является ключевым для вовлечения субъекта в политическое поле – оно происходит при даче согласия посредством конклюдентных действий, так как им совершается активное действие по получению доступа к информационной среде (поисковая система, социальные сети и др.), которую политическая элита использует для распространения информации, обуславливающей свою позицию. Именно пользователь делает первый шаг на встречу вовлечению в медиaprостранство посредством регистрации в социальных сетях, подключению к своему аккаунту, верификации в аккаунте для прочтения ленты и т.д.

Активность пользователей проявляется и в склонности оценки происходящего с позиции «Я-компонента». Указанное есть вторая особенность, которую мы отметили в модели Брайана Солиса. Формирование контента происходит, исходя из личных эгоистических желаний – стать вещателем и распространить свою позицию, сделать ее «вирусной» – виральной. При этом, как бы парадоксальной следующее утверждение не звучало, укажем, что эгоистические мотивы в Сети органично существуют со стремлением быть частью сообщества, которое и создает виральный эффект, а, следовательно, для поддержания своего статуса инфлюенсера субъект начинает модифицировать в некотором роде и личные установки (выбирает отчасти конформистский путь [11]) под влиянием сообщества (даже если такое сообщество является его аудиторией в социальных медиа). В этом проявляется феномен взаимообусловленности вирального контента: чтобы уникальный контент пользователя стал «вирусным» и удовлетворил его эгоистические стремления содержание такого контента должно быть заранее одобрено другими участниками этой группы, а, следовательно, в момент его создания инфлюенсер исходит из позиции «должно нравиться большинству». Индивидуальная мотивация изначально подменяется заинтересованностью в групповом одобрении, так первичным триггером служит поиск интересов, которые пересекаются между различными «узлами» и должны быть привлекательны и ценны для большой аудитории. Понятие «узла» (люди, которые обращаются к определенной теме чаще, чем это делает среднестатистический пользователь) принадлежит Э. Розену

¹ Solis, B. Digital Transformation: Executives Need A Sense of Urgency To Compete Against Digital Natives / B. Solis. – URL: <https://www.briansolis.com/2019/11/digital-transformation-executives-need-a-sense-of-urgency-to-compete-against-digital-natives> (дата обращения: 10.09.2019).

² Просим рассматривать данный термин как отчасти связанный с мотивацией, однако только ей не охватывающий. Более подробно с историей формирования и содержанием данного термина можно ознакомиться в работах Фомы Аквинского, схоластов.

и описано в его работе «Анатомия слухов. Маркетинговые приемы» [12]. Виральность контента используется очень активно в политической среде, к примеру, видео с падением Джо Байдена как явно подтверждающее затруднительность (в виду возрастных, физических, медицинских причин) для американского Президента осуществлять управление страной демонстрировалось большинством СМИ по всему миру для констатации опасных последствий его нахождения у власти для мировой политики в целом.

Хрестоматийным примером вирального контента в политической сфере может служить и интервью Президента РФ Владимира Путина Такеру Карлсону. Такер Карлсон является американским консервативным журналистом, получившим широкую популярность благодаря политическому ток-шоу в эфире Fox News. После увольнения с телеканала журналистом была создана платформа потокового вещания – Tucker Carlson Network, на которой для пользователей выходят документальные фильмы, полномасштабные интервью, новостные сводки. Следует отметить, что среди гостей Карлсона есть не только мировые лидеры (Виктор Орбан, Хавьер Милей), но и бизнесмены, спортсмены, музыканты.

Следуя представленной в абзацах выше концепции виральности, первоначальным триггером для создания контента служит эгоистическое стремление собственной популяризации. С этой точки зрения, возможность взять интервью у самого известного политического лидера в условиях текущей международной обстановки для карьеры Такера Карлсона определенно повысила его рейтинги. Однако виральность достигается благодаря продвижению позиции, разделяемой большинством и им репрезентуемой. Несмотря на политические взгляды, стремление Такера Карлсона осветить действительное положение дел на международной арене, ряд его вопросов все же продиктованы прозападной позицией, которую он стремился отразить в момент интервью. К примеру, это отчетливо проявляется в момент последних вопросов, касательно правовой квалификации действия иностранных лиц, осуществляющих шпионаж в РФ. Однако, как было указано выше, виральность предполагает отражение позиции большинства и ее закрепление у аудитории посредством популяризации. Следует также сказать, что виральность контента с учетом «законов» медиапространства создается при ряде приемов, которые уникально были использованы лидером России:

– Большая часть интервью посвящена исторической справке В.В. Путина, которая в формате «причина-следствие» (что делает повествование максимально удобным к восприятию для пользователя) объясняет национальные особенности новых территорий и их неоспоримую аффилированность с РФ. В медиапространстве такой прием получил название «*сторителлинг*» и используется для выстраивания коммуникации с аудиторией за счет формирования у пользователя внутренней причастности к событиям, синхронизации с историческими событиями. Следует отметить, что первоначально Такер Карлсон не осознал, почему собеседник уделяет особенное внимание исторической составляющей. История – именно та область, которая с максимальной эффективностью способствует формированию политической идентичности, сплоченности нации, является превенцией против альтернативной и «удобной» интерпретацией в целях манипулирования сознанием гражданина. Исторический канон – это устойчивая константа рационального политического осознания гражданами эволюции того или иного политического процесса. С этой точки зрения, прослеживается профессионализм российского лидера в работе с медиапространством: Владимир Путин использовал временной ресурс по своему усмотрению, в хорошем смысле этого слова «игнорируя» попытки Такера Карлсона прервать фундаментальное послание зрителям интервью. И этот прием также внес дисбаланс в расстановку сил, с одной стороны, увеличивая внимание аудитории к важности исторической справки, с другой стороны, указание на самостоятельное определение Президентом РФ линии интервью, что указывает на его «сильную переговорную позицию».

– Как было указано выше, Владимир Путин умело завладел инициативой в рамках интервью, в том числе, благодаря направлению вопросов, уточнений и самому журналисту. При этом, было заметно, что несмотря на высокое мастерство Такера Карлсона (который довольно известен своими способностями фактчекинга) не всегда мог парировать, а ряд фактов был для него ранее абсолютно неизвестным, что не позволило ему высказать контраргументы, однако явно заставило пересмотреть свою позицию (в этой связи, следует отметить великолепное владение техникой рефрейминга).

Таким образом, указанное интервью можно считать уникальным примером владения специальными приемами и техниками при работе с аудиторией медиапространства в рамках анализа политически важных событий. Без излишней политизации исторических событий, размеренно, в максимально этичном ключе Президент РФ донес до многомиллионной аудитории важный предметно-содержательный и мотивационно-целевой компонент (в лучших традициях законов медиапространства): информация о политических событиях прошлого и их влияние на настоящее.

Заключение

Очевидно, что использование медиапространства в подобном ключе позволяет эффективно осуществлять коммуникации (в т.ч. используя новые каналы коммуникации) между политическими акторами и населением. Сегодня изменение способов политической коммуникации обусловлено востребованностью трансформационных процессов, которые предлагают все новые средства для совершенствования взаимодействия с аудиторией. Генезис политических коммуникаций на фоне технологической интенсификации медиапространства в то же время требует и совершенствования знаний о таких средствах и лучшего понимания «природы» человека. Для получения конкурентных преимуществ в медиапространстве следует большее внимание уделять изучению отношения человека к техническим достижениям. Кроме этого, политический актор сегодня должен активно использовать современные цифровые приемы политической коммуникации в медиапространстве. Именно поэтому в рамках данной работы был проведен анализ событийной рефлексии и виральности как приемов, способствующих улучшению политической коммуникации. Посредством примеров удалось проиллюстрировать внутренние первичные интенции каждого человека быть частью медиапространства. Указанное способствует также превенции абсентеизма, так как «онлайн-участие» для многих кажется более комфортной формой проявления своей позиции. Это обусловило, к примеру, появление и такого явления как слэктивизм¹. В этой связи, следует также указать, что использование цифровых достижений должно способствовать политическому вовлечению все большего количества участников, что также обусловит эффективность политической коммуникации.

Список источников

1. Ratzel // *Annales de geographic*. 1898.
2. Попова Е. А., Мартемьянова З. С. Экосистемный подход формирования цифрового политического пространства: современное состояние и перспективы применения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 189–193. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-189-193>
3. Черкасова Т. П., Айрапетян Д. А. Внешнеполитические интересы и интеграционные тренды современных держав // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-4-216-224>
4. Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации. 7-е изд., стер. М.: Дашков и К, 2023. 488 с.
5. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика в России: проблемы становления // Коммуникология. 2014. Том 5. № 3. С.47–62.
6. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 327 с. ISBN 978-5-8243-1649-0.
7. Володенков, С.В. Политическая коммуникация и современное политическое управление // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 22–31.
8. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология : Пер. с фр. В 3 ч. М.,1992.
9. Попова Е. А., Ночевка А. А. Цифровые трансформации политического управления: развитие онлайн-сервисов // Государственное муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-4-212-215>
10. Вдовина Г. В. Интенциональность и жизнь. Философская психология постсредневековой схоластики. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 592 с. Серия «Humanitas».
11. Будовская Ю. В. Конформизм, как условие для удовлетворения эгоистических мотивов пользователей в интерактивных масс-медиа // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2012. № 3. С. 228–239.
12. Розен Э. Анатомия слухов: маркетинговые приемы. Пер. с англ. И. Малкова. СПб.: Питер, 2006. 240 с.
13. Догаев П. П. Слактивизм как форма общественно-политического участия в эпоху «постправды» // Политика и общество. 2017. № 8. С. 1–9. <http://dx.doi.org/10.7256/2454-0684.2017.8.23906>

¹ Более подробно можно ознакомиться в статье Догаева П. П. [13]

References

1. Ratzel. *Annales de geographic*. 1898. (In German)
2. Popova E. A., Martemyanova Z. S. Ecosystem approach to the formation of digital political space: current state and prospects of application. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):189–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-189-193>
3. Cherkasova T. P., Ayrapetyan D. A. Foreign policy interests and integration trends of modern powers. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(4):216–224. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-4-216-224>
4. Sharkov F. I. *Communicology: fundamentals of the theory of communication*. 7th ed., ster. Moscow: Dashkov and K; 2023. 488 p. (In Russ.)
5. Timofeeva L. N. Political communication studies in Russia: problems of formation. *Communicologia*. 2014;5(3):47–62. (In Russ.)
6. *Political communication studies: theory, methodology and practice*. L. N. Timofeeva (ed.). Moscow: Russian Association of Political Science (RAPN); Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2012. 327 p. ISBN 978-5-8243-1649-0. (In Russ.)
7. Volodenkov S. V. Political communication and modern political management. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*. 2011;(6):22–31. (In Russ.)
8. Schwarzenberg R.-J. *Political Sociology* : Translated from French. At 3 a.m.parts, 1992. (In Russ.)
9. Popova E. A., Nochevka A. A. Digital transformations of political management: development of online services. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(4):212–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-4-212-215>
10. Vdovina G. V. *Intentionality and life. Philosophical psychology of post-medieval Scholasticism*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; 2019. 592 p. The "Humanitas" series. (In Russ.)
11. Budovskaya Yu. V. Conformism as a condition for satisfying the selfish motives of users in interactive mass media. *Bulletin of the South-Russian state technical University (NPI)*. 2012;(3):228–239. (In Russ.)
12. Rosen E. *The anatomy of buzz: marketing techniques*. Translated from the English by I. Malkov. St. Petersburg: Piter; 2006. 240 p. (In Russ.)
13. Dogaev P. P. Slaktivism as a form of socio-political participation in the era of "post-truth". *Politics and Society*. 2017;(8):1–9. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.7256/2454-0684.2017.8.23906>

Информация об авторе

А. Б. Баранова – аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. B. Baranova – Postgraduate Student, South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 17.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Научная статья
УДК 334.7

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-282-289>

EDN UWKOZI

Модели сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником о реализации проекта

Андрей Олегович Зубреев

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, cifrek@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5671-7938>

Аннотация. В современных условиях хозяйствования сетевое взаимодействие организаций представляет собой одну из наиболее эффективных форм сотрудничества в рамках реализации проекта. Способность сети адаптироваться к изменению факторов и условий внешней и внутренней среды на основе реактивного управления бизнес-процессами проектного взаимодействия обеспечивает не только достижение целей проекта, но и удовлетворение комплементарных интересов всех контрагентов. Процесс разработки авторской модели включает в себя анализ существующих моделей сетевого взаимодействия организаций, изучение методов и подходов к оценке эффективности такого взаимодействия, а также определение ключевых факторов, влияющих на успешность проекта. Полученные результаты позволят улучшить понимание процессов сетевого взаимодействия организаций при реализации проектов, а также разработать рекомендации для повышения эффективности такого взаимодействия. Также результаты могут быть полезны как для научного сообщества, так и для практических специалистов, занимающихся управлением проектами и бизнес-процессами в сетевом контексте. Методическую основу исследования составили методы сравнительного и логического анализа, индукции и дедукции, анализа и синтеза. В результате проведенной работы сформирована авторская модель сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником о реализации проекта.

Ключевые слова: сетевое адаптивное взаимодействие, доминирующий собственник, проектное управление, модель, бизнес-процессы

Для цитирования: Зубреев А. О. Модели сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником о реализации проекта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 282–289. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-282-289>. EDN UWKOZI

Young scientists

Original article

Models of network adaptive interaction of organizations in conditions of decision making by the dominant owner about implementation of the project

Andrey O. Zubreev

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, cifrek@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5671-7938>

Abstract. In modern business conditions, the network interaction of organizations is one of the most effective forms of cooperation within the framework of the project. The ability of the network to adapt to changing factors and conditions of the external and internal environment based on the reactive management of business processes of project interaction ensures not only the achievement of project goals, but also the satisfaction of the complementary interests of all counterparties. The process of developing the author's model includes an analysis of existing models of network interaction between organizations, the study of methods and approaches to evaluating the effectiveness of such interaction, as well as the identification of key factors influencing the success of the project. The results obtained will improve the understanding of the processes of networking between organizations in the implementation of projects, as well as develop recommendations

to improve the effectiveness of such interaction. The results can also be useful both for the scientific community and for practitioners involved in project management and business processes in a network context. The methodological basis of the study was the methods of comparative and logical analysis, induction and deduction, analysis and synthesis. As a result of the work carried out, the author's model of network adaptive interaction of organizations was formed in the conditions of decision-making by the dominant owner on the implementation of the project.

Keywords: network adaptive interaction, dominant owner, project management, model, business processes

For citation: Zubreev A. O. Models of network adaptive interaction of organizations in conditions of decision making by the dominant owner about implementation of the project. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):282–289. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-282-288>. EDN UWKOZI

Взаимодействие организаций в рамках реализации проекта осуществляется различными способами. В рамках проводимого нами исследования акцент сделан на сетевой форме взаимодействия, отражающей, на наш взгляд, наиболее предпочтительную динамичную, быстро адаптируемую и высокомотивированную форму межорганизационного сотрудничества в рамках реализации проекта.

Вопросы управления межфирменным сетевым взаимодействием как промежуточным звеном между иерархическими структурами и рыночной координацией отражены в работах Уильямсона О. [1], Тамбовцева В. Л. [2], Прована К. Г. [3], Хакена Г. [4], Грандори А., Сода Дж. [5] и других. Выбор формы взаимодействия, с позиции авторов, зависит от различных институциональных и производственных условий, а также организационных активов для совместного использования общих ресурсов в рамках сетевого взаимодействия при реализации проекта. При этом стоит учитывать транзакционные издержки, которые варьируют в разных формах и моделях сети. В то же время создаваемые транзакционные ценности, по нашему мнению, обеспечивают не только конкурентные преимущества каждого контрагента, но и всей формы сетевого адаптивного взаимодействия организаций.

В рамках проведения исследования нами были исследованы: модель иерархического сетевого взаимодействия [6]; модель сетевого взаимодействия на основе межорганизационных отношений [4; 7]; модель сетевого взаимодействия на основе контрактов [8–9]; модель сетевого взаимодействия на основе кооперации [10–11]. Каждая модель обладает своими преимуществами и недостатками, поэтому выбор формы межфирменного взаимодействия тесно коррелирует со знаниями и возможностями использования той или иной сетевой структуры. Тем не менее, существующие и рассмотренные нами выше модели не отражают в полной мере место и роль доминирующего собственника – владельца компании, инициирующей проект. В основном модели отражают результаты исследования процессов взаимодействия контрагентов уже на стадии реализации проекта, а лицо, принимающее решение, и сам этап принятия решения доминирующим собственником обычно не рассматриваются, а принимаются как данность. Мы же говорим о том, что транзакционные издержки и транзакционная ценность сетевого взаимодействия закладываются на стадии принятия решения доминирующим собственником о реализации проекта. Он же утверждает перечень ключевых стейкхолдеров, активы, компетенции и репутация которых позволят сократить транзакционные издержки сетевого проектного взаимодействия и увеличить транзакционную ценность на основе эффективной коллаборации ключевых агентов.

Для сравнения моделей сетевого адаптивного взаимодействия организаций при реализации проекта с учетом роли доминирующего собственника, необходимо рассмотреть основные аспекты, которые могут повлиять на выбор модели (рис. 1).

Доминирующий собственник имеет полномочия принимать ключевые решения и контролировать деятельность организаций, централизованная модель сетевого адаптивного взаимодействия может быть более подходящей. В то время как в моделях, где собственник предпочитает делегировать полномочия и разделять ответственность, децентрализованная модель может быть более эффективной. Важным аспектом является способность организаций эффективно обмениваться информацией и коммуницировать. Модели, которые предполагают открытость и прозрачность в обмене информацией, могут быть более успешными в случае участия доминирующего собственника. Сетевые модели, которые позволяют организациям быстро адаптироваться к изменениям внешней среды и реагировать на новые возможности, могут быть предпочтительными для доминирующего собственника, стремящегося к динамичному развитию проекта. Модели, предусматривающие механизмы управления рисками и контроля качества в процессе реализации проекта, могут быть более привлекательными для доминирующего собственника, ценящего надежность и стабильность в бизнесе.

Таким образом, при выборе модели сетевого адаптивного взаимодействия организаций при реализации проекта с учетом роли доминирующего собственника, необходимо учитывать его предпочтения, цели и стратегические задачи, чтобы обеспечить максимальную эффективность и успешность проекта.

Также изучив основные научные публикации по схожей тематике было установлено, что Джордж М. [12], Андерсен Б. [13], Эльберг М. С. [14], Ляндау Ю. В. [15] и другие сосредоточены на циклическом проектно-процессом подходе к описанию бизнес-процессов сетевого взаимодействия.

Модель иерархического сетевого взаимодействия: в данной модели доминирующий собственник обладает полным контролем в сфере принятия решений и управления проектом, определяя стратегии и ставя цели. Партнеры при этом выполняют роль исполнителей. Когда проект реализован, все получают свой запланированный результат, без отсылки к получению синергетического эффекта.

Модель сетевого взаимодействия на основе межорганизационных отношений: предполагает взаимодействие и коллаборацию между организациями, работающими вместе для достижения совместных и частных целей. Доминирующему собственнику принадлежит роль фасилитатора и создателя благоприятной среды взаимодействия партнёров.

Модель сетевого взаимодействия на основе контрактов: в основе взаимодействия участников сети лежат контрактные отношения, описывающие условия сотрудничества и распределения ответственности, а также предполагаемый ожидаемый результат. Доминирующий собственник контролирует и управляет проектом в рамках полномочий, указанных в контракте

Модель сетевого взаимодействия на основе кооперации: компании взаимодействуют, объединяя вместе ресурсы и компетенции для достижения общих целей. Доминирующий собственник принимает решения совместно с партнерами и обеспечивает справедливое распределение ответственности и полученных результатов

Рис. 1. Сравнительная характеристика моделей сетевого адаптивного взаимодействия организаций при реализации проекта с позиции роли доминирующего собственника в ней¹

Fig. 1. Comparative characteristic of the models of network adaptive interaction of organizations during project implementation from the position of the role of the dominant owner in it

Баринов В. А. [16], Ойхман Е. Г. [17], Баранов В. В. [18], Яблочников Е. Ю., Фомина Ю. Н. [19], Хаммер М., Чампи Д. [20] и другие акцентируют свое внимание на применении технологий инжиниринга и реинжиниринга бизнес-процессов при построении и описании моделей бизнес-процессов сетевого адаптивного взаимодействия организаций при реализации проекта.

Мендлинг Дж., Вебер И., Ван дер Аалст В. [21] заинтересованы в применении блокчейн-технологии для описания и оценки бизнес-процессов межорганизационного взаимодействия на всех этапах проектного управления.

¹ Составлено автором.

Тельников Ю. Ф., Казаков В. А., Данилов А. В., Брызгалов А. А. [22] уделяют особое внимание внедрению и использованию цифровых платформ для моделирования взаимодействия акторов многоагентной сети.

Нами были исследованы также подходы применения теории графов и для моделирования бизнес-процессов сетевого адаптивного взаимодействия организаций при реализации проекта.

Все вышеизложенное свидетельствует о развитии теории и практики моделирования сетевого адаптивного взаимодействия организаций при реализации проекта. Однако и в данном направлении научных исследований не отражены роль и функции доминирующего собственника, иницилирующего проект.

Накопленные знания различных позиций и взглядов ученых относительно вопроса моделирования сетевого адаптивного взаимодействия организаций при реализации проекта и необходимости включения доминирующего собственника, играющего ключевую роль инициатора проекта, фасилитатора сетевого взаимодействия, позволили разработать вербально-визуальную модель сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником по реализации проекта. Авторская модель отражает место, роль и функции доминирующего собственника в процессе принятия и реализации им проектного решения. Особенностью разработанной модели является постпроектная стадия межфирменного адаптивного взаимодействия (рис. 2).

После завершения проекта и получения запланированных результатов его реализации, а также удовлетворения комплементарных интересов сетевого взаимодействия, получения прямых синергетических эффектов, приоритетной задачей доминирующего собственника и ключевых стейкхолдеров реализованного проекта становится формирование направлений получения дополнительного или косвенного коллаборационного эффекта.

В целях получения данного эффекта формируется новая архитектура взаимодействия, базирующаяся на достигнутых ранее проектных результатах, положенных в основу приобретения новых транзакционных выгод. Согласно классической типологии бизнес-моделей можно утверждать, что предложенная авторская модель сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником по реализации проекта занимает промежуточную позицию и может быть классифицирована как бизнес-модель, ориентированная на проектное решение (рис. 3).

Рис. 3. Встраивание авторской модели сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником по реализации проекта в типологию бизнес-моделей¹

Fig. 3. Embedding the author's model of network adaptive interaction of organizations in the conditions of decision-making by the dominant owner on project implementation in the typology of business models

Основное отличие между моделью, ориентированной на решение, и моделью, ориентированной на проект, заключается в их подходе к работе. Модель, ориентированная на решение, обычно фокусируется на том, каким образом можно найти наилучшее решение для конкретной проблемы или ситуации. Она ориентирована на достижение определенного результата. С другой стороны, модель, ориентированная на проект, фокусируется на планировании, управлении и выполнении проекта. Она ориентирована на определенные задачи, цели и сроки. В этой модели проект рассматривается как временная задача, которую нужно выполнить с помощью определенных ресурсов и стандартов.

Модель, ориентированная на проектное решение, может объединять в себе обе подхода – управление проектом и поиск оптимальных решений. В этом случае она будет ориентирована на достижение определенных целей проекта через анализ и выбор наилучшего решения для каждой задачи.

¹ Составлено автором.

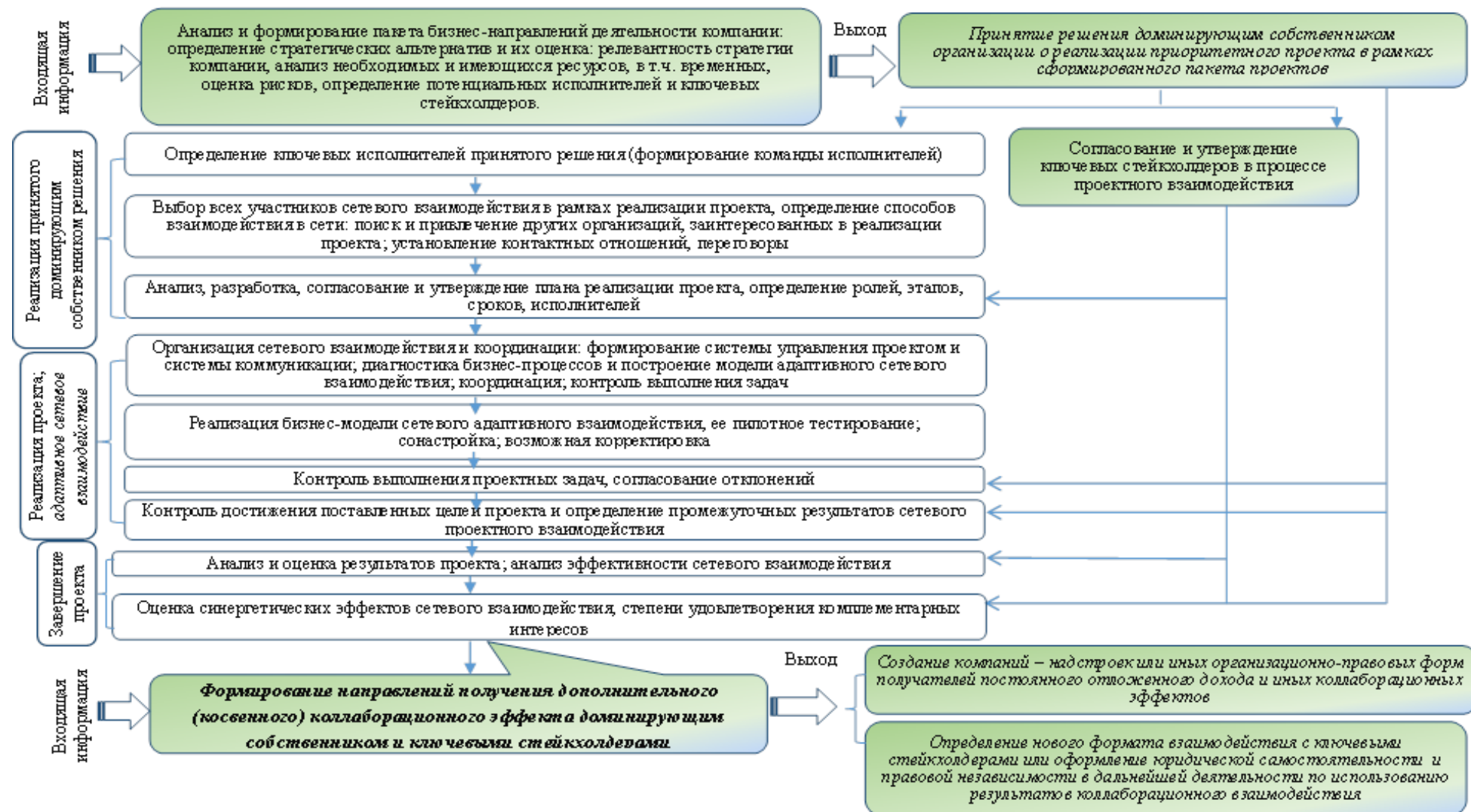

Рис. 2. Вербально-визуальная модель сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником по реализации проекта¹

Fig. 2. Verbal-visual model of network adaptive interaction of organizations in conditions of decision making by the dominant owner on project implementation

¹ Составлено автором.

В заключение следует отметить, что разработанная модель сетевого адаптивного взаимодействия организаций в условиях принятия решения доминирующим собственником по реализации проекта является высококонкурентоспособной, поскольку обеспечивает получение нескольких видов эффектов (сетевого, синергетического, коллаборационного) всем участникам межфирменного взаимодействия, а доминирующему собственнику и ключевым стейкхолдерам - еще и на нескольких стадиях и в долгосрочном временном периоде.

Список источников

1. Williamson O. The Modern Corporation: Origins, Evolution, Attributes // *Journal of Economic Literature*. 1981. Vol. 19(4). Pp.1538.
2. Тамбовцев В. Л. Контрактная модель стратегии фирмы. МГУ им. М. В. Ломоносова. Экон. фак. М.: ТЕИС. 2000. 83 с.
3. Provan K.G., Fish A., Sydow J. Interorganizational networks at the network level: A review of the empirical literature on whole networks // *Journal of Management*. 2007. Vol. 33(3). Pp. 479–516. DOI: 10.1177/0149206307302554.
4. Хакен Г. Самоорганизующееся общество. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция. 2009. С. 350–369.
5. Grandori A., Soda G. Inter-firm networks: antecedents, mechanisms and forms // *Organization Studies*. 1995. Vol. 16(2). Pp.183-214. DOI: 10.1177/017084069501600201.
6. Маевский В.И. Мезоуровень и иерархическая структура экономики // *Журнал институциональных исследований*. 2018. Т. 10. № 3. С. 18–29. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029.
7. Pryke S. Badi S., Almadhoob H., Soundararaj B., Addyman S. Self-organizing networks in complex infrastructure projects // *Project Management Journal*. 2018. Vol. 49(2). Pp. 18-41.
8. N., Bercovitz J., Zanarone G. The role of relationship scope in sustaining relational contracts in inter-firm networks // *Strategic Management Journal*. 2020. Vol 41. №. 2. pp. 222-245. DOI: 10.1002/smj.3095.
9. Baker G., Gibbons R., Murphy K. J. Subjective performance measures in optimal incentive contracts // *Quarterly Journal of Economics*. 1994. Vol 109. pp. 1125–1156. DOI: 10.2307/2118358.
10. Модели сетевого взаимодействия кластерного типа учреждений педагогического образования для уровня дополнительного профессионального образования / Н.Н. Суртаева, О.В. Ройтблат, О.Н. Суртаева, С.В. Иванова, П.Б. Суртаев. СПб-Тюмень: ТОГИРРО. 2017. 88 с.
11. Хорева Л.В., Белых А.Л., Шраер А.В. Экосистема как инновационная форма сетевой межфирменной кооперации // *Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования*. 2019. № 6. (52). С. 48-53.
12. George M. L. *Lean six sigma for service*. New York: McGraw-Hill. 2003. 400 p.
13. Андерсен Б. Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования. М.: Стандарты и качество. 2005. 271 с.
14. Эльберг М.С., Цыганков Н.С. Имитационное моделирование. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2017. 26 с.
15. Ляндау Ю. В. Построение процессно-проектной организационной структуры управления // *Управление в России: проблемы и перспективы*. 2017. № 1. С. 17-22.
16. Баринов В. А. Реинжиниринг: сущность и методология // *Главный механик*. 2016. № 1. С. 29-38.
17. Ойхман Е. Г., Попов Э.В. Реинжиниринг бизнеса: реинжиниринг организаций и информационные технологии. М.: Финансы и статистика, 1997. 336 с.
18. Баранов В. В. Реинжиниринг бизнес-процессов: этапы разработки и реализации // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2012/11/14/reinzhiniring_biznes_processov_jetapy_razrabotki_realizacii.html.
19. Яблочников Е.И., Молочник В.И., Фомина Ю.Н. Реинжиниринг бизнес-процессов проектирования и производства. СПб.: СПбГУИТМО. 2008. 152 с.

20. Хаммер М., Чампи Д. Реинжиниринг корпорации. Манифест революции в бизнесе М.: Манн. Иванов и Фербер. 2007. 55 с.

21. Mendling, J., Weber I., Van Der Aalst W. & others Blockchains for Business Process Management - Challenges and Opportunities // Challenges and Opportunities. ACM Transactions on Management Information Systems. 2018. Vol. 9(1). Article 4. [Электронный ресурс] Режим доступа https://backend.orbit.dtu.dk/ws/portalfiles/portal/143775594/1704.03610_1_.pdf DOI: 10.1145/3183367.

22. Тельнов Ю.Ф., Казаков В.А., Данилов А.В., Брызгалов А.А. Разработка моделей производственных и бизнес-процессов сетевых предприятий на основе многоагентных систем // Программные продукты и системы. 2023. Т. 36. № 4. С. 632–643. DOI: 10.15827/0236-235X.144.632-643.

References

1. Williamson O. The Modern Corporation: Origins, Evolution, Attributes. *Journal of Economic Literature*. 1981;19(4):1538.
2. Tambovtsev V. L. *Contract model of the firm's strategy. Lomonosov Moscow State University. Econ. fact*. Moscow: TEIS; 2000. 83 p. (In Russ.)
3. Provan K. G., Fish A., Sydow J. Interorganizational networks at the network level: A review of the empirical literature on whole networks. *Journal of Management*. 2007;33(3):479–516. DOI: 10.1177/0149206307302554
4. Haken G. *Self-Organizing Society. Synergetic paradigm. Social Synergetics*. Moscow: Progress-Tradition; 2009:350–369. (In Russ.)
5. Grandori A., Soda G. Inter-firm networks: antecedents, mechanisms and forms. *Organization Studies*. 1995;16(2):183-214. DOI: 10.1177/017084069501600201.
6. Maevsky V. I. Mesolevel and hierarchical structure of the economy. *Journal of Institutional Research*. 2018;10(3):18–29. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029. (In Russ.)
7. Pryke S. Badi S., Almadhoob H., Soundararaj B., Addyman S. Self-organizing networks in complex infrastructure projects. *Project Management Journal*. 2018;49(2):18–41.
8. Argyres N., Bercovitz J., Zanarone G. The role of relationship scope in sustaining relational contracts in interfirm networks. *Strategic Management Journal*. 2020;41(2):222-245. DOI: 10.1002/smj.3095.
9. Baker G., Gibbons R., Murphy K. J. Subjective performance measures in optimal incentive contracts. *Quarterly Journal of Economics*. 1994;(109):1125–1156. DOI: 10.2307/2118358.
10. *Models of network interaction of cluster-type institutions of pedagogical education for the level of additional professional education*. N. N. Surtaeva, O. V. Roitblat, O. N. Surtaeva, S. V. Ivanova, P. B. Surtaev. SPb-Tyumen: TOGIRRO; 2017. 88 p. (In Russ.)
11. Khoreva L. V., Belykh A. L., Shraer A. V. Ecosystem as an innovative form of network interfirm cooperation. *Information and economic aspects of standardization and technical regulation*. 2019;6(52):48–53. (In Russ.)
12. George M. L. *Lean six sigma for service*. New York: McGraw-Hill; 2003. 400 p.
13. Andersen B. *Business-processes. Tools for improvement*. Moscow: Standards and Quality; 2005. 271 p. (In Russ.)
14. Elberg M. S., Tsygankov N. S. *Simulation modeling*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2017. 26 p. (In Russ.)
15. Lyandau, Y. V. Building a process-project organizational structure of management. *Management in Russia: problems and prospects*. 2017;(1):17–22. (In Russ.)
16. Barinov V. A. Reengineering: essence and methodology. *Chief mechanic*. 2016(1):29–38. (In Russ.)
17. Oikhman E.G., Popov E.V. *Reengineering of business: reengineering of organizations and information technologies*. Moscow: Finance and Statistics, 1997. 336 p. (In Russ.)
18. Baranov V. V. *Reengineering of business processes: stages of development and realization* [Electronic resource]. Mode of access: http://www.elitarium.ru/2012/11/14/reinzhiniring_biznes_processov_jetapy_razrabotki_realizacii.html. (In Russ.)

19. Yablochnikov E. I., Molochnik V. I., Fomina Y. N. *Reengineering of business processes of design and production*. St. Petersburg: SPbSUITMO. 2008. 152 p. (In Russ.)
20. Hammer M., Ciampi D. *Reengineering the Corporation. Manifesto of the Revolution in Business*. M.: Mann. Ivanov and Ferber. 2007. 55 p. (In Russ.)
21. Mendling, J., Weber I., Van Der Aalst W. & others Blockchains for Business Process Management - Challenges and Opportunities. *Challenges and Opportunities. ACM Transactions on Management Information Systems*. 2018. Vol. 9(1). Article 4. [Электронный ресурс] Режим доступа https://backend.orbit.dtu.dk/ws/portalfiles/portal/143775594/1704.03610_1_.pdf DOI: 10.1145/3183367.
22. Telnov Yu.F., Kazakov V.A.; Danilov, A.V.; Bryzgalov A.A. Development of models of production and business processes of network enterprises on the basis of multi-agent systems. *Software Products and Systems*. 2023;36(4):632–643. DOI: 10.15827/0236-235X.144.632-643. (In Russ.)

Информация об авторе

А. О. Зубреев – аспирант кафедры экономики и внешнеэкономической деятельности, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина.

Information about the author

A. O. Zubreev – Postgraduate Student of the Department of Economics and Foreign Economic Activity, Kuban State Agrarian University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 14.08.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 14.08.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 338.24

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-290-297>

EDN WPKFYN

Инфраструктура поддержки субъектов предпринимательства в условиях политики локализации производств

Микаил Салманович Кодзоев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, mikail.kodzoev.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2805-8389>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эффективности организации элементов инфраструктуры поддержки предпринимательства в качестве инструмента создания условий для организаций, реализующих проекты, необходимые для технологического обеспечения российской экономики. Так, в рамках исследования был проведен опрос 51 организации инфраструктуры поддержки и выявлены некоторые несовершенства в организации деятельности существующих элементов инфраструктуры поддержки бизнеса. Вместе с этим, в рамках исследования была дана оценка доли импорта в отраслях обрабатывающей промышленности, которую предлагается учесть в целях дальнейшего развития инфраструктуры поддержки предпринимательства в России.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, предпринимательство, бизнес-инкубатор, технопарк, технологии, бизнес, индустриальный парк, прототипирование, инжиниринг, развитие предпринимательства

Для цитирования: Кодзоев М. С. Инфраструктура поддержки субъектов предпринимательства в условиях политики локализации производств // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 290–297. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-290-297>. EDN WPKFYN

Young scientists

Original article

Infrastructure for supporting business entities in the context of the policy of localization of production

Mikhail S. Kodzoev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, mikail.kodzoev.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2805-8389>

Abstract. The article examines the issues of the effectiveness of the organization of business support infrastructure elements as a tool for creating conditions for organizations implementing projects necessary for technological support of the Russian economy. Thus, as part of the study, a survey of 51 support infrastructure organizations was conducted and some imperfections in the organization of existing business support infrastructure elements were identified. At the same time, the study assessed the share of imports in manufacturing industries, which is proposed to be taken into account in order to further develop the infrastructure to support entrepreneurship in Russia.

Keywords: small and medium-sized enterprises, entrepreneurship, business incubator, technopark, technologies, business, industrial park, prototyping, engineering, entrepreneurship development

For citation: Kodzoev M. S. Infrastructure for supporting business entities in the context of the policy of localization of production. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):290–297. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-290-297>. EDN WPKFYN

Введение

Начиная с 2020 г., Россия пребывает в состоянии экономической турбулентности. Глобальная пандемия, а затем рост геополитической напряженности, вызвавший беспрецедентное санкционное давление на страну, спровоцировали негативные последствия как для экономики России в целом, так и для сектора малого и среднего предпринимательства (далее – МСП).

В российской научной среде принято рассматривать вопросы поддержки предпринимательства и, в особенности, элементов инфраструктуры поддержки, в первую очередь в контексте помощи малым и средним предприятиям. Пандемия COVID-19 и последовавшие за ней экономические сложности позволили в очередной раз верифицировать уязвимость малых и средних предприятий, ввиду отсутствия у них достаточных финансовых резервов для обеспечения функционирования во время простоя или краткой общеэкономической рецессии. Не обладающие достаточным запасом прочности организации, вынужденные приостанавливать коммерческую деятельность, в то же время сохраняли за собой обязательства по обслуживанию кредитных и арендных договоров, выплате заработной платы сотрудникам (в том числе во время простоя), уплате налогов и страховых взносов, обновке дорогостоящей контрольно-кассовой техники и прочим обязательствам.

Также в контексте поддержки предпринимательства предпочтение оказывается организациям МСП по причине традиционной тенденции возложения на малые и средние предприятия роли локомотивов локального развития, создающих добавленную стоимость и рабочие места на конкретных территориях: депрессивных, с высоким уровнем безработицы, либо выбранных в качестве центров инновационного, промышленного, туристического или иного развития.

В условиях обострившейся геополитической обстановки в мире и усиливающихся процессов деглобализации мировой экономики, характеризующихся повсеместной локализацией технологий и производства высокотехнологичной продукции на своей территории крупными мировыми экономиками (США, Китай) [1–2], возрастает актуальность вопросов технологического суверенитета России. Зависимость от импорта критических технологий ставит под угрозу вопросы устойчивого развития российской экономики, обеспеченности производственных структур необходимым оборудованием. Ситуация усугубляется беспрецедентным санкционным давлением в отношении экономики России со стороны ряда недружественных государств. Таким образом, приобретает актуальность вопрос структурной адаптации экономики под эффективную реализацию приоритетных проектов технологического суверенитета.

Вместе с этим, целью технологического суверенитета в первую очередь является обладание технологиями и локализация на территории государства высокотехнологичных производств, вследствие чего представляется целесообразной структурная адаптация экономики, в том числе в аспекте инфраструктурной поддержки бизнеса, под поддержку развития конкретных приоритетных направлений.

Следует сохранять фокус на том, что геополитическое напряжение в мире может увеличиваться, что способно спровоцировать резкие перемены в мировом и отечественном хозяйствовании. Исходя из этого, назрела ситуация, в рамках которой стало актуальным сформировать целостную, взаимосвязанную и адаптивную инфраструктуру поддержки предпринимательства, способную эффективно оказывать поддержку бизнесу и подстраиваться под динамично изменяющиеся экономические условия.

Обзор литературы

Прежде всего стоит отметить исследования зарубежных авторов, в разные периоды развития экономической мысли изучавших вопросы предпринимательства как такового и роли предпринимательства в экономике. Среди них можно выделить Р. Кантильона, К. Маркса, Т. Веблена, Й. Шумпетера. В работах упомянутых ученых было, в первую очередь, осмыслено и описано понятие предпринимательства. Также вопросы функций предпринимательства затрагивались такими исследователями, как И. Ансофф, Д. Кейнс, Л. Мизес, И. Фишер.

На современном этапе вопросы развития предпринимательства, в первую очередь, МСП, рассматриваются А. Ю. Чепуренко, А. А. Михайловым, С. П. Земцовым, А. Н. Красносельских, В. Л. Бабуриным и пр. По мнению исследователей [3], развитие МСП является фактором стабильности рыночной экосистемы. Об адаптивности малого и среднего бизнеса упоминали Абрамов и др. [4], подразумевая под этим способность малых и средних предприятий обходить различные санкционные ограничения. Во-первых, в адрес субъектов МСП невозможно вводить адресные санкции в силу их многочисленности и, при необходимости, возможности быстрой реорганизации, во-вторых, малые

и средние компании менее подвержены вниманию со стороны регуляторов из недружественных стран и средств массовой информации.

Вопросами инфраструктурной и прочей поддержки бизнеса и протекционизма отечественных производств занимался ряд отечественных исследователей. Так, методологию формирования адаптивной инфраструктуры поддержки МСП исследовала Палагина А. Н. [5], выделившая инфраструктуру поддержки МСП как один из важнейших инструментов государственного регулирования экономики. Таким образом, в соответствии с А. Н. Палагиной, инфраструктура поддержки МСП должна поддерживаться на различных уровнях, включая муниципальный. В рамках данного тезиса исследователем была разработана методика расчета необходимого финансирования региональных и муниципальных бюджетов в целях поддержки организаций инфраструктуры развития МСП, с учетом особенностей регионов. Необходимым условием для применения данной методики, по мнению автора, является развитая сеть инфраструктуры поддержки МСП.

Вопросы государственного управления инфраструктурой поддержки малого предпринимательства исследовала Л. Г. Руденко [6]. Автор выделяет приоритетные виды экономической деятельности для поддержки МСП на основании потенциала развития направления. Так, на примере Кировской области выбирались приоритетные отрасли на основе обработки комплекса показателей: рентабельность активов; рентабельность проданных товаров, работ и услуг; коэффициент обновления основных фондов и пр. Таким образом, в качестве стратегического вида деятельности развития региона предлагается рассматривать обрабатывающие производства.

В рамках данного исследования предлагается рассматривать в качестве приоритетных направлений развития предпринимательских проектов посредством организаций инфраструктуры поддержки бизнеса те виды деятельности, которые соотносятся с Концепцией технологического развития России до 2030 г. и являются наиболее импортозависимыми и приоритетными в контексте технологического суверенитета России.

С середины прошлого столетия вопросы локализации производств продуктов, зависимых от импорта, поднимались Р. Пребишем, Г. Мюрдалем, Д. Ахмадом [7–9] и пр. Авторы, рассматривавших данный вопрос, объединяла общая позиция, заключающаяся в необходимости повышения промышленного потенциала развивающихся стран с целью сокращения технологического разрыва и экономического дисбаланса между развитыми странами и зависимыми от них (прежде всего, технологически) государствами с развивающейся экономикой. Так, Ю. В. Симачевым [10] отмечались положительные результаты проводимой в середине XX века политики импортозамещения в латиноамериканских странах. В то же время, развитые страны-экспортеры (США, Великобритания, Германия), обретение экономического суверенитета от которых является одной из конечных целей политики импортозамещения, на определенных этапах своего становления сами проводили политику протекционизма, защиты и субсидирования отечественного производителя, заложив таким образом основные правила проведения политики импортозамещения [11]. Стоит также отметить, что элементы инфраструктуры поддержки технологического предпринимательства (бизнес-инкубаторы, технопарки и пр.) также родом из США.

Методы и результаты исследования

В рамках данного исследования нами были проанализированы показатели деятельности 51 элемента инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства из 40 регионов. Полевое исследование было проведено посредством опроса¹ в виде рассылки электронных писем с вложением в виде анкеты-опросника потенциальным респондентам – более чем 750 организациям, составляющим единый реестр организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства² (АО «Корпорация «МСП»). Часть ответов была получена посредством очного обзвона части организаций и записана со слов представителей организаций. В общей сложности откликнулся 51 респондент, что позволило произвести некоторую оценку. Среди опрошенных организаций представлено 11 (21,6 %) государственных/муниципальных фондов поддержки предпринимательства, 10 (19,6 %) центров/агентств по развитию предпринимательства,

¹ Опрос организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, о влиянии кризисов 2020-2022 // URL:

https://docs.google.com/spreadsheets/d/1YfOvBmFYs7eOkuOrGAjJXT7zBMQ8ISjwpdyZBopIZh4/edit?usp=share_link

² Единый реестр организаций, образующих инфраструктуру поддержки МСП // Корпорация МСП URL: <https://monitoring.corpmsp.ru/reestroi.html> (дата обращения: 03.03.2024)

9 (17 %) бизнес-инкубаторов, 6 (11,8 %) микрофинансовых организаций, а также 4 (7,8 %) инжиниринговых центра, 3 центра кластерного развития, 2 технопарка, 2 региональных гарантийных организации, 1 инновационно-технологический центр, 1 консультационный центр, 1 фонд развития промышленности, и 1 фонд содействия развитию венчурных инвестиций в субъекты МСП.

Вместе с этим, с целью выявления отраслей экономики, на проектах которых может быть сосредоточена основная доля поддержки, и на реализацию которых может быть нацелена структурная адаптация российской экономики в части инфраструктуры поддержки предпринимательства, в рамках данного исследования была проанализирована зависимость от импорта в обрабатывающих отраслях, рассчитанная как доля импорта в общем количестве продукции (импорт + (выручка российских компаний – экспорт) отдельной отрасли. Данные по импорту/экспорту были взяты из базы данных Федеральной таможенной службы, в то время как данные по выручке российских компаний были получены посредством СПАРК-Интерфакс. Данные по выручке компаний формировались на основе кодов ОКВЭД 2, которые соотносились с кодами ОКПД 2 вручную. Коды ОКПД 2, в свою очередь, соотносились с товарной номенклатурой ВЭД посредством переходных ключей ОКПД2-ТН ВЭД.¹

По результатам нашего опроса было выявлено, что более 45 % опрошенных организаций инфраструктуры поддержки МСП не видели оказываемую ими помощь достаточной для того, чтобы играть важную роль в обеспечении устойчивости МСП в условиях ограничений, вызванных кризисом первой половины 2022 г. (на момент опроса).

Также 33,3 % опрошенных организаций отметило, что не столкнулись ни с какими проблемами в пандемийный период и в первые месяцы обострения геополитической обстановки, характеризующиеся массированным принятием пакетов санкций. Вместе с этим, 21,6% организаций высказалось о том, что удаленный формат работы нарушил их качественное взаимодействие с получателями поддержки. Данный показатель может говорить о том, что деятельность элементов инфраструктуры поддержки на момент опроса недостаточно цифровизирована.

В 13 из 51 организации поддержки, среди которых бизнес-инкубаторы, центры поддержки / развития, либо государственные фонды поддержки предпринимательства, центр кластерного развития, количество штатных сотрудников не превышает 2 человек. Ранее нами была исследована организационная структура бизнес-инкубатора [12], включающая в себя, как минимум, ответственное лицо (директора), отдел бизнес-наставничества (ментора), менеджера по материально-техническому обеспечению резидентов, консультанта по финансовым вопросам (бухгалтерский учет, аутсорсинг бухгалтерии, управленческий учет), юридическую поддержку. На горизонте 2020-2022 годов количество сотрудников существенно не изменялось. Полученные данные позволяют сделать предварительный вывод о несоответствии элементов инфраструктуры поддержки бизнеса требованиям, позволяющим называться конкретным видом организации поддержки. Вероятно, способствует этому ранее упомянутое нами отсутствие подробного законодательного закрепления понятий элементов инфраструктуры поддержки.

Самыми востребованными услугами у организаций инфраструктуры поддержки бизнеса оказались обучение и консультирование для работы в новых условиях (29,4 %), что подтверждает важную роль инфраструктуры поддержки бизнеса в адаптации бизнеса в турбулентных, изменчивых условиях, а также содействие в получении государственной поддержки и заемного финансирования (по 25,5%). Также значительная часть организаций отметила образовательные услуги в сфере бизнеса в качестве наиболее востребованной услуги (21,6 %).

Несмотря на большую долю организаций, заявивших о проблемах в постпандемийный период, 80,4 % (41 организация из 51) ответило о том, что никаких существенных изменений работа организации не претерпела, таких как реорганизация, присоединение к другой структуре, качественное улучшение взаимодействия с другими структурами.

По степени внедрения цифровых технологий в деятельность организации в части взаимодействия с клиентами (в том числе, прием заявок на получение поддержки, взаимодействие с получателями поддержки) в результате комплексного внедрения дистанционных решений в различных сферах деятельности также прослеживаются некоторые проблемы. Так, количество респондентов,

¹ Переходные ключи между Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза ТН ВЭД ЕАЭС и Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (ОКПД2) (официальный сайт Минэкономразвития России, раздел "Общероссийские классификаторы, закрепленные за Минэкономразвития России", по состоянию на 1 января 2017 г.).

оценивающих степень внедрения в своей организации цифровых технологий на 10/10 равняется нулю. Почти половина (47,1 %) организаций оценивает данный показатель не выше 5/10. Наибольшее количество ответов стоит на уровне 6/10 и составляет 10 организаций из 51 (19,6 %).

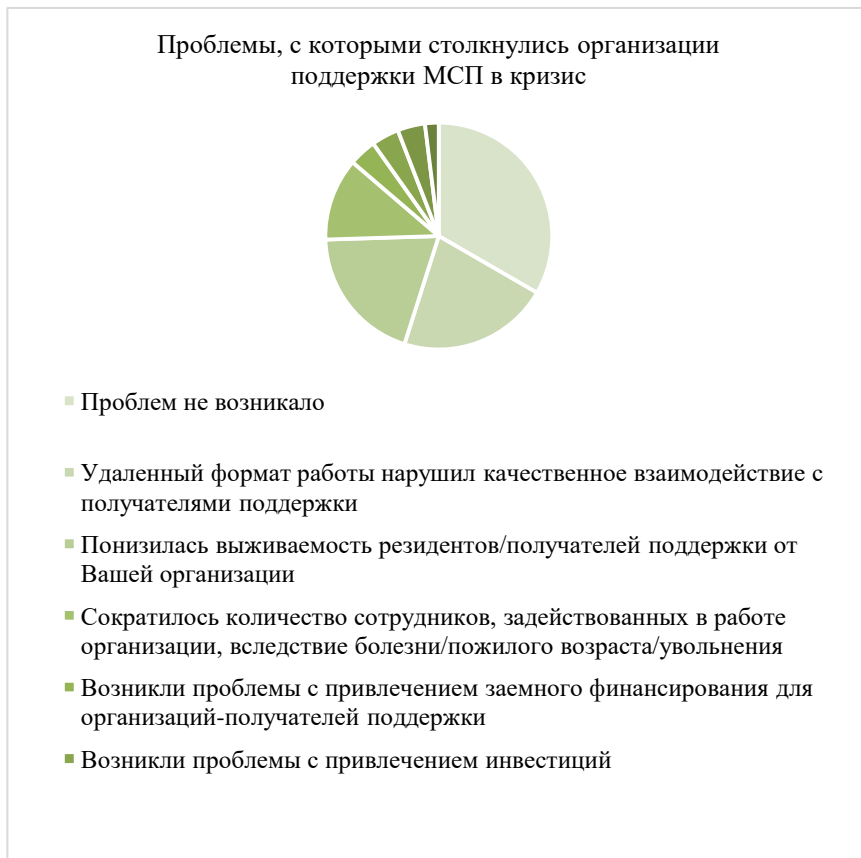

Рис. 1. Проблемы, с которыми столкнулись организации поддержки МСП в период 2020-2022 гг., на основе опроса 51 организации. Источник: составлено автором

Fig. 1. Problems faced by SME support organizations in the period 2020-2022, based on a survey of 51 organizations. Source: compiled by the author

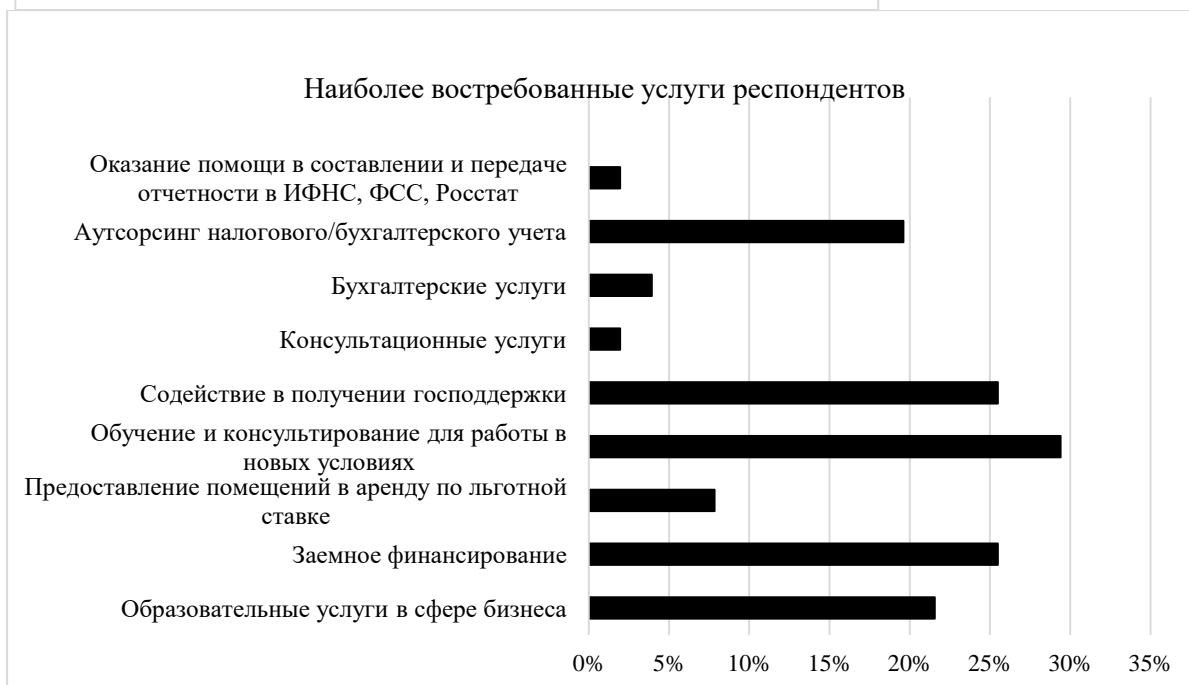

Рис. 2. Наиболее востребованные услуги организаций поддержки МСП на основе опроса 51 организации поддержки МСП. Источник: составлено автором

Fig. 2. The most demanded services of SME support organizations based on a survey of 51 SME support organizations. Source: compiled by the author

Результаты опроса позволяют подтвердить гипотезу [13], согласно которой низкая эффективность организаций поддержки предпринимательства обусловлена следующими факторами:

а) отсутствие единого, системного подхода к категоризации, классификации организаций поддержки МСП, их организационным структурам, ключевым показателям эффективности;

б) низкий уровень адаптивности организаций поддержки к новым условиям, неэффективные организации продолжают функционировать, не реорганизируются, не присоединяются к другим организациям, не ликвидируются, не меняют подход;

в) низкий уровень цифровизации, технологической составляющей у организаций поддержки.

Важно понимать, что способствовать развитию инновационных проектов, стартапов, технологических производств и, в целом, любого другого бизнеса, включая сферу услуг, в контексте современной реальности, без сильной технологической базы, цифровизации и высокотехнологичных инструментов (реклама, информационное таргетирование, дистанционные, образовательные технологии и пр.), практически невозможно.

Помимо исследования непосредственно инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, нами были проанализированы наиболее зависимые от импорта отрасли обрабатывающей промышленности. В табл. 1 представлена часть отраслей, доля импорта в которых составляет более 50 % (на 2021 год).

Таблица 1 - Импортозависимость части отраслей обрабатывающей промышленности в 2021 г.

Table 1. Import dependence of some manufacturing industries in 2021

ОКВЭД2/ОКПД2	Импортозависимость (%)
15 Производство кожи и изделий из кожи	86,10
26 Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	77,49
21 Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии	72,14
14 Производство одежды	71,14
28 Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	69,74
32 Производство прочих готовых изделий	67,67
27 Производство электрического оборудования	60,85
20 Производство химических веществ и химических продуктов	59,04
13 Производство текстильных изделий	53,20

Как видно из табл. 1, российская экономика сохраняет высокий уровень импортозависимости по сложным, высокотехнологичным отраслям, включая компьютерную технику (микроэлектронику), фармацевтику, производство машин и оборудования, электронику, химическую промышленность.

Схожие результаты прослеживаются при анализе экспорта из недружественных стран в Россию. Так, в 2022 г. основные виды продукции, составляющие структуру экспорта из США и Германии в Россию представляли собой продукцию из высокотехнологичных отраслей (сложное оборудование, фармацевтика, медицинское оборудование, самолеты и пр.).

Таблица 2 - ТОП-6 видов продукции, экспортируемых США в Россию за 2022 год, млн дол. США¹

Table 2 - TOP 6 types of products exported by the USA to Russia in 2022, millions of US dollars

Экспорт США в Россию за 2022 год, млн долл. США	
Вид продукции	Сумма
Оборудование, ядерные реакторы, котлы	314,89
Фармацевтическая продукция	253,74
Оптическое, фототехническое, медицинское оборудование	253,4
Транспортные средства, отличные от железнодорожных, трамвайных	190,34
Электрическое, электронное оборудование	103,28
Самолеты, космические аппараты	72,46

Примечание – составлено автором на основе базы данных ООН COMTRADE.

¹ <https://tradingeconomics.com/united-states/exports/russia>

Таким образом, можно сделать вывод, что стратегически целесообразным на сегодняшний день может являться не просто развитие предпринимательства как такового, а содействие конкретным проектам, соответствующим целям обретения технологического суверенитета в России.

Заключение и рекомендации

По данным Единого реестра организаций поддержки МСП Федеральной корпорации по развитию малого и среднего предпринимательства, на сегодня в России функционирует более 750 организаций поддержки МСП. Большинство организаций не публикуется отчетность о целевых показателях, их выполнении и общих результатах деятельности – в количественном или качественном выражении. В рамках исследования организации и эффективности деятельности существующих элементов инфраструктуры поддержки был использован метод прямого опроса. Результаты опроса показали низкий уровень цифровизации процессов среди организаций-респондентов. Значительное число организаций, сама сущность которых предполагает комплексность услуг, оказываемых бизнесу (к примеру, бизнес-инкубаторы) имеющих в штате не более 2 сотрудников, вероятно, не специализирующихся на оказании всего комплекса услуг одновременно, также может свидетельствовать о недостаточном уровне организации деятельности исследованных элементов инфраструктуры поддержки.

Также, по результатам нашего исследования, была выявлена высокая зависимость российской экономики от импорта в ряде отраслей, включая сложные отрасли.

На основании изложенного, нами был выработан комплекс рекомендаций:

а) разработка единых требований к каждому виду (либо категории) инфраструктуры поддержки предпринимательства, включая организационную структуру, комплекс оказываемых услуг и квалификационные требования к сотрудникам;

б) разработка системы мониторинга эффективности деятельности организаций поддержки МСП в соответствии с видом/категорией элемента инфраструктуры поддержки;

в) рассмотрение возможности упразднения, реорганизации или объединения неэффективных, либо не попадающих под разработанные стандарты организаций инфраструктуры поддержки;

г) профилирование организаций инфраструктуры поддержки под реализацию приоритетных направлений: разработки в области цифровых технологий; электроники и компьютеров; фармацевтической индустрии; станкостроения и пр., что позволит, помимо реализации развития направлений, также повысить эффективность организаций поддержки;

д) рассмотреть возможность объединения оставшихся после принятых мер организаций в единую сеть с разделением на федеральный и региональный уровень, наладить взаимодействие между организациями, в том числе в части обмена опытом, сотрудниками, доступа к специальному научному и производственному оборудованию, инвестициям и заемному финансированию.

С учетом рассмотренных вопросов можно сделать вывод, что инфраструктура поддержки предпринимательства в России на современном этапе характеризуется рядом проблем, решение которых может поспособствовать эффективному перераспределению функций между организациями поддержки и более эффективному выстраиванию глобальной экосистемы поддержки высокотехнологичных предпринимательских проектов. С учетом современных реалий в геополитическом и экономическом аспекте роль инфраструктуры поддержки предпринимательства возрастает и приобретает стратегическое назначение, чем обуславливается необходимость пересмотра существующих подходов к организации системы инфраструктурной поддержки бизнеса.

Список источников

1. Дементьев В. Е. Обновление технологической базы экономики и реальные процентные ставки // Журнал новой экономической ассоциации. 2023. № 3(60). С. 104–119.
2. Вонг Ч. Ю., Рассел К. Дж. Дилемма поиска рыночных ниш: Корея и Тайвань в условиях разобщенности США и Китая в сфере высоких технологий // Глобальная политика. 2024. Т. 15. № 2. С. 475–486. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13346>.
3. Чепуренко А. Ю. Социология предпринимательства // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 129–149.
4. Абрамов А. Е. и др. Государственная собственность и характеристики эффективности // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 5–37.
5. Палагина А. Н. Методология формирования адаптивной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства: институциональные аспекты, механизмы и инструменты : дис. – Рост. гос. эконом. ун-т" РИНХ", 2015.

6. Руденко Л. Г. Государственное управление инфраструктурной поддержкой малого предпринимательства: дис.... док. экон. наук: 08.00. 05. М., 2020. Т. 397. С. 239–241
7. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992. [Prebish R. *Peripheral capitalism: is there an alternative to it?* Moscow: ILA, 1992. (In Russian).]
8. Мюрдаль Г. А. Международная экономика: проблемы и перспективы // Харпер энд Бразерс паблишерс, Нью-Йорк. 1956.
9. Ахмад Дж. Импортозамещение – обзор вопросов политики // Развивающиеся экономики. 1978. Т. 16. № 4. С. 355–372.
10. Симачев Ю., Кузык М., Зудин Н. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса // Форсайт. 2016. Т. 10. № 4. С. 25–45.
11. Чанг Х. Отбрасывая лестницу: неолиберализм и "реальная" история капитализма / Политика развития в переходный период: Неолиберальная эра и последующий период. 2012. Лондон, Palgrave Macmillan, С. 43–50.
12. Кодзоев М. С. Развитие сети бизнес-инкубаторов как инструмента поддержки малого предпринимательства в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 266–272.
13. Кодзоев М. С. Направления трансформации политики поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях социально-экономической турбулентности // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 3. С. 158–162.

References

1. Dementiev V. E. Updating the technological base of the economy and real interest rates. *Journal of the New Economic Association*. 2023;3(60):104–119. {In Russ.}
2. Wong C. Y., Russell C. J. A search dilemma for market niches: Korea and Taiwan in a time of USChina high-tech decoupling. *Global Policy*. 2024;15(2):475-486. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13346>.
3. Chepurenko A. Y. Sociology of entrepreneurship. *Economic sociology*. 2004;15(4):129–149. (In Russ.)
4. Abramov A. E. et al. State ownership and efficiency characteristics. *Voprosy Ekonomiki*. 2017;(4):5-37.
5. Palagina A. N. *Methodology for the formation of adaptive infrastructure to support small and medium-sized businesses: institutional aspects, mechanisms and tools* : dis. RINH University, 2015. (In Russ.)
6. Rudenko L. G. State management of infrastructure support for small businesses: dis Ph.D. in economics: 08.00. 05. Moscow; 2020;(397):239–241. (In Russ.)
7. Prebish R. *Peripheral capitalism: is there an alternative to it?* Moscow: ILA; 1992. (In Russ.)
8. Myrdal G. A. (1956) *International Economy: Problems and Prospects*, Harper & brothers publishers, New York. 1956.
9. Ahmad J. Import substitution – A survey of policy issues. *The Developing Economies*. 1978;16(4):355-372. (In Russ.)
10. Simachev Yu., Kuzyk M., Zudin N. Import dependency and import substitution in the Russian manufacturing industry: a business perspective. *Foresight*. 2016;10(4):25-45. (In Russ.)
11. Chang H. Kicking Away the Ladder: Neoliberalism and the 'Real' History of Capitalism. In: Kyung-Sup, C., Fine, B., Weiss, L. (eds). *Developmental Politics in Transition. International Political Economy Series*. 2012, London, Palgrave Macmillan https://doi.org/10.1057/9781137028303_3.
12. Kodzoev M. S. Development of a network of business incubators as a tool to support small business in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(3):266–272. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-3-266-272>.
13. Kodzoev M. S. Directions of transformation of the policy of support for small and medium-sized enterprises in conditions of socio-economic turbulence. *Education. Science. Scientific staff*. 2022;(3):158-162. (In Russ.)

Информация об авторе

М. С. Кодзоев – аспирант, кафедра государственного регулирования экономики РАНХиГС.

Information about the author

M. S. Kodzoev – Postgraduate Student, Department of State Regulation of Economics of the RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 02.08.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Научная статья

УДК 329.8

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-298-303>

EDN XEMSSH

Политический проективизм в партийном строительстве

Алексей Михайлович Логинов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия, amloginov@list.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-1385-2691>

Аннотация. По сей день политическое проектирование выступает предметом академических и публичных дискуссий, результатом которых является реализация частных, рациональных, а не социальных, связанных с идеями и идеологиями, интересов. В наибольшей степени эта критика затрагивает процессы партийного строительства. В массовом (и отчасти в экспертном) сознании партии определяются как институты, направленные на продвижение социальных интересов. В рамках таких взглядов любой возникающий и развивающийся проект рассматривается как деидеологизированное образование, в основе которого рациональные цели и мотивы его участников. Соответственно, оценка политического проективизма в партийном строительстве выступает важной и актуальной исследовательской задачей и формирует цель этой статьи.

Методологическую базу исследования составили системный и неинституциональный подходы, объединение которых позволило рассматривать политическое проектирование в качестве устойчивой практики, реализуемой в системе политического взаимодействия и трансформирующей сущность современных партийных организаций. В исследовании учитывался и проектный подход государственного управления, определяющий именно проекты в качестве ключевых составляющих политического (и партийного) функционирования.

Основными методами исследования стали общенаучные принципы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, а также прикладной метод ситуационного анализа (case-study), позволивший на конкретных примерах российских партий определить значимость политического проективизма в их формировании и функционировании.

Выводы статьи заключаются в том, что в процессах современного партийного строительства политический проективизм выступает закономерным и неотъемлемым процессом институционального взаимодействия. Он сопряжен как с объективными процессами трансформаций современных политических и партийных систем, а также самих политических партий, так и с субъективными ориентациями политических деятелей по получению и сохранению властных позиций, на основе рационального планирования и использования имеющихся у них ресурсов. Как показывает российская партийная история, реализация партийных проектов может иметь негативные и позитивные аспекты, связанные с осуществлением такими партиями деятельности, также носящей проектный характер и ориентированной на работу с электоратом, в том числе предполагающую решение определенных социальных вопросов.

Ключевые слова: политический проект, проективизм, политическая партия, партийное строительство, Российская Федерация

Для цитирования: Логинов А. М. Политический проективизм в партийном строительстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 298–303. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-298-303>. EDN XEMSSH

Political projectivism in party building

Alexey M. Loginov

Volgograd Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, amloginov@list.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1385-2691>

Abstract. To this day, political design is the subject of academic and public discussions, the result of which is the realization of private, rational, rather than social, interests related to ideas and ideologies. To the greatest extent, this criticism affects the processes of party building. In the mass (and partly in expert) consciousness, parties are defined as institutions aimed at promoting social interests. Within the framework of such views, any emerging and developing project is considered as a de-ideologized formation, based on the rational goals and motives of its participants. Accordingly, the assessment of political projectivism in party building is an important and relevant research task and forms the purpose of this article. The methodological basis of the study was made up of systemic and neo-institutional approaches, the combination of which made it possible to consider political design as a sustainable practice, implemented in the system of political interaction and transforming the essence of modern party organizations. The study also took into account the projective approach of public administration, which defines projects as key components of political (and party) functioning. The main research methods were the general scientific principles of analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, as well as the applied method of situational analysis (case-study), which made it possible to determine the significance of political projectivism in their formation and functioning using specific examples of Russian parties. The conclusions of the article are that in the processes of modern party building, political projectivism is a natural and integral process of institutional interaction. It is associated with both objective processes of transformation of modern political and party systems, as well as political parties themselves, and with the subjective orientations of political figures to obtain and maintain positions of power, based on rational planning and use of their available resources. As Russian party history shows, the implementation of party projects can have negative and positive aspects associated with the implementation of activities by such parties, which are also of a project nature and focused on working with the electorate, including those involving the solution of certain social issues.

Keywords: political project, projectivism, political party, party building, Russian Federation

For citation: Loginov A. M. Political projectivism in party building. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):298–303. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-298-303>. EDN XEMSSH

В современных реалиях осуществление политики в формате политических проектов, с использованием их механизмов и технологий, является весьма распространенной практикой. Электоральные (партийные и персональные) проекты, равно как и многие другие (имиджевые, оппозиционные, национальные, международные, глобальные и пр.) определяют актуальный политический ландшафт и выступают воплощением идей, принципов и целей, которые в них вкладывают участники и создатели проектов. Их осуществление стимулирует политическую динамику, задает целенаправленность и предопределенность политическим процессам в государстве. Однако по сей день политическое проектирование выступает предметом академических и публичных дискуссий.

В наибольшей степени эта критика затрагивает процессы партийного строительства. В массовом (и отчасти в экспертном) сознании партии определяются как институты, направленные на продвижение социальных интересов. В рамках таких взглядов любой возникающий и развивающийся проект рассматривается как деидеологизированное образование, в основе которого рациональные цели и мотивы его участников. В условиях современных политических реалий, предполагающих существенную трансформацию, как политических систем, так и партий в них, подобные взгляды представляются несколько ограниченными и не учитывающими весь комплекс процессов партийного строительства и функционирования.

Соответственно, оценка политического проективизма в партийном строительстве выступает важной и актуальной исследовательской задачей и формирует **цель** этой статьи.

Ее достижение может быть реализовано путем решения ряда **задач**. Среди них:

1. Определение понятия политического проекта и его роли в современном политическом процессе.

2. Рассмотрение принципов политического проективизма в партийном строительстве, на примере современного российского государства.

Объектом статьи выступают процессы партийного строительства, а **предметом** – политическое проектирование в этих процессах.

Методологическую базу исследования составили системный и неинституциональный подходы, объединение которых позволило рассматривать политическое проектирование в качестве устойчивой практики, реализуемой в системе политического взаимодействия и трансформирующей сущность современных партийных организаций. Так же в исследовании учитывался проектный подход государственного управления, определяющий именно проекты в качестве ключевых составляющих политического (и партийного) функционирования.

Основными методиками исследования стали общенаучные принципы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, а также прикладной метод ситуационного анализа (case-study), позволивший на конкретных примерах российских партий определить значимость политического проективизма в их формировании и функционировании.

Теоретической основой исследования стали работы авторов рассматривавших проблематику политического проектирования, среди них стоит особенно выделить труды Митрохиной Т.Н. и ряда ее коллег. Также важный вклад внесли исследователи актуальных партийных процессов в целом и в Российской Федерации в частности.

Реализуя первую задачу, стоит отметить, что определения политического проекта и проективизма (как процесса достижения его целей) изначально связывались с партийной деятельностью и обладают определенной историей своего развития. Так, М. Острогорский еще в XIX в. в негативном ключе описывал этот процесс, отмечая: «распространение идеи, манипуляции, конфликты мнений, демонстрация политического чувства, возбуждаемого ими у публики, даже взрывы негодования и гнева – все является предметом производства, как на какой-нибудь манчестерской фабрике или на бирмингемском заводе» [1, с. 263]. Таким образом, изначально партийная проектная деятельность рассматривалась как искусственное техническое действие, направленное на манипуляцию социальными настроениями для интересов партии.

В похожем ключе, однако без отрицательных коннотаций, определяет проект другой известный исследователь М. Вебер. По его мнению, он представляет собой процесс достижения рационально поставленной цели, включающий в себя набор мероприятий и ожидания от поведения предметов или людей, на который эти мероприятия будут направлены [2, с. 628].

Динамика российской академической мысли периода двухтысячных также отражает определенные контексты этого понятия. Так, авторы работы начала 2000-х определяли политический проект как «любую позитивную деятельность политика (политической партии), результаты которой используются в публичной политике» [3, с. 458]. Очевидно, что представленное видение крайне широко и не позволяет отделить политический проект от любого политического действия.

Более предметно в своей работе его определяет уже в 2013 г. В.Л. Римский, рассматривающий политический проект как «некий замысел, план, предпринятый для достижения определенной цели, состоящий из совокупности скоординированных и управляемых видов деятельности ...» [4, с. 240]. В продолжении определения используются понятия ресурсов, сроков и этапов реализации проекта. Это делает его инструментальным понятием, характеризующим проектирование в политике как автономный процесс, обладающий своими особыми характеристиками. Однако таким образом не определяется его содержательное наполнение.

В этом контексте наиболее емким на сегодняшний день можно считать определение политического проекта, используемого в своих работах Т. Н. Митрохиной [5–8]. В одном из них автор определяет проект как «деятельность, имеющую отношение к борьбе за политическую власть, направленную на достижение заранее определенного результата или цели, создание определенного продукта или услуги при заданных ограничениях по ресурсам и срокам, а также требованиям к качеству и допустимому уровню риска» [6, с. 6]. Важной, вынесенной на первый план составляющей этого определения является понятие борьбы за власть, с которым автор ассоциирует политическое проектирование, давая таким образом содержательное наполнение проектной деятельности. При этом, дальше представленное можно считать несколько перенасыщенным понятиями начиная с тех же «результата», «ресурсов» и «сроков», и заканчивая «продуктом», «услугой», «качеством» и «рисками» проектной деятельности.

Таким образом, в более лаконичном варианте политический проект (в государственных масштабах, так как бывают международные, глобальные, цивилизационные и пр. проекты, которые сейчас не рассматриваются) можно определять как деятельность по борьбе за власть (потенциальной или текущей), направленную на достижение определенной цели, на основе имеющихся ресурсов, сроков и прочих детерминирующих его условий. Очевидно, что основными субъектами (помимо конкретных политиков), способными реализовывать такой вид политической деятельности являются политические партии. Их деятельность также направлена на достижение власти, а работа в рамках сроков избирательных кампаний и электоральных циклов, обладая ограниченным набором ресурсов, выступает нормой их современного функционирования. При этом стоит отличать политическое проектирование от других видов партийной деятельности. В процессе своего строительства партии становятся формой политических проектов, если их создание является составляющей целенаправленной стратегии по достижению определенного, связанного с властными позициями, результата.

Так, среди примеров электоральных циклов 1990-х – начала 2000-х гг. исследователи приводят примеры партий, создание которых имело в своей основе политический проект. К.В. Киселев к таким партиям относит ЛДПР, созданную для «отбора» либерального и протестного электората, партии «Наш дом – Россия», «Единство», «Отечество – вся Россия», «Родина», а также «Единую Россию». Интересна трактовка автора, делящего российский партийный спектр на идеологические и проектные партии. В основе последних в его трактовке утилитарная, безидеологическая деятельность, которая на разных этапах дает им преимущество (или наоборот обеспечивает отставание) по сравнению с идеологическими партиями [9].

Похожую логику отражает в статье Т. Н. Митрохина, противопоставляющая в партийном проектом строительстве «технологии» и «идеологии». В ее списке проектных партий также присутствует «Единство», созданное для противовеса блоку «Отечество – вся Россия», и «Правое дело» (весь период функционирования которого, от основания до закрытия можно было проследить online). Также к проектным партиям относятся, присутствующие в современной партийной системе, «Справедливая Россия» (как левоцентристский проект, ослабляющий КПРФ) и «Единая Россия» (безидеологическая партия власти) [6].

При всей справедливости тезиса о том, что для политической «проектной» партии идеология не является ценностью и стержнем организации ее деятельности, можно не согласиться с прослеживаемыми негативными контекстами партийного проектирования, как направленного на сохранение власти (в центре и регионах), в каждом новом цикле. Так, у Т. Н. Митрохиной присутствуют явные негативные прогнозы относительно деятельности партий «Справедливая Россия» и «Единая Россия», каждой из которых автор в 2014-м году предсказывает возможное завершение, как провального (законченного) проекта [6].

Однако, не соглашаясь в этом вопросе, стоит отметить тот факт, что современные партии не представляют собой массовые партии, которые описывал еще М. Дюверже [10]. Их сущностная динамика является следствием естественной эволюции партии как политического института, а не их конъюнктурности, в которой их обвиняют исследователи «проектных» партий Российской Федерации. В наибольшей мере современная политическая партия, представляет собой картельную организацию, описанную Р. Катцем и П. Мейром [11]. Такая партия в первую очередь является институтом власти, реализуя функции управления, что не исключает такое важное направление ее деятельности, как коммуникацию с социальными группами и представительство их интересов.

В деятельности такой партии идеология играет скорее роль символического фактора, определяющего сегмент электората, который может меняться и не связываться с идеологическими ценностями в целом. Ключевым наполнением в данном случае становится проектная деятельность, осуществляемая партиями. Например, рассматривающий в своей работе проектную деятельность «Единой России» в ряде южных регионов в электоральном цикле 2021 г. Ярошенко А.С., обозначает, что помимо электоральных, ЕР на протяжении многих лет осуществляла имиджевые проекты, а также происходил процесс трансформации от первой (электоральной) формы во вторую (имиджевую). Однако более значимой является демонстрация автором эффективности реализованных проектов, способствовавших мобилизации избирателей и депутатского корпуса, развитию использования в российском избирательном процессе информационных технологий (электронных сервисов и пр.) [12]. Таким образом, реализовывавшиеся партией проекты обеспечивали не только осуществление функции воспроизводства во властных региональных структурах, но и решали определенные социально значимые вопросы.

Таким образом, можно резюмировать, что в процессах современного партийного строительства политический проективизм выступает закономерным и неотъемлемым процессом институционального взаимодействия. Он сопряжен как с объективными процессами трансформаций современных политических и партийных систем, а также самих политических партий, так и с субъективными ориентациями политических деятелей по получению и сохранению властных позиций, на основе рационального планирования и использования имеющихся у них ресурсов. Как показывает российская партийная история, реализация партийных проектов может иметь негативные и достаточно позитивные аспекты, связанные с осуществлением такими партиями деятельности, также носящей проектный характер и ориентированной на работу с электоратом, в том числе предполагающую решение определенных социальных вопросов.

Список источников

1. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 640 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М.: Русская панорама, 2006. 680 с.
4. Римский В.Л. Политическое проектирование в современной России как перформансная деятельность // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: мат. X Междунар. конф.: в 2 ч. М.: Ленанд, 2013. Ч. 1.
5. Митрохина Т. Н. Политический проект как категория политической науки // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2015. № 2 (56). С. 117–122.
6. Митрохина Т. Н. Функциональность политических проектов: технологии vs идеологии? // Власть. 2014. № 10. С. 5–13.
7. Демидова Е. И., Митрохина Т. Н. Аксиология проектирования российской политики // Власть. 2017. № 3. С. 114–122.
8. Митрохина Т. Н., Шайдуллоев А. А. Политическое проектирование: некоторые аспекты проблемы проектирования гражданской идентичности в современной России // Власть. 2018. № 5. С. 52–58.
9. Киселев К. В. Партийное проектирование в современной России: роль идеологии // Антиномии. 2007. Вып. 7. С. 231–239.
10. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2018. 544 с.
11. Katz R., Mair P. The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organizational Change in Twentieth – Century Democracies. In: *Political Parties. Old Concepts and New Challenges* / ed. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. – Oxford, 2002: 113–135.
12. Ярошенко А. С. Проектные особенности функционирования региональных отделений партии «Единая Россия» в контексте избирательного цикла 2021 года // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-305-311>. EDN PNEJDY

References

1. Ostrogorsky M. Ya. *Democracy and political parties*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); 1997. 640 p. (In Russ.)
2. Weber M. *Basic sociological concepts. Selected works*. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russ.)
3. Malkin E., Suchkov E. *Political technologies*. Moscow: Russkaya panorama; 2006. 680 p. (In Russ.)
4. Rimsky V. L. Political design in modern Russia as a performance activity. In: *Political design in the space of social communications: Coll. X International Conf.: in 2 parts*. Moscow: Lenand; 2013. Part 1. (In Russ.)
5. Mitrokhina T. N. Political project as a category of political science. *Industry: economics, management, technology*. 2015:2(56):117–122. (In Russ.)
6. Mitrokhina T. N. Functionality of political projects: technologies vs ideologies? *Vlast'*. 2014;(10):5–13. (In Russ.)

7. Demidova E. I., Mitrokhina T. N. Axiology of designing Russian politics. *Vlast'*. 2017;(3):114–122. (In Russ.)
8. Mitrokhina T. N., Shaidullov A. A. Political design: some aspects of the problem of designing civic identity in modern Russia. *Vlast'*. 2018;(5):52–58. (In Russ.)
9. Kiselev K. V. Party planning in modern Russia: the role of ideology. *Antinomies*. 2007;(7):231–239. (In Russ.)
10. Duverger M. *Political parties*. Moscow: Akademicheskij proekt; 2018. 544 p. (In Russ.)
11. Katz R., Mair P. The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organizational Change in Twentieth – Century Democracies. In: *Political Parties. Old Concepts and New Challenges*. ed. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. (eds.). Oxford, 2002: 113–135.
12. Yaroshenko A. S. Design features of the functioning of the regional branches of the «United Russia» party in the context of the 2021 election cycle. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):305–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-305-311>. EDN PNEJDY

Информация об авторе

А. М. Логинов – аспирант, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС.

Information about the author

A. M. Loginov – Postgraduate Student, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 05.06.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Институциональная трансформация политики занятости Китая в условиях рыночных преобразований: ретроспективный анализ

Лю Пэн

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
plyu@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8558-2621>

Аннотация. В период рыночных реформ и открытия экономики политика занятости в Китае претерпела глубокие институциональные изменения. С 1978 г. в процессе построения социалистической рыночной экономики с китайской спецификой осуществлена масштабная институциональная трансформация государственной политики распределения совокупной рабочей силы общества по территориям, отраслям и предприятия в политику поддержки занятости населения через государственное регулирование рынка труда, совершенствование системы образования и создание института социальной защиты работников. Выделено четыре этапа институциональной трансформации экономической политики занятости Китая. За более чем 40 лет реформирования и постепенного совершенствования по сравнению централизованным распределением рабочей силы политика занятости к настоящему времени органично сочетает рыночный механизм с эффективной системой государственного регулирования занятости. Обосновано, что институциональные изменения в Китае осуществлялись целенаправленно, обеспечив градуалистскую замену централизованного планового распределения рабочей силы в дореформенной экономике рынком труда с достаточно эффективным государственным регулированием с постепенным дополнением и расширением успешно действующих правил. Проанализировано влияние институциональных изменений на структуру занятости в сельской местности, а также на возникновение новых вызовов, которые связаны с адаптацией к новой экономической ситуации и требованиям рынка труда. В настоящее время эффективное решение этих структурных и институциональных проблем стало неизбежным вызовом, стоящим перед современным этапом реформирования политики занятости в Китае в условиях стремительной цифровизации экономики и труда. Показано, что разработка стратегии экономической политики поддержки занятости базируется на сочетании экстраполяции накопленного успешного опыта ее реформирования и учета реалий современного развития.

Ключевые слова: политика занятости, рыночная трансформация экономики, градуализм, институциональная трансформация, институциональные изменения, рынок труда, содействие занятости, институциональная коррекция.

Для цитирования: Лю Пэн. Институциональная трансформация политики занятости Китая в условиях рыночных преобразований: ретроспективный анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 304–309. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-304-309>. EDN XGBWIB

Young scientists

Original article

Institutional changes in China's employment: retrospective analysis

Liu Peng

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, plyu@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8558-2621>

Abstract. During the period of market reform and economic opening up, China's employment policy has undergone profound institutional changes. Since 1978, in the process of building a socialist market economy with Chinese specifics, there has been a large-scale institutional transformation of the state policy of distributing the total labor force of society across territories, industries and enterprises into a policy of supporting employment through state regulation of the labor market, improving the education system and creating

the institution of social protection of workers. Four stages of institutional transformation of China's economic employment policy have been identified. For more than 40 years of reform and gradual improvement over the centralized distribution of labor force, the employment policy by now organically combines the market mechanism with an effective system of state regulation of employment. It is substantiated that institutional changes in China were implemented purposefully, providing a gradualist replacement of the centrally planned distribution of labor force in the pre-reform economy by a labor market with sufficiently effective state regulation with gradual supplementation and expansion of successful rules. The impact of institutional changes on the structure of employment in rural areas is analyzed, as well as the emergence of new challenges that are associated with adaptation to the new economic system.

Keywords: employment policy, market transformation of the economy, gradualism, institutional transformation, institutional changes, labor market, employment promotion, institutional correction

For citation: Liu Peng. Institutional changes in China's employment: retrospective analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):304–309. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-304-309>. EDN XGBWIB

Введение

Рыночные реформы, осуществляемые с 1978 г. и целеориентированные на ускоренное развитие и достижение открытости экономики, включали, наряду с другими составляющими, градуалистскую (постепенную) [1] институциональную трансформацию политики занятости Китая. В результате система трудовых отношений и государственная политика занятости претерпели значительные институциональные изменения в условиях рыночной трансформации плановой экономики, что обусловило создание рынка труда. На Западе экономические реформы Китая воспринимаются рядом исследователей как переход к капитализму [2]. Однако, по нашему мнению, руководство КПК в целях преемственности идеологии трактует новую экономическую систему как особую, китайскую форму социализма.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе ретроспективного анализа выделить этапы, эффекты и результаты институциональной трансформации политики занятости плановой экономики в создание более эффективной и гибкой государственной системы поддержки занятости населения для содействия экономическому росту и обеспечению социальной стабильности. Достижение данной цели обусловило необходимость решения следующих исследовательских задач:

- провести ретроспективный анализ институциональной трансформации государственной политики занятости в условиях рыночных реформ в Китае;
- охарактеризовать тип институциональных изменений и последствия рыночного реформирования политики занятости;
- обосновать перспективные направления развития государственной политики поддержки занятости в условиях цифровизации экономики и труда.

Институциональные изменения политики занятости в условиях рыночных реформ

Институциональная трансформация – это процесс замещения, преобразования и транзакций институтов, который по своему содержанию представляет собой замену одной экономической системы на другую, более эффективную. Значение институциональных трансформаций заключается в том, что «институты обеспечивают рамки, в которых взаимодействуют люди, позволяя определять отношения сотрудничества и конкуренции, тем самым формируя общество и, в частности, экономический порядок» [3, р. 204].

В институциональной экономической теории институциональные трансформации чаще всего рассматриваются как эволюционный процесс. Согласно Т. Веблену, демографические и технологические изменения направляют институциональные трансформации, которые гарантируют, что существующие системы и привычки мышления, унаследованные от прошлого, никогда не смогут быть идеально адаптированы к современным требованиям, поэтому трансформации и привычки постоянно развиваются [4, р. 192]. Ряд авторов выделяют в институциональной трансформации «институционально-правовую (изменения формальных институтов) и экономическую (структурные, технологические изменения по повышению глобальной конкурентоспособности экономики)» [5, с. 449].

Сухарев О. С. классифицирует всю совокупность институциональных изменений на [6, р. 11]:

- «институциональную коррекцию» – сознательные, целенаправленные изменения;
- «самопроизвольные» изменения без вмешательства органов управления.

Проведенный ретроспективный анализ институциональных изменений политики занятости Китая показал необходимость акцентирования на первом типе изменений. При этом институциональная коррекция может осуществляться различными способами. О. С. Сухарев выделяет следующие, наиболее распространенные виды институциональной коррекции [6, p. 12]:

- замена института уже функционирующим или новым;
- изменение имеющегося института;
- дополнение действующего института новыми нормами;
- увеличение ресурсной поддержки функционирующего института;
- пролонгирование действия института, его закрепление.

Применение описанной выше классификации институциональных изменений О. С. Сухарева к анализу эволюции институтов занятости Китая показывает, что рынок труда с 1978 г. так или иначе претерпел все виды этих институциональных изменений. В результате экономические реформы привели к масштабному экономическому росту, который изменил жизнь более 850 млн чел.

Особо следует подчеркнуть, что в условиях ускоренного развития китайской экономики не только создавалось значительное количество рабочих мест, но и постепенно формировалась экономическая система, основой конкурентоспособности которой является человеческий капитал. Трансформация политики занятости на этом этапе представляла собой переход от института гарантий к формированию института стимулов, реализованном в трансформации пассивных формальных договоренностей (трудовых контрактов) в активную рыночную конкуренцию рабочей силы за более привлекательные по стимулам рабочие места.

Этапизация процесса институциональной трансформации политики занятости

В процессе институциональной трансформации государственной политики поддержки занятости Китая как совокупности институциональных изменений, осуществляемых государством, нами выделены следующие этапы:

- *На первом этапе* институциональных изменений в период ранних реформ с 1978 по конец 1980-х гг. осуществлялась градуалистская, постепенная, но *полная замена* сложившегося в плановой экономике института занятости. Государство, чтобы ослабить давление растущей численности на уровень занятости населения, проводило политику «трех комбинаций»¹, которая придавала равное значение централизованному распределению рабочей силы и продукции, с одной стороны, и самостоятельному выбору экономических субъектов, с другой. Это обеспечило создание системы трудовых контрактов в сфере взаимодействия работника и работодателя, а также сформировало «двухколейную систему»² трудовой занятости с китайской спецификой с целью стимулирования развития как коллективной, так и частной экономики. В результате произошел постепенный переход от государственного распределения рабочей силы к рынку труда с эффективным государственным регулированием занятости, что ускорило развитие частного бизнеса и создание новых рабочих мест [7].

- *Второй этап* институциональных изменений осуществлялся в период с 1990-х гг. до начала XXI в. и обеспечил углубление строительства рыночной системы, запуск «проекта повторной занятости»³, чтобы обеспечить рациональное распределение избыточной рабочей силы [7]. Тем самым вплоть до 2001 гг. осуществлялись *постепенные изменения содержания действующих институтов*, а политика в области занятости была направлена на распределение рабочей силы и обеспечение ее безопасности.

- *Третий этап* институционализации новой политики поддержки занятости населения начался с 2002 г., когда на 28-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва был принят закон «О трудовом договоре» и осуществлены другие политические меры⁴. В результате акцент в политике занятости сместился на защиту прав и интересов

¹ Политика «трех комбинаций» применительно к системе занятости населения – это сочетание общего государственного регулирования со свободным рынком труда и самозанятостью.

² Двухколейная система – это сосуществование элементов плановой и рыночной экономики в рамках национальной экономической системы.

³ Это масштабная программа профессиональной переподготовки и содействия трудоустройству лиц, потерявших работу и не сумевшие найти занятие в течение 6 месяцев.

⁴ Например, закон КНР «О поощрении занятости» (2008 г.) ввел институциональное регулирование процесса переподготовки работников.

работников и оптимизацию предпринимательской среды, а система социального страхования работников, обеспечения базовых и минимальных средств к существованию безработных была укреплена с помощью информационных технологий, что позволило повысить качество занятости и уверенность в ее стабильности. Все эти институциональные изменения, на наш взгляд, можно рассматривать как *дополнение существующих правил и продолжение рыночно-ориентированной политики занятости*.

– *Четвертый этап* институциональной трансформации политики занятости Китая датируется 2012 г., когда она была возведена в ранг национальной стратегии, что способствовало формированию более справедливого и качественного рынка труда в условиях новой регулируемой рыночной экономики с целью обеспечения надежной поддержки стимулирования экономического роста и социальной гармонии [8]. С другой стороны, на этом этапе институциональной трансформации в Китае стала реализовываться политика ограничения занятости. С 2012 г. на первый план выходит концепция «Шести стабильностей»¹, что повышает статус политики занятости в национальной стратегии развития. Это соответствует *росту ресурсного обеспечения работы действующих правил*, согласно классификации институциональных изменений О. С. Сухарева.

В 2021 г. в «Набросках XIV-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития КНР и перспектив на 2035 год» был выделен особый раздел «Создание нового преимущества в цифровой экономике», в котором цифровизация неразрывно связывается с политикой занятости. Сочетание анализа больших данных и современных интернет-технологий должны способствовать быстрому и адекватному реагированию на институциональные изменения экономики Китая², что соответствует *росту ресурсного обеспечения работы действующих правил* по О. С. Сухареву.

Влияние политики на структуру занятости

Начиная с первых дней рыночной трансформации экономики и до настоящего времени Китай проводит ряд реформ в области политики занятости населения, которые оказали значительное влияние на ее общее состояние. Так, в 1983 г. китайское правительство, понимая необходимость поиска крестьянами новых рабочих мест и каналов сбыта, ввело для них разрешение заниматься сбытом сельскохозяйственной продукции и ее транспортировкой на дальние расстояния. На 14-м Всекитайском съезде КПК в 1992 г. Дэн Сяопин официально продекларировал цель построения социалистической рыночной экономической системы в Китае. Это прежде всего изменило государственную политику в отношении волостных и сельских предприятий, институционализовав их новый статус в национальной экономике как малых и средних промышленных предприятий в сельской местности и ускорив их развитие в рамках принятых стратегических направлений экономического развития Китая [9].

Следует отметить, что еще в 1984 г. фермерам было разрешено работать на поселковых предприятиях близлежащих территорий. В 1978–1996 гг. их число быстро выросло с 1,5 млн до 23 млн, что позволило создать более 130 млн рабочих мест и увеличить их вклад в занятость сельского населения с 9,2 % до 27,6 % (рис. 1). Согласно статистическим данным, в конце 2022 г. в Китае было всего занято 733,5 млн чел., из которых 459,3 млн чел. работали на предприятиях в волостях и селах, что составляет 62,6 % от общего числа занятых в стране³.

Кроме того, политика занятости с начала рыночных реформ в Китае и по настоящее время адаптировалась к новой экономической ситуации и требованиям рынка, в частности к внедрению новых цифровых, роботизированных технологий. Подключение к достижениям IV промышленной революции способствует модернизации отраслевой структуры занятости, росту удельного веса руководящих, промышленных, технических работников, занятых в сфере торговли и услуг (табл. 1), требующих от рабочей силы более высокой квалификации.

¹ «Шесть стабильностей» – это стабильные занятость, финансы, внешняя торговля, иностранные инвестиции, инвестиции и ожидания.

² The effectiveness and future direction of China's digital economic development. 2023 // People's Forum Magazine. - URL: https://www.zjwx.gov.cn/art/2023/1/19/art_1673581_58872669.html?eqid=8c8f82d90001052500000066485a595 (date of reference: 26.03.2024).

³ Statistical Bulletin of the National Economic and Social Development of the People's Republic of China in 2022. National Bureau of Statistics. 2023. - URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759115722100720232&wfr=spider&for=pc> (Accessed 16 March 2024).

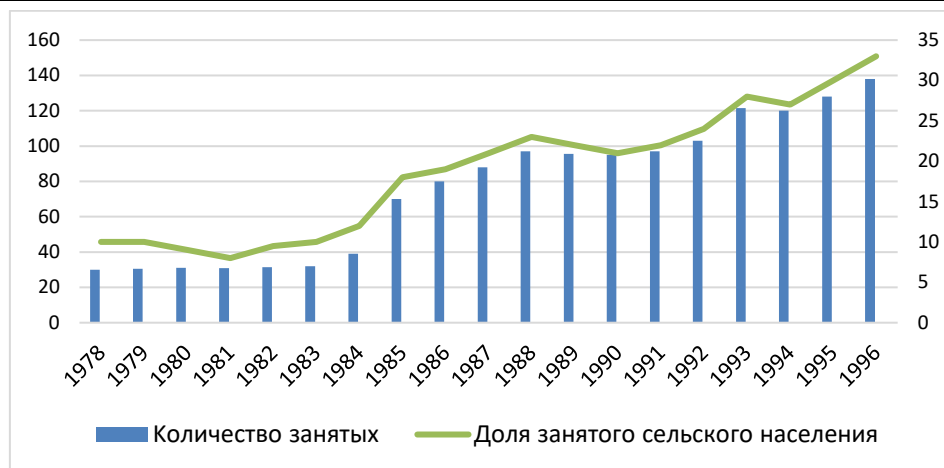

Рис. 1. Занятость на поселковых и сельских предприятиях Китая, 1978-1996 гг. (млн чел.)¹

Fig. 1. Employment in township and rural enterprises in China, 1978-1996 (million people)

Таблица 1 – Изменения в распределении широких профессиональных групп, 2000–2022 гг.²

Table 1 – Changes in the distribution of broad occupational groups, 2000–2022

Название	Седьмая перепись населения, 2022 г. (%)	Шестая перепись населения, 2010 г. (%)	Пятая перепись населения, 2000 г. (%)
Руководители госорганов, предприятий и учреждений	2.2	1.8	1.7
Промышленные работники	10.4	6.8	5.7
Основные работники	7.0	4.3	3.1
Работники торговли, сферы обслуживания	33.9	16.2	9.2
Производственные рабочие в сельском, лесном хозяйстве и др.	20.5	48.3	64.5
Операторы производственного и транспортного оборудования	25.8	22.5	15.8
Другие специалисты	0.2	0.1	0.0

Таким образом, институциональная трансформация государственной политики занятости в Китае с начала рыночных реформ в 1978 г. постепенно адаптировалась к вызовам современного этапа экономического развития. При этом именно эффективное государственное макрорегулирование занятости сыграло ключевую роль в поглощении избытка рабочей силы и стабилизации рынка труда, а политика, ориентированная на «занятость с опорой на предпринимательство», стимулировала его динамику. Долгосрочная перспектива стабилизации занятости позволила постепенно снизить общий уровень безработицы и добиться выдающихся результатов, прежде всего, в ликвидации бедности, расширении городской и молодежной занятости.

Список источников

1. Боровская Л. В. О теоретических концепциях проведения институциональных трансформаций // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2019. № 1. С. 5–10.
2. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим: пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2016. 386 с.

¹ Составлено автором по: Four Decades of Poverty Reduction in China: Drivers, Insights for the World, and the Way Ahead, 2022. - URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/bdadc16a4f5c1c88a839c0f905cde802-0070012022/original/Poverty-Synthesis-Report-final.pdf> (Accessed 16 March 2024).

² Составлено по: China's 2000, 2010 and 2022 Population Censuses. (In Chinese).

3. North D. C. *Structure and Change in Economic history*. Nev-York: Norton, 1981. 248 p.
4. Veblen T. *The theory of the leisure class*. Nev-York: A.M. Kelley, 1965. 427p.
5. Белокрылов К. А., Белокрылова О. С. Общественный сектор: вызовы цифровизации и тенденции трансформации // Научные труды вольного экономического общества России. 2021. № 4 (230). С. 447-453. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-447-453
6. Sukharev O. S. Institutional change and the quality of rules in ensuring economic growth // *Journal of New Economy*. 2023. № 24(1). С. 6–25. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-1-1
7. Фэн Ш. Развитие политики занятости населения Китая // Закон и власть. 2023. № 3. С. 8-13.
8. Zhaohui G., Jinshan S., Lu S. Analysis of China's economic growth based on the perspective of labor employment: Theory and practice // *Journal of Yunnan University of Finance and Economics*. 2020. № 8. (In Chinese).
9. Xiao C. *The Evolution of Township and Village Enterprises in China*. Center For International Knowledge On Development, 2020. – URL: <https://www.cikd.org/detail?docId=1610> (date of reference: 31.05.2024).

References

1. Borovskaya L. V. On theoretical concepts of institutional transformations. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and management*; 2019;(1):5–10. (In Russ.).
2. Coase R., Wang N. *How China became capitalist*: trans. from English. Moscow: New Publishing House, 2016. 386 p. (In Russ.).
3. North D. C. *Structure and Change in Economic history*. Nev-York: Norton; 1981. 248 p.
4. Veblen T. *The theory of the leisure class*. Nev-York: A. M. Kelley, 1965. 427 p.
5. Belokrylov K. A., Belokrylova O. S. Public sector: challenges of digitalization and transformation trends. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*; 2021; 4(230):447–453. (In Russ.).
6. Sukharev O. S. Institutional change and the quality of rules in ensuring economic growth. *Journal of New Economy*; 2023;24(1):6–25. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-1-1
7. Feng Sh. Development of China's employment policy. *Law and power*. 2023; (3):8-13.
8. Zhaohui G, Jinshan S, Lu S. Analysis of China's economic growth based on the perspective of labor employment: Theory and practice. *Journal of Yunnan University of Finance and Economics*; 2020;(8). (in Chinese).
9. Xiao C. *The Evolution of Township and Village Enterprises in China*. Center For International Knowledge On Development. 2020. Available from: <https://www.cikd.org/detail?docId=1610> [Accessed 31 May 2024].

Информация об авторе

Лю Пэн – магистр экономики, аспирант кафедры экономической теории экономического факультета, ЮФУ.

Information about the authors

Liu Peng – Master of Economics, Postgraduate Student, Department of Economic Theory, Faculty of Economics, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Разработка комплексного показателя оценки состояния городского электротранспорта для органов исполнительной власти Российской Федерации

Максим Вадимович Фандюшин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, fandyushinm@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализировано 115 городов на территории Российской Федерации, в которых действует одна или несколько систем городского электрического транспорта. Определено, что в современной отраслевой сфере не существует единого комплексного показателя состояния городского электрического транспорта, который позволил бы провести оценку состояния систем не только по отношению к собственным показателям прошлых лет, но и по отношению к другим, аналогичным системам. Предложен комплексный показатель, который позволит всеобъемлюще оценить состояние городского электрического транспорта и интерпретировать его в числовом выражении для его применения государственными и региональными властями, позволяющий оперативно сделать выводы и принять решение о дальнейшей корректировке функционирования системы электротранспорта, отличающийся относительно несложной для расчета формулой и не требующий специфических компетенций для лиц, проводящих анализ. Систематизированы ключевые показатели городского электрического транспорта, в том числе связанные с эксплуатируемой энергетической инфраструктурой, линейной инфраструктурой, парковым хозяйством, включая технические здания и сооружения для обслуживания систем, показатели, связанные с подвижным составом и его ключевыми техническими характеристиками, а также доступность городского электрического транспорта для жителей рассматриваемого населенного пункта и пассажирские потоки в рамках данной системы. Определены границы значений итогового показателя, в рамках которых состояние городского электрического транспорта будет оценено органами государственной и региональной власти как удовлетворительное или же как неудовлетворительное и требующее принятия решений о пересмотре подходов к развитию системы в рамках документов стратегического транспортного планирования.

Ключевые слова: городской электротранспорт, развитие транспорта, оценка инфраструктуры, государственное управление, муниципальные органы власти

Для цитирования: Фандюшин М. В. Разработка комплексного показателя оценки состояния городского электротранспорта для органов исполнительной власти Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 310–316. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-310-316>. EDN XIJAIO

Young scientists

Original article

Development of a comprehensive indicator for assessing the state of urban electric transport for the executive authorities of the Russian Federation

Maksim V. Fandyushin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, fandyushinm@yandex.ru

Abstract. This article analyzes 115 cities on the territory of the Russian Federation in which one or more urban electric transport systems operate. It is determined that in the modern industry there is no single comprehensive indicator of the state of urban electric transport, which would allow an assessment of the state of systems not only in relation to their own indicators of previous years, but also in relation to other,

similar systems. A comprehensive indicator is proposed that will allow a comprehensive assessment of the state of urban electric transport and interpret it in numerical terms for its application by state and regional authorities, allowing to quickly draw conclusions and make a decision on further adjustment of the functioning of the electric transport system, characterized by a relatively simple formula for calculation and does not require specific competencies for those conducting the analysis. The key indicators of urban electric transport are systematized, including those related to the operated energy infrastructure, linear infrastructure, park facilities, including technical buildings and structures for system maintenance, indicators related to rolling stock and its key technical characteristics, as well as the availability of urban electric transport for residents of the considered locality and passenger flows within this framework systems. The boundaries of the values of the final indicator have been determined, within which the state of urban electric transport will be assessed by state and regional authorities as satisfactory or unsatisfactory and requiring decisions on revising approaches to the development of the system within the framework of strategic transport planning documents.

Keywords: urban electric transport, transport development, infrastructure assessment, public administration, municipal authorities

For citation: Fandyushin M. V. Development of a comprehensive indicator for assessing the state of urban electric transport for the executive authorities of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):310–316. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-310-316>. EDN XIJAI0

Введение

В настоящий момент на территории Российской Федерации имеется 115 городов и 1 поселок городского типа, в которых функционирует 1 или несколько систем городского электрического транспорта. Это составляет примерно 10 % от общей численности городов в России.

Ряд городов России рассматривает строительство и запуск новых систем электротранспорта. Так, ряд городов планирует запускать электробусные системы (например, Энгельс, Волгодонск), а некоторые рассматривают возможность строительства трамвайных систем.

В то же время, наблюдаются изменения в сложившихся системах электротранспорта. 8 % трамвайных систем и 10 % троллейбусных систем находятся в упадочном состоянии и имеют риск быть ликвидированными. 25 % трамвайных и 20 % троллейбусных хозяйств, наоборот, активно развиваются и обновляются. Остальные функционируют стабильно без критических изменений. Электробусный транспорт находится только в стадии запуска и развития. Так, электробусы на постоянной основе функционируют в 9 городах, при этом в семи из них их численность не превышает 10 единиц. Наибольший успех наблюдается только в Москве, где, по состоянию на май 2024 г. функционирует около 1600 электробусов.

Таким образом, можно отметить, что, в целом, в Российской Федерации наступает стадия активного развития электротранспорта. Для правильного развития любого отраслевого института требуется несколько элементов: наличие финансовой поддержки, наличие профильных специалистов с необходимыми компетенциями, производственные мощности, а также мониторинг и контроль за развитием и функционированием системы.

В данной статье речь пойдет о последнем «звене» - мерах мониторинга и контроля. Целью данной работы является разработка показателя, который позволит органам государственной и региональной власти всеобъемлюще провести фактическую оценку функционирования систем электротранспорта, определить наиболее узкие места и оперативно изменить тактику развития электрического транспорта в стране или отдельно взятых регионах. Автором предлагается формула, а также описываются её преимущества и допущения.

Существующие форматы оценивания функционирования транспортных систем

Основной мерой мониторинга и контроля является оценка функционирования системы. Она может быть представлена на разных уровнях: оценка деятельности органов федеральной, региональной или муниципальной власти, оценка потребности в ресурсах, процесса функционирования систем, результатов функционирования или целостная оценка системы [1].

Если говорить об оценке органов власти на разных уровнях, то можно рассмотреть параметры, предложенные исследователем Асриянцем К. Г., а именно: организация мероприятий по развитию транспортного комплекса, включая строительство и ремонт, степень организации безопасности дорожного движения, создание парковочных мест, оценка качества контроля за безопасностью перевозок, создание условий для организации транспортного обслуживания населения [2].

Если говорить об оценке непосредственно транспортных систем, то их можно разделить на качественные и количественные. К количественным можно отнести экономическую оценку, например, оценка выручки, рентабельности транспортного предприятия, финансовая устойчивость [3], оценку количества перевезенных за год пассажиров или количество совершенных поездок [4], или иных параметров развития систем, связанных с протяженностью сети, которые используют в Федеральной службе государственной статистики¹.

К качественным параметрам относят разные категории показателей. В числе подобных показателей входят: загрязнение окружающей среды [4], удобство и заполняемость подвижного состава, комфортность передвижения [5], надежность транспорта, ценовая доступность² и прочие параметры в заданных категориях.

Кроме того, существуют иные качественные научные подходы к оценке транспортных систем. Так, в работе Волковой Е. М. и Припузов-Невского А. В. оценка функционирования транспорта рассматривается с точки зрения общественных эффектов, включающих в себя время в пути, степень безопасности перевозок, а также уровень транспортной мобильности [6].

В совместной работе ученых Шарова М. И. и Михайлова А. Ю. рассматривается оценка транспортных систем с точки зрения их надежности, что, в свою очередь, включает в себя безопасность движения, частоту поездок, качество поездки, уровень тарифа, уровень информационного обеспечения [7]. Важность информационного и цифрового обеспечения также отмечают в своей работе ученые Шульженко Т. Г. и Жук А. Е. [8].

Исследователи Карасев О. И. и Кривцова А. О., опираясь на зарубежный опыт, рассматривают оценку транспортного комплекса агломерации как комплекс из индексов, также включающих в себя безопасность поездок, качество поездок. При этом, учитывается доступность транспортных услуг, качество грузовой логистики и уровень воздействия на окружающую среду [9].

В то же время, реальных комплексных оценок функционирования транспортных систем не так много. Так, в методике оценки эффективности функционирования ПТОП используется формула, учитывающая такие параметры, как: пассажиропоток, количество подвижного состава, его суммарный пробег, экологический аспект, а также вместимость транспортных средств и тарифы [4]. Данная методика действительно является комплексной, но, в то же время, она направлена на топливные виды транспорта и не учитывает множество параметров, связанных с техническими особенностями электротранспорта. Таким образом, необходимо разработать новую комплексную оценку, направленную на городской электрический транспорт, учитывая опыт существующих систем.

Городской электрический транспорт, согласно работе группы исследователей Литвиненко Р. С., Павлова П. П., Аухадеева А. Э., это комплекс видов транспорта, приводящихся в движение электрическим приводом и предназначенный для городских перевозок пассажиров [10]. Все представленные выше комплексные оценки, в первую очередь, направлены на оценивание транспортной системы в целом и не отражают суть городского электрического транспорта. При этом, важными элементами, требующими оценки, являются: подвижной состав, тяговые подстанции, контактная сеть, рельсовые линии [10].

Разработка комплексного показателя оценки состояния городского электротранспорта

При разработке качественной комплексной оценки состояния городского электротранспорта стоит определить, какие элементы войдут в данную оценку.

Функционирование городского электрического транспорта (Далее – ГЭТ) зависит от следующих элементов:

- Состояние энергетической инфраструктуры;
- Состояние капитальной инфраструктуры для функционирования ГЭТ;
- Состояние и качество подвижного состава;
- Покрытие города сетью ГЭТ;
- Пассажиропоток на подвижном составе ГЭТ.

¹ Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Раздел «Транспорт». Данные за период с 2000 по 2019 гг. [электронный ресурс]: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport>.

² Распоряжение Министерства транспорта Российской Федерации от 31 января 2017 года N НА-19-р «Об утверждении Социального стандарта транспортного обслуживания населения при осуществлении перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом».

К энергетической инфраструктуре можно отнести: тяговые подстанции, фидерные кабельные линии, а также контактную сеть, либо контактный рельс, либо электрозарядные станции. К капитальной инфраструктуре ГЭТ можно отнести как парковые площади, так и иные элементы сети – рельсовые линии. В части касающейся состояния и качества подвижного состава стоит выделить такие показатели, как: нормативный возраст подвижного состава, низкопольность подвижного состава, динамика его роста, процент соблюдения расписания. Покрытие города сетью ГЭТ подразумевает процент селитебной территории города, обеспеченной маршрутами городского электрического транспорта. Пассажиропотоки рассматриваются с точки зрения прироста числа пассажиров по сравнению с отчетным периодом, следовавшим до рассматриваемого.

Таким образом, формула комплексного показателя оценки состояния городского электротранспорта представляется следующим образом:

$$K_{\text{ГЭТ}} = K_{\text{ТП}} \times K_{\text{КЛ}} \times K_{\text{КС}} \times K_{\text{Л}} \times K_{\text{П}} \times K_{\text{ВПС}} \times K_{\text{НПС}} \times K_{\text{ДТС}} \times K_{\text{Р}} \times K_{\text{СПОКР}} \times K_{\text{ДПАСС}}, \text{ где:}$$

$K_{\text{ТП}}$ – доля тяговых подстанций, находящихся в нормативном состоянии,

$K_{\text{КЛ}}$ – доля фидерных и кабельных линий, находящихся в нормативном состоянии,

$K_{\text{КС}}$ – доля контактной сети или контактных рельсов, находящейся в нормативном состоянии,

$K_{\text{Л}}$ – доля линейной инфраструктуры, находящейся в нормативном состоянии (рельсовое полотно, тоннельная инфраструктура и прочее),

$K_{\text{П}}$ – доля парковых сооружений, находящихся в нормативном состоянии,

$K_{\text{ВПС}}$ – доля подвижного состава, соответствующая возрастным нормативам,

$K_{\text{НПС}}$ – доля низкопольного подвижного состава,

$K_{\text{ДТС}}$ – доля прироста подвижного состава,

$K_{\text{Р}}$ – доля соблюдения расписания подвижным составом,

$K_{\text{СПОКР}}$ – доля покрытия площади селитебной территории маршрутной сетью систем городского электротранспорта,

$K_{\text{ДПАСС}}$ – доля прироста пассажиропотока.

Все показатели измеряются в условных единицах. Показатели $K_{\text{ДТС}}$ и $K_{\text{ДПАСС}}$ могут иметь значение в диапазоне от $(0; +\infty]$. Остальные показатели имеют значения в пределах $(0; 1]$.

В раскрытом виде формула выглядит следующим образом:

$$K_{\text{ГЭТ}} = \frac{\text{ТП}_n}{\text{ТП}} \times \frac{\text{КЛ}_n}{\text{КЛ}} \times \frac{\text{КС}_n}{\text{КС}} \times \left(\frac{\text{КЛ}_n}{\text{КЛ}} \times \frac{\text{М}_n}{\text{М}} \times \frac{\text{ТП}_n}{\text{ТП}} \right) \times \frac{\text{П}_n}{\text{П}} \times \frac{\text{ПС}_v}{\text{ПС}} \times \frac{\text{ПС}_{\text{НП}}}{\text{ПС}} \times \frac{\text{ТС}_n}{\text{ТС}_{n-1}} \times \frac{\text{ПС}_p}{\text{ПС}} \times \frac{S_{\text{ГЭТ}}}{S_{\text{сел}}} \times \frac{\text{ПП}}{\text{ПП}_{n-1}}$$

Коэффициент $\frac{\text{ТП}_n}{\text{ТП}}$ как отношение тяговых подстанций, находящихся в нормативном состоянии к общему количеству тяговых подстанций, питающих городской электрический транспорт. Нормативное состояние тяговых подстанций оценивается согласно ГОСТ 34062-2017 или Правилам технической эксплуатации электроустановок потребителей¹. Коэффициент $\frac{\text{КЛ}_n}{\text{КЛ}}$ рассматривается как отношение протяженности кабельных и фидерных линий, находящихся в нормативном состоянии к общей протяженности сетей. Нормативное состояние кабельных линий оценивается согласно Правилам технической эксплуатации электроустановок потребителей². Коэффициент $\frac{\text{КС}_n}{\text{КС}}$ рассматривается как отношение протяженности контактной сети, находящейся в нормативном состоянии к общей протяженности сети. Нормативное состояние контактной сети оценивается согласно СП 98.13330.2018³. При этом, если речь идет о метрополитене, рассматривается отношение протяженности контактного рельса, находящегося в нормативном состоянии к общей его протяженности.

¹ ГОСТ 34062-2017. Межгосударственный стандарт «тяговые подстанции, трансформаторные подстанции и линейные устройства тягового электроснабжения железной дороги». Требования безопасности и методы контроля. Дата введения 2017-11-01.

² Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 13 января 2003 года № 6 «Об утверждении Правил технической эксплуатации электроустановок потребителей».

³ Приказ Минстроя РФ № 735/пр от 20.11.2018 г. «Об утверждении свода правил СП 98.13330.2018 «СНиП 2.05.09-90. Трамвайные и троллейбусные линии».

Техническое состояние оценивается согласно СП 120.13330.2012¹. Если речь об электробусах с ночной, быстрой или ультрабыстрой зарядкой, то оценивается отношение количества зарядных станций, находящихся в нормативном состоянии к общему количеству зарядных станций. Нормативное состояние зарядных станций оценивается согласно ГОСТ Р МЭК 61851-1-2013². При наличии нескольких видов электротранспорта рассматривается каждый в отдельности путем добавления поправочного коэффициента на каждый вид транспорта.

Коэффициент $\frac{КЛ_n}{КЛ} \times \frac{М_n}{М} \times \frac{ТП_n}{ТП}$ состоит из трех частей. Первая часть оценивает то, какая доля трамвайных путей или путей в метрополитене от общей протяженности путей соответствует нормативам. Они оцениваются согласно СП 84.13330.2016³ и СП 120.13330.2012⁶. Вторая часть оценивает состояние мостовых сооружений, а третья – тоннельных сооружений, по которым функционируют системы электротранспорта. Нормативное состояние оценивается согласно ГОСТ Р 57208-2016⁴ и ГОСТ 33178-2014⁵. Если контактной сети, мостовых и тоннельных сооружений нет, значение коэффициента предлагается считать равным 1. При наличии тоннельных и мостовых сооружений для разных видов транспорта, они рассматриваются отдельно.

Коэффициент $\frac{П_n}{П}$ рассматривается как отношение числа парковых сооружений, находящихся в нормативном состоянии к общему количеству парковых сооружений. Нормативное состояние оценивается согласно Правилам технической эксплуатации метрополитенов, трамваев, троллейбусов.

Коэффициент $\frac{ПС_n}{ПС}$ рассматривается как отношение числа подвижного состава, соответствующего нормативному возрасту к общему числу парка подвижного состава. Коэффициент $\frac{ПС_{нп}}{ПС}$ определяется как отношение числа низкопольного подвижного состава, к общему числу парка. Для подвижного состава метрополитена данный параметр приравнивается к 1. Коэффициент $\frac{ТС_n}{ТС_{n-1}}$ вычисляется как отношение числа подвижного состава в рассматриваемый период к предыдущему отчетному периоду. Коэффициент $\frac{ПС_p}{ПС}$ рассматривается как отношение числа корректно выполненных рейсов к общему плановому числу рейсов. Коэффициент $\frac{ПП}{ПП_{n-1}}$ определяется как отношение пассажиропотока в рассматриваемый период к предыдущему отчетному периоду. При наличии нескольких видов электротранспорта, каждый из показателей вычисляется для всех видов отдельно.

Коэффициент $\frac{S_{гэрт}}{S_{сел}}$ рассматривается как отношение площади покрытия селитебных территорий городским электротранспортом к общей площади селитебной территории города. Нормативы по остановочным пунктам представлены в Социальном стандарте транспортного обслуживания. Зона покрытия рассматривается сразу для всех видов электротранспорта.

Таким образом, имеется новый параметр, способный дать всеобъемлющую качественную оценку состояния электротранспорта в городе.

Важно отметить, что если итоговое значение параметра составляет 1, то система или системы электротранспорта в городе отлажены, полностью обновлены и соответствуют всем нормам. Если значение находится в пределах (0,8; 1), то отмечаются незначительные локальные проблемы, не требующие острого внимания. Значения в пределах (0,5; 0,8) требуют более пристального внимания, так как элементы ГЭТ недостаточно обновлены или требуется корректировка трассировки сети. Значения в пределах (0; 0,5) требуют безотлагательной работы с существующими системами электротранспорта, так как они находятся в серьезном упадке: инфраструктура и подвижной состав не обновлены, маршрутная сеть утратила свой первоначальный смысл. Если значения превышают 1,

¹ СП 120.13330.2012. Свод правил. «Метрополитены. Актуализированная редакция СНиП 32-02-2003». Дата введения 2013-01-01.

² ГОСТ Р МЭК 61851-1-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. «Система токопроводящей зарядки электромобилей». Дата введения 2014-09-01.

³ СП 84.13330.2016. «Свод правил. Трамвайные пути. Актуализированная редакция СНиП III-39-76». Дата введения 2017-06-17.

⁴ ГОСТ Р 57208-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. «Тоннели и метрополитены. Правила обследования и устранения дефектов и повреждений при эксплуатации».

⁵ ГОСТ 33178-2014. Межгосударственный стандарт. «Дороги автомобильные общего пользования. Классификация мостов». Дата введения 2015-12-01.

то стоит обратить внимание на закупку дополнительного подвижного состава для удовлетворения растущего спроса или же наоборот – списание устаревшего подвижного состава.

Основным преимуществом данной формулы является её комплексность с точки зрения качественных параметров. Кроме того, данная формула гибкая и может дополняться дополнительными параметрами, в зависимости от потребностей регионов или органов государственной власти. В дополнение к этому, она может служить основой для проведения рейтингования состояния систем в городах с электротранспортом, что внесет элементы здоровой конкуренции и позволит мотивировать города на развитие ГЭТ, подкрепленное материальной или иной формой поддержки со стороны государственной власти.

Конечно, у неё имеются допущения. Например, экономические аспекты не учитываются в данной формуле. В то же время, формула направлена исключительно на качественную оценку ГЭТ. Множество запрашиваемой для формулы информации – специализированная и запрашивать можно только у профильных структур, что занимает длительное время на сбор данных.

Выводы

В рамках данного исследования ставилась задача показать актуальность использования комплексных оценок состояния городского электротранспорта. Существующие оценки рассматривают, как правило, количественную сторону ГЭТ, в частности, экономические аспекты. Качественные показатели существуют независимо друг от друга и не показывают всеобъемлющую оценку. Для решения этой проблемы разработана формула, которая учитывает основные элементы ГЭТ: инфраструктуру, подвижной состав, пассажиропотоки. Комбинируя коэффициенты, получается достаточно точная картина, описывающая состояние инфраструктуры и позволяющая осуществить корректировку государственной или региональной политики в области городского электрического транспорта. Данная формула гибкая, может модернизироваться и дополняться. Несмотря на то, что она требует большого количества узкопрофильных данных от балансодержателей систем ГЭТ, лицо, осуществляющее расчеты, не требует глубоко профильного погружения в тему, что значительно упрощает работу.

Список источников

1. Диваева Э. А. Особенности комплексной оценки функционирования инновационных систем // Современные технологии управления. 2013. № 1 (25). С. 15–17.
2. Асриянц К. Г., Рабаданов Н. М. Методика оценки эффективности деятельности органов муниципального управления в сфере транспорта // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 12 (110). С. 97–104. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-12-97-104.
3. Тактарова С. В. Экономика отрасли: автомобильный транспорт: учебное пособие для обучающихся высших учебных заведений по направлению подготовки 23.03.01 «Технология транспортных процессов» по дисциплине Б1.1.25 «Экономика отрасли»; Министерство образования и науки РФ, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет» (ПГУ). Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. 224 с.
4. Якимов М. Р. Методика оценки эффективности функционирования городского пассажирского транспорта общего пользования в городах: методика // Якимов М.Р., Якунин Н.Н., Якунина Н.В., Неволин Д.Г., Таубкин Г.В.; Рос. акад. транспорта. М., 2021. 20 с.
5. Лерман Е. Б. Современные проблемы оценки экономической эффективности управления городским транспортом в крупном мегаполисе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №. 6. С. 211–214. DOI: 10.23672/x2436-2587-0343-p.
6. Волкова Е. М., Припузов-Невский А. В. Оценка общественных эффектов в проектах развития транспортной инфраструктуры мегаполиса // Логистика и управление цепями поставок. 2019. № 4. С. 39–44.
7. Шаров М. И., Михайлов А. Ю. Оценка надежности функционирования городского общественного транспорта в городах Российской Федерации // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2019. Т. 16. № 3 (67). С. 302–311.
8. Шульженко Т. Г., Жук А. Е. Ценностно-ориентированный подход к оценке качества услуг в логистической системе общественного пассажирского транспорта // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 2. С. 100–109. DOI: 10.51692/1994-3776_2021_2_100.
9. Карасев О. И., Кривцова А. О. Оценка уровня развития транспортного комплекса мегаполисов // Статистика и экономика. 2019. № 1. С. 22–31. DOI: 10.21686/2500-3925-2019-1-22-31.

10. Литвиненко Р. С., Павлов П. П., Аухадеев А. Э. Оценка влияния надежности элементов наземного городского электрического транспорта на его пропускную способность // Надежность и качество сложных систем. 2018. № 2 (22). С. 95-103. DOI: 10.21685/2307-4205-2018-2-13.

References

1. Divaeva E. A. Features of comprehensive assessment of the functioning of innovative systems. *Modern management technologies*. 2013;1(25):15–17. (In Russ.)
2. Asriants K. G., Rabadanov N. M. Methodology for assessing the effectiveness of the activities of municipal management bodies in the field of transport. *Regional problems of economic transformation*. 2019;12(110):97-104. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-12-97-104. (In Russ.)
3. Taktarova S. V. *Industry Economics: Automobile Transport*. Penza: Publishing house of PSU; 2018. 224 p. (In Russ.)
4. Yakimov M. R., Yakunin N. N., Yakunina N. V., Nevolin D. G., Taubkin G. V. Methodology for evaluating the effectiveness of public urban passenger transport in cities: methodology. Moscow; 2021. 20 p. (In Russ.)
5. Lerman E. B. Modern problems of assessing the economic efficiency of public transport management in a large megalopolis. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020;(6):211–214. (In Russ.). DOI: 10.23672/x2436-2587-0343- p.
6. Volkova E. M., Pripuzov-Nevsky A. V. Assessment of social effects in projects for the development of the transport infrastructure of a megalopolis. *Logistics and supply chain management*. 2019;(4):39–44. (In Russ.)
7. Sharov M. I., Mikhailov A. Yu. Assessment of the reliability of urban public transport in the cities of the Russian Federation. *Bulletin of the Siberian State Automobile and Road Academy*. 2019;16(3(67)):302–311. (In Russ.)
8. Shulzhenko T. G., Zhuk A. E. Value-oriented approach to service quality assessment in the logistics system of public passenger transport. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2021;(2):100–109. (In Russ.). DOI: 10.51692/1994-3776_2021_2_100.
9. Karasev O. I., Krivtsova A. O. Assessment of the level of development of the transport complex of megacities. *Statistics and economics*. 2019;(1):22–31. (In Russ.). DOI: 10.21686/2500-3925-2019-1-22-31.
10. Litvinenko R. S., Pavlov P. P., Aukhadееv A. E. Assessment of the influence of reliability of elements of ground-based urban electric transport on its capacity. *Reliability and quality of complex systems*. 2018;2(22):95–103. (In Russ.). DOI: 10.21685/2307-4205-2018-2-13.

Информация об авторе

М. В. Фандюшин – аспирант кафедры регионального управления Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления РАНХиГС.

Information about the author

M. V. Fandyushin – PhD student at the Department of Regional Governance of the Faculty of International Regional Studies and Regional Governance at the Institute of Public Service and Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 14.08.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 14.08.2024; accepted for publication 15.08.2024.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовки статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

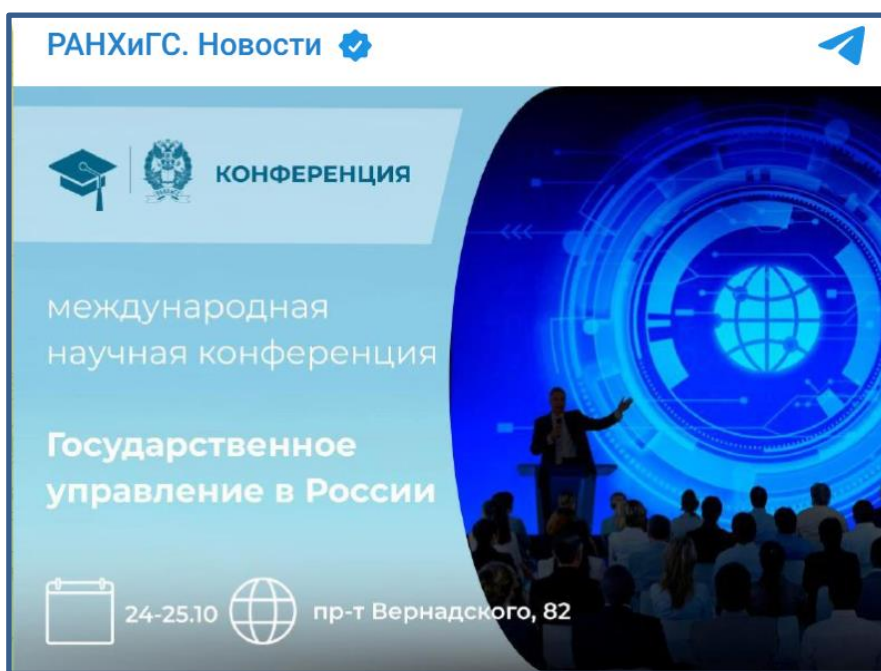
В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 279-41-62; e-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

Научный октябрь:

«Наука для государственного управления в России» – первая международная научная конференция Президентской академии совместно с Санкт-Петербургским Федеральным исследовательским центром РАН

Конференция соберет ведущих российских и зарубежных экспертов в области государственного управления, представителей органов государственной власти, научного сообщества, бизнеса и общественных организаций

• Темы обсуждения

Вопросы государственного управления и перспективы эффективного взаимодействия между экономикой, правом и социальной сферой в условиях современных глобальных вызовов

Программный комитет:

- ✓ Председатель – ректор Президентской академии **Алексей Комиссаров**
- ✓ академик РАН **Абел Аганбегян**
- ✓ академик РАО **Александр Асмолов**
- ✓ проректор по науке Академии **Артур Азаров**
- ✓ директор Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра РАН **Андрей Ронжин**
- ✓ руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН **Николай Межевич** и другие

24-25 октября 2024

московский кампус Президентской академии

Регистрация по ссылке: <https://forms.yandex.ru/u/669e5560eb6146a7c7e9ff8d/>

Внимание! Подать заявку для участия можно до 4 октября
<https://forms.yandex.ru/u/669e5560eb6146a7c7e9ff8d/>

Авторы лучших докладов смогут опубликовать свои статьи в научных изданиях Президентской академии.

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС приглашает вас принять участие в **ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» «СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»** которая состоится **17-18 октября 2024 г.** в городе Ростов-на-Дону

Соорганизаторы

Ферганский государственный университет
(Республика Узбекистан, г. Фергана)

Институт экономики – Карельский научный центр РАН
(Россия, г. Петрозаводск)

Университет социальных наук
(Турция, г. Анкара)

Российский государственный университет народного хозяйства имени В.И. Вернадского
(Россия, г. Балашиха)

Абхазский государственный университет
(Республика Абхазия, г. Сухум)

Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики
(Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Республика Беларусь, г. Минск)

Информационная поддержка:

- ✓ Научный и общественно-теоретический журнал «Государственное и муниципальное управление»;
- ✓ Научно-практический журнал «Северо-Кавказский юридический вестник»;
- ✓ Научный журнал «EUrASEAN: журнал о глобальной социально-экономической динамике».

К участию в конференции приглашаются: научно-педагогические работники, докторанты, аспиранты, магистранты, студенты вузов.

По итогам конференции планируется выпуск сборника статей. Статьи, оформленные по требованиям, предъявляемым к научным журналам, могут быть опубликованы в научных журналах: «Государственное и муниципальное управление» и «Северо-Кавказский юридический вестник».

Регистрация для участия в конференции осуществляется путем заполнения Яндекс Формы <https://forms.yandex.ru/u/6683c6ee068ff015bdb488fd/>

или заполняется заявка отсылается на электронный адрес dolgashova-yo@ranepa.ru

Тезисы (не менее 5 страниц) принимаются в срок до 10 октября 2024 года по электронному адресу: dolgashova-yo@ranepa.ru с пометкой «НА КОНФЕРЕНЦИЮ 17.10.2024».

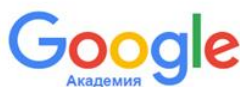
Сайт конференции: <http://social-science-2022.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 3. 2024

Social Science Open Access Repository

Выход в свет 30.09.2024. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 5007-24

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru